А 298/672 = 7 вкл. 8 вкл.
А 266/12

СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА

НА 1873 ГОДЪ.

СБОРНИКЪ

НА 1873 ГОДЪ,

ИЗДАННЫЙ

ОБЩЕСТВОМЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА,

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ ПУБЛИЧНОМЪ

МУЗЕѢ.

подъ редакціею

Г. ФИЛИМОНОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

Печатано по опредѣленію Общества Древне-русскаго искусства.

2007097200

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Изслѣдованія.

	Страницы.
1. Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха Русской Иконописи. **Г. Филимонова** .	3—104.
2. Звенигородъ и его соборный храмъ съ фресками. **Архим. Леонида**	107—116.
3. Историческія свѣдѣнія объ Иконописаніи въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. **Іером. Арсенія.**	119—133.
4. Миніатюры Ватиканской Библейской рукописи. **В. Н. Виноградскаго**	137—150.
5. Государевы пѣвчіе дьяки XVII вѣка. **Д. В. Разумовскаго**	153—181.

II. Матеріалы.

1. Иконописный Подлинникъ Новгородской редакціи, по Софійскому списку, XVI вѣка . .	1—39.
2. Переписная книга Московскаго Благовѣщенскаго собора, XVII вѣка.	1—49.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

СИМОНЪ УШАКОВЪ

И

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ЭПОХА

РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

СТАТЬЯ Г. ФИЛИМОНОВА.

СИМОНЪ УШАКОВЪ

И

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ЭПОХА РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

Жизнеописанія мастеровъ древней Россіи, съ оцѣнкой, по возможности, ихъ произведеній, принадлежа къ существеннымъ задачамъ отечественной археологіи, входятъ непосредственно въ кругъ занятій Общества Древне-русскаго искусства.

Такъ какъ иконопись въ Россіи занимала самое почетное мѣсто въ ряду искусствъ, а Симонъ Ушаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ ея представителей; то мы и считаемъ приличнымъ на первый разъ предложить обозрѣніе дѣятельности этого художника.

Матеріалами намъ будутъ служить: съ одной стороны, акты архива Московской Оружейной Палаты; съ другой, сохранившіяся и помѣченныя рукою мастера произведенія.

Нелишнимъ считаемъ сказать здѣсь же два слова, по поводу значенія, которое въ глазахъ нашихъ имѣетъ древне-русское искусство; такъ какъ объ этомъ предметѣ не установились еще окончательныя убѣжденія. Если странно возводить произведенія русскаго церковнаго искусства до степени художественныхъ, то еще несправедливѣе низводить ихъ на крайнюю степень ремесленныхъ. Избравъ средній путь, мы должны будемъ видѣть въ нихъ художественно-ремесленныя произведенія, а самое искусство, какова, напримѣръ, наша иконопись, признать художественнымъ ремесломъ, или промышленнымъ искусствомъ, какъ и всякое искусство, не высвободившееся изъ служенія церкви и не возвысившееся до степени чисто свободнаго творчества. И такъ, по нашему мнѣнію, иконопись есть искусство церкви, и потому она не чисто свободное искусство; иконописцы—художники церкви, и потому, не свободные художники.

Полагая въ основу нашей задачи подобнаго рода воззрѣніе, мы не думаемъ тѣмъ унизить значеніе предмета нашихъ занятій и отнимать у другихъ охоту имъ заниматься. Дѣло говоритъ само за себя, и нѣтъ никакой нужды пускаться въ преувеличенную оцѣнку его значенія. Всякій мыслящій, образованный человѣкъ долженъ понимать и цѣнить всю важность историческаго изученія, какъ умственной, такъ и художественной дѣятельности народа. Какова бы ни была та и другая дѣятельность, все же она выражаетъ внутреннюю жизнь, и именно, ту самую жизнь, безъ изученія которой немыслима полная исторія государства. Отрицать важность изученія древне-русской литературы или древне-русскаго искусства, въ наше время, было бы въ равной мѣрѣ странно, какъ и отрицать пользу исторической науки вообще. Если послѣдняя необходима для точнѣйшаго уясненія современности, необходима для самопознанія; то нельзя сомнѣваться въ важности историческаго изученія, не только литературной, но и художественной дѣятельности. Вопросъ о существованіи той и другой дѣятельности въ извѣстномъ народѣ представляется намъ до такой степени важнымъ, что имъ, по нашему разумѣнію, обусловливается понятіе о нравственной жизни народа. Непризнающіе вовсе художественнаго движенія въ древней Россіи осуждаютъ ее, сами того не зная, на нравственную смерть. Иной вопросъ

въ недостаткѣ матеріаловъ, или, вѣрнѣе, въ незнакомствѣ съ ними и въ ихъ неразработанности. Но такіе недочеты вовсе не обязываютъ брать на вѣру преждевременные и отрицательные выводы; напротивъ того, они призываютъ къ осторожности, осмотрительности. Обнародованіе матеріаловъ является насущною потребностью, которой удовлетворить постараемся и мы, по силѣ возможности.

1648—1664.

Ушаковъ на службѣ въ серебряномъ приказѣ.

Мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній о жизни Симона Ушакова до поступленія его на службу. Даже извѣстіемъ о самомъ годѣ его рожденія мы обязаны единственно лишь случайному указанію покойнаго Тромонина, отмѣтившаго надпись на одной иконѣ Ушакова. Неизвѣстно, гдѣ теперь находится эта икона; но она была въ московской церкви Грузинской Божіей Матери, что въ Китаѣ городѣ, и надпись на ней гласила слѣдующее: „лѣта 7166 году писалъ государевъ иконникъ, Симонъ Ѳедоровъ, сынъ Ушаковъ, 32 лѣтъ возраста своего.“ Отсюда узнаемъ мы, что Пименъ, или, какъ онъ называлъ себя обыкновенно, Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ, родился въ 1626 году. Полагаемъ, что онъ происходилъ изъ посадскихъ людей, и имѣемъ полное основаніе думать, что молодость его проведена съ большимъ толкомъ и пользою для развитія. Одаренный отъ природы нерядовыми способностями, онъ долженъ былъ много трудиться для того, чтобы, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, получить мѣсто среди царскихъ мастеровъ и въ продолженіи около сорока лѣтъ съ честью занимать его. Онъ не походилъ на своихъ товарищей, которые, помимо спеціальности въ извѣстномъ родѣ своего искусства, немного хлопотали о познаніяхъ, даже о грамотности. Выступая очень рано, по тогдашнимъ понятіямъ, на служебное поприще искусству, онъ приносилъ весь необходимый запасъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, который пріобрѣтался обыкновенно лишь долгимъ путемъ изученія и опыта. Общій уровень образованія въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, былъ не слишкомъ-то высокъ; тѣмъ не менѣе, отъ хорошаго иконописца, или, какъ его называли, отъ мастера добраго, требовалось довольно всякаго рода премудрости, особенно изъ книгъ священнаго писанія, житій святыхъ, хронографовъ и проч. Удовлетворить этимъ требованіямъ, при отсутствіи правильныхъ школъ и порядочныхъ учебниковъ, значило собирать запасъ по крохамъ. По понятіямъ объ иконописи того времени, въ искусствѣ допускалось, какъ извѣстно, раздѣленіе труда, такъ что одинъ мастеръ дѣлалъ рисунокъ, другой, иногда довольно хорошій, писалъ въ иконѣ лица, третій—доличное; каждый изъ нихъ имѣлъ учениковъ только по роду своей спеціальности. При такихъ убогихъ средствахъ и ремесленныхъ понятіяхъ трудно было добиться до здравыхъ понятій объ искусствѣ. Симонъ Ушаковъ съ перваго раза сталъ во всѣхъ отношеніяхъ выше своихъ товарищей—иконописцевъ. Хотя мы должны, къ несчастію, ограничиваться по недостатку другаго матеріала, почти исключительно оффиціальными актами, для исторической характеристики этой почтенной личности, свѣдѣніями изъ поданныхъ имъ челобитныхъ, изъ выписокъ изъ дѣлъ и проч.; однако и изъ этихъ источниковъ вынаруживается довольно. Его, относительно высокая степень развитія проявится намъ и въ глубокомъ сознаніи важности задачи, вынудившемъ его, между прочимъ, овладѣть вполнѣ всѣми частями иконописнаго производства, и въ самомъ складѣ его рукою, красиво и четко, писанныхъ актовъ, изобличающихъ строго-логическій умъ и прямую, чистую душу ихъ автора; его, окрѣпнувшая въ постоянныхъ, сознательныхъ трудахъ, трезвая дѣятельность выкажется въ исполненіи тѣхъ разносторонникъ порученій, которыя возлагались на него, то по изготовленію иконъ, рисунковъ, чертежей, то по надзору за иконописными работами, то по приготовленію учениковъ, то по освидѣтельствованію работъ и матеріаловъ и проч., наконецъ въ тѣхъ многочисленныхъ, случайно дошедшихъ до насъ и вовсе не упоминаемыхъ въ письменныхъ актахъ, произведеніяхъ его кисти, которыя всего болѣе упрочили за Симономъ Ушаковымъ почетное мѣсто между иконописцами XVII вѣка.

До сихъ поръ думали, и, надо сознаться, крайне неосновательно, что Ушаковъ вступилъ въ службу, въ число царскихъ мастеровъ, въ 1660 году. Ложное мнѣніе это основалось на слишкомъ спѣшномъ выводѣ изъ собранныхъ П. Е. Забѣлинымъ Матеріаловъ для исторіи русской иконописи *. Симонъ Ушаковъ, дѣйствительно, въ этихъ матеріалахъ, въ первый разъ является въ спискѣ московскихъ жалованныхъ иконописцевъ въ 7168 или въ 1660 году; но отсюда не слѣдовало дѣлать заключенія, что онъ не былъ въ числѣ этихъ иконописцевъ прежде, какъ бы полны ни были собранные матеріалы. На дѣлѣ оказывается впрочемъ, что матеріалы для исторіи русской иконописи далеко не исчерпаны изъ архива Московской Оружейной Палаты. На основаніи этихъ-то неизданныхъ матеріаловъ, мы имѣемъ возможность возстановить истину и утверждать положительно, что нашъ иконописецъ вступилъ въ царскую службу 4 мая 1648 года, то-есть 22 лѣтъ отъ роду. Ссылаемся въ этомъ случаѣ, вопервыхъ, на челобитную его 1674 года, въ которой онъ упоминаетъ уже о своей двадцатисеми—лѣтней службѣ; затѣмъ на другую, 1660 года, въ которой онъ называетъ 1648 годъ годомъ вступленія своего въ службу. Наконецъ, намъ удалось отыскать даже самый актъ объ опредѣленіи его въ жалованные иконописцы, вслѣдствіе поданной имъ, 13 апрѣля 1648 года, о поверстаніи его жалованьемъ, просьбы.

Мы не можемъ обойти нѣкоторыхъ подробностей этого акта, такъ какъ онѣ, съ одной стороны характеризуютъ наши канцелярскіе порядки XVII вѣка, съ другой служатъ немаловажными матеріалами для исторіи иконописи. Слѣдуетъ замѣтить, что актъ, нами разсматриваемый, также какъ и всѣ другіе, о которыхъ будетъ рѣчь, въ подлинникѣ представляли нѣкогда видъ столбцовъ, нынѣ расклеенныхъ.

Дѣло начинается тѣмъ, что подаетъ прошеніе, о назначеніи жалованья, взятый 17 марта, отъ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго, иконописецъ Яковъ Тихоновъ Рудаковъ. На оборотѣ прошенія помѣта къ выпискѣ 4 мая. Слѣдуетъ другое прошеніе, о томъ же предметѣ, Симона Ушакова, которое помѣчено къ выпискѣ 13 апрѣля того же 7156 года. Наконецъ, выписка примѣрнаго жалованья, общая для обоихъ. По существовавшей склейкѣ прошеній и по выпискѣ, съ лицевой стороны, скрѣпа съ помѣтою 10 мая, царскаго указа, состоявшагося по этому дѣлу и приказа Оружейничаго Григ. Гавр. Пушкина. Въ концѣ еще приложенъ черновой отпускъ въ приказъ Большаго Дворца, 5 августа. Чтобы уяснить себѣ сколько-нибудь всю эту путаницу, надо, кажется, предположить, что прошеніе Ушакова, хотя было подано и ранѣе, но должно было залежаться въ Окружейномъ Приказѣ, въ ожиданіи другаго, повидимому, старшаго иконописца, о которомъ уже завязалась перешиска, и когда тотъ подалъ прошеніе, тогда къ нему присоединили Ушаковское и представили дѣло къ докладу, какъ слѣдуетъ.

Какъ бы то ни было, но изъ этого акта мы получаемъ нѣсколько весьма важныхъ свѣдѣній объ иконописи. Вопервыхъ, въ выпискѣ указывается на то, что до Ушакова уже были жалованные иконописцы, состоявшіе при Оружейномъ Приказѣ, какъ и въ послѣдствіи; затѣмъ, лучшій изъ иконописцевъ, непосредственно предшествовавшихъ по службѣ Ушакову, какъ видно изъ его оклада, былъ Иванъ Папсеинъ, послѣ него, Маркъ Матвѣевъ, Баженъ Савинъ и наконецъ, Борисъ Папсеинъ и Сидоръ Поспѣевъ; всѣ, какъ извѣстно, изъ изданныхъ матеріаловъ, пожалованные за Успенское письмо 1644 года, и всѣ, до вступленія Ушакова, кромѣ послѣдняго, Сидора Поспѣева, померли; а мѣста ихъ не были заняты, потому и вербовались новые, и въ числѣ ихъ нашъ Симонъ Ушаковъ. Вовторыхъ, Ушакову на первый разъ положено жалованье въ самомъ меньшемъ размѣрѣ, противъ иконописца Бажена Савина; тогда какъ опредѣленному въ одно съ нимъ время, Якову Рудакову, дано оно по высшему окладу, противъ Ивана Папсеина. Надо предполагать, что Рудаковъ превосходилъ искусствомъ самого Симона, но вѣроятно, и былъ за то старше его лѣтами. Свѣдѣній о немъ дальнѣйшихъ нами еще не отыскано. Въ тѣхъ же актахъ опредѣленія, и именно, въ поданномъ имъ прошеніи упоминаются писанныя имъ, въ промежуткѣ времени, отъ поступленія его въ мастера, до выдачи жалованья, слѣдующія иконы: Алексія, человѣка Божія, и Маріи египетской, и моленіи Богоматери, образъ Казанской Богородицы. Онъ происходилъ, повидимому, изъ крестьянъ кн. Черкасскаго, также какъ и знаменитый Никита Павловецъ, принадлежавшій Якову Куденетовичу Черкасскому.

---

* Временникъ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. VII книга, Москва, 1850 года.

Изъ прошенія Симона Ушакова, къ сожалѣнію, не видно, откуда взятъ онъ, откуда родомъ; вѣроятно, изъ вольныхъ людей. Онъ не исчисляетъ даже, на этотъ разъ, подробно своихъ работъ, а говоритъ только въ общихъ чертахъ, что онъ работаетъ безпрестанно у царскаго дѣла. Жалованья ему назначено: денежнаго оклада—всего 10 р., хлѣба, ржи и овса—по 15 четвертей. Но, какъ увидимъ, оно вскорѣ увеличилось и дошло до цифры, весьма значительной по тогдашнимъ понятіямъ.

Хотя изъ дѣла объ опредѣленіи Ушакова и видно, что онъ былъ принятъ въ царскіе жалованные иконописцы, состоявшіе при Оружейной Палатѣ и въ вѣдѣніи Оружейнаго Приказа; но, по другимъ документамъ, какъ современнымъ его опредѣленію, такъ и позднѣйшимъ, онъ находился на службѣ въ особомъ учрежденіи, въ Серебряной Палатѣ, и работалъ здѣсь съ 1648 года по 1664 г., т. е. съ года вступленія своего на службу, какъ нами показано выше, и четыре года спустя послѣ того, какъ мы находимъ его въ царскихъ жалованныхъ мастерахъ, по изданнымъ для исторіи иконописи матеріаламъ. Ясно, что, бывши царкимъ жалованнымъ иконописцемъ, онъ состоялъ на службѣ въ одномъ учрежденіи и занимался, кромѣ того, въ другомъ. Имя его ускользало отъ нашихъ изслѣдователей; потому что оно не находилось въ общихъ спискахъ жалованныхъ иконописцевъ Оружейной Палаты. Его нѣтъ здѣсь, даже въ 1650 году, въ томъ спискѣ, гдѣ исчислены его товарищи по службѣ, Яковъ Казанецъ, Степанъ Резанецъ и Сидоръ Поспѣевъ.

Главное занятіе Ушакова на службѣ въ Серебряной Палатѣ составляло—знаменить, рисовать, сочинять рисунки для разнаго рода предметовъ церковной утвари, преимущественно же для металлическихъ издѣлій, золотыхъ, серебряныхъ и эмалевыхъ. Онъ долженъ былъ знаменить святыхъ образа на сосудахъ церковныхъ и на дробницахъ, по собственному его выраженію въ одной челобитной. Такимъ образомъ, онъ не былъ здѣсь собственно иконописцемъ, но знаменщикомъ, или рисовальщикомъ. Такъ называли его обыкновенно и въ оффиціальныхъ актахъ этого времени, хотя иногда встрѣчается тутъ же и имя иконописца—золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ знаменщикъ и иконописецъ. Памятниковъ съ прямымъ указаніемъ его дѣятельности въ этомъ родѣ, какъ рисовальщика, мы пока еще не можемъ указать; но мы вполнѣ убѣждены, что ихъ не мало дошло до нашего времени въ различныхъ изящныхъ произведеніяхъ церковной утвари второй половины XVII вѣка, преимущественно же въ предметахъ Патріаршей ризницы и ризницъ нашихъ московскихъ соборовъ. Чтобы оцѣнить степень важности возложенныхъ на Симона въ этомъ дѣлѣ обязанностей, слѣдуетъ стать на точку зрѣнія понятій того времени и не прикладывать къ нимъ современныхъ мѣрокъ. Далеко не всякій иконописецъ XVII вѣка могъ справиться съ этой и для нашего времени не совсѣмъ легкою задачею, если смотрѣть на нее серьезно; въ то же время, какъ извѣстно, большая часть иконописцевъ пробавлялась, даже для своихъ иконъ, готовыми рисунками, снимая ихъ съ другихъ иконъ, или переводя на доску съ образцовъ и сколковъ, сдѣланныхъ на бумагѣ. Только спеціалисты умѣли составлять рисунки, сочинять, знаменить собою. Для выполненія задачъ, лежавшихъ на Ушаковѣ, требовалось, прежде всего, знаніе рисунка, затѣмъ: извѣстная степень вкуса и даже самостоятельное творчество,—все это, разумѣется, въ предѣлахъ понятій того времени. Значеніе рисунка въ металлическихъ издѣліяхъ то же, что въ архитектурныхъ памятникахъ. Рисунокъ составляетъ здѣсь душу произведенія, исполненіе—его тѣло. Чтобы дать рельефъ фигурамъ и травамъ въ рисункѣ, понятно, надо было, какъ и теперь это дѣлается, забирать его тѣнями, тушевать, и черезъ то приходить въ соприкосновеніе съ лѣпкой, и даже съ самой натурой, дѣлать съ живства, какъ тогда выражались. Всѣ эти, теперь каждому ребенку извѣстныя, истины вовсе не были такъ популярны между иконописцами XVII вѣка, у которыхъ на иконахъ фигуры и травы были лишены рельефа и воздуха, и скорѣе походили на какіе-то силуэты, чѣмъ на изображенія съ природы. О картонахъ не было и рѣчи. Ихъ замѣняли рисунки очеркомъ, съ прокладкою, тамъ и сямъ, вмѣсто тѣней, какими-то пятнами изъ киновари.

На плоскихъ металлическихъ, черневыхъ и финифтяныхъ, издѣліяхъ надо было, при изображеніи фигуръ, отдѣлывать ихъ штрихами и приводить вообще рисунокъ въ такой видъ, чтобы рѣщику, черневщику или финифтчику не оставалось ничего болѣе, какъ скопировать готовое. Все это весьма просто дѣлается въ настоящее время, когда промышленныя искусства пользуются популярностью, когда много спеціально приготовленныхъ для того мастеровъ разнаго рода; но въ XVII вѣкѣ, когда ихъ не было, это дѣлалось совсѣмъ не такъ легко. И если средства иконописнаго искусства были слабы,

не богаты; то что же можно думать о степени развитія ремесленниковъ металлическихъ издѣлій. Правда въ это время у насъ было достаточно иностранныхъ мастеровъ, но они должны были работать, большею частію, по рисункамъ русскихъ знаменщиковъ, насколько можно судить о томъ по характеру сохранившихся памятниковъ,—хотя въ свою очередь и первые имѣли, несомнѣнно, обратное вліяніе на русскихъ мастеровъ, а черезъ то и на стиль русскаго художественнаго ремесла.

Какъ бы то ни было, но мы должны допустить, что пребываніе Симона Ушакова въ Серебряной Палатѣ, съ одной стороны, имѣло рѣшительное вліяніе на его развитіе, съ другой, на характеръ промышленныхъ искусствъ того времени. Мы не можемъ обойти здѣсь, напримѣръ, того извѣстнаго факта, что онъ приготовлялъ рисунки для гравюръ, а дѣло это вполнѣ совпадаетъ съ его занятіями по приготовленію рисунковъ для рѣзныхъ и черневыхъ металлическихъ издѣлій. Для такой личности, каковъ былъ Симонъ Ушаковъ, энергичный, трудолюбивый, время пребыванія его въ мастерахъ рисовальщикахъ не могло пройти безслѣдно. Онъ долженъ былъ здѣсь, среди большой и разнообразной практики, среди болѣе свободныхъ отношеній къ искусству, не безъ вліянія со стороны иноземныхъ образцовъ и мастеровъ, развиться до тѣхъ здравыхъ понятій объ иконописи, которыя только возможны были для иконописца XVII вѣка и которыя, какъ увидимъ, онъ передалъ своей школѣ.

Въ Серебряной Палатѣ Ушаковъ былъ главнымъ мастеромъ по части рисованья, въ знаменномъ дѣлѣ, а туда, по самому значенію дѣла, принимались только лучшіе изъ мастеровъ. Дѣятельность его здѣсь, судя по сохранившимся извѣстіямъ, была громадная. Царь Алексѣй Михайловичъ отличался своимъ благочестіемъ, а въ связи съ нимъ, и любовію къ украшенію храмовъ. Въ числѣ металлическихъ издѣлій этого времени мы встрѣчаемъ: чеканныя раки для мощей, священные сосуды, дарохранительницы, кадила, оклады на иконахъ и священныхъ книгахъ, кресты, панагіи, митры и дробницы на разнаго рода облаченіяхъ. Многое изъ утвари украшалось чеканкой, рѣзьбою, чернью и по рель ефу финифтью. Для такаго рода предметовъ онъ приготовлялъ рисунки и былъ занятъ, какъ онъ выражается, безпрестанно въ Палатѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Но дѣятельность его, во время службы въ Серебряной Палатѣ, не ограничивалась работами для одного этого учрежденія. Онъ работалъ и въ Оружейномъ Приказѣ, точно такъ же, какъ и въ бытность свою, въ послѣдствіи, здѣсь на службѣ, онъ успѣвалъ, по временамъ, исполнять заказы, въ мѣстѣ прежняго своего служенія. Помимо исполненія прямой его обязанности рисовальщика, его брали къ иконописнымъ и чертежнымъ дѣламъ для государя, царицы и патріарха. Въ расходной книгѣ Царицыной Мастерской Палаты 7157 (1649) г. мы находимъ слѣдующія извѣстія по случаю выдачи поденнаго корму Серебряной Палаты знаменщику Симону Ушакову. Дек. 11 онъ получилъ 11 алтынъ. А знаменилъ онъ, на покровѣ, подъ шитье, Спасовъ Нерукотворенный Образъ, да на покровѣ жь, Никола Чудотворца образъ. Апр. 27, дано ему 29 алтынъ, за 29 дней. А знаменилъ подъ шитье покровъ Алексѣя митрополита да на куколи Денсусъ, да поверхъ Денсуса Херувимы, да пелену Рождества Пречистыя Богородицы съ дѣйствы, по камкѣ подъ шитье жь, да цвѣтилъ съ тое пелены красками листъ, да воздухъ по камкѣ знаменилъ. Мая 22, ему же 3 алтына. А знаменилъ покровцы и воздухъ и Спасовъ образъ на патріаршескій санъ, подъ шитье. Іюня 8 опять на 3 дни. А знаменилъ на амфоръ по бумагѣ образцы да Рождества Пречистыя Богородицы дѣйство по бумагѣ и цвѣтилъ краски. Августа 11, 7 алтынъ. А знаменилъ онъ подъ шитье по камкѣ образъ преподобнаго Савы Чудотворца Сторожевскаго, съ чудесы. Онъ писалъ образа, фрески, знамена; чертилъ карты, планы и рисунки для знаменъ, монетъ и украшеній на ружья, рисовалъ на бумагѣ картины, словомъ, будучи знаменщикомъ иконописцемъ, онъ исполнялъ всякаго рода знаменныя и иконописныя дѣла, какъ мы увидимъ это въ подробности, перечисляя, въ хронологическомъ порядкѣ, дошедшія до насъ извѣстія о работахъ его. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что Симонъ Ушаковъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ, трудолюбивыхъ, честныхъ, знающихъ и мыслящихъ иконописцевъ XVII вѣка. Поэтому-то и поручались его непосредственному надзору всѣ работы, происходившія въ то время въ Москвѣ, и, сколько нибудь, относившіяся къ иконописному или живописному дѣлу.

Приступая къ обозрѣнію извѣстій о дѣятельности Ушакова въ хронологическомъ порядкѣ, мы нелишнимъ считаемъ замѣтить, что извѣстія эти дошли до насъ далеко не всѣ, что сохранившіяся

представляютъ отрывки канцелярскихъ справокъ, челобитныхъ, случайное появленіе которыхъ обусловливалось, или просьбою о прибавкѣ жалованья, или выдачею кормовыхъ денегъ. Мы не можемъ даже ручаться, что отъ нашего вниманія не укрылся какой нибудь изъ документовъ, среди того хаоса, въ которомъ дѣла эти находились, когда мы ими пользовались, и въ которомъ они отчасти и теперь еще находятся. Множество дѣлъ погибло безвозвратно среди пожаровъ и во время нашествія непріятеля, въ 1812 году. Несмотря на все это, запасу собрано и нами довольно, для того, чтобы составить о Симонѣ нѣсколько лучшее и болѣе ясное понятіе, чѣмъ каково оно было до сихъ поръ. Для первыхъ лѣтъ его дѣятельности на службѣ извѣстій дошло менѣе, чѣмъ для послѣдующихъ, вѣроятно, отчасти потому, что она посвящена была болѣе работамъ въ Серебряной Палатѣ. За отсутствіемъ занятій въ Оружейномъ Приказѣ, не было, быть можетъ, подано челобитныхъ о выдачѣ дополнительныхъ кормовыхъ денегъ, стало быть, не понадобились и справки; лишними, затѣмъ, оказались и свѣдѣнія о дѣятельности за это время. Но тамъ и сямъ встрѣчающееся въ челобитныхъ послѣдующихъ годовъ слово внезапно бросаетъ свѣтъ на темныя предшествующіе года. Такъ узнаемъ мы случайно изъ челобитной Ушакова, 1660 года, о дополнительномъ кормѣ, состоявшемъ изъ двухъ алтынъ на день, которые получалъ онъ изъ Оружейнаго Приказа, съ самаго года вступленія своего въ Серебряный Приказъ, за то, что сверхъ его прямой обязанности „въ Палатѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ знаменить святыхъ образы на сосудахъ церковныхъ и на дробницахъ, ему тогда же стали давать другія государевы дѣла, иконописныя и знаменныя“, которыхъ мы, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ указаній, назвать не можемъ. Наконецъ, изъ того же акта узнаемъ мы, что Ушаковъ въ 1655 году былъ въ Смоленскѣ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ отличнымъ иконописцемъ, Степаномъ Резанцемъ, получалъ кормовыхъ денегъ по гривнѣ на день. За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ дѣлалъ въ этомъ Смоленскомъ, за государемъ, походѣ, позволимъ себѣ догадку, что онъ былъ взятъ туда, съ одной стороны, какъ рисовальщикъ, для исполненія чертежныхъ работъ, съемки плановъ и т. п.; съ другой, какъ иконописецъ, для письма иконъ и знаменъ. Намъ извѣстны двѣ царскія грамоты, съ требованіемъ иконописцевъ въ этотъ походъ; обѣ онѣ 1656 года, писаны, 19 іюня, въ Смоленскѣ и 11 іюля, въ царскомъ стану, въ Полоцкѣ; первою требовалась немедленная высылка двухъ иконописцевъ добрыхъ, безъ обозначенія ихъ именъ; второю указывались прямо имена самыхъ лучшихъ четырехъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Симонъ Ѳедоровъ, Ѳедоръ Козловъ, Иванъ Матвѣевъ и Иванъ Владиміровъ. Иконописцы должны были брать съ собою матеріалы, или иконный заводъ.

Несмотря на царскій указъ, Симонъ остался на этотъ разъ въ Москвѣ. Его задержалъ патріархъ Никонъ, еще въ полной силѣ въ то время. Въ отпискѣ на царскую грамоту, которая дошла только въ чернѣ, сказано: „а иконника Симона Ѳедорова оставилъ въ Москвѣ великій государь, святѣйшій Никонъ, патріархъ Московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, для своихъ государевыхъ святительскихъ дѣлъ“. Такимъ оффиціальнымъ отвѣтомъ, вѣроятно, вполнѣ удовлетворились; но едвали только для патріаршихъ дѣлъ былъ оставленъ Симонъ. Скорѣе надо положить, кажется, что походная жизнь ему, какъ уже семейному человѣку и домовитому не пришлась понутру; она не приносила вѣроятно и тѣхъ выгодъ, которыя доставляла ему Москва, гдѣ онъ все болѣе и болѣе входилъ въ славу, запасался заказами. Что онъ дѣлалъ у патріарха, тоже не указано. Но къ этому времени, какъ разъ, относится одно изъ замѣчательнѣйшихъ по рисунку произведеній золотыхъ дѣлъ мастерства, которое едва ли могло быть исполнено безъ содѣйствія Симона Ушакова. Мы разумѣемъ патріаршую митру, извѣстную подъ именемъ большой короны. Рисунки финифтяныхъ изображеній, украшающихъ этотъ капитальный памятникъ, особенно верхнихъ, болѣе крупныхъ, вполнѣ напоминаетъ манеру Симона Ушакова и не могли быть сдѣланы ни однимъ иностранцемъ, не говоримъ уже о русскихъ художникахъ того времени.

Въ позднѣйшемъ актѣ объ этомъ пребываніи Ушакова на работѣ у патріарха отмѣчена справка: „знаменщику иконописцу Симону Ушакову, какъ онъ Симонъ, напередъ сего, былъ у патріаршихъ иконописныхъ, домовыхъ дѣлъ, давано ему, Симону, поденнаго денежнаго корму, по гривнѣ на день, да его же кормили и поили за столомъ, да сверхъ того, корму давано отъ патріарха подачи добрыя.“ Этимъ и ограничивается все извѣстіе.

Въ 1657 году царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ у себя великаго государя вверху, комнату

написать вновь стѣнным письмомъ, а у того стѣнаго письма великаго государя указомъ указалъ быть иконникомъ стряпчей съ ключомъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Полтевъ, Приказу Серебряныя Палаты знаменщику и иконописцу Симону Ушакову, да Оружейныя Палаты жалованнымъ иконописцамъ Степану Резанцу, Ѳедору Козлову, а поденный кормъ велѣно имъ иконописцамъ давать, противъ прежняго государева указу, по 2 алтына человѣку на день, какъ они бывали, напередъ сего, у его государевыхъ иконописныхъ дѣлъ и у знаменъ, до мороваго повѣтрія" и т. д. Въ той же работѣ принимали участіе и кормовые иконописцы: Иванъ Филатовъ, Иванъ Владиміровъ и другіе. Она была кончена, повидимому, въ 1660 году; по крайней мѣрѣ упоминается о компатномъ письмѣ у государя въ челобитной за этотъ годъ, и въ томъ же году иконописцы получили царскаго жалованья, сукна на платье, Симонъ Ушаковъ — сукно доброе и тафту. Кромѣ того, онъ получалъ за работы, исполненныя, сверхъ обязанности знаменщика Серебряной Палаты, добавочныя кормовыя деньги съ 1657 года по 1660 включительно, какъ видно изъ документовъ; значитъ, онъ производилъ эти работы.

Въ 1659 году, Золотой и Серебряной Палаты знаменщикъ, Симонъ Ушаковъ, подалъ царю челобитную о томъ, что взятъ онъ въ государеву Золотую и Серебряную Палату въ знаменщики, для государевыхъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, знаменить на сосудахъ и на дробницахъ, и служитъ онъ государю безпрестанно, а окладу ему идетъ—денежнаго жалованья 20 р., а хлѣбнаго, ржи и овса, 32 четверти, а емлютъ его, по государеву указу, и къ инымъ дѣламъ государевымъ, къ иконописнымъ и для чертежныхъ дѣлъ, и государыни царицы въ Мастерскую Палату емлютъ знаменить пелены и утвари, ради чего и проситъ онъ о прибавкѣ жалованья. Ему прибавлено 5 р. къ денежному окладу, 20 четвертей къ хлѣбному, и по двѣ деньги къ шести деньгамъ на день кормоваго денежнаго. Для насъ имѣютъ значенія самыя свѣдѣнія о жалованьѣ иконописца. Въ древности относились къ этому дѣлу серьезнѣе, практичнѣе, чѣмъ въ наше время; требовались не личныя услуги, вознаграждалась одна только работа, которая и приводилась въ цѣну. Изъ приведенной тотчасъ челобитной видно, что окладъ жалованья Ушакова, со времени вступленія на службу, уже былъ увеличенъ, хотя другаго документа объ этомъ и не сохранилось, кромѣ сдѣланнаго на то указанія въ челобитной иконописца Ѳедора Козлова, просившаго объ увеличеніи его оклада, сравнительно съ Симоновымъ, въ 1653 году уже стоявшимъ на степени оклада, упоминаемаго въ челобитной 1659 года; въ этомъ году послѣдовало вновь увеличеніе жалованья. Кромѣ того, съ этого же года, по дошедшимъ извѣстіямъ, онъ сталъ получать, помимо кормовыхъ денегъ, кормъ натурою, съ дворцовъ. Безъ сомнѣнія эти и подобныя имъ другія награды, о которыхъ не дошли до насъ извѣстія, давались не даромъ въ то время. Они шли за большія работы. Изъ расходной книги Оружейной Палаты 7167 (1659) года узнаемъ, что 30 сентября иконникъ Симонъ Ушаковъ вмѣстѣ съ товарищами получилъ кормовыхъ денегъ сентября съ 1-го по 27 по 2 алтына на день, 19-го октября въ томъ же размѣрѣ получилъ съ другими 14-тью иконниками, съ 27 сент. по 10 алт.

Сильно занятый исполненіемъ казенныхъ дѣлъ, Ушаковъ находилъ, однако, время и для себя и для частныхъ работъ. Онъ писалъ, безъ сомнѣнія, уже и до того времени иконы, но первая, которая дошла до насъ съ лѣтописью, относится къ 1657 году. Она находится надъ аркою въ трапезѣ главной церкви Грузинской Божіей Матери, писана на осьми-угольной доскѣ и представляетъ погрудное изображеніе, въ натуральную величину, Великаго Архіерея, т.-е. Іисуса Христа, въ видѣ вѣчнаго архіерея, по чину Мельхиседекову. Внизу ея сдѣлана надпись, по видимому, не рукой Ушакова: „Написана царскимъ мастеромъ, Симономъ Ушаковымъ, въ 7165 лѣто, въ царство царя Алексѣя Михайловича". Судя по размѣрамъ и по сюжету, икона эта должна бы была входить въ составъ клеймъ главнаго иконостаса, писанныхъ несомнѣнно рукою Ушакова и изображающихъ святителей вселенской церкви. Она должна бы служить, въ ряду этихъ клеймъ, главнѣйшимъ, среднимъ звѣномъ, несмотря на то, что клейма не осьми-угольныя, но круглыя. Но разница въ письмѣ иконы Спасителя съ клеймами на столько значительна, что мы не рѣшаемся относить ихъ къ одному и тому же періоду дѣятельности Ушакова. Въ иконѣ Спасителя преобладаетъ еще вполнѣ иконописный характеръ, тогда какъ въ клеймахъ отцовъ церкви есть живопись, пробивается индивидуальность, какъ мы то увидимъ, при оцѣнкѣ этихъ иконъ, въ своемъ мѣстѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что икона Великаго Архіерея потерпѣла значительную реставрацію, при чемъ легко могла утратить первоначальный характеръ.

Къ слѣдующему затѣмъ, 1658 году, относится другая икона той же Грузинской церкви, нынѣ помѣщающаяся надъ дверью, ведущей изъ Никольскаго придѣла въ главную церковь. Она изображаетъ Нерукотвореннаго Спаса. Писана на обыкновенной, четвероугольной доскѣ, мѣрою въ 10 вершковъ длины, 8 вершковъ ширины. Внизу иконы надпись: Писалъ государевъ иконописецъ, въ лѣто 7166, Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ. Письмо также строгое, иконописное, въ коричневыхъ тонахъ. Впрочемъ, и эта икона терпѣла поновленія. Къ тому же времени относится упомянутая нами выше и видѣнная Тромонинымъ икона, въ той же церкви Грузинской Божіей Матери. Это та самая, въ послѣдствіи уже не найденная другими изслѣдователями, икона, на лѣтописи которой основывается время рожденія Ушакова. Мы не имѣемъ о ней сообщить ничего болѣе отмѣченнаго покойнымъ Тромонинымъ, дѣльнымъ и, въ высшей степени, добросовѣстнымъ изыскателемъ русской старины.

Авторъ Памятниковъ Московской Древности, И. М. Снегиревъ упоминаетъ, по поводу описанія церкви Двѣнадцати Апостоловъ, что въ алтарѣ, надъ жертвенникомъ Спасскаго придѣла, въ трапезѣ, вставленъ въ стѣну образъ Спаса съ Патріаршихъ воротъ, писанный въ 1658 году Симономъ Ѳедоровымъ. Дска его, добавляетъ авторъ, вышиною въ 3 четв. 1 верш., шириною въ 3 четв. образовалась изъ массы кирпичей, которые не распались при сломкѣ этихъ воротъ (См. стр. 167).

Посѣтивъ на дняхъ эту церковь и осмотрѣвъ подробно ея достопримѣчательности, благодаря просвѣщенному содѣйствію синодальнаго ризничаго, отца Іосифа, мы нашли, что придѣла здѣсь не существуетъ, а упоминаемая Снегиревымъ икона помѣщается у столба, отдѣляющаго трапезу отъ главной церкви или хороса. Она вставлена въ углубленіе этого столба, съ лицевой стороны отъ входа, будучи первоначально, съ боковъ и снизу задѣлана въ деревянный ящикъ и затѣмъ задвинута кіотой. Ликъ тщательно закрытъ слюдою и серебряною ризою. Письмо скорѣе подходитъ къ Петровскому періоду. Лицо круглое, глаза большіе, слезники красные, губы то же; головные волосы, спускаясь къ плечамъ кудрями, оканчиваются мѣстами въ видѣ торчащихъ пасемъ; по золотому вѣнцу красными буквами изображены слова: О. Ω. П, въ трехъ отдѣленіяхъ. Поверхность иконы взрытая, неправильная. Нѣтъ признаковъ кисти Ушакова. Впрочемъ икона эта вѣроятно не разъ была подновляема, въ прежнее, неуклюжее время. Она покрыта слоемъ масляныхъ красокъ, хотя первоначально, безъ сомнѣнія, была писана фресками, по сырой извести, на кирпичной массѣ. Мѣрою она съ ящикомъ 15 вершк. длины, 12½ вершк. ширины, 4 вершк. толщины.

Вслѣдъ за этою иконою, идя въ хронологическомъ порядкѣ и, имѣя въ виду лишь сохранившіяся и помѣченныя рукою мастера произведенія, мы должны остановиться, тутъ же, на одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской иконописи, на большой иконѣ Благовѣщенія, писанной въ 1659 году, для той же Грузинской церкви Божіей Матери, въ Китаѣ городѣ. Но прежде чѣмъ займемся ея описаніемъ, не лишнимъ будетъ коснуться, во первыхъ, вопроса объ отношеніи Ушакова къ этой церкви, во вторыхъ о его обычаѣ, помѣчать свои произведенія подписями. Тотъ и другой вопросъ невольно возбуждается, не только вышеупомянутыми иконами, но и многими другими, имъ писанными для той же церкви. Что побуждало нашего иконописца работать, нѣсколько лѣтъ, для одной церкви; зачѣмъ подписывалъ онъ имя на своихъ иконахъ. Для рѣшенія перваго вопроса мы находимъ основанія въ дѣлѣ Оружейной Палаты, возникшемъ вслѣдствіе прошенія Ушакова объ уступкѣ ему, казною, двора въ Посольской улицѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что дѣло это, начавшееся въ 1668 году и не совсѣмъ благопріятно для Ушакова окончившееся въ 1675 г., представляетъ много крайне интересныхъ подробностей для исторіи древнаго быта вообще и иконописцевъ въ особенности, и будетъ разсмотрѣно нами въ надлежащемъ мѣстѣ. Мы узнаемъ отсюда, что Ушаковъ имѣлъ домъ и мастерскую въ Китаѣ городѣ, и какъ видно, въ приходѣ церкви Грузинской Божіей Матери. Такимъ образомъ сохранившіяся здѣсь произведенія мастерства его, придающія церкви значеніе музея народной русской иконописи, суть памятники его благочестія и художественныхъ симпатій къ прекрасному образцу русскаго зодчества. Почти всѣ они подписаны рукою мастера. Другіе мастера, какъ иконописцы, такъ и всѣ прочіе, не имѣли обычая отмѣчать на своихъ произведеніяхъ имя и время ихъ исполненія. Это обстоятельство, представляя крайне рѣдкія исключенія, не мало затрудняетъ точную исторію художественныхъ ремеслъ въ Россіи. Послѣднія находились, до самого XVIII вѣка, почти на исключительномъ служеніи церкви. Идея личности, по сложившимся историческимъ причинамъ, мало была развита. Работая почти только на церковь и государя.

ЗШАКОВСКАЯ ИКОНА БЛАГОВѢЩЕНІЯ

ВЪ МОСКВѢ.

Лит. С. Григорьева

Грав. А. Суроежинъ

ВЗБРАННОЙ ВОЕВОДѢ.

ИЗЪ АКАѲИСТА ВОКРУГЪ ИКОНЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВИ ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ. ВЪ МОСКВѢ.

художники не имѣли особой нужды выставлять имена свои на работахъ. При томъ, ихъ было такое ограниченное число, что лучшимъ изъ нихъ конкурренціи опасаться было нечего. Въ XVII вѣкѣ во всемъ произошли значительныя перемѣны. Кругъ дѣятельности искусства сильно разширился. Подъ вліяніемъ запада, наводнившаго Москву своими мастерами и произведеніями, понятія объ искусствѣ во многомъ измѣнились. На самую иконопись начали смотрѣть болѣе здравыми глазами, переставали видѣть въ ней изолированное, разобщенное съ природой искусство; пробуждалось сознаніе необходимости и сюда внести улучшенія, элементы природы. Запросъ на произведенія иконописи усилился, не только внутри Россіи и во всѣхъ присоединенныхъ къ ней областяхъ, но и на самомъ православномъ востокѣ, который, за оскудѣніемъ художественной самостоятельности, нуждался въ чуждой помощи и обращался за нею, между прочимъ, къ Россіи. Въ Москвѣ сосредоточивались художники съ цѣлой Россіи. Кромѣ царскихъ мастерскихъ, у бояръ, дворянъ и даже зажиточныхъ купцовъ открывались иконописныя фабрики. Конкурренція становилась довольно серіозною. Изслѣдователя русскихъ древностей обыкновенно поражаетъ обиліе сохранившихся иконъ XVI и особенно XVII вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что не одна близость времени причиною этого относительнаго обилія, что здѣсь дѣйствовала, кромѣ того, усилившаяся въ то время потребность въ нихъ, вызвавшая бо́льшее, противъ прежнихъ лѣтъ, предложеніе со стороны мастеровъ. Довольно иконъ находимъ мы отъ этого времени и подписанныхъ именами мастеровъ, хотя и далеко не всѣ считаемъ подлинными. Симонъ Ушаковъ подписывался почти на всѣхъ своихъ произведеніяхъ и подписывалъ не одно свое имя, но и мѣсто и время, куда и когда онъ писалъ ихъ. Онъ сознавалъ, безъ сомнѣнія, относительное ихъ достоинство и очевидно желалъ сохранить ихъ для потомства. И ради того только мы имѣемъ несомнѣнные памятники, служащіе точнымъ матеріаломъ для изученія русской иконописи его времени. Не всѣ дошли изъ его иконъ; не всѣ изъ дошедшихъ извѣстны еще печати. Однѣ погибли въ невѣжественное время равнодушія ко всему отечественному; другія сохраняются въ неизвѣстности, будучи задѣланы богатыми ризами, или сложены на колокольнѣ и въ темныхъ углахъ церкви.

Ушаковская икона Благовѣщенія съ акаѳистомъ находится до сего времени въ Грузинской церкви Божіей Матери, въ Китаѣ городѣ. Она сохранилась превосходно, какъ и всѣ иконы, писанныя рукою знаменитаго мастера, свидѣтельствуя, безъ сомнѣнія, о крайней добросовѣстности Ушакова, не работавшаго на скорую руку, но употреблявшаго всѣ возможныя средства, чтобы упрочить труды рукъ своихъ для потомства.

Писана она на большой доскѣ, въ два аршина длиною. Собственно только средину иконы занимаетъ Благовѣщеніе, помѣщающееся въ четвероугольникѣ, около трехъ четвертей аршина длиною. Поля на той же поверхности, безъ выемокъ, украшены двѣнадцатью мѣстами изъ Акаѳиста Богородицы. Они также четвероугольныя, семивершковыя;—по четыре мѣста расположены горизонтально, вверху и внизу иконы,—по два, вертикально, по сторонамъ, одно подъ другимъ, между крайними горизонтальными.

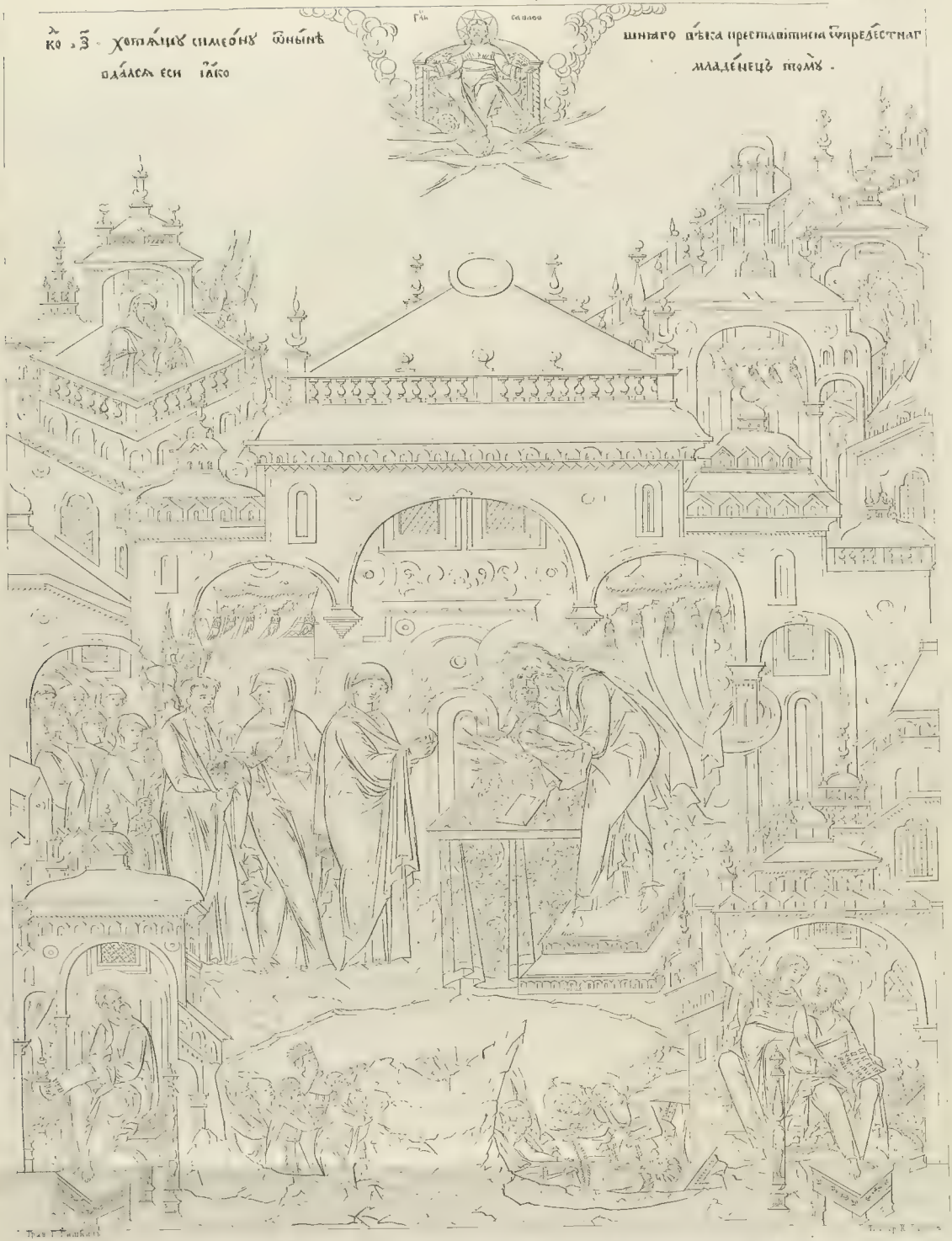
Первое мѣсто съ лѣвой стороны, вверху. Надъ нимъ подпись *: Конд. 1. Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ тиработи твои, Богородице. Изображенная здѣсь въ лицахъ церковная пѣснь, имѣющая предметомъ своимъ, какъ извѣстно, прославленіе чудеснаго избавленія Константинополя, заступничествомъ Богоматери, отъ нашествія непріятелей, представляетъ новый, самый сложный, самый затѣйливый переводъ, со множествомъ фигуръ и зданій. Мы въ правѣ остановиться нѣсколько подробнѣй на этомъ изображеніи, какъ на одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ, типическихъ образцовъ русской иконописи, въ которомъ соединены всѣ достоинства и всѣ недостатки иконописной техники XVII вѣка. Главный предметъ дѣйствія сосредоточенъ на среднемъ планѣ, гдѣ представлена осада Константинополя варварами. Городъ стоитъ на лѣво, вверху. Съ правой стороны войско всадниковъ, въ панцыряхъ и шлемахъ, съ золотыми оплечьями и поясами, вооруженное копьями, сѣкирами и мечами, приступаетъ къ городу, обнесенному зубчатой стѣною съ высокими башнями, припоминающими минареты. Уже нѣсколько воиновъ взбирается, по приставной лѣстницѣ, на стѣну; но ихъ встрѣчаютъ съ городской стѣны

* Надписи, какъ намъ извѣстно изъ сличенія почерка, сдѣланы рукою самого Ушакова.

копьями и стрѣлами; жители города, съ непокрытыми главами и въ одеждѣ русской, праздничной, XVII вѣка. Среди зданій города, дворцовъ и домовъ, возвышается церковь, съ тремя куполами, на тройныхъ, полукруглыхъ аркахъ, посвященная Богоматери Одигитріи, какъ видно изъ иконы этого сюжета, занимающей срѣдній пролетъ главнаго храма. Съ лѣвой стороны этой иконы епископъ, съ вѣнцомъ вокругъ главы, за нимъ, духовенство, другой епископъ, два инока и проч. Предъ святителемъ, по другую сторону иконы Богоматери, знатный горожанинъ, держитъ обѣими руками на груди икону Нерукотвореннаго образа, за нимъ, дьяконъ, граждане и множество народа. Изъ двухъ воротъ крѣпости, съ большими, полукруглыми пролетами, подъ двумя упомянутыми сценами, направляясь внизъ, по каменному мосту, ведущему къ берегу моря, на встрѣчу отряду непріятеля, и тоже на коняхъ, выѣзжаютъ греческіе воины. Они вооружены почти также, но на развѣвающемся въ ту же правую сторону ихъ знаменѣ изображенъ золотой крестъ. Между передовыми уже завязалась бятва. Предводитель въ шлемѣ, окруженномъ по околу вѣнцомъ, поражаетъ непріятельскаго воина; послѣдній, съ упавшаго подъ нимъ коня и обезоруженный, руками взываетъ къ пощадѣ. Тутъ же другой греческій воинъ поражаетъ, какъ кажется, изъ пищали, съ лѣвой руки, подскачившаго на конѣ къ приставной лѣстницѣ непріятеля. Воины задняго греческаго отряда заняты стычкой передовыхъ. Вообще осаждающіе, какъ видно, терпятъ страшный уронъ. Многіе воины изъ рядовъ ихъ сбиты съ копей, на землѣ лежатъ раненые люди и нѣсколько лошадей, въ различныхъ положеніяхъ; видны тамъ и сямъ туловища людей, отдѣльныя головы, руки и ноги разсѣяны по берегу, есть и плавающія въ морѣ. Крови, впрочемъ, почти не замѣтно. Въ томъ и другомъ отрядѣ, какъ въ греческомъ, такъ и въ непріятельскомъ, передовыя воины обратили голову въ сторону, къ повернувшимся на коняхъ тыломъ воинамъ, словно ободряя ихъ; въ рядахъ воиновъ замѣтно движеніе, однѣ головы обращены прямо, къ мѣсту дѣйствія отдѣльныхъ схватокъ, другія, какъ бы разсуждая съ ближайшими товарищами. Изъ числа отдѣльныхъ эпизодовъ битвы, вверху, вдали, между скалами, изображено пораженіе непріятельскаго рыцаря, который, подъ взмахомъ меча, летитъ стремглавъ въ пропасть, вмѣстѣ съ своимъ конемъ. На право, въ верхнемъ углу иконы, за скалами, усѣянными деревьями, представленъ городъ, но небольшой, тоже съ зубчатою стѣною, съ минаретами. По сю сторону стѣны, у колодца, выложеннаго въ видѣ осмигранной стѣнки, полокотной высоты, стоитъ, съ кувшиномъ въ рукѣ, Богородица, прекрасная фигура, въ античной драпировкѣ. Она намѣревалась, повидимому, зачерпнуть воды, но остановлена была появленіемъ ангела, парящаго надъ нею, съ вѣнцомъ въ рукѣ. Словно въ изумленіи она обратилась головою назадъ, къ посланнику небесъ. Это такъ называемая икона Благовѣщенія у кладезя. Наконецъ, внизу иконы, или на первомъ планѣ, изображено чудесное избавленіе города заступничествомъ Богоматери. Влѣво, на берегу моря, стоитъ церковь о трехъ куполахъ; передъ нею святитель съ сіяньемъ вокругъ головы, тотъ самый, что̀ изображенъ и вверху иконы. Наклонившись впередъ, къ взволнованному морю, онъ держитъ въ рукахъ часть ризы Богородицы, красный платъ, съ золотою раздѣлкой. За святителемъ стоитъ діаконъ съ чашею для принятія священной одежды, затѣмъ священникъ и народъ. Съ другой стороны святителя, священникъ съ діакономъ подняли вверхъ икону Богоматери Одигитріи. Въ глазахъ ихъ, среди волнъ, съ войскомъ и прислугою погибаютъ два большихъ непріятельскихъ корабля, оба съ натянутыми парусами, одинъ опрокинутый носомъ, другой бокомъ. Тамъ и сямъ волны несутъ головы утопающихъ воиновъ.

Мы назвали эту икону, первый кондакъ Акаѳиста Богородицы, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской иконописи. Объяснимся. Она выдается, не только оригинальностью сочиненія, но и силою исполненія весьма трудной задачи—представить, на маломъ пространствѣ, множество фигуръ. Разумно задуманный сюжетъ исполненъ съ добросовѣстностью, съ любовью и съ возможными для того времени на Руси средствами. Видно, что художникъ пользовался всѣми бывшими у него подъ рукою матеріалами, иллюстрированными изданіями, гравюрами, отчасти современною натурою; но онъ былъ иконописецъ, и, потому, въ натурѣ у него мало дѣйствительности. Въ фигурахъ есть движеніе, но нѣтъ воздуха, очень мало перспективы; онѣ изобилуютъ иконопью, золотыми бликами, которыми раздѣланы даже деревья.

Слѣдующая затѣмъ, вторая икона. На ней вверху надпись: Кондакъ 3. Сила Вышняго осѣни тогда къ зачатію браку неискустнѣй. Среди высокаго, пирамидальнаго зданія, съ уступами вверху,



ХОТЯЩУ СИМЕОНУ ОТЪ НЫНѢШНЯГО ВѢКА ПРЕСТАВИТИСЯ.

ИЗЪ АКАѲИСТА ВОКРУГЪ ИКОНЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВИ ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ВЪ МОСКВѢ.

огражденными балюстрадой, словно балконами, съ боковыми постройками по сторонамъ, у которыхъ вверху тоже переходы, впереди двухъ пролетныхъ арокъ, подъ портиками, стоитъ, съ правой стороны, Богородица, съ лѣвой, Архангелъ, въ положеніи подходящаго. Его правая нога еще на пальцахъ, рукою онъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ небольшой, шестиконечный крестъ, платье складками драпируется назадъ. Голова Богоматери нѣсколько наклонена на бокъ, одна рука съ красною ниткою на груди, другая—съ клубкомъ у пояса. За нею стоитъ большой престолъ, съ высокою, полукруглою, во все сѣдалище, спинкой. Въ лѣвомъ, верхнемъ углу иконы, Богъ Отецъ, стоящій во славѣ, на херувимахъ, окруженный сонмомъ ангеловъ и символами евангелистовъ. Онъ благословляетъ. Отъ него, лучемъ свѣта, слетаетъ, въ видѣ голубя, Духъ Святый, направляясь надъ крышею, къ Богоматери; за Нимъ, ближе къ Саваоѳу, спускается, по тому же направленію, къ жилищу Богоматери, Архангелъ. На полукруглое площадкѣ, предъ домомъ и сценой Благовѣщенія, раскинуты травы и цвѣты. Направо и налѣво, изъ подъ арокъ боковыхъ зданій, выступаютъ мужескія и женскія фигуры, въ праздничныхъ костюмахъ XVI вѣка, благоговѣйно обращаясь къ совершающемуся событію, со сложенными на груди руками; впереди каждой группы отроки, повидимому въ восторгѣ, словно бьютъ въ ладоши, или удивляются.

Третье мѣсто съ надписью: Кондакъ 4. Бурю внутрь имѣя помышленій невѣрныхъ, цѣломудренный Іосифъ смутися. Шатровой архитектуры зданіе, съ тремя вверху уступами и двумя меньшими, по сторонамъ, отдѣленіями. За нимъ, слѣва и справа, возвышаются два терема, соединенные переходами. Посреди, вверху въ облакахъ, Богъ Отецъ, сидящій на престолѣ изъ херувимовъ, благословляетъ на обѣ стороны. Направо, въ разрѣзѣ другаго терема, подъ тройною аркою, покоится на ложѣ, съ закрытыми глазами Іосифъ; передъ нимъ наклонясь и, простирая къ нему руки, стоитъ Ангелъ, съ поднятыми вверхъ крыльями. Налѣво, въ двухъ аркахъ терема стоятъ, обратясь другъ къ другу, Іосифъ и Богоматерь. Первый поднялъ руки, какъ бы разсуждая, вторая смиренно выслушиваетъ, наклоня голову на сторону и сложа руки крестообразно на груди. Внизу, среди арки большаго шатра, за поднятой завѣсой, стоитъ престолъ, покрытый ярко-красной съ золотыми разводами парчей, на немъ книга закрытая, вдоль задней линіи престола, вверху, три херувима; надъ престоломъ бѣлый голубь. Въ меньшихъ двухъ аркахъ и по сторонамъ престола стоятъ лица духовнаго сана и различныя фигуры, въ плащахъ и кафтанахъ, въ удивленіи взирающіе къ престолу.

Четвертое мѣсто и послѣднее въ верхнемъ ряду. Кондакъ 5. Боготечную звѣзду видѣвше волсви и тоя послѣдоваша зари. Скалистыя горы, мѣстами съ зеленью и цвѣтами, оканчивающіяся вверху, направо и налѣво, крутыми утесами. По горамъ, слѣва направо, ѣдутъ три всадника. Парящій надъ ними Ангелъ, въ одной рукѣ, несетъ звѣзду; другою указываетъ внизъ, гдѣ за утесомъ и потокомъ, словно на стеганой, овальной подушкѣ, сидитъ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Волхвы, по обычаю, трехъ различныхъ возрастовъ: старшій, съ длинной бородою, среднихъ лѣтъ, съ короткою и юный, вовсе безъ бороды, въ остроконечныхъ шапкахъ; старшій поднявъ руку вверхъ, внимательно смотритъ, въ направленіи къ Ангелу, средній туда же указываетъ ѣдущему за нимъ младшему. За этой группой, въ лѣвомъ углу иконы, стоитъ городъ. Такой же городъ на противоположномъ, правомъ углу, и къ нему подъѣзжаютъ тѣже волхвы, всадники. Изъ города вышли три человѣка; они указываютъ волхвамъ вверхъ, на то же мѣсто, гдѣ покоится Богоматерь.

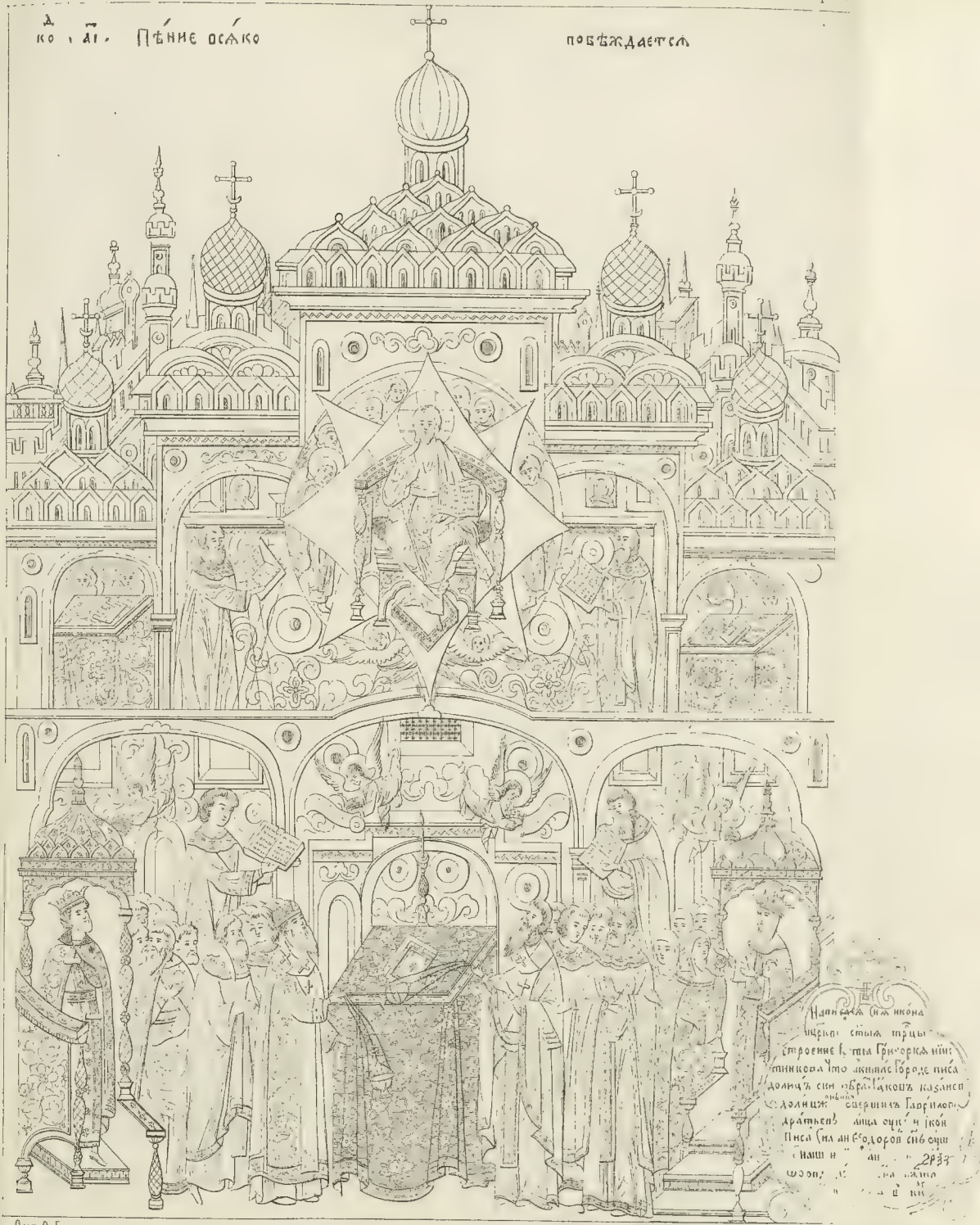
Пятое мѣсто, на лѣвой сторонѣ, подъ первымъ. Надпись: Кондакъ 6. Проповѣдницы богоноснiи бывше волсви. Скалистый кряжъ, съ высокимъ утесомъ съ лѣвой стороны, орошаемый потокомъ, усѣянный, мѣстами, деревцами и травами. Подъ утесомъ, въ вертепѣ, отдыхаютъ волхвы, глаза у всѣхъ закрыты. Старшій лежитъ по одну сторону, два другіе по другую; рядомъ; между ними Ангелъ, обращенный къ старшему и почти касающійся рукою плеча его. Въ другомъ, правомъ углу, напротивъ утеса, городъ, къ которому подъѣзжаютъ три волхва. Навстрѣчу имъ вышло, изъ городскихъ воротъ, множество народа; стоящіе впереди разсуждаютъ съ волхвами, нѣкоторые смотрятъ изъ окна зданія, надъ городскою стѣною. Волхвы руками указываютъ внизъ, въ лѣвый уголъ иконы, гдѣ стоятъ царскія палаты, и въ нихъ, подъ навѣсомъ, сидитъ царь на престолѣ, въ коронѣ, окруженный придворными, боярами. Онъ разсуждаетъ руками; тѣ почтительно отвѣчаютъ, сложа руки на груди, или указывая слегка на волхвовъ; за царемъ воины въ латахъ и шлемахъ.

Шестое мѣсто находится на правой сторонѣ, подъ четвертымъ. Оно представляетъ весьма

сложную композицію иконы Срѣтенія Господня. Надпись: Кондакъ 7. Хотящу Симеону отъ нынѣшняго вѣка преставитися, отъ прелестнаго, вдался еси яко младенецъ Тому. Среди обширнаго, во всю средину иконы, зданія, шатровой архитектуры, съ прилегающими къ нему башенками, раздѣленнаго пятью арками, изъ числа коихъ только боковыя на столбахъ, три же среднія, или, собственно, одна тройная, съ консолями,—стоитъ въ правой сторонѣ престолъ, съ закрытою книгою и съ херувимами; предъ нимъ, на возвышеніи, въ двѣ ступени, Симеонъ, нагнувшись впередъ, держитъ на рукахъ Младенца Христа, Который, правою рукою коснулся груди старца, лѣвою—крыла херувима. Предъ ними, въ лѣвой сторонѣ, Богородица, сложивъ руки и простирая ихъ къ Симеону, какъ бы для принятія обратно Сына; за нею Анна Пророчица, съ развернутымъ свиткомъ, обращается съ рѣчью къ стоящему тутъ же Іосифу. Въ свиткѣ написано: „Всѣмъ чающимъ избавленіе въ Іерусалимѣ“. Надъ головою Іосифа летитъ Ангелъ, указывающій къ небу. Въ рукахъ Іосифа клѣтка съ голубями. Всѣ эти главныя лица иконы Срѣтенія помѣщены подъ широкою среднею, тройною аркою. За Іосифомъ, въ смежной аркѣ, за колонною, множество женщинъ, съ мужьями, принесшія дѣтей своихъ. Внизу иконы представлена скалистая разсѣлина ада, раздѣленная утесомъ пополамъ. Налѣво возставшіе изъ мертвыхъ, въ саванахъ, и двое въ царскихъ вѣнцахъ, простираютъ руки съ мольбою кверху; направо дьяволъ, простертый на спину и оковываемый двумя стоящими за нимъ ангелами. Сюда, съ утеса, летятъ стремглавъ два грѣшника. Фигуры эти гораздо мельче фигуръ верхней композиціи и написаны съ большимъ мастерствомъ. Тутъ же, внизу, по угламъ, стоятъ двѣ небольшія, разнаго рисунка, сѣни; подъ каждою изъ нихъ сидитъ по пророку, за столомъ съ письменными принадлежностями,—одинъ, съ раскрытою книгою, другой, съ раскрытымъ свиткомъ; оба они оставивъ работу, закинули голову назадъ, словно созерцая вверху событіе, къ чему одного изъ нихъ побуждаетъ ангелъ, стоящій съ нимъ рядомъ и указывающій наверхъ. На книгѣ писано: „Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ.“ Есть надпись и на свиткѣ, но въ ней разобрать можно только: „Се дѣвая.“ Вверху иконы, по обѣ стороны главнаго зданія шатровой архитектуры, въ которомъ, какъ мы видѣли, сосредоточена главная задача представленія, тянутся вдоль разнаго рода постройки, и между ними возвышаются башни, въ разрѣзахъ представляющія сюжеты. Въ одной башнѣ, налѣво, изображена поясная Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и къ ней прилетающій ангелъ съ орудіями страстей. Спаситель обратилъ голову назадъ, словомъ—икона Страстной Богоматери. На противуположной сторонѣ, въ правой башенкѣ, падающія античныя божества, золотыя статуи. Наконецъ, въ самомъ верху и посреди иконы, какъ бы на небѣ, Богъ-Отецъ въ облакахъ, сидящій на престолѣ, съ херувимами въ подножіи, благословляетъ на обѣ стороны. Икона эта замѣчательна, не только богатствомъ архитектурной фантазіи, но и оригинальностью перевода и прекраснымъ исполненіемъ. Въ нижнемъ планѣ миніатюры восхитительны.

Седьмое мѣсто, опять съ лѣвой стороны. Здѣсь подпись слѣдующая: Конд. 8. Странное рождество видѣвше устранимся міра. Среди иконы, вверху, въ облакахъ, окруженная сонмомъ стоящихъ ангеловъ, съ херувимами въ подножіи, съ символами евангелистовъ по угламъ и съ Богомъ-Отцемъ во главѣ, на богатомъ престолѣ, сидитъ Богоматерь; у Нея на колѣняхъ Предвѣчный Младенецъ, прямолинейный, и правою рукою благословляющій. Ниже этого изображенія, Спаситель, въ видѣ отрока, стоитъ на утесѣ скалы; въ лѣвой рукѣ его Евангеліе, раскрытое на текстѣ: Духъ Господень на мнѣ, Егоже ради помаза мя; правою—Онъ благословляетъ. По сторонамъ Его, на нѣсколькихъ уступахъ, рядами, снизу вверхъ, стоятъ сонмы святыхъ, мужи и жены, все отшельники, преподобные, столпники. Всѣ они благоговѣйно взираютъ вверхъ къ стоящему Спасителю; нѣкоторые простерли къ Нему руки. Выше и ближе всѣхъ къ Спасителю, стоятъ святыя жены, и, между ними, Марія Египетская. Скалы усѣяны деревьями.

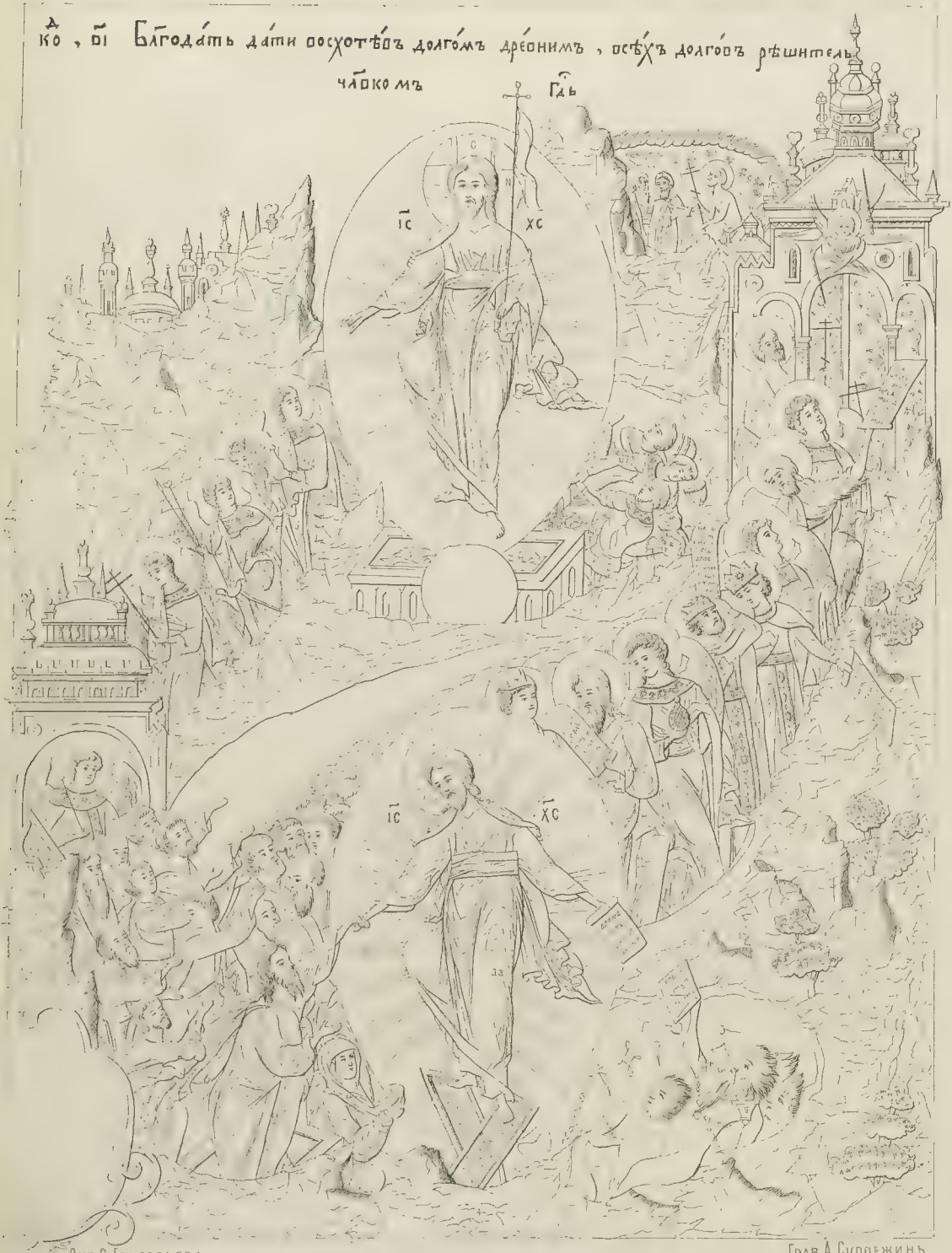
Осьмое мѣсто, съ правой стороны. Конд. 9. Всякое естество ангельское удивися великому Твоего вочеловѣченья дѣлу. Вверху, посреди, въ большой, осьмиугольной звѣздѣ, окруженной осьмью ангелами и вписанной въ кругъ, сидитъ на херувимахъ Саваоѳъ, благословляющій на обѣ стороны. Внизу, на небольшомъ утесѣ, стоитъ, также благословляющій, Спаситель, въ совершенномъ возрастѣ. Надъ головою Его, по сторонамъ, два ангела, въ ногахъ двѣ женскія фигуры, съ покрытою головою,—одна въ красной, другая въ черной ризѣ. По сторонамъ Спасителя, въ нѣсколько рядовъ, постепенно уменьшающихся снизу вверхъ, стоятъ припадающіе къ Нему сонмы святыхъ, мужей и женъ, рядовъ семь;



Лит. С. Григорьева. Грав. А. Суреженъ

ПѢНІЕ ВСЯКО ПОБѢЖДАЕТСЯ

ИЗЪ АКАѲИСТА ВОКРУГЪ ИКОНЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВИ ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ВЪ МОСКВѢ.



Лит. С. Григорьева

Грав. А. Суроежинъ.

БЛАГОДАТЬ ДАТИ ВОСХОТЬВЪ

ИЗЪ АКАѲИСТА ВОКРУГЪ ИКОНЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВИ ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ВЪ МОСКВѢ.

нижній рядъ — апостолы, пророки и святители, выше благовѣрные цари и царицы и преподобные, затѣмъ святыя и преподобныя жены и проч. Святая Марія Египетская занимаетъ мѣсто съ краю, почти противъ Алексія, человѣка Божія. Можетъ быть есть здѣсь и другіе намеки, лично принадлежащіе воззрѣнію Ушакова и его современниковъ; но мы пока замѣтили только этихъ двухъ ангеловъ: царя и царицы. Надписей, къ сожалѣнію, надъ святыми не сдѣлано.

Девятымъ мѣстомъ, въ лѣвомъ углу иконы, начинается рядъ четырехъ послѣднихъ пѣсней. На немъ надпись: Конд. 10. Спасти хотя міръ, иже всѣмъ украситель къ сему самообѣтованъ пріиде. Вверху опять Саваоѳъ, сидящій на херувимахъ и благословляющій; но, на этотъ разъ, Онъ среди осьмиугольной звѣзды, наложенной на такую же звѣзду изъ осьми полукружій, наполненныхъ ангелами. Подъ Нимъ, на скалистой площади, передъ городомъ, высится большой, семиконечный крестъ, вверху оканчивающійся перекладиной для надписи; по сторонамъ послѣдней, на воздухѣ, два прилетѣвшихъ ангела; а по сторонамъ большаго креста, въ отдаленіи, два креста малыхъ, съ распятыми на нихъ людьми, у которыхъ руки заложены за перекрестье. Кресты эти трехконечные. За крестами, большой, обнесенный зубчатой стѣною, городъ, съ домами, башнями и минаретами. По правую сторону большаго креста группа конныхъ воиновъ, рыцарей, по лѣвую—пѣшіе воины; изъ нихъ передній указываетъ стоящему рядомъ съ нимъ Спасителю на верхъ креста, нѣкоторые изъ заднихъ трубятъ въ длинныя трубы. Внизу, подъ крестомъ, въ небольшой разщелинѣ, голова Адамова; рядомъ съ ней, направо, нѣсколько женскихъ фигуръ, словно выходящія изъ земли, закутанныя въ саваны; по сторонамъ, тутъ же, большія группы предстоящихъ кресту. Въ числѣ послѣднихъ видны: Богоматерь съ Іоанномъ Богословомъ и другія жены Евангелія, и апостолы. Кромѣ Богоматери, всѣ они безъ вѣнцовъ.

Рядомъ съ этимъ помѣщено десятое мѣсто, съ надписью: Конд. 11. Пѣніе всяко побѣждается. Почти во всю величину иконы представленъ родъ разрѣза двуэтажной, пятикупольной церкви, за которою виднѣются еще верхи зубчатой стѣны и зданій внутри города. Подъ куполами, въ нѣсколько рядовъ возвышаются пирамидально сложенные кокошники, пріемъ архитектуры, встрѣчающійся весьма часто въ памятникахъ церковнаго зодчества XVI и XVII вѣка и господствующій въ любимой церкви Ушакова, Грузинской. Церковь дѣлится, въ верхнемъ этажѣ, на пять пролетныхъ арокъ, въ нижнемъ, на три. Мѣсто средней арки верхняго яруса, самой большой, занято изображеніемъ Спасителя, сидящаго на престолѣ, съ херувимами въ подножіи, въ осмиконечной звѣздѣ бѣлаго цвѣта, вписанной въ красный кругъ, съ ангелами. Спаситель правою рукой благословляетъ, въ другой, держитъ Евангеліе, раскрытое на текстѣ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы.“ Въ каждой изъ ближайшихъ арокъ или пролетовъ, у складнаго налоя, стоитъ по священнику, съ раскрытою книгою; въ одной, направо, читается: „Бога человѣкомъ не удобь видѣти, нань же не смѣютъ чины ангельстіи взпрати“, въ другой, налѣво: „иже отъ Адама (Іисусе) мой согрѣшившая вся прежде.“ * Въ самыхъ малыхъ пролетахъ за этимъ стоитъ по престолу, на немъ съ книгою, съ тремя херувимами по заднѣй его окрайнѣ. Въ средней, большой аркѣ нижняго яруса, изображенъ большой престолъ, съ книгою, за нимъ возжженная свѣча, по сторонамъ его по кадящему епископу съ другими священнаго сана лицами. Наконецъ, по угламъ иконы, въ крайнихъ аркахъ, съ одной, лѣвой стороны, стоитъ подъ сѣнію, или въ царскомъ мѣстѣ, царь, съ правой царица,—оба со свитою своего пола; къ нимъ ангелъ надъ сѣнію приноситъ вѣнецъ. Такіе же ангелы парятъ надъ престоломъ въ главной аркѣ, неся въ рукахъ раскрытый свитокъ, мелко исчерченный, и словно обращаясь къ двумъ стоящимъ лицамъ у колоннъ, на которыя перекинута эта арка. Одно изъ этихъ лицъ, по правую сторону, священникъ, въ поворотѣ къ престолу держащій книгу, раскрытую на текстѣ: Многомилостиве и всемилостиве Боже мой, Іисусе Христе, иже многія ради любви. Другое лицо, налѣво, діаконъ. У него въ книгѣ написано: Помилуй мя, Боже, по великей милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ. Икона замѣчательна для исторіи быта того времени. Костюмы все русскіе, XVII вѣка. Исполнена, какъ икона, безукоризненно, отдѣлка въ высшей степени добросовѣстная. Особенно замѣчательны группы царской четы.

Тутъ же предпослѣднее мѣсто. Надъ нимъ надпись: Кондакъ 12. Благодать дати восхотѣвъ

---

* Послѣдняя надпись не ясна.

долгомъ древнимъ, всѣхъ долговъ рѣшитель, человѣкомъ Господь. Среди иконы одинъ надъ другимъ, два свѣтлыхъ овала. Въ верхнемъ, Христосъ, только что вышедшій изъ гроба, правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ красное знамя, съ золотымъ крестомъ въ навершьѣ. Тотчасъ подъ оваломъ небольшой шаръ; за нимъ гробъ съ пеленами, и въ сторонѣ нѣсколько спящихъ воиновъ, стражей. Въ лѣвой, сторонѣ, за скалами, виднѣется городъ. Въ нижнемъ овалѣ Христосъ, сошедшій во адъ. Онъ стоитъ на сокрушенныхъ вратахъ ада, обратился въ лѣвую сторону и лѣвою рукою возводитъ отъ ада праотца Адама, за которымъ изъ гроба подымается и праматерь Ева. Въ правой рукѣ Христа большая половина раздраннаго свитка, съ надписью: „Адамовъ грѣхъ рукописаніе.“ Остальная, меньшая часть того же рукописанія въ рукахъ діавола, который лежитъ въ разсѣлинѣ ада, сокрушенный, скованный, въ ужасѣ, съ взъерошенными волосами, вмѣстѣ съ своими товарищами, въ числѣ которыхъ видна, повидимому, женская фигура. Тутъ же, въ разсѣлинѣ, разбросаны замки, гвозди, ключи и проч. Между двумя овалами слѣдуетъ во всю икону священная процессія, начинающаяся съ лѣвой стороны отъ зрителя, съ правой отъ Спасителя. Тотчасъ отъ воскресшаго Христа, одинъ за другимъ, шествуютъ три ангела: первый съ крестомъ, символомъ побѣды въ рукахъ; второй съ орудіями страсти, копьемъ и тростью, третій съ алавастромъ. Оба послѣдніе обратили головы назадъ, къ Іисусу. Первый ангелъ подходитъ къ зданію, небольшому съ аркою портику. Двери упали. Изъ нихъ выходитъ Ангелъ съ жезломъ. Впереди ангела множество народа взываетъ руками къ Спасителю, въ извѣстномъ уже намъ положеніи сошедшему во адъ. По другую сторону Спасителя, за чертою овала, видна голова пророка Даніила. Рядомъ съ оваломъ другой пророкъ, обращаясь къ овалу, держитъ въ рукахъ раскрытый свитокъ. Въ свиткѣ изображено: Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся. Тотчасъ за нимъ, опять ангелъ, съ сосудомъ или алавастромъ. За Ангеломъ направляются уже вверхъ царь, пророкъ, Давидъ и Саломонъ. Давидъ держитъ свитокъ, вверхъ, съ словами: Да воскреснетъ Богъ, и разыдутся врази его и да бѣжатъ отъ лица его вси. Соломонъ, обратясь къ отцу, назадъ, держитъ свитокъ внизъ, съ словами: Воскресни Господи Боже мой и да вознесется рука твоя. Давидъ въ царской шапкѣ, круглой, плотно облегающей голову; Соломонъ въ коронѣ, съ остроконечными зубцами. Имъ предшествуетъ, направляясь вверхъ, по Ангелу съ орудіями страстей Господнихъ. Впереди, и, какъ бы обращаясь къ Ангелу, Іоаннъ Предтеча. Въ поднятомъ вверху свиткѣ его написано: Се азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ о немъ, яко се есть агнецъ. Наконецъ, выше его, Ангелъ, съ крестомъ въ рукахъ, рядомъ съ Благоразумнымъ разбойникомъ. Два послѣднія лица приблизились уже къ вратамъ рая, представляющимъ портикъ съ тремя арками. Арка средней двери на половину открыта. Надъ нею шестокрылый херувимъ, съ пламеннымъ оружіемъ въ обѣихъ рукахъ. За портикомъ, почти вровень съ вершиною овала, праотцы, Авраамъ и Исаакъ, принимаютъ благоразумнаго разбойника въ раю. Онъ полуобнаженъ, съ крестомъ въ рукѣ.

Послѣднее мѣсто. Конд. 13. О Всепѣтая Мати, рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово. Икона эта, по общему расположенію, даже отчасти по очертанію главныхъ линій архитектуры, напоминаетъ третью-крайнюю. Тамъ было изображено прославленіе Господа, здѣсь Пресвятой Его Матери. Пятикупольная церковь въ разрѣзѣ, съ пятью арками, изъ которыхъ только крайнія опираются на два столба; три же среднія открыты и образуютъ какъ бы одну тройную арку. Среднее, высокое пространство вдвое шире боковыхъ, послѣднія спускаются двумя уступами. Но церковь эта одноярусная и верхи ея, или купола, лежатъ на иныхъ основаніяхъ: гдѣ въ первой иконѣ пирамидально расположены кокошники, здѣсь кружала, или выступающіе наружу своды, и на оборотъ. За церковью видѣющіяся зданія также всѣ переиначены, кромѣ зубцовъ протянутой вдоль всей иконы стѣны. Вообще, для аксесуаровъ, это любопытный фактъ въ русской иконографіи, свидѣтельствующій, съ какою свободою иконописецъ относился въ сочиненіи ихъ, хотя руководился той же главною идеею. Главное пространство церкви, подъ большимъ куполомъ и на мѣстѣ средней арки, занято изображеніемъ Богоматери, стоящей у престола, въ положеніи Знаменія, въ кругу, обнесенномъ поясомъ, изъ двухъ стоящихъ по сторонамъ Ангеловъ, изъ символовъ евангелистовъ, по угламъ, херувима въ головахъ, и пяти херувимовъ въ ногахъ. Поясной Спаситель у нея на груди, въ кругу. Подъ этимъ изображеніемъ, среди арки, напоминающей горнее мѣсто, возвышается большой престолъ, покрытый богатою парчею; на немъ закрытая книга. По сторонамъ непрерывными рядами предстоятъ сонмы святыхъ. Ближайшіе къ Богоматери, направо благо-

Лит. С. Григорьева. Грав. А. Суроежинъ

О ВСЕПѢТАЯ МАТИ

ИЗЪ АКАѲИСТА ВОКРУГЪ ИКОНЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВИ ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ВЪ МОСКВѢ.

вѣрные цари и царицы, за ними преподобныя матери, налѣво, преподобные отцы, ближе сюда апостолы съ мучениками и мученицами и пророки съ святыми епископами. Всѣ безъ вѣнцовъ святости, взираютъ на Богоматерь, руки подняты вверхъ. Наконецъ, спереди, въ молитвенномъ положеніи припадающихъ къ престолу: по одну сторону, царь, царица, съ семействомъ и съ приближенными, по другую, епископы, священники и весь чинъ церковный.

Всѣ эти, нами разсмотрѣнныя, двѣнадцать мѣстъ акаѳиста, какъ сказано выше, составляютъ вмѣстѣ подобіе рамы, и служатъ, такъ-сказать, аксессуарами для главной иконы, гораздо большаго размѣра, находящейся посреди и изображающей Благовѣщеніе. Для исполненія послѣдней иконы, мастеръ, повидимому, истощилъ всѣ средства, какими только владѣла русская иконопись въ XVII вѣкѣ. Богатство затѣйливой фантазіи архитектурныхъ мотивовъ, роскошная отдѣлка всѣхъ подробностей, платья, мебели, самый тщательный рисунокъ мелочей, наконецъ, возможная для того времени вѣрность рисунка фигуръ, проникнутыхъ, во всякомъ случаѣ, священнымъ величіемъ, придаютъ этой иконѣ капитальное значеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній древне-русскаго искусства. Во всю ширину иконы тянется рядъ зданій. Надъ ними, въ небесахъ, Богъ Отецъ, въ бѣлой ризѣ и красной исподи, сидящій на семи херувимахъ въ подножіи, одною рукою благословляетъ; въ другой держитъ родъ державы, шаръ на поддонѣ, безъ креста вверху. Отъ Бога Отца, по направленію къ Богородицѣ, исходитъ, по золотому лучу, Духъ Господень, въ видѣ голубя. Богоматерь, по обычаю, на правой сторонѣ, стоитъ съ веретеномъ въ приподнятой, лѣвой рукѣ и съ концомъ красной пряжи въ правой, опущенной. Напротивъ Богоматери, съ лѣвой стороны, Архангелъ; на головѣ его діадема—повязка надъ лбомъ, оканчивающаяся надъ ушами: правою онъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ скипетръ. Рядомъ съ Богоматерью, на затѣйливомъ налоѣ, книга, раскрытая на текстѣ: Видящи святая себе въ чистотѣ, рече Гавріилу дерзостнѣ: преславное твоего гласа неудобь. Надпись эта, съ одной стороны, даетъ знать, что предъ нами изображеніе 2-го кондака, умышленно пропущенное, въ избѣжаніе повтореній, въ пѣсняхъ кондака, обрамливающихъ икону. Потомъ, она указываетъ намъ на то, что первый актъ святаго вѣщанія конченъ, что архангелъ уже возвѣстилъ Маріи цѣль посланія, и Пречистая предлагаетъ ему вопросъ. На этомъ основаніи мы не видимъ въ иконѣ намековъ на первый актъ—появленіе Архангела и изумленіе Маріи. Архангелъ стоитъ покойно на обѣихъ ногахъ, крылья его опущены внизъ, концы платья не развиваются драпировкой назадъ, какъ это бываетъ въ иконописи, въ моментъ появленія посланниковъ небесъ. Спокойно относится къ архангелу и Богоматерь, обращенная къ нему съ рѣчью. Спокойствіе придаетъ изображенію еще болѣе торжественности, болѣе достоинства. Лица обоихъ исполнены, по иконописнымъ условіямъ, превосходно. Цвѣта на столько близки къ натурѣ, на сколько то возможно въ иконописи. Даже щеки, тронутыя слегка карминомъ и стушеванныя кистью, прочувствованы природой. Въ одеждѣ обѣихъ фигуръ мы видимъ несомнѣнные признаки царской одежды XVII вѣка. Таковы: ожерелья на исподней ризѣ Богоматери, бармы и подольники на ризѣ архангела. Верхняя риза Богоматери коричневаго цвѣта. На ней не забыты три символическія звѣзды, на головѣ и по плечамъ. На Архангелѣ верхняя риза красная, нижняя—темнозеленая. Богатые золотые блики указываютъ на парчевую основу. Сцена Благовѣщенія происходитъ на вымощенномъ дворикѣ, впереди зданій самой затѣйливой архитектуры, въ стилѣ современныхъ Ушакову царскихъ построекъ. Не беремся ихъ описывать, но убѣждены, что талантливый архитекторъ найдетъ здѣсь неисчерпаемый запасъ матеріала для изученія русской архитектуры XVII вѣка. Рядъ зданій, возникая съ лѣвой стороны, въ видѣ палатъ, съ пирамидальною крышею, оканчивается на правой сторонѣ круглымъ теремомъ, съ плоскимъ куполомъ. Зданія соединены одни съ другими, съ помощью переходовъ, перилами. Сзади виднѣются постройки, то въ видѣ звонницъ или колоколень съ пролетами, въ нѣсколько ярусовъ, постепенно уменьшающихся къ верху, то въ видѣ домовъ, съ двускатною крышею и башнями по бокамъ, то въ видѣ минаретовъ и проч. Главному зданію предшествуютъ портики. Корнизы главнаго зданія выложены плитами, напоминающими кафельную облицовку, колонны нижняго яруса украшены росписными капителями. Входныя двери рѣшетчатыя, по видимому желѣзныя; окна, въ металлическихъ переплетахъ слюдяныя. Послѣднія отворяются, не продольными полотнами, какъ теперь, но поперечными, и именно подъемомъ внутрь зданія нижняго полотна, какъ это видно изъ оконъ, на иконѣ изображенныхъ открытыми.

Обратимся къ лѣтописи иконы. Она изображена въ особомъ клеймѣ, въ нижнемъ ряду сценъ акаѳиста, между 11-мъ и 12-мъ кондаками и занимаетъ небольшія пространства внизу этихъ мѣстъ. Она писана по бѣлому полю чернилами, почеркомъ, приближающимся къ полууставу, и, несомнѣнно, рукою самого Ушакова. Въ 11-ти строкахъ надпись гласитъ слѣдующее: Написася сія икона въ церковь Святыя Троицы, строеніе гостя Григорія Никитникова, что̀ въ Китаѣ городѣ. Писалъ до лицъ сій образъ Іаковъ Казанецъ; до лицъ же выбирку * довершилъ Гаврило Кондратьевъ; лица у всей иконы писалъ Симонъ Ѳедоровъ сынъ Ушаковъ. Написася отъ созданія міра 7167, отъ воплощенія Сына Божія 1659, іюля въ 28 день **.

Такимъ образомъ изъ этой драгоцѣнной лѣтописи узнаемъ мы во первыхъ, что икона относится къ первому періоду дѣятельности Ушакова; во вторыхъ, что въ написаніи иконы принимали участіе другіе иконописцы.

Отдавая полную справедливость крайней добросовѣстности мастера, пожелавшаго сохранить потомству имена сотрудниковъ и слишкомъ скромно заявившаго о своей дѣятельности въ капитальномъ произведеніи, мы постараемся, съ своей стороны, воздать ему должное, разъясненіемъ того, что̀ здѣсь исполнено имъ, и, что̀, его товарищами.

До лицъ писалъ образъ Іаковъ Казанецъ. Слова эти означаютъ, что онъ писалъ доличное то есть: одежду, фигуры до головы, въ тѣсномъ смыслѣ, и все остальное, землю съ фигурами и зданіями и со всѣми принадлежностями, словомъ всю икону, кромѣ лицъ въ фигурахъ, въ общемъ смыслѣ. Если слѣдовать послѣднему, то какъ ни важно въ иконѣ изображеніе лицъ, все-таки значеніе мастера, писавшаго въ ней одни лица, сильно парализуется капитальностью работы въ той же иконѣ его товарища. Если принять въ соображеніе еще то обстоятельство, что новый товарищъ, Гаврило Кондратьевъ, совершилъ выбирку доличнаго, т.-е. занимался раздѣлкой всѣхъ мелочей на иконѣ; то намъ представится дѣятельность въ ней Ушакова совершенно посредственною. Но не такова она была на самомъ дѣлѣ. Во первыхъ, въ лѣтописи не сказано ни слова о томъ, кому принадлежитъ рисунокъ, по старому: ознаменка иконы. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе и исполненіе его не принадлежитъ никому другому, кромѣ Ушакова. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, и профессія Ушакова, какъ знаменщика и самый характеръ рисунка въ фигурахъ и зданіяхъ. Такимъ образомъ, самое важное, существенное, остается въ этомъ произведеніи за Симономъ Ушаковымъ, и икона, по всей справедливости, должна считаться писанною имъ, хотя и при содѣйствіи товарищей. Какъ ни странно представляется это содѣйствіе въ наше время; но оно легко объясняется въ ту эпоху, когда раздѣленіе труда въ иконописи было въ полномъ ходу. На первыхъ порахъ своей дѣятельности и Ушаковъ долженъ былъ платить дань своему времени. Притомъ онъ такъ сильно былъ занятъ другими работами, что для написанія подобной иконы ему одному понадобилось бы очень много времени; въ товариществѣ оно сокращалось на половину. Но кто были его товарищами? О первомъ изъ нихъ мы не могли пока собрать достаточно свѣдѣній. Очевидно это былъ тотъ самый Яковъ Рудаковъ, который поступилъ въ царскіе мастера одновременно съ Ушаковымъ, и, притомъ, на высшій окладъ. Основываемся на томъ, что въ дѣлахъ 1652 года упоминается первымъ мастеромъ Яковъ Тихоновъ, онъ же называется и Яковъ Казанецъ; а со времени 1648 года т.-е. съ года поступленія Ушакова и Рудакова на службу, другаго иконописца первостепеннаго, съ именемъ Якова Тихонова не находится, кромѣ Якова Рудакова, который, въ послѣдствіи, въ актахъ, назывался, не по фамиліи, но по отчеству, а иногда по мѣсту происхожденія, изъ Казани, изъ тамошняго имѣнія князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго. Такимъ образомъ оказывается, что для написанія знаменитой иконы соединились лучшія современныя силы, первые царскіе мастера: лучшій знаменщикъ Серебряной Палаты и лучшій иконописецъ Оружейной Палаты.

Что̀ до другаго товарища Ушакова, Гавріила Кондратьева, то имя его весьма часто встрѣчается въ актахъ Оружейной Палаты, уже изданныхъ г. Забѣлинымъ. Кондратьевъ былъ однимъ изъ лучшихъ патріаршихъ иконописцевъ, принималъ участіе въ работахъ царскихъ мастеровъ и состоялъ тогда въ

---

* Это слово приписано сверху строки.

** Послѣднія строки надписи пострадали. Нѣкоторыя слова едва можно разобрать.

числѣ кормовыхъ изъ нихъ первой статьи. Въ 1660 году онъ былъ у стѣнописи Архангельскаго собора и Верхоспасской церкви; въ 1664 и 1665 годахъ писалъ иконы въ церкви Евдокіи мученицы и во дворѣ Никиты Ивановича Романова.

Теперь два слова о характерѣ письма иконы Благовѣщенія съ акаѳистомъ. Нашъ почтенный предшественникъ въ оцѣнкѣ произведеній Ушакова, Д. А. Ровинскій, уже замѣтилъ, что Ушаковъ писалъ свои иконы въ различномъ стилѣ, однѣ въ иконописномъ, другія въ живописномъ. Первыя, и въ числѣ ихъ разсматриваемую нами икону Благовѣщенія онъ считаетъ писанными въ родѣ Строгановскихъ третьихъ или бароновскихъ писемъ, вторыя, въ родѣ фряжскихъ. Причиною побуждавшею иконописцевъ къ такого рода разнохарактерности исполненія, по словамъ г. Ровинскаго, были заказщики, требовавшіе иконъ въ извѣстномъ стилѣ. Соглашаясь, отчасти, съ достопочтеннымъ авторомъ Исторіи русскихъ школъ иконописанія, относительно существованія факта, мы не вполнѣ вѣрными признаемъ его причины. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ допустить здѣсь вліяніе заказщика, когда въ одной и той же церкви находимъ иконы того же мастера, писанныя не одинаково. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онѣ писаны по иниціативѣ самого Ушакова. Не основательнѣе ли искать другихъ причинъ, болѣе существенныхъ, и не внѣшнихъ, а внутреннихъ, зависѣвшихъ отъ самого мастера, и прежде всего отъ извѣстнаго періода развитія художественной его дѣятельности?

Мы уже видѣли на этомъ, одномъ изъ первыхъ произведеній, подписанныхъ его рукою, характеристическую особенность, участіе другихъ мастеровъ, какъ дань времени, дань, отъ которой онъ отказался въ послѣдствіи. Нельзя ли смотрѣть на нее и въ отношеніи къ стилю, какъ на проявленіе первой поры художественной дѣятельности Ушакова? Иконопись тогда еще осиливала, тянула нашего художника болѣе къ старинѣ. И это было безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ цѣлой школы царскихъ мастеровъ, сформировавшейся еще до появленія въ Оружейной Палатѣ Ушакова, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и въ первые годы сына его, царя Алексѣя Михайловича. Школу эту, по всей справедливости, слѣдовало бы назвать школой царскихъ иконописцевъ первой половины XVII вѣка, но никакъ не приписывать ей зависимость отъ строгановской, или бароновской.

Уже съ перваго взгляда кажется страннымъ, что именитыхъ людей мастера не только конкурируютъ съ государевыми, но даже превосходятъ ихъ въ такомъ дѣлѣ, какъ иконопись, и, въ добавокъ, въ половинѣ XVII вѣка, во время процвѣтанія и православія и самодержавія; когда все болѣе или менѣе служило въ Россіи, почти исключительно для этихъ двухъ цѣлей; все лучшее стягивалось, волей-неволей, ко двору.

Затѣмъ, если разсмотримъ сколько нибудь основанія, вслѣдствіе которыхъ у насъ такъ положительно толкуютъ издавна о значеніи Строгановскихъ школъ иконописанія; то невольно покажется страннымъ, на чемъ основаны всѣ эти толки и преждевременныя заключенія. Нѣсколько десятковъ иконъ, намѣченныхъ на оборотѣ, что они писаны для Строгановыхъ, нѣсколько иконъ съ надписью, что они писаны людьми Строгановыхъ, послужили поводомъ къ изобрѣтенію цѣлой школы Строгановской иконописи. Но развѣ можно дѣлать еще отсюда иные выводы, кромѣ тѣхъ, что Строгановы были благочестивы, что они были люди зажиточные. Изъ дѣлъ Оружейной Палаты извѣстно, что и у другихъ зажиточныхъ лицъ были люди, писавшіе иконы. Какъ зажиточные гости, въ продолженіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ промышлявшіе разнаго рода товарами, они могли больше другихъ употреблять избытокъ средствъ своихъ на дѣла благочестія, на иконы, которыя могли они заказывать разнаго рода мастеровымъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, что подтверждается отчасти и памятниками, встрѣчающимися, то въ Москвѣ, то въ Ярославлѣ то въ Сибири и проч. На нѣкоторыхъ есть даже надписи, что они дѣланы Москвичами или Москвитянами и другихъ мѣстностей людьми. Строгановы могли сооружать церкви, могли жертвовать утварь церковную, могли заказывать для себя множество иконъ, выбирая при томъ себѣ по вкусу иконописцевъ; но изо всего этого не слѣдуетъ еще, что они должны были имѣть не только мастерскую, которая соперничала съ царскою, и которой послѣдняя подражала, но и образовать цѣлую школу иконописи.

Разсудимъ далѣе. До насъ дошло много иконъ первой половины XVII вѣка, которыя признаются Строгановскими. Одни изъ нихъ безъ надписей, другія, очевидно, съ позднѣйшими, апокрифическими подписями. Между тѣми и другими есть капитальные памятники русской иконописи, напримѣръ царскія двери въ Сторожевскомъ монастырѣ. Мало того. Иконы въ такъ-называемомъ Строгановскомъ

стилѣ не ограничиваются извѣстною мѣстностью. Они разсѣяны по всей Россіи. Они встрѣчаются во всѣхъ центрахъ иконописи XVII вѣка: въ Новгородѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Ростовѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ и проч. Такъ, въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ мы можемъ указать на икону Софіи Премудрости Божіей и на икону Успенія Божіей Матери съ облачными апостолами, писанныя: одна въ Новгородѣ, другая въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, какъ то свидѣтельствуютъ вѣрныя надписи; и между тѣмъ, по письму, они могли бы быть отнесены къ лучшимъ произведеніямъ Строгановской школы *. Много и другихъ иконъ сохранилось въ этомъ родѣ въ другихъ мѣстахъ. Многія изъ нихъ приводятся г. Ровинскимъ. Что, если откроются документы, что ихъ писали не строгановскіе, а царскіе мастера. Подобный документъ нами найденъ, и для самаго замѣчательнаго произведенія, для царскихъ дверей въ Звенигородскомъ Сторожевскомъ монастырѣ. Онѣ писаны Яковомъ Тихоновымъ Казанцемъ. Не ужели и послѣ этого писали ихъ Строгановскіе мастера или царскіе подражатели Строгановскихъ? Чѣмъ доказать, что царскіе мастера подражали Строгановскимъ. Повидимому, болѣе смысла было бы допустить обратно, что Строгановскіе мастера могли подражать царскимъ. Въ рукахъ правительства и въ XVII вѣкѣ, безъ сомнѣнія, болѣе было, и нравственныхъ, и физическихъ средствъ, чѣмъ у частной купеческой компаніи, попросту, у торговаго дома. Наконецъ, у насъ есть въ запасѣ еще одинъ положительный фактъ противъ существованія Строгановской школы. Это то, что знаменитѣйшій мастеръ, котораго доселѣ считали главою Строгановскихъ, былъ вовсе не Строгановскій, а прямо мастеръ Оружейной Палаты. Говоримъ о Прокопіи Чиринѣ. Свѣдѣніе это на столько важно, что необходимымъ считаемъ подкрѣпить его обнародованіемъ, хотя вкратцѣ, самаго акта.

Такъ, въ одной отпискѣ изъ Приказа Большаго Дворца 1648, декабря 31, на память изъ Оружейнаго Приказа, въ которой требовалось свѣдѣніе, что̀ иконнику Прокофью Чирину государева жалованья былъ денежный и хлѣбный окладъ, и кто въ иконописцы на его мѣсто справленъ, значится: въ Приказѣ Большаго Дворца, иконописцу Прокофью Чирину, государева жалованья хлѣбный окладъ былъ двадцать четей ржи, овса тожъ, а денежнаго окладу, и, кто на его мѣсто взятъ, выписать не изъ чего: во 131 году приходныя и расходныя книги и всякія дѣла сгорѣли.

Мало того, намъ удалось отыскать имя царскаго иконописца Прокопія Чирина еще въ другомъ, не менѣе любопытномъ актѣ и, на этотъ разъ, вмѣстѣ съ другимъ, такимъ же царскимъ иконописцемъ, котораго до сихъ поръ также называли Строгановскимъ, именно, съ Назаріемъ Истоминымъ Савинымъ.

По поводу челобитной 30 іюня, 1652 года, поданной царю извѣстнымъ иконописцемъ, Ѳедоромъ Козловымъ, принятымъ въ жалованные мастера и просившимъ о поверстаніи его жалованьемъ, была сдѣлана выписка слѣдующаго содержанія.

Въ Оружейномъ и въ иконномъ спискѣ мастеровыхъ людей 1621 года написано: „денегъ 20 рублевъ, хлѣба 20 четей ржи, овса тожъ. Иконописецъ Прокофій Чиринъ. И Прокофія не стало давно, а на его мѣсто никто не взятъ. 16 рублевъ, хлѣба 20 четей ржи, овса тожъ. Назарій Истоминъ. И Назарій умеръ, а на его мѣсто никто не взятъ.“

Такимъ образомъ изъ этихъ двухъ, неизданныхъ актовъ Оружейной Палаты, оказывается, что знаменитѣйшій, какъ о немъ говорятъ, изъ всѣхъ строгановскихъ иконописцевъ, Прокопій Чиринъ, котораго иконы цѣнятся выше всего любителями, за особую оконченность въ отдѣлкѣ и крѣпость письма, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Назарій Истоминъ, любимый иконникъ Никиты Григорьевича Строганова, были до конца жизни въ числѣ царскихъ мастеровъ Московской Оружейной Палаты. Насъ нисколько не смущаетъ, что они работали на Строгановыхъ, пріѣзжавшихъ торговать и въ Москву, не смущаетъ и то, что Назарій былъ сынъ Истомы Савина, человѣка Максима Яковлевича Строганова. Мало ли откуда ставились царскіе иконописцы. Назарій Истоминъ, какъ извѣстно, даже подписывался на иконахъ москвитиномъ. Не вездѣ же были центры Строгановской школы. Во всякомъ случаѣ, послѣ приведенныхъ нами соображеній и доказательствъ потребуется болѣе солидныхъ свидѣтельствъ, чѣмъ сколько ихъ было выставлено доселѣ партизанами Строгановской школы.

Но довольно пока о пресловутой школѣ русской иконописи. Мы желали только выгородить

---

* Не смотря на то, что онѣ сильно повреждены.

произведенія Ушакова изъ-подъ вліянія началъ, навязанныхъ ему безъ всякаго основанія, и, Богъ знаетъ, откуда, и это слишкомъ далеко завлекло насъ. Обратимся къ существенной задачѣ, посмотримъ еще разъ на Ушаковскую икону Благовѣщенія съ акаѳистомъ и поговоримъ о ея характеристикѣ.

Чтобы судить сколько-нибудь основательнѣе объ этомъ предметѣ, для того слишкомъ мало вооружиться точкой зрѣнія понятій и требованій живописи надо, хотя отчасти, познакомиться съ судьбою иконописи въ данный моментъ. Русская иконопись XVII вѣка, говоря откровенно, представляла печальное зрѣлище. По нашему крайнему разумѣнію, она стояла ниже даже предшествующей эпохи. Въ зависимости отъ историческихъ, крайне неблагопріятныхъ художественному развитію причинъ, между которыми главную роль играли старообрядческая исключительность и самонадѣянная замкнутость, препятствовавшія разностороннему и свободному отношенію къ искусству, русская иконопись, истощившая уже всѣ запасы творческаго духа, нисходила до крайней степени ремесленности. Кругъ священныхъ изображеній уже былъ исчерпанъ, замкнутъ, сюжеты церковные передѣланы, типы развиты, оставалось повторять старое, дѣлать переводы. Между тѣмъ рисунокъ сбитъ, а на помощь художнику не является натура. Заброшенная уже византійскими мастерами, не разрѣшенная церковью, она сдана въ архивъ русскими мастерами. Рисовальщики знаютъ одни предшествующіе образцы, испорченные и избитые; такъ какъ произведенія древнѣйшія лучшаго времени частію подверглись поновленіямъ, частію погибли въ смутное время. Между тѣмъ, требованіе на иконы, какъ на предметы чествованія, усиливаются. Церковь и правительство предписываютъ, чтобы иконописцы придерживались старыхъ, добрыхъ образцовъ. Сознаніе личной несостоятельности и страхъ потерять послѣдніе источники вынуждаютъ иконописцевъ, въ разныхъ концахъ Россіи, составлять руководства, переписывать Подлинники. Понятно, что и Подлинники эти не могутъ удовлетворить мастеровъ, потому что въ нихъ писано не одно и то же, такъ какъ они составлялись съ разныхъ образцовъ. Кредитъ ихъ палъ тотчасъ, какъ иконописцы собрались и привезли свои источники въ Москву, въ царскую мастерскую. Что было дѣлать благочестивому художнику, при такомъ положеніи искусства, при отсутствіи всякаго освѣжающаго элемента. Понятно, что ему оставалось тратить трудъ и талантъ на мелочи, на тщательную отдѣлку своей иконы красками, золотомъ, и не слишкомъ много хлопотать о сочиненіи, о правильности рисунка, о свободной постановкѣ фигуръ, выраженіи и пр. Было достаточно, если размѣры фигуръ сколько-нибудь приближались къ нормальнымъ, если въ одноличныхъ иконахъ фигуры стояли прямо, въ многоличныхъ группами, обращенными въ одну сторону. Иконописцы словно щеголяли пестротой колорита и письмомъ мелкихъ иконъ. Условность господствовала и въ расположеніи общихъ плановъ, и въ изображеніи фигуръ, зданій, растительности. Особенно каррикатурны выходили рисунки обнаженныхъ частей тѣла; руки и ноги представлялись въ видѣ какихъ-то прямыхъ палочекъ.

Въ XVI вѣкѣ, подъ вліяніемъ всемірнаго тока возрожденія, пронеслась было свѣжая струя и въ русскомъ искусствѣ. Нѣчто въ родѣ возрожденія послѣдовало и здѣсь; но оно основывалось, разумѣется, не на античной почвѣ, но на почвѣ византійскихъ преданій. Въ иконописи отозвалось оно въ созданіи новыхъ сюжетовъ, преимущественно изъ круга церковныхъ пѣсней. Къ серединѣ XVII вѣка кончилось всякое движеніе въ русской иконописи.

Симонъ Ушаковъ, воспитавшійся на образцахъ старой иконописной школы царскихъ мастеровъ, долженъ былъ въ первыхъ произведеніяхъ своей кисти обнаружить это вліяніе. Строго разбирая недостатки его иконы Благовѣщенія, мы находимъ, что въ ней много элементовъ чисто иконописныхъ, и главный—это условность, симметричность въ способѣ представленія природы. Такъ волны имѣютъ видъ симметрично-расположенныхъ завитковъ, рѣка—видъ кривыхъ полосъ, растенія скорѣе походятъ на орнаментъ, скалы построены искусственно. Неба нѣтъ вовсе, а вмѣсто него только плоскій фонъ, по которому размѣщены такія же плоскія фигуры, безъ воздуха. Линейная перспектива съ погрѣшностями. Но всѣ эти необходимыя и присущія всякому произведенію иконописи недостатки искупаются своего рода достоинствами, смѣлостью сочиненія, бойкостью рисунка, богатствомъ содержанія, движеніемъ въ фигурахъ, наконецъ оригинальностью.

Въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, ни одной иконы, ни въ русской, ни въ византійской иконописи того же сюжета, въ которой бы рисунокъ былъ до того сложенъ и до того умно сочиненъ, какъ въ этихъ мѣстахъ акаѳиста. При множествѣ фигуръ мы не находимъ ни одной лишней, безъ дѣйствія.

Здѣсь все на мѣстѣ, все кстати, и если нѣтъ еще выраженія въ лицахъ, то движенія въ фигурахъ отрицать невозможно. Оно замѣтно, не только въ группахъ, но и въ отдѣльныхъ личностяхъ всей иконы. При единствѣ дѣйствія всякая фигура относится къ главному предмету самостоятельно, по своему, даже въ такихъ сюжетахъ, гдѣ главная задача—показать благоговѣніе къ Богочеловѣку или Пречистой Дѣвѣ. И здѣсь, одни молятся, другіе смотрятъ изумленные, третьи дѣлятся своимъ впечатлѣніемъ и пр. Все это видно въ приличныхъ важности сюжета дѣйствіяхъ отдѣльныхъ фигуръ. Но, кромѣ ума и оригинальности въ общемъ составѣ, или композиціи каждаго сюжета, нельзя не замѣтить еще крайней добросовѣстности мастера, съ которой относился онъ къ своему произведенію въ выборѣ аксессуаровъ. Съ одной стороны бралъ онъ ихъ изъ современности, прямо съ патуры, съ другой изъ бывшихъ у него, иллюстрированныхъ изданій. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у его предшественниковъ, которые копировали въ иконахъ своихъ и зданія, и животныхъ, и, послѣдовательно искажая греческіе образцы, доводили аксесуары до нелѣпости. Сохранивъ искреннее благочестіе древнерусскаго человѣка, Ушаковъ позволилъ себѣ въ нѣкоторой степени ввести реализмъ въ иконопись. Но, на первыхъ порахъ, онъ не могъ еще сдѣлать многаго, хотя, очевидно, пользовался бывшими у него подъ руками новыми матеріялами, напр. видами Константинополя, гравюрами съ изображеніями лошадей, бралъ съ натуры формы современнаго ему русскаго церковнаго зодчества, представилъ царское семейство со свитою въ костюмахъ и съ архитектурными принадлежностями, также современными. Икона его должна была произвести на современниковъ впечатлѣніе, какъ явленіе новое и выдающееся.

Наконецъ, мы приблизились къ 1660 году, т.-е. къ тому времени, когда, уже по изданнымъ актамъ, Симонъ Ушаковъ значится московскимъ жалованнымъ иконописцемъ. Выше замѣчено было, насколько несправедливо мнѣніе ученыхъ, будто бы въ 1660 г. онъ въ первый разъ упоминается въ дѣлахъ Оружейнаго Приказа, въ числѣ государевыхъ жалованныхъ иконописцевъ. Съ одной стороны мы видѣли, что онъ былъ царскимъ жалованнымъ иконописцемъ гораздо прежде, именно съ 1648 года, хотя состоялъ на службѣ и въ Серебряномъ Приказѣ, съ другой стороны, что въ службѣ его не произошло перемѣны по самый 1664 годъ, т. е. четыре года спустя послѣ появленія его имени въ числѣ жалованныхъ иконописцевъ, даже въ печатныхъ документахъ, изданныхъ г. Забѣлинымъ: онъ оставался, по прежнему, знаменщикомъ и иконописцемъ, дѣлалъ рисунки, писалъ иконы, работалъ и въ Серебряный Приказъ и въ Оружейный. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этотъ промежутокъ времени онъ уже сильно двинулся впередъ, какъ въ своемъ мастерствѣ, такъ и по службѣ. Постоянныя, разнообразныя занятія выработали изъ него опытнаго и свѣдущаго дѣятеля по всѣмъ частямъ иконописи, или русской живописи XVII вѣка, а честныя отношенія къ предмету, добросовѣсное исполненіе заказовъ и разнаго рода казенныхъ порученій уже упрочили за нимъ славу мастера добраго. Находясь, и по службѣ, и по роду своей спеціальности, въ сношеніи съ людьми болѣе или менѣе развитыми, стоявшими на высшей степени образованія, между русскими того времени, съ образованнѣйшими изъ бояръ при царскомъ дворѣ, съ ученѣйшими изъ духовенства, наконецъ, съ художниками и техниками изъ иностранцевъ, онъ не могъ относиться безсознательно ко всѣму его окружавшему, не могъ оставаться безразличнымъ и безучастнымъ зрителемъ близко его касавшихся нововведеній, новыхъ воззрѣній, новыхъ обычаевъ. Но онъ смотрѣлъ на все это строгими глазами русскаго человѣка XVII вѣка, не безъ любопытства, не безъ участія, но съ осторожностью. Сознавая несостоятельность иконописной техники, онъ все-таки не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ нея вполнѣ, и дѣятельность его здѣсь ограничилась улучшеніемъ нѣкоторыхъ частей. Мы уже высказывали свои сожалѣнія по поводу совершеннаго недостатка прямыхъ источниковъ для характеристики Ушакова, частной переписки или чего нибудь подобнаго, въ чемъ бы высказались непосредственно и ясно его личныя воззрѣнія, не легко уловимыя изъ оффиціальныхъ актовъ; и для того, чтобы возсоздать эту почтенную личность въ возможной цѣлости, и исторически вѣрно, мы должны собирать разсѣянные въ различныхъ мѣстахъ полунамеки. Такъ, для характеристики отношенія Ушакова къ искусству, мы должны будемъ, кромѣ писанныхъ имъ иконъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя мѣста изъ извѣстнаго посланія иконописца Іосифа, вѣроятно его товарища, Осипа Владимірова, ярославскаго иконописца, долгое время жившаго въ Москвѣ и работавшаго въ мастерской Ушакова въ 1660 году. Отсюда увидимъ мы, какой новый свѣтъ

проливался на русскую иконопись XVII вѣка изъ мастерской Ушакова, которая была передовою въ полномъ значеніи этого слова. Въ связи съ реформами Никона здѣсь трактовали серьезно и работали въ пользу прогресса церковнаго искусства, противъ закоренѣлыхъ приверженцевъ старины, относившихся къ иконописи съ аскетизмомъ и считавшихъ грѣховнымъ всякаго рода проявленіе здѣсь красоты и природы. Въ зависимости, безъ всякаго сомнѣнія, отъ столкновеній Ушакова съ западными произведеніями и западными мастерами, въ царскихъ мастерскихъ палатахъ, изъ мастерской Ушакова въ Китаѣ городѣ, появились протесты противъ рутиннаго и ремесленнаго производства иконъ въ Россіи, и послышались симпатіи въ пользу художественныхъ изображеній запада. Чтобы понять всю важность подобнаго рода воззрѣній для русскаго иконописца XVII вѣка, слѣдуетъ замѣтить, что по общепринятымъ понятіямъ современниковъ Ушакова, одни только иконы, писанныя православными и слѣдовательно, въ строго-иконномъ стилѣ, допускались; на иностранныхъ же художниковъ работы смотрѣли, какъ на еретическія. Безусловное поклоненіе старинѣ и самодовольная исключительность должны были пасть съ появленіемъ анализа и критики.

Но при всей свободѣ отношеній Ушакова къ иконописи, какъ къ искусству церкви, онъ оставался вѣренъ основамъ истиннаго православія и отличался искреннимъ благочестіемъ. Въ службѣ искусству онъ видѣлъ служеніе церкви и приносилъ на алтарь ея плоды своихъ талантовъ, по собственному его выраженію, сохранившемуся въ надписяхъ на нѣкоторыхъ изъ приложенныхъ имъ иконъ. Въ томъ же родѣ отзывался онъ, по временамъ, и въ своихъ челобитныхъ.

До насъ дошло довольно большое число челобитныхъ Ушакова. Многія изъ нихъ не представляютъ особой важности для исторіи иконописи, заключая въ себѣ только прошеніе и напоминаніе о выдачѣ жалованья, необходимое, повидимому, при канцелярскихъ порядкахъ его времени, когда на жалованье смотрѣли, не какъ на опредѣленное вознагражденіе за условную въ пользу казны службу, а какъ на произвольное пожалованье, награду за работу. Притомъ, финансовая система до того была не развита, что деньги отпускались, то изъ одного, то изъ другаго источника. Иногда много хлопотъ стоило, чтобы выпросить себѣ жалованье по окладу; напоминать о себѣ приходилось довольно часто, два раза въ годъ необходимо, и притомъ въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе жалобныхъ, съ цѣлію подѣйствовать успѣшнѣе на начальство приказа. Сравнивая характеръ такихъ челобитныхъ Ушакова съ челобитными другихъ мастеровъ, его товарищей, невольно приходишь къ убѣжденію, что Ушаковъ и здѣсь держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Онъ не уступалъ казнѣ заслуженнаго имъ жалованья, но не выпрашивалъ, подъ разными предлогами семейнаго горя и радости, домашняго несчастія, дополнительныхъ вознагражденій. Онъ, повидимому, жилъ безбѣдно, хотя и обзавелся порядочнымъ семействомъ. Много работалъ и тѣмъ кормилъ себя и семью.

Въ 1660 году Симону Ушакову было уже около 35 лѣтъ отъ роду и 12 лѣтъ службы въ царскихъ мастерахъ. Онъ представляется намъ вполнѣ упрочившимъ за собою добрую славу хорошаго мастера, мыслящимъ, степеннымъ и честнымъ труженикомъ искусства, въ чести и любви у товарищей, въ уваженіи и довѣріи у начальства. Съ этого времени Ушакову поручается надзоръ и свидѣтельство всѣхъ работъ иконописныхъ и живописныхъ. Онъ становится во главѣ разнородныхъ операцій, по повелѣнію государя. Пора была горячая. Царь Алексѣй Михайловичъ покровительствовалъ искусству, любилъ благолѣпіе. То поновлялось старое, то строилось новое. Ушаковъ вездѣ принимаетъ живое участіе. Работаетъ самъ, досматриваетъ за другими иконописцами. Упомянемъ здѣсь о тѣхъ работахъ, въ которыхъ, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, принималъ прямое участіе Симонъ Ушаковъ въ 1660 году. Мы встрѣчаемся съ нимъ, прежде всего, у Архангельскаго письма, т.-е. при работѣ стѣнописи Московскаго Архангельскаго собора. Судя по документамъ архива Оружейной Палаты, частію напечатаннымъ въ Матеріалахъ г. Забѣлина, частію же еще не изданнымъ, работа эта начата была еще въ 1652 году, вновь затѣвалась въ 1658. Но въ нарядахъ рабочихъ людей, или въ спискахъ мастеровыхъ того и другаго года, не встрѣчаетс имени Ушакова. Во главѣ мастеровыхъ перваго года, 1652-го стоятъ имена иконописцевъ: Якова Казанца и Степана Резанца; втораго, 1658-го: Степанъ Резанецъ и Ѳедоръ Козловъ. Что до отсутствія Симона Ушакова, то оно можетъ быть объяснено прямо срочными занятіями въ другихъ мѣстахъ.

Но въ спискѣ московскихъ жалованныхъ иконописцевъ, составленномъ, по случаю росписи Архан-

гельскаго собора, въ 1660 году, значатся имена: Степанъ Резанецъ, Симонъ Ушаковъ и Ѳедоръ Козловъ. * Несмотря на то, что имя Ушакова здѣсь на второмъ мѣстѣ, имѣемъ прямое основаніе думать, что въ этой работѣ ему принадлежало первое мѣсто. Это видно уже изъ самыхъ росписей иконописцевъ, составленныхъ для выдачи имъ жалованья. Росписи эти скрѣплены всѣ рукою Ушакова, нѣкоторыя даже писаны имъ самимъ; а то и другое дѣлалось обыкновенно лицами, завѣдывавшими операціей, или, какъ выражались въ то время, лицами, бывшими въ началѣ, во главѣ дѣла. Работа происходила въ маѣ и іюнѣ 1660 года, затѣмъ, когда продолжать ее, по причинѣ настоятельной нужды въ починкахъ собора, ** освидѣтельствованныхъ, опять таки, Ушаковымъ, оказалось невозможнымъ; — призванные иконописцы были распредѣлены по другимъ работамъ: частію писать знамена, частію наружную стѣнопись Успенскаго собора. Въ расходной книгѣ Оружейной Палаты 7168 (1660) года сохранились извѣстія о полученныхъ имъ въ теченіи этого года кормовыхъ деньгахъ. Такъ сентября 28 получилъ онъ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Козловымъ, съ 6-го мая по 1-го сентября, 15 р. 32 алтына. При этомъ о работѣ замѣчено: Чинили иконы изъ Успенскаго собора и писали вновь, вверхъ. Дек. 2-го имъ же выдано съ 1-го сентября по 1-е декабря — 10 р. 30 алт., т.-е. по два алтына на день человѣку. 28 марта одному Ушакову, съ 1-го дек. по 1-е апрѣля на 122 дня, 7 р. 12 алт. 2 деньги. 18 іюня Ушакову, съ 1-го апрѣля по 1-ое, іюля 5 р. 15 алт. 2 деньги. При послѣднемъ полученіи сдѣлана отмѣтка: Починилъ онъ иконы къ государю вверхъ, въ церковь Евдокіи. Изъ той же книги (Арх. Ор. П. № 836) узнаемъ мы, что 23 октября 1660 года Ушакову выдано 100 листовъ сусальнаго золота, на рубль 6 алт. 4 деньги. Писалъ онъ кіотныя створы Аѳанасія Аѳонскаго да Архангела Гавріила. Іюня 5-го получилъ онъ пять рублей за работу, что писалъ икону на кипарисной дскѣ Пречистыя Богородицы Знаменія въ хоромы государынѣ цесаревнѣ и великой княжнѣ Ириѣ Михаиловнѣ. Приказывалъ и икону взялъ крестовый дьякъ Агаѳоникъ Евдокимовъ. Въ другой книгѣ, содержащей расходныя статьи по выдачѣ жалованья (Арх. Оруж. П. № 878) находимъ слѣдующее извѣстіе, относящееся, по видимому къ апрѣлю мѣсяцу. Симону Ушакову со товарищи дано царскаго жалованья по 4 аршина сукна полукармазину, по рублю аршинъ, по 4 аршина тафты зеленой, по 22 алтына по 2 деньги аршинъ, городскаго, 7168 году. Въ іюлѣ и августѣ почти всѣ иконописцы чистили и починивали волныя стѣны надъ алтарями соборной церкви, т.-е. наружныя стѣны Успенскаго собора съ восточной стороны, затѣмъ надъ сѣверными входными дверями, что отъ патріаршаго двора. Въ нѣкоторыхъ росписяхъ сказано кратко: починивали въ Успенскомъ соборѣ стѣнное письмо. Росписи этихъ работъ скрѣплены всѣ рукой Ушакова, слѣдовательно участіе его здѣсь не подлежитъ сомнѣнію.

Между тѣмъ, въ іюлѣ и въ августѣ того же 1660 года онъ находился на другой работѣ, и именно въ церкви св. Евдокіи, на царскомъ дворѣ, вверху, гдѣ иконописцы писали вновь царскія двери. Тутъ онъ снова во главѣ предпріятія.

Наконецъ, ему же поручается досмотръ за работами иконописцевъ, которые, вмѣстѣ съ польскимъ выѣзжимъ шляхтичемъ, Станиславомъ Лопуцкимъ, писали знамена по камкамъ и тафтамъ. Иконописцы въ актѣ названы живописцами; слѣдовательно и предпріятіе было не на иконный образецъ, а на живописный, притомъ и Лопуцкій былъ живописецъ, хотя не изъ лучшихъ.

Въ числѣ ожидающихъ обнародованія документовъ, которые должны освѣтить біографію Ушакова, въ Архивѣ Оружейной Палаты мы видѣли, между прочимъ, весьма любопытную челобитную этого мастера, 1663 года, въ которой, между разными работами его, упоминаются и занятія его 1660 года.

Въ прошломъ въ 168 (1660) году, по указу Великаго Государя и по наряду изъ Оружейной Палаты, починивали соборную церковь Пречистыя Богородицы Успенскаго собора стѣннымъ письмомъ, и въ то время у починочнаго дѣла стѣннаго письма въ началѣ былъ и надъ мастерами въ досмотрѣ знаменщикъ и иконникъ Симонъ Ушаковъ. Да въ томъ же году, онъ же Симонъ починивалъ, въ Успенской же соборъ, чудотворныя иконы, образъ Пречистыя Богородицы письма Петра митрополита.

---

* Матеріалы для Истор. Русск. Икон. 26, 29, 39 и 40 стр.

** Тамъ же стр. 40 и 42.

Такимъ образомъ, съ 1660 года дѣятельность Ушакова значительно усиливается. Съ одной стороны ему поручаются важнѣйшія работы, съ другой, наблюденіе за всѣми операціями по части церковной и свѣтской иконописи.

Извѣстія о дѣятельности его въ слѣдующемъ 1661 году дошли до насъ еще въ большей полнотѣ. Благодаря сохранившимся, собственноручнымъ росписямъ его работъ за этотъ годъ мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что онъ дѣлалъ въ это время, почти изо дня въ день. Росписи эти, натурально, въ глазахъ нашихъ, служатъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для исторіи иконописи въ Россіи. По нимъ можно судить весьма ясно, какъ о крайне разносторонней дѣятельности русскаго иконописца XVII вѣка вообще, такъ и о степени развитія Симона Ушакова въ особенности. Онъ является здѣсь и художникомъ и ремесленникомъ, чертежникомъ и рисовальщикомъ, живописцемъ и иконописцемъ. Перечислимъ занятія его въ этомъ году, начиная, по обычаю того времени, съ мѣсяца сентября. Считаемъ необходимымъ исполнить это болѣе потому, что никогда еще подобные документы не были обнародованы.

Съ 1-го сентября по 1-е ноября занятія Ушакова были слѣдующія. Во первыхъ, онъ былъ на работѣ, когда кормовые иконописцы * въ Покровской церкви, у Троицы на Рву, что нынѣ Василій Блаженный, писали мѣстный образъ Спасителя, сѣверную дверь, чинили пять мѣстныхъ иконъ и царскія двери. Ему порученъ былъ досмотръ за иконописцами, и онъ работалъ вмѣстѣ съ ними. Въ это же время онъ занимался возстановленіемъ извѣстной иконы Благовѣщенскаго собора, въ настоящее время называемой Млекопитательницей, которая въ росписи слыветъ Барловскою, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ у сосца. Вѣроятно, для того же Благовѣщенскаго собора, сочинялъ онъ рисунки травныхъ украшеній, для деревянной скамьи, въ родѣ тѣхъ, что донынѣ можно видѣть того же собора въ одномъ изъ верхнихъ придѣловъ. Заготовлялъ на бумагѣ рисунки драгунскихъ знаменъ и писалъ тѣ знамена. Возстановлялъ другую икону Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, исправлялъ ее и покрывалъ олифой. Также исправлялъ и крылъ олифою икону Нерукотвореннаго Спасова образа, въ бархатномъ кіотѣ, со створами, находившуюся въ церкви Преподобной Евдокіи на сѣняхъ.

Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, ничего, о работахъ Ушакова съ ноября мѣсяца по мартъ того же года; потому что не могли отыскать росписей за это время; но вотъ въ какомъ порядкѣ онѣ идутъ съ марта по іюль. Онъ чертилъ на бумагѣ чернилами теченіе рѣки Дона, отъ Воронежа до Азова, снимая рисунокъ или карту съ какого-то стола у государя, чертилъ и раскрашивалъ карту Швеціи и дѣлалъ рисунки четырехъ евангелистовъ. Двѣ послѣднія работы назначены были къ Тайнымъ дѣламъ, первая вѣроятно, съ политическою цѣлію, вторая съ цѣлію тайной благотворительности. Кромѣ того, возстановлялъ онъ образъ, писанный Петромъ митрополитомъ, былъ съ мастерами, на работѣ у знаменъ, въ Золотой Палатѣ, и, вмѣстѣ съ патріаршимъ иконописцемъ, Ѳедоромъ Елизаровымъ, возстановлялъ икону Нерукотвореннаго Образа, у государя на сѣняхъ, вѣроятно ту самую, которая и теперь находится на стѣнѣ паперти, въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Въ заключеніе, онъ написалъ въ это время, для государя, слѣдующія иконы: Алексія Митрополита, Ангела Хранителя, Мученицы Агаѳіи на кипарисной доскѣ, Ѳеодора Стратилата, т.-е. иконы ангеловъ царскаго семейства. Изъ нихъ послѣдняя, Ѳеодора Стратилата, имѣетъ въ глазахъ нашихъ особое значеніе потому, что, благодаря замѣткѣ, сдѣланной Ушаковымъ, при упоминаніи ея въ актѣ, мы можемъ до сего времени видѣть ее въ числѣ надгробныхъ иконъ Архангельскаго собора. Она написана была, по словамъ мастера, въ мѣру возраста рожденнаго царевича Ѳеодора Алексѣевича и точно такую икону находимъ мы надъ гробомъ царя Ѳеодора въ соборѣ **. Она помѣщается въ ряду мелкихъ иконъ, вверху, на сѣверномъ среднемъ столбѣ, съ западной стороны. Размѣръ ея $10\frac{1}{2}$ и 3 вершка. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, она представляется совершенно испорченною, записанною масляными красками. Но лѣтъ двадцать назадъ, когда я осматривалъ достопримѣчательности собора, икона эта была еще въ цѣлости. Въ запискахъ монхъ того времени она отмѣчена типичною, но писанною въ свѣтломъ тонѣ. Золоченый окладъ и гривна

---

* Въ числѣ 11 человѣкъ, 99 дней.

** За эту работу онъ получилъ сукно доброе кармазинъ, какъ видно изъ челобитной мастера, Ѳедора Евтихѣева, просившаго въ 7174 году себѣ награды, по примѣру полученной Ушаковымъ, когда Ѳедоръ Евтихѣевъ написалъ ангела царевича Симеона.

выложены каменьями. Письмо иконы представляло, въ рисункѣ, строго иконописный стиль, но красками оно приближалось къ природѣ. Теперь все закрашено, какъ водится, плохими реставраторами.

Извѣстія о дѣятельности Ушакова въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1661 года, т.-е. іюля и августа, включены въ общую роспись, съ отчетомъ о работахъ его, въ первое полугодіе 1662 года, съ сентября по мартъ и ими то начинается послѣдняя роспись. Мы узнаемъ отсюда, что мастеру нашему, по прежнему, поручалось возстановленіе важнѣйшихъ памятниковъ иконописи, что онъ занимался исправленіемъ образа Нерукотвореннаго Спасителя, иконы лицевыхъ святцевъ или Миней, для государя. Онъ же, возобновлялъ икону Воскресенія Христова, для царевны Ирины Михаиловны.

Кромѣ того, рисовалъ онъ орлы въ клеймахъ на мушкеты, чертилъ и раскрашивалъ новую карту Швеціи въ Приказъ тайныхъ дѣлъ, исправлялъ къ рождественскимъ праздникамъ стѣнопись царской комнаты, покрывалъ олифой образъ Успенія Богородицы. Въ той же осьмимѣсячной росписи показаны другія работы Ушакова. По серебру на ножахъ, говоритъ она, рисовалъ онъ звѣрей, птицъ и травы, на бумагѣ писалъ вверхъ, къ государю, раскрашенные рисунки, изображающіе иноземцевъ и русскихъ, наконецъ знаменилъ рогъ и подъ рогъ змія на поддонѣ.

Указанныя работы исполнены, частію имъ самимъ, частію въ товариществѣ. О послѣднемъ узнаемъ мы изъ другихъ, такихъ же росписей, писанныхъ для выдачи кормовыхъ денегъ иконописцамъ, и скрѣпленныхъ рукою Ушакова. Такъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1661 года, при немъ состоялъ иконописецъ Ѳедоръ Ѳедоровъ Поповъ, принимавшій участіе въ письмѣ иконъ ангеловъ царскаго семейства; кромѣ Ѳедора, при возобновленіи иконы Воскресенія, въ рисованіи евангелистовъ къ Тайнымъ дѣламъ, въ возобновленіи Миней и при такомъ же возобновленіи иконы Спаса Нерукотворенаго, былъ патріаршій иконописецъ, Ѳедоръ Елизаріевъ. Но участіе это, вѣроятно, ограничивалось второстепенною ролью; главная дѣятельность, по части сочиненія и мастерскаго исполненія, принадлежала Ушакову. Это видно и изъ самаго смысла росписей, указывающихъ между прочимъ на то, что иконописцы были на работѣ съ жалованнымъ мастеромъ, придавались ему въ подмогу.

Наконецъ, есть особое свѣдѣніе, память изъ приказа, въ которой значится, что, по указу государя, иконописецъ Симонъ Ушаковъ и оружейнаго дѣла мастера, Григорій Вяшкинъ и Василій Титовъ были избраны для заводу монетнаго дѣла и препровождены * съ этою цѣлію изъ Оружейнаго Приказа въ Казенный, къ боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому. И здѣсь, вѣроятно, Ушакову пришлось дѣлать рисунки. Въ чемъ не принималъ онъ участія?

Въ 1662 году мы встрѣчаемся съ Ушаковымъ на работѣ въ Троицкомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ, по указу государя, расписывалась придѣльная церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата, опять въ честь ангела царевича Ѳеодора. Для этой работы были вызваны, между прочимъ, Троицкіе мастера, въ числѣ 17 человѣкъ и 6 человѣкъ травщиковъ. Она продолжалась съ 21 апрѣля по 18 мая, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся росписи, всѣ скрѣпленныя рукою Симона. Объ участіи Симона въ этомъ предпріятіи, равно и о другомъ занятіи его въ этомъ году, упоминается въ его челобитной 1663 года и при ней въ приказной выпискѣ. И здѣсь и тамъ говорится, что онъ былъ въ это время „у дѣла на Троицкомъ подворьѣ Богоявленскаго монастыря, въ придѣлѣ великаго мученика Ѳеодора Стратилата, знаменилъ въ церкви стѣнное письмо, и около всей соборной церкви во шти мѣстѣхъ, обопныя стороны, и надъ мастеровыми людьми въ досмотрѣ у того дѣла былъ“. Затѣмъ упоминается, что онъ же писалъ, на кипарисной дскѣ, мѣру государыни царевны и великія княжны, Ѳеодосіи Алексѣевны. Въ челобитной при словѣ знаменилъ, добавлено, и писалъ стѣпнымъ письмомъ. Что же до письма мѣры царевны Ѳеодосіи, то объ этомъ Ушаковъ выражается такъ: писалъ образъ Живоначальныя Троицы да преподобныя матери нашея Ѳеодосіи дѣвицы, на мѣрѣ государыни, царевны Ѳеодосіи Алексѣевны. Очевидно, что это была икона святой, тезоименитой царевнѣ, съ изображеніемъ вверху св. Троицы, икона, написанная на доскѣ, мѣрою, въ ростъ новорожденной царевны. Извѣстій о подобныхъ иконахъ XVII вѣка сохранилось не мало. Нѣсколько подлинниковъ существуетъ въ Архангельскомъ соборѣ и въ соборѣ Вознесенскаго монастыря. Будучи первоначально исполнены, какъ пожеланія здравія и благоденствія, онѣ, въ настоящее время, украшаютъ гробницы тѣхъ лицъ, для которыхъ были

---

* Февраля 1661 года.

писаны. Въ расходной книгѣ матеріаламъ Оружейнаго Приказа 7170 (1662) года, подъ 8 числомъ ноября значится, что Ушаковъ серебрилъ, на пяти знаменахъ, кресты. (Арх. Ор. Пал. № 835).

Изъ той же челобитной 1663 года узнаемъ мы, что, съ сентября по декабрь 1663 года, Ушаковъ „писалъ мѣстный образъ Денсусъ и Маріи Египетской, былъ у дѣла великаго государя, у комнатнаго окна, починки и у золоченья.“ Затѣмъ, послѣ перерыва свѣдѣній о работахъ его въ продолженіи слѣдующихъ мѣсяцевъ, нѣсколько новыхъ фактовъ сообщаютъ намъ росписи современныхъ работъ и новая челобитная 1663 года, поданная Ушаковымъ, вмѣстѣ съ Степаномъ Резанцемъ, Ѳедоромъ Козловымъ, Иваномъ Леонтьевымъ и Ѳедоромъ Зубовымъ. „18 іюля царь Алексѣй Михайловичъ указалъ: въ соборной церкви Благовѣщенія, мѣстныя иконы и денсусъ сполна починить и изолифить заново, а для поспѣшенія того дѣла московскимъ и городовымъ иконописцамъ указалъ взять, въ прибавку, дворцовыхъ иконописцевъ Напрудныя слободы, Ѳедора Тимоѳеева съ товарищи“. Немедленно были собраны московскіе жалованные иконописцы: Симонъ Ушаковъ съ товарищами, 5 человѣкъ; кормовые, Иванъ Филатьевъ съ товарищами, 7 человѣкъ; патріаршіе 2 и изъ Напрудной 6 человѣкъ; кромѣ, того за двумя послали въ Коломну. Работа была окончена къ 1 числу сентября. * Кормовыя росписи подписаны Ушаковымъ. Его же рукою скрѣплены и другія росписи кормовымъ иконописцамъ того же времени, работавшимъ въ Успенскомъ соборѣ, ** гдѣ они писали надъ дверьми стѣнное письмо. Ясно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ томъ и другомъ предпріятіи. Участіе это, впрочемъ, свидѣтельствуется и приведенною выше совмѣстною челобитною, гдѣ сказано, что жалованные иконописцы, и, вмѣстѣ съ ними, Симонъ Ушаковъ, писали у соборной церкви съ полуденной страны надъ дверьми „Спасовъ образъ и архангеловъ и святителей, да въ церкви Благовѣщенія Богородицы починивали большой Денсусъ“. Кромѣ того, въ одной уцѣлѣвшей росписи его собственныхъ работъ этого времени говорится прямо, что онъ былъ, „съ иконописцами собора Благовѣщенія у починки большаго денсуса, а въ Успенскомъ соборѣ, съ южной стороны, надъ дверями, писалъ стѣнное письмо вновь и надъ мастерами присматривалъ.“ Въ этой кормовой росписи съ 15 іюня по 1 сентября, упоминается еще, неизвѣстная намъ доселѣ, богородичная икона съ мощами Благовѣщенскаго собора, которая возстановлена была иконописцами подъ его наблюденіемъ. Наконецъ, въ томъ же 1663 году, говоритъ совмѣстная челобитная, жалованные иконописцы, съ Ушаковымъ, написали знамя и чертежъ, что въ Семеновскомъ, государева смотру, т.-е. рисунокъ параднаго смотра войскъ, составленный, или съ натуры, или со словъ распорядителей.

Работа стѣнописи Успенскаго собора продолжалась и въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1664 года, какъ видно изъ слѣдующей кормовой росписи Ушакова, сообщающей свѣдѣнія и о другихъ занятіяхъ его, съ сентября по декабрь. „У большаго собора Успенія Пресвятой Богородицы, съ полуденной стороны, надъ дверьми и одверье писалъ стѣнымъ письмомъ святителей и архангеловъ, и надъ мастерами присматривалъ; да писалъ богородицынъ образъ, для опыта новой вохры; да хоругвь писалъ по тафтѣ, по обѣ стороны два Нерукотворенныхъ Спасовыхъ образа, на убрусѣ, со ангели“. То же свидѣтельствуютъ и скрѣпленныя Ушаковымъ росписи кормовыхъ иконописцевъ, писавшихъ, съ 2 по 6 сентября, у Успенскаго большаго собора около дверей, по дугамъ, травы. Въ другой, такой же росписи кормовыхъ иконописцевъ, подписанной имъ же, сказано, что съ 9 по 13 сентября они красили станки къ пищалямъ и къ карабинамъ, разными цвѣтами.

15 декабря, 1664 года, состоялся царскій указъ, о перемѣщеніи Симона Ушакова изъ Серебряная Приказа въ Оружейный. “Лѣта 7172-го, декабря въ 15 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, указу, Окольничему и Оруженничему, Богдану Матвѣевичу Хитрово, да стольнику, Аѳанасію Ивановичу Нестерову, да дьяку Ларіону Иванову. Въ Приказѣ серебряныхъ дѣлъ былъ у государева дѣла знаменщикъ Симонъ Ѳедоровъ, и въ нынѣшнемъ, въ 172-мъ году, сентября съ 1-го числа, знаменщику Симону, въ Приказѣ серебряныхъ дѣлъ, быть не велѣно, и по указу великаго государя велѣно его Симона, изъ Приказу Серебряныхъ дѣлъ, отослать въ Оружейную Палату, для иконнаго письма; а великаго государя жало-

* Есть росписи, этой работѣ съ іюля 10 по 9 августа, съ іюля 17 по 9 августа; наконецъ, съ 28 августа по 1 сентября, въ которой сказано, что кончили послѣднія три иконы Денсуса.

** Съ 9 по 15 и съ 17 по 23 августа

ванья, денежнаго и хлѣбеннаго окладу, было ему денегъ двадцать пять рублевъ, хлѣба, ржи и овса пятьдесятъ двѣ чети, корму по осьми денегъ на день."

По поводу этой перемѣны въ служебной карьерѣ Ушакова не лишнимъ считаемъ сообщить здѣсь свѣдѣнія, о полученныхъ имъ до сего времени наградахъ за службу и объ увеличеніи цифры его жалованья.

Намъ извѣстно уже, что Ушаковъ поступилъ въ жалованные иконописцы на самый низкій окладъ: 10 р. въ годъ назначено было ему тогда деньгами, ржи и овса по 15 четвертей хлѣбнаго жалованья. Такимъ жалованьемъ былъ онъ поверстанъ на первый разъ, можетъ и потому, что мастерствомъ своимъ былъ въ версту, или въ равной степени съ получавшимъ самый малый окладъ иконописцемъ. На четвертый годъ службы мы встрѣчаемъ денежный окладъ его уже повысившимся почти на треть; кромѣ того, узнаемъ мы, что онъ получалъ за работы сверхъ обязанности дополнительный денежный окладъ, или кормовыя деньги, по 2 алтына на день, со времени вступленія своего на службу. Кормовыя деньги составляли собою цифру удвоеннаго жалованья, такъ что онъ получалъ въ годъ болѣе 35 р. кромѣ хлѣбнаго и наградъ. Въ настоящее время это составитъ болѣе 350 рублей, безъ сомнѣнія, если стать на точку зрѣнія сравнительную, взять въ расчетъ увеличеніе окладовъ, въ слѣдствіи развитія промышленныхъ силъ государства. На время смоленскаго похода кормовыя Ушакова возвысились до цифры гривны на день. Въ 1659 году одного денежнаго жалованья онъ получалъ 20 р. хлѣбнаго, ржи и овса 32 четверти, и въ этомъ году прибавлено еще 5 рублей, а къ хлѣбному 20 четвертей.

Кромѣ того, въ продолженіи этого періода служебной дѣятельности онъ получалъ одинъ и съ товарищами неоднократно отъ царя награды, состоявшія въ жалованіи, изъ Казеннаго Приказа, сукна, камки на платье, и самаго платья.

Такъ, въ 1663 году, по царскому указу, Оружейничій Б. М. Хитрово приказалъ: „иконописцу и знаменщику, Симону Ушакову, за его Симонову многую работу иконнаго письма и за иныя разныя дѣла государевы, государева жилованья сдѣлать ему, Симону, платье, на казенномъ дворѣ, противъ Степана Резанца: однорядку вишневую, кармазиннаго сукна, съ пугвицы серебряными, съ позолоченными, ферези дорогильныя, кафтанъ камчатный, шапка бархатная съ лисицей, шуба подъ добрымъ сукномъ, штаны суконные.".

Переведенный изъ Серебряннаго Приказа въ Оружейный, Ушаковъ хлопоталъ объ удержаніи за собой прежняго кормоваго денежнаго жалованья сполна и именно, изъ Серебрянаго Приказа по 8 денегъ и изъ Оружейной Палаты по два алтына, что вмѣстѣ составляло гривну на день, самую большую цифру жалованья кормоваго, которое давалось только однимъ кормовымъ, не жалованнымъ иконописцамъ.

1664—1686.

Служба Симона Ушакова въ Оружейной Палатѣ.

И такъ, прослуживъ около пятнадцати съ половиною лѣтъ знаменщикомъ Серебряной Палаты, Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ былъ переведенъ въ 1664 году въ иконописцы Оружейной Палаты. Царскій указъ состоялся объ этомъ 15 декабря; но въ указѣ сказано, что знаменщику Симону, въ Приказѣ серебряныхъ дѣлъ быть не велѣно съ 1-го сентября, т.-е. съ начала года, по тогдашнему счисленію. Вѣроятно и служба его здѣсь считалась съ этого времени. Со стороны матеріальнаго обезпеченія перемѣны, повидимому, для Ушакова съ переводомъ не послѣдовало. Ушаковъ получалъ въ Оружейной Палатѣ то же жалованье, что и въ Серебряной. По царскому указу 1-го апрѣля, и по приказу окольничаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, иконописцу Симону Ушакову, для его иконнаго мастерства и для того, что онъ у его государскихъ дѣлъ бываетъ безпрестанно учинили его великаго государя жалованья поденнаго корму по гривнѣ на

день, для того, какъ онъ былъ въ Серебряной Палатѣ и въ то время всякія верховыя дѣла дѣлывалъ изъ Оружейныя Палаты, и ему давано по гривнѣ на день, да и прежь сего, какъ онъ бывалъ у его государскихъ дѣлъ и ему по гривнѣ жъ на день давано. Кромѣ того, какъ извѣстно, было ему годоваго жалованья 25 р. деньгами, 52 четверти ржи и овса хлѣбомъ.

Отпускались ему государево жалованье и именинные пироги и съ дворцовъ кормъ и питье въ то время, какъ бывалъ у государева дѣла. А это было безпрестанно. Получалъ онъ и царскія награды платьемъ. Вообще положеніе его было лучшее изъ всѣхъ его предшественниковъ и современниковъ, царскихъ мастеровъ.

Въ Оружейной Палатѣ онъ занялъ мѣсто также перваго мастера, какъ и въ Серебряной. Надо полагать, что ближайшимъ предмѣстникомъ его здѣсь былъ тотъ же Яковъ Тихоновъ Рудаковъ или Яковъ Казанецъ. По крайней мѣрѣ имя его уже не встрѣчается въ послѣдующихъ актахъ. Занятія Ушакова продолжались тѣ же. Онъ попрежнему стоялъ во главѣ всѣхъ иконописныхъ работъ, досматривалъ за мастерами, составлялъ смѣты, дѣлалъ рисунки, писалъ иконы и знамена, работалъ стѣнопись, а по временамъ ему давали золотое и серебряное дѣло изъ прежняго мѣста его служенія. Представимъ краткій обзоръ его дѣятельности за этотъ первый годъ его службы въ Оружейной Палатѣ, насколько намъ удалось собрать о ней, до сего времени, свѣдѣній.

Отъ первыхъ чиселъ сентября 1664 года сохранились росписи кормовымъ иконописцамъ, которые писали у Успенскаго большаго собора около дверей по дугамъ травы. Росписи эти подписаны рукою Ушакова. Такія же росписи сохранились отъ второй половины того же мѣсяца. Въ нихъ значится: писали и золотили кормовые иконописцы около дверей Успенскаго большаго собора. Деньги, по росписи Ушакова, выданы были на руки иконописцу Ивану Филатьеву. Въ концѣ генваря кормовые иконописцы писали въ золотой Палатѣ, по большому знамени звѣзды, съ жалованными мастерами. Въ первой половинѣ апрѣля они писали государеву комнату золотую и переднюю и крыльце въ день и въ ночь, вмѣстѣ съ вызванными для этой работы троицкими травщиками. Въ маѣ писали они древка къ знаменамъ. 11 марта царица Марія Ильинична указала въ своей дворцовой церкви Мученицы Екатерины написать вновь деисусъ и праздники и пророки и праотцы, противъ того переводу, какъ деисусъ написанъ въ Успенскомъ большомъ соборѣ, самымъ добрымъ письмомъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того Ушакову поручена была смѣта такимъ же иконнымъ работамъ въ церкви св. Евдокіи, и оружейничій Б. М. Хитрово приказалъ, по смѣтѣ иконописца Симона Ушакова, къ иконному дѣлу иконниковъ и краски изготовить и отдать вовсе иконописцу Симону. Работа въ послѣдней церкви продолжалась въ маѣ и іюнѣ. Иконописцы написали деисусъ. Росписи подписаны рукою Ушакова; значитъ, онъ принималъ непосредственное участіе въ этихъ работахъ.

Къ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ нами въ архивѣ Оружейной Палаты, для характеристики дѣятельности Ушакова за этотъ годъ, мы можемъ присоединить еще одинъ фактъ. Это то, что Ушакову съ товарищами поручено было свидѣтельствовать краску, вохру цареградскую, которая была куплена іюля 18 въ количествѣ пуда 10 фунтовъ безъ чети, на 124 р. 9 алт. съ деньгою, въ запасъ, у Кадашевца, Павлина Тихонова Юршина, за фунтъ по два рубля съ полтиною. Требовалось рѣшить, „прямая-ль та вохра цареградская, и годится-ль на стѣнное доброе письмо, или стѣнное доброе письмо можно писать и на русской вохрѣ. Будетъ-ли такова прочна и цвѣтна, какова цареградская вохра, или чѣмъ плоше, и тое цареградскіе вохры почему, и напередъ сего на серебряныя деньги купывали и нынѣ купить? Симонъ Ушаковъ съ товарищами, смотря той краски, сказали: та краска прямая вохра цареградская, и къ государеву иконному и къ стѣнному письму гораздо годится, къ доброму иконному письму къ воображенію на пречистыя и на святыя лица безъ нея никоими мѣрами быть не мочно; потому что та краска вохра цареградская въ лицахъ тверда, ничѣмъ не измѣнится, а въ прошломъ въ 152 году покупали къ соборному Успенскому стѣнному письму той краски на Москвѣ фунтъ по пяти рублевъ“.

Наконецъ въ этомъ же году поступилъ въ ученики къ Ушакову Иванъ Башмаковъ. Онъ происходилъ изъ Евреевъ, принялъ крещеніе, былъ награжденъ правительствомъ, работалъ лѣтъ шесть въ мастерской Ушакова, и наконецъ пропалъ безъ вѣсти.

Слѣдующій затѣмъ, 1665 годъ былъ, повидимому, самымъ мрачнымъ, самымъ несчастливымъ въ жизни нашего мастера. То былъ годъ заключенія его въ монастырѣ. Не знаемъ подробностей этого грустнаго событія, теряемся въ догадкахъ о его причинахъ. О самомъ фактѣ извѣстились мы двумя, найденными въ дѣлахъ архива Оружейной Палаты, черновыми памятями, назначенными къ отпуску 23 іюля въ два различные монастыря, Покровскій, что въ Убогихъ домахъ, за Яузою, и въ Никольскій, на Угрѣшѣ, изъ которыхъ, то одинъ, то другой назначался мѣстомъ заключенія Ушакова. „По указу великаго государя", говорится въ каждой памяти, „посланъ къ вамъ въ монастырь подъ началъ Оружейные Палаты иконописецъ, Симонъ Ушаковъ, съ приставомъ," съ Григоріемъ Ивановымъ. И какъ къ вамъ ся память придетъ, а приставъ Григорій того иконописца Симона къ вамъ въ монастырь приведетъ, и вы бъ того иконописца Симона, у пристава припявъ, держали въ монастырѣ, подъ началомъ, до указу великаго государя". Изъ двухъ такихъ памятей одна писана къ строителю Покровскаго монастыря, старцу Кириллу, другая къ Никольскому игумену Викентію. Чѣмъ объяснить постигшее Ушакова наказаніе, во всякомъ случаѣ, тяжкое для его самолюбія, производившее, кромѣ того, необходимое разстройство въ его домашнихъ дѣлахъ, въ его работахъ. Оно постигло его въ эпоху цвѣтущей дѣятельности, когда онъ былъ окруженъ, какъ лучшій мастеръ, общимъ уваженіемъ. Мы не позволимъ себѣ заподозрѣвать его въ проступкѣ противъ трезвости или благочинія, въ который впадали, по временамъ, не столь развитые его товарищи; потому что онъ былъ добрый хозяинъ, хорошій семьянинъ и всѣми уважаемый мастеръ. Не имѣемъ основанія бросить на него тѣнь неблагочестія; потому что это прямо противорѣчило бы всей его предыдущей и послѣдующей дѣятельности. Но то, что онъ подвергся, дѣйствительно, заключенію, это подтверждается отчасти и отсутствіемъ свѣдѣній о его работахъ съ апрѣля по августъ 1665 года. Въ декабрѣ того же года, значитъ до ссылки, вмѣстѣ съ другими иконописцами московскими и городовыми работалъ онъ на дворѣ Никиты Ивановича Романова, гдѣ писали наскоро, день и ночь, различныя иконы въ Приказъ тайныхъ дѣлъ. Въ мартѣ, какъ видно изъ одной расходной тетрадки цѣловальника, доставлены были Ушакову различныя иконописныя матеріалы, для письма къ великому государю образцовъ на краски, въ переднюю, для стѣпнаго письма, затѣмъ еще, на праотцы, что писано преподобномученицѣ Евдокіи, къ стѣнописи въ передней комнатѣ у государя. Затѣмъ, послѣ перерыва свѣдѣній въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ изъ того же источника (см. кн. Ор. П. Ах. 851), узнаемъ мы, что съ 7 по 19 августа для Ушакова куплены были различныя матеріалы къ новому знамени гетманскому, что дѣлано противъ стараго знамени ертоульнаго, а 21—25 августа на столовую доску къ государынѣ царицѣ.

Съ начала слѣдующаго 1666 года, и именно съ сентября мѣсяца, мы имѣемъ уже довольно подробныя свѣдѣнія о его занятіяхъ на царской службѣ, равно какъ и о наградахъ, полученныхъ имъ вмѣстѣ съ товарищами иконописцами.

Такъ, имя его находится въ общей челобитной Оружейной и Серебряной Палаты иконописцевъ и знаменщиковъ, обойденныхъ наградою сукнами и припоминавшихъ о себѣ, по случаю всемірной радости, рожденія царевича Симеона Алексѣевича. „А нынѣ мы писали у тебя, великаго государя переднюю и сѣни стѣнным письмомъ, да и въ церковь Екатерины Христовы Мученицы, что у государыни царицы и великой княгини Маріи Ильичны на сѣняхъ, деисусъ и праздники и пророки и праотцы, и за то намъ ничего не дано". Ушаковъ получилъ, вмѣстѣ съ другими, сукно изъ дворцовыхъ сукопъ меньшей статьи. Это было 5 сентября.

Въ двадцатыхъ числахъ онъ былъ призванъ въ Оружейную Палату для рѣшенія вопроса объ иконахъ, писанныхъ на образецъ Костромичами, кормовыми иконописцами. Четверымъ изъ нихъ: Сергѣю Васильеву, Петру Аверкіеву, Дмитрію Емельянову и Флору Леонтьеву были заказаны четыре иконы на шестилистовыхъ доскахъ: Спасовъ образъ съ молящимися святыми, съ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ и Варлаамомъ Хутынскимъ, образъ Пречистыя Богородицы съ Петромъ апостоломъ и съ архангеломъ, образъ Іоанна Предтечи съ Павломъ апостоломъ и съ Гавріиломъ архангеломъ, и образъ Ангела Хранителя. Они писали эти четыре иконы на образецъ, кто какъвъ мастерствомъ, и просили кормовыхъ денегъ, за десять дней каждый. А въ допросѣ Симонъ сказалъ: образъ Спасовъ со святыми и образъ Пречистыя Богородицы со апостолы въ 10 дней написать мочно, а меньше десяти дней написать не мочно. Кормъ положено выдать по Симоновой сказкѣ, съ 10 сентября по 21.

Такимъ же образомъ онъ былъ приглашенъ, какъ экспертъ, въ началѣ октября, когда тѣ же иконописцы написали двѣ мѣстныя иконы въ Измайловскую церковь и просили себѣ кормовыхъ денегъ, съ 28 сентября по 4 октября. А въ допросѣ Симонъ Ушаковъ сказалъ: образъ Пречистыя Богородицы да образъ Никиты Христова Мученика четыремъ человѣкамъ въ семь дней написать мочно, а меньши семи дней написать не мочно. Въ этомъ размѣрѣ и выданы кормовыя деньги.

Октября 8-го царь Алексѣй Михайловичъ указалъ „написать въ Оружейной Палатѣ на семи дскахъ образныхъ изъ Тріоди цвѣтной недѣльные дни, что въ которую недѣлю и какъ бываетъ праздничество, а класть бы то все въ одинъ кіотъ, а начальные бы дни были больше, а достальные меньше, а къ тому дѣлу золото и краски и лѣсъ и кормовыя деньги давать изъ Оружейной Палаты". Въ тотъ же день жалованные иконописцы, Симонъ Ушаковъ съ товарищами, равно какъ и кормовые приялись за работу. Она продолжалась, какъ видно, довольно долгое время. Въ кормовыхъ былъ Ѳедоръ Тимоѳеевъ съ товарищами, семь человѣкъ; среднимъ числомъ работали они по 16 дней. Съ ними у дѣла былъ Ѳедоръ Евтихіевъ. Деньги выданы 4-го марта.

Слѣдуетъ довольно значительный перерывъ свѣдѣній, послѣ котораго мы узнаемъ, что 9-го февраля царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ иконописца Симона Ушакова, за иконописное, что онъ Симонъ писалъ Спасовъ образъ, въ хоромы къ сыну его государеву, царевичу Алексѣю Алексѣевичу, велѣлъ ему дать своего государева жалованья въ приказъ тафту добрую, изъ Казеннаго Приказа.

Изъ расходной книги Оружейнаго Приказа 7174 (1666) г. узнаемъ мы, что апр. 14 куплено было ему различныхъ матеріаловъ на 10 древокъ стольничьихъ, немощихъ, для письма. Мая 16-го куплено три доски липовыхъ, на доску образную, на ней велѣно писать образъ Іоанна Богослова иконописцу Симону. Длиною дска полтора аршина, поперекъ аршинъ два вершка. Дано за тѣ доски 15 алтынъ, да съ нихъ для провозу 5 копѣекъ. Тотъ образъ въ хоромы къ государынѣ царицѣ.

Остальные мѣсяцы того же года протекли, повидимому, главнымъ образомъ, въ заботахъ Ушакова у стѣнописи Архангельскаго собора и Верхоспасской церкви. Въ маѣ получилъ онъ, вмѣстѣ съ другими жалованными иконописцами къ свѣтлому празднику царскаго жалованья питье и кормъ. Въ маѣ же освидѣтельствованы имъ ветхости и поврежденія стѣнописи Архангельскаго собора; въ половинѣ іюля разбиралъ отъ по статьямъ призванныхъ для реставраціи собора городовыхъ иконописцевъ и удалилъ отъ работъ оказавшихся негодными. По этому поводу, Ярославскій иконописецъ Филиппъ Павловъ, записанный въ третью статью, явился 22 іюля въ Оружейную Палату и просилъ освидѣтельствовать написанную имъ икону, на шестилистовой дскѣ, Рождества Богородицы. Образъ былъ показанъ Симону Ушакову. „И смотря того образа Симонъ у выписки сказалъ противъ сего письма, которой писалъ, образъ онъ, Филька Ивановъ годится изъ третей статьи въ среднюю статью гораздо, и тотъ образъ письмо его, Фильки Иванова". Въ продолженіи іюля онъ работалъ съ другими жалованными и кормовыми иконописцами въ Архангельскомъ соборѣ, а въ августѣ былъ отозванъ съ лучшими изъ нихъ къ Спасской церкви. 11-го августа писана имъ роспись кормовымъ иконописцамъ, которые починивали въ набережныхъ хоромахъ образъ Николы Чудотворца въ чудесахъ, средней статьи, Ивану Степанову съ товарищами, четыремъ человѣкамъ.

Немного свѣдѣній мы въ состояніи сообщить и о занятіяхъ Симона Ѳедорова Ушакова въ 1667 году, хотя все-таки можемъ хотя отчасти и здѣсь пополнить пробѣлъ изданныхъ для исторіи русской иконописи матеріаловъ. Въ послѣднихъ упоминается имя Ушакова только одинъ разъ, и именно по случаю порученнаго ему освидѣтельствованія новаго образца олифы, приготовленной и доставленной въ Оружейную Палату 18 іюня извѣстнымъ живописцемъ, арманиномъ Богданомъ Солтановымъ. Осмотрѣвъ олифу, Симонъ одобрилъ ее, но замѣтилъ при томъ, что подобная, и лучше даже, можетъ быть имъ представлена, или сдѣлана, по его указанію, любымъ московскимъ мастеромъ. Имя Ушакова стоитъ первымъ въ спискѣ иконописцевъ и знаменщиковъ Оружейной и Серебряной Палаты, пожалованныхъ 9 марта, за многія иконописныя, стѣнныя дѣла, въ приказъ, изъ Приказа Большаго Дворца сукнами. Онъ получилъ сукно англійское. По заведенному изстари обычаю, мастера Оружейной Палаты представлялись на свѣтлый праздникъ къ государю, съ подносными дѣлами. Въ этомъ году

Симонъ Ушаковъ поднесъ образъ Спасовъ Эммануила и получилъ за то сукно доброе, да на прикладъ три рубля. Въ августѣ того же года онъ получилъ новую награду. По именному царскому указу августа 2-го Симону Ушакову за его иконное художество дано съ казеннаго двора платье однорядка сукно лундышъ съ пуговицы, ферези камчатные съ завязки, кафтанъ камчатный, подъ ферези штаны суконные, шапка съ соболемъ, сапоги софьянные, зуфь на охабень, да изъ новыя чети денегъ двадцать рублевъ для того, писалъ онъ Симонъ въ тафтяную церковь иконное воображеніе.

„7 августа, по указу царя Алексѣя Михайловича, велѣно у него великаго государя на верхнемъ дворѣ, около его великаго государя чердака верхняго, въ окнахъ и на дверяхъ рѣзныя травы вновь покрыть разными цвѣтными краски". На эту работу поручена была смѣта Симону Ушакову, который производилъ и расходъ матеріаламъ. Въ томъ же году онъ свидѣтельствовалъ работу, взятаго изъ Воскресенскаго монастыря, въ доученье къ мастеру Ѳедору Козлову, иконописца Василья Попова, который принесъ въ Оружейную Палату образъ Спаса Вседержителя. Осмотрѣвъ работу вмѣстѣ съ Степаномъ Рѣзанцомъ иконописца опредѣлили въ третью статью.

1668-й годъ долженъ занять, современемъ, видное мѣсто въ исторіи древне-русскаго искусства. Онъ далъ намъ одно изъ капитальныхъ произведеній, въ которомъ уже неоспоримо чувствуется творчество, видны свѣжія силы, пробивается личность, проявляется художество. Кромѣ того, онъ сохранилъ намъ актъ заботливости правительства объ улучшеніи въ церковномъ искусствѣ. Въ послѣднемъ отношеніи, онъ имѣетъ такое же значеніе, какъ годъ появленія Стоглава. Любопытно бы было сравнить положенія объ иконописи изъ Стоглава съ такими же положеніями изъ патріаршей грамоты 12 мая 1668 года. Въ результатѣ бы опредѣлилось выработанное въ древне-русскомъ искусствѣ въ продолженіи столѣтняго періода. Какъ медленно ни двигалось искусство въ Россіи, въ какомъ жалкомъ положеніи ни застаемъ мы его въ XVII вѣкѣ, все же движеніе въ немъ неоспоримо. И лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить, съ одной стороны, Ушаковская икона Владимірской Богоматери, съ московскими святыми и съ портретами царскаго семейства, съ другой, вышеупомянутая грамота, съ правительственнымъ контролемъ въ пользу иконописи. Царскимъ указомъ запрещены были плохаго письма иконы, писанныя безъ справокъ съ источниками; выборные по городамъ иконописцы должны были свидѣтельствовать произведенія иконописи. Ушакову, какъ первому мастеру, царскія палаты начальнѣйшему изографу передана была по этому предмету грамота за руками вселенскихъ патріарховъ и всероссійскаго. Неизвѣстно, что вышло изъ этого; но фактъ имѣлъ мѣсто, и мы не въ правѣ себя считали обойти его. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, при Петрѣ Великомъ, его пытались снова привести въ исполненіе, и для того отыскивали подлинную грамоту у наслѣдниковъ Ушакова.

Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ былъ въ 1668 году наверху своей славы добраго иконописца. Какъ видно изъ дѣлъ, онъ былъ на царской работѣ безпрестанно, имѣлъ двухъ казенныхъ учениковъ, Ивана Башмакова и Георгія Терентьева Зиновьева. Послѣдній поступилъ уже въ число жаловашыхъ мастеровъ, будучи выкупленъ у помѣщика своего, Гавріила Петровича Островскаго, за большую для того времени цифру, сто рублей, составлявшую еще въ петровскія времена окладъ генерала. Ушаковъ аттестовалъ его 31 мая 1668 года слѣдующими словами: „ученикъ Георгейка иконное художество святыхъ иконъ воображеніе писать искусенъ и пишетъ добрымъ мастерствомъ." Въ томъ же году аттестовалъ онъ добрымъ мастеромъ и извѣстнаго иконописца Никиту Иванова, прозваннаго Павловцемъ, Нижегородскаго уѣзда, изъ имѣнія князя Якова Куденетовича Черкасскаго, села Павлова Переводу. Ушаковъ былъ въ милости въ это время. Окладъ его жалованья поднялся еще выше. Онъ успѣлъ отстоять себѣ право, чтобы объѣзжіе головы у него избы не печатали и въ дневные и въ ночные караулы съ двора людей не спрашивали; потому что онъ у государевыхъ дѣлъ безпрестанно и на дому у него бываютъ государевы-жъ дѣла. Въ томъ же году и во имя тѣхъ же причинъ, что даются ему государевы иконныя дѣла и ученики, а дворъ у него не большой, выпросилъ онъ вблизи своего двора казенный дворъ вдовы Ксеньи Юдиной, въ Китаѣ городѣ, въ Посольской улицѣ. Онъ просилъ двора того по оцѣнкѣ, или какъ ему, государю Богъ извѣститъ, по его государеву по Божѣ рачительству, для красоты святыя церкви святыхъ иконъ начертанія и всечестные печати первообразныя красоты Христа Бога нашего и учащимся сего скораго писанія,

ИКОНА ВЛАДИМІРСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ПИСЬМА СИМОНА УШАКОВА

(въ церкви Грузинской Божіей матери, ВЪ МОСКВѢ.)

отверзающаго умъ нашъ. Такъ началось дѣло, тянувшееся, съ перемѣннымъ для нашего мастера счастьемъ, весьма продолжительное время, стоившее ему большихъ хлопотъ и огорченій и имѣвшее неблагопріятный для него исходъ. Все же на этотъ разъ оно не могло не посчастливиться ему. Ушакову разрѣшили занять дворъ въ 1668 году.

Въ этомъ же году осенью, по царскому указу, Оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово приказалъ „Грановитую палату писать весною стѣннымъ письмомъ, самымъ добрымъ мастерствомъ, а снимки для образца съ того стѣннаго письма снять нынѣ и приказалъ быть иконописцу Симону, чтобы написать въ той палатѣ тѣжь вещи, что и нынѣ писаны, а на краски и на золото уговориться съ иноземцы, нынѣ, Кондратью Лукину, чтобы тѣ запасы изготовить нынѣшнею зимою и на задатокъ денегъ дать, сколько доведется, изъ Новыя чети".

Изъ числа иконъ Ушакова, приведенныхъ въ извѣстность, къ этому времени относится образъ Спаса Эммануила, коллекціи извѣстнаго собирателя русскихъ древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, упоминаемый К. Калайдовичемъ въ статьѣ: Свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи древностей графа А. И. М-П., помѣщенной въ Запискахъ и Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (часть II, Москва, 1824, стр. 21). Онъ находится у наслѣдника графа того же имени, въ Петербургѣ, и имѣетъ девять вершковъ и три осьмыхъ длины, семь вершковъ и одну осьмую ширины. На иконѣ внизу надпись бѣлою краскою, свидѣтельствующая о томъ, что писалъ ее Симонъ Ушаковъ лѣта 7176. Перейдемъ къ самому капитальному памятнику современной эпохи.

Такъ-называемая икона Владимірской Божіей Матери, съ Московскими угодниками, письма Ушакова, находится, равнымъ образомъ, въ церкви Грузинской Божіей Матери, что въ Китаѣ городѣ. Мѣрою она, въ вышину почти полтора аршина, въ ширину аршинъ безъ двухъ вершковъ. Поля безъ выемокъ, какъ у большей части иконъ его работы. Вопреки господствовавшему въ то время обычаю дѣлать поля приподнятыми, съ цѣлію образовать изъ нихъ, для главнаго изображенія, раму, Ушаковъ и въ этомъ не подражалъ старшѣ; писалъ свои иконы на доскѣ ровной поверхности, у которой поля отдѣлялись отъ свѣта чертою и другою краскою. Такого рода красочная рама, въ данномъ случаѣ, вверху и внизу иконы, шириною въ полтора вершка, по бокамъ въ три четверти вершка. Икона эта, въ глазахъ нашихъ, должна имѣть особое значеніе уже и потому, что она всецѣлостно принадлежитъ кисти Ушакова. Въ ней все, и сочиненіе, и исполненіе, несомнѣнно его руки. Разсмотримъ же ее въ подробности.

Внизу, вдоль иконы, изображена Кремлевская стѣна съ Красной площади, съ зубцами и башнями. За нею возвышается, въ разрѣзѣ пятикупольный соборъ. Внутри его выросло огромное дерево. Изъ трехъ главныхъ вѣтвей, недалеко отъ корня, средняя, выступая позади собора, и поднимаясь до средины иконы несетъ вверху большой оваль, занятый изображеніемъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ налѣво. Двѣ другія, боковыя и такія же большія вѣтви, отдѣляясь отъ дерева, почти на одинаковомъ съ первою вѣтвію разстояніи отъ корня, идутъ по сю сторону собора, и, расходясь затѣмъ въ разныя стороны, даютъ, направо и налѣво, побѣги съ круглыми на нихъ клеймами, изображающими Московскихъ угодниковъ. Такихъ клеймъ на каждой сторонѣ по десяти. Изображенные въ нихъ святые поясные, и держатъ въ рукахъ раскрытые свитки, съ похвалой Богоматери. Мотивы эти напоминаютъ иконописные пріемы въ изображеніяхъ: Собора Апостоловъ, Жезла отъ корени Іессеева, и всего болѣе, Похвалы Богоматери. Но тѣмъ и ограничивается сходство. При корнѣ дерева, по сю сторону собора и за стѣной Кремлевской, стоятъ, обратясь къ дереву и пагнувшись къ нему, двѣ фигуры: направо, Благовѣрный князь Іоаннъ Даніловичъ, * держась за дерево, какъ бы насадившій его; налѣво, Аѳіосъ Петръ митрополитъ, съ кувшиномъ о двухъ ручкахъ, какъ бы поливающій это дерево. Надъ ними надписи: „Господи, призри съ небеси и виждь", по одну сторону „И посѣти виноградъ сей и соверши, его же насади десница Твоя", по другую сторону. Въ томъ же направленіи, за стѣною, но въ значительномъ отдаленіи отъ этихъ двухъ фигуръ, налѣво, за св. Петромъ, Благовѣрный государь Алексѣй Михайловичъ; направо, за Калитою, Благовѣрный князь Алексѣй Алексѣевичъ, Благовѣрный князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, а за ними, Благовѣрная княжна Марія Ильинична. Царь и царица, обращаясь къ дереву, держатъ въ

* Въ наименованіяхъ изображенныхъ на иконѣ лицъ мы удерживаемъ, во избѣжаніе повтореній, точный текстъ сопутствующихъ эти изображенія надписей.

рукахъ свитки съ надписями. У перваго въ свиткѣ написано: Спаси, Господи, люди Своя и благослови достояніе Свое; у второй читаемъ: Радуйся, Царице матеремъ и дѣвамъ славо. Наконецъ у царевича Алексѣя весьма мелкая, едва видная надпись: Сіе гроздіе и цвѣтъ тебѣ, лозе винограда небеснаго, приносимо. Въ самомъ верху иконы мы находимъ совершенно оригинальное изображеніе Спасителя. Почти поколѣнный, въ совершенномъ возрастѣ, стоитъ Онъ, въ облакахъ, облеченный въ золотистую, свѣтлорозовую ризу, роскошно драпирующуюся складками, въ свободномъ полуоборотѣ влѣво, и держитъ въ правой рукѣ, блестящее платно, въ лѣвой, золотую корону, напоминающую, общею формой, извѣстную большую корону Никона, Патріаршей ризницы. Внизу, подъ облаками, по сторонамъ Спасителя, два ангела: одинъ, налѣво, словно остановился въ воздухѣ и простираетъ руки, чтобы принять изъ рукъ Спасителя конецъ платна; другой, прилетающій сверху, уже держитъ въ рукахъ противоположный конецъ платна. По сторонамъ Спасителя надпись: „Побѣждаяй облечется въ ризу бѣлу и не испишутъ имени его отъ книги животныя“. Это по одну сторону; по другую же: Буди мнѣ вѣренъ до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота. Этими текстами опредѣляется сюжетъ иконы. Оригинальность его очевидна. Посмотримъ далѣе. Мы замѣтили выше, что средина иконы занята изображеніемъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Изображеніе это помѣщено въ большомъ овалѣ, возвышающемся на стволѣ древесномъ, словно на древкѣ лабарума, или древнехристіанской хоругви. Стволъ разукрашенъ виноградными вѣтвями, съ гроздами и листьями. Овалъ окруженъ лавровымъ вѣнкомъ съ большимъ цвѣтикомъ внизу, по срединѣ, и мелкими цвѣтами на стебляхъ, вверху. Изображенная въ овалѣ Ботоматерь представляетъ такъ-называемую Владимірскую икону Божіей Матери. Спаситель на правой рукѣ Пр[illegible] чистой; крѣпко прислонивъ лицо къ Ея лицу, Онъ лѣвою рукою обвилъ шею Богоматери, правая рука на Ея лѣвомъ плечѣ, правая нога опущена, пята лѣвой показывается изъ-подъ ризъ. Большія боковыя вѣтви развѣтвляются въ видѣ виноградныхъ лозъ, съ зелеными листьями, цвѣтами и плодами. Медальоны окружены лавровыми вѣнками; въ нихъ святые, поясные, обращены всѣ, съ своими свитками, къ образу Богоматери.

Лѣвая сторона занята изображеніями благовѣрныхъ государей и святителей Московскихъ.

Клейма слѣдуютъ, сверху внизъ, въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Благовѣрный царевичъ Димитрій. Въ княжеской шапкѣ и княжескихъ ризахъ; юный, безбрадый, цвѣтущій юноша, съ восторженною улыбкой на устахъ.

На свиткѣ надпись: Радуйся, раю прекрасный и одушевленный.

2) Благовѣрный князь Михаилъ. Въ такихъ же ризахъ и шапкѣ, средовѣкъ, съ короткой окладистой бородой; лицо полное, съ выраженіемъ ума и благодушія.

На свиткѣ надпись не разборчива, стерта; сохранились слѣды словъ: Радуйся, и нѣсколько другихъ словъ, не дающихъ опредѣленнаго смысла.

3) Благовѣрный царь Ѳеодоръ. Ризы тѣ же, другаго цвѣта и отдѣлки. Лицо полное, борода короткая, рѣдкая. Выраженіе лица простое.

На свиткѣ надпись: Радуйся, жезле, тайный цвѣтъ неувядаемый процвѣтшій.

4) Аγіосъ Филаретъ патріахъ. Въ митрѣ, саккосѣ и омофорѣ. Выраженіе серьезное, съ умомъ и энергіей.

На свиткѣ: Радуйся, древо благоплодовитое, отъ него же питуются вѣрніи.

5) Аγіосъ Іевъ патріахъ. Митра напоминаетъ его шапку Патріаршей ризницы. Плечистый, сутуловатый старецъ, съ большою, сѣдою, окладистой бородой и благодушнымъ выраженіемъ. Правою рукой благословляетъ.

У него на свиткѣ: Радуйся, благоуханіе единаго царя Христа.

6) Аγіосъ Филиппъ митрополитъ. Средняго возраста, съ просѣдью въ бородѣ, борода не большая, раздвояется двумя полукружіями; строгій, энергичный.

На свиткѣ: Радуйся, вертограде запечатлѣнный и цвѣте нетлѣнія.

7) Аγіосъ Фотій митрополитъ. Борода окладистая, плечистый, энергичный; голова закинута назадъ.

На свиткѣ написано: Радуйся древо благосѣянно, лиственное, имже покрываются многи.

8) О Аγіосъ Іона митрополитъ. Выраженіе смиренія, борода сѣдая, окладистая, какъ у Іова.

На свиткѣ: Радуйся, лозо истинная, возрастившая плодъ животный.

9) Кипріанъ митрополитъ. Борода самая длинная, оканчивающаяся клиномъ, съ просѣдью. Выраженіе энергіи.

У него надпись: Радуйся, тайный, богонасажденный винограде изрѣлый грозде нетлѣнія возрастивши.

10) Аγіосъ Алексѣй митрополитъ. Борода весьма длинная и окладистая, густая. Въ бѣломъ клобукѣ съ херувимомъ. Выраженіе строгое.

На свиткѣ надпись: Радуйся, лозо присноцвѣтущая и шипче благоуханія безсмертнаго.

Правая сторона. Блаженные и преподобные Московскіе.

Опять сверху внизъ: 1) Аγіосъ Іоаннъ. Весьма типичное изображеніе. Полная фигура, вовсе безъ признаковъ бороды, мало волосъ и на головѣ, въ ризѣ бѣлой, въ родѣ сорочки, изъ-подъ которой видѣнъ отложный воротъ нижняго платья. Подъ пазухой огромный колпакъ. Въ рукѣ, длинная клюка. Выраженіе простоты. Лицо изрыто морщинами.

У него въ свиткѣ: Радуйся, винограде тайный, израстившій животъ.

2) Аγіосъ Василій Блаженный. Совершенно нагой, прикрытъ свиткомъ съ надписью. Волоса на головѣ и въ бородѣ космами, какъ у Іоанна Предтечи, но короче. Выраженіе энергіи въ лицѣ и во всей фигурѣ.

На свиткѣ: Радуйся, аромате благовонный, объюхавше сердца вѣрныхъ.

3) Аγіосъ Максимъ Блаженный. Волосъ на головѣ мало, одинъ клокъ наверху, у лба; также нагой, но упояса обвизанъ, потому что свитокъ поднятъ вверхъ. Выраженіе строже Василія Блаженнаго. Борода окладистая. Типъ напоминаетъ фигуру выходящаго изъ воды старика на извѣстной картинѣ Иванова: Явленіе Христа.

На свиткѣ: Радуйся, розго, изнесшая гроздъ живота.

4) Преподобный Андроникъ. Общій типъ преподобныхъ. Борода средняя, четверугольная. Небольшая лысина на головѣ. Выраженіе простодушія и спокойствія.

На свиткѣ: Радуйся, грозде тайный, вино источающій, веселяще вѣрныхъ.

5) Преподобный Симонъ. Типъ тотъ же, но выраженіе нѣсколько строже, аскетичнѣе. Окладъ лица шире.

На свиткѣ: Радуйся, крине прекрасный, никогда же увядаяй.

6) Преподобный Пафнутій. Въ лицѣ больше энергіи, усердія. Борода Сергіева.

На свиткѣ. Радуйся, море, благоухающе безсмертіемъ.

7) Преподобный Сергій. Гуменцо безъ волосъ, словно пострижено, выраженіе аскетизма; борода извѣстная, принадлежащая типу Сергія Родонежскаго чудотворца.

На свиткѣ: Радуйся, яблоко благовонное и краснозримое.

8) Преподобный Савва. Лицо старое, передняя часть головы обнажена отъ волосъ. Выраженіе довольно просто.

На свиткѣ: Радуйся, листе прекрасный древа животнаго Христа.

9) Преподобный Александръ князь. Въ схимѣ, изъ-подъ которой на лбу видны кудри, рука молебная. Въ лицѣ видна энергія.

На свиткѣ: Радуйся, яко рай пищный процвѣтаеши.

10) Преподобный Никонъ. Типъ сходный съ преподобнымъ Сергіемъ, но въ немъ болѣе простоты.

На свиткѣ: Радуйся, кореню вѣры православныя и плоде без(смертный).

Прежде чѣмъ намъ приступить къ общей оцѣнкѣ этого капитальнаго произведенія народной русской иконописи, не мѣшаетъ обратить вниманіе на нѣкоторые частные вопросы. Вопервыхъ, относительно выбора святыхъ, изображенныхъ въ медальонахъ. Судя по общему составу иконы, надо полагать, что Ушаковъ имѣлъ въ виду помѣстить здѣсь ближайшихъ мѣстныхъ покровителей, святыхъ избранниковъ Московскихъ. Но выборъ ихъ, въ данномъ случаѣ, принадлежитъ его личнымъ воззрѣніямъ. Такъ, въ числѣ преподобныхъ, по правую сторону Богоматери Владимірской, мы встрѣчаемъ, не мѣстнаго преподобнаго, но всероссійскаго, Александра Невскаго; кромѣ того, преподобнаго Симона, котораго

имени не знаемъ между московскими преподобными. Едва ли можно разумѣть здѣсь Симона, епископа Владимірскаго: Симонъ представляется въ Подлинникахъ въ ризахъ святительскихъ. Еще менѣе основаній видѣть въ этомъ изображеніи Симона Сойгинскаго, котораго не знаютъ наши Подлинники, или Симона Юрьева-Польскаго, мѣстно-чтимаго блаженнаго, изображаемаго ими въ одной сорочкѣ. Остается, изъ извѣстныхъ намъ святыхъ этого имени, Симонъ Воломскій, мѣстное почитаніе котораго началось съ 1646 года. Онъ получилъ грамоту на строеніе пустыни отъ царя Михаила Ѳеодоровича. Изъ этого не видно еще особенно близкихъ отношеній этого святаго къ Москвѣ. На иконѣ святый представленъ, какъ и прочіе преподобные, въ монашескихъ ризахъ, съ эпитрахилью, съ непокрытою головой. Вообще, на нихъ верхняя риза имѣетъ видъ мантіи, баканнаго цвѣта, эпитрахиль зеленоватая, по Подлиннику, празелень, исподняя ряса, у однихъ, зеленоватая (св. Сергій, Андроникъ), у другихъ красноватаго цвѣта (св. Никонъ, Пафнутій), наконецъ, у третьихъ бѣлѣсоватая, вѣроятно санкирь съ бѣлиломъ (Савва, Симонъ), у Александра Невскаго—съ золотисто-красноватымъ отливомъ. Правая рука у двухъ молебная (св. Александръ Невскій и Пафнутій Боровскій); пальцы сложены именословно: второй отъ мизинца вмѣстѣ съ большимъ крайнимъ, два среднихъ пальца отставлены. Рука благословящая только у Іова патріарха, въ клеймахъ лѣвой стороны. У него два малыхъ, крайнихъ пальца сложены съ большимъ крайнимъ, средніе отставлены также. На лѣвой сторонѣ, въ числѣ святителей московскихъ мы не нашли святаго Ѳеогноста митрополита, но встрѣтили, вмѣсто того, патріарха Іова, хотя и не причисленнаго къ лику святыхъ. Кромѣ того, мы видѣли здѣсь патріарха Филарета, великаго подвижника за вѣру и отечество. Далѣе, тутъ же, въ числѣ благовѣрныхъ князей, мы не видимъ св. Даніила Александровича, а, вмѣсто того, видимъ царя Ѳеодора Іоанновича. Наконецъ, между Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и Филаретомъ Никитичемъ, Ушаковъ помѣстилъ благовѣрнаго князя Михаила. Спрашивается, кто этотъ князь Михаилъ, получившій право мѣста въ ряду Московскихъ избранниковъ? Вопросъ этотъ помогутъ рѣшить намъ Подлинники. На основаніи ихъ мы имѣемъ право утверждать, что здѣсь изображенъ никто иной, какъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Вотъ по какимъ причинамъ. Вопервыхъ, изъ числа сомненныхъ русскихъ святыхъ, нашимъ Подлинникамъ извѣстны только два, сколько-нибудь подходящіе, по возрасту, къ изображенному здѣсь князю: князь Михаилъ Тверской и князь Михаилъ Черниговскій. Но ни тотъ, ни другой, по типу, или, по опредѣлившимся въ русской иконописи чертамъ, здѣсь быть не можетъ. Ни одинъ иконописецъ XVII вѣка не изобразилъ бы ихъ такъ, какъ представленъ здѣсь князь Михаилъ. Этому прямо противорѣчитъ, и окладъ лица, и борода, и волосы на головѣ, наконецъ отчасти самая одежда. Ушакову все это извѣстно было лучше, чѣмъ кому бы то ни было изъ его братьи, иконописцевъ. Кромѣ того, онъ не имѣлъ прямаго основанія, помѣщать, въ числѣ мѣстныхъ Московскихъ дѣятелей Тверскаго или Черниговскаго князя. Другое дѣло, если онъ помѣстилъ, въ числѣ преподобныхъ, св. князя Александра Невскаго. Святой этотъ имѣетъ прямое отношеніе къ задачѣ иконы, уже потому, что онъ дѣдъ Іоанна Даніиловича, одного изъ существенныхъ лицъ въ составѣ иконы; онъ родоначальникъ, царствовавшей здѣсь до кончины Ѳеодора Іоанновича династіи. Типъ князя Александра Невскаго опредѣлился въ русской иконописи слишкомъ ясно, чтобы узнать его въ данномъ случаѣ; хотя онъ изображенъ въ числѣ преподобныхъ и въ монашескихъ ризахъ, согласно общимъ правиламъ иконописи до самаго XVIII вѣка. Что до появленія здѣсь царя Ѳеодора Іоанновича, то въ сводной редакціи русскаго Подлинника XVII вѣка имя его стоитъ постоянно, во всѣхъ спискахъ, въ числѣ русскихъ святыхъ, подъ 15 февраля. И мы читаемъ здѣсь слѣдующее: „Святаго благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича, Московскаго и всея Россіи новаго чудотворца. Брада руса, Козмина, въ царской багряницѣ.“ Почти то же въ сводной редакціи XVIII вѣка, такъ какъ послѣдняя основана на первой. Но онъ здѣсь въ мѣстно-чтимыхъ, въ особомъ спискѣ святыхъ, которыхъ нѣтъ въ Четіихъ-Минеяхъ. „Святаго благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича Московскаго и всея Россіи новаго чудотворца. Подобіемъ русъ, брада невелика, аки Козмина, въ царской багряницѣ и въ шапкѣ.“ Изображеніе на иконѣ сдѣлано совершенно согласно тексту Подлинника. Но Ушаковъ придалъ лицу князя такой индивидуальный характеръ, который предполагаетъ существованіе хорошаго современнаго портрета. То же должны мы сказать объ изображеніи царя Михаила Ѳеодоровича. Оно писано, если не съ натуры, то по крайней мѣрѣ, съ хорошаго портрета. Оба они

припоминаютъ описаніе современниковъ. Но почему царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, получивши мѣсто на иконѣ, не названъ царемъ, а просто княземъ, даже не великимъ княземъ. Это объясняется особаго рода благочестивыми воззрѣніями Ушакова. Запося на икону царя Михаила Ѳеодоровича, какъ возстановителя царской династіи, онъ стѣснялся однако дать ему здѣсь торжественный титулъ. Онъ не назвалъ на этой иконѣ тѣми же титулами даже современнаго ему царя и царское семейство. Царя и царевичей назвалъ онъ благовѣрными князьями, а царицу благовѣрною княжною (т.-е. княгиней). Съ царскимъ титуломъ на всей иконѣ только два святыхъ, царевичъ Димитрій и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Въ виду Царя Небеснаго, дарующаго вѣнецъ живота и въ ряду царей святыхъ, Ушаковъ, на основаніи своего рода иконописнаго этикета, считалъ неприличнымъ величанье подобнаго рода; хотя, въ свою очередь, онъ не усомнился изобразить тутъ же, даже современнаго царя и все его семейство съ вѣнцами святости вокругъ головы. Таковы были понятія въ то время. Они ведутъ свое начало отъ глубокой древности. Но если намъ, въ настоящее время, нѣсколько странно видѣть на иконѣ царя Михаила Ѳеодоровича, то не менѣе страннымъ для современниковъ Ушакова было видѣть на той же иконѣ изображеніе всей царской семьи. Лѣтъ за сто передъ тѣмъ, на Стоглавомъ соборѣ, былъ поднятъ даже вопросъ о томъ, можно ли царей изображать на иконахъ? Отвѣтъ былъ уклончивый, сослались на иконы, въ которыхъ цари вмѣстѣ съ народомъ изображались, какъ необходимые дѣятели, безъ которыхъ сюжетъ былъ бы непонятенъ, напримѣръ на иконѣ Воздвиженія, Покрова и пр. Здѣсь же царь съ семействомъ представленъ при жизни, самостоятельно, свободно относящимся къ главному сюжету. Фактъ этотъ, весьма естественный въ живописи, вовсе не нормаленъ для иконописи того времени, въ кругу избранныхъ которой являлись только святые, пользовавшіеся принадлежавшимъ имъ въ этомъ случаѣ исключительнымъ правомъ. Въ этомъ отношеніи Ушаковъ значительно разширялъ предѣлы иконописи. Совершенно нормальнымъ, напротивъ, находимъ мы изображенія великаго князя Іоанна Даніиловича; такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ Петромъ митрополитомъ соорудилъ храмъ Богоматери, сдѣлавшійся со временемъ завѣтною святынею не только Москвы, но и цѣлой Россіи. Не знаемъ, откуда бралъ матеріалы Ушаковъ для воспроизведенія портрета этого князя; во всякомъ случаѣ надо полагать, что приданныя Іоанну черты не вымышленныя, и мы смотримъ на это изображеніе, какъ на древнѣйшій изъ сохранившихся его портретовъ, хотя исполненіе лица мы не можемъ отнести къ числу удачныхъ въ этой иконѣ. Можетъ быть оно подвергалось подновленіямъ; оно писано почти одной вохрой, въ немъ мало выраженія. Борода князя средняя, волосы на головѣ его кудравые. Сверхъ княжеской исподи напущутъ плащъ или приволока, застегнутая подъ горломъ. Въ костюмѣ, разумѣется, не вполнѣ соблюдена археологическая точность; но въ это время и западные художники мало думали о подобнаго рода тонкостяхъ. Гораздо больше жизни, выраженія личнаго характера, находимъ мы въ лицѣ св. Петра митрополита. Онъ представленъ въ клобукѣ плотно-облегающемъ голову и въ саккосѣ припоминающемъ саккосъ святителя патріаршей ризницы. Нельзя сказать, чтобъ и фигура царя Алексѣя Михайловича принадлежала къ удачнымъ по исполненію. Въ лицѣ его также преобладаютъ коричневые тоны иконописи, оно также мало выразительно; что-то болѣзненное, скорбное видно въ черныхъ глазахъ и желтомъ лицѣ, покрытомъ обильно волосами. Оно потерпѣло быть можетъ также подновленіе. Притомъ, современная царская одежда вовсе не представляла художнику красивыхъ мотивовъ. Она дѣлалась, какъ извѣстно, изъ слишкомъ плотной парчи, которая не давала складокъ, не выказывала очертаній корпуса, не имѣла даже таліи, и разширяясь постепенно къ низу скорѣе походила на какую-то броню, въ которую заключена была фигура. На головѣ царя шапка, припоминающая отчасти корону царя Михаила Ѳеодоровича, съ навершьемъ въ два яруса; на груди, на цѣпочкѣ, четверокопечный крестъ съ мощами. Правая рука приподнята къ груди. Гораздо удачнѣе изображена группа царскаго семейства, стоящая съ правой стороны. Царицѣ и стоящимъ впереди ея царевичамъ нельзя отказать въ индивидуальности. Лица ихъ дошли, вѣроятно, какъ были писаны первоначально мастеромъ, безъ подновленія. Красками они приближаются къ природѣ. Въ лицѣ царицы женскій типъ XVII вѣка,— простодушный, не высокой красоты, но миловидный образъ. Правая рука ея молебная. Персты сложены такъ, какъ указано выше у молящихся преподобныхъ. Одежду ея составляетъ: безрукавая багряница, быть можетъ изъ двухъ полотнищъ, передней и задней, какъ саккосъ или стихарь, съ широкими рукавами нижняго платья и съ широкимъ жемчужнымъ ожерельемъ. На головѣ, сверхъ плата, цилиндрическая ко-

рона, съ загнутымъ наружу верхнимъ краемъ. Царевичи стоятъ также въ моленіи, старшій впереди, младшій ближе къ матери царицѣ. На обоихъ надѣты боярскіе кафтаны, съ петлицами на груди, у ворота застегнутыя. Царю Алексѣю Михайловичу было въ это время 38 лѣтъ, царицѣ Маріи Ильиничнѣ вѣроятно поменьше. Изъ царевичей, старшему, Алексѣю, 18 лѣтъ, младшему Ѳеодору—четыре года. Въ такомъ взаимномъ отношеніи возраста и представлены всѣ фигуры на иконѣ. Они стоятъ, какъ замѣчено выше, по правую и лѣвую сторону собора, за стѣною кремлевской. Но фигуры видны почти по колѣна, значитъ, надо предположить, что они стоятъ на переходахъ идущихъ по стѣнѣ кремлевской. Напротивъ того, Святитель Петръ и великій князь Даніилъ должны бы стоять на самой землѣ, при корнѣ дерева, и потому фигуры эти не должны бы быть видимы изъ-за стѣны. Но художнику надо было показать ихъ, и онъ употребилъ своего рода иконописную вольность, представилъ ихъ видными до пояса. Мы уже высказывали свое убѣжденіе относительно оцѣнки иконописныхъ произведеній, что къ нимъ нельзя прикладывать мѣрки современной живописи. Въ произведеніяхъ иконописи своего рода міросозерцанія, съ живописью не имѣющія ничего общаго. Достаточно, если задуманныя задачи исполняются удовлетворительно. Если допустить возраженія въ духѣ требованій живописи и современной критики; то понятно, что немного останется въ результатѣ чисто художественнаго. Самая задача иконы Ушакова едва ли будетъ возможна къ ея осуществленію. Но мы разсматриваемъ произведеніе его съ точки зрѣнія требованій иконописи, въ ея проявленіи въ современную Ушакову эпоху, и находимъ, что оно и по задачѣ и по исполненію имѣетъ огромное значеніе; потому что ничего подобнаго не производила, до того времени, русская иконопись. Мастеръ пожелалъ изобразить силу Москвы, въ ея историческомъ развитіи, зависѣвшую, по его понятіямъ, отъ особой благодати свыше и вотъ, ему нуженъ былъ и соборъ Успенія, съ его основателями и разросшееся изъ него дерево съ Богоматеріо въ центрѣ и московскими святыми по сторонамъ и кремлевская стѣна съ современнымъ царствующимъ домомъ.

Изображеніе Кремлевской стѣны на иконѣ Ушакова исполнено археологическаго значенія. Представленъ видъ этой стѣны, со стороны Красной площади, въ XVII вѣкѣ. Стѣна раздѣлена четырьмя выступающими башнями, на пять неровныхъ частей. Средняя часть, самая большая, за которой стоитъ пятиглавая церковь съ чудеснымъ деревомъ и насадившими его фигурами; двѣ слѣдующія части, по сторонамъ, нѣсколько поменьше, съ изображеніями: налѣво, царя, направо, царицы съ царевичами, въ моленіи образу Богоматери; наконецъ изъ двухъ меньшихъ частей, по краямъ, лѣвая часть стѣны спускается по склону горы. Изъ двухъ выступовъ въ средней части, въ одномъ, налѣво, мы находимъ точный современный Ушакову видъ Спасской башни, на право, другой, не большой башни, съ пирамидальною крышею. Изъ крайнихъ выступовъ, лѣвый съ небольшою, непокрытою башнею, правый съ высокою башнею, называемой Никольскою. Впереди нынѣшней кремлевской стѣны на иконѣ находимъ, въ недальномъ разстояніи еще двѣ другихъ, параллельныхъ стѣны, изъ коихъ одна, наружная, меньше другой, внутренней и состоитъ почти изъ одного ряда зубцовъ. Такъ какъ стѣны эти представлены почти по птичьему полету; то мы можемъ даже судить о томъ, что помѣщено было внутри этихъ стѣнъ, въ ихъ промежуткахъ. Городскія ворота, возникая у задней стѣны идутъ до передней. При двухъ большихъ башняхъ сдѣланы еще выступы съ передовыми укрѣпленіями и съ отдѣльными въ стѣнахъ, по сторонамъ, дворцами, между передней и средней стѣнами. Части средней стѣны при башняхъ, представляютъ значительные подъемы въ родѣ брустверовъ, съ отверстіями, ведущими въ задніе промежутки стѣнъ. Надъ передовымъ укрѣпленіемъ Спасской башни, нынѣ открытымъ, видна крыша, чѣмъ не мѣшало бы воспользоваться архитектору, занимавшемуся въ недавнее время реставраціей. Собственно башня состоитъ изъ квадратнаго основанія или нижняго этажа въ два ряда съ окнами, съ украшеніями и статуями звѣрей, вверху, съ башенками по угламъ, вѣнчаемая прорѣзнымъ подзоромъ и съ часами, въ готической аркѣ съ главнаго фаса; на ней другой этажъ башни, тоже съ небольшими башенками по угламъ и съ часами на всѣ четыре фаса. Этажъ этотъ безъ окопъ. Выше наконецъ три многогранныхъ этажа, изъ коихъ верхній имѣетъ видъ продолговатаго шатра, открытаго со всѣхъ сторонъ, на подобіе колокольни: на верху его шпиля металлическій орелъ. Никольская башня кромѣ передняго выступа, снабженнаго, также, какъ и въ Спасской, узкими окнами внизу и рядомъ малыхъ вверху, имѣетъ еще два яруса, съ окнами; верхній крытъ шатромъ. Стѣны и башни выкрашены подъ кирпичъ, красною краскою, крыши башенъ — зеленою. Поверхъ главной, задней стѣны тянется по зубцамъ

сплошная, прямая крыша. Крыши башень вообще шатровыя, но на передовыхъ укрѣпленіяхъ онѣ трехскатныя.

Лѣтопись иконы изображена внизу, вдоль первой кремлевской стѣны, въ двухъ мѣстахъ. Начало ея близъ Спасской башни; здѣсь, въ двѣ строки написано слѣдующее:

Писана сія икона отъ сотворенія свѣта тскуща подъ солнцемъ 7176 лѣта, во дни благочестиваго и христолюбиваго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. Затѣмъ конецъ лѣтописи помѣщенъ близъ праваго угла иконы: „А писалъ сій образъ его государевъ зографъ Пименъ, зовомый Симонъ, Ушаковъ.

Намъ остается разгадать мысль художника, которую положилъ онъ въ основу своего великаго произведенія. Мы не ошибемся, кажется, если допустимъ, что онъ желалъ выразить особое покровительство небесное надъ Москвой, молитвами Богоматери и мѣстныхъ святыхъ, заслугами въ пользу церкви государей. По понятіямъ Ушакова и его современниковъ, высшее проявленіе этого покровительства выразилось въ обиліи святыхъ заступниковъ, группирующихся около собора, мѣста храненія національной святыни. Присутствіе на иконѣ св. Петра митрополита и князя Іоанна Калиты ясно указываетъ на извѣстное пророческое изреченіе перваго послѣднему о славѣ и благоденствіи Москвы, осуществленію котораго были свидѣтелями въ послѣднее время первые члены царствующаго дома Романовыхъ. Имъ вручена риза бѣла, имена ихъ вписаны въ книгу животную, и они побѣждали враговъ церкви. Богъ далъ имъ вѣнецъ живота, и они вѣрны были Ему даже до смерти. Силою Божіею, заступничествомъ Богоматери и молитвами избранныхъ держится Москва, а съ нею и вся православная Русь. Такого рода соображенія легли въ основу иконы Ушакова. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь собственно икону Покрова надъ Москвою.

Нѣчто подобное по составу намъ пришлось замѣтить въ другомъ концѣ Россіи, и именно въ Малороссіи, когда, на пути изъ Полтавы въ Кіевъ, мы посѣщали въ 1850 году соборную церковь въ городѣ Переяславѣ. На мѣстной иконѣ Покрова Богородицы, одномъ изъ замѣчательныхъ произведеній царскихъ иконописцевъ временъ Петра, мы нашли изображеніе Покрова Богоматери надъ Малороссіей, въ которомъ, какъ царь Петръ, такъ и современные малороссійскія власти изображены были прямо съ натуры. Мы не знаемъ, какая участь постигла въ послѣдствіи этотъ памятникъ, но отмѣтили его, какъ весьма важный для исторіи русской иконописи. Можетъ быть Ушаковская икона послужила поводомъ къ происхожденію послѣдняго.

Разсмотрѣнная нами икона Ушакова, и по составу своему, и по исполненію, представляется намъ, не только замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ нашего мастера, но и однимъ изъ первыхъ памятниковъ русской иконописи XVII вѣка. Если сравнить ее даже съ знаменитымъ произведеніемъ Ушакова, иконою Благовѣщенія съ акаѳистомъ, то послѣдняя во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ первой. Въ этой иконѣ Ушаковъ достигъ высшаго совершенства, котораго могла достигнуть русская иконопись, предоставленная собственнымъ средствамъ развитія. Сюжетъ ея самостоятеленъ, исполненіе мастерское. Мы не можемъ, кромѣ того, указать ни одной иконы въ русской иконописи, въ которой бы ликъ Богоматери былъ написанъ удачнѣе изображенія здѣсь иконы Владимірской. Это положительно лучшій типъ, выработанный русскою иконописью, тотъ типъ идеальной красоты, о которомъ упоминается въ посланіи зографа Іосифа къ Симону Ушакову.

Въ извѣстномъ, капитальномъ сочиненіи Д. А. Ровинскаго: Исторія русскихъ школъ иконописанія, къ 1668 году отнесена еще икона Ушакова, Живоносный Источникъ, которую онъ будто бы писалъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, Иваномъ Башмаковымъ. Но мы напрасно искали свѣдѣній о томъ въ изданныхъ и неизданныхъ документахъ, и потому полагаемъ, что здѣсь должна быть опечатка. Икона эта была писана Ушаковымъ, въ 1670 году, и не съ Башмаковымъ, а съ другимъ иконописцемъ, Сергѣемъ Васильевымъ, какъ то ясно изъ матеріаловъ для исторіи русской иконописи, собранныхъ И. Е. Забѣлинымъ и превосходно разработанныхъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи г. Ровинскаго, которое долгое время еще будетъ настольною книгою каждаго, занимающагося исторіей искусствъ въ Россіи *.

* Оно помѣщено въ VIII т. Запискахъ Имп. Арх. Общ. Спб. 1856 года.

Перейдемъ къ слѣдующему, 1669 году. Мы не богаты собранными объ Ушаковѣ за этотъ годъ свѣдѣніями. Извѣстно, что въ декабрѣ, вмѣстѣ съ другими жалованными иконописцами, получилъ онъ восемь аршинъ камки индѣйской, да четыре аршина сукна англійскаго, за письмо стѣнное въ Архангельскомъ соборѣ. Въ этомъ же году Ушаковъ лишился ученика своего, Ивана Башмакова, изъ Евреевъ, принявшаго православіе и пропавшаго, въ послѣдствіи, безъ вѣсти. Но въ актахъ того же года упоминаются новые ученики Ушакова, Василій Ивановъ и Петръ Аѳанасьевъ. Послѣдній въ томъ же году значится въ числѣ городовыхъ иконописцевъ, изъ Нижняго Новгорода, средней статьи. Онъ, вмѣстѣ съ товарищами своими, Борисомъ и Андреемъ Марковыми, „писалъ вновь образъ Всемилостиваго Спаса, переводомъ противъ греческаго письма, дска образная дву аршинъ, шириною аршинъ 3 вершка, а написавъ тотъ образъ, приказали отнести и поставить въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ соборной церкви". По исполненіи заказа и принесеніи его въ Оружейную Палату, иконописцы требовали прибавки за работу, на матеріалъ. Начальство обратилось, по обычаю, съ вопросомъ къ Симону Ушакову: „отъ образа Всемилостиваго Спаса, что писали нижегородскіе иконописцы Борисъ Марковъ съ товарищи, что̀ отъ письма промѣну давать? Симонъ сказалъ: отъ письма, за мастерство и за золото и за краски промѣну давать 15 рублевъ". Составили актъ, выдали деньги.

Мы нисколько не выдаемъ собранныя нами матеріалы для біографіи Ушакова за окончательные, послѣ которыхъ уже ничего не остается надѣяться отыскать въ богатомъ архивѣ Оружейной Палаты. Напротивъ того, просимъ имѣть въ виду сдѣланное нами выше замѣчаніе, относительно того положенія, въ которомъ находился архивъ во время нашихъ поисковъ. Очень не мудрено, если послѣ насъ другіе будутъ счастливѣе, найдутъ болѣе предлагаемаго нами. Мы рады были и тому, что нашли, и охотно дѣлимся тѣмъ съ друзьями археологіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ушаковъ былъ сильно и постоянно занятъ, и на службѣ, заказами изъ Оружейной Палаты, и у себя дома, частными работами. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича иконописныхъ работъ было столько, что городовые иконописцы почти постоянно жили въ Москвѣ. Царскіе мастера не могли ихъ выполнить. Кромѣ соборовъ, церквей, расписанныхъ стѣнописью, множество цѣлыхъ иконостасовъ изготовлялось въ Оружейной Палатѣ въ разныя мѣста Россіи и для вселенскихъ патріарховъ, на востокъ. Нерѣдко недоставало мѣста въ Палатѣ, писали въ Набережныхъ хоромахъ, на дворѣ Никиты Романова и въ другихъ мѣстахъ. И не одной иконописью, въ тѣсномъ смыслѣ, исчерпывался кругъ занятій иконописцевъ: они расписывали знамена, книги, мебель и проч. Ушаковъ, какъ первый мастеръ, съ лучшимъ окладомъ, долженъ былъ заниматься больше другихъ. Не мало увидимъ мы еще и сохранившихся результатовъ художнической дѣятельности Ушакова, которые скажутъ, въ свою очередь, что дѣятельность эта была не посредственная, не рядовая.

„Въ 1670 году, 30 мая, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ изъ конюшеннаго приказу, для своихъ, великаго государя всякихъ приказныхъ и верховыхъ дѣлъ, дать Оружейныя Палаты иконописцу Симону Ушакову лошадь добрую, а кормъ, овесъ и сѣно давать изъ того же конюшеннаго приказу". Новая милость государя, равняющаяся, въ настоящее время, праву пользованія придворнымъ экипажемъ, обусловливалась, безъ сомнѣнія, необходимостью Ушакова посѣщать, производившіяся въ то время, многочисленныя работы. Правомъ этимъ пользовались весьма немногіе, и едва ли не онъ одинъ изъ числа всѣхъ иконописцевъ.

Къ тому же году относится любопытный заказъ по иконописи, въ которомъ принималъ участіе Ушаковъ. „Іюня 12, по именному царскому указу, оружейничій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, приказалъ написать на дскахъ государскіе тезоименитые ангелы, по прозванію, по алфавиту; а у того дѣла смотрѣть и изъ книги выписать иконописцу Симону Ушакову. А въ росписи, какову подалъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ, написано: Симону Ушакову (это зачеркнуто): Алексѣй, помощникъ; изобразуется сице: человѣкъ несетъ крестъ, ангелъ созади пособствуетъ. Ѳедору Евтиѳѣеву (и это зачеркнуто): Великомученика Ѳеодора, Божіи дара. Написать Духа Святаго во образѣ голуби; въ семи лучахъ семь даровъ. Степану Резанцу—Іоанна Предтечи. Сергѣю Рожкову—святыя великомученицы Ирины. Ивану Леонтьеву—святыя Анны. ЕгоргіюТерентьеву—святыя великомученицы Татіаны. ѲедоруКозлову—преподобныя мученицы Евдокіи. Андрею Ильину—преподобныя Маріы. Ивану Максимову (опять зачеркнуто), Павлу Микитину—святую

Софію. Никитѣ Павловцу—святыя великомученицы Екатерины. Гаврилѣ Кондратьеву—преподобныя Маріи. Ѳедору Елизарьеву—преподобныя Ѳеодосіи. Иконныя доски розданы тогожъ числа иконописцу Симону Ушакову съ товарищи.“ Далѣе, слѣдуетъ, 15 іюня, роспись, „что надобно золота и красокъ на 12 иконъ государскихъ ангеловъ. Золота, на всякую икону, по сту листовъ, краснаго, на творку и на золоченье, серебра, по двадцать по пяти листовъ на икону. Да на икону Живоноснаго Источника золота двѣсти листовъ краснаго. Да сего же числа икону писать Спасовъ образъ на престолѣ, и съ преклонными святыми, полтора аршина. Золота на нее двѣсти листовъ краснаго, серебра, 100 листовъ.“ За тѣмъ слѣдуетъ роспись краскамъ, писанная Сергѣемъ Рожковымъ, по приговору братскому. Упоминаемая здѣсь икона Живоноснаго Источника, безъ сомнѣнія, та самая, къ которой были писаны шестнадцать мѣстъ чудесъ Богородичныхъ иконописцемъ Сергѣемъ Васильевымъ, подъ наблюденіемъ Симона Ушакова. Такъ мы понимаемъ выраженіе въ челобитной иконописца Васильева, гдѣ онъ говоритъ: писалъ, изъ Живоноснаго Источника, 16 мѣстъ чудесъ Богородицы, съ Симономъ Ушаковымъ. Въ расходной книгѣ матеріаламъ Оружейнаго Приказа 7178 (1670) года, подъ 6 числомъ іюля, о двухъ упомянутыхъ работахъ записано: „Иконописцу Симону Ушакову на двѣнадцать образовъ для письма государскихъ ангеловъ, да на образъ Живоноснаго Источника краски бакану веницѣйскаго, по вѣсу, фунтъ. Тое краску взялъ и росписался Симонъ Ушаковъ. Росписка въ столпу“ (Арх. Ор. Пал. № 858). Въ томъ же году написалъ Ушаковъ, для государя, два образа Богоматери, одинъ Соболевской, другой, Иверской. Въ росписи Оружейной Палаты, приказнымъ дѣламъ, мастерскихъ дѣлъ, нынѣшняго, 178 году, противъ имени Ушакова сдѣлана отмѣтка, писать верховыя иконы, а въ концѣ росписи иконописцевъ значится слѣдующее: „По наряду велѣно написать вновь 11 образовъ—государскіе ангелы, на кипарисныхъ доскахъ, да имъ же велѣно написать, по росписи изъ Приказу великаго государя Тайныхъ дѣлъ, образъ Пресвятыя Богородицы, разными чины.“ Дальнѣйшія свѣдѣнія за этотъ годъ указываютъ намъ на дѣятельность Ушакова въ досмотрѣ за работами иконописцевъ, писавшихъ, въ Набережныхъ палатахъ, шкапы, для Оружейной Палаты, въ приготовленіи химическихъ составовъ для починки стола индѣйскаго письма. Одинъ изъ документовъ по послѣднему дѣлу характеризуетъ отношенія нашего мастера къ приказнымъ. „Симонъ Ѳедоровичъ“, говоритъ одинъ изъ нихъ, вѣроятно дьякъ, „изволь пожаловать отписать въ Оружейную Палату, какія водки велѣлъ ты составить въ аптекѣ для составу къ столу, а прежняя записца утерялась, что Михайла, по твоему слову, писалъ“. Симонъ Ѳедоровичъ доставилъ рецептъ, по которому изготовили составы, затѣмъ написалъ роспись нужнымъ къ тому же дѣлу другимъ матеріаламъ, и произвелъ реставрацію заморской диковинки.

1671 годомъ оканчивается запасъ матеріаловъ, изданныхъ г. Забѣлинымъ; но далеко не исчерпывается весь запасъ свѣдѣній, даже собранныхъ нами, для біографіи Симона Ушакова. Мы же, въ свою очередь, какъ уже сказано, не исчерпали всего матеріала, да и исчерпать его вполнѣ едвали возможно будетъ, до того времени, пока документы архива Оружейной Палаты не будутъ приведены въ строго-археологическую систему. Въ томъ же, 1671 году, какъ уже извѣстно, и изъ изданнаго г. Забѣлинымъ, былъ приведенъ въ исполненіе, въ Оружейной Палатѣ, въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, большой иконописный заказъ, состоявшій въ иконахъ, преимущественно аллегорическаго, затѣйливаго содержанія, въ дѣяньяхъ, чудесахъ, пѣсняхъ, молитвахъ. Жалованные мастера, и въ числѣ ихъ первый, Симонъ Ушаковъ, на вопросъ, въ какой срокъ могутъ быть изготовлены ими тѣ иконы, отвѣчали, что имъ тѣхъ иконъ писать не съ кѣмъ; сами они, по царскому указу, должны писать государеву комнату, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагали они поручить работу тѣхъ иконъ городовымъ иконописцамъ. Такъ и было сдѣлано. Большая часть иконъ поручена была изготовленію иконописцевъ на городахъ, въ Ярославѣ, Ростовѣ, Костромѣ и въ Троицкой лаврѣ. Однако, судя по росписямъ работъ московскихъ жалованныхъ иконописцевъ, за этотъ годъ, осталось, и на долю послѣднихъ, кое-что изъ этого заказа. Въ одной росписи перечислены иконописцы въ слѣдующемъ порядкѣ: Симонъ Ушаковъ, Степанъ Резанецъ, Ѳедоръ Евтихѣевъ, Никита Павловецъ, Ѳедоръ Козловъ, Иванъ Леонтьевъ, Андрей Ильинъ, Сергѣй Рожковъ, Георгій Зиновьевъ и Иванъ Филатьевъ. И противъ именъ ихъ сдѣлана отмѣтка: Писать образы по росписи, которые по наряду велѣно писать, въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, да по росписямъ, образъ Похвалы Пречистыя Богородицы съ пророки, да особь,

на разныхъ дскахъ, кондаки и икосы. Сохранилась и составленная, для этой работы Ушаковымъ, смѣта матеріаламъ, на 21 икону. Въ расходной книгѣ матеріаламъ Оружейнаго Приказа за этотъ годъ (№ 858) записана выдача краски Ушакову для письма плафона въ комнатахъ царицы. Ноября 8-го дано иконописцу Симону Ушакову съ товарищи къ подволочному дѣлу въ хоромы къ государынѣ царицѣ и великой княгини Натальи Кириловны бакану венцѣйскаго, по вѣсу 4 фунта. Тое краску взялъ Симонъ Ушаковъ.

Въ томъ же году, въ ученики къ Симону Ушакову поступилъ знаменитый въ послѣдствіи иконописецъ Михаилъ Ивановъ Милютинъ, сынъ священника церкви Іоанна Предтечи, что у Никитскихъ воротъ.

Менѣе всего собрано нами свѣдѣній о дѣятельности Ушакова за 1672 годъ. Отсутствіе ихъ, пока, мы объяснить не можемъ. Работы его въ Оружейной Палатѣ продолжались. Въ этомъ году писалъ онъ для государя, икону Тихвинской Богоматери и св. Николая Чудотворца, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ и расходная книга матеріаламъ за этотъ годъ, подъ 20 числомъ августа. Иконописцу Симону Ушакову краски бакану венцѣйскаго 24 золотн. Писалъ образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, да образъ Николы чудотворца къ великому государю вверхъ. (Арх. Ор. Пал. № 858) Годъ этотъ былъ также не изъ счастливыхъ въ жизни Ушакова. Въ маѣ мѣсяцѣ отобрали у него дворъ, что былъ данъ ему въ Посольской улицѣ.

За то, съ слѣдующаго года, и до конца жизни Ушакова, мы можемъ представить довольно подробную, въ хронологическомъ порядкѣ, вѣдомость, о его работахъ.

Въ 1673 году, какъ мы узнаемъ изъ двухъ ничтожныхъ счетовъ за иконныя доски, Симонъ Ушаковъ, по указу государя, написалъ, въ ноябрѣ, въ хоромы царицы Наталіи Кирилловны, икону Николая чудотворца, а въ маѣ, на кинарисной доскѣ, образъ Распятія, въ хоромы царевичу Ѳеодору Алексѣевичу. Отъ того же мая мѣсяца сохранилась писанная рукою Ушакова роспись иконописцамъ, писавшимъ въ набережныхъ хоромахъ, два Спасовы образа, образъ Тихвинской Богородицы и образъ Алексія Митрополита. Писали они тѣ образа на дворъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, въ церковь Похвалы Богородицы, въ придѣлъ Алексія Человѣка Божія и Маріи Египетской. 30-го марта выдано иконнику Симону Ушакову къ починкѣ на столъ государевъ, что съ виницѣйскими раковинами, бакану венцѣйскаго 24 золотника. Такъ значится въ расходной книгѣ матеріаламъ за 7181 (1673) годъ. 3-го октября, ему же Симону, съ товарищи отпущено краски, бакану венцѣйскаго 78 золотниковъ. Тѣмъ баканомъ писали знамя великаго государя полковое—Покровъ Пресвятыя Богородицы въ полкъ, къ Донскому отпуску, Думному дворянину и воеводѣ Ивану Севастьяновичу Большому—Хитрово. Въ числѣ мелкихъ, семивершковыхъ иконъ, хранящихся въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры мы видѣли икону Нерукотвореннаго Спаса или святой убрусъ, съ надписью внизу, сдѣланною рукою Ушакова: 7181 году писалъ сій образъ зографъ Симонъ Ушаковъ. Икона эта писана какъ и всѣ иконы того же сюжета, ближе къ иконному стилю, чѣмъ къ живописному. Отъ того же года дошло до насъ нѣсколько свидѣтельствъ, выданныхъ имъ иконописцамъ. Такъ у выписки о мастерствѣ иконописца Ѳедора Нянина, просившаго прибавки кормовыхъ, онъ объявилъ, что мастерствомъ онъ, Ѳедоръ, иконнаго художества въ версту иконописцу Ивану Филатову, вслѣдствіе чего и прибавлены ему кормовыя деньги. Ученикъ Симона Ушакова, Михаилъ Милютинъ просилъ къ его кормовому окладу прибавить оставшійся окладъ выбывшаго ученика, Ивана Башмакова. И Симонъ у выписки сказалъ, что ученикъ его мастерствомъ своимъ иконописнымъ, противъ бывшаго его ученика Ивашки Евренна таковъ же нынѣ будетъ, и у государевыхъ иконописныхъ дѣдъ онъ Мишка съ нимъ Симономъ безпрестанно, и впредь къ государевымъ дѣламъ проченъ будетъ. Жалованья прибавлено.

Подобныя же свѣдѣнія дошли до насъ о біографіи Ушакова и за 1674 годъ. Изъ числа выданныхъ имъ свидѣтельствъ иконописцамъ въ этомъ году до насъ дошло, вопервыхъ, свидѣтельство работы или мастерства иконописца Ивана Масюкова, бывшаго сначала въ ученикахъ у Сергѣя Рожкова, потомъ у Ивана Кириллова. Масюковъ, въ послѣдствіи извѣстный иконописецъ, а въ то время ученикъ, просилъ объ увеличеніи ему кормовыхъ, которыхъ у него было мало, едва хватало на покупку свѣчъ и бумаги на образцы. Онъ принесъ въ Оружейную Палату письма своего образъ Пречистыя Бого-

родицы Одигитріи на шестилистовой доскѣ, который онъ, по сказкѣ мастера его, Ивана Кириллова, писалъ собою, т.-е. одинъ, безъ помощи другихъ. Свидѣтельствуя образъ, Симонъ Ушаковъ съ товарищами сказалъ, что Иванъ Масюковъ напишетъ противъ Петра Леонасьева. Вслѣдствіе чего ему и дано въ его версту жалованье.

Другое свидѣтельство относится къ мастерству Тимоѳея Степанова, сына извѣстнаго, первостепеннаго мастера Степана Резанца; послѣдній просилъ принять его сына въ число мастеровъ, за 30-ти лѣтнюю службу отца, въ то время бывшаго безъ движенія. Спрашивалось, научень ли онъ иконному художеству и тѣмъ мастерствомъ кому онъ въ равенство? Симонъ Ушаковъ съ товарищами сказали: онъ научень и впредь будетъ къ тому дѣлу проченъ, а старыхъ иконъ къ починкѣ и травному письму гораздо научень, и тѣмъ своимъ мастерствомъ равенъ Никифору Бовыкину. Съ тѣмъ и сравняли его жалованье. Далѣе, узнаемъ мы еще о Симонѣ Ушаковѣ, что онъ наблюдалъ за работами иконописцевъ, которые чинили иконы въ церковь преподобной Евдокіи, что у государя на сѣняхъ, чистили и олифу снимали. Работа эта продолжалась, судя по росписямъ руки Ушакова, съ марта по августъ. Изъ числа работъ, лично ему принадлежавшихъ, въ этомъ году мы можемъ упомянуть, что онъ писалъ, по наряду, Спасовъ образъ Вседержителя и иныя всякія иконописныя дѣла. Такъ значится въ одномъ дошедшемъ до насъ спискѣ работамъ царскихъ мастеровъ. Изъ позднѣйшихъ актовъ узнаемъ мы, кромѣ того, что Ушакову, вмѣстѣ съ Никитою Павловцемъ указано было государемъ написать нѣсколько иконъ въ новую церковь подмосковнаго села Алексѣевскаго. Изъ числа этихъ иконъ были написаны только двѣ въ этомъ году, Іоанна Предтечи и Іоанна Богослова. Кромѣ того, писалъ онъ, въ подносъ государю, къ свѣтлому празднику, образъ Спаса Нерукотворенаго. Въ томъ же году, по указу государя, велѣно ему написать въ хоромы къ государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Натальѣ Кирилловнѣ, на липовой доскѣ, 11¼ вершковъ длиной, 9⅓ вершка шириной, образъ Пресвятой Богородицы Казанскія, списокъ съ чудотворнаго образа, что принесенъ изъ Калуги.

Въ томъ же году Симонъ Ушаковъ подалъ государю челобитную. „Служу я тебѣ,“ говорилъ онъ, „великому государю, двадцать семь лѣтъ, а окладъ мнѣ холопу твоему, жалованья, денегъ тридцать рублевъ, да кормовыхъ тридцать шесть рублевъ, шестнадцать алтынъ четыре деньги, а даются мнѣ тѣ окладныя и кормовыя деньги изъ Оружейныя; а въ Оружейной, государь, Палатѣ, Оружейнаго дѣла мастеру Григорью Вяткину твоего государева, годоваго денежнаго жалованья окладъ пятьдесятъ рублевъ, кромѣ кормовыхъ денегъ, милосердый государь, пожалуй меня, для святыхъ иконъ, вели тѣ кормовыя деньги приверстать мнѣ къ прежнему моему окладу, къ тридцати рублямъ въ окладъ. А твое великаго государя жалованье, кормъ мнѣ идетъ изъ Приказу Большаго дворца, за дворцовый кормъ.“ Въ сдѣланной, по этому случаю выпискѣ сказано, что за дворцовый кормъ и питье онъ получалъ уже 50 руб. Рѣшено было, для почести святыхъ иконъ воображенья, кормовыя деньги приверстать къ годовому окладу, и генваря въ 15 день, по указу государя и по приказу боярина Богдана Матвѣевича Хитрово кормовыя деньги 36 р. съ полтиною справить въ окладъ въ годовое жалованье, да ему-жъ, за его многую работу, прибавить къ кормовымъ деньгамъ полтину и учинить годовой окладъ и съ кормовыми и давать въ годъ 67 рублевъ.

Мы уже замѣтили выше, какое значеніе имѣетъ прибавка жалованья иконописцамъ и вообще мастеровымъ людямъ того времени. Ее обусловливали прямыя выгоды правительства. Симонъ Ушаковъ былъ необходимъ, какъ лучшій мастеръ иконописецъ, необходимъ для работъ, необходимъ для надзора и свидѣтельства иконописцевъ, необходимъ какъ художникъ, какъ экспертъ и преподаватель. Продолжительная, полезная служба его не могла не быть оцѣнена въ Оружейной Палатѣ.

Въ 1675 году писалъ Ушаковъ образъ Спаса Вседержителя со крестомъ, и получилъ за то награды, тафту отъ государя. Тотъ же сюжетъ, какъ извѣстно, повторенъ имъ былъ въ гравюрѣ. Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ отдѣленіи русскихъ древностей, можно видѣть на современной Ушакову бумагѣ обратный снимокъ той же иконы, съ рисунка, исполненнаго, быть можетъ, самимъ мастеромъ. Въ октябрѣ того же года, чинилъ онъ, вмѣстѣ съ Никитою Павловцемъ, Влахернскую икону Божіей Матери, стоявшую въ Успенскомъ соборѣ. При реставраціи требовалась подклейка старой доски новою, кипарисною. Въ февралѣ онъ приготовлялъ составы красочные и чинилъ ими, съ золотомъ и серебромъ, столъ, доску и станокъ съ подножіемъ, который снесъ изъ царскихъ

хоромъ Праказа Тайныхъ дѣлъ, подъячій. Въ апрѣлѣ, писалъ онъ, съ другими жалованными иконописцами, большое полковое, бѣлгородскаго полка знамя. Оно было писано въ замѣнъ стараго, пришедшаго въ ветхость, присланнаго изъ полка бояриномъ и воеводой, княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и надо было писать его съ стараго образца. Съ двухъ сторонъ была изображена Богоматерь, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, сидящая на престолѣ, окруженная ангелами, съ херувимами въ подножіи, на откосѣ четыре ангела, летящіе съ мечами. Смѣта матеріаламъ и работѣ, а также наблюденіе за исполненіемъ поручены были Ушакову. Въ іюнѣ писалъ онъ, въ хоромы царевича Ѳеодора Алексѣевича, мученика Христофора, да мученицу Татьяну, кромѣ того, икону Николая чудотворца. Въ августѣ указалъ государь написать у себя, въ четвертой комнатѣ, вновь золотить, и писанныя мѣста починивать, въ небѣ орла, и стѣны и окна. Смѣта и работа поручены были снова Ушакову, съ товарищи. Въ августѣ же поручено было ему исполнить, для царевича Ѳеодора Алексѣевича, въ хоромы, образа по особой росписи, на мѣдныхъ дскахъ. Онъ же составлялъ смѣту для стѣнописи церкви Спаса Нерукотвореннаго, что у государя на сѣняхъ. Въ этомъ году кончилось дѣло о дворѣ, данномъ Ушакову казною въ Посольской улицѣ, и затѣмъ взятомъ у него обратно, вѣроятно по интригамъ. Кончилось оно тѣмъ, что Ушакову уплатили за постройки произведенныя имъ во время жительства въ этомъ домѣ.

Къ этому же году относится сохранившаяся съ лѣтописью икона Ушакова, Спаса Нерукотвореннаго съ утреннимъ стихирами. Но икона эта обезображена поновленіями, и въ недавнее время пройдена даже масленными красками. Трудно судить по настоящему ея положенію о томъ, что представляла она нѣкогда. Ее можно считать, для науки, совершенно потеряною.

Мѣрою она—аршинъ пять вершковъ длиною, аршинъ шириною. Посреди изображенъ Нерукотворенный образъ, по сторонамъ, на поляхъ, двѣнадцать мѣстъ стихиръ, по четыре мѣста вверху и внизу, по два по бокамъ. Всѣ они предметомъ своимъ имѣютъ событія изъ жизни Христа послѣ Воскресенія: Сошествіе во адъ, Явленіе женамъ мироносицамъ, апостоламъ и проч. Снизу изображенія Нерукотвореннаго Спаса сохранилась надпись: 7183-го году писалъ Симонъ Ушаковъ. Мѣстами, гдѣ сохранился оригиналъ, проглядываетъ бойкій рисунокъ. Техника совершенно оригинальная: золото раздѣлано черными штрихами, подъ гравюру. Письмо легкое и не такое прочное, какъ въ другихъ иконахъ Ушакова. Она находится въ церкви Ильи Обыденной, на Остоженкѣ.

Изъ записей архива Оружейной Палаты видно, что въ 1676 году Симонъ Ушаковъ писалъ, въ маѣ мѣсяцѣ, образъ Нерукотвореннаго Спаса, въ поднось великому государю, кромѣ того, икону Казанской Божіей Матери, въ хоромы царицы Натальи Кириловны. Въ концѣ іюля указалъ государь жалованнымъ иконописцамъ, Симону Ушакову и товарищамъ: „Написать на 8-ми мѣдныхъ кругахъ два Деисуса, образъ Спаса, Богородицы, Іоанна Предтечи, Ѳедора Стратилата и Сергія Радонежскаго“. Иконы эти были писаны для церкви Нерукотвореннаго Спаса, что у государя вверху, на сѣняхъ. Одинъ Деисусъ поставленъ въ церкви противъ золотаго государева крыльца; образа: Ѳеодора Стратилата и Сергія—въ пещерахъ, а другой Деисусъ, въ правой сторонѣ, съ прихода отъ краснаго крыльца. Дошли и акты свидѣтельства иконописцевъ за этотъ годъ. Такъ въ маѣ же мѣсяцѣ свидѣтельствовалъ Ушаковъ работу иконописца Леонтія Степанова, просившаго о поверстаніи его жалованьемъ. „Иконописецъ Леонтій“, сказалъ Ушаковъ, „иконнаго письма мастерствомъ равенъ противу первыя статьи, Ивана Леонтьева, даже противъ бывшаго мастера иконописца Ѳедора Козлова“. Въ другой разъ, иконникъ Спиридонъ Григорьевъ, служившій въ Палатѣ, съ 1671 года, въ кормовыхъ, просился въ жалованные, на окладъ умершаго 30 іюля 1675 года Ѳедора Козлова. Онъ принесъ своего письма икону Богородицы Корсунской, да икону Иверской, и у выписки сказалъ, что учился иконному художеству у патріаршаго жалованнаго иконописца Ѳедора Елизарьева. Свидѣтельствуя работу его Ушаковъ заявилъ, что тотъ иконописецъ, противъ Ѳедора Козла, не напишетъ, а напишетъ противъ Георгія Терентьева да Ивана Леонтьева. 2-го августа, 1676 года, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ именнымъ своимъ указомъ, въ церкви Спаса Нерукотвореннаго образа, что у него, великаго государя, вверху, на сѣняхъ, стѣнное письмо починить заново, да въ ту же церковь написать вновь же образа, вмѣсто прежнихъ, древнихъ образовъ, Деисусъ, праздники, пророки, праотцы, всего 45 образовъ. Симону Ушакову поручено было составить смѣту матеріаламъ и работамъ.

Извѣстія о дѣятельности Ушакова за этотъ годъ мы можемъ пополнить еще однимъ новымъ фактомъ, указаніемъ сохранившейся современной его работы—иконы ангела царя Ѳеодора Алексѣевича, св. Ѳеодора Стратилата. Она находится надъ гробомъ царя, у средняго столба Архангельскаго собора. Икона эта довольно большаго размѣра. Фигура въ половину натуральной величины. Святой стоитъ въ полуоборотѣ съ права налѣво, въ моленіи облачному Спасу; въ лѣвой рукѣ его семиконечный крестъ, господствующій въ современныхъ произведеніяхъ. Лицо вѣрно передаетъ усвоенный святому иконописный типъ. Одежда на немъ воинская—латы сверхъ нижняго платья. Колѣна обтянуты богатою матеріей съ золотыми разводами. Фигура нѣсколько приземиста, не натурально поставлена и тоща по иконному. Впрочемъ, преобладающій стиль въ этой иконѣ все-таки фряжскій. На обработку мелочей обращено слишкомъ большое вниманіе. Всего лучше писано лице. Краски довольно ярки. Замѣчательно, что икона эта писана не однимъ Ушаковымъ, но съ участіемъ товарищей, какъ свидѣтельствуетъ сдѣланная внизу его рукою подпись: „7184 году писалъ Симонъ Ушаковъ съ товарищи.“ Вѣнецъ и гривна этой царской иконы золотыя, богато украшены каменьями.

Работа въ Верхо-Спасской церкви продолжалась и въ теченіи перваго полугодія 1677 года. Кромѣ жалованныхъ и московскихъ кормовыхъ иконописцевъ, призваны были костромскіе и ярославскіе мастера. Стѣны были расписаны вновь. Затѣмъ, въ набережныхъ хоромахъ, писали мѣстныя и деисусныя иконы. Работою заправлялъ Симонъ Ушаковъ. Въ писанныхъ, его рукою росписяхъ значится постоянно, что онъ у дѣла былъ, и руку приложилъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и онъ работалъ вмѣстѣ съ иконописцами. Ушаковскія росписи, по временамъ, имѣютъ видъ журнала работъ, съ указаніями, въ какое время какіе мастера покончили извѣстные отдѣлы заказа, когда довершили Деисусъ, нижній поясъ, когда праздники и проч. Въ числѣ мѣстныхъ иконъ упоминаются: Спасовъ образъ Великаго Архіерея, Предста Царица, Богородицы Одигитріи, царскія двери, сѣверная и южная дверь, образа, Лонгина Сотника и Ѳеодора Стратилата. Кромѣ иконъ на деревѣ, въ эту церковь были написаны иконы на мѣдныхъ доскахъ. Такъ изъ росписей видно, что въ ту же Верхоспасскую церковь, въ закомары, былъ написанъ Деисусъ на мѣдныхъ доскахъ, московскими и ярославскими иконописцами. Закомары же были расписаны Никифоромъ Бовыкинымъ. Симону Ушакову съ товарищами, указалъ государь писать на мѣдныхъ доскахъ Евангелистовъ. Они были написаны на семи, зеленой мѣди, кругахъ и поставлены въ царскія двери, въ концѣ декабря. Въ то время, какъ иконописцы сильно были заняты работою для Спасской церкви, изъ Приказа Большаго дворца пришла въ Оружейный Приказъ 23 сентября память, на которую требовалось отвѣта, написаны ли иконы въ село Алексѣевское, въ церковь Алексія Человѣка Божія: Деисусы, мѣстныя иконы и царскія двери; и, если написаны, то тѣхъ Деисусовъ во сколько тябль, и что ихъ, по столу будетъ, также сколько, мѣстныхъ иконъ порознь и каковы тѣ иконы и царскія и сѣверная и южная дверь мѣрою? Боярину Оружейничій Б. М. Хитрово отвѣчалъ слѣдующее. Въ прошломъ въ 182 году іюня въ 22 день въ Оружейной Палатѣ написано: По именному, блаженныя памяти, царя Алексѣя Михайловича указу, и, по росписи изъ приказа Тайныхъ дѣлъ, велѣно написать въ Оружейной Палатѣ иконописцамъ, Симону Ушакову да Никитѣ Павловцу, въ Московскій уѣздъ, въ село Алексѣевское, въ новопостроенную церковь мѣстныхъ иконъ, образъ Спасовъ Вседержителя, стоящій, въ моленіи Никонъ да Андроникъ, да образъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія, да образъ Іоанна Предтечи, образъ Іоанна Богослова, образъ Алексія Человѣла Божія, образъ Варлаама Хутынскаго. И въ Оружейной Палатѣ тѣхъ иконъ противъ указу написано: образъ Іоанна Предтечи, образъ Іоанна Богослова, а недописаны: образъ Спасовъ Вседержителя, въ моленіи Никонъ, да Андроникъ, образъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія, образъ Алексія Человѣка Божія, образъ Варлаама Хутынскаго; для того, что въ прошлыхъ, въ 183 починивали они иконописцы и олифили вновь, въ соборной церкви Успенскаго собора, деисусы, праздники, пророки, праотцы, и мѣтныя иконы, а въ 184 году они же иконописцы починивали у великаго государя въ третьей комнатѣ стѣнное письмо и иныя многія иконописныя дѣла писали по наряду къ великому государю вверхъ, а въ нынѣшнемъ, въ 185 они же иконописцы у стѣннаго письма въ церкви Спаса Нерукотворенаго образа, что у него великаго государя вверху, на сѣняхъ; да они же иконописцы нынѣ пишутъ, въ тое же Спасскую церковь, Деисусы, праздники и пророки и мѣстные образы, и тѣхъ иконъ они иконописцы написать не успѣли, для того, что тѣхъ иконъ иконныя доски мѣрою большія; а о царскихъ и

о сѣверныхъ и о южныхъ дверяхъ и о Деисусахъ указу великаго государя въ Оружейной Палатѣ нѣтъ". Изъ этого любопытнаго акта узнаемъ мы о занятіяхъ иконописцевъ въ предшествовавшіе годы, о которыхъ мы не имѣли сообщить изъ другихъ источниковъ. Однако, отвѣтомъ оружейничаго не удовлетворились. Судя по сохранившимся росписямъ, едва успѣли кончить иконописцы работы въ Спасской церкви, какъ были потребованы къ Алексѣевской церкви. Симонъ Ушаковъ съ товарищами является здѣсь уже 22 декабря, на работѣ у мѣстныхъ образовъ и Деисуса. Изъ приходо-расходной книги Оружейной Палаты 7185 (1677) года узнаемъ, что іюня 10-го даны были ему различные матеріалы. „А починивалъ онъ въ церкви Срѣтенія иконостасъ и мѣстные образы, и работалъ въ церкви Спаса Нерукотвореннаго, что на сѣняхъ (Арх. Ор. П. № 234). Въ той же описи указывается, что 14 апрѣля писалъ онъ съ иконописцами въ той же Спасской церкви иконы: Распятія, Пророки и Ангелы къ жертвеннику."

Совершенно случайно, изъ одной ничтожной, расходной выписки, узнаемъ мы, наконецъ, что въ 1677 году былъ писанъ иконный портретъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, и писанъ, Симономъ Ушаковымъ. Портретъ этотъ сохранился до сего дня, хотя и реставрированный неоднократно. Онъ находится въ Архангельскомъ соборѣ, близъ гробницъ этихъ государей. „7185 года, іюля 21 дня, по приказу боярина и дворецкаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, да стольника Ивана Степановича Телешнева, да дьяка Никиты Зажарскаго Оружейной Палаты жалованному иконописцу Симону Ушакову на десять досокъ липовыхъ, да на клей рыбій, по его сказкѣ, два рубля. Дать съ росписью. А по указу великаго государя, въ тѣхъ доскахъ велѣно дѣлать плотнику Еѳимку Иванову доску большую, мѣрою въ вышину три аршина десять вершковъ, въ ширину три аршина безъ вершка, а писать на той доскѣ образъ Спасовъ Вседержителя во облацѣхъ, да образъ блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руссіи самодержца, да образъ блаженныя же памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ царскихъ одеждахъ, въ соборную церковь Архистратига Божія Михаила, противъ ихъ государскихъ гробовъ, а стоять тому образу у столпа." То же извѣстіе занесено въ приходо-расходную книгу Оружейной Палаты 7185 (1677) года, (№ 234). Здѣсь на оборотѣ 419 листа, подъ 21 же числомъ іюля, находимъ, что Симону Ушакову дано на десять досокъ липовыхъ и клей, два рубля. „А по указу великаго государя въ тѣхъ доскахъ дѣлалъ плотникъ Еѳимко Ивановъ доску большую, мѣрою въ вышину три аршина три вершка, въ ширину, три аршина безъ вершка. А на той доскѣ писалъ онъ Симонъ образъ Спасовъ Вседержителя во облацѣхъ, да образъ блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси самодержца, да образъ блаженныя памяти жъ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ царскихъ одеждахъ, въ соборную церковь Архистратига Божія Михаила. А стоять тому образу у столпа, противъ ихъ царскихъ гробовъ." Образъ записанъ окончательно масляными красками, и развѣ общій рисунокъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ произведенію Ушакова. Цари представлены въ величину нѣсколько болѣе натуральной. Стоятъ прямолично, по сторонамъ находящагося вверху Св. Убруса, котораго нижняя кайма раздѣлена золотымъ орнаментомъ. На лѣво, царь Михаилъ, съ надписью: Благовѣрный и благочестивый государь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ; на право царь Алексій, съ такимъ же титуломъ. Одѣты въ становые кафтаны: одинъ, зеленоватаго цвѣта, съ затканнымъ золотомъ букетами и украшеніями въ стилѣ рококо, другой—коричневаго, съ крупнаго рисунка травами. Бармы и всѣ каймы выложены жемчугомъ и каменьемъ. Нагруди, на цѣпи крестъ съ мощами. На головѣ корона въ три яруса, въ одной рукѣ скипетръ, съ орломъ въ навершьи, въ другой, держава самого поздняго рисунка.

Изъ сохранившихся памятей Казеннаго приказа видно, что въ этомъ году Симонъ Ушаковъ былъ неоднократно жалуемъ, за работу, царскимъ жалованьемъ. Такъ 22 сентября получилъ онъ сукно—кармазинъ доброе, 15 апрѣля девять аршинъ камки двоеличной, 11 іюня зуфь—амбурку и камку, и пр.

Въ этомъ же году написана имъ икона—Нерукотворенный образъ, въ Троицкомъ соборѣ Сер-

гіевой Лавры. Она колоссальнаго размѣра. Ликъ Спасителя въ трое болѣе натуральной величины и писанъ ближе къ иконному стилю; но два Ангела поддерживающіе святой убрусъ, скорѣе живописные и довольно изящны. Мѣра доски—2 арш. 2 вершка и 1 арш. 3 вершка. Мы не могли получить разрѣшенія снять окладъ, для точнѣйшихъ наблюденій письма и особенно важной подписи. На серебряномъ, вызоченомъ окладѣ иконы внизу рѣзана надпись: При державѣ великаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, лѣта 7185 писанъ сей образъ въ церковь святыя и живоначальныя Троицы, въ обитель преподобнаго Сергія Чудотворца. А писалъ государевъ иконописецъ и дворянинъ московскій грѣшный Пименъ, по прозванію Симонъ, Ушаковъ, по своихъ сродникахъ: Филаретѣ схимонахѣ, Савватіи сх. Сергіи сх. и младенцевъ поминовенія ради". Икона эта терпѣла неоднократно поновленія. Если текстъ надписи принадлежитъ Ушакову и вѣрно переведенъ съ иконы на окладъ; то мы узнаемъ отсюда, что Ушаковъ уже былъ въ это время пожалованъ дворянствомъ. Фактъ этотъ болѣе всего говоритъ въ пользу оцѣнки его произведеній современниками. Высшей награды въ то время не знали, и мы въ состояніи указать едва на два подобныхъ случая, что царскіе мастера, въ XVII вѣкѣ, получили дворянское достоинство.

Въ 1678 именемъ Ушакова начинается списокъ мастеровъ, бывшихъ съ подносными произведеніями на свѣтлую пасху, у царя Ѳеодора Алексѣевича. При имени его, отмѣтка: писалъ въ Евдокѣйскую церковь мѣстные образа, и деисусъ, и пророки, и праздники. 1-го іюня царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указалъ дать своего государева жалованья Симону Ѳедорову, сыну Ушакову, въ приказъ, зуфь да камки двоелицкой, 10 аршинъ; государевъ указъ сказалъ о томъ стрянчій съ ключемъ Михаилъ Тимоѳеевичъ Лихачевъ. Сохранился любопытный докладъ этого года, представленный начальству Оружейной Палаты, въ слѣдствіе челобитной жалованныхъ мастеровъ, проспвшихъ о пополненіи ихъ корпораціи. Симонъ Ушаковъ съ товарищами били челомъ государю, чтобъ ихъ пожаловалъ, для своихъ государевыхъ, передъ прежнимъ, многихъ, ради иконописныхъ дѣлъ, велѣлъ имъ, на убылыя мѣста, вновь взять иконописцевъ, къ прежнимъ въ прибавку, сыскавъ на Москвѣ и въ городахъ. Жалованный иконописецъ Никита Павловецъ умеръ въ 1677 году, часть жалованья его пошла въ добавку, для добраго иконнаго мастерства, Симонову ученику, Ушакова, Михаилу Милютину. Умеръ и московскій кормовой, Андрей Ильинъ, въ 1678. Оклады ихъ оставались незанятыми. Претендентами на мѣста ихъ явились: Костромскій иконописецъ Гурей Никитинъ, въ то время работавшій въ Посольскомъ приказѣ, Колмогорецъ Семенъ Спиридоновъ, да Симоновы ученики Ушакова, живутъ на Москвѣ, Илья Филиповъ, Ларіонъ Сергѣевъ и Петръ Ѳедоровъ, ученикъ кормоваго иконописца Костромитина, Ивана Кириллова. И про тѣхъ иконописцовъ жалованные иконописцы, Симонъ Ушаковъ, съ товарищи сказали, по евангельской Христовой заповѣди, что иконописцы иконописное письмо пишутъ самое доброе мастерство. А Костромитинъ Гурей Никитинъ, да Семенъ Спиридоновъ мастерствомъ своимъ противъ Никиты Павловца стоитъ. Это была высшая похвала для того времени. И такъ почти всѣ товарищи Ушакова сошли уже въ могилу. Ему самому было въ это время уже пятьдесятъ два года.

Въ 1679 году Симонъ Ушаковъ получалъ жалованья 67 рублей, хлѣба ржи и овса 52 чети, да за дворцовый кормъ и за шитье, 50 р., шло изъ Приказа Большаго дворца; всего въ годъ, кромѣ хлѣбнаго жалованья получалъ онъ 117 р. Такъ значится въ различныхъ выпискахъ этого года. Подобнаго оклада не получалъ до его времени ни одинъ русскій художникъ. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года просилъ назначенья жалованья ученикъ Ушакова Иванъ Максимовъ, взятый въ Оружейную Палату еще въ апрѣлѣ 1678 года, изъ Пушкарскаго приказа. А по сказкѣ Симона Ушакова иконописецъ Иванъ Максимовъ апрѣля съ 21-го прошлаго 7186 сентября по 1-е число нынѣшняго 187 года, у дѣлъ великаго государя, въ иконописной палатѣ, съ своею братьею иконописцы былъ. Въ апрѣлѣ того же года просилъ о прибавкѣ себѣ жалованья отданный въ наученье Симону Ушакову травщикъ Аѳанасій Семеновъ, котораго, по именному великаго государя указу, ему Симону велѣно учить иконному художеству съ радѣньемъ. Оружейничій Хитрово спрашивалъ Симона, иконописнаго письма новый ученикъ его, Аѳанасій Семеновъ, иконное художество противъ кого пишетъ и самъ знаменитъ-ли? А Симонъ Ушаковъ сказалъ, ученикъ его Аѳонька, травы знаменитъ собою и иконы починиваетъ,

а государева жалованья поденнаго денежнаго корму доведется ему, Аѳонькѣ, учинить, противъ красочныхъ терщиковъ, по 10 денегъ на день. Рѣшено учинить жалованье противъ сказки Симона Ушакова. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, живописецъ Карпъ Ивановъ Золотаревъ билъ челомъ государю о прибавкѣ жалованья противъ тѣхъ иконописцевъ, которые бывали въ ученикахъ у Симона Ушакова и поверстаны государевымъ окладомъ, т.-е. противъ Михаила Милютина и Георгія Зиновьева. Карпъ Ивановъ писалъ и знаменилъ всякія государевы живописныя письма собою и въ то время писалъ въ новые деревянные хоромы, къ подволокамъ и къ стѣнамъ, денсусы и апостольскія проповѣди.

Въ 1680 году, 9 и 27 числъ сентября, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указывалъ именными указами, въ церквахъ, Спаса Нерукотвореннаго образа, что у государя вверху, вмѣсто прежняго стѣннаго письма, написать вновь стѣнное же письмо и иныя притчи жалованнымъ иконописцамъ и живописцамъ и кормовымъ, да въ церквахъ же, преподобномученицы Евдокіи, да Іоанна Бѣлоградскаго, стѣнное же письмо починить заново, да въ своихъ государевыхъ и государынь царевенъ меньшихъ, въ новыхъ деревянныхъ хоромахъ, написать стѣнное же письмо.

Въ концѣ XVII вѣка начала осиливать живопись. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ видно, любилъ больше новые образцы. Потому старое часто передѣлывалось, замѣнялось новымъ. Ушаковъ до конца жизни своей оставался иконописцемъ; хотя, какъ мы видѣли выше, онъ вносилъ въ иконопись элементы свѣжіе, натуру, реализмъ. Живописцы, его современники и товарищи, даже лучшіе, едвали понимали искусство выше его. Онъ былъ воспитанъ на старыхъ началахъ; но относился къ своему дѣлу съ любовію и уваженіемъ. Выросшіе на его глазахъ новые мастера изъ живописцевъ, Иванъ Салтановъ, Иванъ Безминъ, Дороѳей Ермолаевъ, разумѣется, были живописцы только на русскій манеръ XVII вѣка. Сравненія съ живописцами западной Европы, конечно, здѣсь и быть не могло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ушаковъ въ состояніи былъ написать, какъ лучшій живописецъ изъ русскихъ своего времени и наоборотъ, ни одинъ изъ послѣднихъ не въ состояніи былъ соперничать съ нимъ въ иконописи. Живописцы составляли въ Оружейной Палатѣ отдѣльную корпорацію; они имѣли своихъ мастеровъ, своихъ учениковъ и свой кругъ занятія, также какъ и иконописцы. Но иногда, по царскому желанію, иконописцы производили работы въ тѣ же мѣста, для которыхъ работали и живописцы. Такъ было и въ этой церкви Спаса вверху. Большинство памятей указываетъ на то, что здѣсь преобладалъ живописный элементъ, однако въ работахъ принимали участіе и иконописцы. Декабря 3 велѣно было Симону Ушакову съ товарищи написать въ церкви Спаса Нерукотвореннаго образа, что у великаго государя вверху, въ трапезѣ притчу Мытаря и Фарисея на стѣнѣ, стѣннымъ письмомъ, которое было написано на полотнѣ. Приказывалъ тое притчу написать Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ.

27 ноября царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ Симону Ушакову за многую его работу, велѣлъ дать изъ приказу Большаго Дворца сукна кармазиноваго пять аршинъ и тафту. Въ одной расходной росписи, за этотъ годъ, обозначено, что Симонъ Ушаковъ съ иконописцемъ Ѳедоромъ Матвѣевымъ поставилъ 12 фунтовъ гульфарбы составной, цѣною по 2 р. за фунтъ Она пошла, частію на золоченье къ стѣнному письму въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ вновь писали въ трехъ сводахъ, съ лица надъ алтарями, Отечество, Премудрость—Слово Божіе, Похвалы Богородицы, частію на письмо, по тремъ полотнамъ апостольскихъ проповѣдей, въ соборъ Срѣтенія, что у государя на сѣняхъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года жалованные иконописцы, и во главѣ ихъ, Симонъ Ушаковъ выпросили себѣ у государя милость, чтобы съ дворовъ ихъ объѣзжіе головы ночныхъ переулочныхъ карауловъ не требовали, по причинѣ безпрестанныхъ иконописныхъ верховыхъ дѣлъ и потому, что они живутъ дворами своими въ розныхъ слободахъ.

Не много свѣдѣній мы въ состояніи сообщить о дѣятельности Ушакова въ 1681 году. Къ этому времени относятся найденныя нами выписки объ освидѣтельствованіи имъ работъ учениковъ его. Октября 12 свидѣтельствовалъ онъ работу добраго ученика своего, Аѳанасія Семенова, по случаю поданной послѣднимъ просьбы, о прибавленіи ему оклада. Симонъ Ушаковъ смотрѣлъ принесенную Семеновымъ икону Иверской, и сказалъ, что она подлинно его руки и что впредь онъ будетъ писать искуснѣе, т.-е. что ученикъ его подаетъ надежды быть хорошимъ иконописцемъ. Декабря 13, о другомъ, новомъ ученикѣ своемъ, Василіѣ Кузминѣ, явившемся въ Палату съ иконою Умиленія, Ушаковъ

выразился, что онъ пишетъ противъ ученика Аѳанасія Семенова, какъ тотъ писалъ съ первыхъ лѣтъ поступленія къ нему въ ученики. Лучшій ученикъ Ушакова Михаилъ Милютинъ, въ поданной въ мартѣ мѣсяцѣ этого года челобитной, просилъ сравнить окладъ его жалованья съ окладомъ иконописца Ивана Максимова, такъ какъ онъ работаетъ не хуже послѣдняго, и ссылался на свои работы, писанныхъ на кипарисной доскѣ царскаго семейства ангеловъ и другія иконописныя дѣла. Допросили Ушакова, который и подтвердилъ что онъ, Милютинъ, напишетъ иконное художество мастерствомъ своимъ противъ иконописца Ивана Максимова и лучше его. И 25 марта, по указу государя и по приказу оружейничаго Ивана Максимовича Языкова съ товарищи, рѣшено: Милютину, для его добраго мастерства, увеличить окладъ, сравнительно съ Максимовымъ, для того, мастеръ его, иконописецъ Симонъ Ушаковъ сказалъ и къ сказкѣ своей руку приложилъ, что онъ, Михайло, иконное мастерство напишетъ его, Ивана Максимова, тщательнѣе и лучше.

Въ томъ же году свидѣтельствовалъ Ушаковъ, по прежнему, иконописные матеріалы, купленные въ разныхъ мѣстахъ, для работъ въ Оружейной Палатѣ, для живописныхъ масляными красками исполненныхъ подволокъ, въ царскія хоромы и проч. Ушаковъ свидѣтельствовалъ эти матеріалы, вмѣстѣ съ мастерами живописцами, Иваномъ Солтановымъ и Иваномъ Безминымъ. Имя Ушакова постоянно встрѣчается и въ общихъ челобитныхъ о выдачѣ жалованья. Такъ въ общей челобитной всѣхъ мастеровъ Оружейной Палаты 16-го декабря, просившихъ о выдачѣ имъ жалованья, на 7189 годъ. Сохранилась и челобитная его 13 декабря о задворцовомъ кормѣ, на тотъ же годъ.

Еще скуднѣе свѣдѣнія о немъ за 1682 годъ. Для этого года у насъ есть одна роспись иконописцамъ, составленная для выдачи имъ жалованья, іюля 6-го. Имя Ушакова стоитъ въ ней не только первымъ, но и отдѣльно отъ прочихъ, во главѣ, а затѣмъ слѣдуютъ имена жалованныхъ мастеровъ иконописцевъ.

Отъ 1683 года сохранился актъ объ освидѣтельствованіи имъ, вмѣстѣ съ живописцами, красокъ, представленныхъ иноземцемъ Ильею Тарботомъ. Въ іюнѣ того же года, по указу царей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, Симонъ Ушаковъ съ десятью иконописцами былъ у письма иконъ въ Новодѣвичьемъ и Донскомъ монастырѣхъ. Къ этому же времени должна быть отнесена работа Ушакова, большая икона Сошествія Св. Духа, находящаяся въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры, съ западной стороны у лѣваго столба, если вѣрить бывшей на ней надписи, занесенной въ мѣстную книгу историческихъ надписей и гласящей слѣдующее: „При державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, лѣта 7191 писалъ сію икону по обѣщанію Пименъ Ѳедоровъ, по прозванію, Симонъ Ушаковъ, Московскій дворянинъ, будучи въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, октября.“ Надпись такая, говорятъ, существовала внизу иконы до ея поновленія, но судить объ этомъ трудно; потому что икона въ настоящее время представляется записанною за-ново, вѣроятно Палехскими мастерами, и мы не могли отыскать признаковъ надписи. Рисунокъ иконы общій переводамъ XVII вѣка, съ Богородицею, сидящею среди Апостоловъ. Названіе Ушакова въ подписи Московскимъ дворяниномъ заслуживаетъ вниманія, какъ вторичное подтвержденіе того же титула.

Въ 1684 году, августа 30-го, „по указу великихъ государей куплена иконная липовая доска, мѣрою двухъ аршинъ, съ двумя вершки, а въ ширину по размѣру, у Симона Ушакова. Дано ему за тое доску двадцать алтынъ, изъ Оружейныя Палаты, отъ расходу подъячаго Васки Юдина. И та доска отдана ему же Симону, а велѣно ему писать Спасовъ образъ въ церковь Апостола Петра, что на Кормовомъ дворцѣ въ денсусѣ съ великимъ поспѣшеніемъ и самымъ добрымъ мастерствомъ“. На оборотѣ акта росписка Ушакова въ полученіи денегъ.

Отъ 1685 года дошелъ до насъ любопытный актъ заказа или наряда иконописнымъ работамъ, по указу государя исполненнымъ разными мастерами того времени. Особенно важно для насъ здѣсь свѣдѣніе о томъ, что приказано было Ивану Максимову, на липовой доскѣ, въ 3 арш 5½ вер. и 2 арш. 2 вершка, написать персону, т.-е. портретъ иконный скончавшагося царя Ѳеодора Алексѣевича, а Симону Ушакову—ознаменить и приправить образа на кипарисныхъ доскахъ Іосафа царевича и Евфросиніи Суздальской, въ моленіи Спасову образу и персону блаженныя памяти великаго государя.

Персона эта также дошла до насъ, хотя и въ измѣненномъ реставраціями видѣ. Она находится въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ помѣщены и другіе гробные портреты царей нашихъ. Марта 16-го цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи именнымъ указомъ повелѣли написать въ Оружейной Палатѣ, на деревянной дскѣ, персону брата своего великихъ государей блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по мѣрѣ возраста его, и поставить въ соборной церкви Архистратига Божія Михаила, у гроба великаго государя. Сей великихъ государей именной указъ приказалъ записать думный дворянинъ Михаилъ Тимоѳеевичъ Лихачевъ. Великихъ государей указъ записать въ книгу и велѣть доску сдѣлать и писать на спѣхъ, чтобы написать къ недѣли святыя пасхи.“

Этотъ надгробный портретъ поручено было писать Симону Ушакову. Но послѣдній не успѣлъ написать его. Мы узнаемъ объ этомъ изъ слѣдующей записи. 28-го апрѣля, тотъ же думный дворянинъ Михаилъ Лихачевъ приказалъ: „въ соборѣ Архистратига Божія Михаила, подъ образомъ великомученика Ѳеодора Стратилата, что стоитъ надъ гробомъ блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ клеймѣ написать образъ Живоначальныя Троицы. Да что велѣно писать марта въ 16 числѣ, въ тое же соборную церковь, его же великаго государя персону Симону Ушакову,—и тое персону писать Івану Салтанову“. Приказъ этотъ былъ внесенъ въ книгу царскихъ указовъ. Упомянутое выше клеймо съ изображеніемъ св. Троицы было исполнено иконописцемъ Оружейной Палаты Мирономъ Кириловымъ, въ маѣ мѣсяцѣ. Что до надгробнаго портрета царя Ѳеодора Алексѣевича, то сохранилось извѣстіе, что только въ іюлѣ были сдѣланы приготовленія къ письму его, именно, куплено было холста 10 ар. для полотна подъ левкасъ для этого портрета, и еще 12-го августа живописцы работали этотъ портретъ, какъ видно изъ выдачи дворцоваго корма Ероѳею Елину. Такимъ образомъ работа перешла изъ рукъ иконописца Симона Ушакова къ живописцу. Ушаковъ вѣроятно уже ослабѣлъ здоровьемъ въ это время. Часъ кончины его приближался, можетъ быть онъ уже не въ силахъ былъ работать.

Но за годъ до кончины своей благочестивый иконописецъ посвятилъ еще одинъ капитальный трудъ свой Сергіевой лаврѣ. Онъ написалъ въ Троицкій соборъ большую мѣстную икону Спаса на престолѣ, одной мѣры съ его же иконою Нерукотвореннаго Спаса (2 арш. 2 верш, дл. 1 арш. 3 вершка шир.). По мнѣнію Д. А. Ровинскаго, она писана въ иконномъ стилѣ. Впрочемъ икона эта также испорчена поновленіями, и, кромѣ того, закрыта позднѣйшею ризою. Въ лѣвой рукѣ Спасителя находится евангеліе, раскрытое на словахъ текста: „тако возлюби Богъ міръ, Сына своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй вонь не погибнетъ.“ Іоанна гл. 3 стихъ 16. По сторонамъ Спаса Ангелы съ орудіями страстей Господнихъ, въ ногахъ его двѣ припадающія, значительно меньшаго размѣра, фигуры. Лицо Спасителя писано довольно мягко, но въ желтоватомъ тонѣ. Внизу иконы, на серебряной ризѣ, вычеканена надпись, занесенная также въ общую книгу монастырскихъ надписей. Она гласитъ слѣдующее: „При державѣ благочестивыхъ, великихъ государей, царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, въ 1685 отъ воплощенія, по обѣщанію, сію икону Спасову писалъ своею рукою брешою Пименъ Ѳедоровъ сынъ, по прозванію Симонъ, Ушаковъ; и окладъ—златомъ и сребромъ и вѣнецъ каменіемъ и жемчугомъ построилъ вкладомъ Живоначальныя Троицы въ Сергіевъ монастырь въ настоящую церковь, памяти ради себѣ и жены Ѳевроніи и сына Петра, Евфиміи и усопшихъ рода Филарета схимника, Марины схимницы, Савватія сх., Сергія сх., Василія сх., Аѳанасія гостя, Ѳеодоры и младенцевъ своихъ. Тако бо благое Преблагому Богу принесу преплодованіе мнѣ врученнаго таланта, воспріиму воздаяніе, надеждою простираются моею; вся вы зрящіе, ихъ же ради положихъ труды сія иждивеніемъ прилежно молю къ Богу, (сотворите) еже оставитися согрѣшеніемъ моимъ. А чеканилась риза сія въ Москвѣ, 1747 г. мѣсяца... 20 дня.“ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что надпись эта уже въ измѣненномъ видѣ переведена съ иконы на окладъ. Въ томъ же видѣ находится она и въ книгѣ монастырскихъ надписей, составленной по распоряженію Митрополита Платона. Несмотря однако на все это текстъ надписи указываетъ на прямое участіе въ немъ Ушакова. Изъ надписи узнаемъ мы во-первыхъ, что икона принадлежитъ къ послѣднимъ произведеніямъ нашего мастера, что она обѣтная, писана на память о немъ и о родныхъ его, въ поминовеніе усоп-

шихъ, и наконецъ, что она приносится имъ Богу, какъ добрый плодъ врученнаго ему таланта. Нельзя не пожалѣть здѣсь о томъ, что не только икона не сохранилась отъ руки обновителей, но и самый окладъ съ его златомъ и каменьями, Богъ знаетъ для чего, замѣненъ ризою, совершенно закрывшею икону отъ глазъ молящихся, и попытка ознакомиться ближе съ замѣчательнымъ памятникомъ русской иконописи встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія.

Въ дѣлѣ, возникшемъ вслѣдствіе общей челобитной всѣхъ мастеровыхъ Оружейной Палаты, 1685 года 24 ноября, просившихъ выдачи заслуженнаго жалованья, сдѣлана справка о работахъ въ этомъ году. Изъ нея видно, что иконописцы и ученики писали въ церковь Св. Апостоловъ Петра и Павла и великихъ государей верховыя и иконописныя дѣла, живописцы и ученики въ новыхъ комнатахъ царевенъ стѣнное письмо.

Извѣстіемъ о днѣ кончины Ушакова мы обязаны случайному указанію въ челобитной простаго левкащика, который желалъ поступить въ иконописцы и въ 1688 году просилъ назначить ему жалованье. По этому случаю была сдѣлана слѣдующая выписка убылаго оклада:

„Симонъ Ушаковъ. И въ прошломъ, въ 194 году, іюня въ 25 день, онъ Симонъ умре.“

Итакъ, Симонъ Ушаковъ скончался въ 1686 году, состоя на службѣ въ Оружейной Палатѣ. Ему было тогда за шестьдесятъ лѣтъ. На службѣ состоялъ онъ около 38 лѣтъ.

Дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что для біографіи Симона Ушакова сдѣлано нами досель. Мы собрали изъ бумагъ Архива Оружейной Палаты свѣдѣнія и представили ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи съ произведеніями, отмѣченными самимъ мастеромъ и болѣе или менѣе приведенными въ извѣстность трудами нашихъ предшественниковъ.

Біографія Ушакова въ значительной степени пополнилась новыми до сихъ поръ неизвѣстными фактами. Точнѣйшимъ образомъ опредѣлились мѣста и время его служенія въ царскихъ палатахъ, яснѣе обнаружился характеръ его дѣятельности. Слѣдя изъ года въ годъ, а иногда и изо дня въ день за его занятіями на службѣ, которой посвящена была бо́льшая и лучшая часть его жизни, мы имѣли возможность, хотя отчасти, ознакомиться съ постепеннымъ ходомъ его развитія, какимъ образомъ изъ рисовальщиковъ Серебряной Палаты, куда поступилъ онъ еще въ молодости, сдѣлался онъ первымъ иконописцемъ Оружейной Палаты, овладѣлъ всѣми тайнами спеціальныхъ производствъ иконописной техники и достигъ возможнаго для того времени совершенства въ искусствѣ церковномъ. Чтобы держаться на той степени, которую занималъ Ушаковъ, стоя во главѣ русскихъ иконописцевъ, требовалось много постоянныхъ трудовъ, въ продолженіи тридцативосьмилѣтней службы его, до самой кончины. Среди безпрерывныхъ казенныхъ работъ, гдѣ онъ обязанъ былъ представлять отчеты за себя и за товарищей, среди исполненія разнообразныхъ заказовъ, занятій съ учениками, составленія смѣтныхъ росписей и пр. и пр., онъ находилъ, какъ мы видѣли, досугъ для собственныхъ работъ и посвящалъ его почти исключительно любимой своей церкви Грузинской Божіей Матери и славившейся въ то время обители Преподобнаго Сергія.

Но сдѣланными нами разъясненіями и дополненіями еще далеко не исчерпывается весь матеріалъ для біографіи Симона Ушакова. Не говоря уже о тѣхъ данныхъ, которыя намъ слѣдуетъ ожидать отъ болѣе благопріятной разработки русской иконописи современемъ, когда произведенія послѣдней можно будетъ подвергать болѣе серьезному, всестороннему и безпрепятственному изученію, когда ближе можно будетъ ознакомиться съ трудами, какъ самого Ушакова, такъ и современныхъ ему мастеровъ, и точнѣе выяснить ихъ характеристическія особенности—намъ предстоитъ теперь же біографію Ушакова пополнить новыми данными, еще непронутыми нами, частію за отсутствіемъ имъ мѣста въ хронологической системѣ, частію по самой неразработанности предмета вообще. Такъ, слѣдуя принятой нами на первый разъ системѣ, мы не могли касаться иконъ, не относящихся непосредственно къ опредѣленному періоду дѣятельности Ушакова, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли опустить изъ нихъ такія, которыя, хотя должны бы были по праву имѣть мѣсто въ нашемъ хронологическомъ обзорѣ, но, будучи вовсе неизвѣстны нашимъ предшественникамъ, опредѣлены

и нами въ недавнее лишь время. Намъ необходимо, кромѣ того, остановиться на нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ, требующихъ сопоставленія разновременныхъ фактовъ одного рода.

Такимъ образомъ, біографію Ушакова предстоитъ намъ пополнить теперь же извѣстіемъ о его произведеніяхъ, наименѣе извѣстныхъ.

Малоизвѣстныя иконы Ушакова.

Начнемъ съ иконъ, писанныхъ Ушаковымъ для Флорищевой пустыни, Владимірской губерніи въ Гороховецкомъ уѣздѣ.

Извѣстія объ этихъ иконахъ дошли въ рукописномъ житіи преподобнаго Иларіона, епископа Суздальскаго, строителя Флорищевой пустыни и родственника Симону Ушакову. Житіе составлено очевидно вскорѣ послѣ кончины Иларіона, и сообщаемыя имъ свѣдѣнія заслуживаютъ особаго вниманія, не только по указанію на писанныя Ушаковымъ иконы, но и по тѣмъ намекамъ, которые случайно бросаютъ свѣтъ на отношенія Ушакова и его произведеній къ современникамъ, подтверждая его родственныя и нравственныя связи съ духовными лицами, рисуя его, полную благочестія, домашнюю жизнь, наконецъ свидѣтельствуя о томъ благоговѣніи, съ которымъ относились современники къ произведеніямъ его кисти. До сихъ поръ намъ трудно было уловить что-либо подобное. Пересматривая черты жизни его на основаніи однихъ офиціальныхъ документовъ, мы могли ознакомиться съ личностью Ушакова лишь на столько, на сколько то допускаютъ матеріалы какого-нибудь послужнаго списка. Значеніе частной жизни его, сила нравственныхъ стремленій, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ причинъ, внутренняя связь его съ современною эпохою оставались неразъясненными, также какъ и задачи его призванія.

Если глубже вникнуть въ характеръ дѣятельности Ушакова, нельзя не убѣдиться въ томъ, что въ немъ сказываются двѣ, совершенно различныя, стороны. То представляется онъ намъ еще иконописцемъ древней Руси — полнымъ невозмутимаго благочестія и ревнивой любви къ старинѣ; то является онъ сознательнымъ художникомъ, критически относится къ преданьямъ, стремится внести улучшеніе въ церковное искусство. Эта двойственность, строго обусловливающаяся характеромъ эпохи, равно замѣчается какъ въ произведеніяхъ его кисти, такъ и въ указаніяхъ современниковъ. Естественно, что не безъ особыхъ вліяній, не безъ усилій могъ онъ достигнуть извѣстной степени совершенства, возможнаго для его времени. Житіе Иларіона знакомитъ насъ съ тою стороною дѣятельности Ушакова, которою онъ ближе соприкасался съ древнею Русью, состоя въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ благочестивѣйшими изъ современниковъ. Таковы отношенія его къ Иларіону, причисленному церковію къ лику святыхъ, на сколько отношенія эти видны изъ двухъ, трехъ мѣстъ житія, въ которыхъ случайно упоминается о Симонѣ Ушаковѣ. Тѣсныя родственныя связи его съ духовными лицами, кромѣ житія Иларіона, свидѣтельствуются и другими источниками, каковы: — надписи на иконахъ, изъ которыхъ одну мы уже имѣли случай видѣть, при обозрѣніи иконы Спаса на престолѣ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, наконецъ Синодикъ, писанный при жизни Ушакова въ церковь Грузинской Богоматери. Въ родѣ Ушакова преобладаютъ, по показанію этихъ источниковъ, монахи и схимонахи. Житіе не указываетъ съ точностью, въ какой степени родства находился онъ къ Иларіону, упоминая о самомъ родствѣ вскользь, по тому лишь поводу, что царь, узнавъ о прибытіи Иларіона въ Москву, послалъ его разыскивать; „посланніи же обрѣтоша преподобнаго Иларіона въ дому царскаго иконописца Симона Ушакова, понеже тамо, пріѣхавъ къ Москвѣ, пребывалъ, зане въ родствѣ той иконописецъ преподобному бяше.“ Но изъ того же житія очевидно, что самъ Иларіонъ, не только по призванію, но и по происхожденію, и по сводному родству, принадлежалъ къ средѣ духовенства. Сынъ священника; въ послѣдствіи постригшагося въ монахи, онъ имѣлъ и брата священника, наконецъ, до принятія иноческаго сана, онъ былъ женатъ на сестрѣ Павла, епископа коломенскаго, извѣстнаго протестами своими реформамъ Никона патріарха. Иларіону поручилъ Павелъ устроить дѣла свои въ то время, „когда, упорства ради о исправленіи книжномъ, былъ заточенъ въ новогородскіе предѣлы.“ Самого Иларіона, уже въ бытность его строителемъ

Флорищевой пустыни, сильно смущали одно время и книжныя исправленія, и другія нововведенія. Только послѣ сильной внутренней борьбы, при помощи вдохновеній свыше, приходитъ онъ къ убѣжденію въ необходимости отправлять службу по новоисправленнымъ служебникамъ. Не было ли подобныхъ колебаній и у Симона Ушакова. Безучастнымъ зрителемъ реформъ Никона оставаться онъ не могъ по самому положенію своему, профессіи перваго царскаго иконописца. Строгое благочестіе въ древне-русскомъ духѣ, которымъ обусловливалось значеніе добраго мастера, благочестіе, которое составляетъ характеристическую черту всей его дѣятельности, могло и его навести на нѣкоторыя сомнѣнія. Не тѣмъ ли разъясняется трудный вопросъ о постигшей Ушакова катастрофѣ въ 1665 году, ссылка его подъ начало? Нѣчто подобное пришлось испытать самому Иларіону въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ, какъ свидѣтельствуетъ житіе его. Связь Иларіона съ Ушаковымъ была, по видимому, самая тѣсная, дружеская. Родство ихъ по плоти, очевидно, скрѣплено было и родствомъ по духу, при чемъ общій уровень развитія и единство религіозныхъ воззрѣній должны были играть немаловажную роль.

Нерѣдко посѣщая Москву, преподобный Иларіонъ обыкновенно останавливался въ домѣ Симона Ушакова. И не только Иларіонъ находилъ здѣсь радушный пріемъ, но и монастырская братія, которую посылалъ онъ по временамъ въ Москву, за разными потребами. Житіе передаетъ, по этому поводу, весьма любопытное для характеристики дома Ушакова извѣстіе о чудесномъ пламени молитвеннаго огня, восходившемъ надъ домомъ во время отправленія флорищевскими иноками, однажды ночью, заповѣднаго Иларіономъ правила. Къ этому дому, въ недоумѣніи и страхѣ, пришли тогда сторожа Спасской башни и проспли разъясненій хозяина. Ушаковъ ввелъ ихъ въ храмину, гдѣ три инока возносили своимы боговдохновешными устами пламенныя къ Богу молитвы, и гдѣ не было никакого вещественаго огня. Тогда только уразумѣли сторожа и хозяинъ, что огонь тотъ былъ молитвенный. Такою благодатью ознаменовался, по словамъ современниковъ, домъ царскаго иконописца, принимавшій благочестивыхъ странниковъ.

Но самое важное для біографіи Ушакова извѣстіе въ житіи Преподобнаго Иларіона заключается въ исчисленіи, писанныхъ имъ для Флорищевой пустыни, иконъ и въ признаніи за ними современниками не только художественнаго достоинства, но и сверхъестественной силы. Иларіонъ колеблется, говоритъ житіе, въ выборѣ храмовой иконы для сооружаемой имъ каменной церкви, и вотъ, однажды, въ ночномъ видѣніи, является ему Богоматерь, совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена была на Ушаковской иконѣ Успенія, написанной во Флорищеву пустынь, на прекрасномъ и злотовидномъ одрѣ почивающая и чуднымъ, златовиднымъ покровомъ одѣянная; по обѣ стороны горятъ два свѣтильника, передъ Нею стоитъ ликъ апостоловъ, словомъ во всемъ подобно иконѣ Успенія Богородицы. Тутъ открылось Иларіону, что сама Богоматерь благословила быть въ той церкви мѣстнымъ образомъ „тому который образъ написалъ живописецъ Симонъ Ушаковъ, со ученики своими, въ древяную церковь, отъ котораго образа съ вѣрою приходящіе исцѣленіе пріемлютъ. Не единъ же той Успенія пресвятыя Богородицы образъ иконописецъ той въ ту Флорищеву пустыню написа, но и другій образъ Господа Нашего Іисуса Христа, мѣстный, иже на правой странѣ у самыхъ вратъ царскихъ утроенъ, и третій образъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы именуемый Кипрскія, мѣстный же, еже на лѣвой сторонѣ, у самыхъ вратъ царскихъ устроенъ, и четвертый образъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы, именуемый Влодимірскія, мѣстный же, еже на правой сторонѣ, сзади образа Успенія Пресвятыя Богородицы устроенъ. Написа же тѣ четыре образа той царскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ еще въ древяную церковь, отъ преподобнаго сдѣланную. Зѣло пречудно и тщаливѣйше тѣ четыре образа суть написаны; еже преподобный изъ той древяной церкви пренесе, тѣ четыре образа въ новопостроенную каменную церковь, егда вся совершися, яже и до дни сего по вышеявленному въ тѣхъ своихъ устроенныхъ мѣстахъ явственно зрится.“

Отсюда узнаемъ мы, что Ушаковъ, по родству съ строителемъ Флорищевой пустыни, преподобнымъ Иларіономъ, написалъ, еще въ деревянную церковь той обители, четыре большія, мѣстныя иконы, пользовавшіяся особымъ почитаніемъ. Иконы эти были: Успенія Богоматери, икона Спасителя, и двѣ богородичныхъ, Кипрская и Владимірская. Онѣ сохранились почти на тѣхъ же мѣ-

стахъ, гдѣ ихъ застатъ составитель житія Иларіона; но, къ сожалѣнію, позднѣйшіе ревнители благолѣпія обременили ихъ богатыми ризами, повредили поновленіями, такъ что затруднительно судить въ настоящее время о ихъ первоначальномъ видѣ; тѣмъ не менѣе эти иконы имѣютъ для насъ важное значеніе, и мы должны разсмотрѣть ихъ по мѣрѣ возможности.

Икона Успенія Богородицы. Мѣрою въ вышину два аршина, въ ширину аршинъ три четверти. Судя по незакрытымъ ризою мѣстамъ, она писана въ общемъ иконописномъ стилѣ, съ желтоватыми тонами изъ старыхъ переводовъ.

Спаситель на престолѣ. Вышина та же, ширина аршинъ съ четвертью. Икона припоминаетъ замѣченную нами неоднократно особенность въ способѣ представленія того же сюжета—относительную строгость соблюденія иконописнаго преданья какъ въ рисункѣ, такъ и въ тонахъ, хотя и здѣсь нельзя не замѣтить своего рода тонкости въ письмѣ, мягкости въ тонахъ. Евангеліе въ рукахъ Спасителя открыто на текстѣ: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіе“. Правая рука благословящая, лѣвая при текстѣ. Правая нога выдвинута впередъ, лѣвая приподнята.

Икона Кипрской Богородицы исполнена нѣсколько болѣе натуральной величины. Уже одно это не могло послужить въ пользу изящества изображенія. Притомъ самая свобода положенія Предвѣчнаго Младенца, обусловленная, какъ извѣстно, требованіемъ сюжета, возникшаго очевидно на чуждой византійскому искусству почвѣ, состоитъ въ прямой дисгармоніи съ иконописнымъ характеромъ произведенія. Открытыя въ ризѣ мѣста иконописи сильно заолифлены и отдаютъ желтыми тонами. Внизу ризы находится, переведенная съ иконы, надпись: „Писалъ сей святый образъ Пименъ Ѳедоровъ, по прозванію Симонъ Ушаковъ въ 7183 году“.

Икона Владимірской Богородицы. Эта икона, приписываемая Ушакову, какъ житіемъ Иларіона, такъ и сохранившимся мѣстнымъ преданіемъ, вполнѣ подходитъ размѣрами къ предыдущимъ и стоитъ съ ними въ одномъ ряду, на поклонѣ. Вышина ея два аршина, ширина аршинъ шесть вершковъ. Она также закрыта позднѣйшею ризою, сквозь оставшіяся мѣста которой однако можно различить иконописный стиль. Записей на ризѣ нѣтъ. На поляхъ иконы приписаны мелкія изображенія, повидимому другаго характера иконописи. Вверху изображено Коронованіе Божіей Матери, по сторонамъ—Соловецкіе Чудотворцы, Зосима и Савватій, на поляхъ, ниже, Апостолы Петръ и Павелъ, наконецъ въ нижнемъ ряду—положеніе пояса Богородицы, по сторонамъ—святые: Ефремъ и Софроній патріархъ. Эти приписи, имѣющія прямое отношеніе къ первоначальной исторіи обители и къ именамъ ея первыхъ подвижниковъ по характеру письма припоминаютъ медальоны съ московскими угодниками на Владимірской иконѣ Ушакова въ церкви Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ; письмо главной, средней, иконы строже, иконописнѣе.

Кромѣ исчисленныхъ нами, по указанію житія, мѣстныхъ иконъ работы Ушакова, къ сожалѣнію почти недоступныхъ изученію, въ той же церкви Флорищевой пустыни мы нашли еще одну пятую его же работы икону, не упоминаемую въ житіи, и по размѣру не подходящую къ мѣстнымъ, но весьма важную для біографіи нашего мастера. Она изображаетъ также Владимірскую съ приписями на поляхъ и находится въ отдѣленіи жертвенника того же собора. Вовсе не закрытая ризою и менѣе другихъ поврежденная поновленіями она сохранила, кромѣ того, весьма любопытную лѣтопись руки мастера. Размѣръ доски не превышаетъ аршина семи вершковъ въ вышину и аршина въ ширину. Посреди иконы изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. На поляхъ, одной съ срединою поверхности, отдѣленныхъ только чертою, безъ выемокъ, приписаны слѣдующія изображенія, въ трехъ кругахъ вверху: Престолъ Господень и два Архангела, Михаилъ и Гавріилъ. На престолѣ пелена и евангеліе, но не видно голубя. На боковыхъ поляхъ, въ двухъ овалахъ, одинъ подъ другимъ, съ лѣвой стороны: Св. Силуанъ и Андрей Критскій, съ правой стороны: Архидіаконъ Стефанъ и Преподобный Пименъ; наконецъ въ самомъ низу, въ трехъ кругахъ въ рядъ: Св. Ѳеодоръ Тиронъ, Св. Марія Египетская и Св. Февронія, изображенныя въ клеймахъ—фигуры почти поколѣнныя. Мѣрою овалы три съ половиною вершка въ длину и два три четверти вершка въ ширину, круги—три вершка въ діаметрѣ. Самыя поля иконы вверху и внизу шириною по четыре съ половиною вершка, по бокамъ—по три вершка.

Что касается характера иконописи, то икона эта вполнѣ носитъ печать произведенія Ушакова.

Если въ указанныхъ выше иконахъ Флорищевой пустыни мы съ трудомъ могли найти за ризами и за поновленіями какія-либо черты, свойственныя письму Ушакова; то эта икона до такой степени всецѣло принадлежитъ его мастерству, что не требуетъ даже никакихъ собственноручныхъ его заявленій, и всякій, кому удавалось всматриваться въ изображеніе Владимірской, его работы, въ церкви Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ, признаетъ съ перваго взгляда въ иконѣ Флорищевской произведеніе одного и того же мастера. До такой степени рисунокъ ея относительно хорошъ, типы вѣрны, письмо окончено, тонко и прочно, колоритъ свѣтелъ, краски разнообразны. Послѣднія, повидимому, не только яичныя, но и масляныя, — совершенно такъ, какъ намъ пришлось замѣтить въ недавнее время на иконѣ Владимірской въ Грузинской. Едва ли тамъ и здѣсь можно приписать это реставраціи, хотя несомнѣнно, что послѣдняя имѣла мѣсто въ нѣкоторыхъ частяхъ иконы Флорищевской. Въ частности, мы замѣчаемъ, что ликъ Богоматери на Флорищевской иконѣ исполненъ нѣсколько строже, ближе къ иконному стилю. Изъ приписей лучше другихъ сохранился образъ Ѳеодора Стратилата. Фоны въ кругахъ и овалахъ голубые и красные. Внизу, по обѣ стороны круглаго клейма съ изображеніемъ Маріи Египетской, помѣщена надпись, нѣсколько потертая. Она писана крупнымъ уставомъ по шести строкъ на сторонѣ и гласитъ слѣдующее: „Влѣто отъ сотворенія міра 7168 году, отъ воплощенія же Бога—Слова 1660 года написанъ сей образъ Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, въ Богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, изографомъ Симономъ Ушаковымъ съ ученикомъ его Андреемъ Владиміровымъ въ Гороховскій уѣздъ, въ лавру Успенія Пресвятыя Богородицы, что на Красныхъ Флорищевыхъ горахъ, на рѣкѣ глаголемой Лухъ, въ память по своихъ родителяхъ, схимонахѣ Филаретѣ, схим. Савватіи, схим. Сергіѣ, Татіанѣ, Андреѣ и прочихъ, ихже имена въ Синодикъ вписаны, и насъ, егда преидемъ отъ сего свѣта, просимъ помянути“. Надпись эта прочтена нами съ большимъ трудомъ, по причинѣ ея неясности, и мы не ручаемся за полную ея точность.

Въ этой надписи прежде всего останавливаетъ наше вниманіе упоминаніе сотрудника, ученика Ушакова, имя котораго намъ не встрѣчалось въ сохранившихся документахъ того времени. Можетъ-быть это былъ кратковременно работавшій въ мастерской Ушакова какой-нибудь родственникъ извѣстнаго Осипа Владимірова. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что только крайняя добросовѣстность мастера заставила упоминать здѣсь о сотрудничествѣ, во всякомъ случаѣ ограничившемся въ этомъ дѣлѣ самою ничтожною ролью, можетъ-быть подготовкою доски и левкашеньемъ, и т. п.; потому что икона, какъ уже сказано, исполнена совершенно въ оригинальномъ, Ушаковскомъ стилѣ и положительно имъ самимъ.

Особое значеніе для біографіи Ушакова придаетъ надпись исчисленіемъ родныхъ Ушакова, которая имѣетъ прямое отношеніе и къ приписямъ на поляхъ иконы.

Изъ надписи узнаемъ мы, что икона эта обѣтная, писана съ глубокою вѣрою, съ теплыми молитвами о здравіи и за упокой какъ самого мастера, такъ и близкихъ. Въ этомъ случаѣ она напоминаетъ намъ другую икону Ушакова, икону Всемилостиваго Спаса Свято-Троицкой Лавры, которая писана тоже, по собственному выраженію мастера, „по обѣщанію и памяти ради живыхъ и умершихъ родныхъ“. Истинный представитель благочестивыхъ идей своего вѣка, по всѣмъ правамъ занимавшій первое мѣсто среди царскихъ иконописцевъ, не могъ относиться къ своему дѣлу иначе, какъ съ полнымъ благоговѣніемъ. Принося трудъ свой на служеніе алтаря, какъ плодъ врученнаго ему Богомъ таланта, онъ проситъ молитвъ за себя и за близкихъ, подобно трудолюбивымъ вкладчикамъ, списывавшимъ въ древнія времена священныя книги. Не довольствуясь тѣмъ, что имена родныхъ и его самого какъ вкладчика и жертвователя вписывались въ синодики, онъ заносилъ ихъ еще на иконы. И благодаря тому мы имѣемъ возможность въ настоящее время нѣсколько ближе ознакомиться съ семействомъ Ушакова, узнать имена его родителей, жены и дѣтей его, уяснить себѣ хотя сколько-нибудь исторію рода,—среду, изъ которой вышелъ, и гдѣ образовался нашъ знаменитый мастеръ XVII вѣка.

Въ рукописномъ синодикѣ, въ Московской церкви Грузинской Божіей Матери XVII-го вѣка, въ 12-ю долю, есть особая статья, подъ заглавіемъ: Родъ иконописца Симона Ѳедорова сына

Ушакова. Она содержитъ слѣдующій весьма важный текстъ: „Помяни, Господи, души преставльшихся рабъ своихъ: Филарета схим.; схим. Савватія; схим. Сергія; Іакова младенца, Петра младенца, Ѳеодора младенца, Алексѣя млад.; Мавры млад., Прины млад., 2; Матѳея уб., Стефана оуб., Маріи 2; Козмы, Вассы, Мамелѳы, Ѳеодоры, Алексія, Власія, Іоанна, 2; Никиты, 3; Іоанна млад., 3; Карпа млад.; Евдокіи млад.; Ксеніи млад.; Ксеніи дѣвицы; Маріи уто; Лазаря оуб.; Филиппа; Онуфрія; Ананіи, Андрея; Трофима млад.; Мокія, Савелія; Михаила 2; Григор юрод.; Евфросиньи; Игнатія; Прины; Евдокіи; Мавры; Ульяніи; Маѳы; Василія; Геронтія схим.; инока Вассіяна, инока Ѳеодосія, схим. Ироиду, Маріи, священноинока Кирилла; инока Авдія, Іакова 2; Сергія, Савина схим., Нифонта схим.; Антонія, Меланіи.—Іоны схим.“

Сравнивая извѣстія синодика съ текстами надписей, на двухъ упомянутыхъ иконахъ, мы, во-первыхъ, находимъ здѣсь рѣшительное подтвержденіе тому, что въ родѣ Ушакова было много лицъ духовныхъ, и въ числѣ ихъ лица ему близкія, что не могло не имѣть вліянія на характеръ дѣятельности мастера, на развитіе и складъ его религіозныхъ и художественныхъ идей, какъ благочестиваго иконописца древней Руси. Припомнимъ отношенія его къ преподобному Иларіону, одному изъ такихъ родственниковъ. Въ средѣ духовенства XVII вѣка все еще хранились сѣмена умственнаго и художественнаго движенія. Стоитъ припомнить вышедшихъ оттуда иконописцевъ. Перечитывая имена внесенныхъ въ синодикъ родныхъ Ушакова, невольно изумляешься этому обилію въ немъ схимниковъ, которыми начинается и кончается перечень: одинъ священноинокъ, три инока и восемь схимниковъ—процентъ весьма значительный на остающееся число дѣтей, женщинъ и немногихъ мущинъ. Такого рода перечень годился бы для генеалогіи любаго духовнаго лица.

Синодикъ составленъ не только при самомъ Ушаковѣ, но и при жизни его родителей, такъ какъ ихъ имена остались не вписанными. Отецъ и мать Ушакова были живы и въ то время, когда онъ писалъ свою икону Владимірской съ приписями въ Флорищеву пустынь; живы были, повидимому, они и тогда когда Ушаковъ писалъ икону Спаса Всемилостиваго въ Троицкую лавру. Въ первомъ случаѣ, мы основываемся на томъ, что въ приписанныхъ на поляхъ иконы, тезоименитыхъ семейству Ушакова ангелахъ, въ нижнемъ ряду, находимъ ангеловъ отца Ушакова, Ѳеодора, матери Маріи и жены Февроніи, сына Петра и дочери Евфиміи, о которыхъ узнаемъ мы изъ надписи на иконѣ Всемилостиваго Спаса, вѣроятно еще не было въ живыхъ въ то время, когда писана икона Владимірской Богородицы. Наконецъ, что до вопроса о существованіи въ живыхъ родителей Ушакова во время написанія одной изъ послѣднихъ его иконъ, Всемилостиваго Спаса въ Троицкой лаврѣ, то мы не находимъ именъ ихъ въ поминальной записи близкихъ родныхъ, почти повторяющей только имена изъ синодика и съ иконы Владимірской, съ добавкою противъ перваго — схимницы Марины, схимника Василія, Аѳанасія гостя, Ѳеодоры, противъ второй—Татіаны и Андрея. Если Ушакову въ то время было около шестидесяти лѣтъ, то родителямъ его могло быть около восьмидесяти. Въ какихъ степеняхъ родства съ Ушаковымъ состояли имена добавочныя противъ синодика и противъ записи на иконѣ Владимірской, мы рѣшать не беремся, также какъ и вопросъ объ именахъ ангеловъ въ приписяхъ на иконѣ Владимірской. Несомнѣнно одно, что въ изображеніи святаго Пимена мы должны видѣть ангела самого мастера, писавшаго икону, Пимена, по прозванію Симона, какъ онъ постоянно подписывался на своихъ иконахъ.

Кромѣ двухъ иконъ съ подписями мастера, Корсунской и Владимірской, во Флорищевой пустыни, не получившихъ мѣста въ хронологическомъ обзорѣ біографіи Ушакова, за пропускомъ ихъ нашими предшественниками, мы теперь же можемъ назвать еще нѣсколько иконъ съ его лѣтописью, и нѣтъ сомнѣнія, что число ихъ современемъ еще болѣе увеличится. Одна икона найдена нами, случайно, при пересмотрѣ иконъ въ ризницѣ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ.

Небольшая, семивершковая съ полями, обложенными серебромъ, икона эта относится къ 1673 году и изображаетъ Нерукотворенный образъ. Сюжетъ такъ часто трактованный Ушаковымъ и всегда въ томъ же болѣе или менѣе иконномъ стилѣ. Внизу иконы помѣщена греческая надпись: τὸ ἅγιον μανδήλιον, съ русскимъ переводомъ святый убрусъ; а надъ самымъ нижнимъ полемъ: „7181 году писалъ сій образъ зографъ Симонъ Ушаковъ“. Икона сохранилась какъ нельзя лучше,

благодаря прочности письма, и, несмотря на преобладаніе желтыхъ тоновъ, въ общемъ, для произведенія XVII вѣка, скорѣе можетъ быть признана фряжскою, своеобразнаго Ушаковскаго стиля.

Въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ оказались двѣ иконы съ подписями Симона Ушакова. Одна изъ нихъ, большая, мѣстная, находится въ Никольскомъ соборѣ, съ правой стороны царскихъ вратъ; она изображаетъ Всемилостиваго Спаса. На покрывающей ее позднѣйшей, серебряной ризѣ вычеканена внизу надпись слѣдующаго содержанія: „лѣта 7180 писалъ сій образъ царевъ писецъ Именъ Ѳедоровъ сынъ по прозванію Симонъ Ушаковъ; при игуменѣ Викентіи, при келарѣ, старцѣ Софроніи, при казначеѣ, Черномъ діаконѣ Дороѳеѣ". Спаситель на престолѣ благословляетъ; въ лѣвой рукѣ евангеліе, открытое на текстѣ: Марка гл. 11. „Вся елика аще молящееся просите, вѣруете, яко пріемлете... ни отецъ вашъ иже." По сторонамъ Спасителя, вверху, два ангела съ орудіями страстей Господнихъ. На сколько можно судить о живописи сквозь отверстіе, оставленное въ ризѣ для лица, икона должна быть мастерская и сохранилась отъ поновленій лучше иконы того же содержанія въ Троицкой лаврѣ. Письмо плавкое, свѣтлое, съ искусно забранными тѣнями. Мѣра 2 арш. выш., 1 арш. 6 вершковъ ширины. Въ числѣ иконъ, разставленныхъ по стѣнамъ нижней часовни, подъ Успенскою церковью, находится Ушаковская икона св. Алексія человѣка Божія, писанная въ 1664 году, по обѣщанію дьяка Богдана Силина. Она не закрыта ризою, но за то потерпѣла отъ поновленія, на этотъ разъ засвидѣтельствованнаго надписью. Мѣра ея 2 арш. 7 верш. дл. и 13 вершк. ширины. Преподобный Алексій представленъ стоящимъ справа налѣво, въ моленіи облачному Спасу, въ одной рясѣ зеленоватаго цвѣта съ отложнымъ краснымъ воротомъ, застегнутымъ пуговицею. Руки его, по обычаю, скрещены на груди. Поля иконы широкія, особенно въ поперечникахъ. Вверху написано: „Святый Алексій человѣкъ Божій"; внизу, въ четыре строки слѣдующая надпись: „Лѣта 7172 года, писалъ изографъ Симонъ Ѳедоровъ сынъ Ушаковъ, по обѣщанію дьяка Богдана Силина. Поновленъ писаніемъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1816 года, стараніемъ, села Принпискаго, церкви Іоанна Богослова священника Якова Стефанова." Не беремся рѣшать вопросовъ, къ чему понадобилось поновленіе и въ чемъ оно заключалось. Во всякомъ случаѣ надпись положительно свидѣтельствуетъ объ измѣненіи первоначальнаго вида иконы и лишаетъ насъ всякой возможности видѣть здѣсь произведеніе, принадлежащее исключительно Ушакову. Икона въ томъ видѣ, какъ она представляется теперь, писана скорѣе въ Фряжскомъ стилѣ, съ очевиднымъ стремленіемъ приблизиться къ природѣ, но въ то же время недостаточно опытною рукою. Въ довольно кругломъ лицѣ святаго мы не встрѣчаемъ свойственнаго ему индивидуальнаго характера или иконописнаго типа; фигура его, какъ молящагося или припадающаго, не вполнѣ естественна, и глаза устремлены скорѣе на смотрящаго, прямо, чѣмъ, какъ бы слѣдовало, на являющагося въ облакахъ Спасителя, въ лѣвую сторону.

Отыскивая эту икону Алексѣя человѣка Божія съ надписью, мы нашли въ той же часовнѣ другую икону того же святаго, хотя безъ всякихъ обозначеній, но такую, которая могла бы по видимому быть отнесена къ числу Ушаковскихъ, съ поновленіями, по крайней мѣрѣ, въ той же мѣрѣ, какъ предыдущая его икона. Она нѣсколько меньшаго размѣра: 2 арш. вышиною, 12 вершк. шириною. Святой стоитъ прямолично, въ той же рясѣ и съ одинаковымъ положеніемъ рукъ на груди. Святое чело его покрыто морщинами, въ лицѣ выражается скорбь, типъ его подходитъ къ Предтечеву. Характеръ письма припоминаетъ мелкія клейма святыхъ на Владимірской иконѣ Богоматери съ Московскими чудотворцами.

Намъ остается еще разсмотрѣть иконы безъ подписей, приписываемыя Ушакову и провѣрить, которыя изъ нихъ ему приписываются основательно и которыя безъ всякаго на то основанія.

Къ числу первыхъ, по нашему мнѣнію, принадлежатъ указанныя впервые Тромонинымъ *), впрочемъ безъ точнѣйшаго обозначенія, иконостасныя иконы въ церкви Грузинской Божіей Матери. Въ здѣшнемъ главномъ, многоярусномъ, не вполнѣ удачно-освѣщенномъ иконостасѣ, но по видимому весьма замѣчательной работы, несомнѣнно Ушакову принадлежатъ упомянутыя уже нами круглыя

*) Стр. 86 и 87 Московск. Достоп.

клейма, ошибочно названныя въ Исторіи русскихъ школъ иконописанія пояснымъ изображеніями пророковъ *). Въ числѣ девяти, мѣрою каждое по три четверти аршина, клейма эти представляютъ погрудныя изображенія, въ натуральную величину, святыхъ Отцовъ Вселенской церкви и въ настоящее время тянутся надъ мѣстными иконами въ иконостасѣ Троицкой церкви. Несомнѣнно, что не сюда и не въ такомъ порядкѣ размѣщенія предназначены они были первоначально. Теперь нѣкоторыя изъ нихъ, за недостаткомъ мѣста, выходятъ за линію иконостасныхъ иконъ, на сѣверный и южный простѣнки; а состоящая съ ними въ непосредственной связи икона Вѣчнаго Архіерея Вселенской церкви, съ подписью имени мастера, занимаетъ, какъ уже извѣстно, отдѣльное мѣсто на замкѣ арки, ведущей изъ паперти въ церковь. Иконостасъ, хотя одного стиля, XVII в., но видимо измѣнялся; и въ послѣдній разъ повышенъ, съ цѣлію дать мѣсто новому поясу съ этими клеймами, составляющими особенность въ общей системѣ устройства иконостасовъ того времени. Не маловажнымъ ручательствомъ въ пользу инаго назначенія этихъ клеймъ первоначально и занесенія ихъ сюда въ послѣдствіи еще можетъ служить та замѣчательная въ нихъ особенность, что всѣ они, кромѣ обычныхъ указаній имени святаго, снабжены краткимъ текстомъ изъ его біографіи, изображеннымъ мелкимъ шрифтомъ и совершенно напрасно для занимаемой ими въ настоящее время высоты, которой невозможно достигнуть безъ помощи лѣстницы.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть ихъ въ томъ случайномъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдуютъ теперь, начиная слѣва направо: 1) Св. Діонисій Ареопагитъ; 2) св. Кириллъ Александрійскій; 3) св. Епифаній Кипрскій; 4) св. Григорій Нисскій; 5) св. Іаковъ братъ Господень; 6) св. Амвросій Медіоланскій; 7) св. Игнатій Богоносецъ; 8) св. Григорій Неокессарійскій и 9) св. Аѳанасій Александрійскій. Въ числѣ этомъ нельзя не замѣтить отсутствія трехъ наиболѣе почитаемыхъ нашею церковью святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Недостатокъ этотъ тѣмъ чувствительнѣе, что по ихъ изображеніямъ, вполнѣ опредѣлившимся въ русской иконографіи, намъ удобнѣе бы было выяснить себѣ задачу, предпринятую Ушаковымъ въ данный моментъ, когда онъ задумалъ неподвижнымъ типамъ дать натуру. Никогда еще въ русской иконописи до того времени не сдѣлано было такого рѣшительнаго шага, чтобы приблизиться къ природѣ, какъ въ этомъ случаѣ. Устранивъ всѣ прежніе пріемы, иконописецъ беретъ для своихъ образовъ натуральную величину, правильный рисунокъ, естественныя краски, и, пользуясь лишь историческимъ матеріаломъ для выраженія индивидуальныхъ характеровъ, принимается за живопись.

Св. Діонисій Ареопагитъ. Преклонныхъ лѣтъ старецъ съ правильными чертами лица, выражающими проницательный умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодушіе. Голова его обращена вправо, каріе глаза его смотрятъ впередъ. Сѣдые волосы, раздѣланные въ одиночку и мѣстами извиваясь, спадаютъ прядями на плечи и соединяются съ длинною, прямою бородою. По сторонамъ вверху, крупнымъ шрифтомъ написано: Аγіосъ Дионисій Ареопагитскій, внизу мелкимъ: Посѣченъ въ лѣто 5598. Поживе 90 лѣтъ.

Св. Кириллъ Александрійскій. Голова обращена въ полуоборотѣ, въ правую сторону. На немъ бѣлая съ черными крестами облегающая голову шапка. Борода длинная, прямая. Онъ русъ и сухощавъ. Выраженіе лица строгое и спокойное. Надпись по сторонамъ, крупная: Аγіосъ Кириллъ архіепископъ Александрійскій, мелкая, ниже: бѣяше въ лѣта 5915.

Св. Епифаній Кипрскій. Съ сѣдыми и частію вьющимися волосами, старецъ, съ длинною бородою, смотритъ прямо; хотя голова обращена также въ правую сторону, въ открытомъ лицѣ сказывается бодрый умъ и добродушіе. Надпись вверху: Аγіосъ Епифаній епископъ Кипрскій, внизу: поживе лѣтъ 115, преставися лѣта 5902.

Св. Григорій Нисскій. Изображенъ въ глубокой старости, съ большими морщинами, но притомъ съ выраженіемъ сильной энергіи; брови дугообразныя. Смотритъ вправо. Надпись по сторонамъ, вверху: Аγіосъ Григорій, епископъ Нисскій, съ ея продолженіемъ, мелкимъ шрифтомъ, внизу: Бѣ въ лѣта 5874, братъ Великому Василію, бысть на 2-мъ соборѣ.

Св. Іаковъ, братъ Господень. Смотритъ прямолично, съ нѣсколько скосившимися глазами,

*) Стр. 44.

волосы нависли на лобъ, какъ бы подстрижены; борода длинная; окаймляющіе ее усы, расположенные симметрично, сближаясь у подбородка, расходятся въ концахъ. По сторонамъ, вверху надпись крупная: Аγіосъ Іаковъ, братъ Γосподень по плоти, внизу мелкая: Епископъ бѣ первый во Іерусалимѣ, и литургію Божественную первые написаша.

Св. Амвросій Медіоланскій. Изображенъ въ среднихъ лѣтахъ, безъ сѣдины. Темные волосы спускаются на плечи и соединяются съ клинообразною бородой.Правильныя черты сухощаваго лица выражаютъ свѣтлый умъ и энергичный характеръ. Голова обращена справа налѣво, но глаза устремлены прямо: надпись вверху: Аγіосъ Амвросій епископъ Медіоламскій, внизу: бѣ въ лѣта 5874 года.

Св. Игнатій Богоносецъ. Сѣдовласый, но съ свѣжимъ, добродушнымъ лицомъ старецъ; смотритъ влѣво. Волосы его извиваются кудрями. Надпись крупнымъ шрифтомъ: Аγіосъ Игнатій Богоносецъ, епископъ Антіохійскій, мелкимъ шрифтомъ, ниже: бѣ въ лѣта 5609.

Св. Γригорій Неокессарійскій. Голова представляетъ замѣчательный типъ сѣдаго, лысаго старца, погруженнаго въ самосозерцаніе; онъ смотритъ также влѣво; лобъ въ морщинахъ, волосы только на затылкѣ и клокъ на лбу, борода короткая. Надпись вверху: Аγіосъ Γригорій чудотворецъ епископъ Неокессарійскій, внизу: бѣ въ лѣто 5775.

Св. Аѳанасій Александрійскій. Типичное лицо горбоносаго старца съ короткою бородою. По сторонамъ изображенія надпись крупнымъ шрифтомъ вверху: Аγіосъ Аѳанасій, архіепископъ Александрійскій, и мелкимъ внизу: бѣ въ лѣта 5818 въ дни перваго собора. Во изгнаніи претерпѣ 46 лѣтъ.

Мы не упоминали объ одеждѣ, въ которой изображены исчисленные нами святые. Они представлены, какъ слѣдуетъ, въ святительскихъ ризахъ, въ саккосѣ и съ омофоромъ; одинъ въ епископской шапкѣ, другіе съ непокрытою головою, омофоръ вообще бѣлаго цвѣта, но немъ кресты или коричневые съ широкими черными обводками (св. Діонисій, Кириллъ, Игнатій, Аѳанасій), или красные (св. Епіѳаній, Γригорій Нисскій, Іаковъ, Амвросій, Γригорій Неокессарійскій). Саккосъ красный, съ крестами того же цвѣта, но свѣтлѣе (св. Діонисій, Кириллъ), красный съ бѣлыми крестами (Аѳанасій), наконецъ зеленый съ краснымъ воротомъ и черными крестами (св. Γригорій).

Много вопросовъ рождается при изученіи этихъ замѣчательныхъ образцовъ русской иконописи. Кромѣ мастерскаго исполненія неимѣющаго себѣ равнаго въ произведеніяхъ предшествующей эпохи, здѣсь все оригинально, начиная съ выбора сюжета и кончая надписями. Въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ указать въ системѣ русской иконографіи на образчикъ помѣщенія въ иконостасѣ, надъ мѣстными иконами избранныхъ отцовъ Вселенской Церкви, и притомъ въ круглыхъ медальонахъ, съ лицами писанными въ натуральную величину. Почему въ числѣ изображеній недостаетъ трехъ вселенскихъ святителей? Между тѣмъ трехъ клеймъ, кромѣ изображенія Спасителя, именно и недостаетъ для того, чтобы возстановить обычную въ иконостасѣ симметрію, только не въ иконостасѣ того размѣра, въ которомъ иконы помѣщены въ настоящее время. Касательно иконы Спаса, въ видѣ Вѣчнаго Архіерея, мы уже сказали выше, что икона эта находится на паперти, и по самому размѣру своему, должна бы была входить въ составъ клеймъ, изображающихъ отцовъ церкви, и служить имъ главнымъ посредствующимъ звеномъ; хотя въ стилю иконописи она представляетъ такое различіе, какъ раннее иконописное произведеніе нашего мастера должно бы было относиться къ произведеніямъ позднѣйшаго, болѣе усовершенствованнаго періода его дѣятельности, когда природа взяла рѣшительный перевѣсъ надъ условными формами иконописи. Изображенія отцовъ церкви писаны гораздо естественнѣе. Въ нихъ менѣе коричневыхъ тоновъ иконописи. Лица и по рисунку и по колориту ближе къ натурѣ. Имъ нельзя отказать въ индивидуальности. Это уже никакимъ образомъ не избитые переводы плоскихъ, безъ тѣней, рисунковъ, здѣсь есть своего рода тѣлесная перспектива, краски естественныя. Только волосы раздѣланы большею частію въ одиночку, по волоску, какъ и теперь писать принято въ средѣ иконописцевъ. Вѣнцы вокругъ головы стушеваны по живописному.

Лучшими, болѣе удачными изъ девяти головъ изображенныхъ въ медальонахъ, мы назовемъ слѣдующія: св. Γригорія Неокессарійскаго и Γригорія Нисскаго, Амвросія Медіоланскаго и наконецъ св. Діонисія Ареопагита.

Совершенно оригинальное явленіе представляютъ надписи съ біографическими указаніями изъ

жизни святыхъ, сдѣланныя мелкимъ шрифтомъ, внизу обозначенія именъ ихъ, изображенныхъ крупными буквами. Какое назначеніе могли имѣть эти надписи, если иконамъ суждено было стоять такъ высоко, что едва видны крупныя надписи? Все это даетъ поводъ искать другаго назначенія для самыхъ иконъ. Сравнивая почеркъ Ушакова съ этими надписями нельзя сомнѣваться, что онѣ писаны его рукою. Онѣ писаны тѣмъ же круглымъ, четкимъ и твердымъ почеркомъ, которымъ писано множество актовъ, подписанныхъ рукою Ушакова, которымъ писаны подписи на его иконахъ и между прочимъ на иконѣ Вѣчнаго Архіерея. Укажемъ, какъ на особенность, въ этихъ надписяхъ на иконахъ отцевъ церкви, на прибавочное аγіосъ, вмѣсто святой. Оно заимствованно, какъ извѣстно, отъ первыхъ византійскихъ мастеровъ прибывшихъ въ Россію и работавшихъ здѣсь до XII вѣка; въ періодъ возрожденія искусства въ Россіи, основаннаго на греческихъ образцахъ, стали снова вводить и это прибавочное, затерявшееся съ XIII вѣка по XVI. Въ XVII вѣкѣ вошла въ употребленіе и встрѣчающаяся въ надписяхъ вмѣсто буквы С буква Σ, но эта греческая буква зашла къ намъ въ надписи, какъ видно, инымъ путемъ, черезъ Кіевъ. Впрочемъ то и другое легко можетъ быть уяснено и путемъ сношеній усилившихся въ то время съ Аѳономъ. Одна экспедиція Никона патріарха привезла большой запасъ, не только рукописей, но и древнихъ утварей, иконъ и проч. Монахи съ иконами пріѣзжали съ Аѳона безпрерывно въ теченіи XVII вѣка.

Надписи, сдѣланныя на иконахъ, служатъ не маловажнымъ ручательствамъ въ пользу того, что иконы писаны Ушаковымъ. Подписывать каждую изъ нихъ своимъ именемъ иконописецъ, весьма естественно, счелъ излишнимъ.

Матеріаломъ для указанныхъ нами выше надписей, съ краткими біографическими чертами изъ жизни святыхъ, изображенныхъ въ медальонахъ, послужили нашему мастеру современные святцы, изъ которыхъ подобныя свѣдѣнія зашли и въ Подлинники, преимущественно алфавитные, редакціи бывшей подъ руками Ушакова, какъ намъ то извѣстно изъ одного видѣннаго нами списка подобнаго рода Подлинника, съ припискою въ концѣ святыхъ, выписанныхъ изъ Симонова Подлинника.

Естественно однако, что не одни подписи руки Ушакова служатъ доказательствомъ, что клейма писаны имъ. Важнѣйшимъ ручательствомъ служитъ намъ въ этомъ случаѣ самое мастерство ихъ исполненія, стиль иконописи исключительно ему принадлежавшій въ данный періодъ, и едва ли не имъ самимъ выработанный.

Въ нихъ непосредственно высказывается идеалъ, открывшійся лучшему русскому иконописцу XVII вѣка, сознавшему несостоятельность старой рутины и поискавшему общечеловѣческихъ принциповъ красоты и природы въ искусствѣ.

Не безъ основанія приписывается Ушакову и большая, мѣстная икона Срѣтенія въ иконостасѣ главной церкви Спаса на бору, хотя мы не могли отыскать на ней надписи, быть можетъ, скрывающейся за позднѣйшею ризою. Икона, говорятъ, находилась первоначально въ Срѣтенскомъ соборѣ или въ церкви Срѣтенія Господня, что у государя вверху, и, во время послѣдняго возобновленія Спаса на бору, вмѣстѣ съ другими замѣчательными иконами, прошла черезъ руки нехитрыхъ реставраторовъ. Она писана въ томъ оригинальномъ, ушаковскомъ, иконописно-фряжскомъ стилѣ, въ которомъ писалъ онъ обыкновенно мѣстныя иконы и святой убрусъ. Дѣйствіе изображено происходящимъ въ разрѣзѣ зданія, крытаго плоскимъ сводомъ, съ рѣшетчатыми переплетами въ окнахъ. Подъ сѣнію, съ драпировкой, откинутой по-византійски, съ правой стороны, стоитъ у престола, по обычаю, наклонившись впередъ, и держа въ рукахъ Предвѣчнаго Младенца, старецъ, праведный Симеонъ; налѣво, противъ него, Богоматерь, съ протянутыми впередъ руками, какъ бы желая принять обратно Младенца, стремящагося къ ней отъ Симеона. За нею св. Анна Пророчица, смотритъ прямо, и обращаясь къ Іосифу, рукою указываетъ на Спасителя. Стоящій за Богоматерью Іосифъ въ рукахъ держитъ клѣтку съ двумя бѣлыми голубями. Придерживаясь древнихъ переводовъ нашъ мастеръ съумѣлъ здѣсь придать лицамъ индивидуальность, а контурамъ и краскамъ своеобразную мягкость и природу. Болѣе другихъ выдаются фигуры Симеона и Анны; особенно послѣдняя можетъ назваться вполнѣ оригинальнымъ типомъ праведной женщины, согласно понятіямъ художника XVII вѣка.

Намъ остается, въ заключеніе, упомянуть еще объ одной, приписываемой Ушакову иконѣ на сѣверной двери церкви Саввы Освященнаго на Дѣвичьемъ Полѣ, съ изображеніемъ посреди Благо-

разумнаго разбойника, а по сторонамъ притчей о райской жизни. Но икона эта, замѣчательная сама по себѣ, безъ всякаго основанія приписывается Ушакову *). На оборотѣ ея сохранилась надпись „144 го года, февраля въ 8 день азъ Симонъ Андреевъ вкладу далъ Саввѣ освященному сію сѣверную дверь по своихъ родителехъ.“ Она написана гораздо ранѣе Ушакова.

Рисунки Ушакова для печатныхъ изданій.

Мастеръ, какимъ былъ Симонъ Ушаковъ, одинъ изъ первыхъ художниковъ своего времени въ Россіи, не могъ не принять участія въ печатныхъ изданіяхъ, о которыхъ такъ много заботилось правительство, преимущественно во второй половинѣ XVII столѣтія. Именемъ Ушакова украшено нѣсколько замѣчательнѣйшихъ гравюръ этого времени, исполненныхъ лучшимъ гравероиъ Аѳанасіемъ Трухменскимъ и ученикомъ его Васпліемъ Андреевымъ. До сихъ поръ не рѣшено еще окончательно, гравировалъ ли самъ Ушаковъ нѣкоторые рисунки безъ подписи граверовъ, или дѣлалъ только рисунки. Вѣрно одно, что дѣятельность Симона Ушакова въ этомъ случаѣ по характеру своему вполнѣ совпадаетъ съ его занятіями въ качествѣ знаменщика или рисовальщика Серебряной палаты, хотя, какъ увидимъ, она развивается преимущественно въ послѣдній періодъ его службы въ Оружейной палатѣ, что рисунки его, служа первыми образцами усовершенствованныхъ иллюстрированныхъ изданій имѣли благотворное вліяніе на развитіе вкуса. Покойный Тромонинъ признавалъ его граверомъ и высказывался о его мастерствѣ въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: ** „Въ гравированіи онъ совершенно подражалъ рѣзьбѣ или, такъ сказать, тонкой чеканкѣ нѣмецкихъ мастеровъ, отличающихся не столько технической, сколько механической частію искусства; но для того времени онъ у насъ былъ граверъ, искуснѣе котораго и теперь въ Москвѣ не знаемъ“. Изъ гравированныхъ его произведеній Тромонинъ привелъ только два: Царя Давида изъ псалтиря Симона Полоцкаго и Варлаама съ Іоасафомъ царевичемъ изъ житія Варлаама и Іоасафа печат. въ Москвѣ 1681, въ полъ-листа, грав. хорошо. Но на этихъ рисункахъ встрѣчается имя гравера Трухменскаго, значитъ Ушаковъ только рисовалъ ихъ. Какъ на гравера смотрѣли на него и библіографы, описывавшіе старопечатныя книги съ подписью на гравюрахъ имени Ушакова.

Съ болѣе основательною критикою, естественно, долженъ былъ отнестись къ этому вопросу авторъ исторіи искусствъ въ Россіи Д. А. Ровинскій. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу въ Исторіи русскихъ школъ иконописи: „Симонъ Ушаковъ дѣлалъ рисунки или знаменилъ для разныхъ дѣлъ мастеровъ (граверовъ): напримѣръ стоящаго Спасителя, съ которой рѣзалъ Василій Андреевъ ***). Рисунки для гравюръ въ псалтирѣ Симеона Полоцкаго, въ житіи Варлаама и Іоасафа царевичей и т. д. На всѣхъ этихъ листахъ совершенно разнаго достоинства по гравировкѣ, подписано: знаменилъ Симонъ Ушаковъ, а потому и нѣтъ основанія предполагать, чтобъ онъ когда-либо занимался гравированіемъ самъ, что подтверждается и дѣлами Оружейной палаты“. Того же мнѣнія держится авторъ и въ другомъ капитальномъ трудѣ своемъ Русскіе граверы. Въ находящемся здѣсь словарѣ, при имени Ушакова, читаемъ слѣдующее: „Знаменитый иконописецъ московской школы XVII вѣка, самъ, сколько извѣстно, не гравировалъ, но дѣлалъ рисунки для граверовъ, а именно ****):

*) См. Истор. Русск. Школъ иконописанія стр. 189.

**) Московск. Достопамятности стр. 87.

***) „Образъ Спасителя съ крестомъ, совершенно сходный съ этимъ рисункомъ, находится въ Преображенскомъ соборѣ въ С. Петербургѣ“. Примѣчаніе автора Истор. Русск. Шк. иконоп.

****) Мы привели сполна текстъ между прочимъ и для того, чтобъ удобнѣе здѣсь сдѣлать нѣкоторыя необходимыя дополненія и исправленія, на основаніи того же самаго сочиненія, а именно: 1) въ статьѣ 4, вмѣсто Василій Андреевъ слѣдуетъ читать Аѳанасій Трухменскій см. 312 страницу, статьи 16 и 17, гдѣ обозначенъ, кромѣ того, здѣсь опущенный и рисованный Ушаковымъ заглавный листъ съ изображеніемъ олицетворенія Войны и Мира. 2) Изъ Ушаковскихъ же рисунковъ для гравюръ здѣсь не упомянуто обозначенной на 152 страницѣ подъ статьею 26-ю гравюры Зосимы и Савватія, рѣзанной Васпліемъ Андреевымъ.

1. Пророкъ Давидъ, въ псалтирѣ Симеона Полоцкаго. „Симонъ знаменалъ 7188 году". В. 8. 2. ш. 5. 1½, (Аѳанасій Трухменскій рѣзалъ).

2. Іс. Христосъ, стоящій съ крестомъ и евангеліемъ знаменилъ Симонъ Ушаковъ—рѣзалъ Василій Андреевъ. В. 7. 5. ш. 4. 10.

3. Св. Троицы, у подножія 15 херувимовъ. Отца безначальна, сына собезначальна 7174-го начерталъ Симонъ Ушаковъ В. 10. 9. ш. 8. 4½.

4. Въ житіи царевичей Варлаама и Іоасафа изображенія ихъ (см. Андреевъ Василій).

5. Въ книгѣ Вечеря Душевная, Москва 1683 г. заглавн. листъ на которомъ изображены Іс. Христосъ, Богоматерь, Предтеча, апостолы Петръ и Павелъ и мн. др. святые „7190-го знаменилъ Симонъ Ушаковъ". В. 3. 3½. ш. 5. 10.

Ясно, что этими пятью названіями не можетъ исчерпаться все участіе Ушакова въ дѣлѣ гравированія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ушаковъ приготовилъ гораздо большее число рисунковъ для граверовъ. Подтверждается это уже и тѣмъ, что здѣсь опущены нѣкоторые изъ упоминаемыхъ самимъ Д. А. Ровинскимъ рисунковъ, въ томъ же сочиненіи „Русскіе граверы", какъ напр. заглавный листъ къ книгѣ житіе Варлаама и Іоасафа, рисунокъ Зосимы и Савватія. Далѣе увидимъ мы еще нѣсколько рисунковъ ему принадлежащихъ и въ числѣ ихъ заглавный листъ въ книгѣ, Обѣдъ Душевный. Наконецъ тому же неутомимому изслѣдователю и собирателю Д. А. Ровинскому удалось въ недавнее время отыскать и пріобрѣсть одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній работы Ушакова въ этомъ родѣ, именно гравюру съ изображеніемъ Семи смертныхъ грѣховъ, превосходно исполненную крѣпкою водкой. На основаніи этой гравюры г. Ровинскій склоняется, кажется, перемѣнить свое мнѣніе и допустить участіе Ушакова въ самой техникѣ гравированья.

Гравюра эта на большомъ, отдѣльномъ листѣ изображаетъ человѣка, идущаго на четверенькахъ подъ тяжестью осѣдлавшаго его дьявола, по сторонамъ котораго, во вьюкахъ, сидятъ еще олицетворенные въ видѣ животныхъ смертные грѣхи. Группа направляется почти прямолинно и потому художникъ долженъ былъ преодолѣть не мало трудностей въ представленіи ракурсовъ. Композиція, если она оригинальная, сдѣлала бы честь и не русскому мастеру. Характеръ лицъ схваченъ удачно, животныя вырисованы отчетливо, бойкость рисунка изумительная. Въ двухъ главныхъ фигурахъ выражено сильное движеніе. Дидактическій элементъ въ этой живописной картинѣ проглядываетъ только въ подписяхъ изъ апокалипсиса по сторонамъ. Сюжетъ озаглавленъ подписью сверху: „Здѣ являемъ дѣлательно седмъ смертные грѣхи". Внизу помѣта: „Сію дщицу начерталъ зографъ Пименъ Ѳедоровъ сынъ, зовомый Симонъ Ушаковъ лѣта 7173". Отсутствіе имени гравера говоритъ въ пользу всецѣлаго исполненія картины Ушаковымъ.

Вмѣстѣ съ этою гравюрою Д. А. Ровинскому удалось пріобрѣсть и другую, изображающую Св. Троицу, также на отдѣльномъ, большомъ листѣ и отличной сохранности. Другой раскрашенный экземпляръ ея находится при рукописи Зерцало Великое, принадлежащей Ѳ. И. Буслаеву, и свидѣтельствуетъ, что гравюра предназначена были къ изданію вмѣстѣ съ этою книгою. Она помѣщена здѣсь въ началѣ книги предъ статьею: „О непостижимости Пресвятыя Троицы". Св. Троица изображена, вопреки древнѣйшему обычаю Восточной церкви, въ видѣ двухъ первыхъ сидящихъ на одномъ престолѣ лицъ Св. Троицы и между ними третьяго вверху, въ видѣ голубя. Слѣдуетъ замѣтить, что изображеніе ошибкою выгравировано не съ обратнаго рисунка, а съ прямаго, и потому представлено обратно. Сынъ Божій сидитъ налѣво отъ зрителя, Богъ-Отецъ направо. Послѣдній благословляетъ перваго лѣвою рукою. Правая рука Бога-Сына покоится на стоящемъ евангеліи. Между двумя лицами Св. Троицы стоитъ держава—шаръ съ семи-конечнымъ крестомъ вверху, поддерживаемый рукою Бога-Отца и Бога-Сына. Вверху Духъ Святый въ видѣ стоящаго справа налѣво голубя среди восьми-конечной звѣзды. Снизу и по сторонамъ многоочитіи херувимы, а въ самыхъ ногахъ ангельскіе чины, въ видѣ двухъ окрыленныхъ колесъ. Богъ-отецъ съ бородою, Предтечевой раздвоенною въ концѣ; Богъ-Сынъ также съ большею бородою. Въ перстосложеніи благословящей руки: два среднихъ пальца приподняты, прочіе сжаты вмѣстѣ. Драпировка роскошная, гравировка блестящая, тонкая, серебристая. Въ Буслаевскомъ раскрашенномъ экземплярѣ, верхняя риза Спаса зеленоватая, нижняя красноватая, у Бога-Отца, на оборотъ. Вѣнцы у обоихъ желтоватые, евангеліе красное, надъ вѣнцомъ Спаса на-

чертано: Сынъ, по плечамъ Іс.—Хс. надъ Богомъ Отцемъ: Отцевъ Отецъ и Господь Савао̀въ. Вверху надпись: Отца Безначальна, Сына Собезначальна. Внизу 7174-го начерталъ Симонъ Ушаковъ, рѣзалъ Ѳанасій Трухменскій. Мѣра: 8 и 6 вершковъ. Вѣроятно та же гравюра, безъ точнѣйшихъ обозначеній, упоминается въ сочиненіи Русск. гравюры на 312 стр. 18 статья.

Послѣ страннаго перерыва продолжающагося около пятнадцати лѣтъ, мы находимъ снова нѣсколько гравюръ съ именемъ Ушакова. Ими украшены лучшія изданія того времени—книги печатанныя въ верховой типографіи, существовавшей, какъ извѣстно, весьма короткое время на царскомъ дворѣ. Одна изъ нихъ, при псалтирѣ Симеона Полоцкаго, изображаетъ царя Давида въ моленіи Господу. Царь-пророкъ только что оставилъ свой тронъ и гусли, на террасѣ, въ царскомъ вѣнцѣ и легкомъ шелковомъ затканномъ цвѣтами кафтанѣ, стоитъ обратившись корпусомъ слѣва направо съ приподнятой вверхъ головой, сложенными на груди руками, устремивъ голову вверхъ, гдѣ среди свѣтозарнаго облака начертано въ сіяніи слово Богъ, внизу подъ тѣмъ же свѣтозарнымъ угломъ возвышается царскій тронъ на трехъ ступеняхъ подъ висящимъ балдахиномъ. По другую сторону, родъ налоя съ псалтиремъ, раскрытымъ на текстѣ перваго псалма. „Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“. Предъ нимъ на полу стоитъ арфа. Руки Давида воздѣты къ верху и впередъ. Въ лицѣ его сказывается полное благоговѣніе, борода окладистая, волосы на головѣ кудрявые. Влѣво за террасой открывается перспективный видъ съ портиками украшенными коринѳскими колоннами. Близъ террасы, на дворикѣ стоятъ два воина съ бердышами. На двухъ ша̀ницахъ пола, на которомъ стоитъ Давидъ, вырѣзана надпись: Симонъ Ушаковъ знаменилъ 7188 году. Гравюра исполнена тонкими штрихами знаменитымъ Ѳанасіемъ Трухменскимъ. Въ словарѣ граверовъ упоминается на 311 страницѣ, въ статьѣ 15.

Того же года Житіе св. Варлаама и Іоасафа царевича съ двумя рисунками Ушакова. На одномъ, служащемъ выходнымъ листомъ, изображенъ прямолинейный порталъ, по сторонамъ котораго, на тумбахъ, украшенныхъ клеймами изъ плодовъ стоятъ, обратившись одна къ другой, двѣ фигуры, олицетворяющія Войну и Миръ. На лѣвой сторонѣ Миръ въ образѣ женщины съ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ, съ лирою и пальмовою вѣтвію въ правой. Въ ногахъ фигуры рыцарскій доспѣхъ и ягненокъ, лежащій съ поднятою головою. На плинтусѣ надпись: Начерталъ Симонъ. На правой сторонѣ Брань, въ видѣ римскаго воина съ копьемъ въ лѣвой опущенной рукѣ съ мечомъ въ правой, приподнятой; въ ногахъ его черепаха; на плинтусѣ надпись: Ушаковъ 7188 года. Средина портала занята печатнымъ текстомъ выходнаго листа. Другой рисунокъ представляетъ залу во дворцѣ Индійскаго царевича. Въ оконные просвѣты видѣнъ садъ, разбитый въ европейскомъ вкусѣ XVII вѣка, обнесенный колоннами и башней въ перспективѣ. Въ залѣ по правую сторону сидитъ подъ навѣсомъ, на тронѣ, юный безбрадый царевичъ съ волосами ниспадающими въ видѣ кудрей, изъ-подъ вѣнца, въ царской одеждѣ, у стола, на которомъ положенъ его скипетръ. Лѣвая рука его покоится на подлокотникѣ кресла, правая у груди, кресло возвышается на трехъ ступеняхъ, ножки его имѣютъ видъ дельфиновъ. Напротивъ, съ лѣвой стороны, въ креслѣ св. Варлаамъ, старецъ съ непокрытою головой, длинными волосами и съ бородою раздвоенною въ концѣ, въ простой ризѣ; онъ держитъ въ лѣвой рукѣ камень испускающій вокругъ свѣтъ, а пальцами правой руки указываетъ на этотъ камень. Сверху изъ угла надъ Варлаамомъ падаетъ лучъ свѣта направляющійся на Іоасафа. На трехъ четыреугольникахъ шахматнаго пола вырѣзана надпись: Начерталъ, 7188 Симонъ Ушаковъ. Ѳанасій Трухменскій рѣзалъ. Перспектива весьма правильна. Гравировано тонкими штрихами.

Къ слѣдующему году относится выходной листъ къ книгѣ Обѣдъ Душевный. Объ этомъ рисункѣ сохранилось извѣстіе въ бумагахъ Архива Оружейной Палаты. Лѣта 7189 декабря въ 3 по государеву цареву и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу Окольничему и Оружейничему Ивану Максимовичу Языкову, съ товарищи. Великій государь (полное) Ѳедоръ Алексѣевичъ указалъ въ книгу Обѣдъ Духовный начальный листъ на бумагѣ по ознаменкѣ Симона Ушакова пройти углемъ иконописцу, доброму мастеру, для наклейки на мѣдную дщицу и отдать тотъ листъ въ Палату книгъ печатнаго дѣла. И по государеву цареву и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича (повтореніе титула) окольничему и оружейному Ивану Максимовичу Языкову съ товарищи учинить о томъ по указу великаго государя.

По каталогу библіотеки Царскаго № 212, Строевымъ упоминается при книгѣ Обѣдъ Духовный Ушаковская гравюра съ изображеніемъ Спасителя и трапезы съ 5 и 6 книгами, между тѣмъ какъ въ сочиненіи Д. А. Ровинскаго, Русскія гравюры, она обозначена между гравюрами Трухменскаго безъ имени рисовальщика.

Вотъ какъ описываетъ эту гравюру г. Ровинскій въ Словарѣ Граверовъ, на 311-ой страницѣ, № 13, въ числѣ гравюръ Аѳанасія Трухменскаго: „Заглавный листъ къ книгѣ Обѣдъ Душевный, 1681, Москва, очень хорошей работы и многодѣльн. (въ листъ). Въ срединѣ стоящій Іс. Хрис. по бокамъ 12 праздниковъ; на оборотѣ жертвенникъ съ надписью: „не о хлѣбѣ единомъ". Гравюра эта оказывается, не только на основаніи выше-предложеннаго акта, Ушаковскаго рисунка, но и на основаніи ясной подписи, сдѣланной на самой гравюрѣ.

На лицевой сторонѣ листа, среди четвероугольной рамки съ изображеніями, представленъ стоящій прямолично Спаситель. Онъ правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ евангеліе, раскрытое на текстѣ: на одной страницѣ: „Се обѣдъ мой уготовахъ. Матѳ. 22" и на другой страницѣ: „Пріидите обѣдайте, Іоаннъ 21." Надъ Спасителемъ Духъ Святый въ видѣ голубя. По сторонамъ, изъ-подъ рукъ Спасителя къ изображеніямъ въ рамкѣ тянется прямолинейная, откосомъ сверху внизъ, надпись: „благовѣстити нищимъ—посла мя. Лука 4." За Спасителемъ, вдали, виднѣются, влѣво на возвышеніи три креста, вправо городъ Іерусалимъ. Постановка главной фигуры свободна, съ легко драпирующимися складками одежды, въ лицѣ выраженіе, которое можетъ быть дано только Спасу Милостивому. Христосъ стоитъ, какъ сказано, впереди пейзажа съ зеленью и цвѣтами. По сторонамъ его надпись Іис—Хс., и въ крестообразномъ вѣнцѣ, окружающемъ голову три обычныя здѣсь буквы греческаго алфавита. Въ благословящей рукѣ большой палецъ со вторымъ отъ мезинца сложены вмѣстѣ. Надъ изображеньемъ вверху надпись объясняетъ содержаніе иконы: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя." Въ самомъ низу, слѣва направо, съ перерывомъ посрединѣ, 7189, „Симонъ Ушаковъ назнаменалъ, Василій Трухменскій;" слово рѣзалъ опущено. Разсмотримъ изображенія, помѣщенныя по сторонамъ этой иконы, какъ бы въ окружающей ее четыреугольной рамѣ, исчисляя ихъ въ порядкѣ, намѣченномъ самимъ Ушаковымъ при надписяхъ поясняющихъ содержаніе. Изъ четырехъ отдѣловъ въ верхней части рамы: 1) „День первый," разумѣется мірозданія. Имя Божіе, начертанное по-еврейски, окружено свѣтомъ, съ надписью: „Да будетъ свѣтъ." 2) „Ковчегъ Ноевъ ста на горѣ". Съ лѣвой стороны, на горѣ, ковчегъ, подъ горою группа молящихся къ свѣтлому облаку съ праваго угла. 3) „Израиль море препдѳ." По сторонамъ изображеніе моря пересѣкающаго четыреугольникъ діагональю съ верхняго лѣваго угла на нижній правый, съ лѣвой стороны утопающіе Египтяне, съ правой торжествующіе Іудеи и въ числѣ ихъ Моисей съ жезломъ. 4) „Манна одождися." Съ лѣвой стороны группа Іудеевъ, подбирающихъ манну, ниспадающую съ неба, съ правой, Моисей и Аарономъ. Далѣе изображенія расположены по сторонамъ симметрично, то слѣва, то справа, въ слѣдующемъ порядкѣ: налѣво, подъ первымъ. 5) Рождество Христово. По новому рисунку. Предвѣчный Младенецъ въ ясляхъ на соломѣ, передъ зданіемъ покоится справа налѣво, въ ногахъ сидитъ Богоматерь, за Нею стоитъ Іосифъ. Съ правой стороны къ Спасителю прилетѣли Ангелы, тутъ же изъ-за рамы внизу видна голова вола. Напротивъ этого изображенія направо. 6) „Трехъ царей пришествіе." Волхвы ѣдутъ по звѣздѣ, слѣва направо; передъ конемъ одного изъ нихъ стоитъ юноша. Опять налѣво; 7) „Богоявленіе Господне." Изображено по обычаю. Спасъ стоящій во Іорданѣ, съ тремя преклонившимися Ангелами на правомъ берегу, съ Святымъ Духомъ въ видѣ голубя въ небесахъ и съ Крестителемъ на лѣвомъ берегу; 8) „Бракъ въ Канѣ Галилейстей." Спаситель сидитъ съ лѣвой стороны трапезы, за нимъ Богоматерь, новобрачные въ вѣнцахъ царскихъ; прислуга наполняетъ стоящіе впереди сосуды; 9) „Народа насыти 5000." Направо Спаситель указываетъ стоящимъ съ нимъ ученикамъ на двѣ рыбы и на пять хлѣбовъ, лежащихъ въ двухъ мискахъ; налѣво множество сидящаго народа; 10) Входъ во Іерусалимъ. Довольно обыкновенный рисунокъ. Спасъ шествуетъ на ослѣ слѣва направо, сопровождаемый народомъ и встрѣчаемый выходящими изъ Іерусалима, съ правой стороны Іудеями; 11) „Воскресеніе Христово." Новый рисунокъ. Спаситель въ овальномъ сіяніи стоящій на воздухѣ надъ открытымъ гробомъ, съ хоругвію, увѣнчанною крестомъ; два воина лежатъ по обѣ стороны гроба; 12) „Ѳомино увѣреніе."

По обычаю. 13 „Сошествіе Св. Духа.“ Также согласно современнымъ рисункамъ, съ Богородицею посреди сидящей; 14) „Откровеніе Богослову.“ Іоаннъ лежитъ слѣва направо. Надъ нимъ человѣкъ въ сіяніи съ мечемъ изъ устъ, три свѣтильника налѣво, четыре направо. Наконецъ весь низъ занимаетъ изображеніе:—15) Второе Пришествіе Христово.“ Весьма сложная композиція, со множествомъ фигуръ. Вверху посреди на престолѣ Судія міра Спаситель, предъ которымъ съ двухъ сторонъ преклоняются Богоматерь и Предтеча, налѣво сидятъ въ раю праведники, внизу Ангелъ вызывающій изъ гробовъ умершихъ, тутъ же повыше другой Ангелъ возводящій праведниковъ, обнаженныхъ людей, направо дьяволъ мечущій грѣшниковъ въ пламя.

Итакъ здѣсь изображена вообще самостоятельная картина, спеціально составленная для украшенія книги Обѣдъ Душевный. Къ ней никакъ не можетъ быть придано названіе Спасителя съ 12-ю праздниками. Она можетъ быть названа только картиной къ книгѣ Обѣдъ Душевный, съ символическими изображеніями Спасителя посреди, какъ источника Божественной трапезы, и разныхъ событій, относящихся къ тому же предмету въ 15-ти клеймахъ, по сторонамъ.

Другая картина или виньетка къ той же книгѣ, какъ сказано, помѣщается на оборотѣ листа съ предыдущими изображеніями. Среди овала, окруженнаго травною рамкою фряжскихъ образцовъ, стоитъ покрытый престолъ съ пятью книгами, изъ которыхъ одна средняя раскрыта. Налѣво выдается уголъ большаго зданія съ аптою и полуциркульнымъ просвѣтомъ, чрезъ который виднѣются другія постройки, къ большому зданію примыкаетъ теремъ на зубчатой стѣнѣ, съ деревьями. Правая сторона представляетъ видъ открытый. Содержаніе картины объяснено текстомъ, идущимъ въ овалѣ, при рамѣ: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.“ Матѳ. гл. 4. Наконецъ, внизу, за чертой изображенія есть еще надпись: „Человѣкъ есть, иже по насъ, не аще кто хлѣбомъ питается токмо; но аще кто прежде пищи оныя божественныхъ словесъ причастникомъ будетъ и духовныхъ златъ надѣяй. Въ бесѣдѣ послѣдней.“ Обѣ картины гравированы довольно хорошо; но, на нашъ взглядъ, по сюжету и рисунку онѣ имѣютъ гораздо большее значеніе.

Къ книгѣ, Вечеря Душевная, изданной въ 1683 году, приложена гравюра на мѣди съ именемъ Ушакова, помѣченная 1682 годомъ.

Посреди четвероугольной рамы изображенъ большой семиконечный крестъ съ орудіями страстей Господнихъ водруженный на покрытомъ престолѣ, и, окруженный пятью книгами, изъ которыхъ одна только средняя раскрыта. Вдали представленъ градъ Іерусалимъ. На поляхъ, обрамляющихъ средину и раздѣленныхъ на четырнадцать частей, въ каждомъ изъ четырехъ угловъ находимъ по евангелисту съ его символомъ. Между двумя изъ нихъ, вверху, Деисусъ изъ пяти фигуръ съ двумя Архангелами; между двумя нижними, Грѣхопаденіе праотцевъ; по бокамъ, съ лѣвой стороны одно подъ другимъ слѣдующія изображенія: 1) Петръ и Павелъ; 2) три Вселенскіе святителя; 3) Стефанъ Пермскій и Ѳеодоръ Стратилатъ; 4) Антоній и Ѳеодосій Печерскіе; съ правой стороны, въ томъ же порядкѣ начиная сверху: 1) Моисей и Давидъ; 2) три Московскихъ святителя; 3) Екатерина и Татьяна; 4) Сергій и Савва.

Наконецъ, изъ послѣднихъ, извѣстныхъ намъ гравюръ, съ подписью Ушакова, слѣдуетъ упомянуть на отдѣльныхъ листахъ встрѣчающіяся изображенія Преподобныхъ Соловецкихъ, Зосимы и Савватія, въ предстоянія Преображенію Господню, главной храмовой иконѣ основаннаго ими монастыря, которая помѣщена вверху, между обоими святыми. Они стоятъ на берегу моря, по сторонамъ залива, усѣяннаго ладьями; въ заливѣ виднѣются острова, а вдали представленъ современный Ушакову видъ обители снятый по птичьему полету, за нимъ роща. Постановка фигуръ довольно свободная, складки одеждъ драпируются естественно, типы святыхъ иконописные. Св. Зосима держитъ свитокъ съ надписью: „не скорбите убо братія,“ и т. д. Преп. Савватій протянулъ руки, словно разсуждая. Бороды у обоихъ густыя, головные волосы какъ бы подстрижены. Одеждою святымъ служатъ сверхъ рясъ епитрахили и короткія мантіи съ куколями на затылкахъ. Надъ церквами и надъ монастырями сдѣланы обозначающія имена ихъ надписи. Внизу, на поляхъ написаны тропари и кондаки; еще ниже надпись: 194 года знаменалъ Симонъ Ушаковъ, рѣзалъ Василій Андреевъ.“ Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ съ этого изображенія, такъ и съ изображенія Іоасафа и Вар-

лаама въ Московскомъ публичномъ музеѣ имѣется современный переводъ, снятый иконописнымъ способомъ, посредствомъ наложенія, налѣпкомъ.

Г. Ровинскій упоминаетъ еще гравюру безъ года, съ изображеніемъ Іисуса Христа, стоящаго съ крестомъ и евангеліемъ, вдали Іерусалимъ и съ тремя крестами на горѣ. Внизу подпись знаменалъ Симонъ Ушаковъ, рѣзалъ Василій Андреевъ. (Русскіе граверы стр. 151, статья 3.) Намъ не удалось еще видѣть этой гравюры, но мы могли бы дополнить списокъ рисунковъ имъ приготовленныхъ для гравюръ еще нѣсколькими названіями. Такъ, въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ въ отдѣленіи Христіанскихъ Древностей, мы по праву можемъ указать на два рисунка снятые еще въ XVII вѣка налѣпнымъ способомъ, какъ на принадлежащіе его талантливому сочиненію. На одномъ изображенъ Спаситель стоящій съ крестомъ, на другомъ святой Алексѣй человѣкъ Божій въ дѣяніи. Они исполнены совершенно въ Ушаковскомъ стилѣ, и никто изъ современниковъ не могъ сдѣлать ничего подобнаго.

Ушаковскіе рисунки для гравюръ носятъ характеръ вполнѣ развитаго художника, хорошо знакомаго съ западными образцами. Въ нихъ преобладаетъ живописный элементъ, хотя иконописные типы, завѣщенные древностью, еще охраняются свято.

По вопросу о степени участія Ушакова въ гравированьи, мы должны замѣтить: если нѣкоторыя изъ прежде приписанныхъ этому мастеру гравюръ должны быть по справедливости уступлены граверу Трухменскому, то многіе изъ рисунковъ, безъ указанія рисовальщика, исполненные граверомъ Трухменскимъ, въ свою очередь приписаны должны быть рисовальщику Ушакову, впредь до окончательнаго разъясненія этого вопроса. Припомнимъ, что дѣятельность Ушакова въ гравированьи вполнѣ совпадаетъ съ его занятіями знаменщика, а въ числѣ знаменщиковъ ему принадлежало по всѣмъ правамъ первое мѣсто. Выше замѣчено, какъ заглавный листъ къ книгѣ Обѣдъ Душевный, несомнѣнно имъ рисованный, но безъ его подписи, отнесенъ всецѣло къ работамъ Трухменскаго, словно и рисованный послѣднимъ. То же самое могло быть и съ другими работами Ушакова. Не на всѣхъ онъ подписывалъ свое имя.

Что же вносилъ Ушаковъ своимъ участіемъ въ гравированныхъ рисункахъ? Мы уже высказали свое мнѣніе выше, что нисколько не думаемъ ограничиться извѣстнымъ доселѣ перечнемъ его работъ въ этомъ дѣлѣ; напротивъ, твердо убѣждены въ томъ, что помимо собранныхъ уже съ его именемъ гравюръ должны открыться современемъ, при болѣе тщательныхъ розыскахъ, еще другія произведенія печатнаго дѣла съ его непосредственнымъ участіемъ. Не приминемъ замѣтить теперь, что если иконы, имъ работаныя, не могли не имѣть вліянія на современную иконопись своимъ относительно-художественнымъ значеніемъ, иконы, предназначавшіяся лишь для ограниченнаго круга молящихся въ извѣстной мѣстности, и слѣдовательно имѣвшія лишь опредѣленный кругъ зрителей, иконы, въ которыхъ онъ болѣе или менѣе былъ связанъ извѣстными требованіями; то рисунки его въ гравюрахъ, гдѣ онъ былъ свободнѣе, самостоятельнѣе, должны были имѣть гораздо большее вліяніе уже по самому прямому назначенію своему проникать въ массы грамотной и сколько-нибудь любознательной публики. Что они расходились въ массѣ, видно уже и изъ сохранившихся копій въ переводахъ съ гравюръ, сдѣланныхъ налѣпнымъ способомъ. Иконописцы, слѣдовавшіе за Ушаковымъ, должны были соображаться съ его произведеніями и невольно становиться на уровень его понятій о правильности рисунка, объ изяществѣ и красотѣ, искать изящество и красоту не въ одной мелочной отдѣлкѣ, находить хорошимъ не одно старое, но подражать стремленіямъ перваго царскаго иконописца, который такимъ образомъ открывалъ примѣръ свободныхъ отношеній въ искусствѣ, указывая на самодѣятельность въ творчествѣ, въ сочиненіи новыхъ сюжетовъ, на свободную постановку фигуръ, на природу въ обстановкѣ, на перспективу, о которой прежде въ иконописи почти не думали, на изученіе иностранныхъ образцовъ.

Сравнивая гравюры Ушакова съ предыдущимъ и послѣдующимъ въ томъ же родѣ, нельзя не придти къ слѣдующему убѣжденію: если по отношенію къ современнымъ можно отыскать въ нихъ кой-какіе недостатки, то относительно до-Ушаковскаго періода онѣ представляютъ такое рѣзкое различіе, какое существуетъ между произведеніями художественными и чисто-ремесленными.

Ученики Симона Ушакова.

У каждаго иконописца древней Россіи бывали ученики. Особенно много ихъ должно было перебывать у перваго царскаго иконописца въ продолженіе его многолѣтней и многоплодной службы въ Оружейной Палатѣ. Исторія русскихъ школъ иконописанія едва знаетъ трехъ ихъ нихъ. Уже въ настоящее время мы въ состояніи въ значительной степени пополнить число это именами однихъ жалованныхъ, казенныхъ учениковъ. Сколько же было у него еще другихъ, какъ оффиціальныхъ, о которыхъ намъ не удалось еще собрать свѣдѣній, такъ и неоффиціальныхъ, о которыхъ свѣдѣнія, также какъ и о первыхъ, могутъ открыться лишь со временемъ, при дальнѣйшей разработкѣ, какъ письменныхъ, такъ и монументальныхъ памятниковъ русской иконописи. И сколько за тѣмъ еще останется такихъ, которые пользовались его совѣтами, работая въ его мастерской и исполняя разные заказы подъ его наблюденіемъ. Ушаковъ долженъ былъ имѣть огромное вліяніе на современную ему школу русской иконописи, и это не потому только, что онъ стоялъ во главѣ царскихъ иконописцевъ, но и потому, что онъ былъ вполнѣ призванный руководитель народной школы, соединявшій въ своей личности выработанные элементы древне-русской иконописи съ зарождавшимися въ то время у насъ элементами искусства обще-европейскаго.

Казенные ученики Ушакова представляли, какъ и слѣдуетъ ожидать, довольно разнообразную толпу. Начальство Оружейной Палаты передавало Ушакову преимущественно такихъ изъ нихъ, отъ обученья которыхъ оно ожидало казнѣ болѣе проку. Къ нему поступали собственно доучиваться, какъ къ лучшему мастеру того времени, уже заявившіе свое призваніе къ иконописи. Многіе искали чести быть учениками Ушакова; но не всѣ изъ учениковъ его проходили полную школу обученья, поступали въ царскіе жалованные иконописцы, пріобрѣтали громкую извѣстность. Бывали между ними и такіе, которые сходили съ половины пути и терялись въ массѣ.

Пользуясь почти исключительно Матеріалами для исторіи русской иконописи, изданными И. Е. Забѣлинымъ, авторъ Исторіи русскихъ школъ иконописанія приводитъ, какъ замѣчено выше, трехъ учениковъ Ушакова. „Онъ обучилъ,“ говоритъ Д. А. Ровинскій, „трехъ учениковъ: Осипа Володимірова, Ивана Башмакова, писавшаго съ учителемъ своимъ въ 1668 г. шестнадцать отдѣловъ чудесъ къ образу Живоноснаго источника, и Терентья Зиновьева, поступившаго въ жалованные иконописцы.“

Напрасно искали мы, какъ въ изданныхъ, такъ и въ неизданныхъ документахъ, положительнаго извѣстія о томъ, что Осипъ Владиміровъ былъ ученикомъ Ушакова. Единственное мѣсто, сколько-нибудь относящееся сюда,—это извѣстная роспись городовымъ иконописцамъ, составленная въ 1660 году, напечатанная въ Матеріалахъ г. Забѣлина (27 стр.), въ которой при имени Осипа Володимірова, сдѣлана помѣта: на Москвѣ, живетъ у Симона Ушакова. Но отсюда еще не видно, что онъ былъ ученикомъ Ушакова. При составленіи подобнаго рода росписей, иногороднымъ, не живущимъ въ Москвѣ иконописцамъ, требовалось указать мѣсто ихъ временнаго пребыванія, съ тѣмъ чтобы вытребовать ихъ къ работѣ; и вотъ изъ числа ярославскихъ иконописцевъ во время составленія росписи одинъ оказался въ Москвѣ, его квартира здѣсь и указана. Что же изъ этого? Намъ извѣстно, что Ушаковъ жилъ своимъ домомъ въ Китай-городѣ, жили съ нимъ ученики его, а по временамъ останавливались прибывавшіе изъ разныхъ концовъ Россіи родные и друзья. Въ числѣ послѣднихъ, какъ видно, былъ и авторъ извѣстнаго посланія къ Ушакову, Ярославскій иконописецъ Осипъ или Іосифъ Владиміровъ. Для біографіи Ушакова было бы весьма важно подтвержденіе факта, что иконописецъ этотъ былъ ученикомъ Ушакова, но мы пока остановимся на томъ, что онъ былъ его добрымъ товарищемъ, сотрудникомъ, собесѣдникомъ. Начавъ свою дѣятельность въ казенныхъ работахъ почти одновременно съ Ушаковымъ, онъ продолжалъ ее, какъ городовой иконописецъ, кормовой, не жалованный, не состоялъ на службѣ въ Оружейной Палатѣ въ числѣ царскихъ мастеровъ и потому не былъ заваленъ разнообразными и многочисленными занятіями, подобно Симону Ушакову, а слѣдовательно и имѣлъ болѣе досуга для литературныхъ занятій, представляющихъ, какъ мы увидимъ, апологію идей Симона Ушакова. Съ тою же фамиліею Владиміровъ встрѣчается въ актахъ Оружейной Палаты иконописецъ Иванъ Владиміровъ. Наконецъ въ Ушаковской надписи на замѣчательной иконѣ Владимірской Божіей Матери съ приписями на поляхъ, въ Флорищевой пустыни, мы прочли имя Андрея Владимірова, котораго самъ мастеръ призналъ сво-

имъ ученикомъ, хотя о немъ мы не имѣли пока еще свѣдѣній изъ другихъ документовъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что одинъ изъ Владиміровыхъ, именно Андрей, былъ ученикомъ Ушакова. Что же до Іосифа, то мы пока остаемся при своемъ мнѣніи и не рѣшимся назвать его ученикомъ Ушакова. Онъ преимущественно занимался стѣнописью; но писалъ и иконы, дѣлалъ и рисунки для гравюръ, на Печатномъ дворѣ; одинъ изъ такихъ рисунковъ съ замѣчательною надписью, гдѣ авторъ называется Московскимъ изографомъ, гравированъ въ Вѣнѣ и представляетъ Нерукотворенный Спасовъ образъ—любимый сюжетъ Ушакова.

Относительно единственнаго біографическаго свѣдѣнія, приведеннаго г. Ровинскимъ о второмъ ученикѣ Ушакова, Иванѣ Башмаковѣ, мы должны замѣтить, что 16 отдѣловъ чудесъ къ образу Живоноснаго Источника, какъ видно изъ матеріаловъ г. Забѣлина (стр. 114), писалъ съ своимъ мастеромъ вовсе не онъ, а другой иконописецъ, Сергѣй Васильевъ, который не значится въ числѣ учениковъ Ушакова. Объ ученикѣ Ушакова, Иванѣ Башмаковѣ, сохранилось довольно свѣдѣній въ не изданныхъ актахъ Оружейной Палаты. Полное имя этой загадочной личности было: Иванъ Дементьевъ Башмаковъ, что не только фамиліей, но и самымъ отечествомъ напоминаетъ извѣстнаго современника его, Думнаго Дворянина и Печатника Дементія Минича Башмакова. Иванъ Башмаковъ былъ иноземецъ, и, что особенно замѣчательно, изъ Евреевъ. Если вообще такъ называемыя образовательныя искусства не въ натурѣ этой націи, то еще страннѣе выборъ такого рода профессіи, какъ иконопись, для Еврея въ Россіи XVII вѣка. Онъ долженъ былъ, разумѣется, предварительно принять крещеніе. Отданный царскимъ указомъ 1-го марта 1664 года въ ученики къ Ушакову, Башмаковъ умѣлъ, какъ видно, извлекать существенныя выгоды изъ своего исключительнаго положенія, выпрашивая себѣ безпрестанно то прибавочный кормъ, то на одежду, ради бѣдности и крещенья. Только первые три дня по вступленіи въ ученики получалъ онъ кормовыхъ поденныхъ по алтыну на день, уже на четвертый день ему прибавлено было къ шести деньгамъ по двѣ, а 23 марта онъ обратился съ новою челобитною. „По твоему великаго государя указу отданъ я холопъ твой въ ученье иконнаго письма къ иконописцу къ Симону Ушакову, а кормъ мнѣ холопу твоему указанъ по 8 денегъ на день, а у меня холопа твоего здѣсь на Москвѣ нѣтъ ни отца ни матери, а взятъ я отъ отца и отъ матери въ православную христіанскую вѣру малъ и мнѣ холопу твоему того поденнаго корму по 8 денегъ въ день на кормъ и на одеженку не станетъ. Милосердый государь и при пожалуй меня холопа своего, вели къ тому корму прибавку учинить, чѣмъ мнѣ у того дѣла сыту быть и на одеженку, какъ тебѣ великому государю Богъ извѣститъ.“ И вотъ того же числа, по именному царскому указу окольничій и оружейничій Б. М. Хитрово приказалъ иноземцу, для крещенія православныя христіанскія вѣры, что онъ отъ жидовскія вѣры приступилъ къ православію и иконописному мастерству учалъ учиться съ прилежаніемъ государева жалованья прибавить и учинить и съ прежнимъ по 10 денегъ на день, да къ празднику къ свѣтлому Христову Воскресенію сдѣлать ему кафтанъ суконный сукно кармазинъ, да полукафтанье киндячное, шапку, сапоги, да дать четыре чети муки ржаныя. А учителю его Симону дать тафту, для того, чтобы онъ того иноземца, который забывъ жидовскую вѣру и попскалъ благочестія и крестился, училъ иконному письму съ великимъ радѣньемъ и тѣмъ ему работу свою объявилъ, чтобъ и иные иноземцы смотря такую государскую милость къ благочестію приступали.“ Получивъ на кафтанъ и полукафтанье, Башмаковъ не задумался выпросить себѣ и на прикладъ, на шитье того и другаго, два рубля деньгами. Такъ умѣлъ онъ обдѣлывать дѣла свои. Кромѣ поденнаго корму деньгами ему безпрестанно давали кормъ натурою, не рѣдко отпускали и холстъ на бѣлье. А поденный кормъ его вскорѣ возвысился до двухъ алтынъ на день. Наконецъ, въ 1666 году задумалъ онъ выхлопотать себѣ кромѣ всего этого еще годовой денежный и хлѣбный окладъ. Онъ написалъ челобитную и „принесъ въ Оружейную Палату письма своего образъ Алексія Митрополита Кіевскаго и всея Руссіи. Мастеръ его, иконописецъ Симонъ Ушаковъ, смотря его Ивашкова письма Башмакова, сказалъ: тотъ де образъ Алексѣя Митрополита писалъ ученикъ его, онъ Ивашка Башмаковъ. И 1-го апрѣля 7174 года по именному царскому указу окольничій и оружейничій Б. М. Хитрово приказалъ ему, для его мастерства учинить государева годоваго жалованья десять рублевъ, хлѣба десять четей ржи, овса тожъ. А инымъ никому то не въ образецъ, для того, былъ онъ жидовинъ и изъ воли приступилъ къ благочестію, и позналъ истину и

учинился христіанниномъ. Къ тому же богоугодному дѣлу и сугубую добродѣтель и радѣнье показалъ, иконному художеству отчасти навыкъ и впредь желательное попеченіе о томъ имѣетъ и со всякомъ усердствомъ того снискати хощетъ, и для того его радѣнья государево жалованье на нынѣшній 174 годъ деньги и хлѣбъ выдать ему въ приказъ а впредъ давать по окладу, а кормовыхъ денегъ давать ему по алтыну на день.“ Не довольствуясь и тѣмъ, Башмаковъ выпросилъ себѣ 31 марта 1667 прежній кормовой поденный окладъ сполна, по 2 алтына на день. Онъ подалъ 25 марта Царю государю Алексѣю Михайловичу прошеніе слѣдующаго содержанія: „Бьетъ челомъ холопъ твой иноземецъ Еврейскаго роду Ивашко Башмаковъ. По твоему великаго государя указу отданъ я холопъ твой на ученье иконнаго мастерства и мнѣ холопу твоему учиненъ поденный кормъ, и къ тому, государь, поденному корму учинено въ прибавокъ для моего иноземчества годовое жалованье, что я отца и матери отсталъ и иконное мастерство отъ малой части спознялъ, святое крещеніе воспріялъ. Милосердый государь царь и в. кн. Алексій Михайловичъ пожалуй меня, холопа своего, для моего иноземчества своимъ государевымъ жалованьемъ поденнымъ кормомъ по прежнему, безъ убавки, чтобъ мнѣ холопу твоему отъ того иконнаго ученья не отстать и тому иконному ученію паче мысль свою приложить, Царь государь смилуйся пожалуй.“ Послѣдовало рѣшеніе: для его иноземчества, что онъ бывъ жидовинъ, а поискалъ благочестія и крестился въ православную христіанскую вѣру, а не для его мастерства давать ему корму сверхъ прежняго по алтыну и въ книгу то писать. Въ томъ же году къ свѣтлому празднику онъ вмѣстѣ съ царскими жалованными иконописцами бывшими, съ подносными дѣлами, поднесъ государю своей работы лукъ, писанный по золоту маслянными красками и получилъ за то, для иноземчества, сукно изъ дворцовыхъ суконъ меньшей статьи и два рубля деньгами. Наконецъ въ 1670 году этотъ еврейскія породы Симоновъ ученикъ пропалъ безъ вѣсти, и за тѣмъ имя его не встрѣчается уже болѣе въ актахъ Оружейной Палаты. Онъ пробылъ, такимъ образомъ, около шести лѣтъ въ мастерской Ушакова.

Третій и послѣдній изъ приведенныхъ г. Ровинскимъ учениковъ Симона Ушакова, Георгій Терентьевъ Зиновьевъ, происходилъ изъ крестьянъ Гаврилы Петровича Островскаго. Онъ былъ отданъ въ ученье не отъ Оружейной Палаты, а вѣроятно своимъ помѣщикомъ, потому и не могли дойти до насъ извѣстія о времени проведенномъ имъ въ ученикахъ Ушакова, также какъ не дошли извѣстія и о многихъ другихъ, частныхъ, ученикахъ его. Біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ иконописцѣ въ актахъ Оружейной Палаты начинаются со времени поступленія его въ царскіе мастера, то есть когда уже онъ кончилъ свое обученье у Симона Ушакова. Даровитый и прилежный онъ на столько успѣлъ у своего мастера, что когда понадобился иконописецъ въ Оружейной Палатѣ, обратились за нимъ къ Ушакову, и выкупили Зиновьева по царскому указу значительною цѣною (100 рублей) у помѣщика. При чемъ Ушаковъ далъ отъ себя отзывъ: что тотъ ученикъ его Георгейка иконное художество, святыхъ иконъ воображеніе, писать искусенъ и пишетъ добрымъ мастерствомъ. Это было 31 мая 7176 (1668) года. 22 Іюня того же года просилъ онъ назначенія себѣ жалованья, говоря, что взятъ онъ въ Оружейную Палату въ жалованные иконописцы отъ учителя своего отъ Симона Ушакова для иконнаго художества, а денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и поденнымъ кормомъ противъ своей братьи не верстанъ, а у государева дѣла онъ безпрестанно, съ 16 мая. Изъ этихъ дѣлъ извѣстна между прочимъ работа его въ новопостроенной церкви Георгія Неокессарійскаго, за Москвой рѣкой, куда писалъ онъ лѣтомъ 1668 года съ жалованными иконописцами, съ Симономъ Ушаковымъ стоварищи денисусы, праздники, пророки праотцы и мѣстныя иконы на дворѣ стольника и полковника Артемона Матвѣевича. Первоначально положено было ему жалованья 12 рублей, да кормовыхъ 21 р. 30 алт., т.-е. по 2 алт. на день, всего выходило 33 р. 30 алт. Съ тѣмъ же окладомъ значится онъ въ общемъ спискѣ всѣхъ мастеровыхъ людей Оружейной Палаты 1670 года, съ добавкою хлѣба натурою, ржи и овса по 30 четей. И за тѣмъ до конца службы онъ не хлопоталъ кажется о прибавкѣ. Имя его довольно часто встрѣчается въ актахъ Оружейной Палаты. Онъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ иконописныхъ работахъ своего времени. Возлагались на него и спеціальныя порученія, какъ на мастера, отличавшагося добросовѣстностью. Въ иконописи усвоилъ онъ Ушаковскій характеръ. Писалъ, придерживаясь древнихъ образцовъ, но въ то же время придавалъ произведеньямъ своимъ своеобразную свободу дви-

женья, свѣтлый колоритъ, словомъ вносилъ элементы свободной живописи, на сколько возможно то было по понятіямъ объ иконописи, какъ искусствѣ. Дѣятельность его была разнообразна. Кромѣ письма иконъ онъ занимался и смѣтною ихъ росписью, свидѣтельствовалъ работы, наконецъ его посылали расписывать Малороссійскія церкви; писалъ онъ и для Константинопольскаго патріарха.

Въ росписи Оружейной Палаты приказнымъ дѣламъ мастерскихъ дѣлъ 1670 года, т.-е. въ росписи заказовъ на этотъ годъ, ему, въ числѣ другихъ жалованныхъ мастеровъ, поручено было: „Писать иконы и по наряду велѣно вновь написать 11 образовъ государскіе ангелы на кипарисныхъ доскахъ, да велѣно жь написать, по росписи изъ приказу великаго государя тайныхъ дѣлъ, образъ пресвятыя Богородицы разными чины. По такой же росписи мастеровымъ людямъ, у которыхъ дѣлъ нѣтъ, 1671 года, ему велѣно съ другими: писать образы по росписи, которые по наряду велѣно писать въ приказѣ великаго государя тайныхъ дѣлъ, да по росписи жь образъ Похвалы пречистыя Богородицы, съ пророки, да особо на разныхъ дскахъ Кондаки и Икосы.“ Въ 1672 году составлялъ онъ роспись матеріаламъ для починки царскаго живописнаго стола. Въ декабрѣ 1675 писалъ вчетверомъ съ другими на забральные углы къ іордани Богоявленской четыре евангелиста. Въ 1676 и 1680 участвовалъ въ стѣнописи Верхо-Спасскаго собора. Въ 1678 писалъ иконы для дворцовой церкви св. Евдокіи. Вмѣстѣ съ другими мастерами въ 1680 году выпросилъ указъ объ изъятіи дома отъ ночныхъ переулочныхъ карауловъ, что доказываетъ, что жилъ онъ своимъ домомъ. Въ томъ году упоминается у него жалованный ученикъ, Семенъ Амфилохіевъ съ жалованьемъ по 6 денегъ на день, 10 р. 31 алт. 4 денегъ въ годъ. Въ концѣ ноября того же 1680 года получилъ Георгій Зиновьевъ съ другими мастерами жалованье по челобитной 1679 года, и за работу иконостаса, въ 1678 году, въ церкви Евдокіи мученицы. Отправленный въ 1682 году по указу царя Ѳеодора Алексѣевича и по памяти изъ приказу Малыя Россіи въ Малороссійскіе города, въ Батуринъ войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра къ гетману къ Ивану Самойловичу для письма св. иконъ, онъ пробылъ тамъ болѣе полугода и только 9 марта слѣдующаго 1683 года по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и по памяти изъ приказу Малыя Россіи прислань въ Оружейную Палату по прежнему. Любопытный фактъ этотъ доказываетъ, съ одной стороны, какъ Москва уже въ то время удѣляла отъ плодовъ своего церковнаго искусства вновь присоединенной православной братіи, съ другой стороны то же свидѣтельствуетъ въ пользу добраго мастерства Георгія Зиновьева, избраннаго изъ среди Московскихъ иконописцевъ безспорно потому, что мастерствомъ своимъ онъ скорѣе могъ удовлетворить требованіямъ южно-русской интеллигенціи, уже нѣсколько столѣтій находившейся въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ Западомъ. Въ 1685 писалъ онъ, съ учениками, князя Петра и мученицу Февронію и по наряду образъ Знаменія, и когда Константинопольскій патріархъ обратился къ правительству съ просьбою о присылкѣ иконъ писанныхъ добрымъ мастерствомъ, не живописнымъ, то Георгію Зиновьеву поручено было составить смѣту матеріаламъ и быть во главѣ дѣла, досматривать за первостатейными мастерами. Въ 1690 году онъ, втроемъ, свидѣтельствовалъ мастерство ученика Ушакова Ларіона Сергѣева, и вдвоемъ, иконописца Василія Иванова. Въ 1691 году при работѣ въ Петровскомъ монастырѣ ему поручено было написать на Сѣверной и Южной дверяхъ двухъ архидіаконовъ, Стефана и Евпла. Въ 1693 году упоминается онъ какъ бывшій учитель Николая Соломонова, принятаго въ жалованные, съ жалованьемъ 12 р. по 6 денегъ на день и хлѣба по 7 чети, противъ оклада Петра Ѳедорова, по свидѣтельству Тихона и Кирилла Ивановыхъ и его Зиновьева, за доброе святыхъ иконъ воображеніе. Въ 1694 году свидѣтельствовалъ онъ также вдвоемъ мастерство Сергѣя Ѳомина Бодягина. Въ собраніи Гр. С. Г. Строганова есть Деисусъ, съ подписью: „лѣта 7187 (1679) писалъ сей образъ изографъ Георгій Терентьевъ сынъ Зиновьевъ, со ученикомъ Ѳеодоромъ.“ Наконецъ, въ 1701 году, онъ поновлялъ въ Моск. Успенск. соборѣ знаменитую икону Спаса на престолѣ. (См. Истор. русск. шк. икон. стр. 44 и 146).

Провѣряя, такимъ образомъ, сообщаемыя авторомъ Исторіи русскихъ школъ иконописанія свѣдѣнія объ ученикахъ Симона Ушакова, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Одинъ изъ названныхъ имъ учениковъ, Іосифъ Владиміровъ, не можетъ быть признанъ такимъ въ тѣсномъ значеніи слова, два другіе, Иванъ Башмаковъ и Георгій Зиновьевъ, хотя и были дѣйствительно учениками Ушакова, но о первомъ, какъ о пропавшемъ безъ вѣсти еще до окончанія срока ученья, не сохранилось дальнѣйшихъ извѣстій, и одинъ только второй, Георгій Зиновьевъ, сдѣлался хоро-

нимъ, извѣстнымъ въ послѣдствіи, мастеромъ. Мы присоединили къ этимъ именамъ имя еще одного ученика Ушакова, Андрея Владимірова, котораго назвалъ такъ самъ мастеръ на Флорищевской иконѣ и о которомъ въ актахъ Оружейной Палаты могло и не сохраниться свѣдѣній, если онъ былъ ученикъ не кормовой, а домашній. Намъ пришлось бы пополнять такіе ограниченные результаты одними предположеніями, правда, вполнѣ основательными, но все же предположеніями: что бывали несомнѣнно у мастера и другіе ученики, но о нихъ не дошли свѣдѣнія, что они могутъ открыться въ будущемъ и пр. Но собранныя нами въ архивѣ Оружейной Палаты указанія уже и въ настоящее время могутъ значительно пополнить списокъ учениковъ Ушакова. Мы откроемъ его именами двухъ замѣчательнѣйшихъ мастеровъ своего времени, которыхъ произведенія обратили на себя заслуженное вниманіе знатока дѣла, Д. А. Ровинскаго, хотя ему и неизвѣстно было еще въ то время, когда онъ писалъ свою Исторію, что произведенія эти принадлежатъ ученикамъ знаменитаго мастера. Мы говоримъ объ Иванѣ Максимовѣ и Михаилѣ Милютинѣ.

Иванъ Максимовъ былъ, по видимому, не казенный, а частный ученикъ Симона Ушакова. Взятъ онъ въ жалованные мастера Оружейной Палаты именнымъ царскимъ указомъ 23 апрѣля 1678 года, какъ видно то изъ поданной имъ о пазначеніи жалованья челобитной, сопровождаемой весьма любопытными выписками. Въ челобитной упоминаетъ онъ между прочимъ, что взятъ изъ Пушкарскаго и изъ Посольскаго приказовъ, гдѣ работалъ уже двѣнадцать лѣтъ, получалъ окладное жалованье и кормовыя деньги. Въ выпискѣ сказано: взятъ по именному великаго государя указу въ Оружейную Палату изъ Пушкарскаго приказу въ жалованные иконописцы вновь Симоновъ ученикъ Ушакова, Иванъ Максимовъ, который учился иконному художеству у него Симона. Затѣмъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описаны его предшествующія занятія. „Въ прошломъ въ 186 (1678) году, по указу великаго государя и по приказу боярина и дворецкаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово да стольника Ивана Степановича Телепнева, посланъ его великаго государя указъ въ Пушкарскій приказъ, а велѣно, выписавъ отписать въ Оружейную Палату, иконописцу Ивану Максимову какъ онъ по указу великаго государя былъ въ Пушкарскомъ приказѣ въ иконописцахъ, и ему Ивану почему давано государева годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья и поденнаго денежнаго корму въ годъ. И въ прошломъ во 186 іюля въ 31 день въ указѣ великаго государя изъ Рейтарскаго приказу, за приписью дьяка Артемья Волкова, написано: По указу великаго государя давано его великаго государя годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья иконописцу Ивану Максимову, какъ онъ былъ въ Пушкарскомъ Приказѣ въ иконописцахъ по окладу его, денегъ по 28 рублевъ, да хлѣба по 7 четей, ржи, овса по тому жь на годъ.“ Подобный указъ былъ посланъ и въ Посольскій Приказъ; отвѣтъ на него отъ 6 сентября 1679 былъ слѣдующій: „Въ прошломъ во 182 (1674) декабря въ 19 день, по указу блаженныя памяти великаго государя Царя Алексѣя Михайловича взятъ въ Посольскій Приказъ изъ Пушкарскаго Приказу для живописнаго письма иконописецъ Иванъ Максимовъ а великаго государя жалованья денежнаго и хлѣбнаго давано ему въ прежнихъ во 182 и во 183 (1675) годахъ по 40 рублевъ въ годъ, да ему же Ивану давано поденнаго корму въ тѣ дни, какъ онъ былъ у дѣла во 182 и во 183 годахъ по 6 алтынъ по 4 деньги на день. А въ прошломъ въ 186 году по указу великаго государя писалъ онъ же Иванъ въ Посольскомъ приказѣ во святомъ евангеліи лица къ великому государю вверхъ, а великаго государя жалованья поденнаго корму давано ему Ивану въ тѣ дни, какъ онъ былъ у дѣла по 6 алтынъ на день, а въ которые дни онъ у дѣла не былъ и на тѣ дни поденнаго корму ему не давано.“ Значительный окладъ, которымъ пользовался иконописецъ, можетъ служить весьма важнымъ ручательствомъ въ пользу его мастерства, а занятія его въ приказахъ довольно ясно опредѣляютъ разносторонній характеръ его художественной дѣятельности. Онъ былъ иконописецъ, работавшій въ то же время живописное, т.-е. владѣлъ, по тогдашнимъ понятіямъ, полнымъ аппаратомъ техническихъ свѣдѣній и писалъ, придерживаясь природы. Въ Пушкарскомъ приказѣ онъ вѣроятно писалъ знамена, роспписывалъ древки и другія воинскія принадлежности, въ Посольскомъ, писалъ миніатюры въ книгахъ, можетъ заставки въ грамотахъ и проч. Но его не вытребовали бы въ жалованные иконописцы, если бы онъ, кромѣ того, не былъ отличный иконописецъ, не былъ мастеръ писать иконы по дереву и по стѣнѣ. Что онъ былъ дѣйствительно такимъ добрымъ мастеромъ ясно уже изъ назначеннаго ему здѣсь перваго окла-

да, который равнялся окладу втораго послѣ Симона Ушакова мастера. 7187 (1679) года, генваря въ 20 день, по именному великаго государя указу боярин и дворецкій и оружейничій Б. М. Хитрово приказалъ ему Ивану учинить государево денежное и хлѣбное жалованье и кормовыя деньги противъ иконописца жъ Ѳедора Евтиѣева и на нынѣшній на 187 годъ, то государево денежное и хлѣбное жалованье и кормовыя деньги дать ему Ивану по разчету съ того числа, какъ ему по указу великаго государя въ Оружейной Палатѣ быть велѣно. Это жалованье было: 18 р. деньгами, 40 четей хлѣбомъ ржи и овса, по 2 алтына поденныхъ кормовыхъ, всего въ годъ, кромѣ хлѣбнаго, 39 р. 30 алтынъ. Остальные мастера получали въ то время значительно менѣе. Такъ какъ жалованье это ему было выдано только за 1679 годъ, а онъ просилъ выдачи со дня назначенія его въ 678 году въ иконописцы Палаты, то потребовалось удостовѣренія главнаго мастера. „А по сказкѣ Симона Ушакова, иконописецъ Иванъ Максимовъ апрѣля съ 21 числа прошлаго 186 г. Сентября по 1-е число нынѣшняго 187 года у дѣлъ великаго государя въ иконописной Палатѣ съ своею братьею иконописцы былъ.“ Въ слѣдствіе чего ему и выданы были добавочныя деньги 14 р. 21 алт. 2 деньги. Онъ принималъ участіе въ работахъ мастеровъ Палаты еще до вступленія сюда на должность. Такимъ образомъ въ 1670 году, 17 іюня онъ былъ вызванъ съ товарищемъ своимъ Павломъ Никитинымъ изъ Пушкарскаго Приказа въ Оружейную Палату для верховыхъ иконописныхъ скорыхъ дѣлъ. Что же касается до напрестольнаго Евангелія работаннаго имъ въ Посольскомъ Приказѣ, то его писали восемь мѣсяцевъ день и ночь семь человѣкъ иконописцевъ и получили за то противъ прежнихъ царскихъ дѣлъ и персонныхъ книгъ въ приказъ жалованье по сукну англійскому іюня 18-го 1678 года. Уже здѣсь имя Ивана Максимова стоитъ вторымъ и тотчасъ послѣ знаменитаго Ѳедора Евтиѣева. Въ 1679 году онъ участвовалъ въ написаніи иконъ для дворцовой церкви Іоанна Бѣлгородскаго, при чемъ нѣкоторыя росписи къ выдачѣ жалованья товарищамъ подписаны его рукою, вѣроятно писалъ и для Измайловской церкви, выпросилъ въ 1680 съ другими изъятіе дома отъ карауловъ. Въ 1681 году онъ долженъ былъ уступить пальму первенства въ искусствѣ, другому, новому ученику Ушакова Михаилу Милютину, который по удостовѣренію ихъ общаго учителя писалъ въ то время уже лучше Максимова. Но Максимову поручались еще и въ послѣдствіи важные заказы.

Иванъ Максимовъ считался спеціалистомъ по части парсуннаго дѣла, или, по нашему, въ портретной иконописи. Въ 1685 году ему велѣно было по наряду писать персону блаженныя памяти царя Ѳеодора Алексѣевича на липовой дскѣ по ознаменкѣ и приправкѣ мастера Симона Ушакова. Въ этомъ же году писалъ онъ икону Седьми отрокъ. Онъ скончался въ 1689 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. На его мѣсто поступилъ сынъ его кормовой иконописецъ Василій Ивановъ, выпросившій себѣ эту должность за многую, въ продолженіе трехъ царствованій, службу отца и получившій ее по свидѣтельству работы его—„иконное воображеніе, его мастерство, жалованными иконописцами, Тихономъ Ивановымъ, Кирилломъ Ивановымъ и Георгіемъ Тереньевымъ,“ которые сказали, что онъ пишетъ иконное воображеніе противъ письма мастерства отца своего Ивана Максимова, а изъ оставшихся жалованныхъ, противъ Петра Ѳедорова и лучше. Петръ Ѳедоровъ былъ также ученикъ Ушакова и въ послѣдствіи извѣстный жалованный мастеръ.

Въ Словарѣ русскихъ иконописцевъ, приложенномъ къ Исторіи русскихъ школъ иконописанія значится и имя Ивана Максимова (стр. 161). При этомъ читаемъ слѣдующее. „Въ церкви Николы въ Хамовникахъ, въ Москвѣ, есть мѣстный образъ Алексѣя митрополита (въ перспективѣ изображенъ Кремль), съ подписью: 7194 (1686) писалъ сей образъ зографъ Максимовъ тщаніемъ тая жъ святыя церкви прихожанъ. Хорошо писанъ, въ родѣ Ушакова.“

Господину Ровинскому не могло быть извѣстно, что Иванъ Максимовъ былъ ученикомъ Ушакова, несмотря на то, какъ знатокъ дѣла онъ предугадалъ это по стилю иконописи. И дѣйствительно, въ 1686 году въ Москвѣ безъ участія Ушакова не могла бы явиться подобная икона. Самый сюжетъ ея нѣсколько напоминаетъ икону Владимірской въ церкви Грузинской Божіей Матери. Ушаковъ первый изобразилъ Кремль на иконѣ; не мудрено, что ученики его послѣдовали ему въ этомъ и стали писать иконы святыхъ съ видами городовъ и монастырей.

Икона Алексія Митрополита большаго размѣра. Она находится въ мѣстныхъ, на поклонѣ, и въ длину имѣетъ два съ четвертью аршина, а аршинъ шесть вершковъ ширины. Святой, довольно

правильная фигура, стоитъ въ полуоборотѣ слѣва направо. Предъ нимъ, вверху облачный Спасъ, внизу видъ Кремля, какъ бы въ перспективѣ, съ башнями и Спасскими воротами. Правая рука святаго молебная, въ лѣвой онъ держитъ книгу раскрытую на текстѣ: „Господи, призри съ небеси и виждь и посѣти виноградъ сей и соверши, его насади десница твоя.“ Въ раскрытомъ свиткѣ въ рукахъ Спасителя читаемъ, какъ бы отвѣтъ на эту молитву: „Послушю тя, рабъ мой, и мѣсто сіе и градъ да освятися именемъ моимъ, азъ же тебе ради исп.... благодать нынѣ обычно яко рабу своему дарую ти.“

Михаилъ Милютинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Ушакова, поступилъ къ мастеру 14 апрѣля 1670 года. Онъ былъ сынъ священника Предтеченской церкви, что у Никитскихъ воротъ, и работалъ, еще до поступленія въ ученики къ Ушакову, противъ средней статьи кормовыхъ иконописцевъ. Просился въ ученики къ нему для усовершенствованія или, какъ тогда выражались, доучиваться. По случаю поданной имъ о назначеніи жалованья челобитной, мастеръ его у выписки сказалъ, что тотъ ученикъ его Мишка иконное художество пишетъ святыхъ лицъ воображеніе лучше его прежняго ученика Василья (умершаго 15 апр.), и впредь онъ будетъ великому господарю проченъ; и нынѣ онъ годится въ среднюю статью кормовыхъ иконописцевъ. Ему назначено жалованье, 20 апрѣля, противъ живописныхъ дѣлъ ученика Григорія Грызлова. Черезъ мѣсяцъ, 28 мая, для его добраго мастерства жалованье ему удвоено, что послѣдовало вслѣдствіе поданной имъ челобитной, въ которой объяснялъ онъ слѣдующее: „Взятъ де онъ, по царскому указу, въ ученики и отданъ доучиваться иконописцу Симону Ушакову, на убылое мѣсто бывшаго ученика Василья; а тому де Василью было жалованья, поденнаго корму на день по 2 алтына, а ему, Михаилу, указано только по алтыну, противъ тѣхъ учениковъ, которые впервые отданы мастерамъ въ ученье, а онъ де прежде сего наученъ иконописнаго мастерства, у государевыхъ дѣлъ былъ въ кормовыхъ иконописцахъ въ меньшей статьѣ, и корму де ему было по 2 алт. по 2 деньги на день.“ Онъ просилъ прибавки кормовыхъ, чтобы ему было того иконописнаго мастерства доучиваться. Ему дали съ прежнимъ по два алтына на день. Въ росписи дѣлъ Оружейной Палаты мастеровымъ людямъ на 1671 годъ, иконописныхъ дѣлъ ученику Михаилу Милютину указано написать образъ Богородицы Корсунской на осьми листовой дскѣ. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1673 года онъ снова подавалъ челобитныя объ увеличеніи его оклада. Работаю, говорилъ онъ, въ Оружейной Палатѣ всякія дѣла безпрестанно третій годъ, а жалованья по окладу мнѣ нѣтъ, нѣтъ и платья въ приказъ. Онъ просился на убылой окладъ Ивана Башмакова. Симонъ Ушаковъ у выписки сказалъ, что ученикъ Мишка Милютинъ мастерствомъ своимъ иконописнымъ противъ бывшаго его ученика Ивашки евренна, таковъ же нынѣ будетъ, а у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ онъ Мишка съ нимъ Симономъ безпрестанно и впредь ко государевымъ дѣламъ проченъ будетъ. Въ сентябрѣ 1674 года царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ Оружейной Палаты иконописныхъ дѣлъ Симонова ученика Ушакова Мишку Милютина, велѣлъ ему быть иконописнаго жъ дѣла ученика на Ивашково мѣсто Башмакова и для его добраго мастерства ему Мишкѣ учинить денежное и хлѣбное жалованье и поденный денежный кормъ, что было Ивашку Башмакову (т.-е. 10 рублей деньгами, хлѣба, ржи и овса 20 четей, поданнаго денежнаго корму по 2 алт. на день) и то все жалованье выдать на 182 (1674) годъ. Въ росписи подносныхъ дѣлъ къ свѣтлому празднику того же 1674 года значится, что ученикъ Ушакова Михайло Милютинъ написалъ лукъ по баканной кибити, на майданѣ писаны травы, отъ майдана, по обѣимъ сторонамъ, писаны золотомъ звѣри въ травахъ. Въ октябрѣ и декабрѣ 1675 года писалъ онъ, между прочимъ, два образа Богородицы Иверскія, одинъ на кипарисной, другой на липовой дскѣ въ хоромы царицы Наталіи Кирилловны и царевича Ѳеодора Алексѣевича, кромѣ того подносный лукъ, къ пасхѣ, для того же царевича. Имя его значится въ смѣтной росписи 2-го августа 1676 г., составленной по случаю возобновленія Верхоспасскаго собора. Въ томъ же, повидимому году писалъ онъ, вмѣстѣ съ мастеромъ, образъ Богородицы Соболевскія и образъ Ѳеодора Стратилата. Жалованья получалъ онъ уже въ это время, кромѣ хлѣба натурою, но съ кормовыми деньгами, 31 р. 30 алтынъ. Но поданною 28 августа 1677 года челобитною онъ выхлопоталъ себѣ новую прибавку, изъ убылаго оклада Никиты Павловца, за многія въ теченіи шести лѣтъ работы. Въ это время 31 авг. 1677 года, Оружейной Палаты иконописцу, Михаилу Милютину, для воображенья святыхъ иконъ

его добраго мастерства и для его пожарнаго разоренья, что онъ погорѣлъ въ одинъ годъ дважды, государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья къ прежнему его окладу въ прибавку учинили: денегъ пять рублевъ, хлѣба ржи и овса 10 четей. Въ 1678 г., съ другими иконописцами, писалъ онъ въ церковь Евдокіи мѣстные образа и деисусы и праздники и пророки и праотцы, и иныя иконописныя письма писалъ и въ 1679 безпрестанно; за что и пожалованъ, въ ноябрѣ 1680 года въ приказъ, суконъ кармазиновымъ, а въ іюлѣ снова кындякомъ, вмѣстѣ съ жалованнымъ мастеромъ Леонтіемъ Степановымъ: писали и разцвѣчивали они два арчака сѣдельныхъ. Въ томъ же году съ другими мастерами, выхлопоталъ онъ изъятіе дома отъ почныхъ переулочныхъ карауловъ. Въ 1681 году писалъ онъ на кипарисной дскѣ царскихъ ангеловъ и другія всякаго рода иконописныя дѣла работалъ, просилъ потому сравнить его окладъ съ окладомъ Ивана Максимова.

Въ мартѣ этого года подалъ онъ челобитную государю. „Въ нынѣшнемъ 189 (1681) году писалъ я холопъ твой государской ангелъ, и иныя всякія твои великаго государя иконописныя дѣла работаю съ иконописцемъ съ Иваномъ Максимовымъ (ученикомъ Ушакова) равно, а ему идетъ окладъ 18 р., а хлѣба въ казенную мѣру 40 четвертей, а мнѣ 15 р., а хлѣба 30 четвертей, вели, государь, прибавокъ учинить противъ Ивана Максимова. По выпискѣ оказалось, что онъ писалъ на кипарисной дскѣ ихъ государскіе ангелы и иныя всякія государевы иконописныя дѣла съ иконописцемъ Иваномъ Максимовымъ равно, вслѣдствіе того, окольничій и оружейничій П. М. Языковъ съ товарищи приказали допросить, иконописецъ Михаилъ Милютинъ иконное художество мастерствомъ своимъ противъ иконописца же Ивана Максимова напишетъ ли? Въ допросѣ Симонъ Ушаковъ показалъ: Напишетъ и лучше его. Приказано: иконописцу Милютину, для его добраго мастерства учинить окладъ противъ иконописца Ивана Максимова для того, мастръ его иконописецъ Симонъ Ушаковъ сказалъ и къ сказкѣ своей руку приложилъ, что онъ Михайло иконное мастерство напишетъ его Ивана Максимова тщательнѣе и лучше. Въ ноябрѣ 1683 г. пожаловали его, за его доброе мастерство, что писалъ онъ въ соборъ архистратига Божія Михаила крестъ Распятія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, мѣрою шти аршинъ, велѣли дать съ казеннаго двора въ приказъ, сукно кармазинъ, да камку кармазинную. Изъ заказанныхъ царскимъ указомъ въ мартѣ 1685 года иконъ Михаилу Милютину поручено написать двѣ иконы св. Апостола Петра; а въ ноябрѣ онъ же писалъ, по росписи, Спасовъ образъ. Въ сентябрѣ 1687 года писалъ онъ образъ Іоанна Предтечи въ дописку къ деисусу, поясной, на штилистовой дскѣ, въ хоромы царевы Софіи Алексѣевны, въ декабрѣ ему отпущены были матеріалы: баканъ и киноварь для письма на рамы, у которыхъ велѣно писать на поляхъ св. преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, да святаго Алимпія иконописца, да Варлаама игумена Печерскаго, да Моисея Угрина, да Іоанна Многострадальнаго, въ хоромы къ царевнѣ же Софіи. Жалованья получалъ онъ въ это время, кромѣ хлѣба натурою, 35 р. 30 алт. 2 деньги. Въ 1691 году оно было увеличено до 46 рублей 30 алт. Въ числѣ заказанныхъ иконописцамъ Оружейной Палаты въ этомъ году мѣстныхъ иконъ, которыя велѣно писать самымъ добрымъ мастерствомъ, для Петровскаго монастыря, ему поручено было писать на двухъ дскахъ образъ Вседержителя и образъ Петра Митрополита. Въ томъ же году и окончилась его служба въ Оружейной Палатѣ. По указу государей Іоанна Петра Алексѣевичей повелѣно по разбору оставить въ Оружейной Палатѣ 12 человѣкъ иконописцевъ, мастеровъ, а пять человѣкъ уволить, изъ жалованныхъ. Съ послѣдними оставилъ Палату и Михайло Милютинъ, прослужившій здѣсь слишкомъ двадцать лѣтъ.

Кажется не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ ученикъ Ушакова одно лицо съ упоминаемымъ г. Ровинскимъ мастеромъ (на стр. 161) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Малютинъ Михаилъ. Въ селѣ Дедневѣ есть его работы Деисусъ, два Архангела и Спасъ Еммануилъ. На Еммануилѣ подпись: 187 писалъ сій образъ даревъ зографъ Михайло Малютинъ. На иконѣ Архангела Гавріила: труды государева иконописца Михаила Малютина, и на иконѣ Архангела Михаила: 188 государева иконописца Михаила Малютина. $\left(\text{кажд. } \frac{14}{126}\right)$. Очень хорошо писаны фряжскимъ письмомъ.

Кромѣ этихъ лучшихъ учениковъ Ушакова въ актахъ Оружейной Палаты сохранились свѣдѣнія и о многихъ другихъ, частію казенныхъ, или кормовыхъ, частію домашнихъ ученикахъ его. Такъ, въ

числѣ кормовыхъ 1668 года упоминаются здѣсь одновременно три ученика: Ѳедоръ Емельяновъ, Василій Ивановъ и Петръ Аѳанасьевъ.

Ѳедоръ Емельяновъ былъ крестьянинъ Воскресенскаго монастыря. Оставшись сиротою онъ былъ отданъ Никономъ патріархомъ въ устроенную имъ при монастырѣ школу, гдѣ между прочимъ учили и иконописи. На другой годъ по удаленіи Никона съ патріаршей каѳедры, царскимъ указомъ 22 дек. 1667 г. были взяты изъ Воскресенскаго монастыря въ Оружейную Палату, разныхъ дѣлъ мастеровые люди, русскіе и иноземцы, всего 31 человѣкъ. Десятерымъ изъ нихъ по размѣтному списку велѣно было остаться при Палатѣ, прочихъ отослали въ Приказъ Большаго Дворца и въ Пушкарскій Приказъ. Въ числѣ первыхъ десяти находился Ѳедоръ Емельяновъ. Изъ разспросныхъ рѣчей его оказалось, что оставшись послѣ отца своего, крестьянина Воскресенскаго монастыря, малолѣтнимъ онъ былъ взятъ, тому пошелъ уже восьмой годъ, Никономъ Патріархомъ въ школу, пятый уже, въ то время, годъ учился онъ иконописи, и писалъ иконы шестилистовыя. Упоминаются товарищи его, другіе иконописныхъ дѣлъ ученики Воскресенскаго монастыря: Василій и Петръ Поповы. Василій Поповъ тогда же былъ отданъ къ мастеру Ѳедору Козлову.

При поступленіи въ кормовые ученики Ѳедоръ Емельяновъ принесъ въ Оружейную Палату икону Спаса Вседержителя, которую свидѣтельствовалъ Симонъ Ушаковъ вмѣстѣ съ Степаномъ Резанцомъ, причемъ рѣшено было отнести иконописца въ третью статью кормовыхъ. Ѳедоръ Емельяновъ былъ отданъ Симону Ушакову доучиваться. Но не то было у него на умѣ. Ему хотѣлось скорѣй обзавестись хозяйствомъ. Онъ задумалъ жениться и взять тягло, что конечно совпадало и съ интересами монастыря, котораго онъ былъ крестьяниномъ. И вотъ 23-го октября 1668 года Воскресенскаго монастыря архимандритъ Акакій бьетъ челомъ государю о возвращеніи крестьянина Ѳедора Емельянова на его впустѣ лежащій участокъ, поясняя при этомъ, что хотя онъ и взятъ съ мастеровыми людьми, но что онъ былъ де только въ простыхъ работникахъ у иконописцевъ, теръ для нихъ краски. Того же года 1-го декабря сдѣланъ былъ о немъ запросъ мастеру. Симонъ Ушаковъ показалъ, что тотъ ученикъ его Ѳедоръ Емельяновъ учится у него воображенію не съ радѣніемъ, потому что сговорилъ жениться. А впредь будетъ ли онъ проченъ или нѣтъ, того не вѣдаетъ, авось будетъ; и онъ, Ѳедька, послѣ женитьбы, станетъ учиться и съ радѣніемъ А пишетъ онъ Ѳедька иконное воображеніе средняя, противъ товарищей своихъ, которые взяты съ нимъ же изъ Воскресенскаго монастыря.

Несмотря на такой повидимому довольно сочувственный отзывъ, рѣшеніе послѣдовало въ пользу монастыря, и 30 марта велѣно было Ѳедора Емельянова возвратить въ Воскресенскій монастырь, но съ вычетомъ того жалованья, которое получено имъ было въ приказѣ, сверхъ кормовыхъ, а именно: деньгами пяти рублей изъ Приказа Новыя Чети, натурою, двухъ чстей съ осьминою ржи и овса и двухъ пудовъ мяса свинаго. Онъ пробылъ въ казенныхъ ученикахъ Ушакова не болѣе одного года и вышелъ отъ мастера не доучившись.

Не удалось доучиться и другому кормовому ученику Ушакова, Василію Иванову, который скончался будучи еще въ ученикахъ, 15 апр. 1670 года.

Одновременно съ нимъ въ ученикахъ находился, какъ видно изъ прошеній о кормовыхъ, Петръ Аѳанасьевъ. Въ этихъ прошеніяхъ, часто коллективныхъ, они называются то учениками Симона Ушакова, то иконныхъ дѣлъ учениками, наконецъ учениками иконнаго художества. Петръ Аѳанасьевъ кончилъ ученье у Симона Ушакова и поступилъ въ жалованные мастера. Еще въ ученикахъ, онъ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Емельяновымъ, писалъ доски подъ сахарныя коврижки для государева двора, въ ноябрѣ 1668 года работалъ въ числѣ кормовыхъ, для государыни, въ сентябрѣ 1668 года, въ день получалъ по 2 алтына, въ 1670 году, наконецъ, состоялъ въ числѣ кормовыхъ учениковъ и въ 1671 и въ 1672 годахъ, въ числѣ другихъ иконописцевъ, писавшихъ по заказу, и исполнилъ образъ Иверскія, дскою противъ Корсунской, въ 1671 же году. Въ послѣдствіи занималъ онъ видное между мастерами мѣсто и именно, въ спискѣ кормоваго жалованья стоялъ выше Василья Леонтьева, даже выше знаменитаго Тихона Иванова. Въ 1675 году, вмѣстѣ съ Никифоромъ Бовыкинымъ и Филиппомъ Павловымъ, писалъ шахматныя доски для государя. Въ 1691 году получалъ жалованья 18 р. 31 алт. 4 деньги и кромѣ того хлѣбную дачу натурою. Изъ этихъ скудныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній еще не видно, какъ долго учился онъ у Ушакова, въ какой мѣрѣ обучился; но прямо прогля-

дываетъ, однако, общій всѣмъ ученикамъ Ушакова характеръ, и именно то важное для иконописца обстоятельство, что ученикъ его могъ заняться безъ различія всякимъ дѣломъ въ связи съ иконописною техникою, писать иконы и раскрашивать разнаго рода утвари изъ дерева. Разносторонность техническихъ свѣдѣній въ эту эпоху составляла едва ли не главную статью требованій.

Именнымъ царскимъ указомъ 20 марта 1679 года отданъ былъ въ ученье къ Симону Ушакову Аѳанасій Семеновъ, причемъ мастеру наказано было учить его иконному художеству съ радѣньемъ. До поступленія къ Ушакову, Аѳанасій Семеновъ уже былъ кормовымъ травщикомъ, получалъ жалованья по 2 алт. по 2 деньги въ день. Просился же онъ къ мастеру для того, чтобы доучиться иконному письму вполнѣ. Онъ былъ только орнаментистомъ и желалъ сдѣлаться иконописцемъ. Поступя къ Ушакову, онъ просилъ 1 апр. 1679 года о назначеніи кормовыхъ, противъ его братіи, учениковъ. Спрошенный вслѣдствіе этого учитель заявилъ, что ученикъ его Аѳонька травы знаменитъ собою и иконы починиваетъ, а государево жалованья, поденнаго денежнаго корму доведется ему учинить противъ красочныхъ терщиковъ, по 10 денегъ на день. Согласно тому и послѣдовало рѣшеніе 11 апр. 1679 года. Изъ другихъ актовъ, большею частію содержащихъ просьбы о выдачѣ кормовыхъ, видно, что онъ пребывалъ въ ученикахъ по крайней мѣрѣ въ теченіи двухъ лѣтъ. Въ этихъ актахъ съ челобитными онъ именуется обыкновенно Симона Ѳедорова сына Ушакова ученикъ Аѳонька Семеновъ, отданный доучиваться иконнаго письма. Онъ просилъ себѣ выдачи денегъ кормовыхъ, для скудости, впередъ, просилъ и добавочныхъ, на одежду, за многую работу и для бѣдности. По поводу поданнаго имъ такого рода прошенія 12 окт. 1681 года, гдѣ указывалъ онъ на другихъ учениковъ Ушакова, получавшихъ сверхъ кормоваго и на одежду, ему приказано было написать для образца икону. Онъ представилъ своего письма икону Богородицы Иверскія. Свидѣтельствуя эту икону и удостовѣряя письмо руки ученика своего, Симонъ Ушаковъ сказалъ: что и впредь ученикъ его иконное художество писать будетъ искуснѣе. Кромѣ Ушакова икону осматривалъ мастеръ Ѳедоръ Евтихѣевъ съ товарищи и объявилъ, что ученикъ Аѳанасій Семеновъ напишетъ иконное художество противъ жалованнаго иконописца Никифора Бовыкина. На основаніи такихъ заявленій, свидѣтельствовавшихъ о значительныхъ успѣхахъ въ иконописи, сдѣланныхъ ученикомъ, ему прибавлено было кормовыхъ на день по 6 денегъ къ прежнимъ 10 деньгамъ, и выданъ прибавочный кормъ на 1681 годъ. Дальнѣйшая исторія жизни и дѣятельности этого ученика намъ пока неизвѣстна.

Наконецъ, въ актахъ Оружейной Палаты упоминается еще одинъ кормовой ученикъ Ушакова— Василій Кузьминъ Молчановъ. Онъ поступилъ къ Ушакову по царскому указу 1 ноября 1681 года, а 13 декабря того же года просилъ о назначеніи кормоваго жалованья и для этого принесъ 26 января того же года въ Оружейную Палату образъ Богородицы Умиленія на шестилистовой дскѣ. Осматривая икону Симонъ Ушаковъ сказалъ, что образъ тотъ письма его Васькиной руки, а пишетъ онъ Васька иконное художество противъ иконнаго письма ученика Аѳоньки Семенова, какъ онъ Аѳонька писалъ у него Симона въ наученьи съ первыхъ лѣтъ и тотъ де Васька пишетъ нынѣ противъ того же. Такъ какъ по выпискѣ или наведеннымъ справкамъ оказалось, что Аѳанасій Семеновъ получалъ первое жалованье въ размѣрѣ 10 денегъ на день, а самый меньшій ученическій окладъ былъ 6 денегъ на день; то Василію Кузьмину назначено 8 денегъ на день съ 4 марта 1681 года. Дальнѣйшая судьба его намъ также неизвѣстна.

Не слѣдуетъ забывать, что потребность въ царскихъ иконописцахъ въ послѣдніе годы XVII-го столѣтія стала уменьшаться, штатъ ихъ сокращенъ, и затѣмъ, въ царствованіе Петра Великаго и совершенно упраздненъ. Многіе изъ учениковъ Ушакова не могли уже поступить въ жалованные мастера, а потому и свѣдѣнія о нихъ въ актахъ Палаты не сохранились. Не имѣя надобности въ службѣ, они могли продолжать свои занятія въ собственныхъ мастерскихъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Свѣдѣній о нихъ надо ожидать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій по памятникамъ русской иконописи, разсѣяннымъ по разнымъ концамъ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія что при этомъ откроется еще много иконъ съ подписями именъ мастеровъ и разъяснятся многіе, нетронутые еще вопросы по иконописи; найдется, надо ожидать, кое-что и для исторіи школы Ушакова.

Владѣя даже такимъ, въ сущности далеко не полнымъ, запасомъ свѣдѣній объ ученикахъ Уша-

кова, мы уже въ настоящее время приходимъ къ положительнымъ результатамъ въ пользу значенія нашего мастера и его вліянія на современную ему школу. У него было много учениковъ даже ка зенныхъ, кормовыхъ, которымъ онъ, такъ сказать, по обязанности службы, передавалъ свои знанія, и передавалъ ихъ съ такою добросовѣстностью, что успѣлъ образовать изъ нихъ отличнѣйшихъ мастеровъ своего времени, какъ напр. Михаила Милютина. Чего же надо ожидать послѣ этого отъ его заботъ о домашнихъ ученикахъ, когда самый прямой интересъ какъ ихъ, такъ и учителя долженъ былъ очевидно клониться въ пользу достиженія отъ обученья возможно лучшихъ результатовъ. И теперь къ хорошему мастеру стремятся лучшіе ученики, и теперь прямая выгода мастера научить побольше и поскорѣе живущаго въ ученикахъ извѣстный срокъ юношу, чтобы воспользоваться по мѣрѣ возможности его работою. А у хорошаго мастера и работа бываетъ хорошая, и бываетъ ея всегда больше. Ясно, что Ушаковъ имѣлъ много домашнихъ учениковъ, что въ числѣ ихъ были люди дѣльные, усвоившіе какъ его взглядъ на искусство, такъ и его технику. Одного изъ такихъ учениковъ нашли мы въ надписи на иконѣ во Флорищевой пустынѣ, о другихъ нѣсколько извѣстій сообщили и представимъ еще изъ собранныхъ нами документовъ Оружейной Палаты.

По смерти Ушакова, 30-го окт. 1694 года, просился въ жалованные мастера, на убылой окладъ умершаго 18-го окт. иконописца Тимоѳея Резанца, иконописецъ Петръ Семеновъ. Въ поданной государямъ, Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, челобитной объявлялъ онъ, что работаетъ всякія иконописныя дѣла и стѣнныя письма, и знаменитъ съ своею братьею иконописцами въ равенствѣ, а учился тому иконному художеству у Симона Ушакова. Ему приказали, по обычаю, принесть, для свидѣтельства мастерства его, икону. Онъ представилъ шестилистовую икону Богородицы Страстныя. Свидѣтельствовали ее лучшіе въ то время мастера Тихонъ Ивановъ, Кирило Ивановъ и Георгій Терентьевъ и нашли, что иконописецъ Петръ Семеновъ пишетъ иконное воображеніе противъ Оружейной Палаты иконописца Петра Ѳедорова, какъ увидимъ также ученика Ушакова. И вотъ, по свидѣтельству, святыхъ иконъ воображенья его, Петрова, добраго мастерства, приказано приверстать его въ жалованные иконописцы и денежный и хлѣбный окладъ умершаго иконописца Тимоѳея Резанца Петру справить и давать съ своею братьею вмѣстѣ, привести къ вѣрѣ и собрать по немъ поручную запись. Но несмотря на всѣ строгости такихъ записей, онъ съ 13 апр. у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ никогда не бывалъ и по многимъ посылкамъ изъ Оружейной Палаты, по сыскнымъ памятямъ не сысканъ, а самъ въ Оружейную Палату съ того числа не являвался. Онъ сдѣлался жалованнымъ иконописцемъ 3-го ноября 1694 года съ окладомъ 20 р. 31 алт. 4 денг., получилъ жалованье за 1694 годъ и за тѣмъ извѣстій о немъ нѣтъ въ бумагахъ Оружейной Палаты. Быть можетъ онъ пожелалъ оставить службу и перебрался въ другой городъ.

Въ 1678 году Симонъ Ушаковъ съ другими жалованными иконописцами подалъ царю Ѳедору Алексѣевичу челобитную, въ которой просилъ, для успѣшнаго исполненія многихъ государевыхъ иконописныхъ работъ, замѣстить открывшіяся за смертію товарищей вакансіи или убылые оклады новыми добрыми мастерами. По собраннымъ по этому поводу справкамъ оказалось, что въ Москвѣ у Симона Ушакова, въ ученикахъ, находятся отличнѣйшіе иконописцы. Симоновы ученики, живутъ на Москвѣ: Илья Филиповъ, Ларіонъ Сергѣевъ, Петръ Ѳедоровъ. И про тѣхъ жалованные иконописцы Симонъ Ушаковъ съ товарищи сказали, по евангельской заповѣди: тѣ иконописцы иконописное письмо пишутъ самое доброе мастерство. Такого рода случайно отысканные нами факты бросаютъ довольно яркій свѣтъ на дѣятельность школы Ушакова, хотя бы не сохранилось вовсе дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ ученикахъ. Но мы можемъ и здѣсь частію пополнить ихъ новыми фактами.

Илья Филипповъ и Илларіонъ Сергѣевъ состояли въ кормовыхъ, работавшихъ въ февралѣ и мартѣ 1679 года иконостасныя иконы въ церковь Іоанна Бѣлгородскаго на государевомъ дворѣ. Оба они получили дворовыя мѣста у Сергуховскихъ воротъ, въ Иконной слободѣ, отведенной, по указу царя Ѳеодора Алексѣевича, иногороднимъ иконописцамъ, съ цѣлію упрочить послѣднихъ съ ихъ семьями и заводами навсегда къ Москвѣ.

Илларіонъ Сергѣевъ расписывалъ въ 1680 году съ другими иконописцами стѣны Верхоспас-

ской церкви, при поновленіи ихъ масляными красками. Проработавъ долгое время въ числѣ кормовыхъ, въ 1691 году просился онъ въ жалованные, на убилой окладъ умершаго иконописца Никифора Бовыкина, причемъ заявилъ, что мастерство его свидѣтельствовано. А у выписки жалованные иконописцы Тихонъ Ивановъ, Георгій Терентьевъ, Петръ Ѳедоровъ, смотря его Ларіонова мастерства образъ Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго сказали, что пишетъ де онъ Ларіонъ иконопись художество крупное и мелочное, мастерствомъ противъ умершаго иконописца Никифора Бовыкина въ равенствѣ. Ему приказано быть на убылое мѣсто въ иконописцы съ жалованьемъ 18 р. 31 алт. 4 ден. и кромѣ того корма натурою по 7 четей безъ полуосьмины хлѣба, ржи и овса.

Петръ Ѳедоровъ поступилъ также сначала, въ 1678 г., въ кормовые первой статьи, и такимъ является въ актахъ 1680, на работѣ стѣнописи у западныхъ дверей Успенскаго собора, въ Верхоспасской церкви и въ 1683 году въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Произведенъ въ жалованные мастера въ 1688 году, одновременно съ знаменитѣйшимъ въ послѣдствіи мастеромъ Кирилломъ Улановымъ и на одинаковомъ съ нимъ окладѣ—33 р. 8 алт. 2 ден. Въ 1689 году, вмѣстѣ съ другими жалованными мастерами просилъ выдачи жалованья по случаю пожарнаго конечнаго разоренія. Въ 1690 году ему было велѣно писать съ двумя лучшими мастерами къ свѣтлому празднику тридцать яицъ разными цвѣтными красками по красному золоту. Въ 1691 году онъ писалъ по наряду въ Петровскій монастырь праздничныя иконы Благовѣщенія и Рождества Христова, съ золотыми пробѣлами. Въ 1695 году ему поручено было написать вновь, вмѣсто стараго, настѣнный образъ покрова Богородицы на Пречистенскихъ вратахъ, за Бѣлымъ городомъ. Въ іюлѣ 1697 года вышелъ приказъ: Въ Воздвиженскомъ монастырѣ, что̀ на Знаменкѣ, слица на церкви Воздвиженія честнаго и животворящаго креста на южной странѣ, надъ дверьми, написать стѣннымъ иконописнымъ письмомъ Распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въ предстояніи у креста, образы: Пресвятыя Богородицы и Іоанна Богослова, Маріи Магдалины, Логина Сотника, вверху креста, образъ Господа Саваоѳа, по-сторонь креста: два ангела держатъ въ рукахъ страсти, крестъ, копіе, трость. А что для того письма надобно золота и красокъ и иныхъ всякихъ припасовъ, и о томъ Оружейной Палаты у жалованныхъ иконописцевъ, кому стѣнное иконописное письмо заобычно, взять смѣту за рукою. Исполненіе этого серьезнаго заказа возложено было сполна на Петра Ѳедорова. Не менѣе важное порученіе возложено было на него еще въ мартѣ того же года, хотя на этотъ разъ и не по стѣнной живописи. По указу царя Петра Алексѣевича мама Прасковья Алексѣевна Нарышкина приказала написать въ хоромы великаго государя благороднаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, на одной дскѣ образы: св. Амвросія, епископа Медіоланскаго, Василія Исповѣдника Парійскаго, св. мученика Памфилы, св. Анастасіи Узорѣшительницы, св. мученика Марина, св. мученицы Евгеніи, Іоанна Дамаскина. А мѣрою доску сдѣлать въ вышину полпята вершка, шириною полчетверти вершка сыто... А написать тѣхъ святыхъ на той дскѣ иконописцу Петру Ѳедорову разными красками, ризы пробѣлять творенымъ золотомъ. Самый размѣръ дски указываетъ ясно на характеръ иконы. Это была миніатюра по дереву. Если сравнить послѣдній заказъ съ предыдущими, то получимъ несомнѣнное, неоспоримое тому доказательство, что Петръ Ѳедоровъ въ одинаковой степени былъ хорошій мастеръ какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ письмѣ.

И не онъ одинъ былъ такъ разностороненъ въ своей спеціальности. Можно утверждать положительно, что всѣ ученики вышедшіе изъ школы Ушакова были такими. Общее, художественное образованіе самаго широкаго размѣра, насколько оно возможно было для русскаго иконописца XVII вѣка, получалось только въ школѣ Ушакова. И только этимъ можно объяснить себѣ желанія иконописцевъ поступать въ ученики Ушакова, съ цѣлію доучиваться. Къ нему стремились люди разныхъ сословій: крестьяне, иногородные посадскіе люди, сыновья священниковъ и иноземцы. Они приносили въ мастерскую его пріуготовительныя свѣдѣнія по извѣстной спеціальности иконописи. Были или личниками, или травщиками. И вотъ, пробывъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, они выходили вполнѣ готовыми иконописцами по всѣмъ отраслямъ. Они дѣлались добрыми мастерами, писали самое доброе мастерство и крупное и мелочное, а главное, пріобрѣтали самостоятельность, пріученные къ самодѣятельности они могли знаменить собою, т. е., не въ примѣръ другимъ ико-

нописцамъ того времени, могли писать отъ самопомышленія. Они писали иконы и персоны, работали по Подлинникамъ и съ натуры, писали миніатюры въ рукописяхъ, писали и разцвѣчивали различную утварь, расписывали стѣны фресками и масляными красками. Все имъ было заобычно, они работали въ разныхъ стиляхъ, по желанію и требованію закащиковъ. Писали для консервативныхъ грековъ, писали для прогрессивной Малороссіи. Главный, самый характерный стиль иконописи ими усвоенный былъ, очевидно, стиль выработанный самимъ мастеромъ. Значеніе школы Ушаковской въ этомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію. Произведенія учениковъ Ушакова до такой степени проникнуты характеромъ учителя, что ихъ безъ труда можно отличить знакомому съ дѣломъ изслѣдователю. Это замѣчено еще въ XVII вѣкѣ, и потому при свидѣтельствѣ поступавшихъ въ жалованные мастера и при оцѣнкѣ кто противъ кого пишетъ, нерѣдко встрѣчаются имена двухъ учениковъ его, приводимыхъ въ соотвѣтствіе. То же открыто и въ настоящее время, при первыхъ попыткахъ опредѣленія школъ иконописи. Ученики Ушакова до того дорожили честью этого названія, что удерживали его въ оффиціальныхъ даже актахъ долгое время послѣ выхода изъ ученья и вступленія въ жалованные мастера Оружейной Палаты. Выучиться въ мастерской Ушакова значило кончить курсъ ученья въ высшей того времени школѣ иконописи. Много изъ учениковъ его, поступившихъ въ жалованные мастера, пользовались видным положеніемъ между царскими иконописцами. Имъ поручались важнѣйшіе заказы и, какъ болѣе развитымъ и всегда грамотнымъ, составленіе смѣтъ на работы, досмотръ за другими иконописцами, свидѣтельство работъ. Въ мастерской Ушакова сталкивались они съ людьми различныхъ убѣжденій, положеній, съ духовенствомъ и съ заѣзжими иностранными художниками, видѣли здѣсь безъ сомнѣнія самый богатый запасъ собранныхъ какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ рисунковъ, слышали и разсужденія и бесѣды по части художествъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ сохранились воспоминанія въ посланіи зографа Іосифа. Словомъ, въ этой школѣ образовались самые развитые для того времени иконописцы. Какъ добрый мастеръ, Ушаковъ, какъ видно, надѣлялъ своихъ учениковъ охотно добытыми имъ съ большимъ трудомъ свѣдѣніями. Не скрывалъ отъ нихъ, подобно многимъ другимъ иконописцамъ, изъ опасенія конкурренціи, своихъ разносторонніхъ знаній въ техникѣ и въ теоріи иконописи. Ученики его разносили пріобрѣтенныя свѣдѣнія по городамъ Россіи. Они умѣли поддержать достоинство иконописи и во время страшной ломки народнаго искусства. Они умѣли чтить память мастера, съ благоговѣніемъ къ старинѣ и вмѣстѣ съ свободою относившагося къ иконописи. Пріобрѣтенныя ими познанія передали они въ свою очередь своимъ ученикамъ.

Значеніе художественной дѣятельности Симона Ушакова.

Мы окончили предпринятую нами задачу. Чтобы познакомиться сколько-нибудь съ художественною дѣятельностью древней Россіи въ лицѣ одного изъ замѣчательныхъ представителей ея въ XVII вѣкѣ мы старались собрать въ хронологической связи всѣ извѣстные намъ факты изъ біографіи царскаго иконописца Симона Ушакова. При этомъ, драгоцѣнные и неизданные документы Оружейной Палаты пополнили мы посильнымъ описаніемъ еще болѣе драгоцѣнныхъ, неизданныхъ произведеній знаменитаго мастера. Такимъ образомъ желали мы подготовить матеріалъ для оцѣнки дѣятельности Симона Ушакова, чтобы тѣмъ хотя сколько-нибудь освѣтить темную исторію искусства въ Россіи. Но, какъ ни важны собранные нами документы, надо сознаться, что по своему оффиціальному характеру они болѣе служатъ къ оцѣнкѣ внѣшней дѣятельности царскаго иконописца, чѣмъ внутренней, русскаго мастера XVII вѣка. Самая оцѣнка произведеній Ушакова, возможная лишь при сравнительномъ изученіи современныхъ ему работъ другихъ мастеровъ, крайне затруднительна при настоящемъ положеніи русской археологіи, почти ничего не сдѣлавшей для подобнаго рода сравнительнаго изученія. Вообще, собранные нами доселѣ матеріалы для біографіи Симона Ушакова даютъ слишкомъ общіе результаты. Мы видимъ изъ нихъ, что Ушаковъ стоялъ во главѣ иконописцевъ современной ему эпохи, что онъ оставилъ потомству замѣчательныя произведенія иконописи, образовалъ много учениковъ. Но какое значеніе имѣла дѣятельность Ушакова въ данную эпоху, и имѣетъ ли нашъ мастеръ право на имя

въ исторіи? Вопросы эти рѣшить было бы трудно, еслибы на помощь не подошло одно современное Ушакову литературное произведеніе, написанное подъ очевиднымъ вліяніемъ его художественной и мыслительной дѣятельности. Мы разумѣемъ посланіе къ Ушакову его товарища и сотрудника иконописца Іосифа, извѣстное подъ названіемъ: О премудрой майстротѣ живописующихъ. Знакомствомъ съ этимъ произведеніемъ обязаны мы исключительно Ѳ. И. Буслаеву, одному изъ первыхъ цѣнителей древне-русскаго искусства и литературы, который изложилъ подробно содержаніе его по неизданной и едва ли не единственной этого содержанія рукописи, хранящейся въ библіотекѣ гр. А. С. Уварова. Изъ прекрасной статьи г. Буслаева Русская эстетика XVII вѣка узнали мы что домъ Симона Ушакова, въ Китаѣ-Городѣ, былъ истиннымъ центромъ движенія Русской иконописи, что въ немъ велись серьезныя бесѣды объ искусствѣ, рѣшались задачи современнаго искусства. Одна изъ такихъ бесѣдъ, въ которую случайно вмѣшался какой-то мало развитый, отсталый сербскій архидіаконъ Іоаннъ Плѣшковичъ, послужила поводомъ къ любопытнѣйшему посланію зографа Іосифа, посвященному его почтенному сотруднику Симону Ѳедоровичу. Предоставляя желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ посланіемъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи г. Буслаева мы съ своей стороны постараемся разсмотрѣть здѣсь лишь нѣкоторые относящіеся къ нашему дѣлу вопросы, и, прежде всего, объ авторѣ посланія.

Зографъ или Изографъ Іосифъ, какъ уже замѣчено нами прежде, должно быть одно лицо съ извѣстнымъ иконописцемъ Осипомъ Владиміровымъ. Первое имя съ греческимъ дополненіемъ, означающимъ въ буквальномъ переводѣ на русскій, живописца и употреблявшимся, по временамъ, самимъ Ушаковымъ, выставлялъ иконописецъ на своихъ произведеніяхъ, вторымъ именемъ называли его въ оффиціальныхъ актахъ Оружейной Палаты. Это очевидно, между прочимъ, и изъ приводимаго Сахаровымъ изображенія Нерукотвореннаго Спаса, гравированнаго въ 1663 году, въ Вѣнѣ, съ надписью: Списано московскимъ изографомъ Іосифомъ Владиміровымъ; равно какъ и изъ изданной въ Матеріалахъ для исторіи иконописи сказки иконописцевъ 1660 года, гдѣ, въ числѣ Ярославскихъ иконниковъ первымъ, помѣщенъ Осипъ Владиміровъ, и при имени его сдѣлана отмѣтка: „на Москвѣ, живетъ у Симона Ушакова“. Отсюда ясно, что встрѣчающіяся въ исчисленіи русскихъ иконописцевъ, приложенномъ къ исторіи русскихъ школъ иконописанія три различныя имени — Владиміровъ Іосифъ, Володиміровъ Осипъ, наконецъ Іосифъ Изографъ, принадлежатъ одному и тому же лицу, Ярославскому иконописцу, жившему въ домѣ Симона Ушакова и посвятившему ему свое посланіе. Изъ актовъ Оружейной Палаты видно, что въ началѣ 1644 года онъ получилъ царское жалованье за участіе въ работахъ у стѣнописи Московскаго Успенскаго собора; въ 1659 году онъ росписывалъ внутренность Ростовскаго собора, въ 1660 году снова работалъ въ Москвѣ, въ числѣ кормовыхъ первой статьи, то въ Успенскомъ, то въ Архангельскомъ соборѣ, работалъ и въ знаменщикахъ Печатнаго двора, гдѣ находился и въ 1664 году вмѣстѣ съ другими иконописцами. Вѣроятно, къ этому времени и относится его посланіе. По крайней мѣрѣ позже появленіе его не можетъ быть допущено уже потому, что Никонъ упоминается тутъ еще патріархомъ и въ полной силѣ. Г. Ровинскій приводитъ икону Благовѣщенія 1626 года съ надписью изографа Іосифа (см. Истор. руск. шк. икон. 42) съ пробѣленными золотомъ ризами и полатами. Если икона писана дѣйствительно этимъ самымъ сотрудникомъ Ушакова, что подтверждается отсутствіемъ другаго изографа Іосифа, то этимъ окончательно устраняется возможность, чтитать его ученикомъ Ушакова, Іосифъ Владиміровъ годился бы въ отцы Ушакову.

Посланіе достойнаго сотрудника Симона Ушакова вводитъ насъ въ кругъ идей одушевлявшихъ лучшихъ современныхъ иконописцевъ, группировавшихся около великаго мастера. И именно это послѣднее обстоятельство, то есть, непосредственное отношеніе всей теоріи посланія къ художественной дѣятельности Ушакова, какъ къ своему источнику, придаетъ этому посланію особую цѣну, капитальное значеніе. Оно направлено въ пользу улучшеній въ иконописи и противъ ея застоя, накопившагося вѣками и до того переполнившагося въ XVII столѣтіи, что оставалось одно изъ двухъ — или дать этому застою окончательный перевѣсъ, или искоренить его окончательно. Въ первомъ случаѣ искусство обрекалось въ жертву восточной неподвижности, во второмъ оно должно было уступить вліянію западнаго прогресса. Среди такихъ крайностей выборъ, разумѣется, долженъ былъ пасть въ

пользу послѣдняго. И вотъ, художественный трактатъ Іосифа проникнутъ новымъ, дотолѣ невѣдомымъ теплымъ, но, въ то же время, разумнымъ сочувствіемъ русскаго иконописца къ западной живописи. Съ другой стороны, Іосифъ ведетъ ожесточенную, систематическую борьбу противъ загрубѣлыхъ понятій въ дѣлѣ народнаго церковнаго искусства. Теорія его далеко не замысловата: она не требуетъ насильственныхъ переломовъ, но основана на логическихъ выводахъ, имѣющихъ силу закона для всякаго времени. Замѣчательно, что, не разрушая древняго зданія, даже силясь укрѣпиться на немъ, народное русское искусство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей XVII вѣка стремилось отыскать новыя начала и сумѣло найти выходъ изъ трудной дилеммы представлявшейся ему въ современности. Понятно, что при однихъ собственныхъ средствахъ развитія, безъ прямыхъ руководителей, безъ хорошихъ образцовъ нельзя было сдѣлать многаго, довольно и того что̀ сдѣлано; и потомство съ признательностью должно относиться къ честнымъ и полезнымъ трудамъ такихъ личностей, каковъ былъ Симонъ Ушаковъ и ближайшій сотрудникъ его Осипъ Владиміровъ. Какъ ни медленно двигалось церковное искусство въ Россіи на пути прогресса, всё-таки отказать ему во всякомъ движеніи было бы крайне несправедливо. Лучшимъ тому основаніемъ для второй половины XVII вѣка должно служить то же посланіе изографа Іосифа, представляющее самые свѣтлые моменты въ развитіи художественныхъ идей древней Россіи и свидѣтельствующее въ свою очередь въ пользу прочности тѣхъ улучшеній, которыя предприняты были въ иконописи разумными трудами Ушакова съ братіею. Въ этомъ посланіи Іосифа мы видимъ полное теоретическое оправданіе всей практической дѣятельности Ушакова.

Твердый въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, исполненный самаго искренняго благочестія, авторъ посланія, русскій иконописецъ и критикъ искусства не могъ глубоко не возмущаться невѣжественными и противу-художественными предразсудками, накопившимися въ церковномъ и народномъ искусствѣ. И вотъ онъ съ одинаковою силою возстаетъ какъ противъ грубыхъ ремесленниковъ, развращающихъ убѣжденія и вкусъ простаго народа своими дешевыми, плохими произведеніями, выдаваемыми за исключительно православныя, такъ и противъ отсталыхъ лжеучителей въ родѣ Іоанна Плѣшковича съ братіею, клеймившихъ грѣхомъ и соблазномъ всякаго рода проявленіе природы и красоты въ иконописи. Твердыя основанія этого замѣчательнаго и по времени перваго въ Россіи эстетическаго трактата, вполнѣ примѣнимыя въ тѣхъ же вопросахъ и теперь, для періода появленія сьоего должны были казаться крайне прогрессивными, выдающимися и не объяснимыми ничѣмъ инымъ кромѣ того сильнаго и непосредственнаго вліянія Запада, которому подвергался русскій иконописецъ въ царской мастерской палатѣ XVII вѣка.

Въ произведеніяхъ иконописи предшествующаго Ушакову періода преобладала заслоняющая природу условность, проявлявшаяся какъ въ однообразіи типовъ, такъ и въ однообразіи колорита. Святые извѣстной категоріи представлялись, на основаніи преданія и иконописныхъ Подлинниковъ, условными чертами; и такими же условными, неестественными красками изображались и лица святыхъ и все доличное. По самому служебному характеру церковнаго искусства, по самой тѣсной задачѣ иконописи не чувствовалось особой потребности въ природѣ, а слѣдовательно и въ красотѣ. Ушаковъ первый взглянулъ на иконопись какъ на искусство. Дѣятельность его здѣсь была направлена, съ одной стороны, чтобы придать каждому типу, или вѣрнѣе каждому лицу опредѣленнаго типа, индивидуальный характеръ, и затѣмъ чтобы лица и природу выражать соотвѣтствующими красками. Всего болѣе замѣтно такое стремленіе, на нашъ взглядъ, въ иконѣ Владимірской съ Московскимъ угодниками, изъ числа миніатюрныхъ изображеній и въ клеймахъ съ Отцами церкви, изъ крупныхъ; менѣе всего видно это, изъ сохранившихся его произведеній, въ повтореніяхъ иконы Нерукотвореннаго Спаса или Святаго Убруса, потому ли что послѣднія иконы подвергались реставраціямъ неискусныхъ мастеровъ, и изгладились въ нихъ оттѣнки мастерства Ушакова, или потому, что мастеръ былъ болѣе связанъ здѣсь традиціонными тенденціями, или, наконецъ, ему труднѣе было справиться съ такою задачею.

Какъ же относится къ этимъ улучшеніямъ, которыя не могли скрыться отъ глазъ товарища Ушакова, о которыхъ не разъ толковали они вмѣстѣ, авторъ посланія? Словно оправдывая въ этихъ нововведеніяхъ Ушакова, зографъ Іосифъ выставляетъ на видъ слѣдующее. Не весь родъ человѣче-

скій созданъ на одно лицо, не всѣ святые имѣли смуглыя и тощія лица. Задача иконописи изображать черты индивидуальныя, портретныя. Если нѣкоторые изъ числа святыхъ и были при жизни лишены, вслѣдствіе небреженія тѣла, здороваго человѣческаго вида, то, по смерти, удостоенные вѣнца праведниковъ они должны были измѣнить свой темный видъ на свѣтлый и ясный; такъ какъ святости приличествуетъ свѣтъ на столько же, какъ грѣху темнота, мрачный видъ. Задача иконописи изображать святыню. Въ этихъ словахъ Іосифа мы находимъ ясные намеки на идеализацію. Задача иконописи дѣйствительно понималась въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ такимъ образомъ: изображать портретныя черты мужей и женъ заслужившихъ предъ церковью и удостоенныхъ вѣнца святости, изображать идеалы христіанства.

Наконецъ, продолжаетъ Іосифъ, многіе святые, какъ достовѣрно извѣстно, были и при жизни красоты необыкновенной. Не изображать же и ихъ темноликими. Правда, говоритъ онъ, что за изображенія темныя стоитъ старина, преданье; но вѣдь не подчиниться же истинѣ такимъ страшнымъ требованіямъ древности. Древность завѣщала намъ добрый матеріалъ въ руководствахъ составленныхъ иконописцами, въ иконописныхъ Подлинникахъ; но Подлинники не представляютъ безусловныхъ, окончательныхъ рѣшеній и требуютъ еще болѣе точныхъ соображеній, провѣрокъ, сличеній и критической оцѣнки. На сколько подобнаго рода воззрѣніе, съ одной стороны, было смѣло, можно видѣть изъ того, что Подлинники для того времени составляли единственную почти точку опоры русской иконописи; на сколько же вѣрно — это видно изъ того, что упоминаемой критической работѣ надъ Подлинниками понадобилось осуществиться уже въ XVII вѣкѣ, а въ XVIII приведена она къ окончанію. Не менѣе смѣлыя и столько же вѣрныя идеи воодушевляли автора — иконописца и относительно иностраннаго вліянія. Нисколько не стѣсняясь старыми обычаями высказываетъ онъ полнѣйшее сочувствіе къ хорошему иноземному. Западъ, говоритъ онъ, давно уже опередилъ насъ въ художественномъ просвѣщеніи, и намъ нельзя обойтись безъ подражанія ему въ усовершенствованіи техники и въ представленіи историческихъ личностей въ видѣ живыхъ существъ, съ живства, согласно натурѣ, а не съ условными и противухудожественными пріемами. Въ подтвержденіе своей теоріи необходимаго подражанія природѣ и западному искусству онъ предлагаетъ такого рода вопросы: остался ли бы доволенъ царь русскій, еслибы кто изъ его подданныхъ представилъ ему портретъ написанный въ крайнемъ искаженіи или еслибы кто дерзнулъ не принять съ честію хорошо писаннаго иностранцемъ царскаго портрета, страшнѣе искажать черты и не воздавать чести Царю небесному. Мало ли, говоритъ онъ, произведеній церковнаго обихода завезенныхъ къ намъ съ Востока и съ Запада не православныхъ, но употребляемыхъ наряду съ православною утварью, каковы напр. церковныя облаченія. Въ сочувствіи своемъ къ Западу онъ опирается на авторитетъ Никона патріарха, принимающаго отовсюду все хорошее и отвергающаго и русское, національное, если оно невѣжественно. Вообще теорія нашего иконописца — критика въ этомъ вопросѣ такова: Если невѣрный дѣлаетъ хорошо, то дѣлу на славу, если и русскій да плохо, то въ поруганіе. Чтобы судить, въ какой мѣрѣ теорія эта смѣла была для XVII вѣка, не мѣшаетъ припомнить, что въ XVI вѣкѣ на стоглавомъ соборѣ было порѣшено иконъ отъ иновѣрцевъ не принимать, считать ихъ неправославными. Нѣтъ сомнѣнія, что во времена Ушакова для большинства рѣшеніе это имѣло еще законную силу. Между тѣмъ школа Ушаковская открыто высказывалась, что не однимъ русскимъ дано писать иконы.

Не менѣе замѣчательна рѣчь иконописца о красотѣ и природѣ, направленная противъ грубаго и невѣжественнаго матеріализма, соблазнявшагося проявленіемъ красоты и природы въ иконахъ; рѣчь эта дышетъ глубокою наивностью и непритворнымъ цѣломудреннымъ чувствомъ. До Ушакова мало думали объ изображеніи красоты; его современники считали еще грѣховнымъ соблазномъ изображать Богоматерь въ видѣ прекрасной дѣвы. Свободнѣе относясь и въ этомъ вопросѣ Ушаковъ силился придать неестественному и неподвижному типу иконописной Богоматери естество и выраженіе, какъ мы видимъ то въ его иконѣ Владимірской съ Московскими угодниками. Та же естественность въ изображеніи Отцевъ церкви. Понятно, что все это не вполнѣ могло быть достигнуто однимъ человѣкомъ и съ одного разу. Достаточно того, что были заявлены разумныя попытки, оправданныя теоретически Іосифомъ.

При внимательномъ изученіи излагаемой посланіемъ Іосифа теоріи и при сравненіи ея съ началами, выработанными искусствомъ въ древней Россіи, между тѣмъ и другимъ мы не находимъ ничего общаго и приходимъ къ тому заключенію, что въ половинѣ XVII вѣка въ развитіи художественныхъ идей произошла существенная перемѣна. Задаваясь новыми идеалами искусство стало искать новыхъ путей; и ближе выяснилась задача иконописи, какъ искусства, когда здѣсь, вмѣсто условныхъ и аскетическихъ воззрѣній, явилась потребность въ природѣ и красотѣ, высказалось прямое сочувствіе къ западнымъ образцамъ. Кто же бы могъ произвести подобный переворотъ въ области церковнаго искусства. Конечно не Іосифъ Владиміровъ, самъ по себѣ далеко не изъ первыхъ мастеровъ своего времени. Еслибы не сохранилось даже произведеній Симона Ушакова, выступающихъ изъ ряда всего извѣстнаго намъ въ древней Россіи, то и тогда, по однимъ дошедшимъ до насъ указаніямъ о значеніи этого мастера въ современную ему эпоху, мы бы имѣли полное право въ немъ искать главную причину новаго движенія, какъ въ замѣчательнѣйшемъ представителѣ искусства по своему положенію находившемся въ постоянныхъ сношеніяхъ какъ съ лучшими русскими людьми современной эпохи такъ и съ иностранцами, проживавшими въ то время въ Россіи. Сохранившіяся же произведенія Ушакова, какъ мы видѣли, находятся въ ближайшей связи съ новою теоріею посланія, которое безъ нихъ было бы для насъ явленіемъ непонятнымъ. И авторъ посланія, посвящая трудъ свой великому мастеру, безъ сомнѣнія тѣмъ самымъ искалъ придать этому труду болѣе значенія въ глазахъ современниковъ. Освящая свое посланіе именемъ Симона Ушакова, авторъ въ то же время ясно высказываетъ непосредственное участіе въ немъ самого мастера. Во всякомъ случаѣ сочиненіе это, образующее эпоху въ церковномъ искусствѣ есть результатъ постоянныхъ совѣщаній и продолжительныхъ бесѣдъ между лицами спеціально заинтересованными существенными для того времени вопросами, и нельзя сомнѣваться, что Ушакову въ этихъ бесѣдахъ, какъ самому развитому изъ современныхъ иконописцевъ, принадлежала роль наставника, руководителя. Возникшее подъ непосредственнымъ вліяніемъ Ушакова посланіе не могло быть явленіемъ изолированнымъ, безъ органической связи съ прошедшимъ и будущимъ древне-русскаго искусства. Теорія имъ выработанная должна была сказаться въ основанной Ушаковымъ школѣ русской иконописи.

Какое же значеніе имѣла дѣятельность Симона Ушакова? Стяжалъ ли онъ себѣ право на имя въ исторіи? Стóитъ ли, наконецъ, тратить время на собираніе матеріаловъ для его біографіи? На подобные вопросы, весьма впрочемъ естественные, какъ со стороны малоцѣнящихъ всѣмъ отечественнымъ, такъ и со стороны мало знакомыхъ съ археологіею вообще, отвѣтимъ мы тѣмъ, чѣмъ начали статью свою. Пока существуетъ потребность въ наукѣ русской исторіи, не можетъ быть сомнѣнія въ необходимости историческаго изученія внутренней художественной дѣятельности нашего отечества, каковы бы ни были проявленія этой дѣятельности въ различные періоды. При всей своей съ перваго взгляда посредственности, кажущейся неподвижности и относительной отсталости, искусство въ древней Руси, какъ и повсюду, имѣло свои задачи, свои стремленія и идеалы, имѣло, наконецъ, своихъ представителей. Замѣчательнѣйшимъ представителемъ иконописи, какъ русскаго церковнаго и народнаго искусства, для второй половины XVII вѣка, преимущественно же для царствованія царя Алексѣя Михайловича, былъ именно Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ. Мы имѣемъ право сказать это, несмотря на всю неразработанность русской археологіи; потому что намъ извѣстно, хотя отчасти, положеніе иконописи въ эпоху предшествовавшую Ушакову, извѣстно и то, что̀ принесла въ данную эпоху и личная его дѣятельность.

Предшественники Ушакова смотрѣли на иконопись какъ на церковное ремесло. Связанные установившимися правилами, преданіями, и мало развитые они не въ силахъ были отрѣшиться отъ старыхъ формъ, не смѣли свободно относиться ни къ природѣ, которую знали только въ условныхъ формахъ, ни къ западнымъ образцамъ, которые считались грѣховными. Ушаковъ первый посмотрѣлъ на иконопись, какъ на искусство, отнесся свободнѣе и къ природѣ и къ западнымъ образцамъ. Но воспитанный въ строгихъ началахъ древне-русскаго православія и лишь самобытнымъ путемъ развитія дошедшій до здравыхъ пониманій въ искусствѣ, онъ, сдѣлавшись художникомъ, какъ русскій человѣкъ XVII вѣка, оставался иконописцемъ. Въ рукахъ своихъ держалъ онъ твердо кормило русской иконописи, какъ народнаго и церковнаго искусства. Онъ сдѣлалъ для иконописи все, что только

былъ въ силахъ сдѣлать русскій человѣкъ современной эпохи. Большаго требовать отъ него мы не въ правѣ.

Ушаковъ не былъ и не могъ быть реформаторомъ въ дѣлѣ русской живописи, но онъ былъ истиннымъ прогрессистомъ. Освободивъ ее отъ застоя, онъ далъ ей возможность дальнѣйшаго развитія на чисто національной почвѣ. И едва ли не ему, если не исключительно, то въ большей мѣрѣ, обязана она тѣмъ, что продолжаетъ свое существованіе, какъ живое начало народнаго искусства, на ряду съ отжившими формами старообрядческихъ фабрикъ, съ одной стороны, и съ чуждыми образцами академической живописи, съ другой. Русская иконопись, какъ народное искусство, послѣ Ушакова жила почти исключительно тѣмъ, что выработано было его трудами. Раздѣлившись въ его школѣ на двѣ вѣтви она образовала, съ одной стороны, стиль такъ-называемый греческій, основанный на строгомъ изученіи Подлинника, иконописныхъ преданій, но съ значительными противъ древнихъ переводовъ улучшеніями въ рисункѣ и техникѣ, съ другой стороны, стиль фряжскій, преимущественно усвоенный учениками Ушакова, ближайшій къ иностраннымъ образцамъ, но съ затѣйливыми украшеніями и съ богатою позолотою. Представителями перваго стиля еще въ недавнее время были братья Сапожниковы, оставившіе столько замѣчательныхъ образцовъ въ разныхъ церквахъ Россіи, втораго—иконописцы первой половины XVIII вѣка. О стилѣ копировальномъ, на которомъ остановилось наше отсталое старообрядчество, здѣсь не можетъ быть рѣчи, потому что какъ ложный и антихудожественный, онъ не относится къ области народнаго искусства.

Царствованіе царя Алексѣя Михайловича въ значительной степени подготовило реформы Петра Великаго. Въ области церковнаго искусства подготовителемъ этихъ реформъ былъ Симонъ Ушаковъ, выяснившій задачу русской иконописи, освѣжившій послѣднюю новыми элементами красоты и природы, элементами облегчившими переходъ отъ иконописи къ живописи, отъ задачъ національнаго искусства къ искусству общечеловѣческому. Послѣ Ушакова не мыслимо было возвращеніе къ отжившимъ формамъ старины.

Мы видѣли уже прежде, насколько позволяли намъ то вообще еще не многія и малоразработанныя данныя и тѣсный объемъ нашей задачи, въ какомъ печальномъ, почти безвыходномъ положеніи засталъ Ушаковъ русскую иконопись, видѣли и, по возможности, оцѣнили внесенные имъ въ эту область русскаго искусства новые элементы. Требовать отъ него сверхъ сдѣланнаго было бы величайшею несправедливостью, уже на основаніи исторической невозможности сдѣлать больше въ эту эпоху еще твердыхъ убѣжденій старины, не расшатанной реформами великаго преобразователя Россіи.

Школа Ушакова воодушевлена была совершенно новыми, до того невѣдомыми идеями, съ древностью имѣвшими лишь общій корень христіанскаго искусства, но вовсе не изсохшія вѣтви его застоя и исключительности. Школою этой, по справедливости, открывается новая эпоха въ русской иконописи. Въ замѣнъ невозмутимаго довольства и полнаго удовлетворенія общепринятыми, условными образцами, она приносила, въ лицѣ своихъ представителей, глубокое сознаніе несостоятельности современнаго положенія искусства, стремленіе высвободиться на новый путь и испытать силы въ свободномъ творчествѣ. Все это очевидно какъ изъ посланія Іосифа, такъ и въ произведеніяхъ Ушакова и его учениковъ. Но не слѣдуетъ забывать при этомъ, что для полнаго, удовлетворительнаго рѣшенія задачъ, современной Ушакову эпохи не доставало самыхъ существенныхъ средствъ: общественная среда не была подготовлена, самъ мастеръ воспитался едва лишь на немногихъ и не лучшихъ западныхъ образцахъ, о рисовкѣ и лѣпкѣ въ академическомъ смыслѣ тогда не было еще и помину, перспектива была лишь извѣстна изъ произведеній заѣзжаго перспективныхъ дѣлъ мастера Петра Энгельса, и самыхъ развитыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ приводили въ неописанное удивленіе попадавшіяся имъ за-границей простыя картины писанныя съ натуры, съ живства, аки живыя. Отсюда понятно, какъ мы должны дорожить и малыми проблесками того относительно-художественнаго развитія, которое сказывается въ школѣ Ушакова. Чувство красоты и природы, проникнувшее въ скромную мастерскую русскаго иконописца, отражается очевидно и въ значительно улучшенномъ рисункѣ, не лишенномъ, по временамъ, художественной прелести, напоминающей мастеровъ древне-христіанской школы, и въ болѣе свѣтломъ колоритѣ, не имѣющемъ

себѣ равнаго въ предшествующихъ произведеніяхъ, наконецъ въ самостоятельномъ творчествѣ новыхъ сюжетовъ, исполненныхъ оригинальности и силы воображенія. Лица изображаемыхъ на иконахъ святыхъ получаютъ индивидуальный характеръ, болѣе правильную постановку, движеніе и даже выраженіе. Съ послѣднимъ всего труднѣе было справиться иконописцу, привыкшему писать затвержепныя, условныя черты. Появляются иконы съ видами городовъ и монастырей, писанныя съ натуры, хотя и безъ соблюденія точной перспективы. Вообще нельзя не замѣтить движенія иконописи впередъ, хотя и не быстрыми, но рѣшительными шагами. Подобныя произведенія для нашего времени имѣютъ лишь археологическій интересъ. Но на сколько они были прогрессивными для своей эпохи видно уже изъ того, что они не встрѣчаютъ сочувствія со стороны старообрядцевъ, принимающихъ ихъ обыкновенно за позднія, столѣтнія. Главная заслуга Ушакова и его учениковъ по нашему крайнему мнѣнію въ томъ и заключается, что въ свою эпоху они выдавались изъ ряда вонъ какъ замѣчательнѣйшіе по таланту корифеи народнаго искусства, стоявшіе не на ложномъ пути.

Дворъ Симона Ушакова въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ.

Между бумагами стараго архива Оружейной Палаты, нынѣ поступившими въ другое учрежденіе, намъ удалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ прослѣдить по документамъ цѣлое дѣло о томъ, какъ царскій иконописецъ Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ выпросилъ себѣ у царя Алексѣя Михайловича дворъ въ Посольской улицѣ, исправилъ и обстроилъ его по своему желанію, въ ожиданіи сдѣлаться его собственникомъ и какъ, наконецъ, къ крайнему разстройству своихъ дѣлъ и занятій, онъ вынужденъ былъ уступить его другому лицу, ловкому промышленнику, ради того только, что дворъ послѣдняго понадобился ближнему боярину.

Такъ какъ помимо спеціальнаго интереса для біографіи Ушакова дѣло это представляетъ много любопытныхъ фактовъ для исторіи быта, какъ домашняго такъ и юридическаго, и, кромѣ того, знакомитъ насъ съ полною обстановкою русскаго иконописца XVII столѣтія, то мы не лишнимъ считаемъ изложить его въ подробности.

1-го сентября 1668 года, состоя на службѣ въ Оружейной Палатѣ, первый царскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу, и въ своей челобитной просилъ, чтобы его пожаловалъ, для государевыхъ иконныхъ дѣлъ и для учениковъ, дворомъ Ксеніи Юдиной въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ. Дворъ этотъ отведенъ былъ прежде Мастерской Палаты кружевныхъ дѣлъ мастеру Ѳедору Воробью, для кружевныхъ дѣлъ и для учениковъ, а по смерти его, на томъ дворѣ ставили изъ Посольскаго Приказа Персіанъ и другихъ пріѣзжихъ людей. И того двора заборы и ворота и кровли обожжены и обломаны и развалялося все безъ пристрою, говоритъ въ челобитной Ушаковъ. Хлопоталъ онъ о томъ дворѣ главнымъ образомъ потому, что при немъ было большое мѣсто для построекъ, чего не доставало при его собственномъ домѣ бывшемъ какъ видно не въ дальнемъ отъ Юдинскаго разстояніи. А дворишко у меня малое и въ грязи въ Китаѣ-городѣ и хоромишекъ построить для иконнаго письма и для учениковъ негдѣ. Онъ просилъ себѣ дворъ у государя съ тѣмъ чтобы деньги съ него взыскали по оцѣнкѣ съ разсрочкою платежа погодно, или какъ ему государю Богъ извѣститъ по его государеву по Божѣ рачительству для красоты святыя церкви святыхъ иконъ начертанія и всечестныя печати первообразныя красоты Христа Бога нашего и учащимся сего скораго писанія отверзающаго умъ нашъ.

По именному царскому указу, какъ значится въ помѣтѣ на челобитной, боярин и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово приказалъ послать память въ Посольскій Приказъ, что тотъ дворъ по указу великаго Государя велѣно вѣдать въ Оружейной Палатѣ, а что на томъ дворѣ каменнаго и деревяннаго строенья, о томъ отписать въ Оружейную Палату. Память была послана 18 сентября. Отвѣтная память изъ Посольскаго Приказа, отъ боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина съ товарищи, получена 13 февраля того же года, т.-е. почти черезъ пять мѣсяцевъ. Изъ нея узнаемъ мы, что уже 29 января отдана была Симону Ушакову изъ Посольскаго Приказа въ Оружей-

ную Палату память о томъ, что съ Юдинскаго двора стояльцы сведены и дворъ иконописцу Симону отведенъ, а дворовое каменное и деревянное строенье на томъ дворѣ не описано, потому что тотъ дворъ въ посольскомъ приказѣ не вѣдомъ; но эта память у иконописца Ушакова затерялась, и онъ билъ челомъ государю о новой памяти, потому и отправлена послѣдняя. Замѣчательно, что во всемъ дѣлѣ, въ дальнѣйшемъ его производствѣ, при неоднократныхъ ссылкахъ на прежнія бумаги, не упоминается ни разу не только объ этой памяти, отъ 29 января, но и о самомъ прошеніи Ушакова, которое также должно быть затеряно.

Такимъ образомъ главное желаніе Ушакова было удовлетворено. Онъ занялъ Юдинскій дворъ, исправилъ въ немъ поврежденія, произвелъ постройки въ ожиданіи чрезъ нѣсколько лѣтъ выкупить его изъ казны въ собственность. И вотъ онъ снова, года черезъ два послѣ первой челобитной, бьетъ челомъ государю чтобы пожаловалъ его тѣмъ дворомъ по оцѣнкѣ. А какъ кружевника Ѳедора не стало, говоритъ онъ въ челобитной, дворъ Юдинскій безъ строенья былъ, разоренъ, и обожженъ, и обломанъ, и которое строенье было каменное а смазано глиною и то размыло водою и развалилось. И по твоей государской милости я холопъ твой тотъ дворъ нужды ради построилъ, хоромы и кровли и нутра и печи и двери и заборы и ворота своими деньгами, одолжась больше полутораста рублевъ, а на строенье мнѣ холопу твоему государева жалованья ничего не дано. И въ прошломъ государь въ 176 году въ большой пожаръ сгорѣлъ и послѣ пожару мнѣ холопу твоему негдѣ было и главы приклонить и я въ другорядъ построился, нужды ради одолжася на томъ же дворѣ больше двухъ сотъ рублевъ, а иное еще не построено, развалилось, милосердый государь, пожалуй меня холопа своего для святыхъ иконъ и для милостивой государыни нашей благовѣрной царицы и великія княгини Маріи Ильичны вѣчнаго блаженства и, помиая ея государыни нашея душу, вели государь тотъ дворъ записать за мною и за дѣтишками моими и дать данную или оцѣнить, кромѣ моего строенья и по оцѣнкѣ на мнѣ погодно деньги взять, чтобы мнѣ холопу твоему по твоей государской милости надежно и прочно было построить.

По составленіи выписки изъ дѣла, заключающей въ себѣ изложеніе извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ, начиная съ 1-го прошенія Ушакова, была отправлена въ октябрѣ 1670 г. память въ Земскій Приказъ къ думному дворянину Прокофію Кузмичу Елизарову съ товарищи, о томъ что по указу царя велѣно отписать въ Оружейную Палату, что на Юдинскомъ дворѣ каменнаго и деревяннаго всякаго строенья до пожару было и что подъ тѣмъ дворомъ длинику и поперечнику. Изъ послѣдовавшей снова не ранѣе полугода отписки мы узнаемъ подробности положенія Юдинскаго двора, въ которомъ жилъ Ушаковъ, извлеченныя изъ писцовыхъ книгъ того времени.

Въ Земскомъ Приказѣ, въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Ивана Арбузова да дьяка Дмитрія Прокофьева, что они писали и мѣрили въ Китаѣ-городѣ 147 (1639) году написано: Дворъ гостинныя сотни торговаго человѣка Ивана Андреева сына Юдина, въ длину девятнадцать сажень поперекъ осьмнадцать сажень съ полусаженью; дворъ гостя Григорія Иванова сына Юдина, въ длину тридцать сажень съ полусаженью, поперекъ двадцать девять сажень безъ чети; да въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ написанъ подлѣ того Григорьева двора Иванова сына Юдина дворъ Ильи да Василья Безобразовыхъ; да въ Земскомъ же Приказѣ, въ дачахъ прошлаго 165 (1657) года генваря въ 12 день написано: По указу великаго государя, и по памяти изъ Патріарша Разряду, за припискою дьяка Лукьяна Голосова дана данная изъ Земскаго Приказу гостю Семену Задорину на дворъ гостя Ивановскія, жены Леонасьева, сына Юдина, вдовы Аксиньи Ѳедоровы, дочери Чеботова, въ Китаѣ-городѣ въ Посольской улицѣ съ палатами и со всѣмъ дворовымъ строеньемъ потому, что тотъ дворъ продапъ и съ палатами и со всѣмъ дворовымъ строеньемъ гостю Семену Филиппову сыну Задорину, а взято за него двѣ тысячи рублевъ; и велѣно ему Семену и женѣ его и дѣтямъ тѣмъ дворомъ впредь владѣть и продать и заложить. Да въ Земскомъ Приказѣ, въ переписныхъ книгахъ переписи Ѳедора Изъѣдинова да подъячаго Ивана Рубцова, 167 (1669) года написано: Въ Посольской улицѣ дворъ гостя Семена Задорина, а въ немъ по мѣрѣ: вдоль, въ переднемъ концѣ, по вратамъ, противъ Посольскаго двора двадцать три сажени съ третью, а поперекъ въ одномъ концѣ, семнадцать сажень съ третью, да въ другомъ концѣ двадцать сажень; того же двора за палатами: вдоль, шестнадцать сажень, да

поперекъ въ одномъ концѣ десять сажень, въ другомъ концѣ четырнадцать сажень съ полусаженью. Того же двора вышло угломъ: шесть сажень безъ полутретьи, поперекъ въ одномъ концѣ три сажени съ третью, въ другомъ концѣ тожь; а переписи въ Земскомъ Приказѣ тому двору и строенью нѣтъ, потому изъ Земскаго Приказу постой на томъ дворѣ ставили по памятямъ изъ Посольскаго Приказу.

Мы узнаемъ изъ этого любопытнаго документа, что дворъ Юдинскій, въ которомъ жилъ Ушаковъ, находился какъ разъ противъ Посольскаго двора, что подъ нимъ было большое мѣсто, что, наконецъ, онъ проданъ былъ въ то время гостю Семену Задорину, за значительную для того времени цѣну.

Въ виду послѣдняго потребовалась выписка въ докладъ изъ дѣла и челобитья Ушакова, какъ тотъ дворъ по указу великаго государя ему Симону данъ?

Озабоченный такимъ поворотомъ дѣла Ушаковъ при помощи своихъ знакомыхъ дьяковъ собралъ справки обо всемъ касающемся дома и подалъ государю повую челобитную 25 мая 1670 года, въ которой говоритъ, что дворъ достался казнѣ безъ денегъ и безъ всякой затраты.

По твоему великаго государя указу въ Китаѣ-городѣ Юдинскій дворъ у гостя у Семена Задорина взятъ на тебя великаго государя для кружевныхъ дѣлъ и данъ былъ кружевнику Ѳедору Воробью и переписъ тому въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ, а гостю Семену Задорину за тотъ дворъ велѣно выдать денегъ двѣ тысячи рублевъ мѣдныхъ денегъ изъ Приказу Большія Казны по памяти изъ твоей великой государь Мастерской палаты, и Семенъ Задоринъ, отходя съ сего свѣту, тѣми деньгами челомъ ударилъ тебѣ великому государю и написалъ въ своей духовной, а духовная лежитъ церкви Рождества Пречистыя Богородицы у священника Никиты, что у тебя великаго государя на сѣняхъ. Далѣе слѣдуетъ почти дословное повторенье второй челобитной о томъ положеніи, въ которомъ Ушаковъ засталъ домъ, какъ его обстроилъ и просьба о томъ, чтобъ ему выдали на домъ данную съ разсрочкою платежа погодно.

Вслѣдствіе этой челобитной начальство Оружейной Палаты распорядилось отправкой памятей въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, за переписною росписью, и въ Приказъ Большой казны за справкою, не выданы ли деньги Задорину за домъ по памяти изъ Мастерской палаты. Прежде всего, 8 іюля отправлена была память въ Мастерскую Палату къ постельничему Ѳедору Алексѣевичу Полтеву съ товарищи за справкой о томъ, было ли послано изъ этой палаты въ Приказъ Большой казны распоряженіе о выдачѣ денегъ за домъ Задорину и если было, то въ которомъ году. Затѣмъ слѣдовало 11 октября 1671 года подтвержденіе того же содержанія съ добавочнымъ требованьемъ свѣдѣній, не имѣется ли въ Мастерской палатѣ описи или переписи того двора, дворовому и хоромному всякому каменному и деревянному строенью.

Въ отвѣтъ на послѣднюю бумагу изъ Мастерской Палаты была прислана въ Оружейную Палату отъ 31 октября память, съ выпискою указа изъ записной книги 169 года 25 мая, въ которой сказано: по указу великаго государя велѣно стоять кружевныхъ дѣлъ мастеру Ѳедору Воробью, да съ нимъ ученикамъ шти человѣкамъ, на время, до сго великаго государя указу для кружевныхъ дѣлъ и для наученья учениковъ, въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ, на дворѣ гостя Семена Задорина, что бывалъ Юдиныхъ, и переписъ тому двору и хоромному всякому и деревянному строенью въ Мастерской Палатѣ, а по описи стрянчаго съ ключемъ Ѳедора Алексѣевича Полтева 169 году на томъ дворѣ: Палаты каменныя, на глухихъ подклѣтяхъ, передняя, да комната, да изъ комнаты 2 палатки сторонніе. Сѣни каменныя жь, въ сѣняхъ 4 чулана, каменны жь; потолки дубовые, брусяные, двери и у оконъ затворы желѣзные. Подъ ними погребъ каменный.

Да къ тѣмъ же палатамъ придѣлано, къ сѣнямъ, 3 палатки жилыя, своды каменные, двери желѣзныя, да палатка сторонняя казенная, своды каменные, двери и у оконъ затворы желѣзные. Да къ тѣмъ же палатамъ, къ переднему крыльцу придѣлана палата, въ ней 2 житья, своды каменные, двери желѣзныя, подъ ними мыльня. На томъ же дворѣ у задняго крыльца, съ улицы, поставлены 3 палатки, своды каменные, двери деревянныя, у оконъ затворы желѣзные, на глухихъ же подклѣтяхъ. Всего, въ палатахъ, въ верхнихъ, кромѣ глухихъ подклѣтовъ, 18 житій. Палаты покрыты тесомъ. На дворѣ колодецъ, да изба воротняя, да поварня рублена въ еловомъ лѣсу,

сѣми сажень. А по мѣрѣ вдоль двора 18 сажень, поперекъ, по воротамъ, 23 сажени, позади тожь. Позади палатъ огородъ. Того же двора вдоль 30 сажень безъ чети, поперекъ въ заднемъ концѣ 10 сажень съ полусаженью, середи огорода отъ палатъ до забора 5 сажень. На огородѣ садъ, 51 яблонь. Около двора и посреди городьбы 38 пряселъ забору.

Въ межахъ тотъ дворъ: отъ Варварскія улицы, дьяка съ Ивановымъ дворомъ Михайлова, по другую сторону, отъ Ильинскія улицы, съ Ильинымъ дворомъ Безобразова; а позади двора и огорода дворы: Ипатскаго попа Данила да новгородскія сотни тяглеца Ѳедотки Егупова.

А гостю Семену Задорину великаго государя изъ Мастерскія Палаты дву тысячъ рублевъ мѣдныхъ денегъ за тотъ дворъ съ полатами не давано, и по памяти великаго государя изъ Мастерскія Палаты въ Приказъ большія казны не посылывано, и за тотъ дворъ Семену Задорину изъ Приказу Большія казны 2000 рублевъ дано ль, и того великаго государя въ Мастерской Палатѣ не вѣдомо.

Кромѣ этой описи Юдинскаго дома, въ которомъ жилъ Ушаковъ, сохранилась того же времени другая опись, приложенная тутъ же и не менѣе любопытная, хотя къ сожалѣнію она дошла и не въ столь хорошемъ видѣ, кое-что повреждено было уже въ древнее время, исправлено болѣе позднею рукою, другое оставлено съ пробѣлами. Опись эта составлена была уже въ то время, когда въ домѣ жилъ кружевникъ Ѳедоръ Воробей. Она любопытна нѣкоторыми подробностями своими, дополняющими и разъясняющими первую опись. При томъ, въ исторіи дома и для оцѣнки послѣдующихъ построекъ Ушакова она имѣетъ важное значеніе. Безъ нея непонятно бы было вовсе расположеніе двора Ушакова съ строеніемъ.

Въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ на отписномъ дворѣ Юдиныхъ, на которомъ по указу великаго государя поставленъ его государевы Мастерскія Палаты кружевной мастеръ Ѳедоръ Воробей, строенья на немъ. Каменнаго: У воротъ 3 палаты жилыхъ, въ длину 7 сажень, поперекъ 3-хъ сажень, въ житьи, въ вышину 4 аршина. У дверей затворы деревянные; 8 оконъ съ рѣшетками желѣзными, въ томъ же числѣ у 7-ми оконъ затворы желѣзные жь. Передъ переднею палатою сѣни, въ длину 2 сажени съ третью, а поперекъ сажень, дверь желѣзная. Подъ палатами и подъ сѣньми 3 палатки, и въ томъ числѣ одна жилая, а двѣ кладовыхъ, въ житьѣ въ нихъ въ вышину 3 аршина съ полуаршиномъ. Двери у нихъ деревянныя, на желѣзныхъ крюкахъ. Къ тѣмъ же палатамъ придѣланы вдоль двора 2 палаты: одна полъ 7 сажени, поперекъ 3 сажени, вмѣсто сводовъ потолокъ и мостъ намощенъ досками. Въ палатѣ въ житьи, въ вышину 3 аршина съ четью. Другая палата въ длину 2 сажени, поперекъ полъ 2 сажени. Верхніе своды каменные, а вмѣсто исподнихъ сводовъ полъ намощенъ досками, отъ полу до сводовъ въ житьи въ вышину 4 аршина. У обѣихъ палатъ 3 двери; затворы деревянные; 9 оконъ съ рѣшетками желѣзными, 6 затворовъ желѣзныхъ же; 9 окончинъ слюдяныхъ, а по сказкѣ Ѳедора Воробья тѣ окончины строенье его Ѳедорова. А подъ тѣми 2 палатами верхними 2 палаты кладовыя, а ничего положить нельзя потому что въ окнахъ желѣзныхъ рѣшотокъ и затворовъ нѣту ..... кирпичныя выпали. Да и въ верхнихъ 2 палатахъ жить нельзя потому что потолки и мосты ветхи. Къ тѣмъ же 2 палатамъ вдоль же двора придѣланы 5 палатокъ малыхъ, да передъ ними сѣни, а вмѣсто верхнихъ и исподнихъ сводовъ, положены были потолки и мосты деревянные, и тѣ потолки и мосты обвалились. А въ тѣхъ палатахъ 7 двери, и въ томъ числѣ у 6 дверей затворы деревянные, а у 7-й двери затворъ желѣзный. 9 оконъ съ рѣшетками желѣзными да 5 затворовъ желѣзныхъ. А подъ тѣми 5-ю палатками и подъ сѣньми были 2 палаты кладовыя же, и у тѣхъ палатъ дверей и у оконъ многихъ рѣшетокъ и затворовъ нѣтъ и потолокъ обвалился, класть ничего нельзя. Къ тѣмъ же 5 палаткамъ вдоль же двора придѣланы 6 палатокъ малыхъ же, отъ мосту до верхнихъ сводовъ въ вышину по 4 аршина, а у тѣхъ палатокъ 6 двери да 6 оконъ, затворы всѣ желѣзные да въ окнахъ же 3 окончины стекольчатыя, ветхи. Подъ тѣми назатками 3 погреба каменныхъ, у погребовъ затворы желѣзные. А къ тѣмъ ко 6 полаткамъ придѣланы поперекъ двора 2 палаты жилыя съ сѣнми, по мѣрѣ палаты и сѣни въ длину 5 сажень, поперекъ 3 саж. въ житьи въ вышину 4 аршина. У сѣней двери желѣзныя, а у палатокъ двери деревянныя. Да у палатокъ 3 окна, рѣшетки и затворы желѣзные, да три окончины слюдяныя. А по сказкѣ Ѳедора Воробья тѣ окончины его. Да подъ палатами жь палата жилая, двери у ней деревянныя. Кровля на всѣхъ палатахъ ветха и во многихъ мѣстахъ об-

валилась. На дворѣ жь поварня деревянная 7 сажень, а въ ней печи нѣтъ, а стоятъ нынѣ въ той поварнѣ Ѳедоровы лошади. Да на дворѣ жь близко палатъ колодязь. У воротъ изба людская 3 сажень, да передъ нею сѣнишки ветхи. Ворота, вереи деревянныя и полотенцы ветхи жь. А по мѣрѣ, вдоль двора, 17 сажень, поперекъ, по воротамъ 17 сажень. По заднему концу 12 сажень. Вдоль огорода 31 сажень. А поперекъ, по переднему концу, по Посольской улицѣ 5 сажень, по заднему концу 10 сажень. Въ огородѣ 46 яблоней. Около двора и огорода городьбы 38 прясл заборъ. Въ межахъ тотъ дворъ: отъ Варварскія улицы, дьяка съ Иваповымъ дворомъ Михайлова, по другую сторону, отъ Ильинскія улицы, съ Ильинымъ дворомъ Безобразова. А позади двора и огорода дворы: Ипатскаго попа Данилы да Новгородскія сотни тяглеца Ѳедотки Егупова.

Вслѣдъ за памятью изъ Мастерской палаты, съ препровожденіемъ этихъ двухъ описей, въ Оружейной палатѣ получена была 12 ноября того же 1671 года отвѣтная память изъ приказа Большой казны, отъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго съ товарищами, извѣщавшая, что въ расходныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ гостю Семену Задорину за дворъ гостя Иванова жены Юдины вдовы Аксиньи мѣдныхъ денегъ дву тысячъ рублевъ дачи не написано и памяти изъ государевы Мастерскія палаты о томъ въ приказѣ Большія казны не присылывано.

Такимъ образомъ изъ собранныхъ по челобитной Ушакова справокъ въ приказахъ оказалось, что казна не платила денегъ за тотъ дворъ, который былъ отданъ ему для постоя, но который онъ желалъ пріобрѣсть въ собственность. Тѣмъ не менѣе Ушакову снова понадобилось доказать болѣе точными данными о безденежномъ пріобрѣтеніи двора того казною. Въ этихъ видахъ онъ обращается съ новою челобитною, 1 декабря 1671 года, въ которой упоминаетъ все уже извѣстное намъ изъ прежнихъ челобитныхъ, но только гораздо подробнѣе, съ присовокупленіемъ добытыхъ имъ вновь фактовъ.

По твоему великаго государя указу въ прошломъ, государь, во 169 году взятъ на тебя великаго государя въ Китаѣ-городѣ Юдинскій дворъ у гостя Семена Задорина для кружевныхъ дѣлъ изъ твоей великаго государя Мастерскія палаты и переписанъ и данъ былъ кружевнику Ѳедору Воробью, а гостю Семену Задорину за тотъ дворъ ничего не дано. И Семенъ Задоринъ, какъ отходилъ сего свѣту во 170 году написалъ о томъ дворѣ въ своей духовной, что было ему довелось за тотъ дворъ взять по купчей денегъ изъ твоей великаго государя казны 2000 рублевъ и тѣми деньгами челомъ ударилъ тебѣ великому государю, а духовная та лежитъ церкви Рождества Пречистыя Богородицы, что у тебя великаго государя на сѣняхъ, у священника Никиты. А какъ кружевника Ѳедора Воробья не стало и тотъ дворъ безъ строенья былъ, разоренъ и обожженъ и обломанъ отъ постойщиковъ, безъ переписки, и многое распропало, а постойщики были по многіе годы Кизилбаши и Грузинцы и Поляки. И которое было строенье каменно, а смазано глиною и то размылося водою, непокрыто было и разсыпалось. Да подлѣ того двора пожаръ былъ, какъ горѣлъ дворъ дьяка Ивана Поликарпова, и на семъ дворѣ и досталь разломали и разорили. И по твоей государской милости въ прошломъ государь въ 176 году тѣмъ дворомъ пожалованъ я холопъ твой, и тотъ дворъ, нужды ради, построилъ, хоромы и кровли и путры и печи и двери и заборы и ворота, своими деньгами, одолжась больши полутораста рублевъ, а на строенье мнѣ холопу твоему твоего государева жалованья ничего не дано. И въ прошломъ, государь, во 176 году въ большой пожаръ тотъ дворъ съ садомъ сгорѣлъ, и потолки деревянные у палатъ выгорѣли да обвалились, и послѣ пожару мнѣ холопу твоему негдѣ стало жить, и я въ другой построился, нужды ради, одолжась на томъ же дворѣ больши двусотъ рублевъ; иное еще не построено, развалилось, милосердый государь, пожалуй меня, вели того священника Никиту допросить о томъ дворѣ о духовной противъ моего челобитья и вели государь тотъ дворъ записать за мною холопомъ твоимъ, за дѣтишками и дать данную и оцѣнить, кромѣ моего строенья и по оцѣнкѣ на мнѣ холопѣ твоемъ погодно деньги взять, чтобы мнѣ холопу твоему по твоей государевой милости надежно и прочно было впредь построить.

На эту челобитную послѣдовало слѣдующее рѣшеніе: выписать въ докладъ и допросить Рождественнаго собора священника Никиту, что у великаго государя на сѣняхъ, о духовной противъ челобитья.

Спрошенный 15 января того же года священникъ Никита сказалъ: духовная умершаго гостя

Семена Задорина у него, Никиты, потому, что ему Семенъ былъ сынъ духовный; а въ той духовной написано: „взять ему Семену изъ казны великаго государя по его Семеновѣ купчей за Юдинскій дворъ, который на Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ, взятъ на великаго государя на мастерской кружевной дворъ, серебряныхъ денегъ двѣ тысячи рублевъ, и тѣми деньгами онъ Семенъ челомъ бьетъ въ казну великому государю.“ А духовная писана за его Семеновою рукою и за прикащиковыми, въ прошломъ во 170 году іюля въ 31 день. А по той духовной спору ни въ чемъ и донынѣ не бывало. Сказки ему давать ни о чемъ, а руки къ сказкѣ своей о томъ прикладывать не будетъ. А какъ де на Москвѣ были вселенскіе патріархи, и по указу великаго государя и по ихъ челобитью гостя Василія Шорина съ прикащикомъ его съ Иваномъ Туркинымъ былъ счетъ въ приказѣ Казанскаго дворца, а къ тому счетному дѣлу съ Семеновы духовной взятъ списокъ за его попа Никитиною рукою. И о томъ дворѣ и о духовной вѣдомо будетъ потому, что сошлются изъ приказа памяти.

Такимъ образомъ показанія священника, хотя и нѣсколько уклончивыя и не вполнѣ деликатныя, съ ихъ ссылками на приказы, всѣ-таки клонились очевидно въ пользу Ушакова; но уступка казеннаго интереса и такому почтенному дѣятелю, каковъ былъ Симонъ Ушаковъ, была повидимому не въ видахъ правительства, и потому, безъ прямаго отказа, ограничились этимъ отвѣтомъ священника и отложили дѣло въ сторону. Не такъ легко было Ушакову разстаться съ любимою мечтою получить за многотрудную и полезную свою дѣятельность, съ разсрочкой платежа, домъ, на который онъ уже затратилъ значительный капиталъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 20 марта, онъ возобновилъ свою просьбу. Изложивъ ее, по обычаю времени, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ челобитной 1-го декабря, онъ въ заключеніе проситъ, такъ какъ священникъ Никита отказался дать сказку, истребовать изъ приказа Казанскаго дворца указанный Никитою списокъ съ духовной Задорина. Бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и стольникъ Иванъ Степановичъ Телепневъ, выслушавъ челобитную, приказали въ приказъ Казанскаго дворца послать память, „изъ списка духовной гостя Семена Задорина выписать и тое выписку прислать въ Оружейную палату, какъ тотъ дворъ въ духовной записанъ? 15 апрѣля посланъ былъ изъ Оружейной палаты въ приказъ Казанскаго дворца, къ боярину князю Якову Никитичу Одоевскому къ думному дворянину Ларіону Дмитріевичу Лопухину и къ дьякамъ царскій указъ, которымъ повелѣно было: выписать въ приказѣ изъ счетнаго дѣла гостя Василія Шорина, какъ считали прикащика его Ивана Туркина и изъ списка духовной, о дворѣ умершаго гостя Семена Задорина, что въ Китаѣ-городѣ въ Посольской улицѣ, что бывалъ Юдинскій, который по указу великаго государя данъ былъ кружевныхъ дѣлъ мастеру Ѳедору Воробью, для его государевыхъ кружевныхъ дѣлъ, по его Семеновой купчей, за дворъ, серебряныхъ денегъ двѣ тысячи рублевъ великому государю въ казну челомъ ударилъ ли? и та духовная писана за его ль Семеновою и за прикащиковыми руками, и въ которомъ году писана, и въ той духовной его Семеновъ дворъ, какъ написанъ? Да тое выпись указалъ великій государь прислать въ Оружейную палату.“ 19 мая присланъ указъ изъ приказа Казанскаго дворца слѣдующаго содержанія: Въ приказѣ Казанскаго дворца, въ счетномъ дѣлѣ гостя Василія Шорина съ прикащикомъ его Иваномъ Туркинымъ списка съ духовной Семена Задорина нѣтъ, а есть изъ той духовной черная перечневая выписка о счетѣ Василія Шорина и Семена Задорина прикащиковъ ихъ въ ончихъ ихъ промыслахъ; а про дворъ Юдинскій въ той черной выпискѣ ничего не написано. Неразрѣшимой загадкой для насъ остается это отрицательное показаніе, въ виду ссылки на списокъ съ духовной самого священника и находящейся при дѣлѣ выписки слѣдующаго содержанія: „да что мнѣ взять у великаго государя въ казнѣ за Юдинскій дворъ, который на Москвѣ въ Посольской улицѣ, что взять его великаго государя на Мастерской Кружевной дворъ, по моей купчей серебряныхъ денегъ 2000 рублевъ и тѣми деньгами челомъ бью великому государю въ казну. Списокъ съ духовной слово въ слово. Сто 70 году іюля въ 31 день.“ Подобный документъ могъ бы имѣть свою силу, еслибы начальство приказа искало его не для одного только виду. Но въ апрѣлѣ 1672 года въ дѣлѣ Ушакова произошелъ такой крутой поворотъ, послѣ котораго уже всѣ справки оказались излишними и ему оставалось только выѣхать изъ двора въ Посольской улицѣ или искать совершенно новыхъ основаній въ своихъ челобитныхъ.

Дѣло въ томъ, что пока Ушаковъ хлопоталъ о дворѣ, занимался его перестройкою, въ ожиданіи сдѣлаться его собственникомъ, подавалъ прошенія, тянулись справки, отцу второй супруги царя Алексѣя Михайловича, боярину Кириллу Поліевктовичу Нарышкину понадобился дворъ гостя Кипріана Климшина, который и былъ ему отданъ, Климшину же, въ замѣнъ того двора, выпалъ Юдинскій дворъ, въ которомъ поселился Ушаковъ. Послѣднему приказано было перебраться въ небольшой дворъ Ѳедота Астафьева, отписанный въ казну за недоборы. Произошло все это по видимому въ первой половинѣ апрѣля 1672 года, такъ какъ къ этому времени относится новая челобитная Ушакова, въ которой, излагая обстоятельства дѣла, онъ говоритъ слѣдующее: По твоему великаго государя указу данъ мнѣ холопу твоему въ Китаѣ-городѣ Юдинскій дворъ съ палатками, для иконныхъ дѣлъ и для учениковъ, и я холопъ твой, обнадежась на твою государскую пресвѣтлую милость, что было разоренное и погорѣлое построилъ, и послѣ большаго пожару обдолжась построилъ же избы и палатки и вновь палатку и печи мурамленыя и ворота и кровли и колодязь новый; а въ постройку пошло съ четыреста рублевъ. И учениковъ набралъ; а иныя палатки не достроены: ожидалъ я холопъ твой твоей государской милости, по выпискѣ указу въ Оружейной палатѣ, какъ за тотъ дворъ по цѣнѣ въ твою государеву казну у меня деньги примутъ окромѣ моего строенья. А нынѣ, государь, изъ того двора меня высылаютъ вонъ и отдаютъ тотъ дворъ гостю Кипріяну Климшину, больши его двора, а мнѣ холопу твоему отводятъ иной, меньше дворъ Ѳедота Астафьева; а тотъ дворъ отписанъ на тебя великаго государя изъ приказу Большаго Приходу, а цѣною вѣдать въ приказѣ Новыя Четверти, милосердый государь, пожалуй меня, для святыхъ иконъ и для своихъ государскихъ дѣлъ, не вели государь меня холопа своего съ того прежняго двора согнать съ иконнымъ заводомъ и съ учениками и съ домишкомъ разорить и ослезить, а вели государь за тотъ дворъ въ твою государеву казну у меня деньги выбрать, что ты великій государь укажешь погодно или, гдѣ ты великій государь укажешь, дать дворъ въ цѣну и мое прежнее строеньешко прежняго двора зачесть въ платежъ, а достальныя деньги на мнѣ выбрать погодно, чтобъ мнѣ было впредь надежно построиться, Ушакову, какъ видно, неизвѣстна была еще настоящая причина отдачи его двора Кипріану Климшину, и потому онъ не терялъ еще надежды удержать дворъ тотъ за собою, просилъ, чтобы его не высылали, и тѣмъ не разоряли его мастерской и его хозяйства, или, чтобы въ крайнемъ случаѣ, вмѣсто стараго Юдинскаго двора и назначеннаго ему вновь малаго двора Астафьевскаго, не принадлежащаго вѣдѣнію Оружейной палаты, отвели другой дворъ, болѣе соотвѣтствующій по цѣнѣ и достоинству Юдинскому двору, и за этотъ новый дворъ взыскали бы деньги погодно, съ зачетомъ въ платежъ денегъ, употребленныхъ Ушаковымъ на постройки Юдинскаго двора. Но вопросъ уже былъ рѣшенъ. Приказали: послать въ Большой Приходъ объ Алексѣевѣ дворѣ Астафьева память, что Симону велѣно стоять иконнику. И сходить на дворъ подъячему и переписать всякаго строенья.

16 апрѣля отправленъ былъ въ приказъ Большаго Прихода къ окольничему Никитѣ Михайловичу Боборыкину съ дьяками указъ слѣдующаго содержанія. Въ прошломъ во 176 году по именному великаго государя указу взятъ былъ на великаго государя въ Оружейную палату дворъ въ Китаѣ-городѣ въ Посольской улицѣ вдовы Аксиньи Юдиной и поставленъ былъ для его государевыхъ иконописныхъ всякихъ дѣлъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ. И нынѣ билъ челомъ великому государю онъ же Симонъ Ушаковъ. По указу де великаго государя тотъ Юдинскій дворъ нынѣ у него взятъ и отданъ гостю Кипріану Климшину, а ему Симону, вмѣсто того двора, велѣно отвесть дворъ въ Китаѣ-городѣ гостинныя сотни Алексѣя Астафьева, который дворъ отписанъ на великаго государя изъ приказу Большаго Приходу. И великій государь пожаловалъ бы его, велѣлъ ему въ томъ свой великаго государя указъ учинить и тотъ дворъ Ѳедота Астафьева очистить и жить. И великій государь указалъ, по именному своему великаго государя указу иконописца Симона Ушакова поставить на дворѣ, и жить, до своего великаго государя указу, гостинныя сотни Ѳедота Астафьева, для письма святыхъ иконъ воображенія, съ учениками, который дворъ отписанъ на великаго государя изъ Приказу Большаго Приходу, а его Ѳедота изъ того двора выслать вонъ и тотъ дворъ ему очистить.

20 апрѣля послѣдовалъ отвѣтъ или отписка въ Оружейную палату изъ приказа Большаго Прихода о томъ, что гостинныя сотни у Ѳедота Астафьева отписанъ дворъ за недоборныя помѣр-

ныя пошлинныя деньги до его великаго государя указу, какъ на немъ въ приказъ Большаго Приходу тѣ недоборныя деньги взяты будутъ, и иконописцу Симону Ушакову тотъ дворъ очищенъ.

Одновременно съ этимъ послѣдовалъ именной царской указъ о составленіи подробной переписи всему построенному на Юдинскомъ дворѣ Ушаковымъ, и благодаря этому обстоятельству у насъ есть еще одинъ драгоцѣнный документъ для исторіи быта нашего иконописца равно важный и для исторіи гражданской архитектуры XVII вѣка,

Указъ состоялся 16 апрѣля 1672 года на имя оружейничаго Б. М. Хитрово, который, вслѣдствіе того приказалъ: у иконописца у Симона Ушакова во дворѣ всякое каменное и деревянное строенье, въ которомъ дворѣ по указу великаго государя жилъ онъ, Симонъ, въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ, что бывалъ Юдинскій, переписать, что онъ, Симонъ, живучи въ томъ дворѣ построилъ вновь, проча себѣ всякое каменное и деревянное строенье, которое онъ строилъ къ каменному строенью на свои деньги, а что чего онъ Симонъ вновь построилъ и то писано статьями ниже сего.

Свѣтлица новая каменная, мѣрою межъ стѣнъ 3-хъ саженъ. Въ ней 8 оконъ съ подставки и съ петли. Въ ней 4 стѣны каменныя; четвертая стѣна придѣлана къ старымъ сѣнямъ каменнымъ же, построена на старой каменной разоренной исподи. Въ свѣтлицѣ сдѣлано: потолокъ деревянный пластинчатый, ростпраны бревна еловыя. Исподній потолокъ у подклѣта бревенчатый, еловый. На верху, въ свѣтлицѣ, полъ досчатый, лавки съ причелинами, стѣны и около оконъ обито тесомъ. Въ свѣтлицѣ сдѣлана печь образцовая муромъ зеленая, ножки попорчены. Дверь и колоды сосновыя, двѣ скобы желѣзныя, крюки черные. А свѣтлица покрыта тесомъ въ одинъ рядъ, по драни. Да къ той же свѣтлицѣ придѣлана палатка о двѣ стѣнахъ къ старымъ двѣ стѣнамъ, межъ стѣнъ мѣрою двѣ сажень; въ ней два окошка, печь образцовая круглая, муромъ зеленая, новая. Потолокъ новый, бревенчатый съ подтесомъ; исподняго житья потолокъ бревенчатый, верхній досчатый. Въ ней двѣ лавки. Изъ свѣтлицы въ палатку сдѣланы двери проходныя. Палатка наметана тесомъ и лубьемъ. Въ старыхъ сѣняхъ, передъ свѣтлицею, у старой палатки у дверей, на крыльцо, да проходныя въ старыя палаты трои двери съ колодами сосновыми на крюкахъ желѣзныхъ черныхъ, скобы черныя и крюки закладные черные; у отходу дверь сосновая безъ колодъ, на крюкахъ желѣзныхъ; у ней двѣ скобы. Въ двѣ палаткахъ старыхъ, что отъ улицы, сдѣланы двѣ печи новыя образцовыя муромъ зеленыя, на кирпичныхъ опечкахъ; въ нихъ два пола досчатыхъ; лавки съ опушки и съ подставки. Въ третьей палаткѣ печь двоечельная съ трубою кирпичною. Съ одной стороны вставлены образцы муромъ зеленые. А во всѣхъ трехъ палаткахъ ставни досчатыя, сосновыя. А на тѣхъ трехъ палаткахъ кровля покрыта дранью по лубью, мѣрою кровля длиною десяти саженъ, шириною четырехъ саженъ; а драпь двусаженная, съ жолубы. Да къ старымъ сѣнцамъ придѣланы сѣнцы вновь каменныя и крыльцо у лѣстницы и ступени сдѣланы вновь каменныя, каменю бѣлаго. На верху сѣней сдѣланъ чердакъ досчатый, мѣрою въ длину полъ-четверты сажени, шириною три сажени и покрытъ по лубью дранью; мѣрою кровля полъ-пяты сажени. Въ исподнихъ старыхъ житіи сдѣланы двѣ печи кирпичныя и въ томъ числѣ одна печь съ кожухомъ и съ каменьемъ попортилась. Мосты въ нихъ и лавки деревянные, новые. У наугольной старой палатки кровля драничная, мѣрою въ длину полутретьи сажени, а драпь двусаженная. Въ старой большой палатѣ сдѣлана печь образцовая муромъ зеленая. У ней дверь еловая, на крюкахъ желѣзныхъ, двѣ скобы черныя. Въ другой палаткѣ сдѣлана печь муромъ зеленая; въ ней двѣ лавки; да чюланецъ каменный у него дверь новая, на крюкахъ желѣзныхъ. Да у палатъ и у чюланца петли и пробои черныя; у двѣ дверей старыхъ крюки новые, да двѣ скобы да закладка. А палата большая и съ чюланами покрыты дранью въ желубья, трехсаженною дранью съ наставками, мѣрою кровля полъ-осьми сажени на обѣ стороны. Въ палаткѣ, что подлѣ большія палатки, сдѣлана печь новая муромъ зеленая, да двои двери съ колодками на крюкахъ желѣзныхъ, скобы и крюки черныя, третьи двери на крюкахъ, къ отходу. Палатка покрыта дранью трехсаженною на обѣ стороны. Мѣрою кровля шести сажень. Въ той же палаткѣ, въ нижнемъ житьи, сдѣлана печь кирпичная, окна починены вновь, дверь съ колодами же на крюкахъ желѣзныхъ, черныхъ.

Въ исподнихъ подклѣтахъ закромъ съ выпусками бревенчатый на двое перегороженъ, съ мостомъ, покрытъ досками, четверы двери на желѣзныхъ крюкахъ, у подклѣта окно сдѣлано вновь, рѣшетка желѣзная. У старыя, большія палаты сдѣланы два окна, вставлены рѣшетки желѣзныя. Подъ новою свѣтлицею сдѣлано два окна вновь съ рѣшетками желѣзными съ подставки, да двѣ двери на желѣзныхъ крюкахъ съ колодками. Подъ малою палатою — два окна съ рѣшетками и съ подставки. На дворѣ колодезь новый, срубъ до воды и на верху весь новый; въ глубину тринадцати сажень. Ворота о трехъ створахъ, досчатыя, верея сосновыя; покрыты тесомъ; прясла стоячія. У воротъ изба сосновая, жилая, съ краснымъ окномъ и съ сѣньми, съ мостами; покрыта дранью, мѣрою изба полутретьи сажени; сѣни мѣрою трехъ сажень. Подлѣ сѣней сарай, покрытъ дранью полутретьи сажени на обѣ стороны, мѣрою кровля четырехъ сажень. Подлѣ сараю конюшня. Въ ней четыре стойла; мѣрою сажень. Возлѣ конюшни сѣнцы дву сажень, съ мостомъ. Да изба еловая жилая съ краснымъ окномъ, полъ-третьи сажени. Передъ конюшнею навѣсъ; покрыты всѣ дранью полутретною, мѣрою навѣсъ семи сажень. Подлѣ избы сарай большой покрытъ дранью полутретною мѣрою десяти сажень. Да изба же большая жилая, въ ней три окна красныхъ. Мѣрою изба получетверты сажени. Передъ нею сѣни съ мостомъ. Сѣни дву сажень, изба и сѣни покрыты дранью полутретною, на обѣ стороны. А подъ сараями мосты бревенчаты. А у трехъ избъ и у конюшни крюки желѣзные черные. На огородѣ три прясла забору. Въ заборѣ ворота. На огородѣ насажено смородины и яблоновыхъ пеньковъ. По другую сторону огорода частоколъ на иглахъ.

Любопытная опись эта, знакомя насъ съ Ушаковымъ, какъ съ хорошимъ, зажиточнымъ хозяиномъ, кромѣ того, рисуетъ оригинальную картину двора съ строеньями въ центрѣ Москвы XVII вѣка.

Но не легко было на сердцѣ Симона Ушакова, когда составлялась эта опись. Тяжело ему было примириться съ необходимостью—передать всѣ положенныя на домъ труды свои въ чужія руки и притомъ такому промышленнику, который по понятіямъ Ушакова не имѣлъ права владѣть его домомъ, при множествѣ казенныхъ долговъ. Въ скоромъ времени онъ долженъ былъ оставить Юдинскій дворъ и промѣнять его на тѣсное и грязное временное помѣщеніе, причемъ цѣна за произведенныя имъ постройки была назначена цѣновщиками слишкомъ низкая, такъ что Ушаковъ могъ вполнѣ назвать себя разореннымъ. Все это видно изъ челобитной его 21 мая.

По твоему великаго государя указу, — начинаетъ онъ по обычаю свое прошеніе, — данъ мнѣ холопу твоему въ Китаѣ-городѣ Юдинскій дворъ для иконныхъ дѣлъ и для учениковъ и я холопъ твой, обнадежась на твою государскую пресвѣтлую милость, что было разоренное и погорѣлое одолжась построилъ, и послѣ большаго пожару построилъ же, избы и палатки и новую палатку для иконныхъ дѣлъ; и въ житьяхъ печи мурамленыя и ворота, кровли и колодезь, и въ огородѣ насадилъ. А въ постройку пошло съ четыреста рублевъ; а иныя, палатка осьми сажень не достроена, для пространства иконнаго дѣла; недостроена: ожидалъ я холопъ твой твоей государской милости по выпискѣ указу въ Оружейной палатѣ, какъ за тотъ дворъ по цѣнѣ въ твою государеву казну у меня деньги примутъ погодно, окромѣ моего строенья, а нынѣ государь изъ того двора меня выслали вонъ и отдали тотъ дворъ гостю Кипріяну Климшину, больши его двора, что у него взять, а меня холопа твоего разорили: многое со двора свозить не дали, и строенье мое берутъ, что опальное, малою цѣною, а не противъ моей росписи; и отвели на время мнѣ малый дворъ Ѳедота Астафьева. И мнѣ холопу твоему съ иконнымъ заводомъ и съ учениками и съ домочадцы стало невмѣстно, и иконное дѣло помѣшалось; а построиться такъ не прочно, и мѣсто низко. А на Кипріанѣ Климшинѣ есть, государь, долгу въ твою государеву казну въ Сибирскій Приказъ многія тысячи въ доимкѣ, и по рукамъ, и ему Кипріяну за его взятый дворъ мой дворъ не доведется дать, милосердый государь, пожалуй меня холопа своего, для святыхъ иконъ, для своихъ государскихъ дѣлъ, не вели, государь, тотъ дворъ у меня отнять и мое строенье, что опальное взять, и съ иконнымъ заводомъ, и съ учениками и съ домишкомъ въ конецъ разорить и ослезить; а вели, государь, за тотъ дворъ въ твою великаго государя казну у меня деньги выбрать, что ты, великій государь, укажешь, погодно, окромѣ моего строенья, чтобы мнѣ прочно построиться и съ женишкой и съ дѣтишками межъ дворъ не волочиться. Царь-государь смилуйся, пожалуй.

На этой челобитной сдѣлана думнымъ дьякомъ помѣта слѣдующаго содержанія: 180 года мая въ 21 день, государь пожаловалъ, велѣлъ указъ учинить боярину и оружейничему Богдану Матвѣевичу да думному дворянину Александру Севостьяновичу Хитрово, а будетъ зачѣмъ указъ учинить не мочно, и о томъ выписать, доложить себя.

Въ чемъ же состояло царское жалованье? Изо всего просимаго Ушаковымъ разрѣшено было одно—послать въ приказы объ оцѣнкѣ произведенныхъ имъ построекъ. Описи, какъ уже намъ извѣстно, составлены были прежде; теперь оставалось только оцѣнить описанное, раздѣливъ его по статьямъ, и показавъ особо цѣну каменному строенью и деревянному. На этотъ конецъ посланы были новыя памяти съ царскими указами изъ Оружейной Палаты, вопервыхъ, въ приказъ Каменныхъ дѣлъ, къ стольнику Ивану Богдановичу Камынину, вовторыхъ въ Земскій приказъ къ думному дворянину Прокофію Кузмичу Елизарову, да къ Семену Васильевичу Ларіонову. Имъ было указано: оцѣнить въ Китаѣ городѣ, въ Посольской улицѣ, на дворѣ Аксиньи Юдиной, однимъ, каменное и всякое строенье, опроче земли, другимъ, хоромное деревянное и всякое строенье; на которомъ дворѣ, по указу великаго государя, жилъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ; да такія цѣновыя, за руками, государю прислать въ Оружейную палату, къ боярину и оружейничему Б. М. Хитрово да къ стольнику П. С. Телепневу. Къ памятямъ были приложены описи, по которымъ цѣловальники или присяжные эксперты должны были производить оцѣнку построенному. При этомъ изъ извѣстныхъ уже намъ описей выписаны отдѣльно статьи, относящіяся къ каменному и деревянному строенью, и противъ каждой статьи описи дѣлана оцѣнка. Вотъ акты этихъ оцѣнокъ.

Лѣта 7180 мая въ 23 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу и по памяти изъ Земскаго приказу за приписью дьяка Ѳедора Протопопова лѣсные цѣловальники Фирско Ѳедотовъ да Аѳонька Панфиловъ цѣнили по святой Христовѣ непорочной евангельской заповѣди Господней, еже ей ей, въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ въ дворѣ вдовы Аксиньи Юдиной хоромное и деревянное всякое строенье опрично земли, на которомъ дворѣ, по указу великаго государя, жилъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ, и что на томъ дворѣ деревяннаго строенья и что чему цѣна и тому всему подъ сею цѣновою роспись. Въ свѣтлицѣ потолокъ деревянный, пластинчатый растиранъ, бревны еловыя. У подклѣта исподній потолокъ бревенчатый, еловый. На верху въ свѣтлицѣ полъ досчатый, лавки съ причелинами и съ подставки сосновыми. Стѣны и около оконъ обито тесомъ. Двери и колоды сосновыя, двѣ скобы желѣзныя, луженыя, крюки черные. А свѣтлица покрыта тесомъ въ одинъ рядъ по драни. А цѣна тому строенью и съ матицами 19 рублевъ 4 алтына. Къ той свѣтлицѣ придѣлана палатка. Въ ней потолокъ новый, бревенчатый, съ подтесомъ. У исподняго житья потолокъ бревенчатый, а верхній полъ дощатый. Въ ней двѣ лавки, двери. Палатка наметана тесомъ и лубьемъ. Цѣна тому 9 рублевъ. Въ старыхъ сѣняхъ передъ свѣтлицею трои двери новыя на крюкахъ желѣзныхъ, съ скобами и съ крюки закладными. У отходу дверь сосновая безъ колодъ на крюкахъ желѣзныхъ. У ней двѣ скобы. Цѣна тому 60 алтынъ. Въ дву палаткахъ, что отъ улицы два пола дощатыхъ, лавки съ опушки и съ подставки. А во всѣхъ трехъ палаткахъ вставни дощатыя, сосновыя и дверь (?) А на палаткахъ кровли крыты дранью по лубью. Цѣна тому 9 рублевъ. На сѣнцахъ новыхъ каменныхъ чердакъ дощатый, покрытъ по лубью драницы. Цѣна 5 рублевъ 9 алтынъ. Въ исподнихъ старыхъ житьяхъ, мосты и лавки деревянныя, двери (?) новыя. Цѣна полтора рубля 5 алтынъ. А на угольной старой палаткѣ кровля драничная, цѣна рубль. Въ старой большой палаткѣ придѣлана дверь еловая на крюкахъ черныхъ желѣзныхъ. У ней двѣ скобы желѣзныхъ. Цѣна тому 12 алтынъ. Въ другой палатѣ, въ чуланцѣ каменномъ дверь еловая на крюкахъ желѣзныхъ; у палаты и чуланца петли и пробои черные, а у дву дверей старыхъ крюки новые, скобы и закладки желѣзныя. Цѣна 8 алтынъ. А большая палата съ чюланами покрыта драницами. Цѣна той кровли четыре рубля съ полтиною. Въ палатѣ, что подлѣ большія палатки, сдѣланы двои двери съ колодками на крюкахъ желѣзныхъ. Скобы и крюки черные, къ отходу палатка покрыта дранью. Въ той же палаткѣ сдѣлана дверь съ колодами на крюкахъ желѣзныхъ. Цѣна 3 рубля съ полтиною. Въ исподнихъ подклѣтахъ закромы бревенчатые съ выпускомъ и съ мостомъ перегорожены, покрыты досками, да двои двери;—цѣна 40 алтынъ. Подъ новою свѣтлицею

двои двери на крюкахъ на желѣзныхъ съ колодками. Цѣна имъ 16 алтынъ 4 деньги. На томъ же дворѣ колодезь, струбъ новый. Цѣна колодезю 13 рублевъ. Ворота створчатыя, о трехъ щитахъ, покрыты; возлѣ тынъ стоячій. Цѣна три рубли. Возлѣ изба сосновая полутретьи сажени съ сѣньми, цѣна 10 рублевъ. Да сарай покрытъ дранью, цѣна 2 рубли. Возлѣ конюшня; въ ней четыре стойла съ мостомъ. Цѣна 4 рубли. Передъ нею навѣсъ, цѣна сорокъ алтынъ. Возлѣ изба новая еловая, передъ нею сѣщы. Цѣна 7 рублевъ. Возлѣ сарай, девяти сажень съ третьею, въ немъ мостъ ветхъ. Цѣна 2 рубли. Да изба получетверты сажени. Передь нею сѣни, цѣна 12 рублевъ. Да въ огородѣ три прясла заборовъ, цѣна и съ вороты рубль. А по другую сторону частоколъ. Цѣна полтина. И всему деревянному строенью 112 рублевъ 28 алтынъ, а цѣновую роспись писалъ земскій площадной подъячій Ивашка Макалевъ. Столбецъ скрѣпленъ слѣдующею подписью: къ сей цѣновой Семеновской слободы Куземка Ивановъ вмѣсто лѣсныхъ цѣловальниковъ Фирса Ѳедорова, по ихъ челобитью, руку приложилъ.

Такая же оцѣнка была сдѣлана и каменному строенью, но послѣдней въ бумагахъ архива мы не нашли; есть здѣсь только отрывки изъ нея черновые. Результатъ ея но впрочемъ хорошо намъ извѣстенъ. Сохранилась слѣдующая роспись печному дѣлу безъ указанія оцѣнки.

Въ свѣтлицѣ новой каменной сдѣлана печь образцовая, муромъ зеленая; да подлѣ той же свѣтлицы, въ маленькой свѣтлицѣ сдѣлана печь муромъ зеленая, новая. Въ дву палаткахъ, что отъ улицы, сдѣланы двѣ печи новыя образцовыя—муромъ зеленая, на кирпичныхъ опечкахъ. Въ 3-ей палаткѣ, печь двоечелная съ трубою кирпичною. Съ одной стороны вставлены образцы — муромъ зеленые. Въ исподнихъ житіи сдѣланы 2 печи кирпичныя. Въ старой большой палатѣ сдѣлана печь образцовая муромъ зеленая. Въ другой палаткѣ сдѣлана печь образцовая муромъ зеленая. Въ палаткѣ, что подлѣ большія палатки сдѣлана печь новая, образцовая—муромъ зеленая, да въ той же палаткѣ, въ нижнемъ житіи сдѣлана печь кирпичная, да въ трехъ избахъ сдѣланы три печи кирпичныя.

Хотя полной росписи каменному строенью и нѣтъ, но мы знаемъ ея содержаніе изъ росписи, представленной самимъ Ушаковымъ. Описи, какъ деревянному такъ и кирпичному строенью на дворѣ Ушакова, были очевидно сдѣланы по этой росписи Ушакова и составляютъ дословное почти повтореніе послѣдней съ раздѣленіемъ лишь на двѣ статьи, по роду спеціальности. Безъ этихъ описей съ одною первою, временъ кружевника Воробья, не было бы никакой возможности представить себѣ наглядно расположеніе строеній на дворѣ Ушакова.

Выше видѣли мы, что оцѣнка Ушаковскому строенью на Юдинскомъ дворѣ была сдѣлана слѣдующая: Деревянное строенье оцѣнено въ 112 р. 28 алт. каменное, въ 101 р. 30 алтынъ; то и другое вмѣстѣ 214 р. 24 алт. 4 деньги. Понятно, что эта казенная оцѣнка не могла удовлетворить Ушакова. Цѣны брались, вѣроятно, самыя низкія, уже потому, что оцѣнщики, преслѣдуя интересы казны, не подвергались отвѣтственности, и напротивъ того, могли поплатиться, въ случаѣ высшей противъ стоимости оцѣнки. Жалобы Ушакова на то, что произведенныя имъ постройки оцѣнены вдвое дешевле, чѣмъ онѣ обошлись ему, должны имѣть полное основаніе. Онъ строился, какъ самъ выражается, прочно и въ надеждѣ удержать дворъ за собою, строился послѣ двухъ пожаровъ, цѣнили же наличность одной послѣдней постройки. При значительной для того времени затратѣ на постройку капитала, Ушаковъ долженъ былъ прибѣгать къ займамъ. Не мало разстройства причиняли ему и пожары и переѣзды съ квартиры съ хозяйствомъ и съ его иконнымъ заводомъ. Онъ дѣйствительно долженъ былъ потерпѣть большое раззоренье. Не могъ Ушаковъ переносить равнодушно и того, что въ то время какъ ему, лучшему царскому иконописцу, не удалось склопить правительство къ уступкѣ двора съ уплатою погодно, тотъ же дворъ отдавался ловкому промышленнику за половинную цѣну. Ушакову было хорошо извѣстно, что понадобившійся Нарышкину дворъ Климшина стоилъ вдвое дешевле Юдинскаго, что на Климшинѣ было казенныхъ долговъ десятки тысячъ. Обнаруживая это, Ушаковъ надѣялся, что дворъ Климшина будетъ взятъ за долги а дворъ Юдинскій снова перейдетъ въ вѣдѣніе Оружейной Палаты и отданъ будетъ ему, Ушакову. Но этому не суждено было осуществиться. Мало того: пока онъ находился въ отведенномъ ему на время дворѣ Астафьева, и этотъ послѣдній дворъ былъ проданъ подъ подворье Владимірскаго Рождественскаго монастыря. Уша-

кова стали высылать изъ послѣдняго убѣжища. Онъ рѣшился въ это время просить у государя на прежнихъ условіяхъ, съ разсрочкой уплаты и зачетомъ денегъ, употребленныхъ имъ на постройку, новый дворъ съ незначительною постройкою, лежавшій близь церкви Варвары Мученицы и принадлежавшій боярину Ивану Андреевичу Милославскому. Въ 1673 году 1 ноября онъ подалъ царю челобитную. Припомня вначалѣ ея о томъ, какъ ему данъ былъ извѣстный Юдинскій дворъ, для святыхъ иконъ и для учениковъ, какъ онъ въ томъ дворѣ обстроился и потратилъ на то до четырехъ сотъ рублей, какъ взятъ тотъ домъ и отданъ гостю Кипріяну Климшину промѣномъ на его дворъ, стоящій всего въ половину противъ Юдинскаго, какъ видно изъ купчихъ крѣпостей, онъ повторяетъ, что на Кипріянѣ Климшинѣ казеннаго долгу въ Сибирскомъ приказѣ нѣсколько тысячъ, что потому Юдинскаго двора ему не слѣдуетъ давать. Произведенная оцѣнка его, Ушаковскому, строенью 214 р. 25 алт. составляетъ только половину дѣйствительной ея стоимости. Отведенный на время въ Китай-городѣ Астафьевъ дворъ, говоритъ онъ, проданъ и меня высылаютъ и отсюда, и я въ конецъ разоренъ. А есть, государь, за дворомъ боярина Ивана Андреевича Милославскаго, у церкви Варвары Христовы Мученицы, дворовое мѣстечко, его же боярское, одноданное, съ каменною ветхою палаткою. Мѣрою то мѣсто, вдоль 25 саженъ, поперекъ, въ переднемъ концѣ, 14 саженъ, въ заднемъ концѣ, 7 саженъ съ третью; другое, къ тому же мѣсту покупное, вдоль, 9 саженъ, поперекъ, 8 саженъ, дано 30 рублевъ; лежатъ тѣ мѣста порожни и засорены, пожалуй меня, государь, для святыхъ иконъ и своихъ государскихъ дѣлъ, не вели государь прежняго моего двора у меня отнять и мое дворовое строенье по малой цѣнѣ брать и меня въ конецъ разорить, и вели, государь, за тотъ дворъ въ свою государеву казну у меня деньги выбрать, что ты, великій государь, укажешь погодно, кромѣ моего строенья, или вели государь тѣ порожія дворовыя мѣстечка продать мнѣ за тѣ деньги, что мнѣ взять за строенье и къ тому донять денегъ на мнѣ и что тебѣ государю о мнѣ Богъ извѣститъ, чтобы мнѣ волочась межъ дворъ иконописнаго дѣла не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй.

Вслѣдствіи этой челобитной было рѣшено послать памяти въ разные приказы за справками, какъ о долгахъ Климшина, такъ и о купчихъ на Юдинскій и Климшина дворы, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ былъ запросъ и Ушакову о долгахъ Климшина, а постройкамъ на Юдинскомъ дворѣ потребована отъ Ушакова подробная опись съ оцѣнкой всему строенью. Прежде всего, въ іюлѣ мѣсяцѣ отправлена была изъ Оружейной палаты память къ окольничему Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, въ Сибирскій приказъ, на который ссылался Ушаковъ въ своей челобитной, за тѣмъ 2-го сентября, 1674 года, въ приказъ Казанскаго Дворца, къ боярину Михайлу Юрьевичу Долгорукому, 5-го января, въ приказъ Большой казны, къ стольнику Лукѣ Владиміровичу Ляпунову, наконецъ, въ мартѣ, въ приказъ Большаго Дворца. Во всѣхъ этихъ приказахъ велѣно было выписать: на гостѣ Кипріянѣ Климшинѣ, что по доимкѣ и по порукамъ довелось взять на великаго государя денежной и иной всякой казны, и тѣ выписки прислать въ Оружейную палату. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланною изъ Оружейной палаты по царскому указу памятью, отъ 22 февраля, въ Земскій приказъ къ думному дворянину Ивану Ивановичу Чадаеву, было приказано отписать: гостю Кипріяну Климшину дворъ въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ, вдовы Аксиньи Юдиной, въ которомъ напередъ сего жилъ Оружейной палаты иконописецъ Симонъ Ушаковъ, по какому великаго государя указу ему данъ и въ записныя дворовыя книги за нимъ записанъ ли, и почему ему Кипріяну тотъ дворъ крѣпокъ, и что его Кипріянову прежнему двору по прежней купчей цѣна, которымъ онъ поступился боярину Кириллу Поліевктовичу Нарышкину? Но приказы не торопились отписками; потому ли, что послѣднія не могли быть въ интересахъ Климшина или по другимъ причинамъ, только нѣкоторые изъ приказовъ даже вовсе не прислали отвѣта. Таковы были: Сибирскій приказъ и приказъ Большаго Дворца. Сибирскій приказъ, замѣчательно, не отвѣтилъ даже послѣ вторичной памяти по тому же предмету изъ Оружейной Палаты отъ 30 сентября. Всего же замѣчательнѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что недостатокъ полученныхъ изъ приказовъ официальнымъ путемъ свѣдѣній долженъ былъ пополниться изъ частнаго источника. Обратились къ челобитчику и потребовали у иконописца, у Симона Ушакова, роспись, что на гостѣ, на Кипріянѣ Климшинѣ, государева долгу въ разныхъ приказахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Оружейной Палаты приказано было послать память въ Земскій и въ Каменный приказы, чтобы оттуда прислали въ

Оружейную палату цѣновщиковъ, и дворовое каменное и деревянное всякое строенье оцѣнить вновь, которое онъ (Ушаковъ) построилъ.

24-го марта того же 1674 года Ушакова постигла новая бѣда: ему приказано было немедленно выбраться изъ дома Астафьева. Въ Оружейную палату пришелъ указъ объ отдачѣ двора того прежнему владѣльцу. Въ указѣ было сказано: Во 180 году апрѣля въ 16 день, по именному великаго государя указу и по памяти изъ Оружейнаго приказу, поставленъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ со учениками на дворѣ гостинныя сотни Ѳедота Астафьева, для письма святыхъ иконъ воображенья, до его великаго государя указу, который дворъ отписанъ изъ приказу Большаго приходу за недоборныя помѣрныя пошлинныя деньги. И въ нынѣшнемъ во 182 году марта въ 17 день великій государь указалъ: иконописца Симона Ушакова со учениками съ того Ѳедотова двора Астафьева свесть и отдать тотъ дворъ, по прежнему, гостинныя сотни Ѳедоту Астафьеву. Такимъ образомъ иконописца вывели изъ послѣдняго убѣжища и не дали ему въ замѣнъ другаго двора. Положеніе Ушакова было отчаянное. Оно не могло не вызвать новой челобитной, хотя въ дѣлѣ и не сохранилось ея. Между тѣмъ продолжали собирать справки въ приказахъ по прежней его челобитной. Всѣ онѣ оправдывали жалобы Ушакова на несправедливое рѣшеніе дѣла, въ пользу Климшина. Первая отписка пришла изъ Земскаго приказа съ выписками о томъ, какъ достался Кипріяну Климшину Юдинскій дворъ, въ которомъ жилъ Ушаковъ и какая цѣна въ прежней купчей показана двору Климшина, бывшему тестя его, Шустова. По справкамъ оказалось, что дворъ Юдинскій отданъ Климшину промѣномъ на его дворъ, взятый по царскому указу и по памяти изъ Галицкой Чети 7180 (1672) года іюля 7, и отданный боярину Кириллу Поліевктовичу Нарышкину, что Юдинскому двору, проданному Задорину изъ Патріаршего разряда цѣна 2000 р., а Климшинову, по купчей Шустова, 1000 рублей. Полученный Нарышкинымъ дворъ Климшина находился, какъ видно изъ справки, въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца—Красныхъ колоколъ. Судя по выпискамъ изъ писцовыхъ книгъ 7147 (1639) года подъ этимъ дворомъ мѣста было гораздо менѣе Юдинскаго двора. „Отъ Варварскаго кресца къ Ильинскому, Воскресенскою улицею, на правѣ дворы: дворъ гостинной сотни торговаго человѣка Дмитрія Коломнитина (въ послѣдствіи Шустова и Климшина): вдоль 21 сажень съ полусаженью, позади, вдоль же, 20 сажень съ полусаженью, поперекъ 14 сажень безъ четверти. Дворъ гостя Григорія Иванова сына Юдина: вдоль 30 сажень съ полусаженью, поперекъ 29 сажень безъ чети.“ Въ переписныхъ книгахъ 7167 года подъ послѣднимъ дворомъ показано еще больше мѣста. „Въ Посольской улицѣ дворъ гостя Семена Задорина; а въ немъ по мѣрѣ вдоль: въ переднемъ концѣ, по воротамъ, противъ Посольскаго двора, 23 сажени съ третью, а поперекъ, въ одномъ концѣ, 17 сажень съ третью, а въ другомъ концѣ 20 сажень; того жъ двора за палатами: вдоль 16 сажень, да поперекъ, въ одномъ концѣ, 10 сажень, въ другомъ концѣ, 14 сажень съ полусаженью; того же двора вышло угломъ 6 сажень безъ полутрети, поперекъ, въ одномъ концѣ, 3 сажени съ третью, въ другомъ концѣ тожь. Дворы эти находились въ ближайшемъ между собою сосѣдствѣ. И въ томъ и въ другомъ были каменныя палаты и деревянныя строенья. Изъ нихъ, на Юдинскомъ дворѣ, намъ отчасти уже извѣстны изъ прежнихъ описей и еще болѣе уяснятся изъ описи Симона Ушакова. Какія постройки были на прежнемъ дворѣ Климшина, мы не знаемъ.

Перейдемъ къ долгамъ Климшина. Намъ уже извѣстно, что, несмотря на двѣ посланныя въ Сибирскій приказъ памяти, изъ этого приказа не отвѣчали, сколько долговъ казенныхъ, деньгами и мягкою рухлядью, на Кипріанѣ Климшинѣ. Но въ поданной въ этотъ приказъ Ушаковымъ собственноручной росписи долгамъ Климшина находимъ, что онъ былъ долженъ въ казну: деньгами — 5.089 рублей, 20 алтынъ, по порукамъ — 14.086 рублей 8 алтынъ 2 деньги. Въ присланной изъ приказа Казанскаго дворца памяти значилось за нимъ же долгу — до 2.000 деньгами, до 5.882 р. по порукамъ. Въ доставленной Ушаковымъ росписи о долгахъ Климшина въ приказъ Большаго дворца состояло 1.000 р. деньгами. Такимъ образомъ всѣхъ долговъ Климшина въ трехъ приказахъ найдено было 7.998 р. 8 алт. 5 денегъ деньгами и 19.968 руб. 17 алт. по порукамъ, всего же въ доимкѣ и по порукамъ 27.966 р. 26 алт. 1 деньга. Цифра для того времени весьма значительная. Жалобы Ушакова оказывались во всѣхъ отношеніяхъ справедливыми. Выставленные имъ на видъ

убытки казны отъ пристрастнаго рѣшенія въ пользу Климшина и во вредъ Ушакову дѣла о Юдинскомъ дворѣ не требовали бо́льшихъ потвержденій, тѣмъ не менѣе результаты эти едва ли принесли какую-либо выгоду Ушакову, и всѣ справки въ сущности оказались вмѣстѣ съ жалобами вполнѣ напрасны. Дворъ Юдинскій остался за Климшинымъ, Ушаковъ лишился и временнаго убѣжища на Астафьевомъ дворѣ. Но намъ извѣстно, что въ той же челобитной Ушаковъ жаловался на низкую оцѣнку произведенныхъ имъ построекъ на Юдинскомъ дворѣ, и что по этому пункту жалобы его посланы были оцѣнщики на Юдинскій дворъ для переоцѣнки строеній Ушакова, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому ему велѣно было представить подробную опись всему на дворѣ имъ построенному.

Драгоцѣнный во всѣхъ отношеніяхъ документъ этотъ — Ушаковская опись постройкамъ и исправленіямъ на Юдинскомъ дворѣ — сохранилась въ подлинникѣ въ архивѣ Оружейной палаты. Она скрѣплена рукою самого Ушакова и имъ озаглавлена слѣдующимъ образомъ: 177 году Роспись иконописца Симона Ушакова, послѣ большаго пожару, въ Китаѣ-городѣ, на Юдинскомъ дворѣ, что̀ построено вновь, и починиваны старыя палатки для иконнаго дѣла, и разборки и починки крыльцу каменному и сѣнямъ и подклѣтамъ. Къ росписи, въ видѣ дополненія, приложенъ еще списокъ постройкамъ и исправленіямъ, произведеннымъ Ушаковымъ до пожара 22 августа 7176 (1668) года. Археологическая литература вовсе не богата выработанными данными для исторіи гражданской архитектуры древней Россіи. Самыхъ матеріаловъ по этой части издано весьма немного, какъ въ рисункахъ, такъ и въ текстѣ; а потому мы въ правѣ считать эти описи, разъясняющія устройства двора съ постройками XVII вѣка, въ мельчайшихъ его подробностяхъ, важнымъ и драгоцѣннымъ документомъ нѣ для одной только біографіи Ушакова, но и для исторіи архитектуры и для исторіи русскаго быта XVII вѣка. Займемся же здѣсь этими описями обстоятельнѣе. Прежде всего скажемъ два слова о характерѣ ихъ вообще.

Нами упомянута уже была выше опись, составленная оцѣнщиками, вызванными изъ Каменнаго и Земскаго приказовъ, экспертами каменныхъ и деревянныхъ построекъ. Она изложена довольно подробно, хотя и безъ указанія полной цѣнности отдѣльныхъ предметовъ. Послѣдняя, Ушаковская опись во многомъ разъясняетъ и дополняетъ первую. Обѣ онѣ, какъ та, такъ и другая, составлены очевидно по одному и тому же плану, при непосредственномъ участіи Ушакова. При всемъ томъ Ушаковская опись до мельчайшихъ подробностей излагаетъ стоимость всему построенному; и это могло быть извлечено изъ однихъ лишь счетныхъ записей самого Ушакова.

177 году Роспись иконописца Симона Ушакова, послѣ большаго пожару въ Китаѣ-городѣ, на Юдинскомъ дворѣ, что̀ построено вновь, и починиваны старыя палатки для иконнаго дѣла, и разборки и починки крыльцу каменному и сѣнямъ и подклѣтамъ. Дѣлана новая свѣтлица или палатка для иконнаго дѣла, мѣрою 4 сажени. Сѣни другія тоже. Извести куплено съ Патріарша Двора и на возахъ у мужиковъ 70 бочекъ, за бочку по 10 алтынъ, 21 рубль; песку 115 возовъ по 2 алтына за возъ, итого 6 рубл. 30 алт.; кирпичу 10.000, за тысячу по полъ 3 рубли, итого 25 рублевъ, да провозу съ тысячи по 10 алт. итого 3 рубли. Бѣлаго камени на лѣстницу 20 каменевъ по 4 алтына, 20 малыхъ каменевъ по гривнѣ, итого 4 рубли 13 алт. 2 деньги. Желѣза на связи на новую палатку 12 пудъ, по 20 алтынъ, итого 7 рублевъ 6 алтынъ 4 деньги. Подставки и петли въ 8 окошекъ, 23 алт. 2 деньги. Въ окна же въ верхніи пороги и притца желѣзныя 16 алтынъ 4 деньги. Къ дверямъ новой палатки колоды 6 алтынъ 4 деньги. Дверь — 4 алтына. Крюки, 13 алтынъ 2 деньги. Скобы и крюкъ закладной 3 алт. 2 деньги. Плотникомъ отъ дѣла дверей 11 алт. 4 ден. и всего 69 рублевъ 29 алтынъ. У сѣней двери съ колодами и съ крюки 11 алт. 4 деньги. У палатки старой въ сѣни двери съ колодами и крюки 11 алт. 4 деньги. Другія двери сѣнныя съ колодами жь и съ крюки цѣною 30 алт. На матицы 3 бревна по полъ 4 сажени, подъ свѣтлицу, за бревно по 8 алт. по 2 деньги итого 25 алт. Дубовое бревно 9 алт. и съ провозомъ; а положено возлѣ стѣны въ нижнемъ мосту у придѣльной стѣны, для крѣпости. Въ мостъ 35 бревенъ 3-хъ саженныхъ, за бревно по 2 алт. На новую палатку, на кровлю 100 тесинъ полу 3 сажени, 13 алт. 2 ден., итого 8 рублевъ 2 алтына. На подвязи лѣсу 13 алт. 2 деньги. Краснаго тесу 3-хъ саженнаго 25 тесницъ, за тесницу по 2 алт. итого рубль 16 алт. 4 деньги. Въ новой палаткѣ стѣны обиты тесомъ; у кровли подзоры и

опушка. Гвоздей двостесныхъ на кровлю и на обивку въ свѣтлицѣ стѣнъ 600, за 100 по 6 алт. по 2 деньги, итого 38 алтынъ, 40 гвоздей денежныхъ прибойныхъ, итого 6 алт. 4 деньги. Лавочныхъ 2 доски, 3 сажени съ локтемъ, 17 алт. 4 деньги, лавочныхъ же 2 доски, полу 3 сажени, 10 алт. Въ мосты 5 досокъ 3-хъ саженныхъ 21 алт., въ мостъ же 12 досокъ 3 сажень 40 алт. Въ мостъ же и въ ставни и въ затворы окнамъ, по полъ 2 сажени 20 досокъ, за доску по 2 алт. по 2 деньги, итого 46 алт. 4 ден. Вмѣсто свода и подволоки 10 бревенъ, по полъ 4 сажени толстыхъ, за бревно и съ провозомъ по 8 алт. по 2 деньги. Отъ растирки бревенъ пластинами на двое, отъ бревна по 2 алт. А потолокъ кладенъ безъ матицъ, итого 10 рублевъ 12 алт. 2 деньги. Моху на потолокъ 3 воза 15 алт. Землю таскали на 2 потолка, работникамъ дано 13 алт. 2 деньги. По полъ 4 сажени 3 бревна, за бревно по 6 алт., на свѣтлицу на стѣны положены, во что кровля крѣплена, бревно 5 сажень 8 алт. 2 деньги, во что рѣшетины вязаны, бревно 6 сажень, на большую слягу, 13 алт. 2 деньги, что лежитъ съ нижняго угла и на верхній полъ кровли, итого 2 рубли одинъ алтынъ 2 деньги. Рѣшетины 20 алт. Каменщикамъ съ работники отъ дѣла новой палатки или свѣтлицы съ осьмью окны и съ дверьми 25 рублевъ. Плотникомъ, отъ нутра новой палатки и отъ потолковъ и отъ ставней и отъ затворовъ и отъ кровли тесовой и что внутри стѣны тесомъ убивали, 8 рублевъ. Каменщикомъ, отъ разбирки и отъ починки сѣней и крыльца новаго и отъ исподнихъ житій отъ починки и отъ задѣлки дверей и отъ пробивки дверей же и оконъ и отъ замазки щелей и отъ трубы новой, что у новой палатки и отъ починки въ палаткахъ, дано 9 рублевъ 5 алт. Поправливано: желѣзная дверь, отъ пожара погнулась, 8 алт. 2 деньги. Печь въ новой палаткѣ мурамленая, 170 образцовъ, образецъ по 4 деньги, простыхъ 40 образцовъ, образецъ по 2 деньги, итого 3 рубли 26 алт. 4 деньги. Глины 5 возовъ, за возъ по 2 алт. по 2 ден., итого 11 алт. 4 ден. Печникамъ отъ дѣла рубль. Связей желѣзныхъ и проволоки въ печь 26 алт. 4 ден. Сурику на прописку 2 алт. Кирпичу сырцу 100, 2 алт. Жженаго кирпичу 200, за 100 по 8 алт. по 2 деньги, итого 16 алт. 4 ден. Въ трехъ старыхъ палаткахъ въ полъ досокъ 20 алт. Въ лавки досокъ и съ опушками на рубль. 8 вставней 23 алт. 2 ден. Двери съ крюки 16 алт. 4 ден. Плотникомъ отъ дѣла 2 рубли. Въ тѣхъ же палаткахъ, въ печи, мурамленыхъ 213 образцовъ, за образецъ по 4 деньги, простыхъ 60 образцовъ, за образецъ по 2 деньги, кирпичу сырцу 200 за 100 по 6 денегъ, жженаго 100, дано 8 алт. 2 ден., связей въ печи 20 алт., глины 6 возовъ, за возъ по 2 алт., по 2 ден. печникомъ отъ дѣла, отъ 2 печей, дано 46 алт. 4 ден. и того 7 рублевъ 19 алт. 4 деньги. Къ печемъ же 5 вьюшекъ и 5 кровель, вьюшка съ кровлею по 10 ден. и того 8 алт. 2 ден. Печь стряпущая въ передней палаткѣ. Кирпичу сырцу 100, 6 ден., жженаго 400, за 100 по 8 алт. 2 ден., 20 кирпичей подовыхъ, по деньгѣ кирпичь, глины 5 возовъ, за возъ по 2 алт. 2 ден. На той же печи 37 зеленыхъ образцовъ, за образецъ по 4 ден., отъ дѣла печнику 13 алт. 2 ден. и того 2 рубли 20 алт. 4 ден. и всего въ сей статьѣ 67 рублевъ и 24 алт. Подъ тѣми же палатками, въ исподи, въ банѣ, печь съ каменьемъ. Каменья дикаго на 25 алт., глины 5 возовъ, за возъ по 2 алт. по 2 ден., сжепаго кирпичу 300, за 100 по 8 алт. 2 ден. Печнику отъ дѣла и съ трубою 16 алт. 4 ден., и итого 2 рубли 11 алт. 4 ден.; 2 затворы къ дверямъ 6 алт. 4 ден.; крюки 2, 13 алт. 2 деньги; въ полъ и въ лавки досокъ 20 алт., отъ дѣла плотнику 16 алт. 4 деньги; 16 бревенъ въ полъ, за бревно по 6 ден. итого 2 рубли 6 алт. Кровля на тѣхъ же палаткахъ, 8 связокъ, а въ связкѣ по 200 драницъ, за связку по 16 алт. 4 ден., итого 4 рубли; 6 жолобовъ, 5 сажень, и съ прибойками 23 алт., 20 гвоздей прибойныхъ, 6 алт., лубья по 8 алт., 3 бревна, полу 4 сажень 15 алт. 1 алт. Во что кровля на стѣнѣ крѣплена, 6 бревенъ полу 3 сажени, толстыхъ, да на ставни и на поперечныя вязи за бревно по 2 алт. по 4 ден. На верхнемъ слягу бревно 6 сажень, 13 алт.; съ провозомъ 12 бревенъ 2 саженныхъ, на чемъ желоби кладены и на рѣшетины, за бревно по 2 алт., и того 4 рубли 3 алт. 4 ден. Отъ чердака отъ дѣла 4 рубли, 50 теснищъ краснаго лѣсу 3 рубли. 15 брусьевъ, за брусъ по 6 ден., и того 15 алт. да связныхъ 4 бруса по 2 алт. брусъ; 12 бревенъ, за бревно по 8 ден., и того 16 алт., 34 луба на кровлю по 8 ден. лубъ, и того 45 алт. 2 ден. 200 драницъ, за 100 по 6 алт. по 4 ден., и того 13 алт. 2 ден., 2 жолоба и прибойны, 4 алтына; и всего 10 рублевъ 11 алт. 4 деньги. Гвоздей прибойныхъ 12, по деньгѣ за гвоздь, итого 2 алт. У другаго крыльца на старой угольной палаткѣ въ кровли 8 бревенъ, по 8 денегъ бревно, 300 драницъ

за 100 по 6 алт. по 2 ден., 2 жолоба и прибоины 3 алт. 2 ден.; 8 гвоздей прибойныхъ по деньгѣ за гвоздь, плотникамъ отъ крытья 10 алт. Двери съ крюками 5 алт., и того рубль 18 алт. На большой старой палаткѣ кровля. 21 бревно 3-хъ саженныхъ, за бревно по 10 ден., 4 жолоба 4-хъ саженныхъ, 10 прибой, дано 12 алт.; 8 гвоздей прибойныхъ по 2 ден.; 2 тысячи драни за 100 по 8 алт. по 2 ден., плотникамъ отъ крытья по 2 рубля, итого 8 рублевъ 10 алт. 2 ден. Подлѣ той же палаты другая палата крыта: 14 бревенъ 3-хъ саженныхъ, бревно по 2 алт., во всю кровлю слега большая, бревно 6 сажень, 13 алт. 2 ден., жолобы и прибойны 10 алт., 700 драницъ полтретныхъ, за 100 по 8 алт. по 2 ден., и того 4 рубли 9 алт. 4 ден. Въ большой старой палатѣ кладовой печь мурамленая. 105 образцовъ по 4 ден. образецъ, въ трубу и въ печь, 300 кирпичу жженаго за 100 по 8 алт. по 2 ден. Глины 6 возовъ по 2 алт. по 2 ден., отъ пробивки трубы и отъ дѣла печи рубль; двери съ колодами 13 алт. 2 ден., связей въ печи 6 алт. 4 ден., и того 4 рубли 29 алт. Подлѣ той палатки другая палатка, а въ ней печь мурамленая, 125 образцовъ по 4 ден. образецъ, 200 кирпичу за 100 по 8 алт. 2 ден. Глины 4 воза по 2 алт. за возъ, отъ дѣла печи 23 алт. 2 ден., па связи съ ютуги 6 алт. 4 ден., дверь въ чуланъ, крюки, петли, пробои, 23 алт., другая дверь: крюки и петли 10 алт., 3 двери: крюки 6 алт., въ лавкахъ досокъ 4 алт., итого 5 рублевъ 14 алт. 2 ден. Подлѣ тѣхъ же палатъ палатка взаворотъ старая. Въ ней сдѣланы двои двери съ колоды и съ крюки и съ петли, полъ 2 рубли; въ ней печь мурамленая 112 образцовъ по 4 деньги за образецъ; дверь въ отходъ на крюкахъ 13 алт. 2 ден., 200 кирпичу жженаго за 100 по 8 алт. по 2 ден.; печнику 26 алт. 4 ден. Связей 10 алт., и того 5 рублевъ 24 алт. 4 ден. Подъ тою же палаткою въ исподи дверь съ колодами, съ дѣломъ и съ крюками 25 алт., въ ней печь двоечельная и мостъ въ палатку. За глину и за кирпичи и за дѣло полъ 2 рубли; и того 2 рубли 8 алт. 2 деньги. Всего 55 рублевъ 4 алт. Подлѣ новой иконной палатки придѣлана палатка: двѣ стѣны вновь и три окна и дверь въ палату пробирана. Каменьщикамъ отъ дѣла дано 5 рублевъ; въ ней потолокъ и лавки и полъ и на два потолка кладено: мохъ и земля, плотникомъ и работникомъ 3 рубли 16 алт. 4 ден. глины и извести: глины 30 возовъ въ дѣло на ту палатку, за возъ по 2 алт. по 2 ден., 5 бочекъ извести, за бочку по 18 алт. Въ той же палаткѣ печь круглая, мурамленая, 105 образцовъ за образецъ по 4 ден., на связи съ ютуги, 6 алт. 4 ден. Глины 3 воза по 2 алт. по 2 ден. На трубу и на опечекъ 200 кирпичей жженаго за 200 по 8 алт. по 2 ден. печнику отъ дѣла 23 алт. 2 ден., 10 возовъ песку, на палатку въ дѣло за возъ по 2 алт., и того 16 рублевъ 13 алт. 4 ден. Подъ большою новою иконною палаткою 2 двери съ колодами и съ крюки, печь съ трубою, полъ 3 рубля. Палаты старыя чищены, земля и ломъ потолоченый, послѣ пожара выбиранъ, дано 3 рубли. Двери у тѣхъ же палатъ на городъ, задѣланы и два окна сдѣланы, отъ дѣла каменщикомъ, полъ 2 рубли, рѣшетки желѣзныя и подставки въ тѣ же окна, два пуда, 20 гривенокъ, 2 рубли, окно дѣлано каменное въ погребъ, отъ дѣла каменщику дано 13 алт. Рѣшетка въ окно вставлена желѣзная вѣсомъ пудъ; пять гривенокъ, дано 30 алт. и того 10 рублевъ 9 алт. 4 ден. Подъ иконною палаткою пробрано 2 окна, отъ пробирки дано 20 алт. въ нихъ же рѣшетки желѣзныя вѣсомъ пудъ 15 гр., 8 алт. и того 60 алт. Колодезъ чищенъ до пожару дано 5 рублевъ, а былъ заложенъ навозомъ и землею, въ тотъ же колодезъ послѣ пожару струбъ новый вставленъ въ глубину 12 сажень дано отъ дѣла и съ лѣсомъ 35 рублевъ. Ворота новыя, 3 затвора, 3 вереи, покрыты тесомъ, по сторонамъ заборъ стоячей, 5 рублевъ. Всего въ сей статьи 46 рублевъ 26 алт. 4 ден. У воротъ изба новая жилая съ нутромъ, печь двоечельная, мѣрою изба полъ 3 сажени, съ краснымъ окномъ, двери на черныхъ крюкахъ, сѣни 3-хъ сажень, 2 стѣны, крыто дранью, стало 20 рублевъ. Конюшна 3-хъ саженъ съ верхомъ, гдѣ сѣно кладутъ, крыта дранью, стало 8 рублевъ. Подлѣ ней навѣсъ и мостъ четыре сажени и передъ конюшнею навѣсъ же 7 сажень, крытъ дранью, лѣсу и за дѣло 6 рублевъ. По другую сторону подлѣ конюшни жъ изба новая жилая полу трехъ сажени, печь двоечельная, сѣни 2 сажени у избы окно красное, двери на крюкахъ, крыта дранью отъ дѣла съ лѣсомъ стало 15 рублевъ. Отъ той избы навѣсъ большой, длиною полъ 9 сажени, крытъ дранью, съ мостомъ отъ дѣла а за лѣсъ 8 рублевъ, 16 алт. 4 ден. Подлѣ того навѣсу изба новая большая съ красными окны мѣрою полъ 4 сажени, двери на черныхъ крюкахъ печь двоечельная съ трубою сѣни 2 сажень крыта дранью; отъ дѣла и съ лѣсомъ 26 рублевъ. 3 Прясла у огорода за-

бору, да ворота въ заборѣ 2 рубли 6 алт. 4 ден. Въ погребѣ 2 сусѣка рублены съ выпуски и съ мостами и покрыты дощатыми дверми, съ лѣсомъ и съ дѣломъ полъ 4 рубли. Въ огородѣ насажено смородины красной и черной и бѣлой смородины большой и пеньковъ яблочныхъ на 12 рублевъ на 16 алт. 4 ден. Съ другаго конца огорода частоколъ толстой сосновый на иглахъ на 9 саженяхъ на рубль. Извести куплено на всякую починку взапасъ 30 бочекъ по 10 алтынъ бочка и того 9 рублевъ и той извести свезено съ двора 6 бочекъ. 60 Возовъ глины по 2 алтына по 2 ден. возъ. 20 Возовъ песку по 2 алт. возъ и того 188 рублевъ 26 алт. 4 деньги. И всего каменнаго и деревяннаго строенья построено на четыреста рублевъ. Къ сей росписи иконописецъ Симонъ Ѳедоровъ сынъ Ушаковъ руку приложилъ.

А какъ во 176-мъ году августа въ 22 день былъ пожаръ въ Китаѣ-городѣ, и до того времени построено моего же Симонова строенья: горница, 4 саженп, 8 оконъ красныхъ, съ колодами, для иконнаго дѣла; покрыта тесомъ, внутри лавки и полъ и подволока, и поставецъ съ затворами, печь мурамленая двери на крюкахъ бѣлыхъ; денегъ изошло 50 рублевъ. Ворота створчатыя, верен новыя подлѣ; воротъ калитка, дверь на крюкахъ, крыта тесомъ; въ одну сторону два прясла забору, по обѣ стороны воротъ, заборъ стоячей; и того, съ дѣломъ и съ лѣсомъ, 8 рублевъ. Около огорода рѣшетка, съ столбами и съ маковки, подъ рѣшеткою заборцы на 20 саженяхъ, съ лѣсомъ и съ дѣломъ 10 рублевъ, куплено 900 теснищъ 3 саженныхъ на палатную кровлю, сто тесницъ по пяти рублевъ и того 45 рублевъ. Куплено тутъ же на дворѣ 400 бревенъ красныхъ 3 саженныхъ за 100 бревенъ по 10 рублевъ, а куплено лавочныхъ и дверныхъ досокъ на 15 рублевъ дѣлать навѣсъ, крыть дранью на шти саженяхъ, съ дѣломъ и съ лѣсомъ 5 рублевъ. Въ огородѣ насажено смородиннику бѣлаго и краснаго на 6 рублевъ и того всего до пожару строенья на 100 на 70 на 9 рублевъ. И о томъ, что великій государь укажетъ!

Юдинскій дворъ, въ которомъ около пяти лѣтъ жилъ Ушаковъ, находился, какъ уже намъ извѣстно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ переписныхъ книгъ, описей и самыхъ челобитныхъ, въ Китаѣ-городѣ, въ Посольской улицѣ, между Ильинкою и Варваркою. Хотя имени Посольской улицы уже и не существуетъ, но мѣсто ея равно какъ и самаго двора Юдинскаго отыскать не трудно, вопервыхъ, потому что намъ извѣстно, гдѣ помѣщался Посольскій дворъ, и воспоминаніе о немъ уцѣлѣло въ Посольскомъ подворьѣ; кромѣ того, изъ границъ Юдинскаго двора извѣстно, что послѣдній съ задней стороны примыкалъ къ огородамъ ипатьевскаго священника, а съ передней воротами стоялъ противъ воротъ Посольскаго двора. Мѣсто это приходится, въ настоящее время, среди Юшкова переулка, третьяго съ правой стороны, идя отъ Спасскихъ воротъ по Ильинкѣ, поворотя какъ разъ противъ церкви Николая, называемой Большой Крестъ. Посольскій дворъ находился по сю сторону, считая отъ Кремля, Юдинскій, напротивъ. Посольская улица называлась въ XVII вѣкѣ и Воскресенскою, по находившейся въ ней церкви того же названія. За нею, далѣе, къ площади и къ стѣнѣ Китая-города находится до сихъ поръ Ипатьевская улица, или того же имени переулокъ съ церковью, давшею ему названіе, и небольшой вдающійся въ нее переулокъ съ церковью Грузинской Божіей Матери, въ которой сохранилось такъ много иконъ работы Ушакова. Легко можетъ быть, что прямо за домомъ Ушакова небольшой переулочекъ велъ къ этой церкви, между Ушаковскимъ огородомъ и огородомъ Ипатіевскаго священника. Съ другаго конца той же Посольской улицы, въ которой жилъ Ушаковъ, на Варварку, выходила церковь Николы Красный Звонъ или Большихъ Колоколовъ. Она стояла почти противъ церкви Воскресенія, въ концѣ переулка, у бывшаго здѣсь моста. Юдинскій дворъ могъ принадлежать къ ея приходу. Смежными съ Юдинскимъ дворомъ были, отъ Варварки, Климшина, отъ Ильинки, Безобразовыхъ. Впрочемъ довольно трудно представить себѣ, по современному положенію города, о томъ что онъ былъ въ XVII вѣкѣ. При каждой церкви Китая-города были кладбища. Съ Ильинки, черезъ улицу отъ Посольскаго переулка, были не существующія уже нынѣ церкви съ кладбищами: св. Дмитрія Селунскаго, Воскресенія въ Поляхъ.

Изъ описи представленной Ушаковымъ сравнительно съ текстомъ его челобитныхъ становится яснымъ, какъ много на дѣлѣ положилъ онъ труда и издержекъ по приведенію въ порядокъ Юдинскаго двора, разрушеннаго пожарами и небрежными жильцами. Главное вниманіе его въ этомъ случаѣ очевидно обращено было на иконное дѣло, на устройство мастерской, складовъ для иконнаго

матеріала, помѣщеній для учениковъ и мастеровъ. Все это было сдѣлано, какъ видно, съ полнымъ удобствомъ и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла. Выстроено новое, исправлено и прилажено старое.

Для иконнаго дѣла построилъ онъ новую каменную свѣтлицу, иконную палату, около четырехъ квадратныхъ сажень, съ восемью съ двухъ сторонъ окнами, по четыре съ каждой стороны. Внутри она вся была обдѣлана деревомъ, стѣны ея обиты тесомъ, какъ во избѣжаніе сырости, такъ и для красоты; потолокъ пластинчатый изъ распиленныхъ еловыхъ бревенъ, полъ досчатый; вдоль стѣнъ тянулись лавки съ причелинами и съ сосновыми подставками. Окна, также съ подставками, снаружи запирались ставнями. Дверь и колоды были сосновыя, съ желѣзными луженными скобами, на черныхъ крюкахъ. Въ свѣтлицѣ стояла зеленая изразцовая печь. Подъ свѣтлицею находилось жилое помѣщеніе, подклѣтъ, съ бревенчатымъ потолкомъ, съ двумя окнами, снабженными желѣзными рѣшетками и подставками, съ двумя дверями на желѣзныхъ крюкахъ съ колодками. Надо полагать, что вся палата была не ниже двухъ сажень. Крытая по драни тесомъ кровля украшалась подзоромъ и опушкою. Въ свѣтлицу вела каменная лѣстница съ крыльцомъ и съ просторными каменными же сѣнями, надъ которыми возвышался досчатый чердакъ въ три съ половиною сажени длиною и три сажени шириною. Кровля была четырехъ съ половиною сажень; за новыми сѣнями слѣдовали старыя сѣни передъ свѣтлицею и старыми палатами.

Изъ свѣтлицы вела дверь въ другую новую, каменную же палатку, которая стояла подъ отдѣльною крышею. Двѣ стѣны палатки построены вновь и придѣланы къ двумъ старымъ стѣнамъ Палатка эта была двухъ саженъ, съ двумя только окнами. Потолокъ ея былъ бревенчатый, съ подтесомъ. Въ ней стояли двѣ лавки. Въ палаткѣ находилась печь зеленая, изразцовая, круглая. Крыша этой постройки была также изъ лубья и тесу. Внизу жилье съ бревенчатымъ потолкомъ и съ двумя окнами съ рѣшетками и съ подставками.

Въ двухъ старыхъ, отъ улицы, палатахъ сдѣланы печи изъ зеленыхъ изразцовъ, на кирпичныхъ опечкахъ, лавки съ опушками и съ подставками; оконъ здѣсь было восемь. Въ третьей передней палатѣ поставлена печь варистая, стряпущая, двоечельная, съ одной стороны ея вставлены были зеленые изразцы. Въ одной изъ двухъ нижнихъ комнатъ, подъ этими, была устроена баня и въ ней печь съ кожухомъ и съ каменьемъ, полъ и лавы новые; другая комната тутъ же, съ печью кирпичною. Въ описи упоминается затѣмъ наугольная старая палатка, крытая двухъ-саженною дранью, съ кровлею длиною двухъ съ половиною сажень.

За нею слѣдовала старая большая палата, служившая прежде кладовою, съ чуланами. Ушаковъ обратилъ ее въ жилое помѣщеніе, устроивъ зеленую изразцовую печь, два окна съ желѣзными рѣшетками и дверь еловую на желѣзныхъ крюкахъ, съ двумя черными скобами. Крыта была эта палата также дранью, но въ желубья, дранью трехъ-саженною, съ наставками. Мѣра кровли — семь съ половиною сажень на обѣ стороны.

Въ другой каменной палаткѣ была сдѣлана также новая изразчатая печь; устроены двѣ лавки, каменный чуланецъ съ дверью на крюкахъ желѣзныхъ, у палаты и чуланца петли и пробои черные, у двухъ старыхъ дверей крюки новые, кромѣ того, двѣ скобы и закладка.

Рядомъ съ большою палатой стояла палатка взваворотъ, т.-е. угломъ, въ ней устроена также печь изразчатая, двѣ двери съ колодками на желѣзныхъ крюкахъ, съ черными скобами и третьи двери на крюкахъ къ отходу. Палатка крыта дранью трехъ-саженною, на обѣ стороны, мѣрою шести сажень. Въ нижнемъ этажѣ, подъ этою палаткой, была устроена печь кирпичная, двоечельная, то есть русская, варистая, съ топкою съ двухъ сторонъ; поновлены окна, полъ или мостъ, поставлена дверь съ колодами на черныхъ желѣзныхъ крюкахъ. Въ исподнихъ подклѣтахъ находился закромъ съ выпусками бревенчатый, перегороженный по поламъ, съ поломъ или мостомъ и съ досчатою крышею. Здѣсь было четверо дверей на желѣзныхъ крюкахъ. У подклѣта окно съ желѣзною рѣшеткою. Какъ видно это былъ погребъ.

Всѣ эти, повидимому, отдѣльныя каменныя строенья, подъ особыми крышами, называемыя палатами съ подклѣтами, тянулись почти въ одинъ рядъ вдоль двора, заворачивая и къ улицѣ; нѣкоторыя изъ нихъ находились въ непосредственной связи между собой, чрезъ общія сѣни, другія стояли совершенно отдѣльно. Они походили на сельскія постройки зажиточныхъ кресть-

янъ и мѣщанъ уѣздныхъ городовъ нашего времени. Послѣднія слова описи Ушакова еще сильнѣе довершаютъ это сходство.

На дворѣ стоялъ колодезь, со срубомъ, возвышавшимся надъ поверхностью земли, въ глубину тринадцати сажень. Досчатыя ворота были о трехъ створахъ, на сосновыхъ вереяхъ, покрыты тесомъ. По сторонамъ воротъ тянулись стоячія прясла забора. Близь воротъ стояла жилая крытая дранью сосновая изба, въ двѣ съ половиною сажени, съ краснымъ окномъ, къ ней вели сѣни въ три сажени. Въ избѣ была печь двоечельная. Къ сѣнямъ примыкалъ сарай, съ бревенчатымъ поломъ, крытый дранью, двухъ съ половиною сажень на обѣ стороны, съ кровлею мѣрою четырехъ сажень. Подлѣ сарая стояла конюшня на четыре стойла, съ сѣноваломъ. Предъ конюшнею были сѣнцы двухъ саженъ или навѣсъ съ мостомъ. По другую сторону конюшни стояла другая изба, еловая, съ краснымъ окномъ, двухъ съ половиною саженъ. Въ ней была печь двоечельная. Сѣни двухъ саженъ. Подлѣ этой избы находился съ бревенчатымъ поломъ большой сарай или навѣсъ, крытый полутретною дранью, мѣрою десяти саженъ. Кромѣ того большая новая изба, съ тремя красными окнами, мѣрою трехъ съ половиною саженъ, съ сѣнями двусаженными. Все крыто полутретною дранью на обѣ стороны. На огородѣ стояли три прясла забора, съ воротами. Въ огородѣ были посажены кусты смородины и яблоновыя деревья. По другую сторону огорода стоялъ частоколъ на иглахъ.

Представляя въ приказъ Оружейной палаты опись всему построенному и исправленному на Юдинскомъ дворѣ, Ушаковъ до мельчайшихъ подробностей показывалъ цѣну всему имъ на то употребленному, что въ общей сложности составляло четыреста рублей. Кромѣ того, въ концѣ своей описи счелъ онъ не лишнимъ приложить и списокъ исразходованнаго имъ на тотъ же предметъ до пожара 7176 (1668) года на сумму 179 р., всего же вмѣстѣ 579 р. Столько показалъ Ушаковъ, когда потребовали отъ него свѣдѣній. Но счетъ на этотъ разъ оказался излишнимъ. Послѣ большихъ усилій ему едва удалось получить половину истраченнаго, то есть столько, сколько показали прежніе оцѣнщики, 214 р. 24 алт. и 4 деньги. Выдача эта послѣдовала по указу 6 авг. 1674 года, повидимому вслѣдствіе новой челобитной Ушакова, въ которой онъ повторялъ свои жалобы на неправильную отдачу двора его Климшину и просилъ, для святыхъ иконъ, возвратить ему, Ушакову, отнятый дворъ съ вычетомъ у него денегъ погодно, а его строенье зачесть въ платежъ, или пожаловать его тѣмъ лишкомъ, что Кипріяну въ переходѣ, т.-е. 1000 рублями, и засчитавъ строенье донять съ него 600 рублей и выдать на домъ купчую. Вмѣсто всего, Ушакову выдали изъ приказа Большаго прихода, по памяти окольничему Никитѣ Михайловичу Боборыкину съ товарищи, 20 августа 1674 года, какъ сказано, только половину цѣны употребленной имъ на постройку.

Ушаковъ не могъ удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ дѣла и въ февралѣ слѣдующаго года подалъ послѣднюю челобитную, въ которой просилъ выдачи недоплаченной ему суммы 185 р. 8 алт. 4 деньги, противъ его росписи находившейся у выписки, въ Оружейной Палатѣ. „И я холопъ твой говоритъ онъ царю въ челобитной, въ томъ разорены скитаюсь межъ дворъ четвертый годъ по чюжимъ дворамъ, а товарищамъ моимъ твое государево жалованье давано и въ приказъ по сту и по семидесяти рублевъ на дворовую покупку и на строенье, а я холопъ твой разоренъ до конца.“ Онъ просилъ у государя, кромѣ того, и за раззоренье за всякія домашнія утери и переволоки и заключалъ свою челобитную слѣдующими горькими словами: чтобы мнѣ холопу твоему волочась по чюжимъ дворамъ, безъ моего двора и досталь въ разореніи не быть и въ конецъ не погибнуть. Изъ дѣлъ Оружейной палаты о другихъ иконописцахъ XVII вѣка дѣйствительно видно, что многіе изъ нихъ получали значительныя вспомоществованія на покупки дворовъ и на строенье, особливо тѣ, въ услугахъ которыхъ нуждалось въ то время правительство. Доставляя преимущественно иногороднымъ средства укрѣпиться въ Москвѣ, правительство имѣло въ виду тѣмъ удержать ихъ отъ выѣзда на родину. Въ челобитныхъ своихъ Ушаковъ высказывалъ обыкновенно разнаго рода желанія для того, чтобы предоставить изъ нихъ выборъ, а также чтобы прося бо́льшего получить по́ крайней мѣрѣ что нибудь. Таково было время. На послѣдней челобитной Ушакова была сдѣлана слѣдующаго содержанія помѣта: 183, февраля во 2 день, по указу

великаго государя, боярин и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово приказалъ въ Большой приходъ послать память: велѣть достальныя деньги ему (Ушакову) выдать 22-го февраля того же года была отправлена изъ Оружейной палаты въ приказъ Большаго прихода память къ боярину Никитѣ Михайловичу Боборыкину съ товарищи о выдачѣ Ушакову 185 р. 8 алт. 4 деньги.

Тѣмъ и кончилось по актамъ архива Оружейной палаты дѣло о Юдинскомъ дворѣ, о которомъ такъ долго хлопоталъ Ушаковъ. Много горя стоило это дѣло Ушакову, столь счастливо для него начавшееся. Онъ надѣялся на свои заслуги и на милости правительства и имѣлъ полное основаніе надѣяться, потому что работалъ болѣе всѣхъ своихъ товарищей для русской иконописи и для государева дома, былъ въ чести и славѣ. Но истинныя достоинства не всегда усердно награждались и въ XVII вѣкѣ. Какъ художникъ Ушаковъ не былъ достаточно практиченъ для того, чтобъ умѣть выхлопотать выгодный процессъ. Онъ просилъ въ интересахъ дѣла, которому служилъ, надѣясь на права свои, не унижаясь, подобно другимъ собратамъ своимъ по искусству, обращавшимся въ подобныхъ случаяхъ съ крайнимъ униженіемъ и съ воплями отчаянія. Не крайность и выпуждала знаменитаго иконописца такъ усердно хлопотать о домѣ. У него былъ свой собственный домъ тутъ же, въ Китаѣ-городѣ, рядомъ съ церковью Св. Георгія, что на Варварскомъ крестцѣ. Но при этомъ домѣ было мало удобнаго для постройки мѣста, чтобы ему помѣститься съ мастерской и учениками. Ему негдѣ было построить хоромишекъ для иконнаго письма и для учениковъ; тогда какъ при Юдинскомъ дворѣ было удобное мѣсто для пространства иконнаго дѣла, или говоря по нашему, для разширенія мастерской, а вмѣстѣ съ тѣмъ для болѣе широкаго развитія иконописной дѣятельности.

Георгій Филимоновъ.

ЗВЕНИГОРОДЪ

И

ЕГО СОБОРНЫЙ ХРАМЪ СЪ ФРЕСКАМИ.

СТАТЬЯ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА

(Посвящена А. А. Васильчикову.)

ЗВЕНИГОРОДЪ

II

ЕГО СОБОРНЫЙ ХРАМЪ СЪ ФРЕСКАМИ.

I) Миѳическая и достовѣрная исторія Звенигорода.

Время основанія Звенигорода и построеніе его соборнаго храма, составляющаго нынѣ главную достопримѣчательность этого малаго городка, въ точности неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе Звенигородскій соборъ уже давно привлекъ къ себѣ вниманіе любителей отечественной древности, и въ нашей, еще не богатой изслѣдованіями отдѣльныхъ памятниковъ церковной древности, литературѣ, есть уже изслѣдованіе объ Успенскомъ Звенигородскомъ соборѣ (см. Русскую Старину, годъ первый страница 88—98). Но къ сожалѣнію, изслѣдованіе это относится къ тому блаженному времени, когда еще не слишкомъ церемонились съ историческими фактами, и они въ случаѣ надобности замѣнялись или дополнялись собственными произвольными предположеніями. Такъ случилось и съ описаніемъ Успенскаго Звенигородскаго собора. Задавшись предвзятою мыслію, что храмъ этотъ, по внѣшнимъ признакамъ и внутреннему расположенію (вслѣдствіе подражанія древнимъ образцамъ), точно похожій на другіе храмы Владиміро-Суздальскаго княжества, время построенія которыхъ означено въ лѣтописяхъ (Владимірскій храмъ построенъ въ 1158 г., Переяславскій, въ 1170 г., Ростовскій, въ 1213 г.), долженъ быть непремѣнно построенъ одновременно съ ними, издатель Русской Старины пожелалъ, чтобы такимъ образомъ и построеніе Звенигородскаго собора было пріурочено къ извѣстной эпохѣ (XIII столѣтію). Пиша, такъ сказать, на заданную тему, сочинитель Памятниковъ Московской древности приготовилъ для Русской Старины слѣдующее сказаніе о Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ: „Ни лѣтописи, ни грамоты, ни настѣнныя надписи", пишетъ г. Снегиревъ, „не сообщаютъ намъ положительныхъ свѣдѣній о времени построенія этой соборной церкви „въ Звенигородѣ. Одно безотчетное преданіе (?) приписываетъ ея сооруженіе великому князю „Всеволоду Ярославичу умершему 1093 г., когда еще о Москвѣ и помину не было. Сомнительно (?), чтобы онъ, среди нестроенія на Руси, среди распрей своихъ съ родственниками и набѣговъ „половецкихъ, успѣлъ соорудить храмъ на сѣверо-востокѣ ея, еще рѣдко населенномъ и мало-изъ„вѣстномъ на югѣ. Достовѣрнѣе признать можно (?) первымъ храмоздателемъ князя Всеволода „III Георгіевича сына великаго князя Юрія Долгорукаго; ибо въ сѣверной Руси онъ былъ сильнѣе „брата великаго князя Андрея Боголюбскаго. Тогда уже огласилось въ Русскомъ мірѣ бытіе Мо„сквы, или Москова, славились чудныя каменныя соборныя церкви во Владимірѣ съ 1158 года, Пе„реяславлѣ 1170 года, въ Ростовѣ 1213 года. Но говоря о сооруженіи Всеволодомъ собора въ Зве„нигородѣ, не должно забывать (а межъ тѣмъ этото самое, какъ увидимъ ниже, и забыто авторомъ „сказанія), что сомненный ему городъ тогда находился въ Кіевскомъ и Червенскомъ княжествахъ."

Такое сказаніе, какъ вовсе несогласное съ историческими фактами, слѣдуетъ по справедливости назвать: „миѳическимъ періодомъ Звенигородской исторіи". Заглянувъ въ лѣтописи, мы дѣйствительно находимъ подъ 1086 г., а слѣдовательно въ княженіе великаго князя Всеволода Ярославича упоминаніе о Звенигородѣ, но не о Московскомъ, а о Галицкомъ, о Московскомъ же Звенигородѣ до 1328 года не встрѣчаемъ никакого упоминанія, ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ, ниже въ отчетливыхъ и безотчетныхъ преданіяхъ старины глубокой.... Сочинитель Памятниковъ Московскихъ древ-

ностей не могъ не знать этого, а потому ясно, что его „безотчетное преданіе“ придумано имъ самимъ для того, чтобъ въ угоду издателю Русской Старины дать мѣсто „достовѣрнѣйшему предположенію“, (но тоже съ фактами несогласному), а на тотъ случай, еслибы кто-нибудь вздумалъ справиться съ лѣтописями, сдѣлана въ заключеніе всего оговорка, уничтожающая разомъ „безотчетное преданіе“ и „достовѣрное предположеніе.“—Оговорка, по прочтеніи которой время построенія Звенигородскаго собора, попрежнему, теряется „во мракѣ неизвѣстности“. А посему вопросъ насъ занимающій, когда основанъ Звенигородъ и кѣмъ устроенъ его соборный храмъ, остается открытымъ для новаго изслѣдованія.

Оставляя область „безотчетныхъ преданій“, приходится сознаться, что время основанія сѣвернаго Звенигорода неизвѣстно. Если принять во вниманіе, что основаніе во Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ городовъ съ Южно-Русскими наименованіями обыкновенно приписывается (хотя и не совсѣмъ справедливо) великому князю Юрію Георгіевичу Долгорукому, то и основаніе Московскаго Звенигорода можно относить ко времени этого князя *).

Однако вѣрнѣе искать причинъ повторенія въ средней Россіи Южно-Русскихъ названій рѣкъ, урочищъ и городовъ въ исторіи колонизаціи Владиміро-Суздальскаго княжества, исторіи, которая, къ сожалѣнію, еще мало у насъ разработана. Въ самомъ Звенигородскомъ уѣздѣ встрѣчается довольно названій, показывающихъ непосредственное отношеніе древнихъ насельниковъ этой мѣстности къ Южной Россіи, такъ названіе рѣки Истры, напоминая древнее имя Дунай, — матери рѣкъ Славянскихъ, можетъ быть указываетъ на то, откуда пришли первые колонизаторы этой мѣстности—Славяне, вытѣснившіе аборигеновъ этой страны—Финское племя Мери, на жилища которыхъ здѣсь (въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ) указываютъ: деревня Старое Мери, рѣчка Мерьская (впадающая въ Онофріево бывшее Тростенское озеро), урочище Судимерова и т. д. Названіе Берендѣева и Сурожскаго становъ (Звенигородскаго уѣзда), по нашему изслѣдованію, указываетъ на вторую колонизацію этого края, а именно въ княженіе Юрія Георгіевича Долгорукаго. Берендѣева слобода, потомъ волость и станъ, основана Кіевскими Берендѣями, которые, будучи изгнаны изъ Кіевскаго княжества Владиміромъ Мономахомъ, переселились во Владиміро-Суздальское княжество подъ покровительство Юрія Георгіевича и, сдѣлавшись его вѣрными дружинниками, усердно помогали ему въ занятіи Кіевскаго великокняжескаго стола и остались до конца вѣрны его роду **). Названіе Сурожика, Сурожской волости, напоминаетъ не о Сурожанахъ, Крымскихъ купцахъ греческаго происхожденія, а скорѣе о Сурожанахъ, Русскихъ прибрежныхъ жителяхъ Азовскаго, въ древности Сурожскаго моря, оттѣсненныхъ оттуда нашествіями Половецкими и Татарскими и потому вынужденныхъ переселиться въ глубь Россіи ***). И такъ, если колоніи Берендѣевъ и Сурожанъ образовались въ нынѣшней Московской губерніи еще до Татарскаго нашествія, то очень можетъ быть, что и Звенигородъ основанъ одновременно съ этими выходцами изъ Звенигорода Кіевскаго, а вѣроятнѣе, изъ Галицкихъ Звенигородовъ (гдѣ городовъ этого названія насчитываютъ до четырехъ), или вскорѣ послѣ перваго Татарскаго нашествія, когда Галицкіе князья явились собирателями Южной Руси и повліяли на выборъ митрополита всея Россіи Кирилла 1243—1282 (изъ печатниковъ Галицкаго князя Даніила), который по причинѣ совершеннаго разоренія Кіева болѣе пребывалъ во Владимірѣ и тѣмъ далъ особое значеніе стольному городу Владиміро-Суздальскаго княженія. По его то приглашенію или совѣту часть Галичанъ его соотчичей могла переселиться во Владиміро-Суздальскую область и въ память ихъ родныхъ городовъ назвать свои новые посслы въ Сѣверо-восточной Руси любезными ихъ слуху именами: Звенигородъ, Перемышль и т. п.

Но и допустивъ, что основаніе Звенигорода современно основанію Москвы и слѣдовательно относится къ великокняжескому періоду Владиміро-Суздальской области, мы не можемъ вывести отсюда прямаго заключенія древности его нынѣшняго соборнаго храма, то-есть, не можемъ до-

*) Татищева Ист. Рос. III примѣч. 458.

**) См. мое Изслѣдованіе о Пятницкомъ Берендѣевѣ монастырѣ въ 4-й книгѣ Чтенія Импер. Общества Исторіи и древностей Россійскихъ за 1871 годъ.

***) Изъ перечня прозвищъ (фамилій) Сурожанъ, взятыхъ Дмитріемъ Донскимъ при его походѣ на Мамая „повѣдѣнія ради дальнихъ странъ,“ видно, что эти Сурожане были Русскіе, см. Русск. Ист. Сб. III, 25—26.

пустить предположенія, чтобъ онъ украсился каменнымъ соборнымъ храмомъ ранѣе Москвы, отъ которой онъ получилъ впервые свое значеніе, сдѣлавшись вскорѣ, по утвержденіи великокняжеской столицы въ Москвѣ *), удѣломъ втораго сына великаго князя Московскаго и всея Россіи; а это случилось лишь въ 1328 году, по поводу чего Звенигородъ Московскій и появляется впервые на страницахъ нашей исторіи. Очевидно, если лѣтописи до этого времени молчатъ о Звенигородѣ, то это потому, что онъ не игралъ замѣтной роли въ событіяхъ того времени, не имѣлъ ни своихъ удѣльныхъ князей, ни епископовъ, а посему, заключаемъ мы, и некому было украсить его каменнымъ соборнымъ храмомъ, иначе лѣтописецъ не преминулъ бы упомянуть о семъ, какъ о такомъ событіи, которое не проходилось молчаніемъ, былъ ли то плодъ усердія одного изъ князей или самихъ горожанъ. Первымъ доказательствомъ сего служитъ время построенія первыхъ каменныхъ соборныхъ храмовъ почти во всѣхъ городахъ Владиміро-Суздальскаго и потомъ Московскаго великаго княженія до XIV столѣтія тщательно отмѣчено у лѣтописцевъ; лишь въ послѣдующія времена, съ расширеніемъ обще-государственныхъ интересовъ, подобныя этимъ событія сами собою отодвинулись на второй планъ, почему осталось не упомянутымъ въ лѣтописяхъ и о времени построенія нынѣшняго Звенигородскаго Успенскаго собора.—Это самое умолчаніе и служитъ подтвержденіемъ, что онъ построенъ гораздо позже, и какъ увидимъ ниже, ровно спустя столѣтіе послѣ того, какъ Звенигородъ сдѣлался удѣломъ втораго изъ сыновей Московскаго великаго князя, не всегда впрочемъ служа ему и резиденціею, по своей близости къ стольному городу всея Россіи — Москвѣ.

Сдѣлаемъ очеркъ удѣльнаго періода Звенигорода, дабы опредѣлить съ точностію, кто именно изъ Звенигородскихъ удѣльныхъ князей имѣлъ время и поводъ къ украшенію Звенигорода, какъ своей резиденціи дворцомъ и каменнымъ соборнымъ храмомъ, помѣстивъ ихъ на городищѣ.

II) Звенигородскіе удѣльные князья.

1) Первымъ извѣстнымъ по исторіи Звенигородскимъ удѣльнымъ княземъ былъ второй сынъ перваго великаго князя Московскаго Ивана Даниловича Калиты (1328—1340), князь Иванъ Ивановичъ, который, по смерти своего старшаго брата великаго князя Московскаго Симеона Ивановича, прозваннаго Гордымъ (1340—1353), занималъ съ 1353 по 1359 годъ престолъ великаго княженія Московскаго. Онъ родился въ Москвѣ 30-го марта 1326 года отъ брака съ неизвѣстною (въ иночествѣ Еленою); по духовному завѣщанію отца великаго князя Ивана Даниловича, назначены ему въ удѣлъ Звенигородъ и Руза въ 1328 или 1331 году (слѣдовательно, когда было ему еще всего пять лѣтъ), вслѣдъ за отцомъ пріѣхалъ съ братьями Симеономъ и Андреемъ въ Орду, осенью 1339 года; по восшествіи на велико-княжескій престолъ брата своего Симеона, ходилъ съ нимъ въ Торжокъ въ 1340 году; ѣздилъ съ нимъ же въ Орду на поклонсніе новому хану Чанибеку въ 1342 году; снова сопровождалъ брата въ Орду въ 1344 году, посланный братомъ великимъ княземъ въ Новгородъ на Шведовъ, возвратился съ дороги и остановилъ Новгородцевъ, не принявъ, говоритъ лѣтописецъ, архіепископскаго благословенія, ни челобитья Новгородскаго въ 1349 году; сопровождалъ брата въ Орду весною и лѣтомъ 1350 года; по смерти великаго князя Симеона въ 1353 году избранъ ханомъ Чанибекомъ на престолъ великокняжескій. Умеръ въ Москвѣ инокомъ 13-го ноября 1359 года. Изъ этого видно, что онъ до вступленія своего на велико-княжескій престолъ находился постоянно сперва при отцѣ, а потомъ при братѣ и въ удѣльномъ своемъ городѣ не жилъ.

2) По духовной грамотѣ Великаго Князя Ивана II Ивановича Звенигородъ „со всѣми волостями, съ мытомъ и съ селы и съ бортью и съ оброчники и съ пошлины“ отданъ въ удѣлъ второму сыну его Ивану. Сей Князь Иванъ, прозваніемъ Малый, родился въ 1354 году въ Москвѣ; по

*) Первый каменный соборный храмъ въ Москвѣ заложенъ въ 1326, а освященъ въ 1328 году.

смерти отца наслѣдовалъ Звенигородъ, Рузу и треть всѣхъ Московскихъ доходовъ, но пользовался ими недолго, скончавшись въ Москвѣ 23 октября 1364 года, а слѣдовательно всего десяти лѣтъ отъ роду. Въ удѣлѣ своемъ по малолѣтству онъ также не жилъ. Въ 30-лѣтнее почти княженіе великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго Звенигородъ не имѣлъ особаго удѣльнаго князя, составляя передовой постъ, сторожу Московскаго княженія со стороны непріязненной Литвы, и пострадалъ вмѣстѣ съ Москвою въ нашествіе на нее Тохтамыша, будучи сожженъ и разграбленъ въ 1382 году однимъ изъ Татарскихъ отрядовъ, отправленныхъ по взятіи Москвы на сожженіе и разореніе ея владѣній.

3) По духовному завѣщанію великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго (1362—1389) Звенигородъ вмѣстѣ съ Рузою поступилъ въ удѣлъ второму его сыну Юрію или Георгію; при этомъ исчислены впервые и тогдашнія волости Звенигородскія, обнимающія собою кромѣ нынѣшняго Звенигородскаго, большую часть Рузскаго и часть Дмитровскаго уѣздовъ: Скирманово съ Бѣлями, Простна, Негуча, Сурожикъ, Замочинская слобода, Юрьева слобода, Руза-городокъ, Ростовци, Кремична, Ѳоминьское, Угожъ, Суходолъ съ Истею и Истервою, Вышегородокъ, Плеснь, Дмитріева слобода. Князь Юрій Звенигородскій и Галицкій родился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ 26-го ноября 1374 года отъ брака великаго князя Димитрія Донскаго съ Евдокіею Дмитріевною (въ иночествѣ Ефросиніею) княжною Суздальскою, причтенною Церковію къ лику святыхъ. Воспріемникомъ его отъ купели былъ Преподобный Сергій Радонежскій. По договорной грамотѣ великаго князя Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ его княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, сей послѣдній призналъ князя Юрія „равнымъ себѣ братомъ“ въ 1388 году, остался по кончинѣ отца (1389 г.) 15-ти лѣтъ отъ роду удѣльнымъ княземъ Звенигорода съ Рузою и Галичемъ, и имѣлъ пребываніе въ Звенигородѣ до 1425 года, то есть, до смерти брата своего великаго князя Василія Дмитріевича, съ которымъ оставался въ мирѣ и согласіи до самой его кончины; но по смерти великаго князя Василія (1425 г.), имѣя самъ виды на великокняжескій престолъ, не только не хотѣлъ признать великимъ княземъ племянника своего Василія III Васильевича (Темнаго), но отправивъ къ нему посла съ угрозами, самъ уѣхалъ изъ Звенигорода сперва въ Дмитровъ, а потомъ въ Галичъ, куда ѣздилъ къ нему для увѣщанія св. Фотій митрополитъ Московскій, въ томъ же 1425 году. Въ 1428 году заключилъ съ племянникомъ договоръ, обязывавшій каждаго изъ нихъ до ханскаго рѣшенія, оставаться при своемъ, и возвратился изъ Галича, но уже не въ Звенигородъ, а въ Дмитровъ, конечно потому что не считалъ себя достаточно безопаснымъ жить въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ Москвы. Въ 1431 году, объявивъ племяннику войну, поѣхалъ тягаться съ нимъ въ Орду; не признанный ханомъ въ достоинствѣ велико-княжескомъ, самъ не захотѣлъ оставаться вблизи Москвы и въ 1342 году удалился въ дальній свой удѣлъ Галичъ. Оттуда вмѣстѣ съ своими сыновьями двинулся на племянника, занялъ Переяславль Залѣсскій (свою родину), разбилъ великаго князя Василія 25-го апрѣля на рѣкѣ Клязьмѣ въ 20 верстахъ отъ Москвы, вступилъ въ Москву всенародно, объявилъ себя великимъ княземъ, а предмѣстнику своему далъ въ удѣлъ Коломну; но скоро увидѣлъ холодность къ себѣ Москвичей, а въ 1433 году добровольно возвратилъ Василію III престолъ его, и при этомъ далъ слово отступиться отъ сыновей своихъ, трехъ Юрьевичей: Василія Косаго, Димитрія Шемяки и Димитрія Краснаго; однако послалъ имъ на помощь свою Галичскую дружину, участвовалъ въ разбитіи рати Московской на рѣкѣ Куси, самъ же, по разореніи Галича Василіемъ III, разбилъ племянника въ Ростовской области, заставилъ бѣжать въ Новгородъ, Мологу, въ Кострому, въ Нижній, осадилъ Москву, вступилъ въ Кремль, вторично объявилъ себя великимъ княземъ, укрѣпился договорами съ разными удѣльными князьями, умеръ внезапно 6-го іюня 1834 года. Тѣло его погребено въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

4) По духовной грамотѣ князя Юрія Дмитріевича († 1434) Звенигородъ назначенъ имъ въ удѣлъ старшему сыну Василію, по прозванію Косому. Онъ родился въ Звенигородѣ въ 1400 году, отъ брака его отца князя Юрія съ Анастасіей Юрьевною княжною Смолепской. Оскорбленный на свадебномъ пиру своего двоюроднаго брата великаго князя Василія III Васильевича поступкомъ матери сего послѣдняго великой княгини Софіи Витовтовны, сорвавшей съ него публично драгоцѣнный поясъ (8-го февраля 1433 года), уѣхалъ изъ Звенигорода къ отцу въ Галичъ,

ограбивъ на пути Ярославль и „казны всѣхъ князей“, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ Дмитріемъ Шемякой разбилъ великаго князя Василія на рѣкѣ Клязьмѣ въ 20-ти верстахъ отъ Москвы 25-го апрѣля 1433 года, заставилъ его сдаться въ Костромѣ; своими руками, вмѣстѣ съ Шемякой убилъ любимца отца, боярина Семена Морозова и, по добровольномъ удаленіи отца изъ Москвы, разбилъ воеводъ велико-княжескихъ подъ Костромой на рѣкѣ Куси (въ 1433 году). Посланный отцомъ за Вятичами, участвовалъ въ войнѣ отца съ великимъ княземъ Василіемъ и разбитъ послѣднимъ на рѣкѣ Манзѣ Ростовской области. По смерти отца, вторично овладѣвшаго Москвою, объявилъ себя великимъ княземъ, но непризнанный братьями, бѣжалъ со всею Московскою казною и спутникомъ княземъ Рязанскимъ во Ржевъ и въ Новгородъ, откуда, казнивъ князя Романа, покушавшагося бѣжать, грабилъ мѣста на Мстѣ, Бѣжецкій верхъ и Заволочье, жители котораго „задались“ за него и присягнули ему, тутъ онъ заключилъ миръ съ великимъ княземъ и прибылъ въ Кострому, гдѣ началъ немедленно собирать войско на великаго князя въ 1434 году. Разбитый великимъ княземъ Василіемъ на рѣкѣ Которосли 6-го января 1435 года, бѣжалъ въ Кашинъ, захватилъ „изгономъ“ воеводъ великаго князя на Вологдѣ, возвратился въ Кострому, соединился съ Вятчанами и встрѣтилъ великаго князя, съ которымъ, однако, подъ Ипатьевымъ монастыремъ, заключилъ новый миръ, доставивши ему Дмитровъ, въ томъ же 1435 году. Прожившъ въ Дмитровѣ мѣсяцъ, прибылъ въ Кострому, объявилъ войну великому князю, взялъ Устюгъ, гдѣ предалъ смерти чиновниковъ велико-княжескихъ, оттуда, вмѣстѣ съ Вятчанами и дворомъ Шемякинымъ, выступилъ противъ великаго князя, потерпѣлъ пораженіе на рѣкѣ Скарятинѣ, но желая „искрасть великаго князя,“ проспалъ перемирія до утра, а когда замыслъ его открылся, бѣжалъ съ поля сраженія, но настигнутъ, отвезенъ въ Москву и тутъ ослѣпленъ 21-го мая 1436 года. Умеръ тутъ же, вѣроятно узникомъ въ 1448 году; погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Изъ этого видно, что Звенигородъ съ 1436 года состоялъ во владѣніи великаго князя Василія III Васильевича Темнаго, а около 1451 года отданъ имъ въ удѣлъ со всѣми волостями (кромѣ села Ершова) Боровскому князю Василію Ярославичу, но оставался за нимъ недолго, такъ какъ самъ онъ въ 1456 г. заточенъ великимъ княземъ безъ вины въ Угличъ, а его семья бѣжала въ Литву.

5) По духовной грамотѣ великаго князя Василія III Васильевича Темнаго († 1462 года) Звенигородъ достался въ удѣлъ третьему изъ сыновей его князю Андрею (Углицкому). Андрей большой Васильевичъ (въ отличіе отъ меньшаго брата Андрея князя Вологодскаго), прозваніемъ Горяй, родился въ Угличѣ 14 августа 1446 года отъ брака великаго князя Василія Темнаго съ Маріею Ярославною княжною Боровскою. Сопровождалъ отца своего въ Новгородъ въ 1460 году. По смерти отца получилъ въ удѣлъ: Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ въ 1462 году. Оставленъ „блюсти“ Москву, изъ которой выступилъ къ Казани его братъ великій князь Иванъ III Васильевичъ, въ 1486 году; по приказанію брата сдѣлалъ береговой походъ къ Казани, въ 1469 году; сопровождалъ великаго князя въ Новгородъ въ 1471 году; послѣ участія въ торжествѣ при закладкѣ новаго Успенскаго собора въ Москвѣ стоялъ въ Серпуховѣ, противъ Ахмата, хана Золотой Орды, вторгнувшагося въ Русь; посѣщалъ въ Ростовѣ больную мать и возвратился въ Москву хоронить своего брата Юрія (Георгія) меньшаго, князя Дмитровскаго, въ 1472 году; требовался братомъ великимъ княземъ въ Москву на похороны митрополита Филиппа I въ 1471 году. Ссорился съ братомъ, великимъ княземъ, за устраненіе отъ наслѣдства въ удѣлѣ Юрьевомъ, но примирился по убѣжденію матери, отъ великаго князя получилъ городъ Романовъ въ 1414 году; принималъ личное участіе въ окончательномъ покореніи Новагорода великимъ княземъ Иваномъ III въ 1478 году; поссорившись съ братомъ великимъ княземъ, уѣхалъ изъ своего удѣла, сталъ на Великихъ Лукахъ и просилъ Казиміра IV короля Польскаго быть посредникомъ между нимъ и братомъ въ 1479 году. Соединился въ Кременцѣ съ Иваномъ III противъ Ахмата, дѣйствовалъ заодно съ Московскими полками, и въ знакъ примиренія получилъ отъ Ивана III Можайскъ въ 1480 году. Участвовалъ въ покореніи великаго князя Тверскаго въ 1485 году. Извѣщенный о намѣреніи великаго князя схватить его, бѣжалъ изъ Москвы, но вслѣдствіе переговоровъ съ великимъ княземъ остановился; получивъ приказаніе отъ великаго князя выслать воеводъ съ войскомъ, на помощь Менгли-

Гирею хану Крымскому, другу Ивана III, но этого не исполнилъ, за что по пріѣздѣ своемъ въ Москву, схваченъ обманнымъ образомъ, закованъ и посаженъ въ Московскій казенный дворъ 20-го сентября 1491 года; содержался тутъ „въ великѣй истомѣ“, умеръ 6-го ноября 1493 года, погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

6) По духовной грамотѣ великаго князя Іоанна III Васильевича (1462 — 1505) Звенигородъ вмѣстѣ съ Дмитровомъ и Рузою поступилъ въ удѣлъ сыну его князю Юрію (Георгію) Ивановичу, который впрочемъ жилъ не въ Звенигородѣ, а въ Дмитровѣ. Онъ въ 1531 году обязался клятвенною грамотою быть вѣрнымъ старшему брату своему великому князю Василію IV Ивановичу (1505—1533) и сыну его Ивану, но тотчасъ же по кончинѣ великаго князя Василія Ивановича († 1533 г.) при правительницѣ государства великой княгинѣ Еленѣ, по приговору бояръ, вслѣдствіе подозрѣнія въ злыхъ умыслахъ противъ своего малолѣтняго племянника, осужденъ въ темничное заключеніе, въ которомъ и скончался въ 1537 году. Князь Юрій Ивановичъ жилъ, какъ выше сказано, не въ Звенигородѣ, а въ Дмитровѣ, куда для наблюденія за его дѣйствіями былъ посылаемъ нѣкто Иванъ Ягановъ, наблюдавшій за нимъ при посредствѣ нѣкоторыхъ изъ его боярскихъ дѣтей. Изъ житія св. Іосифа Волоцкаго узнаемъ, что однажды великому князю донесли на князя Юрія, будто онъ собирается отъѣхать въ Литву, по просьбѣ Юрія пр. Іосифъ вступился въ дѣло, отправилъ въ Москву двухъ иноковъ своего монастыря Кассіана и Іону ходатайствовать предъ великимъ княземъ за Юрія, и ходатайство его было успѣшно. По заключеніи Юрія Звенигородъ остался во владѣніи великаго князя Ивана IV Васильевича (1533—1584), перваго царя Московскаго. Въ 1552 году онъ отдалъ Звенигородъ въ кормленіе царю Астраханскому Дербышъ-Алею, который въ 1554 году устроенъ на царство въ Астрахани.

7) А въ 1566 году царь Иванъ IV Васильевичъ отдалъ Звенигородъ въ обмѣнъ на Верею своему двоюродному брату князю Владиміру Андреевичу Старицкому, но князь Владиміръ Андреевичъ этимъ удѣломъ владѣлъ не долго: въ 1568 году онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ царемъ Новгородъ, намѣреваясь по свидѣтельству иноземца Кельха, поддаться Литвѣ, а въ 1569 году будучи посланъ царемъ на защиту Астрахани, возвращенъ изъ Нижняго Новгорода по ложному доносу и отправленъ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми въ деревню Слотину въ трехъ верстахъ отъ Александровской слободы 11-го декабря 1569 года. Такова печальная судьба послѣдняго изъ удѣльныхъ князей Московскаго Звенигорода.

Во время Литовскаго разоренія Звенигородъ, какъ сторожа Московская со стороны Литвы, пострадалъ за нее въ приходъ королевича 1618 года 17 сентября. Московскіе воеводы получили изъ Звенигорода слѣдующую вѣсть: „17 сентября 1618 года королевичъ Владиславъ съ Польскими „и съ Литовскими и съ Нѣмецкими со многими людьми и нарядомъ пришелъ изъ-подъ Можайска „въ Звенигородъ, откуда подъ Москву собирается 20-го числа сентября и хочетъ Московскаго го„сударства доступать и Московскаго государства города и уѣзды разорить и православную вѣру „христіанскую попрать; а Черкасы, которые были въ Польскихъ городѣхъ и на Рязани, Оку рѣку „переходятъ подъ Коломною и идутъ въ сходъ къ королевичу.“

Въ это нашествіе Звенигородскій соборъ утратилъ всѣ свои драгоцѣнности. За этимъ разгромомъ послѣдовалъ пожаръ, послѣ котораго соборъ возобновленъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ 1619 году въ Звенигородѣ происходила третья (по мѣсту) встрѣча (первая была въ Можайскѣ, вторая въ Вязьмѣ) возвращавшемуся изъ польскаго плѣна отцу государеву митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету Никитичу. Встрѣчали: Іона митрополитъ Сарскій и Подонскій, да боляринъ князь Дмитрій Тимоѳеичъ Трубецкой, да окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Бутурлинъ, а самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ встрѣчалъ отъ града Москвы въ пяти поприщахъ.

На земскомъ соборѣ 1648 года изъ Звенигородскихъ боярскихъ дѣтей былъ Григорій Аѳанасьевъ сынъ Рыкуновъ.

Изъ этого „историческаго очерка“ удѣльнаго періода Звенигородской исторіи легко усмотрѣть, кто изъ Звенигородскихъ князей могъ, то есть, имѣлъ время и поводъ заняться устройствомъ своего удѣльнаго города и украсить его каменными зданіями: соборомъ и дворцомъ; это единственно набожный сынъ князя Димитрія Ивановича Донскаго, князь Юрій Дмитріевичъ, третій удѣльный

князь Звенигородскій (1389—1434). Проживая въ своемъ удѣлѣ съ 1389 по 1425 годъ и находясь въ теченіи этого времени въ мирныхъ отношеніяхъ къ своему старшему брату великому князю Василію Дмитріевичу, Юрій имѣлъ довольно времени, а по своимъ средствамъ и всѣ способы возстановить свой удѣльный городъ, пострадавшій не задолго до того (1382 года) вмѣстѣ съ Москвою въ нашествіе Тохтамыша, а потому можно утвердительно считать князя Юрія храмоздателемъ нынѣшняго Звенигородскаго Успенскаго собора, зная при томъ, что его же щедротами построенъ и соборный храмъ Саввина Сторожевскаго монастыря, для основанія котораго благочестивый князь пригласилъ изъ Троицы-Сергіева монастыря одного изъ учениковъ Сергіевыхъ и своего духовнаго отца пр. Савву. При немъ же вѣроятно послѣдовало и росписаніе Звенигородскаго собора фресками, сохранившимися частію и до настоящаго времени, впрочемъ со слѣдами позднѣйшей реставраціи, вѣроятно, послѣ Литовскаго разоренія и послѣдующаго затѣмъ пожара въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Фрески, кромѣ сохранившихся вполнѣ, видны мѣстами и изъ-подъ слоя новѣйшей штукатурки и ожидаютъ лишь руки опытнаго художника, чтобъ явиться во всей красѣ своего первопачальнаго „замышленія“; нѣтъ сомнѣнія, что по обнаруженіи всѣхъ изображеній окажется и особое ихъ соотношеніе между собою и надписи, которыя позволятъ составить еще точнѣйшее заключеніе о времени построенія храма и его росписанія. Существовавшій въ этомъ храмѣ придѣлъ во имя Георгія великомученика (на мѣстѣ діаконика) также ведетъ къ заключенію, что строителемъ сего храма былъ князь сомненный сему Святому, а изъ двухъ князей Звенигородскихъ сего имени, позднѣйшій Князь Юрій Ивановичъ (1505—1533), проживалъ въ Дмитровѣ, а не въ Звенигородѣ, и состоя въ подозрѣніи у брата своего великаго князя, не имѣлъ времени и повода заниматься близкимъ къ Москвѣ Звенигородомъ, который можно сказать лишь числился за нимъ для доходовъ, а потому и устроеніе Георгіевскаго придѣла вѣроятнѣе будетъ отнести также къ усердію храмоздателя князя Юрія Дмитріевича (1389—1343). Если соборный храмъ Саввина, что на Сторожѣ, монастыря былъ построенъ (какъ значится въ его историческомъ описаніи) между 1400—1407 годами, то построеніе Звенигородскаго Успенскаго собора надобно относить къ 1390-мъ годамъ, то есть, въ первому десятилѣтію по вступленіи князя Юрія Дмитріевича во владѣніе своимъ удѣломъ. Юрію же Дмитріевичу приписываетъ преданіе и построеніе соборнаго храма Троицко-Сергіевой Лавры надъ мощами преподобнаго Сергія, около 1425 года, то-есть, къ концу пребыванія его въ Звенигородѣ.

III) Звенигородскіе епископы.

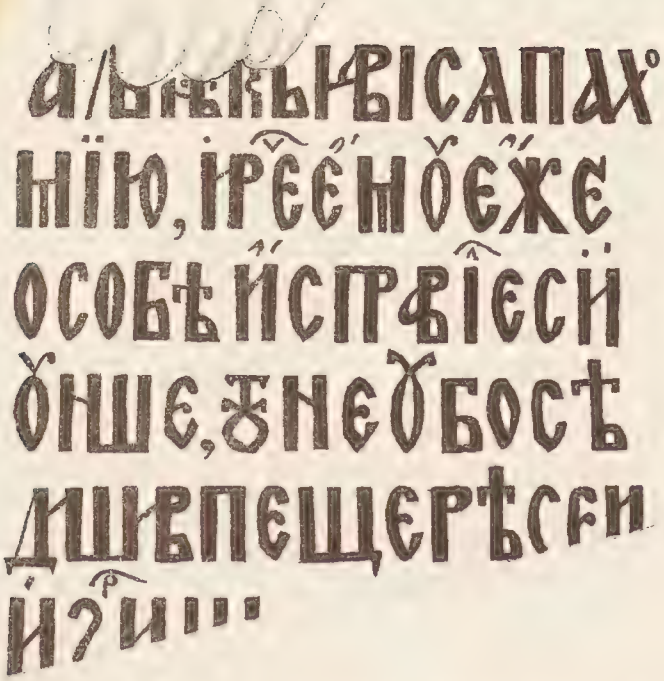
Не отличается опредѣленностію и слѣдующая замѣтка сочинителя памятниковъ Московской древности о Звенигородскихъ епископахъ (основанная очевидно на весьма почтенномъ, но преисполненномъ ошибокъ и пропусковъ трудѣ — Исторіи Россійской Іерархіи: Епископы Звенигородскіе, пишетъ онъ, появляются въ Исторіи Россійской Іерархіи не прежде какъ въ XIV вѣкѣ; первый изъ нихъ Даніилъ, а послѣдній въ концѣ XVII вѣка Никита. Прочтя эту замѣтку, мы въ правѣ заключить, что по мнѣнію г. Снегирева существовала самостоятельная Звенигородская епископія, и что существованіе ея началось въ XIV в. и продолжалось до конца XVII вѣка, но что почему-то изъ числа святителей этой епископіи извѣстны по именамъ только двое: первый Даніилъ, а послѣдній Никита. Приближайшемъ изслѣдованіи этого вопроса оказывается, что епископіи Звенигородской не существовало вовсе, а было всего два епископа носившіе титулъ, и то временно, Звенигородскихъ, изъ которыхъ первый точно именовался Даніиломъ, о немъ упоминается въ описаніи путешествія Никонова (1389) въ Царьградъ для постановленія въ митрополиты. Впрочемъ, Даніилъ въ 1370 году былъ посвященъ св. Алексіемъ для Смоленской каѳедры, по ссорамъ же Москвы съ Ольгердомъ и Смоленскими князьями, Даніилъ нашелся вынужденнымъ оставить Смоленскъ, и ему дали „Звенигородъ съ пошлинами“, подобно тому, какъ Аѳанасію Волынскому поручили Переяславль. Преемниковъ у Даніила не было. Упоминаемый же въ Исторіи Россійской Іерархіи Никита въ 1680

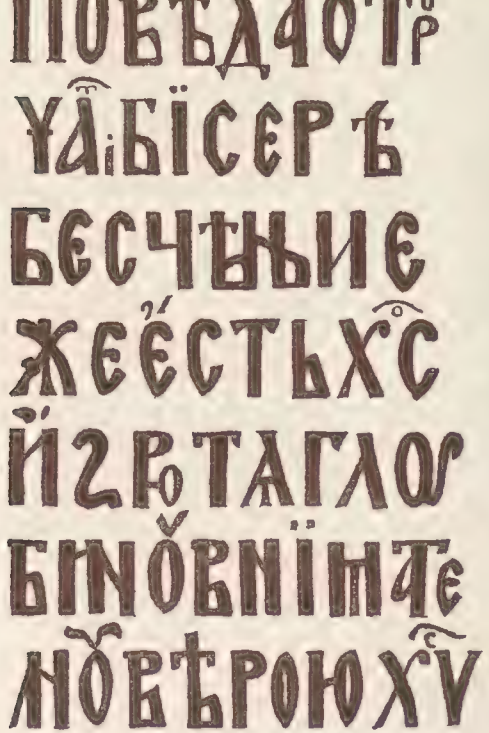
году, носилъ титулъ Звенигородскаго, по той же самой причинѣ какъ и Данилъ (по случаю пользованія доходами съ Звенигорода), во время состоянія его при Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, по вскорѣ былъ переведенъ на самостоятельную Коломенскую каѳедру. Въ Звенигородѣ онъ не жилъ, а только пользовался доходами съ дома (вѣроятно бывшаго велико-княжескаго дворца) и вотчинъ (соборнаго храма). Объ этомъ упоминается въ проектѣ объ увеличеніи числа архіепископскихъ каѳедръ, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, начертанномъ по совѣту его съ патріархомъ Іоакимомъ, въ коемъ между прочимъ сказано: „быть въ Звенигородѣ епископу, а довольствоваться „ему, бывшаго Архангельскаго епископа домомъ (выше упомянутаго Никиты) и вотчинами, а пре„бываніе свое имѣть въ Москвѣ.“ Но проектъ этотъ, какъ извѣстно, осуществленъ не былъ. Да еще узнаемъ изъ лѣтописи, что въ 1493 году епископъ Крутицкій Прохоръ, когда оставлялъ епископскій столъ: „сойде съ Крутицъ въ Богоявленскій въ Москвѣ монастырь, а великій князь его пожаловалъ, далъ ему Звенигородъ со всѣми пошлинами.“ (Кар. VI пр. 629).

IV) Звенигородскій соборъ и его фрески.

Давно собирался я взглянуть на живописный Звенигородъ. Меня влекло туда главнымъ образомъ желаніе видѣть его древній соборъ, а въ соборѣ осмотрѣть сохранившіеся какимъ-то чудомъ фрески, о которыхъ давно я читалъ въ Русской Старинѣ въ статьѣ объ этомъ соборѣ „сочинителя памятниковъ Московской Древности“, всего же болѣе мнѣ хотѣлось взглянуть на описанное г. Снегиревымъ изображеніе „Ангела въ плащѣ или мантіи съ шишакомъ на головѣ, похожимъ на фригійскую шапку“. Читая это курьезное описаніе, невольно приходило на мысль: ужь не сочинилъ ли такую фигуру (во фригійскомъ-то колпакѣ) самъ сочинитель „памятниковъ Московской древности“, а если ему это только такъ показалось, почудилось, попритчилось, какъ выражается нашъ народъ, то что же такое на самомъ дѣлѣ изображено на уцѣлѣвшихъ фрескахъ? „Надписи на хартіяхъ, пишетъ г. Снегиревъ, могли указать значеніе сихъ изображеній и вѣкъ художества, еслибы буквы не изгладились, и еслибы не трудно было съ точностію прочесть всю надпись.“ Но трудно еще не значитъ не возможно, думалось мнѣ, и это положеніе тѣмъ болѣе подстрекало мое любопытство самому взглянуть на древній храмъ и его фрески, попытаться — уяснить себѣ ихъ загадочное (по снегиревскому писанію) значеніе и опредѣлить его по надписямъ или обратно угадавъ значеніе изображеній, тѣмъ самымъ помочь себѣ въ разборѣ надписей.

Время и обстоятельства какъ нельзя больше благопріятствовали моему намѣренію: погода стояла прекрасная, проводники были люди обязательные и пріятные. Спустясь изъ нагорной части Звенигородскаго посела на его главную улицу, тянущуюся параллельно съ рѣкою и продолжающеюся по выходѣ изъ города въ видѣ набережной Москвы-рѣки, я любовался восхитительнымъ видомъ ея нагорнаго берега поросшаго сосновымъ лѣсомъ. Два глубокіе оврага или ущелья отдѣляютъ возвышеніе, на которомъ стоитъ соборъ, отъ смежныхъ съ нимъ отроговъ той же горной цѣпи. Это возвышеніе составляетъ такъ называемое Городище; стороны его, особенно восточная и южная (обращенная къ рѣкѣ), сохранили еще доселѣ слѣды искусственной отдѣлки удивляющей своею правильностію и прочностію. По извилистой тропинкѣ высокаго и крутаго вала мы не безъ труда взошли на городище. Оно имѣетъ въ длину 85, а въ ширину 51 шагъ; окружено съ западной стороны глубокою поросшею сосновымъ и еловымъ лѣсомъ долиною рѣчки Жерновки, съ южной стороны крутизною горы, а съ восточной копанымъ рвомъ, отдѣляющимъ его отъ другой горы на которой въ древности находился княжескій „Конюшенный дворъ,“ а нынѣ стоитъ городской острогъ. Не входя еще въ соборъ, я остановился на вершинѣ вала, чтобы полюбоваться видомъ открывающимся отсюда въ 90 саженей высоты. Внизу катила свои волны, еще довольно многоводная по этому времени года (въ іюлѣ), Москва рѣка; прямо противъ соборной горы, за рѣкою бывшая Стрѣлецкая слобода съ своими огородами и садиками и съ храмомъ во имя святителя Николая. Къ востоку отъ собора по тому же (лѣвому) берегу рѣки живописно раскинулся городъ, располо-





НАДПИСИ НА ФРЕСКАХЪ ЗВЕНИГОРОДСКАГО СОБОРА.

Лит С Григорьева

женный на неровныхъ и гористыхъ мѣстахъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ небольшими горами, оврагами и буераками, и сливаясь на поворотѣ рѣки съ деревнею Игнатьевой. Зеленымъ ковромъ стелется за рѣкой обширный поемный лугъ, обрамленный на краю горизонта возвышенностію, которая покрыта лѣсомъ, еще довольно густымъ, особенно на юго-восточной окраинѣ, гдѣ выглядываетъ изъ него господская усадьба — село Першино, Введенское тожь, съ церковію Введенія во Храмъ Богоматери. Село это принадлежало прежде графамъ Головинымъ, потомъ Князьямъ Салтыковымъ, а нынѣ куплено фабрикантомъ Якунчиковымъ. Меня манило и туда, по дошедшимъ до меня слухамъ, что въ церкви села Введенскаго есть икона Спаса Нерукотвореннаго, по преданію, письма блаженнаго Андрея Рублева *).

Налюбовавшись вдоволь чудеснымъ видомъ и вспомнивъ слово древняго мудреца, что не насытится око зрѣніемъ, я вступилъ въ соборъ дверьми (южными), которыя благодаря моимъ проводникамъ были уже отворены. Съ архитектурою храма я уже былъ давно знакомъ по точному изображенію и описанію его въ Русской Старинѣ, оставалось лишь повѣрить собственными глазами сходство его съ другими знакомыми мнѣ памятниками церковнаго зодчества нашими и восточными. Это сличеніе удостовѣрило меня окончательно, что этотъ храмъ построенъ почти одновременно съ соборнымъ храмомъ Саввина монастыря и Троицкой Лавры (въ концѣ XIV столѣтія); то есть, и личное обозрѣніе привело меня къ тому же самому заключенію, къ которому я пришелъ прежде путемъ историческаго изслѣдованія. Приложась къ мѣстнымъ иконамъ, я просилъ священника показать мнѣ удѣлѣвшія фрески; крайнія мѣстныя иконы были отодвинуты въ сторону боковыхъ дверей и глазамъ моимъ представились изображенія, вообще довольно хорошо сохранившіяся, что можно было всего ближе объяснить послѣднею реставраціею этого собора въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

По внимательномъ осмотрѣ изображеній, я посвятилъ нѣсколько времени прочтенію написаннаго на свиткахъ, находящихся въ рукахъ одной изъ двухъ фигуръ на каждой фрескѣ, и успѣлъ прочесть эти надписи почти всѣ. По моимъ заключеніямъ на правомъ столбѣ изображенъ царевичъ Іоасафъ, поучаемый старцемъ Варлаамомъ истинамъ Христовой вѣры. Извѣстно что старецъ (инокъ) Варлаамъ проникъ въ теремъ царевича подъ видомъ купца, но во время бесѣды по просьбѣ царевича, скинувъ верхнее одѣяніе, явился въ своемъ настоящемъ, то-есть, иноческомъ образѣ, въ какомъ онъ и представленъ на этой фрескѣ. Царевичъ Іоасафъ изображенъ стоящимъ предъ нимъ въ царскомъ одѣяніи съ зубчатой тіарой на головѣ. На свиткѣ старца Варлаама, надпись дѣйствительно довольно стерта, но очевидно не столько отъ времени, сколько отъ неискусства силившихся разобрать ее: для проясненія буквъ они слишкомъ усиленно и неоднократно протирали ее, но яснѣе не сдѣлали, а сгладили достаточно.

Присматриваясь долго и внимательно, я прочелъ надпись: „повѣда отрочати, бисеръ (или бисери) безцѣнный (или безцѣнные) еже (или же) есть Христосъ и зрю тя глубину внимательною вѣрою Христу“..... Смыслъ этихъ словъ достаточно ясенъ для подтвержденія того положенія, что здѣсь изображена извѣстная бесѣда старца пустынника Варлаама съ Индѣйскимъ царевичемъ Іоасафомъ объ истинахъ Христовой Вѣры. Сходный съ этимъ изображеніемъ рисунокъ находится въ первоначальномъ изданіи: Повѣсти о Варлаамѣ пустынникѣ и царевичѣ Іоасафѣ, изданной въ Москвѣ въ 1680 году въ верхней (Дворцовой) Типографіи **). На фрескѣ лѣваго столба изображена бесѣда Пр. Пахомія съ Ангеломъ, представшимъ предъ нимъ въ схимническомъ образѣ (мантіи, куколѣ и аналавѣ). На хартіи держимой въ рукахъ Ангела написано содержаніе бесѣды: „Ангелъ нѣ-

*) Для окончательнаго заключенія по этому предмету надобно было бы сравнить икону села Введенскаго съ тою, которая находится въ церкви бывшаго села Новоспасскаго (тоже г. Головиныхъ); такъ какъ другое преданіе считаетъ сію за подлинную икону письма Рублева (написанную въ благословеніе родоначальника г. Головиныхъ, князя Ховрина), признавая впрочемъ что древній окладъ Введенской иконы былъ прежде на иконѣ Новоспасской.

**) Извѣстно, что сюжетъ рисунка, хотя и апокрифическаго происхожденія, но за то народный и доселѣ еще сохраняется въ стихахъ нашихъ раисодовъ-сѣвцовъ, перейдя къ намъ отъ южныхъ Славянъ въ началѣ просвѣщенія Россіи Христіанскою вѣрою.

кій явися Пахомію, и рече ему: еже о себѣ исправилъ еси, унше, туне убо сѣдиши въ пещерѣ сей и зри".... *).

Не имѣя времени тотчасъ же перевести на бумагу разобранныя надписи, я просилъ сдѣлать это для меня одного изъ моихъ спутниковъ, что̀ ими обязательно и исполнено, и точная копія съ сихъ снимковъ при семъ прилагается.

Звенигородскій соборъ въ Литовское нашествіе лишился всѣхъ своихъ украшеній, а по сказанію г. Снегирева послѣ опустошительнаго пожара 1547 года, истребившаго много церквей, царь Іоаннъ Васильевичъ взялъ въ Москву изъ Звенигородскаго собора нѣкоторыя древнія иконы. Настоящій пяти-ярусный иконостасъ посредственной работы, XVII столѣтія. Мѣстныя иконы: храмовая Успенія Богоматери, Спаса Вседержителя, Владимірскія Богоматери и Живоначальныя Троицы древняго письма, современнаго построенію храма (конца XIV столѣтія). Отъ древняго же иконостаса уцѣлѣли однѣ двери съ городками и столбцами, обложенныя басменнымъ серебромъ. Предъ иконостасомъ виситъ мѣдное паникадило съ двуглавымъ орломъ на матицѣ, работы XVII столѣтія.

Взглянувъ на несомнѣнно древнюю икону Вознесенія Господня, стоящую на одномъ изъ серединныхъ столбовъ храма, я по приглашенію священника взошелъ на хоры (Геникон), которые прежде какъ можно догадываться имѣли сообщеніе посредствомъ ходовой галлереи съ княжескимъ теремомъ или дворцомъ. На хорахъ хранится иконостасъ бывшаго Георгіевскаго придѣла, но иконъ его нельзя считать древними, двѣ изъ нихъ написаны на салфеточномъ холстѣ, и тѣмъ самымъ обличается ихъ позднѣйшее написаніе, XVIII столѣтія.

За соборомъ противъ юго-западнаго угла его видны развалины дворца князей Звенигородскихъ, который еще существовалъ въ 1680 году, когда принадлежалъ титулярному епископу Звенигородскому Никитѣ, именуясь домомъ Архангельскаго архіерея (состоявшаго при Московскомъ Архангельскомъ соборѣ). Теперь остались лишь груды бѣлаго камня, поросшаго травою забвенія, изъ-подъ которой видны части карнизовъ, оконныхъ наличниковъ и вообще остатки каменной рѣзи, искусства еще процвѣтавшаго у насъ и въ XVII столѣтіи.

Еслибы сдѣлать правильную раскопку развалинъ зданія, простоявшаго почти три столѣтія (XV, XVI, XVII), то она могла бы навѣрное вознаградиться какою-либо археологическою находкою. Подъ городищемъ несомнѣнно существуетъ тайникъ для выхода къ водѣ; направленіе его нынѣ неизвѣстно. При выходѣ изъ собора, мы пошли вдоль западной стороны городища и отойдя до половины ея спутники мои показали мнѣ опытъ эхо, явственно отвѣчавшаго имъ, какъ бы извнутри собора краткія слова: Богъ, князь, домъ, громъ.... Внутри городища кромѣ собора стоитъ казенное зданіе, магазинъ не помню какого именно вѣдомства, а въ юго-западномъ углу расположены усадьбы священно-церковно-служителей. Западный и сѣверный скаты городища поросли сосновымъ лѣсомъ, и мѣста эти составляютъ любимую прогулку Звенигородскихъ жителей, а восточная и южная совершенно обнажены и носятъ явные слѣды искусственной обдѣлки довольно хорошо сохранившейся доселѣ; у самаго подножія южной стороны, обращенной къ Москвѣ — рѣкѣ, строится, усердіемъ Звенигородцевъ, красивая каменная часовня на ключѣ вытекающемъ изъ Остроговъ соборной горы.

Прощаясь съ Звенигородскимъ Успенскимъ соборомъ составляющимъ дѣйствительно дорогой памятникъ древняго русскаго церковнаго зодчества и единственное украшеніе одного изъ древнѣйшихъ пригородовъ Москвы, я отъ души пожелалъ, чтобы вниманіе любящихъ благолѣпіе Дома Господня обратилось на сторону этого храма, заслуживающаго такой же внимательной и щедролюбивой реставраціи, какой дождался недавно современный ему по постройкѣ и родственный по храмозданію соборный храмъ Саввы-Сторожевскаго монастыря. Главною цѣлію этой реставраціи должно быть конечно сохраненіе фресковъ, подобно тому какъ это сдѣлано въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ нашимъ извѣстнымъ художникомъ г. Сонцевымъ.

Дѣйст. членъ Архимандритъ Леонидъ.

Новый Іерусалимъ.
1872 года.

*) См. рисунокъ надписей въ приложеніи.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

ОБЪ ИКОНОПИСАНІИ ВЪ ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ

СТАТЬЯ ІЕРОМОНАХА АРСЕНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

ОБЪ ИКОНОПИСАНІИ ВЪ ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

Иконописаніе въ Троицко-Сергіевой лаврѣ существуетъ съ давнихъ поръ; начало его едва ли не современно основанію монастыря. Въ Клинцовскомъ Подлинникѣ сказано, что св. Ѳеодоръ, архіеп. Ростовскій, племянникъ преп. Сергія, бывши архимандритомъ въ Симоновѣ монастырѣ, писалъ многія иконы и между прочимъ написалъ образъ (портретный) дяди своего св. Сергія. А изъ житія преп. Сергія извѣстно, что Ѳеодоръ постриженъ былъ въ обители его на 10 или 12 году отъ рожденія и жилъ здѣсь до 1378 года, до возведенія въ санъ архимандрита Симоновскаго, когда ему было уже около 45 лѣтъ (поставленъ архіепископомъ Ростовскимъ въ 1390, сконч. въ 1394 г.). Очевидно, онъ научился иконописанію въ молодости, въ обители преп. Сергія, а въ Симоновѣ монастырѣ учиться уже было поздно. Нѣкоторые ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ о русскомъ иконописаніи, именно: гг. Ровинскій (Зап. Арх. Общ., т. VIII, стр. 177) и Буслаевъ (Сбор. Общ. древне-русс. искусс. на 1866 годъ, стр. 8), а также К. Тихонравовъ (Владимір. Сбор. прим. на стр. 28) и другіе, на основаніи Подлинниковъ, считаютъ вышедшимъ изъ школы преп. Сергія знаменитаго иконописца, инока Андрея Рублева, памятникомъ коего служитъ главный мѣстный образъ пресв. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Лавры; но изъ житій преп. Сергія и Никона, Софійскаго Временника и свидѣтельства преп. Іосифа Волоколамскаго видно, что онъ былъ монахомъ Спасо-Андроникова монастыря, въ которомъ и скончался около 1427 года. Какъ бы то ни было, но въ XV в. монахи и служки Лавры занимались искусствомъ иконописанія. Доказательствомъ тому служатъ подписи въ актахъ монастырскихъ, напр. около 1430 г. встрѣчаются въ нихъ „Ивашко иконникъ, Василей хрестешникъ,“ около 1450 г. „Степанъ иконникъ.“ На золотой четвероугольной панагіи лаврской ризницы вырѣзано, что „икона сія дѣлана въ Сергіевѣ монастырѣ въ 1456 году, повелѣніемъ игумена Вассіана, рукою инока Абросима“ (см. Изображенія древнихъ панагій Сергіевой лавры, литографированныя въ лаврѣ 1854 г., № 1). Симонъ, митр. Всероссійскій, поставленный изъ игуменовъ Сергіевой лавры (1490—1495), въ бытность на каѳедрѣ святительской, поновлялъ образъ Владимірской Божіей Матери, находящійся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ (Древ. росс. гос., отд. 1) *). Въ пользу существованія въ Сергіевой лаврѣ иконописцевъ говорятъ также разные рисунки въ лаврскихъ рукописяхъ XV в. и помѣщеніе въ нихъ указовъ „какъ ставити поталъ, класти злато на камень, наводити золото на желѣзо, серебро чисто запарити, творити киноварь, чернила,“ и т. п. Въ рукописяхъ XVI в. рисунки эти гораздо искуснѣе и разнообразнѣе, съ красками и позолотою, и съ превосходно сдѣланными изображеніями святыхъ, что ясно свидѣтельствуетъ о постепенныхъ успѣхахъ лаврскаго иконописанія. Дошедшее до насъ отъ конца XVI в. житіе преп. Сергія съ раскрашенными миніатюрами, изображающими всѣ событія его жизни (отлитографировано

*) По Древностямъ, въ 1514 году. Но здѣсь въ годѣ, вѣроятно, ошибка. Въ 1514 г. митрополитомъ Московскимъ былъ Варлаамъ, а Симонъ сконч. 30 апрѣля 1511 года.

въ Сергіевой лаврѣ 1853 г.) есть самостоятельное произведеніе, выраженіе личныхъ талантовъ и идей Троицкихъ иконописцевъ. Для узнанія именъ ихъ весьма важнымъ пособіемъ служитъ пергаменный синодикъ ризницы № 2. Здѣсь съ самого начала XVI в. записаны разные мастера изъ служекъ и монаховъ лавры: крестечники, ложечники, ковшечники, посошники, токари, серебреники, олифленики, иконники. Изъ монаховъ упоминаются иконописцы: Савватій († около 1555 г.), Ѳеодоритъ († 1568), Ануфрій, Антоній, Левкій, Алексѣй (всѣ ум. въ 1571 г.), Герасимъ († 1573), олифленики: Нифонтъ († 1544), Никонъ († около 1550), Іоиль († 1566); сверхъ сего иноки: Андрей искусникъ, Леонидъ златописецъ († 1541), Илья рѣзецъ († 1571). Изъ служекъ: Варсонофій олифленикъ († въ нач. XVI в.), Стефанъ иконникъ († 1570) *). Иванчинъ-Писаревъ называетъ еще иконописцемъ казначея Сергіевой лавры инока Захея Суровцова († 1592 г.), но не показываетъ, откуда заимствовалъ сіе свѣдѣніе (День въ Троицкой лаврѣ, 1840 г., стр. 74). На иконѣ пресв. Богородицы Владимірскія (въ ризницѣ № 372) съ оборота надписано: „Лѣта 7079 мѣс. сентября 26 день образъ, при в. к. и царѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи, при митр. Антоніи, писалъ Давидъ Сирахъ,“ но кто онъ такой, служка или постороннiй, неизвѣстно. Изъ иконъ, писанныхъ въ XVI в. Троицкими иконописцами, по надписямъ можно указать только на двѣ: надъ южною дверію въ иконостасѣ Троицкаго собора складной образъ Видѣнія Божіей Матери преп. Сергію, устроенный изъ верхней гробовой доски его, съ слѣд. надписью: „Написанъ сей образъ на Чюдотворцовѣ ракѣ: Видѣніе Сергіево, въ лѣто 7096. А писалъ и окладывалъ образъ сей и положилъ начало у Живоначальной Троицы келарь Евстафій Головкинъ.“ Другой образъ преп. Сергія съ дѣяніемъ (въ ризницѣ № 297) съ такою же надписью, но съ означеніемъ 7099 года. XVII вѣкъ представляетъ намъ весьма много данныхъ относительно существованія въ Лаврѣ иконописцевъ. Во время осады Лавры по синодику ризницы № 2 (см. синодикъ библіотеки № 818) въ 1609 г. изъ монаховъ померли иконописцы: Терентій, Аввакумъ 2, Артемій, Александръ травникъ, Макарій судописецъ, а изъ служекъ Алексѣй иконникъ, Акинфій и Климентъ судописцы. Въ 1624 г. въ подмонастырномъ селѣ Клементьевѣ, не смотря на то, что оно было выжжено въ 1618 г. польскимъ военачальникомъ Чаплинскимъ, по писцовымъ книгамъ было 8 дворовъ иконописцевъ съ 12 человѣками, 2 двора сусальныхъ мастеровъ, 10 дворовъ судописцевъ съ 12 человѣками. Въ этихъ писцовыхъ книгахъ 1623 и 24 годовъ (№ 600 л. 135 об.) сказано: „Да въ томъ же Клементьевѣ селѣ нетяглыя слободы, а въ нихъ живутъ всякіе мастеровые люди, а даютъ имъ изъ монастыря денежное жалованье и отсыпной хлѣбъ, а они на монастырь дѣлаютъ всякое издѣлье. Иконописцы: 1) дворъ **) Гришка Михайловъ, да сынъ ево Ѳеопька, да ученикъ ево Куземка Ильинъ; 2) Дениско Ларіоновъ (въ синодикѣ: Діонисій иконникъ † 1627 г.), да сынъ ево Ѳедька; 3) Парѳенко Ларіоновъ, да ученикъ ево Богдашко Осиповъ; 4) Онофрейко Макарьевъ; 5) Ондрюшка Ивановъ; 6) Устинко Овтономовъ; 7) Герасимко Никитинъ; 8) знаменьщикъ Ивашко Сергѣевъ Басовъ. Сусальные мастеры: 1) Ивашко Олферьевъ; 2) Ивашко Юрьевъ. Судописцы: 1) Сидорко Григорьевъ, да ученикъ ево Ондрюшка Яковлевъ; 2) Матюшка Дмитреевъ; 3) Ондрюшка Степановъ; 4) Микифорко Андреевъ; 5) Ивашко Волкъ; 6) Вонико Леонтьевъ; 7) Ефремко Павловъ, да въ томъ же дворѣ Васька Ѳедоровъ; 8) Макарко Павловъ; 9) Иструшка Іевлевъ; 10) Микифорко Алексѣевъ.“ Въ житіи преп. Діонисія, архим. Лавры, сказано, что онъ „многи имѣлъ мастеры прехитры закормлены у себя: иконописцы, и книгописцы, и сребросѣчцы, и швецы,“ и что когда онъ скончался въ 1633 г. и положенъ былъ во гробъ, то „нѣкоторые иконописцы подобіе лица его на бумагѣ начертаху.“ По описи Сергіева монастыря 1641 г. при Лаврѣ была уже иконная слобода съ 15 дворами иконописцевъ, съ 3 дворами сусальниковъ, съ 2 дворами книгописцевъ; судописцы въ числѣ 14 дворовъ жили въ разныхъ

*) Что здѣсь записаны монахи и служки точно Сергіева, а не другаго монастыря, видно во 1-хъ изъ общаго заглавія надъ нѣкоторыми страницами: „сія извнѣ монастыря суть,“ во 2-хъ изъ надписей надъ другими именами, напр. около 1520 г. „инока Авраамія — съ Усьи иконникъ, Давида съ Москвы иконникъ, инока Ефрема — иконникъ съ Подолу“ († 1599 г.), т.-е. Подольнаго монастыря, собственно говоря Троицкой же иконописецъ.

**) Слово: дворъ, при слѣдующихъ именахъ мы замѣняемъ цифрою какъ здѣсь, такъ и въ другихъ описныхъ книгахъ.

слободахъ. Именно: „въ иконной слободѣ иконниковъ: 1) Козьма Ильинъ, 2) Иванъ Тихоновъ, 3) Оедоръ Денисовъ, 4) Ѳеонасей Григорьевъ, 5) Онофрей Макарьевъ, 6) Гарасимъ Тихоновъ, 7) Гарасимъ Никитинъ, 8) Василей Улитинъ, 9) Богданъ Осиповъ, 10) Ондрюшка Кондратьевъ, 11) Ондрей Ивановъ, 12) Яковъ Ловыря, 13) Ѳедотъ Самоиловъ, 14) Титъ Парѳеньевъ, 15) Михаило Осиповъ. Сусальниковъ: 1) Иванъ Елуферьевъ, 2) Иванъ Юрьевъ (въ синодикѣ который-то изъ этихъ Ивановъ записанъ подъ 1646 годомъ: „инока Игнатія — сусальникъ"), 3) Семенъ Михайловъ. Судописцы: 1) Матюшка Ильинъ, 2) Демка Елизаровъ, 3) Лазарко Ивановъ, 4) Макарко Павловъ, 5) Тимошка Ивановъ, 6) Гришка Дементьевъ, 7) Офремко Павловъ, 8) Васька Ѳедоровъ, 9) Ортюшка Андреевъ, 10) вдова Ѳеклица Сидоровская жена, 11) Матюшка Дмитреевъ, 12) Ивашко Ивановъ, 13) Ѳеонька Ивановъ, 14) Киприяшка Ондреевъ." Изъ братіи лавры въ описи 1641 г. между прочими поименованы: „иконописецъ старецъ Перфилей Ларіоновъ, старецъ Ѳеофанъ иконникъ, старецъ Микита судописецъ (послушникъ), книгописецъ Данило Марковъ," да въ синодикѣ подъ тѣмъ же 1641 годомъ записанъ инокъ Гурій иконникъ. Въ переписныхъ книгахъ 1678 г. (№ 581 л. 26) показано при лаврѣ служекъ въ слободахъ: иконниковъ 24 двора 50 человѣкъ (съ малолѣтними муж. пола), судописцевъ 9 дворовъ 27 чел., сусальниковъ 5 дворовъ 12 чел., олифленниковъ 1 дворъ. Имена ихъ слѣдующія: „Иконники: 1) Ивашко Ѳедоровъ Травниковъ, въ той же избѣ живетъ сосѣдъ Васька Ѳедосѣевъ, иконникъ же, съ дѣтьми: Данилко 10 лѣтъ, Тимошка 6 лѣтъ; 2) Стенька Васильевъ сынъ Ершовъ; 3) Ѳедотко Самойловъ сынъ Коробъ; 4) Данилко Михайловъ, а у него братъ Гришка 15 лѣтъ; 5) Сенька Козминъ, а у него сынъ Якушко 10 лѣтъ, 6) Стенька Титовъ, а у него братъ Митька 10 лѣтъ; 7) Внивашка Кузминъ; 8) Лучка Ѳеонасьевъ сынъ Жижиль съ дѣтьми: Андрюшка 16 лѣтъ, Тишка 10 лѣтъ; 9) Стенька Нестеровъ съ дѣтьми: Антошка 7 лѣтъ, Ѳедька году; 10) Петрушка Ивановъ съ дѣтьми: Ивашко 18 лѣтъ, Сенька 9 лѣтъ, Аѳонька 3 лѣтъ; 11) Гришка Григорьевъ сынъ Зарубинъ, а у него сынъ Андрюшка 16 лѣтъ; 12) Ивашко Никоновъ; 13) Андрюшка Ѳедоровъ сынъ Шлюха, а у него сынъ Ивашко 17 лѣтъ; 14) Васька Михаиловъ сынъ Карцовъ, а у него сынъ Васька 2 лѣтъ; 15) Мосейко Савельевъ сынъ Медвѣдникъ, а у него сынъ Мишка; 16) Гришка Давыдовъ сынъ Згнедъ съ дѣтьми: Максимко 20 лѣтъ, Ларька 17 лѣтъ, Ивашко 13 лѣтъ, Оська 12, Мишка 8 лѣтъ; 17) Якушко Яковлевъ сынъ Рогачевъ, 18) Сергунька Ивановъ сынъ Бурой; 19) вдова Анисья Ѳеонасьевская жена Кузмина; 20) Симонко Кондратьевъ; 21) Ѳедька Ефремовъ съ дѣтьми: Матюшка 9 лѣтъ, Аникитка 4 лѣтъ; 22) Отставленой иконникъ Якушко Ловыря; 23) Ивашко Григорьевъ, у него сынъ Сергунька году; 24) вдова Матрена Никифоровская жена съ дѣтьми: Андрюшка 10, Васька 4 лѣтъ. Судописцы: 1) Петрунька Дороѳѣевъ, у него же въ другой избѣ живетъ братъ ево иконникъ Микифорко Дороѳѣевъ; 2) Ивашко Ивановъ сынъ Волкъ, у него сынъ Ѳеонька, у Ѳеоньки дѣтей: Гришка 18 лѣтъ, Митька 15 лѣтъ, Якушка 5 лѣтъ; 3) вдова Васильевская жена Шамонина Ксенія, а у нея сынъ Ивашко 8 лѣтъ; 4) Ѳедька Кириловъ, а у него сынъ Филька 10 лѣтъ; 5) Васька Поликарповъ сынъ Колесниковъ; 6) Гришка Дементьевъ Шпагинъ съ дѣтьми: Ѳедька 20 лѣтъ, Ермачко 14 лѣтъ, Ивашко 12 лѣтъ; 7) Гришка Васильевъ, а у него сынъ Ганька 12 лѣтъ; 8) Сенька Ортемьевъ съ дѣтьми: Никифорко 20 лѣтъ, Ѳедька 16 лѣтъ, Якушко 11 лѣтъ, Мишка 8 лѣтъ, Васька 3 лѣтъ; 9) Савка Кириловъ съ дѣтьми: Ѳедька 20 лѣтъ, Семіонка 15 лѣтъ, Никифорко 9 лѣтъ. Сусальники: 1) Мишка Филиповъ, а у него сынъ Якушко 6 лѣтъ; 2) Сенька Созоновъ сынъ Черницовъ, а у него сынъ Гришка 3 лѣтъ; 3) Васька Никитинъ; 4) Ларька Софоновъ съ дѣтьми: Илюшка 7 лѣтъ, Якушко 2 лѣтъ; 5) Ивашка Филиповъ съ братьями: Оська 15 лѣтъ, Мишка 10 лѣтъ, Васька 7 лѣтъ. Дворъ олифленика — Елуфимко Титовъ."

Чѣмъ же занимались въ XVII в. всѣ эти иконописцы? Недостатка въ работѣ имъ не было. Въ этомъ столѣтіи были расписаны въ лаврѣ: въ 1635 г. Троицкій соборъ, Никоновская церковь, въ 1655 г. Сошественская церковь, въ 1684 г. Успенскій соборъ, въ 1691 г. Трапезная во имя Преп. Сергія церковь. Разумѣется, церкви эти расписывали свои иконописцы, какъ и сказано было въ надписи на западной сторонѣ Успенскаго собора, при участіи съ ними въ расписываніи сего послѣдняго, по причинѣ его огромности, 23 Ярославскихъ кормовыхъ иконопис-

цевъ *). О преп. Діонисіи Радонежскомъ разсказывается, что „онъ веліе прилежаніе имѣ о церковномъ строеніи: ово церкви воздвигалъ вновь, иныя жъ послѣ раззоренія обновлялъ“ какъ въ самой лаврѣ и въ приписныхъ монастыряхъ, такъ и въ селахъ по обширнымъ вотчинамъ. При возобновленіи этихъ церквей трудились конечно лаврскіе же иконописцы. Въ остальное время, свободное отъ церковныхъ работъ, служки иконописцы писали образа преп. Сергія въ благословеніе богомольцамъ, потому что они (иконописцы), наравнѣ съ прочими мастеровыми людьми, были на монастырскомъ окладѣ, получали изъ лавры хлѣбное и денежное жалованье, слѣд. начальство монастырское не позволяло имъ быть праздными. Въ описи 1641 г. на л. 364 сказано: „Въ казенныхъ же верхнихъ палатахъ 1163 образа Сергіева Видѣнія, писаны на золотѣ и на краскахъ,“ а на оборотѣ л. 359 показаны и „краски къ иконному письму“. И когда противъ прежнихъ описей у казначея Симона Азарьина не оказалось нѣсколько иконъ, то онъ сказалъ, что „6 образовъ Видѣнія чудотворца Сергія, обложенные серебромъ, басмою, вѣнцы рѣзные, роздаточные, розданы вышезжимъ властемъ въ прошлыхъ 7144—48 годѣхъ, да 18 образовъ Видѣнія чуд. Сергія на золотѣ поднесены Государю въ разные приходы,“ а про недочетъ красокъ онъ сказалъ, что онѣ „изошли у иконниковъ на иконы, что подносятся Государю, и на стѣнное письмо въ церковь. Живоначальныя Троицы да въ церковь чуд. Никона, и на другія монастырскія дѣла иконописцомъ и судописцомъ.“ Изъ иконописныхъ работъ служекъ едва ли что-нибудь сохранилось въ монастырѣ, хотя мы имѣемъ богатѣйшее собраніе древнихъ иконъ въ ризницѣ. Иконы эти преимущественно приносныя, на гробахъ умершихъ или по духовнымъ завѣщаніямъ, а также пожертвованныя монахами или оставшіяся по смерти ихъ, а иконы, писанныя монахами и служками, какъ выше мы замѣтили, шли въ роздачу богомольцамъ. Къ памятникамъ XVII в., кромѣ разныхъ украшеній въ рукописяхъ, слѣдуетъ отнести печатную Псалтирь 1634 г. келаря Симона Азарьина, на большихъ поляхъ которой отъ руки сдѣлано множество изображеній, олицетворяющихъ тексты Псалмовъ. Миніатюры эти не имѣютъ ничего общаго съ миніатюрами Псалтири Углицкой 1485 г., Стрѣлкова XVI в. и Годуновской 1600 г., съ которыхъ снимки изданы Тромонинымъ и Буслаевымъ, и вѣроятно должны быть признаны самостоятельнымъ трудомъ Троицкихъ иконописцевъ. Ихъ же письму надо приписать рукописи съ превосходными картинами въ листѣ поступившія, по описи 1641 г., въ лаврскую библіотеку въ 1634—40 годахъ: „1) Апокалипсисъ, въ лицахъ, толковой прописываны золотомъ, писанъ въ монастырѣ ново; 2) Апокалипсисъ, въ лицахъ (толковой же), въ десть, вкладной слуги Олексѣя Тиханова; 3) книга въ полдесть, сначала Шестодневъ Вас. Вел., да въ ней же Козма Индикоплювъ въ лицахъ, вкладная Олексѣя же Тиханова“. Косма Индикоплювъ, въ лицахъ, въ двухъ экземплярахъ, второй въ листъ. Въ настоящее время книги эти украшаютъ академическую библіотеку. Сверхъ монастырскихъ работъ иконописцы изъ служителей лавры часто требовались въ Москву ко Двору для Государевыхъ дѣлъ. Такъ въ 1659, 1660, 1669 и 1670 годахъ трудились при Дворѣ изъ лаврскихъ иконописцевъ 24 человѣка, въ числѣ коихъ было 4 травщика. Всѣ они поименованы въ словарѣ русск. иконописцевъ г. Ровинскаго. Иногда работа отъ царя посылалась и въ лавру. Въ 1670 г. мая 16 присланы отъ царя Алексѣя Михайловича ко властямъ Сергіева монастыря, при указѣ: „Двѣ книги о Душевномъ лекарствѣ, одна въ лицахъ, а другая новописана безъ лицъ... Велѣно Троицкимъ иконописцамъ (Нифонту Кузмину съ товарищи) съ тое книги, которая въ лицахъ писана, въ новую книгу написать золотомъ и красками, самымъ добрымъ мастерствомъ... безо

*) Въ спискѣ надписей, снятыхъ при митр. Платонѣ въ 1802 году, сказано: „На западной стѣнѣ Успенскаго собора по лѣвую сторону къ гробницамъ королевнынымъ слѣдующая надпись: Трудившіеся во святомъ храмѣ семъ Ярославскіе кормовые иконописцы: Дмитрей Григорьевъ, Василей Григорьевъ, Ѳедоръ Игнатьевъ, Симонъ Игнатьевъ, Ѳедоръ Савинъ, Тимоѳей Ѳедотовъ, Иванъ Анофріевъ, Иванъ Семеновъ (bis), Иванъ Андреяновъ (bis), Аѳанасей Петровъ (bis), Дмитрей Ивановъ (bis), Стефанъ Андреяновъ, Иванъ Васильевъ, Иванъ Сергіевъ, Кондратій Игнатьевъ, Ѳедоръ Константиновъ, Оспнъ Козминъ, Никита Ѳедотовъ, Лука Ивановъ, Петръ Кононовъ, Ѳедоръ Ивановъ, Сергій Константиновъ, а Троицкихъ домовыхъ иконописцевъ: Данило Гѣбовъ, Иванъ Карповъ съ товарищи 10 человѣкъ, а всѣхъ мастеровыхъ было 35 человѣкъ.“ Надпись эта, какъ видно, не совсѣмъ вѣрно снята; при возобновленіи собора Палеховцами въ 1866 г. надпись сдѣлана новая.

всякія лѣности съ радѣніемъ; а за письмо тое книги наше Великаго Государя жалованье кормовыя деньги даны имъ будутъ на Москвѣ изъ Оружейной Палаты противъ Московскихъ иконописцевъ первые статьи" (Библіограф. записки 1861 г. № 5). Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1671 г. послано въ монастырь изъ Оружейной Палаты „сто яицъ деревянныхъ точеныхъ, да золота листоваго сусальнаго 150 листовъ, да красокъ бакану и яри винницейской по 12 золотниковъ, и велѣно написать тѣ яица по золоту разными цвѣтными красками Троицкимъ травщикомъ добрымъ письмомъ травы, а въ травахъ писать птицы и звѣри, противъ прежняго. И мы, богомольцы твои (писали въ отпискѣ къ царю власти монастырскія), по твоему, Великаго Государя, указу, велѣли написать тѣ яица разными цвѣтными красками Троицкимъ травщикомъ и, написавъ, послали къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ, апрѣля въ 21 день" (Домашній бытъ Русск. Государей въ XVI и XVII ст., соч. Забѣлина, ч. I). Въ 1650 г. 21 января келарь Симонъ Азарьинъ, въ бытность въ Москвѣ, писалъ оттуда между прочимъ къ казначею лавры, чтобы „иконники полотенца писали безъ прогулу." Вѣроятно, Троицкіе иконописцы писали въ Москву не однѣ тѣ мелочныя вещи, но и образа по заказу.

Надо полагать, что въ XVI и XVII в. служки занимались мастерствами у себя дома съ своими семействами. Каждое мастерство переходило отъ отца къ сыну, а въ XVI в., когда служки были не женаты, нѣкоторые имѣли и учениковъ, и такимъ образомъ оно поддерживалось въ домѣ или семействѣ. Эти частныя мастерскія служекъ получили видъ одной общей благоустроенной школы только въ XVIII ст., но вмѣстѣ съ тѣмъ получили и другое направленіе, отъ иконописи византійской перешли къ живописи италіянской или къ фряжскому письму. До XVIII в. лаврская иконопись въ художественномъ отношеніи не имѣла никакого своего особеннаго отличительнаго характера. Это можно видѣть изъ того, что вмѣстѣ съ царскими иконописцами при Дворѣ писали и Троицкіе, а съ Троицкими въ лаврѣ Ярославскіе.

Отъ XVIII столѣтія, по причинѣ двухъ сильныхъ пожаровъ, бывшихъ въ лаврѣ въ 1709 и 1746 годахъ и истребившихъ почти всѣ письменныя дѣла, мы не имѣемъ свѣдѣній объ иконописцахъ до половины 1746 года. Упоминается только одинъ изъ нихъ Аггѣй Михаиловъ, взятый въ сентябрѣ 1731 г. по какому-то дѣлу въ Тайную Канцелярію, да еще какой-то иконописецъ на иконѣ Пресв. Богородицы Иверскія (въ ризницѣ № 343) въ чеканной надписи на сребропозлащенномъ окладѣ: „Писалъ изуграфъ Тимоѳей Семеновъ въ 1734 году." Въ сентябрѣ 1746 г. при лаврской семинаріи открытъ классъ иконописи, и на первый разъ избрано изъ семинаріи 8 учениковъ, обученіе которыхъ ввѣрено живописцу изъ бѣльцовъ Николаю Каменскому, опредѣленному еще въ началѣ 1745 г. для рисованія орнаментовъ на колокольнѣ, въ царскихъ чертогахъ, и проч. За труды монастырскіе и обученіе мальчиковъ ему положено жалованья отъ лавры, при готовомъ столѣ, 100 р. Но занятія его были непродолжительны и безуспѣшны. Для возобновленія живописи въ церквахъ, поврежденныхъ послѣднимъ пожаромъ, въ половинѣ 1747 г. вызванъ былъ въ лавру изъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря живописецъ іером. Павелъ Казановичъ. Съ собою онъ взялъ изъ Могилева двухъ живописцевъ, бывшихъ его учениковъ, Игнатія и Іакова Андреевыхъ дѣтей Бараховичей. При росписываніи съ ними церквей подъ надзоръ его поручены лаврскіе служительскіе живописцы, иконописцы (изъ коихъ по имени извѣстенъ одинъ Григорій Антипинъ) и судописцы съ монахомъ Іосифомъ. Отъ 18-го іюля 1747 по сентябрь 1748 г. іером. Павелъ вмѣстѣ съ Бараховичами исполнилъ слѣдующія работы: „написали 1) отъ Святыхъ вратъ икону Христа Спасителя, Матери Божіей и прочихъ Святыхъ; 2) на церкви Св. Іоанна Предтечи компердыменты около окошекъ и оконъ вверху надъ крышкою; 3) ниже крышки компердыменты и ангелы съ фруктами росписали; 4) на архіерейскихъ келліяхъ отъ Москвы росписывали стѣны; 5) на золотомъ флюгерѣ съ одной стороны Спасителевъ образъ, а съ другой Предтечу вытушовали; 6) въ библіотекѣ на 10 шкафахъ лицы, гдѣ надлежитъ, подписали; 7) 10 иконъ Явленія Божіей Матери чудотворцу Сергію писали въ С.-Петербургъ, и многіе рисунки и мелочныя работы исправляли. При трапезѣ на паперти написали образъ Господа Саваоѳа и Духа Святаго, образъ Спасовъ Нерукотворенный," которые и понынѣ стоятъ за стеклами при сѣверномъ входѣ въ Трапезную церковь (Протоколы Учр. Собора № 721, л. 197; сн. № 722 л. 354). Послѣдняя икона отличается высокимъ художествен-

нымъ достоинствомъ. Въ концѣ 1749 г. Бараховичи, недовольные жалованьемъ лавры (получали по 30 р. въ годъ), возвратились на родину, но іером. Павелъ не прекращалъ своего занятія и въ 50-хъ XVIII ст., только труды его въ это время остаются неизвѣстными. Съ 10 марта 1748 г. онъ началъ обучать вмѣсто Каменскаго живописному и рисовальному искусству 10 семинаристовъ, наиболѣе изъ служительскихъ дѣтей, которые всѣ получали отъ лавры хлѣбное и денежное жалованье, смотря по успѣхамъ. По отзыву учителя ихъ Казановича въ разные годы превосходнѣе другихъ были: Исидоръ Леньковъ и Петръ Благовѣщенскій. Прочіе ученики слѣдующіе: Иванъ Митневскій, Иванъ Желтухинъ, Ѳедоръ Кириловъ, Алексѣй Муратовъ, Ѳедоръ Харитоновъ, Иванъ Токаревъ, Викторъ Княжнинъ и Иванъ Аѳанасьевъ. Для усовершенствованія учениковъ своихъ въ живописи іером. Павелъ въ началѣ 1753 г. кушлъ въ Москвѣ „у Ренберцовъ“ на счетъ лавры 258 печатныхъ картинъ и листовъ (куншговъ, нѣкоторыя изъ нихъ сохраняются доселѣ) разнаго содержанія и формата на 44 рубля, да для иллюминаціи гумигуты полфунта на 60 коп. Въ сентябрѣ 1753 г. архим. лавры Аѳанасій приказалъ набрать въ Троицкой Холуйской слободкѣ Вязниковскаго уѣзда (принадлежавшей лаврѣ) „крестьянскихъ дѣтей 10 человѣкъ изъ маловозрастныхъ отъ 12 до 15 лѣтъ, остріихъ и къ понятію къ иконописному художеству надежныхъ, обученыхъ грамотѣ,“ и, давъ имъ въ лаврѣ покои, пищу и одежду, обучить живописи іером. Павлу. Съ 1758 г. и они стали получать денежное жалованье, смотря также по большему и меньшему искусству. По отзыву іером. Павла въ 1758 г. Холуйскіе ученики были: Иванъ Никитинъ, Николай Осиповъ, — изрядно почали успѣвать; Емельянъ Павловъ, Ѳедоръ Суботинъ, Василій Яковлевъ, — такожъ успѣваютъ; Иванъ Оботинъ, Левъ Грязновъ, Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Андреевъ, Алексѣй Иваповъ, мало поменьше успѣваютъ, однакожъ надежны. Одновременно съ ними изъ той же Холуйской слободки учились, вѣроятно, по своему желанію: Иванъ Рыбинъ, — средне обучается, а получаетъ одну пищу, Петръ Дрождинъ, — изрядно учится на своемъ коштѣ, Григорій Григорьевъ,—въ надежду рѣзнаго мастерства обучается, а получаетъ по полтора хлѣба въ недѣлю. Первому и послѣднему изъ нихъ Соборъ лавры приказалъ выдавать еще одежду, а Дрождину, записавъ его за лаврой, выдавать пищу, одежду и денегъ по рублю въ годъ. Въ 1762 г. кромѣ обучившихся 10 семинаристовъ и холуянъ и при лаврѣ оставшихся, упоминаются новые ученики, неизвѣстно когда и откуда набранные. Съ отбраніемъ въ 1764 г. вотчинъ отъ лавры холуйскіе ученики возвратились въ мѣсто прежняго своего жительства. Художественное образованіе, полученное ими въ живописной школѣ Казановича, навѣрно не осталось безъ добраго вліянія на мастерскія доморощенныхъ художниковъ *).

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что съ половины XVIII ст. (а можетъ быть и ранѣе) до настоящаго времени лавра ежегодно покупала и покупаетъ въ благословеніе богомольцамъ у иконописцевъ Холуйской слободы отъ двухъ до седьми тысячъ образовъ Видѣнія Божіей Матери преподобному Сергію трехъ сортовъ. Преосвящ. Арсеній, архим. лавры, въ виду того обстоятельства, что лавра платитъ Холуянамъ деньги за образа, а послѣ съ нихъ же собираетъ оброчныя деньги, въ 1760 г. настрого подтвердилъ Собору лавры прежніе свои указы, „чтобы для благословенія про расходъ повсягодно брать съ Холуйскихъ иконописцевъ, ибо ихъ имѣется предовольно, иконы по низкимъ цѣнамъ 20, 30 и 80 копѣешнымъ, въ зачетъ новоположеннаго съ нихъ рублеваго оброка, а образа лучшей работы по 1, 2, 3 рубля и болѣе стоющіе не покупать у нихъ, а писать своимъ живописцамъ изъ лаврскихъ красокъ, давая имъ въ урокъ помѣсячно,

*) Борисовъ, въ Описаніи города Шуи (изд. 1851 г.) говоритъ, что Холуяне и Палеховцы искусство иконописанія заимствовали у Шуйскихъ иконописцевъ назадъ тому лѣтъ 80 или 90. Это я слышалъ, продолжаетъ онъ, отъ шуйскаго мѣщанина, 87-лѣтняго старика, заслуживающаго вѣролтіе. Но преданіе это искажено. Холуяне еще въ XVII в. писали иконы, и по грамотѣ 1668 г. „писали безо всякаго разсужденія и страха.“ Слѣд. назадъ тому 90 лѣтъ они не заимствовали отъ Шуянъ, а улучшили только это искусство отъ дѣтей своихъ Троицкихъ учениковъ. По свидѣтельству г. Тихонравова, въ настоящее время у Холуйскихъ мастеровъ кромѣ Суздальской иконописи есть еще два рода письма: живописное, масляными красками по масляному грунту и письмо фряжское. Первый родъ иконописи употребляется только при писаніи иконъ, плащаницъ и хоругвей по заказамъ и для стѣнной живописи. Послѣдній не въ большомъ употребленіи, какъ по особенной отчетливости въ работѣ, такъ и по цѣнности ея (Владимірскій Сборникъ, изд. 1857 г., стр. 28).

дабы они праздно опредѣленнаго себѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не получали.“ Исполнилъ ли это приказаніе Учр. Соборъ, и чѣмъ вообще занимались въ это время старые и новые лаврскіе живописцы, неизвѣстно. Требованія ихъ въ Москву для украшенія церковныхъ и казенныхъ строеній продолжались и въ XVIII вѣкѣ. Въ 1742 г. велѣно было прислать въ Москву, въ числѣ мастеровыхъ людей: иконописцевъ, живописцевъ и золотарей. По случаю пожара, бывшаго 1 ноября 1753 г. въ московскомъ дворцѣ, вызваны изъ лавры разные мастеровые люди, между ними 5 живописцевъ изъ служителей и 10 семинаристовъ, обучившихся живописи. Въ іюлѣ 1762 г. для исправленія принадлежностей къ коронаціи императрицы Екатерины II коллегія экономіи предписывала прислать между прочими мастерами всѣхъ живописцевъ, маляровъ и золотарей. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. предъ пріѣздомъ въ лавру императрицы, и лавра требовала иконописцевъ изъ Холуйской слободы. Такъ въ концѣ 1752 и въ началѣ 1753 г. отсюда были вытребованы въ лавру бобыли иконописцы: Стефанъ Оботинъ, Никита Андреевъ Меньшой и Иванъ Суботинъ для писанія св. образовъ Видѣнія Божіей Матери преп. Сергію и отосланы къ іером. Павлу Казановичу, подъ присмотромъ котораго написали по мартъ 1753 года „противъ даннаго имъ трехрублеваго куништу 30 образовъ,“ за каждый взяли по 2 р. 40 коп. Куништы іером. Павла, кажется, были не совсѣмъ согласны съ общепринятымъ рисункомъ, и тѣмъ обратили на себя вниманіе императрицы. Въ 1758 г. духовникъ ея протоіерей Ѳеодоръ Дубянскій писалъ къ архим. лавры Аѳанасію: „Сего октября 1 дня императрица Елисавета Петровна въ придворной церкви изустно ему указать соизволила объявить мнѣ именной своего Императорскаго Величествѣ указъ, дабы отнынѣ впредь въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ образа преп. чудотворца Сергія писаны были противъ прежняго, ибо Ея И. В. соизволила усмотрѣть, что нынѣ пишутся они съ отмѣною.“ Еще въ мартѣ 1748 года преосвященный Арсеній послалъ указъ въ Соборъ лавры, чтобы „живописцы писали образъ Видѣнія Божіей Матери такою инвенціею, какъ нынѣ посланный изъ С.-Петербурга образъ написанъ.“ Несмотря на эти замѣчанія живописецъ іером. Павелъ во мнѣніи Учрежденнаго Собора стоялъ высоко, такъ какъ онъ былъ знатокъ своего дѣла и занимался имъ съ усердіемъ и тщаніемъ. Въ 1748 г. за искусное живописное мастерство, присмотръ за лаврскими живописцами и за прилежное обученіе семинаристовъ приказано выдавать ему по 40 рублей въ годъ и отличную отъ братіи пищу. Въ сентябрѣ 1752 года за рачительное его живописное искусство и обученіе оному 10 учениковъ Соборъ приказалъ сшить ему шубу на лисьемъ мѣху, покрытую шелковой матеріей. Указомъ Св. Синода отъ 23 декабря 1753 года, по предложенію архим. Аѳанасія, Павелъ Казановичъ удостоенъ званія соборнаго іеромонаха. Въ сентябрѣ 1759 г., по прошенію, за старостію и слабостію здоровья, онъ былъ уволенъ отъ должности учителя живописной школы, и перемѣщенъ въ особую отъ учениковъ келлію, а обученіе учениковъ поручено „изучившимся живописному искусству двумъ ученикамъ изъ семинаристовъ Петру Благовѣщенскому и Исидору Ленькову понедѣльно.“ Въ 1764 г. соборный іером. Павелъ Казановичъ уволенъ на обѣщаніе въ Кіево-Межигорскій монастырь. Вскорѣ его замѣнилъ живописецъ Климентъ, вызванный въ лавру изъ Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря въ 1758 г. и въ томъ же году рукоположенный въ С.-Петербургѣ во іеродіакона. Съ 1762 г. велѣно выдавать ему по 30 р. въ годъ, а пищу въ половину противъ соборныхъ. Въ 1768 г. онъ вытребованъ въ С.-Петербургъ на Троицкое Фонтанное подворье, отсюда въ 1773 г. поступилъ въ вологодскую епархію. Изъ произведеній его кисти ничего неизвѣстно.

Съ учрежденіемъ въ 1764 г. штатовъ живописецъ Исидоръ Леньковъ оставленъ былъ въ числѣ служителей лавры, и послѣ занимался обученіемъ учениковъ живописи. По началу онъ получалъ обычно штатнослужительское жалованье, но въ послѣдствіи сдѣлана прибавка; въ 1766 г., по просьбѣ его, выдано награжденія 15 руб. „въ разсужденіи достойной ево въ живописномъ художествѣ и отмѣнной отъ прочихъ работы, а также исправленія имъ 4 хоругвей.“ Въ мартѣ 1776 г. намѣстникъ лавры, іером. Павелъ, надзоръ надъ учениками живописной школы поручилъ иконописцу монаху Павлу, а обученіе ихъ тому же Исидору Ленькову. Въ наставленіе дана инструкція, въ которой между прочимъ сказано, чтобы мальчики ежедневно, кромѣ праздниковъ, занимались 10 часовъ въ день, съ 6 до 12 часовъ утра, послѣ обѣда съ 2-хъ до 7 часовъ вечера, а въ воскресные и праздничные дни приходили рано по утру въ церковь Богоматери и пѣли на клиросахъ. Въ декабрѣ

1782 г. надзоръ надъ живописцами въ живописной палатѣ вѣренъ діакону Евѳимію, такъ какъ смотрѣніе надъ ними прежде опредѣленныхъ монаха Павла и Ленькова оказалось слабымъ. Онъ также снабженъ былъ инструкціей, немного измѣненной отъ прежней. Въ апрѣлѣ 1785 г. іеродіаконъ Ефремъ, прежде-бывшій діаконъ Евѳимій, по избранію братіей, опредѣленъ поварснымъ, а потому надзирателемъ надъ живописцами Соборъ приказалъ быть іером. Сергію Жохову, давъ ему въ руководство прежнюю измѣненную инструкцію. Занятія живописцевъ съ 1764 по 1800 годъ были самыя разнообразныя; ихъ заставляли дѣлать все, чего требовала нужда. Во-первыхъ, они трудились въ росписываніи церквей лавры: при возобновленіи Троицкаго собора въ 1777 г. 25-ю священнослужителями изъ Москвы участвовали лаврскіе иконописцы: бѣлый священникъ Григорій Никитинъ (съ 12 августа 1778 г. іеромонахъ Гавріилъ, + 26 сент. 1800 г.), іеродіаконъ Варнава, монахъ Павелъ и Исидоръ Леньковъ съ учениками, изъ коихъ извѣстны: Иванъ Коршунковъ, Николай Неводчиковъ и Игнатій Петровъ Басовъ. Въ 1778 г. они участвовали при возобновленіи Сошественской церкви, съ 10 священнослужителями изъ Москвы, и Трапезной церкви. Въ 1779 году Троицкая и Никоновская церкви съ папертями возобновлены росписаніемъ снаружи одними Троицкими живописцами: іером. Гавріилъ и іерод. Варнава съ двумя учениками монаха Павла раскрашивали мраморомъ, а вышеозначенные 5 живописцевъ писали образа во фронтонахъ. Между 1766 и 91 годами были вновь расписаны внутри стѣнымъ писаніемъ церкви Никоновская, Михѣевская, Смоленская и Сераѳіоновская палатка. Такъ какъ церкви эти небольшія, то вѣроятно писали ихъ одни свои мастера. Во-вторыхъ, они исправляли старые образа въ иконостасахъ, наприм. въ больничной церкви съ трапезою, расписывали царскіе чертоги шахматомъ, красили крыши, окна, столы, и т. п., составляли рисунки. Въ прочее время, когда не было никакихъ работъ въ монастырѣ, они съ утра до вечера писали въ особой келліи, подъ присмотромъ живописца Ленькова, образа Видѣнія пресв. Богородицы преп. Сергію и другіе. Въ 1772 г. между прочимъ ими написано вновь: „для подношенія знатнымъ господамъ 24 образа Видѣнія Божіей Матери преп. Сергію съ золочеными и серебряными полями; образъ св. Апостолъ Петра и Павла для келлій намѣстника; картина Спасителя — Сошествіе во адъ — свобождающаго изъ ада, состоящая изъ 15 лицъ; картина Коронованія Божіей Матери.“ Въ 1773 г. между прочимъ написано ими 14 такихъ же подносныхъ образовъ преп. Сергія; „въ домовой церкви Казанской Богородицы на горнемъ мѣстѣ картина Спасителя, стоящаго на глобусѣ, окруженнаго Ангелами“. Въ 1774 г. до іюля написано 19 подносныхъ образовъ. До 1788 г. штатнослужителей живописцевъ было 6 человѣкъ, при намѣстникѣ игуменѣ Досифеѣ 1788—1792 г.) ихъ было только 4 человѣка и приказано было отъ него писать имъ образа урокомъ по своимъ домамъ, въ мѣсяцъ по три образа Видѣнія Божіей Матери преп. Сергію въ благословеніе, кромѣ прилучившихся работъ въ лаврѣ. Въ началѣ 1793 г. они опять опредѣлены были подъ смотрѣніе иконописцу монаху Игнатію, и у него въ келліи писали образа. Въ апрѣлѣ того же 1793 г. митрополитъ Платонъ приказалъ писать имъ по домамъ своимъ въ годъ по 20 образовъ, а на краски и другіе матеріалы выдавать изъ казны деньгами на каждаго по три рубля въ годъ, на осень и зиму позволилъ ходить имъ на сторону, по очереди. Но въ 1798 г. велѣлъ представлять имъ въ лавру только по 15 образовъ. По прежнимъ инструкціямъ штатнослужители живописцы могли заниматься въ свою пользу только въ праздничные дни у себя дома. Нѣкоторые изъ нихъ и посвящали эти дни на свои работы, наприм. въ 1785 г. Леньковъ написалъ для протоіерея Рождественской при лаврѣ церкви „два Высочайшія партрета,“ по рублю за каждый, а Басовъ, съ дозволенія митр. Платона, въ 1787 г. копировалъ для себя картины, находившіяся въ Вѳанскихъ покояхъ Платона.

Съ 1802 по 1818 годъ учителемъ живописной школы былъ живописецъ, сперва монахъ, а съ 1810 г. іеромонахъ, Аѳанасій. Въ мартѣ 1802 г. митр. Платонъ поручилъ ему для обученія живописи трехъ штатнослужительскихъ дѣтей: Ивана Басова, Ивана Болдырева и Димитрія Вагина, и велѣлъ заниматься имъ по 10 часовъ въ день, а Аѳанасію выдавать за ученіе по 1 рублю въ годъ. Второй изъ нихъ Болдыревъ въ 1806 г. оказалъ уже значительные успѣхи и, согласно желанію его, былъ увольняемъ лѣтомъ въ Москву для изученія стѣннаго изъ водяныхъ красокъ писанія. Въ

1808 г. въ числѣ учениковъ упоминается еще Илья Кочерыгинъ. Всѣмъ имъ прибавлено жалованья, кромѣ положеннаго по штату; въ іюнѣ 1812 г. митр. Платонъ приказалъ выдавать имъ ежегодно на халаты и запаны по 100 аршинъ холста изъ прикладнаго ко гробу преп. Сергія. Съ 1816 г. Болдыреву, Вагину и Кочерыгину, особенно трудившимся въ писаніи образовъ въ пользу лавры, сверхъ штатнаго жалованья, велѣно выдавать по 10 руб. въ годъ, а Игнатію Басову, старому живописцу (+ около 1828 г.), на краски, по дороговизнѣ ихъ, 10 вмѣсто 3 руб. Онъ получалъ жалованья, положеннаго еще Платономъ, по 20 рублей въ годъ за то, что болѣе 20 годовъ безотлучно находился при немъ въ Москвѣ и Виѳаніи при томъ же живописномъ занятіи. Въ 1816 г. обучались живописному искусству полуштатные: Адріанъ Лычковъ, Василій Болдыревъ и Иванъ Матвѣевъ Малышевъ, котораго отецъ въ 1819 г. просилъ Учрежденный Соборъ опредѣлить вмѣсто себя въ штатъ служителей. Въ октябрѣ 1816 г., настоятель лавры, архіеп. Августинъ, сдѣлалъ живописца Аѳанасія соборнымъ іеромонахомъ за то, что онъ „съ большою пользою для лавры трудится въ писаніи живописныхъ образовъ, и съ немалымъ успѣхомъ обучаетъ штатнослужительскихъ дѣтей живописному мастерству.“ Единственнымъ памятникомъ его трудовъ служитъ находящаяся на паперти больничной церкви большаго размѣра живописная икона Живоносный источникъ. Съ возложеніемъ въ 1818 г. на Аѳанасія должности намѣстника лавры, живописная школа для ближайшаго присмотра переведена изъ Донскаго корпуса подъ его келліи, гдѣ нынѣ палата для портныхъ, а учителемъ опредѣленъ одинъ изъ младшихъ его учениковъ Иванъ Малышевъ. Занятія живописцевъ въ это время были также разныя: мелкія подѣлки въ лаврѣ, писаніе образовъ преп. Сергія по положенію митр. Платона и росписываніе церквей. Такъ въ 1824 г. они промывали и исправляли стѣнное писаніе въ Троицкомъ соборѣ, а въ Трапезной церкви исправили и позолотили на гульфарбу полинявшій иконостасъ; въ 1827—29 гг. росписывали, подъ руководствомъ самого намѣстника архим. Аѳанасія, Предтеченскую церковь слѣдующіе живописцы: Николай и Иванъ Малышевы, Петръ, Иванъ и Василій Болдыревы, Димитрій Вагинъ, Иванъ Данилов, Илья и сынъ его Иванъ Кочерыгины.

Для пополненія извѣстій о лаврскомъ иконописаніи слѣдуетъ упомянуть, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ изъ лаврской братіи монахъ Игнатій († 15 окт. 1828 г.) занимался въ пользу лавры писаніемъ финифтяныхъ образовъ, которые продавались въ Сергіоновской часовнѣ по 20 коп. За краски и труды, по резолюціи митр. Платона, онъ получалъ по 10 коп. за образъ. Въ концѣ 1819 г. Учр. Соборъ докладывалъ митрополиту Серафиму, настоятелю лавры, что „для приходящихъ въ лавру богомольцовъ въ продажу финифтяные образа пишетъ лаврскій монахъ Игнатій по старости своей неуспѣшно, не болѣе какъ до 1,000 образовъ въ годъ“, и просилъ позволенія сдѣлать подрядъ для поставки въ лавру такихъ образовъ до 3,000 въ серебряной оправѣ сторонняго подрядчика. Вслѣдствіе чего подряжены были мѣщане города Ростова, финифтяные мастера, на 1820 годъ Гвоздаревъ, на 1821 годъ Серебренниковъ. Съ тѣхъ поръ и по сіе время финифтяные образа постоянно покупаются для богомольцевъ въ Ростовѣ.

Живописная школа, существовавшая до 1831 г. въ маломъ видѣ, при нынѣшнемъ о. намѣстникѣ архим. Антоніи, достигла обширныхъ размѣровъ и взошла на степень цвѣтущаго состоянія. Помѣщеніе для нея устроено на западной сторонѣ въ третьемъ этажѣ близъ башни, ведущей въ намѣстничьи келліи. Школа эта состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ обучается греческой иконописи до 60 мальчиковъ изъ разныхъ мѣстностей на полномъ монастырскомъ содержаніи. Напр. въ 1853 и 54 годахъ занимался здѣсь Грекъ Агаѳоникъ Андонъ; съ сентября 1864 г. по сю пору изучаетъ церковную живопись и литографію монахъ изъ Болгаріи Ѳеодосій Рыльскій, 1859 г. занимавшійся въ Москвѣ въ художественномъ классѣ. Въ числѣ учениковъ есть нѣсколько мастеровъ, пишущихъ иконы по заказамъ съ смотрителемъ сего отдѣленія и учителемъ иконописи іеромонахомъ лавры Симеономъ. Во второмъ отдѣленіи, гдѣ собственно занимаются иконописаніемъ по требованіямъ лавры и по заказамъ разныхъ лицъ, находится до 20 человѣкъ. Этимъ отдѣленіемъ завѣдуетъ бывшій штатнослужитель лавры, нынѣ свободный художникъ Иванъ Матвѣевъ Малышевъ. 10 мая 1859 г. за выслугою лѣтъ исключенный изъ числа штатнослужителей лавры, онъ удостоенъ отъ Императорской Академіи Художествъ званія некласснаго художника живописи съ правомъ пользоваться съ потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію и вступить въ службу, какую самъ

пожелаетъ. Въ 1861 г. 5-го іюня Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Малышеву серебряную медаль съ надписью „за усердіе“ для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ. Художнику Малышеву принадлежитъ честь изобрѣтенія украшать поле иконы чеканкой по золоту, распространеннаго теперь по всей Россіи.

Съ половины XVIII в. характеръ лаврскаго иконописанія склонялся болѣе къ западной живописи, но въ настоящее время онъ приближенъ къ древнимъ образцамъ византійской иконописи. Для очищенія вкуса иконописцевъ и усвоенія имъ всего достоинства древней греческой живописи нужно было дать имъ и училищу въ руководство снимки съ отличныхъ въ художественномъ отношеніи древнихъ иконъ. Посему въ 1843 г., съ разрѣшенія Св. Синода, при живописной школѣ заведена литографія для приготовленія вѣрныхъ снимковъ съ древнихъ имѣющихся въ церквахъ и въ ризницѣ лавры иконъ. Для болѣе вѣрнаго копированія древнихъ иконъ, достопамятныхъ по святынѣ и древности вещей, въ лаврской ризницѣ хранящихся, въ 1859 г. положено начало фотографическому заведенію, на учрежденіе коего отъ 15-го декабря 1862 г. послѣдовало разрѣшеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Успѣхамъ иконописнаго искусства, кромѣ фото- и литографическихъ копій съ лучшихъ древнихъ иконъ и священныхъ предметовъ, немаловажнымъ пособіемъ служатъ: 1) Собраніе замѣчательныхъ произведеній живописи различныхъ школъ Европы, состоящее изъ 100 книгъ (на разныхъ языкахъ), въ числѣ коихъ до 20 альбомовъ въ эстампами и картинами. Эта богатая коллекція пожертвована въ лаврскую библіотеку въ 1865 г. наслѣдниками князя А. А. Волконскаго. 2) До 100 эстамповъ и картинъ, пожертвованныхъ въ живописную школу П. Д. Дягилевымъ. 3) Новый Завѣтъ, изданіе Овербека, приношеніе графини Гудовичъ для рисовальнаго класса.

Занятія нынѣшнихъ художниковъ состоятъ въ писаніи иконъ для лавры и разныхъ мѣстъ, по заказамъ. Перечислимъ ихъ работы вопервыхъ для лавры: 1) „Въ 1834 и 1860 годахъ возобновленъ иконостасъ Троицкаго собора въ лаврской живописной школѣ“, какъ сказано въ надписи на иконѣ Господа Вседержителя, находящейся въ Троицкомъ соборѣ надъ царскими дверьми. 2) Въ 1848 г. штатнослужителемъ И. Малышевымъ съ мастерами возобновленъ алтарь Троицкаго собора иконною живописью. 3) „Въ 1855 г. производилось росписаніе стѣнъ Троицкаго собора“, по надписи въ сѣверо-западномъ углу его, „тремя разными отдѣленіями мастеровъ. 1-е отдѣленіе составлялъ штатнослужитель Иванъ Матвѣевъ Малышевъ съ сыновьями его Константиномъ и Михаиломъ и работавшіе у него мастера: Иванъ Дмитріевъ Овчинниковъ, Андрей Ѳедоровъ Маргуновъ, уборщикъ Иванъ Иваницкій, и прочіе. 2-е отдѣленіе составлялъ монахъ лавры Симеонъ съ мастерами штатнослужителями Александромъ Болдыревымъ, Сергѣемъ Никулинымъ, и прочими. 3-е отдѣленіе составляли мастера Палеховскіе. 4) Въ 1847 г. И. Малышевымъ возобновлена стѣнописъ Трапезная церковь. 5) Въ 1867 г. она же опять была возобновлена Малышевымъ и іером. Симеономъ. 6) Въ 1842 г. Малышевымъ украшена Михѣевская церковь наружнымъ и стѣнописъ писаніемъ вмѣстѣ съ иконостасомъ. 7) Въ 1854 г. имъ же писанъ иконостасъ въ церковь св. великомученицы Варвары. 8) Въ томъ же 1854 г. въ Смоленской церкви, какъ гласитъ надпись на алтарномъ крестѣ, „написаны св. иконы и стѣнное украшеніе монахомъ лавры Симеономъ съ товарищами и учениками лавры.“ 9) Въ 1860 г. іером. Симеономъ и И. Малышевымъ написаны для поставленія въ Троицкомъ соборѣ на аналоѣ при торжественныхъ служеніяхъ и величаніяхъ праздникамъ и святымъ 24 иконы. 10) Икона, поднесенная покойному митр. Филарету Сергіевою лаврою 5-го августа 1867 г., писана о. Симеономъ. (Сюжетъ этой иконы см. въ Моск. Вѣдом. 1867 г. № 191.) 11) Въ нынѣшнемъ 1868 г. Малышевымъ написаны мѣстныя иконы въ новоустроенный храмъ во имя св. праведнаго Филарета. 12) Іером. Симеонъ съ своими мастерами росписалъ Сошественскую церковь, а иконы для иконостаса оной писалъ вмѣстѣ съ Малышевымъ.

Работы, исполненныя по заказамъ, іером. Симеономъ:

Для Государыни Императрицы Маріи Александровны: 1) Въ 1854 г. написана икона съ изображеніями св. Алексія, митр. Московскаго, и преп. Сергія Радонежскаго. 2) Въ 1861 г. снятъ вѣрный снимокъ съ иконы Смоленской Божіей Матери, находящейся въ Кремлѣ въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ. За труды по снятію съ сей иконы копіи, пожертвованной Ея Величествомъ въ православную церковь въ селѣ Рашъ въ Албаніи, Государь Императоръ Всемилостивѣйше со-

изволилъ пожаловать іеромонаху Симеону золотой наперсный крестъ, съ таковою же цѣпочкою. 3) Въ 1866 г. написаны три аналойныя иконы: 1) Пресв. Троицы, 2) Покрова Пресв. Богородицы и 3) св. апостолъ Петра и Павла (на сумму 150 рубл.), изъ коихъ вторая икона писана Малышевымъ. 4) Въ 1867 г. написаны иконостасные образа, на желѣзныхъ листахъ, для церкви при имѣніи Генералъ-адъютанта графа Д. І. Остенъ-Сакена, за 755 рублей. Относительно сего заказа получено въ лаврѣ отъ графа Остенъ-Сакена, за своеручною его подписью и печатію, слѣдующее свидѣтельство.

„Сего числа доставлены ко мнѣ заказанные по повелѣнію Ея Императорскаго Величества, Государыни Маріи Александровны, для созидаемой въ имѣніи моемъ, дер. Пріютъ, церкви 27 образовъ, написанные на золотомъ полѣ съ искусственною эмалью. Зная, что художественно-иконописная школа Свято-Троицкой Сергіевой лавры устроена и руководима была эстетическимъ незабвеннымъ Филаретомъ, я ожидалъ превосходной работы, но исполненіе превзошло мои ожиданія. — Художественная живопись, отсутствіе анахронизма и строгій византійскій стиль достойны приношенія храму благочестивой Государыни Императрицы. Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность: смотрителю школы г. іеромонаху отцу Симеону и всѣмъ участвовавшимъ въ работѣ изъявить совершенную мою признательность. 12 Февраля 1868 г. Дер. Пріютъ, Елисаветградскаго уѣзда. Генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта. Графъ Остенъ-Сакенъ 1-й.“

Въ память чуднаго избавленія отъ опасности Великаго Князя Константина Николаевича, бывшаго Намѣстника Царства Польскаго, осенью 1862 г. написанъ для Варшавскаго каѳедральнаго собора образъ св. Царя Константина, вышиною 4 арш. 5 верш., шириною 2 арш. 4 верш., а самый ликъ его въ мѣру 2 арш. 8 верш., въ византійскомъ вкусѣ, по золотому чеканному фону, за 300 рублей. Для В. К. Константина Николаевича въ 1864 г. написаны два образа св. Князя Вячеслава и св. Маріи Магдалины, за 85 рублей.

Для Великаго Князя Михаила Николаевича написаны: 1) Въ 1863 г. образъ св. Великой Княгини Ольги, за 50 руб. 2) Въ 1864 г. образъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія на конѣ, въ золотомъ фонѣ, за 60 рублей.

Для Великой Княгини Елены Павловны написаны: I. Въ 1865 г. три образа въ греческомъ стилѣ, на золотомъ чеканномъ фонѣ: 1) преп. Сергія Радонежскаго, съ житіемъ, за 200 руб.; 2) св. Олимпіады діакониссы и св. мученицы Павлы, за 100 руб.; 3) архангела Михаила, за 60 рублей. II. Въ 1866 г. образъ Господа нашего Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ и съ тростію въ рукѣ; для поставленія надъ жертвенникомъ въ церкви Крестовоздвиженской общины, за 35 рублей.

Для преосвящ. Нила, архіеп. Ярославскаго, въ 1863 г. написанъ на кипарисной дскѣ образъ св. благовѣрныхъ Князей: Ѳеодора, Давида и Константина, Ярославскихъ чудотворцевъ, въ византійскомъ стилѣ по золотому фону, для отсылки имъ сей иконы въ православную церковь въ Дрезденѣ, за 30 рублей.

Для преосвящ. Саввы, епископа Витебскаго, въ 1867 г. написаны иконостасные образа для домовой его церкви, за 690 рублей.

Въ 1858—60 годахъ написаны іером. Симеономъ и іерод. Алимпіемъ († 20 авг. 1860 г.) для иконостаса Астраханскаго каѳедральнаго Успенскаго собора 127 иконъ, въ греческомъ стилѣ, фонъ вызолоченъ гладко на мардань, за 6,500 рублей. Во вниманіи къ художественной во всѣхъ частяхъ отдѣлкѣ иконъ Астраханское епархіальное начальство объявило о. Симеону чрезъ Соборъ лавры особенную благодарность и прислало въ подарокъ ему 100 рублей. Въ 1862 и 63 гг. написаны иконы для трех-престольнаго иконостаса въ нижнемъ этажѣ Астраханскаго каѳедральнаго собора, за 2,300 рублей. За добросовѣстный трудъ по выполненію и сего заказа прислано въ благодарность о. Симеону 100 рублей.

Въ 1860 и 61 годахъ для иконостасовъ новоустроеннаго въ Соловецкомъ монастырѣ трехпрестольнаго соборнаго храма 88 иконъ, въ греческомъ стилѣ, съ золотою чеканною уборкою, и 3 креста, за 3,275 рублей.

Въ 1860 и 61 годахъ въ новый соборный храмъ въ г. Боровичахъ Новгородской губерніи иконостасные образа, на золотомъ чеканномъ фонѣ, за 2,660 рублей.

Въ 1861 г. въ церковь грузинскаго гренадерскаго Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича полка, находящуюся на Бѣломъ Ключѣ близъ Тифлиса, икона св. равноапостольныхъ Константина и Елены, вышины 1 арш. 6 в., ширины 13 в., писана и украшена сребропозлащеннымъ окладомъ на присланную сумму 250 рублей.

Въ 1861—63 годахъ иконостасные образа въ Воскресенскую церковь г. Орла, за 1,500 рублей.

Въ 1862 и 65 годахъ иконостасные образа въ Берлюкову пустынь Московской губерніи, за 560 рублей.

Въ 1863 г. иконостасные образа въ Спасскую церковь г. Сольвычегодска Вологодской губерніи, за 630 рублей.

Въ 1864 г. иконостасные образа въ Покровскую церковь г. Усмани Тамбовской губерніи, за 900 рублей.

Въ 1864 г. иконы для двухъ придѣльныхъ иконостасовъ въ Покровскій соборъ Хотькова монастыря, для двухъ ярусовъ верхняго иконостаса и росписаніе стѣнною живописью всего собора, за 7,500 рублей.

Въ 1864 г. въ Алагирскій заводъ на Кавказѣ три аналойные образа св. Кирилла и Меѳодія, славянскихъ первоучителей, и одинъ преп. Макарія египетскаго, за 80 рублей.

Въ 1864 и 65 гг. для иконостаса церкви села Сисимъ Енисейской епархіи Минусинскаго округа иконы въ греческомъ стилѣ, по золотому гладкому фону, и 2 хоругви на парусинѣ, за 400 рублей.

Въ 1866 г. въ гимназію г. Астрахани икона св. В. К. Александра Невскаго съ 4 по бокамъ изображеніями, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора 4 апрѣля 1866 года, за 20 рублей.

Въ 1866 г. въ г. Владиміръ на станцію желѣзной дороги икона св. Александра Невскаго и Іосифа пѣснописца, за 180 рублей.

Въ 1866 и 67 гг. въ Покровскую церковь г. Никольска Вологодской губерніи иконы, за 370 рублей.

Въ 1867 г. въ домовую посольскую церковь въ Тегеранѣ, въ Персіи, 11 иконъ, за 325 рублей.

Въ 1866 г. въ приходскій храмъ г. Духовщины Смоленской губерніи снята копія съ чудотворнаго образа „Утоли моя печали“, находящагося въ Москвѣ, въ церкви святителя Николая, на Пупышахъ. По поводу сего заказа покойный митр. Филаретъ написалъ письмо къ градскому головѣ А. П. Калицкому, изданное въ Спб. на отдѣльныхъ листахъ, слѣд. содержанія: „Почтенному Градскому Главѣ Алексѣю Ивановичу, о Господѣ радоватися. Въ порученіи Вашемъ и Ермолая Еимовича, чтобы, подъ моимъ смотрѣніемъ, съ чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы: „Утоли моя печали“ снятъ былъ точный списокъ, для поставленія въ Вашемъ приходскомъ храмѣ Святаго Духа, съ утѣшеніемъ видѣлъ я вниманіе вѣры къ дѣламъ Божіимъ сопровождаемое дѣломъ благочестія.

Неточность въ исполненіи Вашего порученія исправлена. Образъ Божіей Матери, на кипарисной дскѣ, написанъ съ чудотворнаго съ возможною точностію, благоговѣйнымъ іеромонахомъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Симеономъ. Мнѣ желательно было освятить его, въ присутствіи самого чудотворнаго образа; но какъ состояніе здоровья моего не позволяло мнѣ быть въ отдаленномъ храмѣ, то чудотворный образъ принесенъ былъ въ крестовую церковь преподобнаго Сергія, и въ присутствіи его новонаписанная икона освящена моимъ служеніемъ, предъ литургіею, за которою слѣдовало молебное пѣніе Божіей Матери.

Пресвятая Владычица наша Богородица святомъ въ семъ своемъ образѣ да исполнитъ благодатію храмъ и градъ Вашъ, и Своими сильными къ Всесвятому и Всеблагому Сыну Своему и Богу молитвами, да укрѣпляетъ Вашу вѣру, да избавляетъ Васъ отъ скорбей и печалей, и да укрѣпляетъ Васъ въ благомъ житіи по заповѣдямъ Христовымъ охраняя Васъ отъ лести вѣка сего. „Ожидаю отъ Васъ извѣщенія, кому ввѣрить икону для доставленія къ Вамъ.

Вмѣстѣ съ иконою препроводятся и два сребро-позлащенные вѣнца, приготовленные, но не возложенные, въ предосторожность противъ поврежденія въ пути. Возложить ли ихъ, сіе зависѣть будетъ отъ Вашего усмотрѣнія. Усердно призываю Вамъ благословеніе Божіе. Филаретъ М. Московскій.“ № 395. 21 октября 1866 г.

Кромѣ поименованныхъ заказовъ, о. Симеономъ было исполнено много и другихъ, но перечислять ихъ считаемъ излишнимъ.

Работы, изготовленныя по заказамъ художникомъ Иваномъ Малышевымъ:

Для Государыни Императрицы Маріи Александровны: 1) Въ началѣ 1856 г. снята точная копія съ царскихъ вратъ Троицкаго собора въ Сергіевой лаврѣ, за выполненіе сей работы получено имъ 100 рублей. 2) Лѣтомъ 1858 г. сняты вѣрные снимки съ находящихся за престоломъ Московскаго Успенскаго Собора двухъ Корсунскихъ иконъ (1-я съ одной стороны Нерукотворенный образъ Спасителя, съ другой — Божіей Матери, 2-я съ одной стороны образъ Господа Вседержителя, съ другой — Божіей Матери), принесенныхъ, по преданію, св. равноапостольнымъ В. К. Владиміромъ изъ древняго Херсониса въ Новгородъ. За успѣшное исполненіе работы Всемилостивѣйше пожалованы Малышеву золотые часы. Въ ноябрѣ того же 1858 г. Ея Величество принесла въ даръ обѣ Корсунскія иконы въ обитель въ Севастополѣ. 3) Осенью 1858 г. снятъ точный списокъ съ хранящейся во Владимірскомъ Рождественскомъ монастырѣ древней иконы Знаменія Божіей Матери, которою благословила мать св. В. К. Александра Невскаго противъ Шведовъ и которую онъ имѣлъ при себѣ до самой кончины. За изготовленіе сей работы Малышевъ вторично удостоился получить золотые часы. 4) Въ 1861 г. написаны три иконы въ византійскомъ стилѣ: 1) Пресв. Троицы, 2) преп. Сергія и Никона, Радонежскихъ чудотворцевъ и 3) святителя Димитрія Ростовскаго.

Для Великой Княгини Маріи Николаевны въ 1860 г. сняты копіи съ двухъ Сергіево-лаврскихъ иконъ, на коихъ изображены въ лицахъ акаѳисты Спасителю и Божіей Матери, каждая икона состоитъ изъ 25 св. картинъ. За трудъ написанія обѣихъ иконъ Ея Высочество пожаловала Малышеву 600 рублей и золотые часы, съ таковою же цѣпочкою.

Для Великой Княгини Александры Петровны: 1) Въ 1859 г. написано нѣсколько иконъ. 2) Въ 1861 г. икона св. Николая Качанова и Царицы Александры. Ея Высочество соизволила пожаловать художнику въ подарокъ и знакъ благоволенія бриллiантовый перстень. 3) Въ томъ же 1861 г. икона большаго размѣра свв. апостолъ Петра и Павла, въ византійскомъ стилѣ.

Для Великой Княгини Александры Іосифовны въ 1865 г. написанъ небольшой образъ св. мученицы Вѣры, по золотому фону съ золотыми арабесками.

Въ 1855 г. написано нѣсколько иконъ, въ византійскомъ стилѣ, повѣренному въ дѣлахъ Короля Нидерландскаго г-ну Дюбоа.

Въ 1856 г. пожертвованы намѣстникомъ лавры, архим. Антоніемъ, въ церковь русской миссіи въ Берлинѣ шесть драгоцѣнныхъ образовъ письма Малышева, за каковый даръ отъ 26 марта 1857 г. объявлено о. архим. Антонію благословеніе св. Синода.

Въ 1858 г. написаны для иконостаса новоустроенной въ Костромскомъ Ипатскомъ монастырѣ церкви во имя св. мучениковъ Хрисанфа и Даріи иконы, въ греческомъ стилѣ на золотомъ фонѣ, съ доставкою въ Кострому, за 1,250 рублей. За тщательную отдѣлку иконъ, сверхъ услой суммыего, художникъ получилъ въ благодарность 250 рублей.

Въ 1859 г. пожертвованы лаврой 10 иконъ въ Сербскую церковь св. Георгія побѣдоносца, возстановленную усердіемъ Императрицы Маріи Александровны. Церковь эта находится въ славянской части Турціи въ городѣ Призренѣ, бывшимъ столицею царей Сербскихъ.

Въ 1859 г. пожертвованы лаврой въ домовую церковь преосвящ. Иннокентія, архіеп. Камчатскаго, нынѣ митр. Московскаго, находящуюся въ Якутскомъ монастырѣ, 10 иконъ. Въ 1864 г., также безвозмездно, посланы отъ лавры для иконостаса домовой его церкви въ Благовѣщенскѣ 21 икона, въ византійскомъ стилѣ, на золото-узорчатомъ чеканномъ фонѣ, на сумму 700 рублей.

Въ 1862 г. написаны въ Кіевъ, въ часовню на Крещатикѣ, двѣ иконы большаго размѣра.

Въ 1863 и 64 гг. въ новоустроенный въ Иркутской духовной семинаріи храмъ 21 икона, съ зототыми вѣнцами, за 650 рублей. Въ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1864 г., въ статьѣ: Устройство и освященіе церкви въ Иркут. дух. семинаріи, на стр. 462 сдѣланъ слѣд. отзывъ объ этихъ иконахъ: „Иконы въ иконостасѣ, на горнемъ мѣстѣ, у жертвенника и нѣкоторыя на стѣнахъ написаны въ Сергіевой лаврѣ художникомъ Малышевымъ. Онѣ написаны въ византійско-русскомъ стилѣ и отличаются какъ художественностію, такъ особенно благочестиво - назидательнымъ характеромъ. Смотря на нихъ, вы не останавливаетесь только на талантѣ художника, изяществѣ красокъ, богатствѣ фантазіи, какъ въ италіанской живописи, но мысль ваша восходитъ далѣе обыкновеннаго, человѣческаго, созердаетъ духовное, небесное, божественное, чувство ваше проникается благоговѣніемъ и возбуждается къ молитвѣ, душа ваша питается мыслями и чувствами библейскими и св. церкви. Посмотрите, напримѣръ, на икону Спасителя мѣстную въ иконостасѣ: вамъ сказывается не обыкновенный человѣкъ, даже святый, а Богочеловѣкъ, съ Его величіемъ и человѣколюбіемъ. Посмотрите на икону Божіей Матери на противоположной сторонѣ: благостный взоръ Ея всюду обращенъ на васъ, проницаетъ и умиляетъ до глубины ваше сердце. Посмотрите на горнемъ мѣстѣ на Св. Троицу въ видѣ трехъ странниковъ (какъ она изображается въ Сергіевой лаврѣ): какое на лицахъ Ангеловъ неземное спокойствіе и божественное величіе! Въ образѣ этихъ трехъ странниковъ вы скоро съ Отцемъ вѣрующихъ познаете лица божественныя. На Распятіи у жертвенника вы не видите тѣхъ мятущихся страданій, въ какихъ старается представить намъ Искупителя Католическая живопись, человѣческимъ поглощающая божественное, но видите въ Страждущемъ и то божественное спокойствіе и величіе, какія Ему свойственны и въ какихъ изображаетъ Его намъ св. Евангеліе. На Благовѣщеніи на царскихъ вратахъ какою скромностію и священнымъ характеромъ запечатлѣны Благовѣстникъ и Пресв. Дѣва! На Тайной Вечери, на храмовой иконѣ какое благоговѣніе и умиленіе вы видите на Святыхъ лицахъ!“

Въ 1865 и 66 гг. для двухъ иконостасовъ новоустроеннаго въ г. Вильнѣ женскаго православнаго Маріинскаго монастыря, 23 иконы въ Покровскую и 32 во имя Маріи Магдалины церкви, въ Византійскомъ стилѣ. Отъ 28 октября 1866 г. художникъ получилъ изъ сего монастыря слѣдующее Свидѣтельство. Дано сіе свободному художнику Ивану Матвѣевичу Малышеву въ томъ, что заказанныя ему иконы для двухъ иконостасовъ новоучрежденнаго въ г. Вильнѣ сего монастыря, исполнены имъ, г. Малышевымъ весьма тщательно и совѣстливо. Всѣ иконы, какъ большія, такъ и малыя, написаны въ Византійскомъ стилѣ, на деревянныхъ доскахъ, по золотому узорчатому чеканенному фону съ эмалированнымъ, по золоту, краскою бордюромъ. Изображенные на иконахъ лики Святыхъ отличаются правильностію рисунка и представлены въ достойной истинной православной святыни красотѣ, спокойствіи и величіи. Сочетаніе на иконахъ свѣта и тѣни вполнѣ искусственное, художественное. Условленная и уплоченная за сіи иконы сумма, въ количествѣ трехъ тысячъ четырехъ сотъ пяти, (№ 3,405) руб. сер. всѣми знатоками церковнаго иконописнаго художества признается очень умѣренною. Настоятельница монастыря Игуменія Флавіана. Казначея Монахиня Антонія. Члены церковно-строительнаго комитета: Подполковникъ В. Павловъ. Виленскаго Каѳедральнаго Собора Священникъ А. Пщалко.“

Въ 1866 г. икона празднуемыхъ 4 апрѣля Святыхъ для православной церкви въ г. Сувалки Августовской губерніи царства Польскаго, за 80 рублей. За тщательное написаніе сей иконы, при высылкѣ денегъ, художнику заявлена особенная благодарность Сувальскимъ обществомъ чрезъ князя Церетелева.

Въ 1866 г. въ Георгіевскую крѣпость царства Польскаго иконостасные образа для госпитальной церкви.

Въ 1866 г. три иконы въ Византійскомъ стилѣ въ Америку, по заказу г. Фокса, бывшаго въ лаврѣ.

Въ 1866 г. крестъ большаго размѣра въ Японію, по заказу графа Путятина.

Въ 1867 г., по его же заказу, иконы въ Англію.

Въ 1867 г. иконы св. чудотворца Николая и Александра Невскаго для православной часовни въ г. Ниццу въ Піэмонтѣ, по порученію графини А. М. Толстой, о чемъ заявлено было въ „Вечерней Газетѣ“ 1867 г. № 269.

Въ нынѣшнемъ 1868 г. между прочимъ пишутся иконостасные образа на Аѳонъ, въ Русскій Пантелеймоновъ монастырь.

Сверхъ сего съ 1851 г. по настоящее время Малышевымъ написаны иконостасные образа въ разные города: Москву, Ярославль, Калязинъ, Галичъ, Ростовъ Яросл. губ., Ростовъ на Дону, Полтаву, Тамбовъ, Саранскъ, Одессу, Оренбургъ, Кунгуръ, Курганъ, Саратовъ, Астрахань, Архангельскъ, и другіе. Объ иконахъ, написанныхъ для сельскихъ церквей, а также и для частныхъ лицъ, напр. въ 1853 г. Григорія, архіеп. Казанскаго, въ 1867 г. Іоанникія, архіеп. Варшавскаго, мы не упоминаемъ. Надѣемся, что и по этимъ даннымъ можно судить о художественной дѣятельности Сергіево-лаврской иконописной школы. Въ заключеніе остается сказать, что на всемірную Парижскую выставку въ 1867 г. представили своихъ трудовъ:

Свободный художникъ Иванъ Малышевъ 1) образъ Явленія Богоматери преп. Сергію Радонежскому, 2) поясной образъ преп. Сергія, а внизу подъ нимъ благословеніе имъ В. К. Димитрія Іоанновича на брань съ Мамаемъ.

Смотритель лаврской школы иконописи іером. Симеонъ—картину предсмертнаго причащенія св. Христовыхъ Таинъ преп. Сергія и отреченіе преп. Сергія отъ Московскаго епископства, предлагаемаго ему святителемъ Алексіемъ.

Рясофорный монахъ Иванъ Ильинъ — рѣзныя складни изъ слоновой кости, вышины вершка три съ небольшимъ, ширины два вершка, заключающія въ себѣ по срединѣ рельефное изображеніе преп. Сергія, а на внутреннихъ сторонахъ створовъ такія же изображенія событій изъ жизни его: Явленіе Богородицы съ апостолами Петромъ и Іоанномъ и воскрешеніе отрока съ одной стороны, съ другой — Служеніе литургіи съ ангелами и отреченіе отъ епископскаго престола; сверху надъ преп. Сергіемъ рельефное изображеніе Пресв. Троицы.

Пока неизвѣстно, какъ отнеслись къ этимъ произведеніямъ иностранные ученые на Парижской выставкѣ, но „Образъ складень, изваянный изъ слоновой кости о. Іоанномъ,“ достойно оцѣненъ у насъ Рамазановымъ въ № 41-мъ „Современной Лѣтописи“ 1866 года.

Іеромонахъ Арсеній.

1868 года.

МИНІАТЮРЫ
ВАТИКАНСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ РУКОПИСИ
XII ВѢКА.

СТАТЬЯ В. Н. ВИНАГРАДСКАГО.

МИНІАТЮРЫ ВАТИКАНСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ РУКОПИСИ

XII ВѢКА.

Огромная ватиканская библіотека, составленная преимущественно изъ рукописей, даетъ богатый матеріалъ для исторіи миніатюры. Если для полнаго знакомства съ живописью этого рода нужно изученіе рукописей въ Миланѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и другихъ городахъ, то все-таки едвали въ какой другой библіотекѣ можно найти такое драгоцѣнное собраніе древнихъ памятниковъ миніатюрнаго искусства, какъ въ Ватиканѣ. Эта библіотека знакомитъ почти со всѣми главными сторонами исторіи миніатюры. Въ ней находятся три древнія иллюстрированныя рукописи классическаго содержанія, изъ которыхъ одна IV—V вѣка; въ ней великолѣпный свитокъ книги Іисуса Навина VI—VII в., наконецъ не мало греческихъ кодексовъ IX—XIII столѣтій, и въ ихъ числѣ богатые изображеніями: Минологъ Василія Младшаго и Октотевхъ, предметъ настоящей статьи, не говорю о латинскихъ и итальянскихъ манускриптахъ средневѣковыхъ и времени возрожденія.

Рукописи представляютъ самый важный источникъ для исторіи развитія христіанскихъ художественныхъ идей отъ IV столѣтія до начала среднихъ вѣковъ. Съ IV в. начинается второй фазисъ въ развитіи христіанскаго искусства, и ничто не можетъ дать намъ такого полнаго понятія объ этомъ новомъ движеніи, какъ миніатюра.

Первое древнѣйшее проявленіе христіанскаго искусства есть стѣнопись катакомбъ, и именно тѣ изображенія въ нихъ, которыя относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ. Характеристическая черта ихъ — символизмъ и тѣсная связь съ античнымъ искусствомъ. Цѣль живописи христіанскихъ кладбищъ заключалась не въ передачѣ красоты формъ и движеній, не въ передачѣ въ краскахъ историческаго разсказа или чертъ знакомаго лица: ея цѣль состояла въ наглядномъ представленіи новыхъ, христіанскихъ идей. Каждая картина имѣла значеніе только какъ символъ, какъ выраженіе посредствомъ живописи предметовъ духовнаго содержанія. Кругъ новыхъ идей не могъ быть слишкомъ обширенъ, потому и циклъ первоначальной живописи очень ограниченъ: добрый пастырь съ овцой на плечѣ, молящаяся (orans), эпизодовъ десять двѣнадцать изъ ветхозавѣтной исторіи и нѣсколько отдѣльныхъ изображеній изъ животнаго и растительнаго царства, какъ напр. голубь, павлинъ, рыба, агнецъ, пальма, оливковая вѣтвь,—вотъ почти всѣ сюжеты подземной живописи.

Техническая сторона многихъ изъ нихъ, не смотря на трудность работы въ узкихъ корридорахъ и комнатахъ безъ солнечнаго свѣта, не уступаютъ современнымъ имъ произведеніямъ языческаго искусства: таже строгость стиля, граціозность движеній, яркость и сочность красокъ, широта кисти. Украшенія стѣнъ и потолковъ, костюмы и частію цѣлыя фигуры берутся прямо изъ богатаго источника античнаго искусства.

Со времени Константина, даровавшаго миръ церкви, начинается новая эпоха для искусства. Техника носитъ еще явные слѣды классической живописи, постоянно впрочемъ ихъ утрачивая. Циклъ изображеній расширяется вслѣдствіе перемѣны направленія: символизмъ смѣняется историческимъ или вѣрнѣе — эпическимъ отношеніемъ къ предмету. Это новое направленіе могло только слабо отразиться на стѣнописи катакомбъ, потому что съ IV в. онѣ мало-по-малу перестаютъ быть мѣстомъ

погребенія, и символическая живопись смѣняется въ нихъ церковною или гіератическою на могилахъ мучениковъ. Но прежнее направленіе искусства подземныхъ кладбищъ не изчезаетъ вдругъ, оно долго держится на барельефахъ каменныхъ гробовъ, хотя и тутъ примѣшивается новый элементъ. Больше же всего сказался этотъ новый элементъ въ украшеніи рукописей.

Миніатюры имѣютъ чисто повѣствовательный характеръ, онѣ служатъ обыкновенно объясненіемъ повѣствовательнаго текста; встрѣчаются правда и довольно часто символическія представленія; но эти символы служатъ околичностями или средствомъ для объясненія разсказа, а не выраженіемъ идеи. Символы здѣсь играютъ туже роль, что олицетворенія въ эпосѣ: они не произвольны, не случайная прикраса; они принятая форма, въ которую художникъ привыкъ облекать свои мысли, но въ тоже время эти символы не выражаютъ главнаго содержанія картины, а служатъ только эпическимъ пріемомъ. Такъ какъ этотъ эпическій элементъ характеризуетъ направленіе, то я считаю позволительнымъ назвать и самое направленіе древне-христіанскаго искусства, проявившееся главнымъ образомъ въ миніатюрахъ, эпическимъ. Эпическіе пріемы составляютъ его существенное отличіе отъ предшествующаго и послѣдующаго направленія.

Источникомъ для произведеній втораго періода служило тоже античное искусство, вліяніе его повторялось. То, что не было заимствовано художниками временъ гоненій то, что казалось имъ несоотвѣтствующимъ новому ученію, было принято и усвоено ихъ потомками. Древнія миніатюры при рукописяхъ классическаго содержанія даютъ намъ понятіе о характерѣ и степени этихъ заимствованій.

Самый интересный признакъ эпическаго направленія въ христіанскомъ искусствѣ составляетъ олицетвореніе силъ природы.—Извѣстно, какъ много дошло до насъ въ античныхъ статуяхъ и барельефахъ изображеній божествъ солнца, луны, горъ, моря, рѣкъ и пр. Солнце-Фебъ и Луна-Діана представляются въ живописи или бюстами въ кругахъ, или цѣлыми фигурами на колесницахъ. Въ ватиканской рукописи Виргилія IV—V в. и въ другой XII—XIII (копіи съ древнѣйшей) Солнце-бюстъ съ нимбомъ вокругъ головы и семью лучами въ идиллической сценѣ изъ Георгикъ (Georg. III, 327). Въ сценѣ охоты Асканія (Ен. VII, 496) на небѣ Фебъ и Діана-бюсты въ медальонахъ; надъ головой Діаны двурогая луна. Въ миланскомъ кодексѣ Иліады IV в. Скамандеръ, богъ рѣки стоитъ (противъ Ахилла), опираясь лѣвой рукой на урну и держа въ ней тростникъ, а пальцы правой руки сложены (какъ бы на благословеніе) въ знакъ того, что онъ говоритъ; изъ опрокинутой урны течетъ рѣка (52 мин. Изображенія можно видѣть въ изданіи Анджелло Маи). — Въ слѣдующей миніатюрѣ Скамандеръ сидитъ, въ волосахъ его тростникъ. Два раза встрѣчается въ облакахъ бюстъ Ночи съ покрытой головой и распущенными крылами (мин. 34, 35). Въ ватиканскихъ рукописяхъ Виргилія крылатая Буря несется по небу; въ рукахъ у нея факелы; по сторонамъ ея Вѣтры съ рогами и трубами въ рукахъ.

Обратимся теперь къ древне-христіанскимъ миніатюрамъ. Въ вѣнской книгѣ Бытія IV—VI в. Іосифъ разсказываетъ сонъ о поклоненіи ему Солнца и Луны: Солнце бюстъ въ коронѣ, Луна съ серповиднымъ мѣсяцемъ надъ головой. Въ сирійской рукописи Лоренціаны (во Флоренціи) 586 г. Христосъ возносится между Солнцемъ и Луною съ человѣческими лицами. Солнце полуфигура съ лучистой короной и нимбомъ на саркофагѣ въ исторіи Іоны (Ciampini Vet. Mon. Tav. XLII). На углахъ саркофаговъ не рѣдко встрѣчаются маски Солнца и Луны; тоже украшеніе находимъ мы и на алтарѣ базилики св. Лаврентія „внѣ стѣнъ“ Рима (Martigny Diction. Soleil.).

Рѣка Іорданъ часто представляется на древне-христіанскихъ памятникахъ и въ особенности на саркофагахъ. Это, обыкновенно, старецъ въ тростниковомъ вѣнцѣ и съ тростникомъ въ рукѣ опирается на урну, изъ которой течетъ вода. Такъ онъ изображенъ на мозаикѣ равенской баптистеріи 451 г. (Ciamp. V. M. 1 Tav. LXX). Часто олицетвореніе Іордана встрѣчается при взятіи Иліи на небо. Въ вѣнской книгѣ Бытія 13 мин. Ревекка, вышедъ изъ города, даетъ пить рабу Авраама и его верблюдамъ (Б. XXIV, 15—20); у начала источника сидитъ полу-обнаженная нимфа, опираясь правой рукой на урну. Та же полуобнаженная нимфа у источника въ слѣдующей сценѣ разговора Ревекки съ рабомъ, съ матерью и братомъ (миніатюры изд. у Ламбеція De bibliotheca vindabonensi). Особенно часто встрѣчаются подобныя олицетворенія въ рукописномъ свиткѣ Іисуса Навина (въ

Ватиканѣ). Прекрасная полуобнаженная фигура Іордана полулежитъ у верховья рѣки при переходѣ черезъ нее Израильтянъ (Іис. III). Почти обнаженное божество Горы Галгалъ сидитъ на горѣ съ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ. (I. Нав. IV) Гора Гевалъ маленькая полу-фигурка съ копьемъ передъ молящимся Навиномъ (VIII, 30). Подобныя божеству Гевалъ встрѣчаются божества „Холма обрѣзанія“ (βουνὸς τῶν ἀκροβυστῶν), дебри Еменахоръ, пещеры (Іис. V, 3, VIII, X, 27). Божество Города сидитъ или около города или надъ городомъ. На головѣ, окруженной нимбомъ, стѣнная корона (corona muralis); въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія. Такія изображенія помѣщены два раза у города Іерихона, у Гая, у Гаваона.

Наконецъ въ эпическій періодъ искусства мы встрѣчаемъ олицетворенія отвлеченныхъ понятій. Въ вѣнск. рукописи Діоскорида (VI в.) Изобрѣтеніе (Εὕρεσις) женщина съ таинственной мандрагорой въ рукахъ стоитъ предъ живописцемъ и писателемъ; по сторонамъ Юліаны Аниціи стоятъ Великодушіе (Μεγαλοψυχία) и Благоразуміе (Φρόνησις), а впереди, наклонившись до земли Благодарность (Εὐχαριστία).

Художнику самой ранней эпохи казалось противнымъ христіанскому духу изображать Бога въ матеріальномъ, человѣческомъ видѣ. Августинъ († 430) предписываетъ, размышляя о Богѣ, избѣгать всѣми средствами того, что возбуждаетъ идею о тѣлесномъ подобіи (Ep. CXX, 13, у Мартиньи Dict. Dieu). Древній художникъ изображалъ невидимаго Творца въ дѣйствіи, а символомъ дѣйствія служила для него рука. Такое представленіе встрѣчаемъ мы въ катакомбахъ, на саркофагахъ и другихъ древне-христіанскихъ памятникахъ. Въ искусство послѣ Константина мало-по-малу входитъ представленіе божества въ человѣческомъ видѣ. Образцами служили памятники античные *. Въ миланск. мин. Иліады (IV в.) Зевсъ, окруженный нимбомъ, въ облакахъ слушаетъ мольбы Агамемнона (13 мин., подобныя же изображенія 21 и 22 мин.). При жертвоприношеніи Ахилла Зевсу справа виденъ бюстъ божества въ медальонѣ, (м. 47). На 2-й мин. ватик. Виргилія IV—V в. Юнона въ облакахъ надъ пастушеской сценой (Angello Mai Virgilii picturae antiquae, XI). Само собою разумѣется, что въ этихъ рукописяхъ еще чаще встрѣчаются изображенія боговъ совершенными людьми, на землѣ, и отъ простыхъ смертныхъ они иногда отличаются только нимбомъ вокругъ головы.

Богъ отецъ изображается полуфигурой на облакахъ на древней мозаикѣ фриза Либеріевой базилики (432—440 г.). Такъ онъ является Аврааму, Іакову, Моисею, въ другихъ случаяхъ онъ изображается десницей, какъ въ катакомбахъ и на саркофагахъ. Надобно замѣтить, что эта мозаика принадлежитъ тому времени, когда еще не установился церковный стиль: она есть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ эпическаго стиля. Въ катакомбахъ Понтіана на стѣнописи VII в., времени возобновленія кладбищъ, Богъ отецъ погрудь въ облакахъ вѣнчаетъ Авдона и Сеннена (изобр. въ изд. „Roma Sotterronea“ и у Мартиньи, стр. 1). На двухъ саркофагахъ (кладбищъ Лукины и Агнессы. Bottari Tav, LI и LXXXVII) IV в. Богъ отецъ въ зрѣломъ возрастѣ, сидя, принимаетъ приношеніе Каина и Авеля; на третьемъ саркофагѣ онъ, стоя, приказываетъ Моисею снять обувь, чтобъ приблизится къ горящей купинѣ; наконецъ на четвертомъ, Латеранскомъ, саркофагѣ IV в. Богъ отецъ сидитъ на стулѣ, благословляя; впереди и позади его другіе два лица Троицы. Но въ миніатюру, которая долго остается вѣрною старымъ преданіямъ, этотъ способъ представленія входитъ гораздо позже и притомъ съ постепенностію: сначала изображенія по поясъ въ облакахъ, въ медальонѣ и только въ позднее время во весь ростъ: пропадаетъ такимъ образомъ черта древней идеальности въ изображеніи, черта, на которую долго не посягала живопись (искусство болѣе способное для воспроизведенія христіанскихъ идей, чѣмъ скульптура) и замѣняется нимбомъ.

Нимбъ былъ принятъ также во время вторичнаго сближенія съ античнымъ искусствомъ. Слѣды металлическихъ лучей находятся на головахъ нѣкоторыхъ классическихъ бюстовъ боговъ и героевъ. Нимбомъ окружена голова Юноны Царицы въ ватиканскомъ музеѣ (№ 112. Braccio Nuovo) *. Отъ

---

* Въ Ватиканск. музеѣ (портикъ Бельведерск. двора № 45) есть жертвенный алтарь съ изображеніемъ Зевса, полуфигура въ облакахъ.

* Употребленіе нимба ведетъ начало отъ временъ Александра Великаго и преимущественно со времени Августа. См. Стефани въ Зап. Имп. Акад. Н. т. IV, кн. I стр. 125 и 129.

перваго вѣка христіанской эры остались античныя фрески Помпей и Геркулана: на нихъ тоже употребляется нимбъ. Между тѣмъ въ искусствѣ христіанскомъ первыхъ трехъ вѣковъ мы вовсе не встрѣчаемъ этого украшенія *. Его или чуждались или находили излишнимъ для символическихъ изображеній.

Языческая миніатюра придаетъ нимбы богамъ и богинямъ, царямъ и героямъ; но непослѣдовательно. Также непослѣдовательно и какъ простое украшеніе употребляется онъ и на христіанскихъ памятникахъ, преимущественно съ V в. Вмѣстѣ съ головою Христа, ангеловъ, апостоловъ, святыхъ, имъ окружаютъ головы царей, какъ напр. Ирода на мозаикахъ Либеріевой базилики, олицетворенія городовъ и т. п. * Нимбы употребляются различныхъ цвѣтовъ. Такъ въ свиткѣ Іисуса Навина встрѣчаются нимбы розовый, голубой и зеленый. Съ нимъ изображается Іисусъ Навинъ и олицетворенныя божества.

Вмѣстѣ съ новыми задачами искусства естественно расширился кругъ предметовъ для живописи, а прежніе предметы изображеній усложнились новыми подробностями и околичностями. Для художника катакомбъ достаточно было одной—двухъ фигуръ для символическаго представленія той или другой черты христіанскаго ученія; ему нужны были только тѣ предметы, которые лучше всего могли бы напомнить объ этомъ ученіи; все, что не относилось прямо къ дѣлу, устранялось, какъ излишнее. Миніатюристъ напротивъ старается слѣдить за текстомъ и разсказать въ картинахъ событія со всѣми ихъ подробностями. Одинъ изъ исторіи первыхъ человѣковъ даетъ намъ двѣ фигуры прародителей около дерева грѣха со змѣемъ, и это изображеніе должно было воспроизвести въ памяти зрителя и всю исторію грѣхопаденія, и ученіе объ искупленіи. Напротивъ другой начинаетъ съ созданія міра и первыхъ людей, представляетъ рай; самую сцену соблазна помѣщаетъ среди прекраснаго сада, представляетъ сначала разговоръ жены съ змѣемъ, рядомъ разговоръ ея съ мужемъ и наконецъ уже снятіе съ дерева плода и предложеніе его Адаму и потомъ слѣдствіе грѣха: печаль, стыдъ и изгнаніе. Далѣе миніатюристъ, слѣдуя нити библейскаго разсказа, пишетъ Адама и Еву „въ ризахъ кожанныхъ“ за работой и проклятіе змѣя и, только представивъ рожденіе дѣтей, переходитъ къ разсказу о Каинѣ и Авелѣ. Изъ исторіи Авраама въ подземныхъ кладбищахъ изображено жертвоприношеніе съ двумя фигурами—отца и сына—и рукой, удерживающей занесенный ножъ; изъ исторіи Моисея юноша Моисей снимаетъ обувь, и другое изображеніе,—простирая жезлъ, источаетъ воду изъ скалы. Въ первомъ представленіи нѣтъ ни купины, ни ангела; во второмъ часто только одна фигура Моисея и скала. Въ миніатюрахъ рукописей жизнь Авраама и Моисея передается отъ ихъ рожденія до смерти въ цѣломъ рядѣ изображеній. Въ миніатюрѣ проявляется стремленіе къ исторической правдѣ и послѣдовательности, и мы назвали бы этотъ родъ живописи историческимъ, еслибъ олицетвореніе и условные пріемы не напоминали намъ болѣе эпическія поэмы, чѣмъ современную историческую живопись. Къ условнымъ пріемамъ слѣдуетъ отнести и тѣ представленія, которыя зависили отъ неумѣнья писать перспективу и ландшафтъ. Небо изображается на верху миніатюры голубымъ полукругомъ или сегментомъ кривою стороною внизъ. Земля—геометрическая плоскость съ деревьями, кустами и цвѣтами. Море—океанъ омываетъ землю: голубая полоса окружаетъ геометрическую форму земли. Рѣка—голубая полоса идетъ или сверху внизъ или по діагонали. Городъ—небольшое пространство, окруженное круглою, полукруглою или четырехугольною стѣною, въ видѣ башни; внутри видны два—три зданія, иногда дерево и, если того требуетъ текстъ—люди.

Тѣмъ же характеромъ живописи условливается отсутствіе единства мѣста и времени. На одной и той же миніатюрѣ два—три раза изображается одно и тоже лицо въ различные моменты и въ различныхъ мѣстахъ. Въ вѣнской книгѣ Бытія мин. 12: Авраамъ посылаетъ раба своего въ Месопотамію, чтобъ онъ привелъ оттуда невѣсту Исааку; на той же миніатюрѣ рядомъ рабъ уже прибылъ въ Месопотамію и остановился у колодца. На 29 мин. Іосифъ спитъ въ постели и потомъ, проснувшись разсказываетъ сонъ отцу, матери и братьямъ. На той же миніатюрѣ подъ горизонтальной

---

* Трудно предположить, чтобъ неизящныя изображенія Христа съ нимбомъ на стеклянныхъ сосудахъ (Martigny Nimbe) относились къ III в.

* Въ библіи X в. въ Парижской библіотекѣ (№ 6) голова сатаны украшена нимбомъ. Didron Histoire de Dieu.

чертой десять старшихъ братьевъ пасутъ стада въ полѣ Сихемскомъ. Въ свиткѣ Іис. Навина миніатюры слѣдуютъ безъ раздѣленія одна за другой, какъ непрерывный разсказъ повѣствователя.

Анахронизмы и перенесенія своихъ мѣстныхъ особенностей на предметы далекіе и чуждые возможны только при эпическомъ воззрѣніи. Только этимъ воззрѣніемъ можно объяснить напр. хмѣль въ саду Ноя, кинжалъ въ рукахъ Каина, или серебряный кубокъ у Адама (см. О. П. Буслаева Очерки. Didron Manuel d'icon. 93, прим.).

Не смотря на эпическую условность, многое предоставляется умѣнью и вкусу иллюминатора. Какъ пѣвецъ—эпикъ, сохраняя общее, наслѣдованное по преданію, по своему измѣняетъ, сокращаетъ или дополняетъ частности; такъ и миніатюристъ не стѣсняется въ передачѣ подробностей и вноситъ свой національный элементъ въ общехристіанскій кругъ представленій, и такимъ образомъ содѣйствуетъ развитію художественныхъ типовъ, развитію искусства вообще.

Въ миніатюрныхъ произведеніяхъ IV—IX в. типъ ангела далеко еще не установился. На древней стѣнописи катакомбъ его нѣтъ; тамъ встрѣчаются только античныя изображенія крылатыхъ геніевъ дѣтей. Для фигуры ангела эпическаго періода могли служить образцами фигуры крылатой Побѣды на древнихъ барельефахъ и летящей крылатой Ириды съ нимбомъ, какъ въ миніатюрахъ миланской Иліады и ватиканскаго Виргилія. Крылатый ангелъ, прилетая, благовѣститъ Богородицѣ на тріумфальной аркѣ Либеріевой базилики (VI в.); тамъ же встрѣчаются много разъ крылатые ангелы; но три ангела—Троица за столомъ Авраама на фризѣ главнаго корабля—безкрылые. Миніатюристъ вѣнской книги Бытія буквально понимаетъ слово ἄγγελος вѣстникъ; а вѣстниковъ изображаетъ съ ихъ идеальными аттрибутами крыльями *. Къ Іакову приходятъ два вѣстника, чтобъ извѣстить его о прибытіи брата Исава (Бытіе XXXII, 6—8); вѣстники крылатые (мин. 21). Наоборотъ, тамъ же ангелъ, который боролся съ Іаковомъ (XXXII, 19 слѣд.) безкрылый. Въ изображеніи ангеловъ есть что-то воздушное; ихъ одежда бѣло-голубоватаго цвѣта, такого же цвѣта и крылья. Волосы падаютъ широкими прядями, какъ у Аполлона, они завязаны тороками, на ногахъ сандаліи. Интересно въ эту раннюю эпоху частое помѣщеніе рядомъ или позади главныхъ лицъ ангеловъ спутниковъ. Они часто встрѣчаются на мозаикахъ арки Либеріевой базилики (см. мою статью объ этихъ мозаикахъ въ „Сборникѣ на 1866 г.“). На 30 мин. вѣнск. код. Бытія Іосифъ отправляется къ своимъ братьямъ въ поле Сихемское, сопутствуемый ангеломъ.

Въ свиткѣ Іис. Нав. архангелъ Михаилъ—прекрасная фигура съ зеленымъ нимбомъ и съ мечомъ въ рукѣ. Кромѣ меча, требуемаго текстомъ, нѣтъ никакого другаго военнаго аттрибута. Но за то самъ Іисусъ является вооруженнымъ, въ шлемѣ, панцырѣ и со щитомъ, какъ прекрасная статуя римскаго императора. Такъ онъ постоянно является въ рукописномъ свиткѣ, и особенно напоминаетъ античныя произведенія 21 мин., гдѣ Навинъ сидитъ на тронѣ въ шлемѣ и съ копьемъ. Что касается до костюмовъ, то они вообще остаются въ миніатюрахъ классическія, какъ это было и въ катакомбахъ.

Изъ катакомбныхъ преданій разсматриваемыя миніатюры удержали во всей свѣжести наклонность къ юношескимъ типамъ: постоянно юнымъ изображается Іис. Нав. въ свиткѣ; обычное употребленіе руки, обозначающее присутствіе Божіе; изображеніе тѣхъ библейскихъ событій, которыя встрѣчаются въ стѣнописи кладбищъ, и наконецъ отвращеніе отъ кровавыхъ сценъ насилія или по крайней мѣрѣ стремленіе смягчить ихъ *. На латеранскомъ саркофагѣ крестъ несетъ не изможденный Христосъ, падая подъ его тяжестью, а Симонъ Киренейскій прямо и бодро, какъ символъ побѣдившаго христіанства; на Христа надѣваютъ не терновый вѣнецъ страданія, а лавровый побѣды (см. статью Ѳ. П. Буслаева „изъ Праги.“ Соврем. Лѣт. 1864 № 6). На мозаикѣ Либеріевой базилики сцена избіенія виѳлеемскихъ младенцевъ смягчена тѣмъ, что воины стоятъ только передъ матерями съ младенцами не совершивъ еще убійства. Миніатюристъ сирійск. рукописи Лоренціаны (VI в.),

---

* Гомеръ не отличаетъ посланниковъ, вѣстниковъ божіихъ отъ людскихъ; напр. Il. I, 334: Χαίρετε, κήρυκες Διὸς ἄγγελοι ἠδὲ καὶ ἀνδρῶν.

* Любовь къ изображенію сцены мученія и смерти развивается въ Италіи въ X и XI в. History of painting in Italy. Crowe and Cavalcaselle, I, стр. 61.

допустивъ избіеніе, пользуется прекрасной легендой о томъ, что земля, орошенная невинною кровію, произвела цвѣты.

Таковы особенности эпическаго стиля христіанскаго искусства.

Приблизительно до половины VI вѣка восточное искусство ничѣмъ существенно не отличается отъ западнаго. Но съ этого времени начинается раздѣленіе. Войны Готовъ съ греческимъ императоромъ Юстиніаномъ и нападеніе Лонгобардовъ опустошили и разорили Италію. Искусство тамъ быстро падаетъ и грубѣетъ. Между тѣмъ въ восточной имперіи оно продолжаетъ долго удерживать тѣ черты изящества, то наслѣдіе классической древности въ широтѣ кисти, въ яркости красокъ и особенно въ колоритѣ, съ которымъ оно отдѣлилось отъ искусства западнаго.

Въ своей собственной средѣ вырабатываетъ оно стиль церковный или гіератическій, первые начатки котораго можно замѣтить на мозаикахъ V вѣка, онъ отражается потомъ на мозаикахъ Равенны и Рима и на живописи возобновленныхъ подземныхъ кладбищъ.

Отъ классическаго искусства онъ заимствуетъ статуарность изображеній, — спокойствіе и изолированность фигуръ. Фигуры катакомбъ часто встрѣчаются изолированными, но позы ихъ почти всегда выражаютъ живое движеніе. Въ изображеніяхъ эпическаго стиля фигуры всегда сгруппированы: разсказывая въ образахъ, представляя лица въ дѣйствіи, художникъ указываетъ на ихъ отношенія къ другимъ лицамъ. Напротивъ фигуры въ произведеніяхъ гіератическаго стиля отличаются одиночнымъ положеніемъ и въ тоже время отсутствіемъ движенія; если же и употребляется поднятіе руки, благословеніе или другой жестъ, то это слабое выраженіе движенія, нисколько не нарушающее неподвижности всей фигуры. Художникъ церковнаго стиля имѣетъ своею задачею представить Бога или святыхъ его, а иногда и земныхъ правителей—помазанниковъ Божіихъ, въ торжественномъ величіи, окруженныхъ ореоломъ недосягаемой святости и созерцающихъ въ безучастномъ спокойствіи суету этого міра. Для него характеръ лица проявляется не въ дѣйствіи, а въ типичности физіономіи, костюма или жеста, въ томъ, что постоянно принадлежитъ лицу независимо отъ мѣста, времени и случайностей жизни. Въ катакомбахъ изъ праотцевъ мы встрѣчаемъ Авраама въ тотъ моментъ, когда онъ заноситъ ножъ надъ отрокомъ Исаакомъ и удерживается отъ такой жертвы божественной десницей. Въ эпическихъ произведеніяхъ живописи мы слѣдимъ за жизнью Авраама, Исаака и Іакова отъ ихъ колыбели до могилы; мы видимъ ихъ и младенцами, и юношами, и старцами, и въ горѣ, и въ радости, и въ землѣ Ханаанской, и въ Месопотаміи, и въ Египтѣ. Художникъ — гіератикъ ограничивается представленіемъ трехъ патріарховъ рядомъ, прямо передъ нами, безъ всякаго отношенія между ними. Позы ихъ одинаковы; у каждаго въ лѣвой рукѣ по свитку, а правая согнута, ноги голыя. У всѣхъ трехъ сѣдые волосы. Отличаются они другъ отъ друга цвѣтомъ платья и различной степенью свѣжести въ лицахъ. (Греч. ватик. минологъ X в. м. 250; греч. Псалт. въ библіот. Барберини рукопись XII в., Didron Manuel d'icon. 126).

Вышеприведенная характеристика гіератическаго стиля, то обстоятельство, что мѣстомъ его развитія были стѣны церквей, и отчасти также бѣдность фантазіи у художниковъ значительно съуживаютъ циклъ изображеній этого рода.

Въ миніатюрахъ этотъ стиль замѣтенъ со второй половины IX в., когда византійское искусство уже начало мало-по-малу склоняться къ паденію. Проявлялся онъ въ началѣ только въ изображеніяхъ современныхъ царей и святыхъ. На этихъ миніатюрахъ новаго изобрѣтенія являются на золотомъ фонѣ лица длинныя и сухія, складки тощія и узкія, или ихъ вовсе нѣтъ, какъ на золотыхъ платьяхъ царей и царицъ. Между тѣмъ техника отличается старательностію и отчетливостію. Въ копіяхъ съ прежнихъ миніатюръ фигуры часто постановлены хорошо; свѣтъ и тѣнь кладутся широко; краски густы. Въ XI и XII вѣкѣ византійское искусство все болѣе и болѣе клонится къ паденію; фигуры вытягиваются въ длину, оконечности становятся малы, положенія натянуты. Лучше удаются выраженія торжественности, строгости, достоинства. Въ орнаментахъ рукописей проявляется арабское вліяніе. Тѣмъ не менѣе даже въ XIII вѣкѣ передача свѣта и тѣни и мотивы складокъ напоминаютъ античное искусство. Только въ XIV в. миніатюрная живопись совершенно падаетъ на востокѣ. Исполненіе дѣлается бездушнымъ и механическимъ; фигуры принимаютъ видъ сухихъ му-

мій. Но и тутъ, какъ исключенія, встрѣчаются работы, напоминающія предшествующіе вѣка (Waagen Kunstwerke und Künstler in England und Paris. III, 5 Brief.).

Тогда уже окончилось значеніе той услуги, какую оказывала византійская живопись искусству, сохраняя его въ трудную пору для запада, а также и для сѣверо-востока Европы. Уже съ XIII столѣтія начало снова возраждаться западное искусство при содѣйствіи византійскихъ образцовъ и подъ новымъ вліяніемъ изученія античнаго. Живопись XV в. возникла изъ миніатюрной живописи: ею занимались такіе извѣстные художники, какъ Беато-Анджелико и Губертъ и Янъ фанъ-Эйкъ.

Не смотря на крайнюю неправильность рисунка, не смотря на незнаніе анатоміи, византійское искусство долго сохраняло величавыя позы и изящную постановку фигуръ и въ особенности прекрасный колоритъ. Но особенно важно и интересно сохраненіе въ византійскихъ рукописяхъ древне-христіанскихъ живописныхъ преданій. Черезъ посредство Византіи онѣ перешли и къ намъ и сохранились въ миніатюрахъ не только XV и XVI в., но даже XVII и XVIII. (Укажу на нѣсколько болѣе важныхъ остатковъ древности въ греческихъ и русскихъ рукописяхъ, ограничиваясь только тѣми изображеніями, о которыхъ уже было говорено или будетъ сказано ниже).

Въ прекрасномъ фоліантѣ проповѣдей Григорія Назіанзена, писанныхъ и иллюстрированныхъ въ девятомъ столѣтіи для императора Василія Македонянина (867—886) при переходѣ черезъ Чермное море обнаженная женская фигура съ античными формами и весломъ въ рукѣ смотритъ на Моисея: надписано—Θαλάσσα море. Моисей также какъ и Іисусъ Навинъ, граціозныя юношескія фигуры. (Mss. Grecques № 570, у Ваагена). Моисей изящная молодая фигура въ безрукавной туникѣ въ ватик. кодексѣ Козмы Индикоплова IX в. (Vat. № 699). Тамъ-же Солнце малиновый кругъ съ бюстомъ, и въ другомъ мѣстѣ красный кругъ съ красивымъ юношескимъ бюстомъ. Отъ головы развиваются ленты; отъ лба идутъ девять лучей радіусами. Съ нижней точки круга расходятся девять красныхъ лучей, которые оканчиваются золотыми линіями и плоскостями; эти плоскости представляютъ различныя страны (подписи на нихъ: Варварія, Ефіопія, Александрія, Родосъ и пр.). На слѣдующей миніатюрѣ еще бо́льшій красный кругъ съ Солнцемъ—бюстомъ, на головѣ его золотой обручъ, изъ котораго выходятъ двѣнадцать лучей, внизъ отъ круга спускаются шесть красныхъ. Въ ватик. код. Пророка Исаіи IX—X в. (№ 755) три бо́льшія миніатюры. На второй изъ нихъ Исаія между Ночью и Денницей. Ночь стоитъ съ опущеннымъ факеломъ; лицо ея писано съ зеленоватымъ оттѣнкомъ по бѣлому грунту, точно статуя, освѣщенная луною. Волосы темнокоричневые съ повязкой, падъ головой голубое покрывало съ звѣздами. Грудь покрыта пунцовой мантіей; внизу видна чорная туника. У маленькаго генія утренней звѣздѣ, въ свѣтлофіолетовой туникѣ, поднятый факелъ въ рукахъ. Въ псалтири монастыря Пандократора на Аѳонѣ IX—X в. олицетворенія рѣкъ: двѣ человѣческія фигуры изъ урнъ выливаютъ потокъ. (Собраніе Севастьянова въ Московск. публичн. музеѣ № 20. См. статью Ѳ. И. Буслаева въ №№ 111—113 Московск. Вѣд. 1862 г.).

Изображеніе Исаіи, подобное вышеприведенному находится въ парижск. псалтири десятаго вѣка (Mss. gr. № 139. Waagen Kunstw. und Künstl. in Paris 217). Тамъ-же олицетворенія пустыни, бездны, Чермнаго моря (о чемъ будетъ подробнѣе ниже) и отвлеченныхъ понятій: мелодіи, раскаянія, молитвы.

Въ ватик. минологѣ X в. (№ 1613), богатомъ миніатюрами, мы можемъ видѣть всѣ три направленія, которыя, какъ я сказалъ выше, отразились въ живописи манускриптовъ. Наслѣдіемъ катакомбъ остались, напр., юношескіе типы Моисея и Іисуса Навина. Встрѣча Іисуса съ архангеломъ Михаиломъ напоминаетъ вполнѣ соотвѣтствующее изображеніе въ свиткѣ VI—VII в. Тѣ же особенности эпическаго стиля проявились и въ представленіи погребенія Навина. Онъ, спеленатый, лежитъ въ саркофагѣ, на передней сторонѣ котораго барельефъ рядъ обнаженныхъ фигуръ. Надъ умершимъ небо съ краснымъ очеркомъ солнца и синимъ луны: это напоминаніе о характеристическомъ изреченіи: стой, солнце, и недвижись, луна. Изъ жизни Моисея взяты два ея крайніе момента. Дочь Фараона наклонилась надъ рѣкой, чтобъ поднять корзинку съ младенцемъ. Гора отдѣляетъ это изображеніе отъ другаго: протекающая рѣка служитъ какъ бы продолженіемъ Нила, на берегу ея лежитъ юноша Моисей, распростертый, мертвый; надъ нимъ наклонился, его погребаетъ „архистратигъ великій.“ Какъ въ встрѣчѣ съ Навиномъ, такъ и здѣсь архангелъ Михаилъ не въ воинскомъ

костюмѣ. Въ мин. 274 бѣгства Маріи и Іосифа съ Христомъ младенцемъ въ Египетъ, изъ города выходитъ къ нимъ на встрѣчу женщина съ золотой стѣнной короной на головѣ, олицетвореніе города. И въ то же время въ этой рукописи встрѣчаются неподвижныя изолированныя фигуры патріарховъ, апостоловъ, святителей и довольно однообразныя сцены мученій.

Въ Твореніи Іоанна Златоустаго одиннадцатаго вѣка (въ Парижск. б. Mss. gr. № 79) по обѣимъ сторонамъ императора Никифора стоятъ олицетворенныя: Истина и Справедливость. Въ рукописи Іоанна Лѣствичника XI—XII (Ватик. б. № 394) очень часто употребляются олицетворенія отвлеченныхъ понятій, напр. жизни (голая фигура), наслажденія, стяжавій и пр.

Въ Твореніяхъ монаха Іакова, двѣ рукописи одна въ Ватиканѣ, другая въ Парижской библіотекѣ (Vat. № 1162, Mss. Gr. № 1208), обѣ двѣнадцатаго вѣка, обнаженное юное божество, съ локонами по плечамъ, держитъ красный сосудъ, изъ котораго текутъ четыре райскія рѣки. Того же вѣка въ ватик. четвероевангеліи (Urb. № 2) по сторонамъ императоровъ Іоанна и Алексія Комненовъ олицетворенныя добродѣтели: Милость, Справедливость. Старецъ Іорданъ облокотился на урну при крещеніи Христа въ „Указаніи евангельскихъ чтеній“ (Lectiones Evangeliorum Vat. № 1156, XII в.). Солнце-бюстъ въ кругѣ съ краснымп лучами. Моисей въ Преображеніи юный, какъ и въ Парижск. рукописи Григорія Назіанзена (№ 510), тогда какъ Илія бородатый. Въ интересной и богатой по содержанію миніатюръ псалтири барберинской библіотеки (въ Римѣ): Моисей постоянно юпота, рѣки—фигуры, льющія воду изъ урнъ; вѣтры—фигуры, дующія въ трубу. Юный, безбородый Моисей, мастерски драпированный, въ библіи монаст. Ватопеда (№ 1, собр. Севаст., Буслаева, М. В. 1862, №№ 111—113). Въ псалтири того же монастыря Моисей съ скрижалями сидитъ на горѣ прекрасная юношеская фигура. Въ той же рукописи Море – красивая фигура обнаженной женщины съ роскошными формами тѣла поднимается изъ волнъ по поясъ; длинныя косы спускаются по плечамъ.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ въ парижск. рукописи Богословія Григорія Назіанзена (Mss. gr. № 550) Іорданъ все еще древнее божество рѣки.

Отъ пятнадцатаго вѣка мы уже имѣемъ русскія рукописи, въ которыхъ сохранились эти византійскія и древне-христіанскія преданія. Въ углицкой псалтири 1485 г. олицетвореніе моря, рѣкъ, вѣтровъ, солнца и луны подобно псалтири Барберина (XII в.). Въ русскомъ переводѣ Козмы Индикоплова по рукописи шестнадцатаго вѣка (въ Новгородѣ 1542 г. и въ Московск. Четьи-Минеяхъ, авг.) Солнце увѣнчано короной и сіяніемъ и изъ головы исходятъ лучи, какъ въ греческ. рукописи Ватикана (№ 699. Професс. Буслаева Историч. Очерки II т. 6 гл.). Въ XVI вѣкѣ въ царскихъ палатахъ написаны были олицетворенія добродѣтелей и пороковъ: Мужество, Разумъ, Чистота и Правда съ одной стороны, Блуженіе, Безуміе, Нечистота и Неправда съ другой; далѣе четыре Вѣтра, Ночь и День и пр. (Ѳ. И. Буслаева. „Изъ исторіи русской живописи XVI в., стр. 31). Годуновская рукопись псалтирь 1600 (въ Троицкой лаврѣ), будучи общей редакціи съ углицкой отличается тѣми же олицетвореніями, хотя и лучшимъ исполненіемъ. Интересно также олицетвореніе Міра (κοσμος) въ видѣ царственнаго старца преимущественно на иконахъ Сошествія Св. Духа (Пр. Ѳ. И. Буслаева живопись XVI в. 15 слѣд.). Укажу еще на изображеніе Бога Саваоѳа въ облакахъ надъ Адамомъ и Евою, какъ иллюстрація перваго члена символа вѣры (въ Подлинникѣ гр. Строгонова по ред. XVIII в.; статья о немъ Ѳ. И. Буслаева въ Очеркахъ).

Приведенные примѣры показываютъ, какъ долго сохраняются преданія древне-христіанскаго искусства въ византійской и русской художественной практикѣ. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если въ рукописи XII вѣка мы встрѣчаемъ копіи съ оригиналовъ IV столѣтія. Именно такою древностію изобрѣтенія и композиціи отличаются миніатюры ватиканскаго Октотевка (Vat. gr. № 746, на пергаменѣ 2 т. 251 и 257 л.). Эта рукопись содержитъ въ себѣ только первыя восемь книгъ библіи, текстъ съ толкованіемъ. Въ толкованіи встрѣчаются глоссы писателей не позже V вѣка. Ватиканск. пергаменный свитокъ Іисуса Навина (VI—VI в.) представляетъ почти буквальное сходство съ соотвѣтствующей частью осьмокнижія (438—468 л.). Сравненіе текста и миніатюръ этихъ двухъ рукописей показываетъ, что онѣ имѣютъ общій источникъ не позже IV в. Въ томъ же убѣждаетъ и сличеніе миніатюръ ватиканской библіи съ вѣнской книгой Бытія. Нѣкоторыя изобра-

женія даютъ также данныя для опредѣленія времени, такъ напр. представленіе змѣя въ раю. Въ Октотевхѣ онъ четвероногій звѣрь. Это изображеніе могло появиться не позже IV в. Многіе отцы церкви уже въ IV в. были того мнѣнія, что змѣй никогда не имѣлъ ногъ; такое мнѣніе сдѣлалось господствующимъ въ греческой церкви съ V вѣка. (Смотри подробности относительно опредѣленія времени въ статьѣ Пипера. Deutsche Zeitschrift für christliche Wissenschaft und christliches Leben. 1850 №№ 19 и 20).

Обратимся къ разсмотрѣнію наиболѣе интересныхъ миніатюръ Кодекса.

Изъ исторіи творенія міра любопытна вторая миніатюра: „И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою.“ Чорная и свѣтло-голубая вертикальныя полосы; въ каждой полосѣ нарисовано по фигурѣ въ профиль съ покрывалами надъ головой. Надписано „день, ночь.“ ἡμέρα, νύζ. День съ факеломъ въ правой рукѣ. Къ нему сверху обращена творческая десница. Слѣдующая миніатюра такъ сказать — геометрическое представленіе стиха „и сотвори Богъ твердь: и разлучи Богъ между водою яже бѣ подъ твердію и между водою, яже бѣ надъ твердію.“ Фонъ свѣтлоголубой (вода); наверху темноголубой полукругъ, обведенный красной чертой (небо); пониже синяя полоса дугой (твердь); еще ниже родъ желтоватаго холма съ черной и оранжевой полосой. Тою же геометральностію отличаются 1-я и 4-я миніатюры „небо и тьма вверху бездны“ и творенія третьяго дня.—Въ первой миніатюрѣ на голубомъ полукругѣ неба опущена внизъ кисть руки съ желтымъ рукавомъ; средній и безыменный палецъ согнуты; отъ руки идутъ бѣлые лучи. Движеніе руки съ пальцами, сложенными какъ бы на благословеніе, встрѣчается часто какъ въ разсматриваемой рукописи и другихъ древнехристіанскихъ памятникахъ, такъ и въ миніатюрахъ Иліады (Миланской библіотеки) и Виргилія (Ватиканской). Такое движеніе обозначаетъ то совѣтъ, то порицаніе, то повелѣніе, то благословеніе, то просто бесѣду, то актъ творенія, какъ въ настоящемъ случаѣ. Тьма на 1-ой мин. представлена желтокоричневой, а бездна — темнокоричневой полосой. На 4-ой мин. океанъ полукругомъ обтекаетъ землю. Изображенія, подобныя третьей и четвертой миніатюрамъ, находятся въ Ватиканской рукописи Козмы Индикоплова (IX в. № 699 л. 37 и 37 об.) при описаніи тверди и океана, окружающаго землю. Только самая земля имѣетъ тамъ четвероугольную форму.

Въ твореніи четвертаго дня Солнце и Луна — два медальона, красный и зеленоватый, съ красивыми бюстами; длинные волосы прекрасно подобраны назадъ. Тоже изображеніе свѣтилъ въ 7-ой миніатюрѣ — оживленіе тѣла человѣка дыханіемъ жизни. Въ 6-ой мин. посреди зеленаго поля съ деревьями лежитъ Адамъ съ протянутыми руками и ногами и длинными темными волосами, — еще бездушное тѣло. Но вотъ изъ творческой десницы исходитъ лучъ свѣта, и человѣкъ, одушевленный, приподнимается; потомъ онъ уже стоитъ прямо посреди рая; далѣе онъ садится, и къ нему приходятъ звѣри, прилетаютъ птицы, приплываютъ рыбы; въ числѣ животныхъ находится и змѣя. Рай орошается четырьми рѣками, которыя въ Октотевхѣ представлены полосами. Адамъ спитъ, полулежа, облокотившись на лѣвую руку (обыкновенный мотивъ при изображеніи сна); подъ творческой десницей изъ боку его выходитъ жена; надъ нею носятся птицы. Ева бесѣдуетъ со змѣемъ, который стоитъ передъ нею въ первобытномъ видѣ — четвероногое животное съ длинной шеей; жена разговариваетъ съ мужемъ и наконецъ срываетъ съ дерева и подаетъ ему плодъ (лѣвою рукою срываетъ, а правою подаетъ красное яблочко). Печальные сидятъ потомъ они рядомъ, закрывъ листьями поясъ. Далѣе уже въ короткихъ кожаныхъ ризахъ; передъ ними плугъ, запряженный двумя волами, проклятый змѣй оставляетъ свое четвероногое туловище. Чета бѣжитъ; огненный столбъ съ херувимомъ отдѣляетъ этотъ моментъ отъ другаго, когда прародители уже оставили рай и медленно идутъ, оборачиваясь къ утѣшающему ихъ ангелу За тѣмъ они сидятъ уже въ одеждахъ: на Евѣ длинная туника, на Адамѣ — выше колѣнъ; передъ ними ихъ малютка первенецъ.

На древнѣйшихъ памятникахъ изображаются чаще всего послѣдствія искушенія. Мужъ и жена, закрывая свой стыдъ руками или листьями, стоятъ по сторонамъ дерева, около котораго обвился змѣй. На саркофагѣ Юнія Басса (+359 г.) около Адама — снопъ, а около Евы — ягненокъ, — тотъ-же намекъ на трудъ въ потѣ лица, что въ миніатюрѣ — плугъ. Иногда на саркофагахъ Богъ (старецъ или юный) подаетъ колосья мужу и агница женѣ. Таже мысль о трудѣ и горѣ на Миланск. саркофагѣ (Allegranza Monum. di Milano): Адамъ копаетъ землю, а Ева вынимаетъ изъ ноги занозу.

Представленіе порочной роскоши, какъ слѣдствія грѣха прародителей, мы видимъ на донушкѣ сосуда изъ собранія Буонаротти (Vetri tav. I, f. 2): на шеѣ Евы богатое ожерелье съ бляхою (bulla), а на рукахъ запястья.

„Ризы кожаныя“ на миніатюрѣ — совершенно античныя небриды, оленьи шкуры, которыя носили охотники и надѣвали ихъ обыкновенно ἐξωμίς, т: е, оставляя правое плечо открытымъ. На древней мозаикѣ Ліберіевой базилики въ небридахъ пастухи и патріархъ Іаковъ, какъ пастухъ Лавана.

Въ вѣнской рукописи Бытія передъ дверьми рая съ херувимомъ пламенное колесо, что близко соотвѣтствуетъ библейскому тексту — „приставі херувима и пламенное оружіе обращаемое хранити путь древа жизни“ (Б. Ш. 24). Въ ватиканскомъ Осьмокнижіи за бѣгущей четой столбъ или врата, посреди огненное лицо съ золотымъ нимбомъ; на верху и внизу скрещенныя крылья; крылья, ноги и руки покрыты глазами; въ правой рукѣ жезлъ. Это переходъ къ огненному шестикрылатому серафиму съ пламеннымъ мечомъ (Manuel d' icon. 81).

Въ вѣнской библіи, изгнанныхъ, Адама и Еву, сопровождаетъ изъ рая, какъ-бы для утѣшенія, женская фигура, одѣтая въ голубое и пурпуровое платье. Такъ описываетъ издатель миніатюръ этой рукописи (Ламбецій Dè Biblioth. Vindob. III т. 2. м.). Монфоконъ и Боттари объясняютъ ее олицетвореніемъ раскаянія (μετάνοια. Пипера Mythologie und Symbolick der christl. Kunst. I, отд. 2, 689). Въ Октотевхѣ эта фигура, очевидно, есть ангелъ, съ крыльями, въ голубой туникѣ и свѣтлофіолетовомъ плащѣ. Утѣшительное обѣщаніе искупителя представлено на одномъ древнемъ перстнѣ: подлѣ змѣя — дьявола фигура, опираясь ногами на символическую рыбу, наклонилась надъ четой, стоящей униженно на колѣняхъ (Mart. Dict. 17). Въ миніатюрахъ Адамъ и Ева безъ пупа и безполые; волосы у обоихъ длинные съ проборомъ посерединѣ. На иныхъ миніатюрахъ можно отличить жену отъ мужа по цвѣту тѣла; на другихъ, хуже сдѣланныхъ, они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Авель всегда изображается съ нимбомъ. На миніатюрѣ, гдѣ Каинъ пашетъ, Авель стоитъ среди овецъ, положивъ одну ногу на другую, какъ Праксителевъ Фавнъ, съ пастушескимъ посохомъ (pedum). Почти такое-же изображеніе въ рукописи Козмы Индикоплова IX в. Эта миніатюра напоминаетъ также добраго пастыря катакомбъ. — Принося жертву, Авель подаетъ ягненка обращенной къ нему рукѣ. На саркофагахъ у Каина и Авеля принимаетъ колосья и агнца сидящая передъ ними фигура Бога.

За убійствомъ Авеля слѣдуетъ рожденіе Сиѳа. Родильница лежитъ въ постели, подлѣ, на другой постели, новорожденный.

Изобрѣтатель буквъ, счета и астраноміи, Энохъ стоитъ съ хартіей въ рукѣ. Надъ нимъ звѣздное небо съ Солнцемъ и Луною — головами въ медальонахъ. Около него сидитъ на саркофагѣ полуобнаженная фигура побѣжденной имъ смерти, положивъ ногу на ногу и отворачиваясь отъ Эноха. Точно такое-же изображеніе въ Индикопловѣ (Vat. 699. л. 56).

Бракъ „сыновъ божіихъ“ съ „дщери человѣчи.“ (Б. VI). Съ одной стороны другъ за другомъ мущины, съ другой женьщины. Средняя пара подаетъ другъ другу руки: обыкновенный мотивъ изображенія брака. Мущины въ туникахъ и тогахъ. У прекрасныхъ дочерей человѣческихъ туники обшиты золотомъ по вороту, подолу и посерединѣ вдоль; на головахъ покрывала. Это костюмъ царицъ, слѣдовательно, и женщинъ, живущихъ въ роскоши, а такъ же и невѣстъ; покрывало на головѣ — аттрибутъ невѣстъ у древнихъ (невѣста Альдобрандинской свадьбы; nupta — невѣста, жена — собственно покрытая).

Злые исполины (VI, 4, 5): пять большихъ фигуръ съ темными лицами въ короткой одеждѣ, съ оружіемъ въ рукахъ.

Ковчегъ Ноевъ на стѣнописи катакомбъ и на саркофагахъ имѣетъ форму ящика, обыкновенно, четыреугольнаго, но иногда шестиугольнаго и даже круглаго. Въ книгѣ Бытія (въ Вѣнѣ) и въ Ватик. Козмѣ Индикопловѣ — трехярусная пирамида съ плоской крышей (въ родѣ архитектуры вавилонской башни Ваала). На миніатюрѣ Осьмокнижія — четыреугольникъ съ выпуклымъ дномъ. Крыша ковчега приподнимается, какъ и на живописи кладбищъ.

Потопъ окончился. Ломаютъ ковчегъ. Ной, окруженный семействомъ, возложилъ агнца нажертвенникъ. Богъ даетъ обѣтъ Ною: впредь „во вся дни земли сѣятва и жатва, зима и зной, лѣто и весна, день и ночь не престанутъ.“ Этотъ обѣтъ нашелъ живописное выраженіе въ миніатюрѣ. День и Ночь — черная и свѣтлая фигуры (какъ во 2-ой миніатюрѣ) — вращаютъ овальный медальонъ съ четырьмя временами года: весна — сѣятель сѣетъ, лѣто — среди цвѣтовъ стоитъ женщина съ цвѣткомъ въ рукѣ; осень — жатва, и зима — человѣкъ въ широкомъ плащѣ и кукуллѣ сидитъ, грѣясь передъ костромъ. (Не ручаюсь за точность объясненія, потому что миніатюра довольно стерта). Изображеніе временъ года, очень разнообразныя, нерѣдко встрѣчаются въ катакомбахъ и на барельефахъ саркофаговъ; онѣ представляютъ обыкновенно занятія, свойственныя той или другой порѣ. Древнѣйшій памятникъ съ изображеніями временъ года — стѣнопись кладбища Претекстата: это четыре параллельныя полосы, съ вѣтвями и цвѣтами розъ (весна), съ колосьями (лѣто), виноградными гроздьями (осень) и вѣчнозеленымъ лавромъ (зима). Въ вѣнской книгѣ Бытія Ной спитъ, обнаженный по поясъ; въ ватиканской рукописи онъ спитъ въ одеждѣ. Это противорѣчіе тексту, допущенное, кажется, изъ особеннаго деликатнаго чувства, тѣмъ сильнѣе проявляется, что двое сыновей кладутъ на него еще тунику, въ то время какъ третій смотритъ. (По той-же причинѣ ниже опущена сцена кровосмѣшенія Лота, помѣщенная въ вѣнской книгѣ Бытія.). Далѣе потомство Ноя; Неврод̀ъ охотится за оленемъ, Ассуръ созидаетъ городъ (башню). Потомъ пять группъ обитателей разныхъ странъ свѣта, въ различныхъ костюмахъ: одни въ туникахъ, плащахъ, панталонахъ, сапогахъ и шапкахъ; другіе, коричневаго цвѣта, покрытые только по чресламъ, съ украшеніями на головѣ; третіи бѣлолицые, въ туникахъ и плащахъ, босоногіе; четвертые желто-коричневые, въ бѣлыхъ одеждахъ и шапкахъ, и пятые чернокожіе въ черныхъ и бѣлыхъ юпкахъ, въ бѣлыхъ чалмахъ, съ копьями. Посѣщеніе Авраама тремя ангелами. Три ангела сидятъ за четырехугольнымъ столомъ, по тремъ сторонамъ его; на столѣ три чаши; подъ столомъ лежитъ быкъ. Авраамъ несетъ чашу; Сарра глядитъ изъза занавѣски. (Точно также представлена эта сцена въ псалтыри Барберини XII в.). На 61 мин., Авраама и Саррѣ, стоящимъ въ молитвенной позѣ является Христосъ — задрапированный бюстъ въ полукругѣ неба. У него русая борода, и голова окружена крестовымъ нимбомъ (Быт. XVIII, 12 — 15). Въ бѣгствѣ изъ Содома жена Лота, по обыкновенію, бѣлая фигура, съ лицомъ, обращеннымъ назадъ. Надъ бѣгущимъ Лотомъ несется ангелъ — путеводитель. Роды дочери Лотовой представлены иначе, чѣмъ роды Евы. Родильница сидитъ въ дверяхъ дома. Внизу между ногъ ея младенецъ, котораго принимаетъ женщина (бабка) и потомъ, спеленатаго, кладетъ его въ постель. Также изображаются ниже роды Ревекки, Рахили, Θамари. „Сотвори Авраамъ учрежденіе велі̀е, въ онь-же́ день отдался Исаакъ“ (Б. XXI, 8): за круглымъ столомъ сидятъ пятеро, въ томъ числѣ и Авраамъ съ младенцемъ на рукахъ, слѣва онъ-же сидитъ, а сынъ — дитя уже стоитъ передъ нимъ. Жертвоприношеніе. Исаакъ идетъ съ беремемъ дровъ, за нимъ отецъ; двое слугъ держатъ осла. На слѣдующей миніатюрѣ: пылаетъ жертвенникъ, Авраамъ держитъ ножъ надъ колѣнопреклоненнымъ сыномъ; съ неба обращена къ Аврааму рука, у дерева овенъ. Ангела, который обыкновенно встрѣчается на позднѣйшихъ памятникахъ, здѣсь нѣтъ. Жертвенникъ, овенъ, Авраамъ съ ножемъ въ рукѣ, Исаакъ колѣнопреклоненный, рука повелѣвающая и баранъ: это признаки, съ какими мы находимъ жертвоприношеніе Авраама въ катакомбахъ Петра и Маркеллина (Martigny Dict. 5). Надъ рабомъ, посланнымъ въ Месопотамію, для выбора невѣсты Исааку, летитъ ангелъ — путеводитель. Въ представленіи сна Іосифа мы снова встрѣчаемъ на небѣ медальоны Солнца и Луны. Интересна идиллическая картина изъ его исторіи. Передъ Іаковомъ стоятъ Веніаминъ и Іосифъ, послѣдній съ сумкой за плечами, готовый отправиться къ своимъ братьямъ. Далѣе Іосифъ уже на пути къ нимъ. Братья сидятъ на горѣ; одинъ изъ нихъ играетъ на свирѣли; внизу пасется стадо, около котораго бѣгаетъ собака. Пентефрій — молодая фигура въ чальмѣ; въ чалмахъ же и другіе вельможи и приближенные фараона. Жена Пентефрія въ извѣстной сценѣ держитъ за руки сравнительно съ ней маленькаго Іосифа, онъ совершенно голый; его одежда лежитъ на полу между нимъ и ею. Въ вѣнскомъ кодексѣ Іосифъ убѣгаетъ отъ искусительницы въ туникѣ, оставляя въ рукахъ ея верхнюю одежду. Въ изображеніи сна фараона наглядно представлено, какъ семь тощихъ коровъ пожираютъ семь толстыхъ: семь коровъ съ одной стороны и семь — съ другой, головы однихъ находятся въ

пастяхъ другихъ. Когда Іаковъ спитъ на пути въ Египетъ (мин. 136. Б. XLVI, 1), около него стоитъ женщина, Ночь съ зеленымъ покрываломъ надъ головой.

Книга „Исходъ“ начинается съ рожденія Моисея. Мать въ постели, противъ нея двѣ женщины съ сосудами; внизу «баба» (I, 15) держитъ ребенка въ чашѣ съ водой. Обыкновенно такимъ образомъ представляется рожденіе въ рукописяхъ и на иконахъ. На слѣдующей миніатюрѣ въ рѣкѣ подъ горою ребенокъ; передъ нимъ дочь фараона въ хламидѣ и золотой коронѣ, въ сопровожденіи служанокъ; за кустами спряталась сестра. Неопалимая купина. Около стада Моисей (голубая туника и красный плащъ) снимаетъ сандаліи; надъ купиной ангелъ (полуфигура) и небо (полукругъ). На стѣнописи катакомбъ и на барельефахъ саркофаговъ Моисей обыкновенно одинъ, снимаетъ обувь; поза его напоминаетъ статую Язона въ Луврскомъ музеѣ. Иногда передъ нимъ божественная десница, какъ на кладбищѣ Каллиста и на мозаикѣ св. Виталія въ Равеннѣ (VI в). На мозаикѣ монастыря св. Екатерины на горѣ Синаѣ (VI в) Моисей на колѣняхъ передъ купиной (Martigny Moïse.).—Въ ватиканской рукописи Индикоплова Моисей въ красной короткой безрукавной туникѣ (ἐπωμίς) съ голубымъ поясомъ и золотой застежкой на правомъ плечѣ; въ рукахъ пастушескій посохъ; ноги голы, сапоги стоятъ подлѣ; надъ нимъ десница въ небѣ. (Это изображеніе соотвѣтствуетъ предшествующей миніатюрѣ въ нашемъ Октотевхѣ). Вправо Моисей тоже съ голыми ногами, но уже въ голубой туникѣ и красномъ плащѣ, принимаетъ покрытыми руками свернутый свитокъ отъ небесной десницы. Передъ нимъ купина — чаша съ пламенемъ. Ниже гора Хоривъ въ пламени. Ангела нѣтъ. Ангелъ надъ кустомъ является въ парижской рукописи Григорія Назіанзена IX в. (Waagen 212). Въ ватиканскомъ манускриптѣ Монаха Іакова (№ 1162 л. 55) ангелъ подлетаетъ къ Моисею, а среди купины Христосъ — юношеская голова съ крестовымъ нимбомъ и лучами. Въ византійскомъ Подлинникѣ Дидрона (стр. 94) кромѣ ангела, обращеннаго къ Моисею, среди купины и надъ нею Богородица съ Христомъ. Это изображеніе сдѣлалось господствующимъ на востокѣ; на западѣ оно встрѣчается въ средніе вѣка съ XIV или конца XIII вѣка. Каждому изъ десяти чудесъ Моисея передъ фараономъ посвящена особая миніатюра. Время ночнаго исхода Израильтянъ изъ Египта передается черною фигурою Ночи съ покрываломъ на головѣ („нощь самая стражба Господу, яко всѣмъ сыномъ израилевымъ быти въ роды ихъ.“ XII, 42). Подобная же фигура при дальнѣйшемъ ихъ бѣгствѣ въ предшествіи огненнаго столба съ костями Іосифа въ золотомъ гробѣ. Изъ-за горы на темномъ фонѣ видна фигура; правая сторона груди и ноги обнажены; въ рукѣ факелъ.—Наконецъ та же фигура при переходѣ чрезъ Чермное море. Тутъ на одной и тойже миніатюрѣ мы находимъ четыре прекрасныхъ олицетворенія. Лѣвая сторона миніатюры—море. Всадники фараона частію въѣзжаютъ въ него, частію тонутъ въ волнахъ его. Самаго фараона погружаетъ, держа за голову, голая женская фигура — Бездна; фараонъ поднялъ руку, какъ-бы защищаясь отъ нея. Внизу всплыла изъ моря немного ниже пояса другая красивая обнаженная фигура съ весломъ въ рукѣ — нимфа Чермнаго моря. Прекрасно поворотивъ голову, она смотритъ вверхъ на фараона. Къ ней прикасается жезломъ Моисей, стоящій на берегу. Его окружаютъ Евреи въ дорожномъ римскомъ платьѣ съ кукуллями. Рядомъ съ нимъ женщина съ ребенкомъ на плечахъ, другаго она ведетъ за руку. Впереди Израильтянинъ молится передъ пламенемъ благодарственной жертвы. На берегу сидитъ, оборотивъ голову къ морю, безбородая фигура съ обнаженной правой рукой — Пустыня Суръ, черезъ которую проходили Евреи (Исх. XV, 22), а на воздухѣ изъза горы виднѣется темная фигура Ночи съ покрываломъ надъ головой. Соотвѣтствующая миніатюра псалтыря парижской библіотеки, X в. (Waagen, 221 и у Буслаева въ Моск. Вѣд. 1862 „Образцы иконописи“ и пр.) очень сходна съ нашей. Только изображеніе тамъ раздѣляется на двѣ части: на верху — Моисей и Евреи, внизу фараонъ съ войскомъ; направо отъ фараона зданіе, и надъ всѣми олицетвореніями надписи, чего нѣтъ въ Осьмокнижіи. Бездна — Βυθός — энергическая мужская фигура темноватаго цвѣта. Въ оригиналѣ, съ котораго скопированы миніатюры Октотевха, Бездна вѣроятно тоже была мужская фигура, на это указываетъ какъ мужескій родъ греческаго ея названія (ὁ Βυθός), такъ и то, что на самой миніатюрѣ она отличается болѣе темнымъ цвѣтомъ тѣла и короткими волосами отъ женственнаго олицетворенія Моря. (Ἐρυθρὰ θαλάσση). На барельефѣ саркофага въ Энсѣ Чермное море мущина, — старецъ облокотившійся на урну, изъ которой течетъ вода. Тамъ же олицетворенъ Египетъ, —

лежащая женщина оперлась на корзинку съ плодами. Олицетвореніе моря съ подписью (θαλάσσα) встрѣчается на миніатюрѣ Григорія Назіанзена IX в. (въ парижск. б. у Ваагена 212): также обнаженная женская фигура съ весломъ въ рукѣ. На нѣкоторыхъ саркофагахъ при изображеніи этой сцены видны стѣны города, изъ котораго выходятъ Египтяне или Израильтяне, и огненный столбъ, свѣтившій народу Божію. Самое простое изображеніе—на саркофагѣ ватиканскаго кладбища (Bott. X L). Фараонъ съ копьемъ въ рукѣ на четырехконной колесницѣ (квадригѣ) топетъ въ волнахъ. Надъ нимъ видно нѣсколько головъ Египтянъ. Моисей на противоположномъ берегу простираетъ жезлъ на море. Позади его взрослый и дитя замѣняютъ толпу Евреевъ. Мозаика фриза Либеріевой базилики (V в.) представляетъ предшествующій моментъ. По широкому пространству среди волнъ проходятъ Израильтяне. На нѣкоторомъ разстояніи Египтяне только выходятъ изъ города, чтобъ ихъ преслѣдовать. На слѣдующей миніатюрѣ пляшутъ четыре еврейскія женщины: двѣ среднія держась за руки, изъ крайнихъ одна играетъ на тимпанѣ (Маріамъ), а другая на крузматахъ, или кастаньетахъ, можетъ быть, на кимвалѣ. Одѣты онѣ въ двойныя туники (δίπλοΐς), съ поясами и съ мантіями за плечами. На барельефахъ саркофаговъ встрѣчается одна Маріамъ съ тимпаномъ; тоже на мин. парижской рукописи Григорія Назіанзена (Waagen 212). Плясовицы встрѣчаются при изображеніяхъ пѣснопѣвца Давида, напр. въ Козмѣ Индикопловѣ ватиканск. и въ псалтыри Барберини въ Римѣ. „Гласъ, свѣщы и гласъ трубный“ на горѣ Синаѣ: изъ горизонтальной волнообразной тучи выходятъ труба и огонь, и видно темное лицо въ профиль въ одинъ тонъ. Это, вѣроятно, олицетвореніе горы Синая. Въ парижск. рукописи Григорія Наз. подобная фигура съ подписью ορος ζινα.

За миніатюрой, представляющей полученіе Моисеемъ закона, слѣдуетъ нѣсколько изображеній скиніи, кивота завѣта и всего принадлежащаго къ нимъ, утвари, трапезы предложенія, семисвѣчника и пр. Такія изображенія скиніи со всѣми подробностями находятся также въ Индикопловѣ Ватикана.

Въ одиннадцати миніатюрахъ Книги Левитъ представлены жертвоприношенія, очищенія прокаженныхъ, изгнаніе козла въ пустыню и другіе обряды и предписанія Моисеева закона.

Изъ миніатюръ книги Чиселъ особенно достойны вниманія слѣдующія. Смерть Аарона и сестры его. Того и другую спеленатыхъ кладутъ въ высокіе красные саркофаги въ родѣ саркофаговъ Елены и Констансы (въ Ватиканскомъ музеѣ). Маріамъ спелената съ головой, у Аарона голова открыта.

Моисей источаетъ воду. Моисей держитъ жезлъ у скалы, изъ которой течетъ вода; ее пьютъ быки, овцы, козы. Трое Евреевъ стоятъ сзади, какъ бы пораженные чудомъ. Источеніе воды Моисеемъ очень часто встрѣчается на саркофагахъ и другихъ древнехристіанскихъ памятникахъ. Обыкновенно Моисей прикасается къ скалѣ; текущую изъ нея воду, наклонившись, пьютъ Израильтяне, по большей части двое. Рѣже Моисей со свиткомъ въ рукѣ только указываетъ на совершившееся чудо. Такъ въ Барберинской псалтыри онъ стоитъ передъ группой, указывая золотымъ жезломъ на скалу съ чудеснымъ источникомъ, хотя въ той-же псалтыри есть и другіе моменты чуда. Моисей стоитъ на скалѣ и у скалы, прикасаясь къ ней жезломъ. Въ псалтыри парижской библіотеки (Waagen, 10 min.) Моисей смотритъ на небо, гдѣ видна десница съ лучомъ; лѣвую руку держитъ у рта, а правой указываетъ на воду. При встрѣчѣ съ архангеломъ Михаиломъ Валаамъ предсказываетъ о „звѣздѣ Іакова“, и эта звѣзда—Іисусъ Христосъ изображенъ на небѣ,—бюстъ съ крестовымъ нимбомъ и лучами, исходящими на Валаама. Мы видѣли не разъ, что такимъ образомъ наглядно представляются предсказанія о Спасителѣ; ими указывается на связь Ветхаго завѣта съ Новымъ. Такой-же смыслъ имѣетъ и миніатюра изъ книги Второзаконія. Моисей съ хартіей въ лѣвой рукѣ указываетъ находящейся противъ него группѣ Евреевъ на прекрасную дѣтскую фигуру (нѣсколько ниже пояса) съ благословляющею десницею, съ золотымъ нимбомъ и въ золотомъ платьѣ, на звѣздномъ небѣ. Это предсказаніе Моисея о Христѣ. (Вт. XVIII, 18). Двѣ миніатюры той же книги напоминаютъ изображенія Христа учащаго среди храма. На одной изъ нихъ юный Моисей сидитъ посрединѣ; по правую и по лѣвую сторону отъ него Израильтяне. На другой, онъ въ профиль; держитъ лѣвой рукой свитокъ, а правая, какъ и въ первой миніатюрѣ, сложена на благословеніе; противъ него группа Евреевъ. Это законодатель поучаетъ народъ Божій закону.

Двумя послѣдними миніатюрами Второзаконія заключается разсказъ о жизни Моисея. Моисей на горѣ по грудь смотритъ вдаль на землю обѣтованную. По скату горы и въ долинѣ деревья и

птицы. Внизу рѣка вытекаетъ изъ горы. Надъ нимъ десница Божія. На мозаикѣ Либеріевой базилики Моисей въ прекрасной печальной позѣ полулежитъ на горѣ. На слѣдующей миніатюрѣ Моисей, простирая руки къ небу, слѣдуетъ среди горъ за архангеломъ Михаиломъ, указующимъ ему путь. Внизу онъ — среди горъ, такъ что видна только голова его съ рукой поднятой къ лицу съ краемъ одежды; архангелъ улетаетъ на небо. Такъ изображена чудесная смерть пророка. Мы говорили выше о подобномъ представленіи въ Минологѣ Ват. X в.

Моисей во всѣхъ библейскихъ книгахъ рукописи является вѣчно-юнымъ съ золотымъ нимбомъ и изящно задрапированнымъ, по большей части, въ прекрасныхъ позахъ, исполненныхъ достоинства и движенія.

Тѣми же художественными достоинствами отличается фигура Іисуса Навина въ книгѣ, носящей его имя. Іисусъ — обыкновенно, молодая фигура съ голубымъ нимбомъ, въ вооруженіи и съ копьемъ въ рукѣ. Его лицо, почти женственное, и поза напоминаютъ древнія статуи то Минервы, то римскихъ императоровъ. — „Іисусъ-же состарѣся прошедъ дни“, говоритъ библейскій текстъ (кн. I. Н. XIII ,1), — и миніатюристъ представляетъ его на нѣсколькихъ миніатюрахъ съ небольшой бородой; но потомъ снова возвращается къ любимому типу юноши, и даже Навинъ во гробѣ въ слѣдующей книги Судей — тоже молодая безбородая фигура съ голубымъ нимбомъ.

Изъ 52 мин. книги Іисуса 23, начиная съ пятой, одинаковы съ миніатюрами неполной пергаменной рукописи — свитка VI—VIII в. Только миніатюры Октотевха мельче иллюстрацій свитка. Слишкомъ миніатюрныя божества рѣкъ, горъ, городовъ въ первой рукописи нерѣдко теряютъ изящество своихъ античныхъ позъ и трудно бываетъ притомъ различить ихъ аттрибуты. О миніатюрахъ ватиканскаго свитка Навина было сказано выше.

Въ книгѣ Судей изображенія города Веениля отличается бо́льшими подробностями, чѣмъ другія представленія городовъ. У воротъ сидятъ два воина. Внутри стѣнъ видна мраморная конная статуя съ копьемъ на голубомъ пьедесталѣ. Надъ нею балдахинъ, на столбахъ котораго двѣ летящія фигуры съ вѣнками (Побѣды), по сторонамъ двѣ высокія колонны. Царь Егломъ съ розовымъ нимбомъ, Гедеонъ, съ зеленымъ.

Миніатюра — ангелъ возвѣщаетъ матери Самсона о рожденіи сына — напоминаетъ Благовѣщеніе. Рожденіе Самсона представлено также, какъ выше рожденіе Сиѳа. Самсонъ — тоже юноша. Онъ склонилъ голову на колѣни Далилы въ то время, какъ она стрижетъ ему волосы. Когда ему выкалываютъ глаза, онъ лежитъ на полу; его держатъ и связываютъ. Послѣдняя миніатюра рукописи принадлежитъ книгѣ Руѳь. Руѳь и Воозъ спятъ другъ противъ друга, прислонившись къ кустамъ. Здѣсь на 508 листѣ прерывается кодексъ. Всѣхъ миніатюръ въ немъ болѣе трехъ сотъ пятидесяти.

Что касается до ихъ исполненія, то тутъ не могъ не сказаться двѣнадцатый вѣкъ, вѣкъ упадка византійскаго искусства. Фигуры часто очень тонки; руки и ноги слишкомъ малы, въ складкахъ нѣтъ жизни; въ нихъ видна условная манера. Замѣтно нѣсколько различныхъ рукъ иллюстраторовъ: иныя фигуры написаны широко и свободно; въ другихъ напротивъ проявляется изысканность и кропотливая тщательность отдѣлки. Въ передачѣ цвѣта тѣла замѣтенъ темнокрасный колоритъ, часто тѣни въ тѣлѣ зеленоватыя. Лучшія стороны миніатюръ Октотевха — изобрѣтеніе, постановка и движеніе фигуръ и въ особенности богатство матеріяла, который онѣ даютъ для исторіи христіанскаго искусства, знакомя насъ съ способомъ изображенія библейскихъ лицъ и событій.

Викторъ Виноградскій.

Альбано, іюнь 1866 г.

ГОСУДАРЕВЫ
ПѢВЧІЕ ДЬЯКИ

XVII ВѢКА.

Д. В. Разумовскаго.

ГОСУДАРЕВЫ ПѢВЧІЕ ДЬЯКИ XVII ВѢКА

Православная Греко-Россійская церковь, для исполненія богослужебнаго пѣнія, всегда имѣла особыхъ пѣвцовъ при каждой епископской каѳедрѣ и при каждомъ соборномъ или приходскомъ храмѣ. Эти пѣвцы принадлежали къ сословію священослужителей и поставлялись іерархическою властію, отъ которой они, по каноническимъ правиламъ, находились въ зависимости.

Древній обычай православной церкви дозволялъ пѣть въ храмѣ вмѣстѣ съ клиромъ народу. На этомъ основаніи въ русской церкви, съ самыхъ первыхъ временъ ея, православный народъ часто упражнялся въ пѣніи, любилъ его и вмѣстѣ съ клиромъ участвовалъ въ исполненіи при общественномъ Богослуженіи. Такъ въ православныхъ храмахъ образовались пѣвцы — любители, не имѣвшіе никакого іерархическаго поставленія. По любви къ церковному пѣнію, по ревности къ благолѣпію въ богослуженіи, пѣвцы любители нерѣдко соединялись между собою въ бо́льшія или меньшія группы, и приблизительно составляли то, что нынѣ извѣстно подъ именемъ частнаго или вольнаго хора.

Съ утвержденіемъ русской столицы въ Москвѣ такой отдѣльный хоръ церковныхъ пѣвцовъ встрѣчается въ первый разъ при дворѣ великокняжескомъ, неранѣе впрочемъ XV вѣка. Великокняжескіе пѣвцы считались въ придворной службѣ — дьяками и пользовались отъ двора опредѣленнымъ содержаніемъ. Во второй половинѣ XVI вѣка содержаніе царскихъ дьяковъ представляется уже въ довольно правильной системѣ. Царь Іоаннъ IV отличался особенною любовію къ церковному пѣнію [1] и содержалъ при себѣ довольно значительное число дьяковъ. Онъ часто, за свое царево и великаго князя казенное жалованье, награждалъ своихъ пѣвчихъ дьяковъ даннымъ приставствомъ надъ монастырями. Такимъ приставствомъ жалованы были царскіе пѣвчіе дьяки — Гаврилка Аѳонасьевъ, Матюшка Адамовъ, Митька Царевъ. Въ 1551 г. послѣдніе два пѣвца скончались; царь и великій князь, вмѣсто ихъ, даннымъ приставствомъ наградилъ пѣвчаго дьяка Третьяка Звѣринцева. [2] Таже почти система содержанія пѣвчихъ дьяковъ сохранялась ближайшими державными пріемниками Грознаго царя. Въ 1585 г. приставомъ Пѣсношскаго монастыря, какъ видно въ грамотѣ изъ Приказу большаго дворца, былъ пѣвчій дьякъ Андреевъ. [3]

Болѣе полное развитіе хора Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ совершилось въ XVII в. Къ этому времени относятся довольно подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ устройствѣ хора, а также о его содержаніи и значеніи. Онѣ главнымъ образомъ находятся въ рукописныхъ памятникахъ (столбцахъ), хранящихся нынѣ въ Архивѣ Московской Оружейной Палаты. [4]

---

[1] Онъ вполнѣ зналъ церковный знаменный роспѣвъ на безлинейныхъ нотахъ и въ Александровой слободѣ занималъ своихъ пѣвчихъ дьяковъ положеніемъ на ноты такихъ стихиръ, которыя, по новости составленія, не имѣли еще нотнаго положенія. Самъ царь подавалъ въ этомъ добрый примѣръ. Въ нотномъ рукописномъ Стихирарѣ Кирика Логина, подъ 21 Декабря, въ день св. Петра, Митрополита Московскаго, помѣщены имъ стихиры на Господи воззвахъ съ надписью: „твореніе царя деспота россійскаго“ и славникъ тѣхъ же стихиръ съ надписью: твореніе царево“ См. Итн. ркп. Стихирарь нач. XVII в., 8⁰, на 480 л. Б—ки Троицк. Сергіев. Лавры № 428 л. 98.

[2] Акт. Ист. т. 1. № 157. Царская жалованная грамота тремъ придворнымъ дьякамъ пѣвчимъ на приставство по Троицкому Сергіеву и приписнымъ къ нему монастырямъ, лѣта 7064 Марта въ 15 день.

[3] Историческое описаніе Пѣсношскаго монастыря. М. 1837 г. стр. 123.

[4] Старые изъ сихъ столбцевъ относятся къ 1625 г., а позднѣе — къ 1701 г. Доступъ къ изученію ихъ былъ открытъ намъ обязательнымъ участіемъ бывшаго архиваріуса М. О. П. Георгія Дим. Филимонова, которому приношу свою искреннюю и глубокую благодарность.

1. Составъ хора Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и управленій ихъ.

Число пѣвчихъ дьяковъ, ихъ раздѣленіе на станицы, значеніе станицъ. — Раздѣленіе пѣвчихъ по придворнымъ храмамъ. — Пѣвчіе государей царей, царицъ, и прочихъ лицъ царскаго дома. — Отношеніе Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ къ современнымъ хорамъ церковныхъ пѣвцовъ. — Гражданскія права государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ.

Дѣйствительное число Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ слѣдуетъ строго отдѣлять отъ крестовыхъ дьяковъ и отъ пѣвчихъ, взятыхъ въ прибыль.

Крестовыми дьяками въ XVII в. обыкновенно назывались псаломщики придворныхъ храмовъ, принадлежавшіе къ штату придворныхъ церковно-служителей. Они, по своему значенію, были выше пѣвчихъ дьяковъ потому, что имѣли на себѣ іерархическое поставленіе, и потому, что получали высшее сравнительно съ пѣвчими дьяками содержаніе. Имъ выдавались деньги окладныя, кормовыя, славленыя, причастныя [1] и молебенныя а также причастныя сукна. Уставщики и дьяки государевы и государыни царицы получали съ 1646 по 1661 г. по одному причастному сукну., а съ 1661 по 1675 г. по два причастныхъ сукна, на великій и на успенскій посты. [2] По этому въ крестовые дьяки обыкновенно поступали только лучшіе по голосу пѣвчіе дьяки, много уже времени послужившіе въ хорѣ. Въ 1688 г. пожалованъ былъ въ крестовые дьяки, на мѣсто бывшаго крестоваго дьяка Евтихія Богданова, пѣвчій дьякъ Степанъ Яблонскій. [3]

Пѣвчіе дьяки, взятые въ прибыль, были ниже дѣйствительныхъ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ: они не значились въ окладныхъ книгахъ, потому что не были верстаны окладомъ [4] Въ 1668 г. пѣвчій дьякъ Василій Ярославецъ писалъ: „ взятъ я въ пѣвчіе дьяки, а окладу мнѣ ничего не учинено, а которые моя братія пѣвчіе дьяки окладомъ не поверстаны, и имъ даютъ изъ мастерской палаты по шести рублей денегъ человѣку, да съ казеннаго двора дѣлаютъ платье годовое, а мнѣ противъ моей братіи денегъ и платья на три года ничего не дѣлывано.“ [5] Число неокладныхъ пѣвчихъ дьяковъ простиралось отъ 7 до 10 человѣкъ. [6] Цѣль, съ какого положено было имѣть такихъ пѣвчихъ въ хорѣ, очевидна: ими легче было замѣнять недостатокъ голосовъ, происходящій въ хорѣ отъ разныхъ естественныхъ и случайныхъ причинъ и такимъ образомъ имѣть хоръ постоянно въ полномъ составѣ исправныхъ и достаточно обученныхъ голосовъ. Единственное преимущество, какимъ пользовались пѣвчіе, которые не въ окладѣ, состояло въ томъ, что они свою безмездною, и иногда довольно продолжительною, службою, пріобрѣтали себѣ право занять первое убылое мѣсто штатнаго пѣвчаго.

Собственно же Государевы пѣвчіе дьяки составляли собою первоначально небольшой хоръ отъ 30 до 35 человѣкъ. Но этотъ хоръ постоянно увеличивался въ своемъ составѣ съ такою постепенностію, которая не давала повода думать о значительномъ усиленіи хора. Около послѣдней четверти XVII вѣка хоръ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ увеличился вдругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился въ своемъ составѣ такъ, что изъ прежнихъ пѣвчихъ едвали осталась одна третья часть. Въ это время число Государевыхъ пѣвчихъ діяковъ простиралась отъ 50 до 60, а къ концу вѣка достигло до 70 человѣкъ. [7] Такое быстрое увеличеніе хора изъясняется сильнымъ развитіемъ гармоническаго пѣнія въ хорѣ, а также увеличеніемъ числа придворныхъ храмовъ.

Весь хоръ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ раздѣлялся въ XVII в. на станицы, которыхъ бывало и шесть и семь. Въ каждой станицѣ числилось обыкновенно пять пѣвчихъ. Увеличеніе станицы допускалось только въ видѣ особаго исключенія: въ 1650 г. пѣвчему дьяку Михаилу Мер-

---

[1] Забѣлина — Домашній бытъ русскаго народа М. 1869 г. т. 2. стр. 511. 512.
[2] Арх. М. О. П. Столбц. 1675 г.
[3] Тамъ же Столбц. 1688 г.
[4] Они назывались пѣвчими дьяками, которые не въ окладѣ. Столбц. 1671 г. и 1684 г.
[5] Там. Столбц. 1668 г.
[6] Там. Столбц. 1671 г.
[7] Там. Арх. М. О. П. Столбц. 1677 г. 1687 г. 1690 г.

курьеву дано было жалованье противъ товарищей его первой станицы пѣвчихъ дьяковъ для того, что ему велѣно пѣть въ большой станицѣ шестому человѣку. [1] Дѣленіе пѣвчихъ на станицы имѣло чисто административное значеніе и тѣсную связь съ продолжительностію службы пѣвчаго съ его голосовымъ совершенствомъ и искусствомъ въ исполненіи. Поэтому первыя двѣ станицы всегда состояли изъ пѣвчихъ, долго служившихъ въ хорѣ, и искусныхъ исполнителей богослужебнаго пѣнія. Въ этомъ же заключается главная причина и того, что каждая изъ этихъ двухъ станицъ составляла отдѣльный хоръ: при исполненіи богослужебнаго пѣнія, первая станица Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ всегда становились на правый клиросъ, а вторая на лѣвый. Такое же церковное значеніе могли имѣть третья и четвертая станицы. Но его нельзя усвоять пятой и шестой станицамъ, потому что къ нимъ принадлежали новые, молодые, неопытные пѣвчіе, которые ни по совершенству голосовъ, ни по искусству въ исполненіи, не могли составить никакого отдѣльнаго хора и составляли только полезное дополненіе опытнаго хора первыхъ станицъ. Такимъ образомъ въ общемъ смыслѣ станица имѣла ни болѣе, ни менѣе, какъ одно административно-экономическое значеніе и опредѣляла только содержаніе, какое полагалось всякому пѣвчему, состоявшему въ окладѣ. Самыми почетными станицами считались первая и вторая и потому назывались большими станицами. [2] Молодой пѣвчій, поступивъ въ царскій хоръ, зачислялся первоначально въ низшую, седьмую или шестую станицу и получалъ обыкновенно небольшое содержаніе; но мѣрѣ же службы своей и усердія къ ней, пѣвчій постепенно переходилъ изъ низшей станицы въ высшую, болѣе почетную, и, подвигаясь такимъ образомъ по установленной лѣствицѣ станицъ, достигалъ наконецъ до станицъ почетныхъ и до высшаго содержанія. Единственное повышеніе пѣвчаго первой станицы состояло въ награжденіи его чиномъ уставщика, [3] или даже крестоваго дьяка. Въ уставщики обыкновенно избирался пѣвчій первой станицы, который обладалъ твердымъ голосомъ, бо́льшею частію баритономъ, имѣлъ опытное знаніе церковнаго пѣнія и всего порядка въ церковномъ Богослуженіи. Подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ уставщика находились всѣ станицы Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. Онъ, какъ полный начальникъ хора собственно въ художественномъ и церковномъ смыслѣ, обучалъ пѣвчихъ нотному пѣнію, въ церкви предначиналъ пѣніе, управлялъ имъ, наблюдалъ въ немъ порядокъ и постепенность, указанную церковнымъ уставомъ, и вмѣстѣ смотрѣлъ надъ благочиннымъ стояніемъ пѣвчихъ въ храмѣ. Такимъ образомъ хоръ Государевыхъ пѣвчихъ, съ своимъ уставщикомъ или начальникомъ, не смотря на видимое дѣленіе на станицы, представлялъ въ себѣ одно цѣлое, связанное единствомъ предмета, цѣли и управленія.

Раздѣленіе полнаго хора Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ на станицы продолжалось до послѣдней четверти XVII вѣка. Въ это время Государевы пѣвчіе дьяки получили новое дѣленіе, которое, уничтожая собою давній административный порядокъ, вводило въ управленіе хоромъ не внутреннее административное, но общее церковное правило. Сообразно съ нимъ весь хоръ пѣвчихъ дьяковъ былъ разчисленъ по придворнымъ храмамъ, такъ что изъ одного хора составилось столько отдѣльныхъ пѣвческихъ хоровъ, сколько находилось тогда придворныхъ храмовъ. По этому случаю образовалось званіе крестоваго пѣвчаго дьяка и явились крестовые пѣвчіе Спасскаго Собору или Спаса Нерукотвореннаго Образа [4],—пѣвчіе церкви Іоанна Бѣлоградскаго или, въ послѣдствіи, церкви св. Пророка Іоанна Предтечи [5],—пѣвчіе Собору живоноснаго Христова Воскресенія [6],—пѣвчіе церкви преподобномученицы Евдокеи, что у него Великаго Государя въ верху на сѣняхъ. [7] Каждый отдѣльный хоръ состоялъ изъ 28, 12 и 13 человѣкъ [8], имѣлъ своего особаго

---

[1] Тамъ же Столбц. 1650 г.
[2] Там. Столбц. 1639 г. 1650 г.
[3] Арх. М. О. П. Столбцы 1691 г.
[4] Тамъ же Столбц. 1681 г. 1684 г. Ин. пѣвчіе дьяки Спасскіе, тамъ же 1683 г.
[5] Там. Столбц. 1681 г. и 1682 г.
[6] Там. Столбц. 1682 г. Ин. пѣвчіе дьяки Воскресенскіе и Предтечевскіе, тамъ же 1683 г.
[7] Там. Столбц. 1679 г. 1681 г.
[8] Число каждаго отдѣльнаго хора можно видѣть въ Столбц. 1680 г. и 1681 г.

уставщика [1], и при исполненіи богослужебнаго пѣнія, сообразно требованіямъ церковнаго устава, раздѣлялся на двѣ части, т. е. становился или на правомъ, или на лѣвомъ клиросѣ. Отсюда явилось названіе пѣвчихъ дьяковъ праваго клироса и пѣвчихъ дьяковъ лѣваго клироса. [2] Такое дѣленіе единаго хора совершенно обособило каждую часть его.

Вмѣстѣ съ симъ каждый особый хоръ, причисленный къ извѣстному придворному храму, получилъ и усвоилъ себѣ его значеніе, такъ что чѣмъ выше былъ придворный храмъ въ придворной іерархіи, тѣмъ большимъ почетомъ пользовался и приписанный къ нему хоръ. Такимъ образомъ во взаимныхъ отношеніяхъ между частными придворными хорами образовался, соотвѣтственно значенію придворныхъ храмовъ, особенный чинъ или порядокъ. Первенствующее мѣсто между всѣми придворными хорами принадлежало пѣвчимъ дьякамъ Спасскимъ, а второе — пѣвчимъ дьякамъ Воскресенскимъ и Предтечевскимъ [3]. Эти степени разныхъ, нынѣ почти неуловимыхъ, правъ и преимуществъ, усвоенныхъ каждому придворному хору, создали между пѣвчими систему переходовъ изъ одного придворнаго хора въ другой. Пѣвчіе, принадлежавшіе къ хору съ меньшимъ значеніемъ, естественно стремились принадлежать къ хору съ большимъ значеніемъ въ придворной іерархіи. Пѣвчій дьякъ Ѳедотъ Ухтомскій въ 1679 г. числился при храмѣ преподобномученицы Евдокіи, а потомъ въ 1682 г., перешедши къ хору Воскресенскихъ и Предтечевскихъ пѣвчихъ, сдѣлался уставщикомъ, и въ 1697 г. поступилъ въ уставщики къ пѣвчимъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Переходы изъ одного хора въ другой между Государевыми пѣвчими дьяками были очень часты. Въ 1682 г. пѣвчій дьякъ церкви преподобномученицы Евдокіи Никифоръ Симоновъ поступилъ въ хоръ пѣвчихъ Воскресенскихъ и Предтечевскихъ. [4] Въ 1683 г. многіе изъ Воскресенскихъ и Предтечевскихъ пѣвчихъ дьяковъ перешли въ хоръ пѣвчихъ Спасскаго Собора [5].

Отдѣльные придворные хоры, приписанные къ отдѣльнымъ придворнымъ храмамъ очень скоро получили прочную самостоятельность и стали называться по лицамъ царствовавшаго дома. Въ актахъ, относящихся къ 1684 г., можно находить уже — пѣвчихъ дьяковъ Государыни царицы и великіе княгини Наталіи Кирилловны и Государыни царицы и великіе княгини Маѳы Матвѣевны, [6] а также пѣвчихъ дьяковъ Великаго Государя Іоанна Алексѣевича, — пѣвчихъ дьяковъ Великаго Государя Петра Алексѣевича,—пѣвчихъ дьяковъ великіе княжны Евдокіи Алексѣевны. [7] Частныя названія придворныхъ хоровъ нѣсколько позднѣе получили большую силу и оставались за пѣвчими даже въ началѣ XVIII вѣка. Въ это время, кромѣ названныхъ уже хоровъ, были еще пѣвчіе великіе Государыни княгини Маѳы Матѳѣевны [8], пѣвчіе Государыни великой княжны Натальи Алексѣевны, — пѣвчіе Государыни Царицы Прасковьи Ѳеодоровны и пр. Каждый частный хоръ придворныхъ пѣвчихъ состоялъ изъ 20 человѣкъ. Собственно Государевы пѣвчіе были лучшими по своимъ голосамъ и по искусству въ исполненіи, и потому въ средѣ прочихъ придворныхъ пѣвцовъ считались самыми почетными.

Государевы пѣвчіе дьяки въ церковномъ отношеніи могли соперничать единственно только съ хоромъ Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ, потому что только этотъ хоръ стоялъ во главѣ всѣхъ прочихъ церковныхъ хоровъ, существовавшихъ въ XVII вѣкѣ. Дѣйствительно хоръ Государевъ и хоръ Патріарховъ, во все продолженіе XVII вѣка, находились въ постоянномъ между собою соприкосновеніи, и несмотря на свою взаимную независимость, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Оба эти хора неоднократно и безъ всякаго препятствія мѣнялись своими членами. Пѣвчій дьякъ Царя Михаила

---

[1] Въ 1683 г. уставщикомъ Спасскихъ пѣвчихъ былъ Петръ Покровецъ, а уставщикомъ Воскресенскихъ и Предтечевскихъ—Ѳедоръ Чекаловскій. Арх. М. О. П. Столбц. 1683 г.

[2] Роспись ихъ можно видѣть въ столбцахъ Арх. М. О. П.

[3] Арх. М. О. П. Столбц. 1683 г.

[4] Там. Столбц. 1679 г.

[5] См. ниже. Списокъ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, съ обозначеніемъ ихъ службы. Отд. V.

[6] Арх. М. О. П. Столбц. 1684 г.

[7] Тамъ же Столбц.

[8] Тамъ же Столбц. 1691 г.

Ѳеодоровича Первой въ 1632 г. поступилъ въ пѣвчіе Патріаршіе; [1] и наоборотъ Патріаршіе пѣвчіе дьяки Богданъ Ивановъ и Ѳеодоръ Константиновъ перешли въ хоръ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. [2] Переходъ изъ Патріаршихъ пѣвчихъ въ Государевы пѣвчіе считался выше и почетнѣе. Государевы пѣвчіе при исполненіи Богослужебнаго пѣнія вмѣстѣ съ Патріаршими пѣвцами всегда имѣли предъ ними особенное преимущество. Оно состояло въ томъ, что Государевы пѣвчіе въ храмѣ всегда занимали правый клиросъ и предначинали пѣніе, а Патріаршіе пѣвчіе при этомъ становились на лѣвомъ клиросѣ, т. е. менѣе почетномъ мѣстѣ. Въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, когда наблюдался особенно строгій порядокъ, Государевы пѣвчіе, какъ старшіе, всегда шли послѣ Патріаршихъ пѣвчихъ, какъ младшихъ. При погребеніи царевны и великой княжны Ирины Михайловны и Царя Ѳеодора Алексѣевича предъ иконою шли Патріаршіе пѣвчіе дьяки, а предъ гробомъ за Патріархомъ шли и пѣли Государевы пѣвчіе дьяки [3].

Въ гражданскомъ отношеніи Государевы пѣвчіе дьяки пользовались всѣми правами и преимуществами лицъ, состоявшихъ на службѣ при царскомъ дворѣ. Они принадлежали къ придворнымъ чинамъ, такъ что въ современныхъ указахъ о томъ, кому изъ придворныхъ чиновъ и сколько давать жалованья, всегда упоминались пѣвчіе дьяки и нарѣчнаго пѣнія писцы, [4] Жалованье Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ причислялось къ дворцовымъ расходамъ [5]. Такое значеніе пѣвчихъ дьяковъ при царскомъ Дворѣ совершенно ограждало личность каждаго пѣвчаго дьяка; ибо общій гражданскій законъ повелѣвалъ за безчестье разныхъ чиновъ платить имъ противъ ихъ окладовъ, что̀ кому государева жалованья. [6] Вмѣстѣ съ тѣмъ государевы пѣвчіе дьяки, пока находились въ хорѣ, постоянно сохраняли за собою права, принадлежавшія имъ или порожденію, или по государственной службѣ. Пѣвчіе изъ дворянъ пользовались правомъ имѣть помѣстья и крѣпостныхъ людей, а также принимать на нихъ служилыя кабалы. Въ 1679 г. Стремянный конюхъ Матѳѣй Поляниновъ пожалованъ былъ въ пѣвчіе дьяки, но не лишенъ былъ права на помѣстья, которое по уложенію соединялось съ званіемъ Стремяннаго конюха. [7] При царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, права на холопство распространены были на всѣхъ Государевыхъ пѣвчихъ дьковъ. Въ это время состоялось дозволеніе пѣвчимъ дьякамъ, имѣть при себѣ холопство изъ вольныхъ людей, кто къ нимъ „станетъ въ холопство бить челомъ. Холопство при пѣв„чихъ дьякахъ закрѣплялось служилыми кабалами, которыя выдавались въ Приказѣ холопья суда, „и въ городѣхъ, и въ съѣзжихъ избахъ“. [8]

11. Содержаніе Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ.

Дома и дворы государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. — Денежное жалованье. — Одежда пѣвчихъ дьяковъ. — Годовыя сукна. — Частныя награды. — Пособія вдовамъ и сиротамъ пѣвчихъ дьяковъ.

Для Государева пѣвчаго дьяка, состоявшаго не въ окладѣ, было великимъ торжествомъ, когда онъ получалъ извѣстіе о пожалованіи его въ пѣвчіе дьяки, т. е. о назначеніи ему опредѣленнаго содержанія. Содержаніе пѣвчаго дьяка, по современнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, представлялось содержаніемъ, вполнѣ удовлетворительнымъ даже для семейной жизни.

---

[1] Арх. М. О. П. Столбц.

[2] Там. Столбц. 1650 г. Археологическій Вѣстникъ Моск. Археол. Общества статья: Патріаршіе пѣвчіе дьяки и подъяки.

[3] Виѳліоѳ. т. XI, № XXX и XXXIV. См. также Археологич. Вѣстникъ Моск. Арх. Общества статья: Патріаршіе пѣвчіе дьяки и подъяки.

[4] Арх. М. О. П. Столбц. 1689 г. 1690 г. Тоже можно видѣть и въ распоряженіяхъ о дачѣ жалованья и суконъ всякихъ чиновъ, служащихъ при дворѣ, людямъ. Столбц. 1687 г. 1690 г.

[5] Там. Столб.

[6] Уложеніе 7156 г. гл. 10. ст. 83, стр. 40.

[7] Там. гл. 16, ст. 1 стр. 118.

[8] П. С. З. т. 11, ст. 1136.

1. Государевы пѣвчіе дьяки имѣли свои собственные дома и дворы, которые находились въ разныхъ мѣстностяхъ тогдашней русской столицы и иногда въ значительномъ разстояніи отъ царскаго дворца. Тогда какъ одни пѣвчіе дьяки жили межъ Тверской и Никитской улицъ, возлѣ Моисеевскихъ богадѣленъ, или за Никитскими вороты въ приходѣ у Вознесенія Господня, или за Пречистинскими вороты у Ильи пророка, Обыденнаго,—другіе находились за Москвою рѣкою въ Оптекарскомъ переулкѣ, или въ Ордынской улицѣ у церкви Климента Папы Римскаго, т. е. отстояли отъ мѣста службы пѣвчихъ, Кремля и дворца, по крайней мѣрѣ версты на двѣ, если не болѣе. Собственные дома Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ не отличались ни своею обширностію, ни своею цѣнностію,—нерѣдко находились на бѣлой или тяглой землѣ и въ послѣднемъ случаѣ оплачивались еще довольно высокимъ ежегоднымъ оброкомъ. Въ 1678 г. Государевъ пѣвчій дьякъ Кипріянъ Евтиѳеевъ сказалъ: „Дворъ у него за Москвою рѣкою, въ Ордын„ской улицѣ у церкви Климента Папы Римскаго, а тотъ дворъ былъ Садовой слободы тяглеца Евти„еея Семенова,—да съ нимъ же Кипріяномъ на томъ дворѣ живетъ братъ его родной Афонасей, „а двора у нихъ даннова и мѣста не давано, а подъ тѣмъ дворомъ земля тяглая, а оброку платятъ „на годъ съ земли по десяти и по двѣнадцати рублевъ. А братъ его Афонасей сказалъ тѣжъ рѣчи, „что и Кипріянъ“ [1].

Само собою разумѣется, что Государевы пѣвчіе дьяки могли имѣть собственные дома и дворы только тогда, когда получали ихъ по наслѣдству, или пріобрѣтали покупкою. Немногіе изъ нихъ могли признать Москву своею родиною; не многіе также являлись въ Москву съ достаточными денежными средствами. Большая часть Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ приходила въ Москву изъ разныхъ, болѣе или менѣе, отдаленныхъ мѣстъ, и притомъ съ крайне ограниченнымъ достаткомъ. Такіе пѣвчіе, по издавна заведенному порядку, [2] получали для жительства своего или порожее дворовое мѣсто или совсѣмъ готовый дворъ и домъ [3].

На данномъ дворовомъ мѣстѣ, которое ничѣмъ не было занято и лежало пустыремъ, Государевы пѣвчіе дьяки строили дома единственно на собственныя средства, или съ небольшимъ пособіемъ отъ государевой казны. Государевъ пѣвчій дьякъ Владиміръ Голутвинецъ получилъ порожее дворовое мѣсто на Знаменкѣ у церкви Саввы Стратилата, въ длину 10 сажень, въ ширину семь сажень, и построилъ на немъ всякое хоромное строенье, а на строенье то ему ни откуды не давано. Напротивъ того пѣвчій дьякъ Савва Крутицкій, получивъ тамъ же порожее дворовое мѣсто, въ длину 10 сажень, въ ширину полшесты сажени, получилъ еще на хоромное строенье изъ государевы казны пятнадцать рублей. [4] Въ 1692 г. пѣвчему дьяку Ивану Григорьеву на дворовую покупку выдано было изъ Мастерскіе Палаты въ приказъ денегъ пятьдесятъ рублевъ [5].

---

[1] Арх. М. О. П. Столбц. 1678 г.

[2] Лѣта 7186 Великій Государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ выписать въ Приказѣ Большаго Дворца со 135 по нынѣшній 186 г. его Государевыхъ пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ при дѣдѣ его Государевѣ блаженные памяти Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и при отцѣ его блаженные памяти при великомъ Государѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, кто именно были, и дворы имъ и дворовыя мѣста и на дворы деньгами изъ Приказу Большаго Дворца кому именно даваны? Арх. М. О. П. Столбц. 1678 г.

[3] Данные дворы находились въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Москвы: одинъ—за Никитскими воротами у Спиридонія на Козьемъ болотѣ; одинъ—въ Бронной слободѣ; шесть—между Смоленской и Никитской улицъ у двора боярина Никиты Ивановича Романова, т.-е. на нынѣшнемъ Никитскомъ бульварѣ; три—на Знаменкѣ у церкви Саввы Стратилата; два—за Боровицкимъ мостомъ противъ Лебетчикова (Лебяжья) двора, т.-е. въ нынѣшнемъ Лебяжьемъ переулкѣ; три—въ нынѣшнемъ Охотномъ ряду т.-е. за Неглинскими воротами, за мучнымъ рядомъ или на Тверской у Житнова ряду; пять—въ Китаѣ, у Москворѣцкихъ воротъ, у церкви Николая Чудотворца Мокрова, т.-е. близъ нынѣшняго Москворѣцкаго моста; одинъ—въ Китаѣ у церкви Всемилостиваго Спаса Смоленскова; одинъ—въ Бѣломъ городѣ у Всесвятскихъ воротъ; два—въ Бѣломъ городѣ, у Каменнаго моста въ Оптекарскомъ переулкѣ; одинъ—за Каменнымъ мостомъ у церкви Николая Чудотворца т.-е. на нынѣшней Берсеневкѣ. Арх. М. О. П. Столбц. 1678 и 1657 г.

[4] Тамъ же.

[5] Арх. М. О. П. 1692 г.

Готовые дома для Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ находилися въ вѣдѣніи Приказа Большаго Дворца и Приказа Тайныхъ дѣлъ. Они были старые и новые. Старые дворы оставались послѣ пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ; эти дворы, вѣроятно, не отличались особенною прочностію. Пѣвчему дьяку Елисею Гаврилову въ 1658 г. дали дворъ послѣ пѣвчевожъ дьяка Ивана Конюховскаго и въ слѣдующемъ году тотъ же пѣвчій дьякъ просилъ и получилъ во владѣніе домъ пѣвчаго Василія Аристова [1]. Покупка готовыхъ домовъ для пѣвчихъ дьяковъ производилась Приказомъ тайныхъ дѣлъ, большею частію по низкой, а иногда и по довольно высокой цѣнѣ. Для пѣвчаго дьяка Ѳеодора Прокофьева купленъ дворъ въ Китаѣ у Москворѣцкаго моста, у церкви Николая чудотворца Мокрова, у переводчика Василья Баумина за двѣстѣ рублевъ [2]. Дворы, данные Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ были не очень обширны, отъ 25 до 70 кв. саженъ. Понятно, что на такомъ ограниченномъ пространствѣ не могло быть значительныхъ построекъ. Дворъ пѣвчаго дьяка Димитрія Ростовца, находившійся за Боровицкимъ мостомъ противъ Лебяжья двора, имѣлъ въ длину и ширину по шести саженъ, а на томъ дворѣ хоромнаго сроенья—изба съ сѣньми. Въ каждомъ данномъ домѣ обыкновенно помѣщался одинъ Государевъ пѣвчій дьякъ: но бывали примѣры, что временное владѣніе однимъ домомъ предоставлялось двумъ и тремъ пѣвчимъ дьякамъ вмѣстѣ. Пѣвчіе дьяки Самойло Ивановъ, да Денисъ Перьфильевъ въ 1671 г. показали: „дворъ у нихъ въ Китаѣ у „Москворѣцкихъ воротъ, что бывалъ пѣвчево дьяка Микиты Нестерова, мѣрою въ длину и ширину „по пяти саженъ, данъ имъ въ 183 г., и тотъ дворъ у нихъ сгорѣлъ, и они, послѣ пожару, пост„роили себѣ разные хоромы на томъ же мѣстѣ“. Такимъ образомъ помѣщеніе двухъ пѣвчихъ дьяковъ въ одномъ домѣ оказалось мало удобнымъ, и разрѣшалось на практикѣ, не смотря на тѣсноту двора, болѣе разорительнымъ, но вмѣстѣ и болѣе легкимъ способомъ. Передача домовъ отъ одного пѣвчаго къ другому, не только по смерти, но даже еще при жизни стараго владѣльца, составляла очень обыкновенное явленіе въ XVII в.—У пѣвчаго дьяка Тихона Артемьева „былъ данный дворъ „въ Китаѣ у Николая Мокрова, и тотъ дворъ, по указу Великаго Государя, у него взятъ и отданъ „церкви Нерукотвореннаго Спасова Образа, что у него Великаго Государя въ верху, дьякону Якову“ [3].

Временные владѣльцы не имѣли права продавать данный домъ и закладывать его. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ пѣвчіе дьяки распоряжались даннымъ домомъ, какъ полные хозяева-собственники, заботились объ улучшеніи и поддержкѣ своего жилища, производили въ немъ необходимые перемѣны и исправленія, пользуясь иногда небольшимъ пособіемъ отъ царской казны. Въ 1680 г. „Великій Государь указалъ Собора Спаса Нерукотвореннаго Образа да церкви Преподобномученицы „Евдокѣи и Іоанна Бѣлоградскаго, что у него въ верху Протопопу, священникомъ и дьякономъ и „крестовымъ и пѣвчимъ дьякомъ 74 человѣкомъ изъ приказу каменныхъ дѣлъ дать своего Госуда„рева жалованья кирпичу пѣвчимъ дьякомъ по 500 кирпичей человѣку, а деньги за тотъ кирпичь „указалъ изъ приказу своей мастерской палаты въ приказъ каменныхъ дѣлъ взять по своей Госу„дареве цѣнѣ, по 26 алтынъ по 4 деньги, т. е. по 1 р. 80 к.“ [4]. Послѣ пожаровъ, которые въ XVII в. были очень нерѣдки въ Москвѣ, пѣвчіе дьяки, лишившіеся даннаго дома, на мѣстѣ его строили себѣ новое жилье на собственныя деньги. Государевъ пѣвчій дьякъ Ѳеодоръ Ростовецъ имѣлъ дворъ у Москворѣцкихъ воротъ, въ Китаѣ, у церкви Николая чудотворца Мокрова, длиною 10 сажень, поперегъ 7 сажень, и, когда на томъ дворѣ хоромное строеніе сгорѣло, онъ на томъ же дворѣ построилъ себѣ иные хоромы, а денегъ ему на то хоромное строенье ничего недано [5]. Всѣ затраты пѣвчихъ дьяковъ на свое временное жилище легко могутъ быть объяснены современнымъ обычаемъ и строемъ жизни, а также и тѣмъ, что пѣвчіе дьяки получали отъ царской казны опредѣленное жалованье, на которое въ этомъ случаѣ можно смотрѣть не какъ на плату за трудъ и время, но какъ на необходимое, постоянное пособіе въ жизни.

---

[1] Арх. М. О. П. Столбц. 1659 г.
[2] Там. Столбц. 1677 г.
[3] Там. Столбц. 1678 г. 1657 г.
[4] Там. Столбц. 1680 г.
[5] Арх. М. О. П. Столбц. 1678 г.

2. Суммы которыя выдавались Государевымъ пѣвчимъ дякамъ, составляли жалованье окладное, хлѣбное и славленое. Въ 1671 г. Государь Царь Алексѣй Михайловичь указалъ пѣвчему дьяку Прокофью Никитину быть въ 3-ей станицѣ въ путникахъ и въ годовомъ денежномъ, и въ хлѣбномъ жалованьи, и въ славленыхъ деньгахъ въ Приказѣ большаго дворца, въ книгахъ, справить противъ ево братьи [1].

Годовое денежное жалованье, или денежный окладъ, выдавался Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ изъ казеннаго приказу, въ разныхъ размѣрахъ, соотвѣтственно станицѣ и значенію пѣвчаго въ станицѣ. Пѣвчіе дьяки первой станицы получали большее денежное жалованье, а пѣвчіе дьяки послѣдней станицы — меньшее. Количество большаго и меньшаго жалованья въ XVII в. также было различно. Въ 1659 г. бо́льшій окладъ не превышалъ 6 р., а мѣньшій—3 р. [2]; но, въ продолженіе всего полувѣка постоянно и постепенно возвышаясь, въ 1701 г. бо́льшій денежный окладъ достигъ до 100 р., и мѣньшій до 28 р. [3].

Хлѣбное жалованье первоначально состояло изъ опредѣленнаго количества ржи и овса. Но въ 1682 г. состоялось повелѣніе выдавать пѣвчимъ дьякамъ за хлѣбъ деньгами. Эти деньги назывались иногда кормовыми и выдавались по окончаніи года [4]. Въ 1683 г. крестовымъ пѣвчимъ дьякамъ и псаломщикамъ, по новому положенію, роздано было кормовыхъ денегъ 271 р. 9 алт. 1½ деньги [5].

Славленныя деньги собирались Государевыми пѣвчими дьяками въ праздники Рождества Христова и Пасхи. На канунѣ Рождества Христова Государевы пѣвчіе дьяки приходили къ Государю Царю, часу въ 3-емъ ночи, вмѣстѣ съ Патріаршими пѣвчими дьяками, и Государь жаловалъ ихъ питьемъ ковшами. На другой день Пасхи пѣвчіе дьяки приходили къ Царю, вмѣстѣ съ причтами придворныхъ храмовъ, и послѣ славленья, Государь жаловалъ къ рукѣ и яйцы и уставщиковъ, и пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ [6]. Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвчіе дьяки получали славленое. Въ первую половину XVII в. каждый пѣвчій получилъ славленое особо и въ количествѣ, которое соразмѣрялось съ бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ въ пѣніи. „Царь давалъ имъ иногда по 5 р. человѣку, а иногда по полтинѣ, и сверхъ того жалованья иному даже изъ собственныхъ рукъ рубль или два, если какой вспѣвакъ особенно отличался“ [7]. Въ послѣдствіи дача славленаго по рукамъ замѣнена была постоянною и опредѣленною выдачею славленыхъ денегъ изъ Приказу большаго дворца [8]. Въ 1681 г. Генваря 3 дня Стрянчій съ ключомъ Михайла Тимоѳеевичь Лихачевъ взялъ четыре рубля шестнадцать алтынъ и четыре деньги, т. е. 4 р. 50 к., и отнесъ въ хоромы Великаго Государя, и сказалъ тѣ деньги пожаловалъ Великій Государь пѣвчимъ дьякамъ за славленье записать [9]. Послѣ Государя царя, пѣвчіе его ходили славить Христа къ царицѣ, царевичамъ, царевнамъ и къ Патріарху: отвсюду выдавались имъ славленыя деньги, которыя съ точностію записывались въ расходныхъ книгахъ. Въ 1697 г. „26 Декабря послѣ Литургіи благовѣрная „государыня Царица великая княгиня Прасковья Ѳеодоровна выдала славленнаго уставщику Ѳедоту „Ухтомскому одинъ рубль, пѣвчимъ дьякамъ 2 р. 16 алт. 4 деньги, крестовымъ дьякамъ одинъ „рубль пятьдесять копѣекъ [10]. Въ 1635 г. Патріархъ выдалъ Государевымъ Царевымъ пѣвчимъ дьякамъ первой станицѣ Степану Савину и второй станицѣ Ивану Конюховскому съ товарищи по 2 р. на станицу; третьей станицѣ Митрофану Моусееву и четвертой станицы Матѳѣю Никонову съ товарищи по пятидесяти копѣекъ на станицу; пятой станицы Степану Иванову и шестой станицы

---

[1] Там. Столбц. 1671 г.
[2] Там. Столбц. 1659 г.
[3] М. О. П. Арх. Мастерской Пататы кн. 310.
[4] Арх. М. О. П. Столбц. 1682. 1683 г. 1688 г.
[5] Там. Столбц. 1683 г.
[6] Дворц. Разр. т. III, стр. 705 и 1317.
[7] Забѣлина. Домашній бытъ Русскаго народа. М. 1862 г. т. 1, стр. 308.
[8] Арх. М. О. П. Столбц. 1671 г. 1683 г. 1684 г.
[9] Там. Столбц. 1681 г.
[10] Расходная книга Патріарш. Каз. Приказа на 206 г. въ Арх. Мин. Юст. № 170, л. 180.

Матюшкѣ Ильину съ товарищи по десяти алтынъ т. е. по 30 к. на станицу [1]. Кромѣ того Государь назначалъ своимъ пѣвчимъ дьякамъ славить Христа у дьяковъ, служившихъ въ разныхъ современныхъ приказахъ. „Въ 1677 г. нѣкоторые изъ дьяковъ не пустили было къ себѣ Государевыхъ „славельщиковъ; по этому случаю велѣло было сказать имъ, что они учинили то дуростію своею „не гораздо, и такого безстрашія никогда не бывало, что его Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, „которые отъ него Великаго Государя славить ѣздятъ, на дворы къ себѣ не пущать; и за „такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно, и никакихъ почестей „и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать. А буде кто, чрезъ сей его Госу„даревъ указъ объявится въ самомъ маломъ взяткѣ, или корысти, и имъ за то быти въ наказаньи“ [2]. Попеченія о числѣ мѣстъ, гдѣ бы могли славить Государевы пѣвчіе дьяки, а равно и о количествѣ выдаваемаго имъ славленнаго не прекращались и не оставались безплодными и въ послѣдующія ближайшія времена.

3. Одежда Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, по устройству своему, а также по матеріаламъ, изъ которыхъ она изготовлялась, имѣла весьма замѣтное однообразіе, такъ что составляла какъ бы опредѣленную форму для всѣхъ пѣвчихъ дьяковъ, служившихъ при царскомъ дворѣ. Государевы пѣвчіе дьяки, кромѣ бѣлья, постельнаго прибора и сапоговъ, [3] получали платье прихожее, ходильное, доброе и проѣзжее.

Платье прихожее выдавалось пѣвчему изъ Мастерской палаты немедленно по вступленіи его въ Государевы пѣвчіе. Оно состояло изъ четырехъ кафтановъ, шапки, рукавицъ и суконныхъ аглицкихъ штановъ. [4]

Одна пара кафтановъ (однорядокъ) была верхнею, а другая исподнею. Верхніе кафтаны были суконные, одинъ подкармазиновый съ бѣличьимъ хребтовымъ исподомъ и шестью серебряными, иногда вызолоченными, пуговицами, — другой — суконный аглицкій съ русачьимъ исподомъ. Исподніе кафтаны были матерчатые: тафтяный съ шестью серебряными пуговицами, и киндячный съ пуговицами шелковыми.

Шапка и рукавицы дѣлались изъ сукна; на шапку нашивался соболь, — а рукавицы были съ песцовымъ исподомъ и бобровою по краямъ опушкою.

Все прихожее платье обходилось, по тогдашнему, въ 20 р. и выдавалось или въ готовомъ видѣ т. е. уже сшитымъ, или въ туже цѣну одними матеріалами. [5]

Платье ходильное или носильное выдавалось обыкновенно для ежедневнаго употребленія. Оно состояло изъ однорядки, двухъ ферезей, двухъ кафтановъ, штановъ, шапки и рукавицъ. [6]

Ходильная однорядка изготовлялась изъ сукна вишневаго или полукармазина, съ хомзянною нашивкою, серебряннными пуговицами и подпушкою изъ дорогъ (матеріи).

Ходильныя ферязи, холодная и теплая, были изъ киндяка. Холодная ферязь — съ шелковыми нашивками, подкладывалась крашениною. Теплая ферязь, съ шелковыми завязками, подкладывалась мѣхомъ, или просто русачьимъ (заячьимъ), или бѣлымъ хребтовымъ съ черевьими рукавами и бобровою выпушкою.

Кафтаны, которые иначе назывались зипуномъ или полукафтаньемъ, холодный и теплый, дѣлались изъ дорогъ съ пуговицами, обшитыми золотомъ. Теплый дорогильный кафтанъ, кармази-

---

[1] Расходн. кн. П. К. Прик. на 144 г. въ Арх. Мин. Юст. № 9, л. 123. Тоже количество славленаго патріархъ выдалъ Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ въ 1639 и 1640 г. Расх. кн. П. К. П. на 148 и 149 г. въ Арх. М. Юст. № 12, л. 133, 456.

[2] Забѣлина. Домашній бытъ Русскаго народа. М. 1862 г. т. 1, стр. 308, 309.

[3] Арх. М. О. П. Столбц. 1677 г. рубашки и порты; 1659 г. тюшаки; 1681 г. сафьянные сапоги,—1679 г. сафьянъ на сапоги,—1677 г. деньги на сапоги.

[4] Роспись прихожаго платья и описаніе его можно видѣть въ Арх. М. О. П. Столбц. 1682 г. 1683 г. 1687 г.

[5] Тамже.

[6] Роспись ходильному платью можно видѣть въ Арх. М. О. П. Столбц. 1668 г. 1670 г.

новаго цвѣту, настилался, не очень впрочемъ густо (¼ ф.), хлопчатою бумагою, подкладывался крашенною съ выпушкою изъ кендяка.

Штаны изготовлялись изъ аглицкаго сукна, багрецоваго или краснаго цвѣта.

Шапка ходильная была суконная, съ бобровымъ или соболинымъ окóломъ и камчатною тульею.

Рукавицы были теплыя. Они дѣлались изъ сукна, съ лисьими исподами и бобровыми обочинами.

Все ходильное платье обходилось обыкновенно въ 17 рублей и 19 алтынъ, т. е. въ 17 р. 57 коп. [1]

Доброе платье выдавалось Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ для употребленія его въ праздничные и торжественные дни. Пѣвчіе дьяки надѣвали его только въ господскіе праздники и въ государскіе имянины. [2] Доброе платье состояло изъ однорядки, двухъ ферезей, двухъ полукафтаньевъ и шапки.

Добрая однорядка строилась изъ сукна вишнéваго или свѣтловишневаго, кармазина добраго. Она имѣла завязки (плетешекъ) шелковыя, въ столбцахъ и въ кистяхъ золото; тафтяную нашивку (торочекъ), 14 пуговицъ серебряныхъ, золоченыхъ или съ финифты; обшита была 12 арш. золотнаго галуна, подпушивалась камчаткою, зеленою камкою или атласомъ.

Добрыя ферязи — холодная и теплая — изготовлялись изъ кармазиновыхъ. Исподы теплой ферязи — бѣльи хребтовые съ пухи. У обѣихъ ферязей — завязки шелковыя и кисти шелковыя съ золотомъ, около шеи — плетешокъ золотной, подкладка крашенинная.

Полукафтанье доброе, или иначе кафтанъ, изъ камчатки (камки кармазинъ), тафты и атласа, подкладывалось крашениною или кендякомъ, подпушивалось дорóгами или тафтою, обшивалось 12 арш. галуна — золото съ серебромъ и узлами — снурокъ золотной, съ пуговицами или серебряными или обшивными золотомъ.

Бархатная червчатая шапка имѣла окóлы собольи, въ подборѣ пупки, тульи дорогильные.

Все устройство праздничнаго платья съ матеріаломъ и работою обходилось въ 23 и 24 тогдашнихъ рубля. [3]

Проѣзжее или походное платье устроялось Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ для путешествій съ царемъ, довольно частыхъ въ XVII в. Царскіе походы, или объѣзды, лѣтніе и зимніе были близкіе и дальніе. Къ близкимъ походамъ должно отнести походы въ село Коломенское и на Воробьевы горы. Въ 1675 г. 8 Іюля, Великій Государь праздновалъ Пречистой Богородицѣ Казанской въ селѣ Коломенскомъ, а 27 Августа слушалъ обѣдню на Воробьевой горѣ въ полотняной церкви, и въ оба эти дня пѣли пѣвчіе Великаго Государя, на оба клироса. [4] Дальніе походы совершались Государями царями въ Переславль, Колязинъ, Кашинъ, Соловецкій монастырь, въ Азовъ, Дербентъ и на Воронежъ. [5] Но чаще всего царскіе походы предпринимались въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Во всѣхъ этихъ походахъ участвовали и пѣвчіе дьяки, въ количествѣ 12 и 25 человѣкъ. Нѣкоторые изъ Троицкихъ походовъ начинались торжественнымъ всеобщимъ выѣздомъ. Въ 1680 г. 21 Сентября царь Ѳедоръ Алексѣевичъ предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Троицкій монастырь ходилъ на молитву въ Успенскій соборъ.„ А съ его Государева двора въ то „время ѣхали Кремлемъ въ Спасскія ворота уставщикъ Павелъ Михайловъ, за нимъ пѣвчихъ „дьяковъ 10 человѣкъ по 3 чело„вѣка въ рядъ въ Греческомъ платьѣ; за тѣмъ везли крестовый возокъ; за возкомъ ѣхали пѣвчіежъ „дьяки Осипъ, Сѣдой съ товарищи; за нимъ ѣхали пѣвчіе по 2 человѣка въ рядъ, въ греческомъ „платьѣ; за ними ѣхали Спасскаго собора Нерукотворенаго Образа. что у него, Великаго Госу„даря вверху, протопопъ Иванъ Лазаревъ, тогожъ собора священники и дьяконы въ каретѣ, а за ка-

---

[1] Арх. М. О. П. Столбц. 1668 г.

[2] Арх. М. О. П. Столбцы 1672.

[3] Подробная роспись праздничнаго платья, а равно и самаго устройства его можно видѣть въ Арх. М. О. П. Столбцы 1632 г. 1659 г. 1661 г. 1664 г. 1670 г. 1671 г. 1672 г. 1680 г. 1684 г.

[4] Дв. Разр. Т. 111. стр. 1519 и 1622.

[5] Арх. М. О. П. Столб. 1684 г. Колязинскій объѣздъ, пѣвчихъ 12 человѣкъ; 1677 г. Кашинскій объѣздъ, пѣвчихъ 25 человѣкъ; 1690 г. Переславскій походъ; 1699 г. Азовскій походъ; 1684 г. 1688 г. Троицкіе походы; Арх. Мастерской палаты кн. 310, Походъ на Воронежъ, пѣвчихъ 13 человѣкъ.

„ретою пѣвчихъ три человѣка.“ [1] По случаю походовъ, пѣвчимъ дьякамъ выдавались на дорогу деньги [2] и дорожное платье, которое въ сохранившихся записяхъ извѣстно подъ именемъ платья проѣзжаго или на проѣздъ. Оно состояло изъ доломана, курты да полкурты, епанчи, кафтана и рукавицъ [3].

Доломанъ проѣзжій строился изъ аглицкаго вишневаго сукна полукармазину; къ нему пришивались обшивныя шелковыя пуговицы съ золотомъ, а также шелковые нашивки изъ золота. Вмѣсто доломана дѣлалась иногда курта изъ сукна кармазинъ, съ петлями изъ золотнаго снурка и съ серебряными пуговицами; подпушка ея была изъ дорогъ, и обшивка изъ шелковаго снурка.

Епанча лѣтняя, изъ сукна, голубаго или лазореваго цвѣту съ шелковыми изъ золота нашивками, подбивалась байковыми сорочками и обшивалась шелковымъ снуркомъ или галуномъ. Зимняя епанча была бумазейная съ мерлущатыми исподы.

Кафтанъ проѣзжій бывалъ также холодный и теплый. Холодный кафтанъ, изъ аглицкаго сукна, подпушивался тафтою (сорочкою съ сукопъ). Теплый кафтанъ, бумазейный, на овчинкахъ, опушивался лисицею.

Рукавицы для зимнихъ походовъ выдавались теплыя, суконныя, исподы лисьи, опушены обочинами бобровыми.

Всѣ разные виды платья выдавались пѣвчимъ или уже готовые, сшитые, или только въ матеріалѣ. Въ послѣднемъ случаѣ къ матеріалу на то или другое платье прилагались деньги, какіе слѣдовало уплатить за все шитье или изготовленіе платья. Въ 1684 г. „велѣно дать Великихъ Госу„дарей жалованья къ празднику къ свѣтлому Христову Воскресенію пѣвчимъ дьякомъ Семену Жу„равскому, Димитрію Яповскому и Захарію Гламадзинскому по кафтану объярпиному со всѣми „приклады. И потому указу тѣмъ пѣвчимъ дьякомъ на тѣ кафтаны объяри и съ приклады дано „все не дѣлано. Велѣно имъ дать на дѣло по рублю, по шести алтынъ, по четырѣ деньги чело„вѣку; итого три рубли двадцать алтынъ.“ [4]

Сроки для каждаго платья сообразовались съ болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ его. Ходильное платье должно было служить два года, а праздничное — четыре года. Практика вполнѣ оправдывала удовлетворительное положеніе сроковъ. Многіе пѣвчіе, по миновапіи сроковъ, часто вовсе небрали новаго платья или брали его не вполнѣ, и за то получали или деньги или другіе товары. Въ 1688 г. пѣвчій дьякъ Димитрій Тверитинъ, вмѣсто платья цѣною въ 17 р. взялъ 4 аршина сукна вишневаго, 4 аршина кармазину коричневаго цвѣта, 4 аршина сукна аглицкаго зеленаго, одинъ аршинъ сукна полукармазину червчатаго и 20 аршинъ узкой выбойки кизылбашскаго привозу. [5] Довольно рѣдки примѣры того, когда пѣвчіе поставлены были въ необходимость говорить, что они одеженкою обносились и выбрести имъ стало невчемъ. [6] Въ такомъ случаѣ не-рѣдко старое платье для пѣвчихъ чинили, разставляли и подставляли. [7]

Главнымъ пособіемъ къ содержанію одежды въ должномъ порядкѣ служили пѣвчимъ, такъ называемыя, годовыя сукна. Годовое сукно выдавалось пѣвчимъ дьякамъ съ казеннаго двора погодно или по все годы. Оно было аглицкое разныхъ цвѣтовъ, смотря потому какіе были въ привозѣ, и при выдачѣ раздѣлялось на большую и меньшую статью. Выдача по бо̀льшей, или первой, статьѣ состояла изъ сукна мѣрою пять аршинъ и цѣною въ пять рублей и производилась пѣвчимъ дьякамъ только первыхъ двухъ станицъ. Дача по меньшей, или второй, статьѣ состояла изъ сукна цѣною въ три рубля и производилась пѣвчимъ дьякамъ всѣхъ остальныхъ станицъ. На казенномъ

---

[1] Дворц. Разряды Т. IV. стр. 179.

[2] Арх. М. О. П. Столбц. 1684 г.

[3] Роспись проѣзжаго платья, а равно и подробное описаніе его можно видѣть въ Арх. М. О. П. Столбц. 1659. 1661 г. 1668 г. 1670 г.

[4] Там. Столбц. 1684 г.

[5] Там. Столбц. 1668 г. ДД. 839.

[6] Арх. М. О. П. Столбц. 1677 г. 1670 г. 1672 г.

[7] Там. Столбц. 1660 г. 1687 г.

дворѣ не всегда впрочемъ бывали сукна въ данную цѣну, и тогда, вмѣсто годоваго сукна, пѣвчіе дьяки получали или деньги, или другіе товары. Въ 1687 г. выдано было 57-ми Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, вмѣсто годовыхъ суконъ, деньгами 207 рублей. [1] При выдачѣ суконъ на 1690 г. оказалось, что суконъ кармазиновъ по рублю аршинъ и англинскихъ по 20 алтынъ аршинъ не-прислано, и что въ предшествовавшіе годы, когда суконъ по одному рублю аршинъ въ указное число у Архангельскаго города не было куплено, выдавались пѣвчимъ дьякамъ другіе товары. Поэтому сдѣлано было распоряженіе всѣмъ 67-ми пѣвчимъ дьякамъ „давать за пятирублевые „сукна кармазины и полукармазины, которые въ присылкѣ, по 1 р. 6 алт. 4 деньги, и полукарма-„зины, которые по шести алтынъ четыре деньги по рублю аршинъ, англинскіе по 20 алтынъ, ан-„бурскіе по 13 алтынъ 2 деньги аршинъ, а по приходной цѣнѣ и свыше вышеписанной цѣны, что „указано давать, никому излишняго не давать для того, что суконъ кармазиновъ и англинскихъ въ „ту цѣну въ приходѣ въ 198 г. нѣтъ“ [2].

4. Независимо отъ того содержанія, какое Государевы пѣвчіе дьяки получали какъ бы по штату, въ самомъ опредѣленномъ количествѣ, они весьма часто имѣли случай пользоваться отъ царя содержаніемъ приказнымъ, т.-е. такимъ, которое назначалось единовременно, въ приказъ, или, что тоже, въ видѣ награды. Въ 1683 г. „Великіе Государи указали дать пѣвчему дьяку Ларіону Бур-„мистрову въ приказъ 10 аршинъ камки жаркой, а иному никому та дача невобразецъ“ [3]. Такіе подарки или награды невобразецъ бывали для пѣвчихъ дьяковъ не рѣдки. Въ 1678 г. Царь „Ѳедоръ Алексѣевичъ пожаловалъ пѣвчаго дьяка Никифора Симонова, велѣлъ ему дать изъ своей „Великаго Государя сѣдельной казны сѣдло съ войлоки“ [4].

Различныя царскія награды, раздававшіяся пѣвчимъ дьякамъ, всегда имѣли какой-либо поводъ, въ связи съ которымъ самыя награды дѣлались для пѣвчаго дьяка болѣе памятными и дорогими. Современный строй жизни представлялъ не мало поводовъ къ наградамъ. Они заключались въ событіяхъ, относившихся къ царскому двору, или къ дѣламъ и судьбѣ самихъ пѣвчихъ дьяковъ.

Въ XVII вѣкѣ, при царскомъ дворѣ часто совершались различныя торжества то радостныя, то печальныя, какъ напр. рожденіе, крещеніе или погребеніе особъ царскаго семейства. Государевы пѣвчіе дьяки въ этихъ случаяхъ являлись участниками царскаго торжества собственно со стороны церковно-обрядовой. Многія части этой стороны выходили за предѣлы прямыхъ обязанностей пѣв-чаго дьяка, и потому давали Царю поводъ наградить своихъ пѣвчихъ, выдать имъ подарокъ въ при-казъ, а не въ окладъ, т.-е. не въ счетъ окладнаго опредѣленнаго жалованья. По кончинѣ Государей царей и прочихъ лицъ царскаго семейства, Государевы пѣвчіе дьяки, вмѣстѣ съ дьяками крестовыми, въ продолженіе 40 дней читали Псалтирь или въ Архангельскомъ Соборѣ, или въ главномъ храмѣ Вознесенскаго монастыря. Храмы эти были въ то время холодные, и потому Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ устроялись шубы [5]. По прошествіи же 40 дней всѣ пѣвчіе дьяки получали приличныя денежныя награды. „Въ 1678 г. Іюля 30 дня, по указу Великаго Государя Царя и Великаго „князя Ѳеодора Алексѣевича, въ ево Великаго Государя мастерскую палату изъ Приказу большаго „дворца взято 350 рублевъ, и августа въ 1-й день тѣ деньги 350 рублевъ, да къ онымъ деньгамъ „24 рубли изъ Мастерскіе палаты, взялъ и отнесъ Великаго Государя въ хоромы постельничій Иванъ „Максимовичъ Языковъ, а сказалъ, что они розданы Великаго Государя жалованья за говоренье „Псалтири уставщику и крестовымъ и пѣвчимъ дьякомъ, которые въ прошломъ 1676 году въ четы-„редесятницу въ соборной церкви Архангела Михаила говорили псалтирь по отцѣ ево государеве

---

[1] Тамъ же, въ А. О. П. Столбц. 1687 г.

[2] Там. Столбц. 1690 г.

[3] Тах. Столбц. 1683 г.

[4] Арх. М. О. П. Столбц. 1678 г.

[5] 1679 г. Февраля въ 8 день Государь Царь и Вел. князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ сдѣлать на Казенномъ дворѣ своимъ Государевымъ пѣвчимъ дьякомъ шубу въ сукнѣ темнозеленомъ аглинскомъ, исподъ песцовой, въ чемъ говорить Псалтирь блаженныя памяти по Великой Государынѣ Царевнѣ и Вел. Княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Арх. М. О. П. Столбц. 1679 г.

„блаженныя памяти по Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“ [1]. Царь, немедленно по кончинѣ каждаго патріарха, своего отца и богомольца, имѣлъ обычай посылать первую и вторую станицу, т.-е. лучшихъ своихъ пѣвчихъ на выносъ и отпѣваніе патріарха. Этимъ оказывался послѣдній долгъ почтенія и уваженія къ почившему іерарху русской церкви. Пѣвчіе же Государевы въ этомъ случаѣ удостоивались получать награду, источникомъ которой служила казна, остававшаяся послѣ патріарха. На выносѣ тѣла патріарха Іоасафа 29 нояб. 1640 г. была первая станица Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и получила 1 р. 50 к.; на погребеніе того же патріарха, 3 декабря 1640 г., были двѣ станицы Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и получили первая станица три рубля, а вторая два рубля пятьдесятъ копѣекъ [2]. Всѣ подобныя награды выдавались, какъ бы должныя вознагражденія, за частную службу Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и представлялись тогда столь естественными, что сами пѣвчіе дьяки осмѣливались просить о нихъ. Въ челобитной 1650 г. къ Государю Царю пѣвчіе писали: „какъ Богъ даровалъ Царевича князя Дмитрія Алексѣевича и „намъ за крещеніе дано противъ прежнихъ дачь, пожалуй и нынѣ насъ для своего многолѣтнаго „здравія и для царевны Евдокѣи Алексѣевны за крещеніе, какъ тебѣ Богъ извѣститъ“ [3].

Такимъ образомъ ни одинъ трудъ пѣвчаго дьяка, не имѣвшій, повидимому, прямой связи съ исполненіемъ богослужебнаго пѣнія въ придворныхъ храмахъ, не оставался безъ награды отъ Царя. Примѣры этого, въ разныхъ видахъ, принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ въ XVII в. Въ 1659 г. велѣно было „дать изъ Мастерскіе палаты Государева жалованья ево Государевымъ крес„товымъ и пѣвчимъ дьякамъ за то, что они встрѣчали Образъ Спасовъ, что былъ съ боярин„омъ съ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукова стоварищи; да Образъ Пречистыя Бо„городицы, что былъ на Свейскомъ посольствѣ съ боярином со княземъ Иваномъ Семеновичемъ „Прозоровскимъ стоварищи, и тотъ же Образъ и Образъ Пречистыя Богородицы Владимір„скіе полоцкіе провожали съ Москвы“ [4]. Въ томъ же году Царь Алексѣй Михайловичъ „пожало„валъ пѣвчаго дьяка Ивана Никифорова съ казеннаго двора пять аршинъ тафты для того, что онъ „поднесъ ему св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви праздникъ“ т.-е. праздничную икону [5].

Вмѣстѣ съ симъ Государевы пѣвчіе дьяки пользовались отъ Царя такими наградами, которыя могутъ быть объяснены единственно только царскою милостію. При этомъ не забывались даже ближайшіе родственники пѣвчаго, которые сами лично никогда не принадлежали и не могли принадлежать къ хору пѣвчихъ дьяковъ. Когда братъ пѣвчаго дьяка намѣревался вступить въ бракъ: тогда пѣвчій дьякъ получалъ деньги брату на сватьбу [6]. Также, когда сестра пѣвчаго дьяка выходила замужъ, пѣвчій опять получалъ деньги сестрѣ на приданное [7].

Соединяя всѣ разнообразныя награды по ихъ видамъ, должно признать, что они главнымъ образомъ состояли изъ выдачи приказныхъ денегъ, а также суконъ или приказныхъ, или радостныхъ.

5. Тотъ же самый видъ царской милости, выражавшійся въ разныхъ наградахъ и поощреніяхъ, принималъ по кончинѣ пѣвчаго особенное значеніе царской благотворительности. Вдовы пѣвчаго дьяка, вскорѣ по кончинѣ его получали все заслуженное и еще не принятое имъ денежное и хлѣбное жалованье и годовое сукно [8], а не рѣдко также особыя деньги на необходимые расходы при погребеніи умершаго. Въ 1684 г. на погребеніе пѣвчихъ дьяковъ Луки Алексѣева и Кипріяна Евтихіева дано было государскаго жалованья по десяти рублевъ [9]. Все это дѣлалось, какъ объясняется въ актахъ, женѣ на поминокъ или на прокормленіе семейства для его бѣдности [10].

---

[1] Там. Столбц. 1677 г.
[2] Расходн. кн. Патр. Каз. Прик. па 149 г. въ Арх. Мин. Юст. № 12, л. 602 и 611.
[3] Дано вмѣсто суконъ по 4 р. человѣку. Арх. М. О. П. Столбц. 1650 г.
[4] Там. Столбц. 1659 г.
[5] Тамъ же.
[6] Там. Столбц. 1661 г.
[7] Там. Столбц. 1678 г.
[8] Там. Столбц. 1640 г. 1687 г. 1688 г.
[9] Там. Столбц. 1684 г.
[10] Там. Столбц. 1640 г. 1687 г.

Сироты Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ попеченіемъ власти распредѣлялись по разнымъ мѣстамъ, соотвѣтственно ихъ способностямъ и познаніямъ. Тѣ изъ нихъ, которые умѣли читать и писать, опредѣлялись къ служилымъ мѣстамъ. Такъ напр. сынъ пѣвчаго дьяка Луки Алексѣева, несмотря на то, что былъ еще въ малыхъ лѣтахъ и ни въ какой чинъ не пожалованъ, опредѣленъ былъ въ мастерскую палату, въ молодыя подъячишки [1]. Но какъ грамотность въ то время не особенно была развита, то дѣти пѣвчихъ дьяковъ причислялись только по царскимъ богомольцамъ на полное содержаніе Царя. Сынъ пѣвчаго дьяка Ивана Голутвинца, сирота Сенька Ивановъ въ 1687 г. пожалованъ былъ въ царскіе богомольцы и велѣно было ему быть вверху. Ему дали кожанный тюшакъ, набитый олсньею шерстью, потому что онъ жаловался, что ему постлать и одѣться нечимъ [2].

III. Хоровыя достоинства Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ.

Голосовыя средства пѣвчихъ дьяковъ — Мелодическіе роспѣвы, извѣстные пѣвчимъ дьякамъ.—Знаніе гармоническаго пѣнія.—Духовные стихи и псальмы.—Письмо нотныхъ книгъ.

Хоръ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ XVII в. имѣлъ единственное назначеніе исполнять Богослужебное пѣніе въ храмѣ. Въ каждомъ подобномъ хорѣ естественно обращаютъ на себя вниманіе: голосовыя средства хора, а также опытность его въ знаніи и художественномъ исполненіи богослужебнаго пѣнія.

Голосовыя средства царскаго хора принадлежали къ самымъ отборнымъ и лучшимъ. Государевы пѣвчіе дьяки избирались большею частію уже изъ пѣвчихъ, много времени служившихъ въ другихъ современныхъ хорахъ и прославившихся своимъ голосомъ и знаніемъ церковнаго пѣнія. Хоръ святѣйшаго патріарха не рѣдко уступалъ свои лучшіе голоса хору Государевыхъ пѣвчихъ. Иванъ Конюховскій и Ѳеодоръ Константиновъ, бывшіе первоначально въ средѣ патріаршихъ пѣвчихъ, сдѣлались потомъ пѣвчими Государевыми. Примѣру патріаршаго хора подражали и прочіе хоры русскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, такъ что въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ всегда можно было встрѣтить отборные голоса изъ всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи. Понятно, что до присоединенія послѣднихъ двухъ областей, въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ находились только голоса изъ одной Великой Россіи. Въ это время всѣ значительныя области и города имѣли своихъ родичей въ Государевомъ хорѣ. Государевъ пѣвчій дьякъ Максимъ Аѳанасьевъ происходилъ изъ Сибири и принадлежалъ къ хору Сибирскаго Архіепископа. „Въ прошломъ 169 г., писалъ онъ въ своей челобитной къ „Государю [3], волочился я въ Сибирь, по твоему указу, по женишку и по дѣтишекъ больши года, и „безъ меня моей братьѣ молодымъ пѣвчимъ дьякомъ дѣлано платье ходильное, а я волочася въ Си„бирь, что было денжонокъ и платьишка, и то все изпроѣхалъ и обдолжалъ великими долгами, а „указано было на подъемъ денегъ дать Сибирскому архіепископу Симеону, и мнѣ денегъ не дано „ничего, а пріѣдучи къ Москвѣ четвертой годъ скитаюсь межъ дворъ. Пожалуй, для своего цар„скаго многолѣтнаго здоровья и для ради своего ангела Алексѣя человѣка Божія, вели противъ моей „братьи мнѣ сдѣлать платье для моей скудости.“ Очевидно, что пѣвчій дьякъ Максимъ Аѳанасьевъ обладалъ такимъ голосомъ, который признавался современниками не только совершеннымъ, но и необходимымъ въ хорѣ.

О качествахъ голосовъ въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ современные акты упоминаютъ очень кратко: но и эти свѣдѣнія, при всей своей краткости, становятся довольно ясными, когда они будутъ надлежащимъ образомъ сопоставлены съ самыми нотными книгами, по которымъ Государевы пѣвцы

---

[1] Арх. М. О. П. Столбц. 1784 г.
[2] Там. Столбц. 1687 г.
[3] М. Арх. О. П. Столбцы 1666 г.

исполняли свое пѣніе въ храмѣ. Въ первую и отчасти во вторую половину XVII в. въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ находились уставщики, демественники, вершники, нижники, путники [1]. Названіе уставщика, какъ мы уже видѣли, принадлежало главному или начальному пѣвчему и означало болѣе его обязанность руководить хоръ во время пѣнія; онъ всегда избирался изъ твердыхъ голосовъ, большею частію, баритоновъ. Прочія же названія даны пѣвчимъ дьякамъ отъ ихъ умѣнья пѣть по строчнымъ безлинейно-нотнымъ книгамъ, т.-е. такимъ, гдѣ надъ одною строкою текста находилось двѣ, три, а иногда и болѣе строкъ безлинейныхъ нотныхъ знаковъ. Пѣвчій, исполнявшій верхнюю строку назывался вершникомъ, среднюю путникомъ, а нижнюю нижникомъ. Нерѣдко пѣвчій зналъ только свою строку или голосъ и не могъ пѣть другія строки, а между тѣмъ существовавшій обычай требовалъ, чтобы каждый пѣвчій зналъ всѣ строки, находившіяся въ строчной нотной книгѣ [2]. Такой пѣвчій, который путемъ долгаго изученія и естественной способности своего голоса достигалъ возможности исполнять съ одинаковымъ удобствомъ всѣ три строки и умѣлъ еще пѣть четвертую, извѣстную подъ именемъ демества, назывался, демественникомъ. Демественникъ по этому почитался выше путника, вершника, и нижника: Государевъ пѣвчій дьякъ Евдокимъ Евстратовъ, прослуживъ въ хорѣ 14 лѣтъ, былъ въ 1673 г. путникомъ третьей станицы, и въ слѣдующемъ году пожалованъ былъ въ демественники той же станицы. Въ послѣдней четверти XVII в., когда пѣніе по партесамъ значительно усилилось въ хорѣ и почти вполнѣ замѣнило собою старый видъ строчнаго пѣнія, въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ встрѣчаются названія тѣхъ же голосовъ, какія и доселѣ извѣстны во всякомъ, порядочно устроенномъ церковномъ хорѣ, т.-е. басъ, альтъ, теноръ, дискантъ. Эти голоса первоначально набирались въ Кіевѣ и другихъ южныхъ и юго-западныхъ нынѣшнихъ губерніяхъ, а потому по пре-

---

[1] Государевы пѣвчіе дьяки, носившіе эти названія въ 1673 г., были слѣдующіе: 1-й станицы путникъ Алексѣй Никифоровъ,—нижникъ Кипріанъ Евтихіевъ;—2-й станицы—нижникъ Ѳедоръ Ростовецъ,—вершники—Ѳедоръ Протопоповъ и Елисей Гавриловъ,—путники Тихонъ Артемьевъ и Димитрій Ростовецъ;—3-ей станицы—вершникъ Степанъ Александровъ, демественникъ Савва Архиповъ;—4-й станицы путники—Димитрій Тверитинъ и Артемій Романовъ;—5-й станицы—нижникъ Никита Нестеровъ, путники—Прокопій Никитинъ и Семенъ Кощеевъ. Арх. М. О. П. Столбцы 1674 г.

[2] Это всего яснѣе можно видѣть изъ Показанія пѣвчихъ дьяковъ Преосвященнаго Симона, Архіепископа Вологодскаго и Бѣлоезерскаго. Это Показаніе архіерейскихъ пѣвчихъ, „чему учены они церковнаго трехстрочнаго пѣнія,“ состоитъ въ слѣдующемъ: „р҃од года въ день пѣвчіи диякъ Иванъ Ананинъ сказалъ великому господину преосвященному Симону архіепископу вологоцкому и бѣлоезерскому, чему учен церковнаго трехстрошнаго пенія. Обѣдню Златоустову (в н н), и постную (п н), з задостойники (п н), и обидох строшной (н н), и демественои (н н), и охтаи (п н), и праздники господские (п н), и трезвоны во вес годъ (н н), низ и путь пѣлъ обѣдню демественую (п н), и стихеры евангельские с свѣтильны и з богородичны (п н), и царски стихи, которые у нас в переводахъ есть (п н), и часы царские всѣ трои (н н), канунъ греческой воду прошедъ (п н), катавасію отверзу уста моя (п н), катавасію осмаго гласу море огустѣвая (п н), блаженны на осмь гласовъ (п н), треоди постную и что подяковъ писаны стихи седмичные, что поютъ на мѣре, и яз тѣ пою всѣ низъ и путь. Пѣвчи дьяк тимоѳеі евтропиев сказал чему учен церковному строшному пѣнию: обиход низом и путем, и обѣдню златоустову и з задостойники пою въ обе строки путем и низом, дванадесятные праздники (п н), и трезвоны во вес год (п н), и стихѣры евангельские (п н), с свѣтильны и з богородичны (п н), блаженны на осмь гласов (п н), триоди постную и цветную (п н), октаи воскресны на осмь гласов (п н), обѣдню демественую низ и пут и демество, и постную низ и пут,—понахиду (п н), канун воду прошед, катавасію отверзу уста моя, катавасію море огустѣвая, антифоны от юности моея (н н) славовсловіе (п в н), свѣте тихи (п в н), часы царские трои (н н), и которые царски стихи у нас в переводахъ есть (п н), и то все в двѣ строки пѣлъ низ и пут, каѳизму скорбную низ и путь, пѣхъ псаломъ демественой (п в н), блаженъ мужъ (н в н). Пѣввчей дьякъ Лука Ивановъ сказалъ чему ученъ церковнаго трехстрочному пѣнію обиход в три строки низ верхъ и пут, и обѣдня златоустова в три строки низ верх і пут, обиход посной и обѣдня в три строки низ верх і пут, обѣдня демественая в три строки демество верх і путь, обиходъ демественой во всѣ строки демествомъ, низомъ, верхомъ і путемъ, охтай воскресные въ три строки низ верхъ і путь, празники дванадесятны в три строки низ верх і пут, і трезвоны во вес год в три строки низ верх і путь, кои въ переводахъ есть стихеры евангельские, святыхъ і богородичны в одну строку пѣлъ путь, часы царские трои всѣ верх і пут, канунъ греческой воду прошедъ и катавасію отверзу уста моя, блаженны на осмь гласовъ и треоди посную и цветную верхъ и пут, катавасію осмаго гласу—море огустѣвая верхъ и пут пѣлъ.“ Здѣсь поставленныя въ скобкахъ буквы в н н означаютъ: верхъ, путь, низъ.

имуществу изъ епархіи Новгородскаго Митрополита. Изъ этой епархіи отпущено было въ царскій хоръ въ 1710 г. теноровщиковъ и алтистовъ семь человѣкъ и въ 1713 г. разныхъ голосовъ тоже семь человѣкъ. Частыя требованія голосовъ изъ одной Новгородской епархіи не всегда впрочемъ удовлетворялись вполнѣ. Новгородскій Митрополитъ Іовъ въ 1713 г. писалъ къ уставщику Степану Ивановичу Бѣляеву: „нынѣшняго года, по указу царскаго Величества, велѣно намъ выслать „изъ пѣвчихъ и изъ подъяковъ тенористовъ четырехъ, басистовъ двухъ, алтистовъ двухъ, „дишкантистовъ двухъ человѣкъ: и толикаго многаго числа выслать имъ невозможно, понеже „изъ нихъ иные въ діаконы и въ іереи посвѣщены, а иные померли, и другіе, послѣ бывшаго во „Псковѣ мороваго повѣтрія, посланы на умершихъ мѣста къ тамошнему архіерею, а иные изъ средней и изъ меньшей станицъ подъяки, пользы ради святыя Христовы церкве, упражняются всегда „въ еллино-греческой школѣ уже седмое лѣто, въ наученіи грамматическаго и риторическаго художества; обаче и изъ того числа, изъ пѣвчихъ и подъяковъ, избравъ съ нуждою точію послахъ „седмь человѣкъ, и отписку велѣлъ подать въ Санктпетербургской канцеляріи, а имъ пѣвчимъ и „подъякомъ, съ симъ письмомъ явитися вашей господской милости“ [1]. Нѣкоторые изъ этихъ голосовъ, особенно замѣчательныхъ по своей силѣ или выразительности, обращались въ фамилію своего владѣльца пѣвчаго. Въ 1681 г. въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ находился Леонтій басистый [2].

Хоръ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, при полнотѣ голосовъ, обладалъ совершенно полнымъ знаніемъ современнаго церковнаго пѣнія, въ мелодическомъ и гармоническомъ его видѣ.

Мелодическое богослужебное пѣніе въ XVII в. было довольно разнообразно по своему техническому устройству. Каждый мелодическій видъ извѣстенъ былъ подъ именемъ роспѣва. Такимъ образомъ въ XVII вѣкѣ существовали роспѣвы знаменный, греческій, кіевскій, болгарскій со всѣми ихъ частными подраздѣленіями.

Знаменный, или столповый, роспѣвъ былъ самымъ употребительнымъ роспѣвомъ при церковномъ богослуженіи. Государевы пѣвчіе дьяки знали его первоначально какъ пѣніе раздѣльнорѣчное или хомовое, а потомъ какъ пѣніе истинноръчное, или просто нарѣчное. Въ Московской Оружейной Палатѣ доселѣ хранится нѣсколько безлинейныхъ книгъ знаменнаго роспѣва въ его раздѣльнорѣчномъ и истинноръчномъ видѣ [3]. Эти книги, несомнѣнно бывшія въ церковномъ употребленіи Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ служатъ непрерѣкаемымъ свидѣтельствомъ того, что Государевы пѣвчіе дьяки знали знаменный роспѣвъ во всѣхъ его частныхъ видахъ (большой роспѣвъ, инъ роспѣвъ, инъ переводъ, путь и пр.), и съ одинаковыхъ удобствомъ исполняли безлинейныя ноты, находились ли онѣ надъ раздѣльнорѣчіемъ или истинноръчіемъ, съ помѣтами или безъ помѣтъ, съ признаками или безъ признаковъ.

Демественное пѣніе также извѣстно было Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ въ той мѣрѣ, какъ оно употреблялось тогда въ храмахъ при богослуженіи [4]. Оба эти вида мелодическаго пѣнія, дошедшія къ пѣвчимъ дьякамъ отъ ихъ предковъ, хранились ими какъ святыня.

---

[1] Новгородскій Митрополитъ Іовъ, его жизнь и переписка съ разными лицами. Иларіона Чистовича. Странникъ 1861 г. том. 1 стр. 87 и 109.

[2] Арх. М. О. П. Столбц. 1861 г.

[3] Изъ этихъ книгъ мы укажемъ на слѣдующія: № 52. Нотная книга знаменнаго безлинейнаго пѣнія, 8°, на 269 л., хомо, безъ помѣтъ, съ церковнымъ Уставомъ (л. 194—267), содержащая въ себѣ Ирмологъ л. 6—116н.,— Октоихъ л. 3—5, 117—154, 174—180,—названія знаменъ л. 121н. и 122,—Тріодь л. 154н. 163, 181—184,— Минею Праздничную л. 2. 163—174, 185—192, 268;—№ 30. Нотная книга знаменнаго и путеваго безлинейнаго пѣнія, 8°, на 832 л., содержащая въ себѣ Стихирарь, Тріодь постную и цвѣтную, Октай и пр.

[4] Въ Арх. М. О. П. находится подъ № 55 книга демественнаго пѣнія, безъ помѣтъ, хомо, временъ царя Михаила Ѳеодоровича (л. 143н). Она заключаетъ въ себѣ Стихирарь л. 1—150,—Октай л. 151—177,—Тріодь постную л. 177—264 и Тріодь цвѣтную л. 265—299. На лист. 36 и 37 этой книги говорится, что по окончаніи часовъ въ навечеріе Рождества Христова „избранный діаконъ, ставъ прямо аналогію и творитъ обычное поклоненіе ко „святымъ иконамъ, и обращся ко игумену творить поклоненіе, и вземъ благословеніе отъ игумена и шедъ станетъ „прямо востоку одесную страну аналогія, и чтетъ велегласно тропарь: Днесь раждается отъ Дѣвы, весь до „конца, тожъ славить царя, Многолѣтна. А въ соборней и апостольстей церкви честнало и славнаго ея успѣнія, егда

Нельзя однако же невидѣть, что Государевы пѣвчіе дьяки были не только пѣвцами хранителями древняго пѣнія, но и пѣвцами вполнѣ современными, слѣдившими за современнымъ движеніемъ пѣнія, и усвоявшими себѣ все, что было новаго въ пѣніи, безъ особенныхъ колебаній и упорствъ. Около половины XVII в. появилось не мало роспѣвовъ восточногреческихъ и своихъ родныхъ монастырскихъ.

Государевы пѣвчіе дьяки знали въ совершенствѣ греческій роспѣвъ и нерѣдко употребляли его при богослуженіи вмѣсто стараго знаменнаго роспѣва Въ 1702. г. пѣвчіе дьяки, вмѣстѣ съ своимъ Государемъ, находились въ Соловецкомъ монастырѣ и, наканунѣ праздника въ честь славнаго Успенія Божіей Матери (14 авг.), исполняли пѣніе во время всенощнаго бдѣнія: „пѣніе все было греческаго роспѣва," замѣтилъ при этомъ Лѣтописецъ [1].

Кіевскій роспѣвъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ Великой Россіи одновременно съ греческимъ роспѣвомъ, усвоенъ былъ Государевыми пѣвчими, какъ древняя русская святыня, и также исполнялся ими при богослуженіи съ особеннымъ умиленіемъ. При погребеніи патріарха Никона, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ ходилъ вмѣстѣ съ прочими изъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря ко кресту, на Елеонскую гору, гдѣ стоялъ гробъ Святѣйшаго. На пути какъ туда, такъ и обратно „благочестивый Государь пѣлъ со своими клирики стихеру 6-го гласа Кіевскимъ согла„сіемъ: днесь благодать св. Духа насъ собра, жалостію веліею и зѣло умилительными гласы, „яко отъ пѣнія умильны всѣмъ слезы точити" [2]. Такимъ образомъ весь современный составъ мелодическаго богослужебнаго пѣнія, какъ объясняютъ современные памятники, вполнѣ былъ извѣстенъ Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ XVII вѣка.

Гармоническое пѣніе, которое столько восхищало и увлекало высшее русское Общество XVII в., извѣстно было Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ первоначально какъ пѣніе строчное, т.-е. такое, когда пѣвчій, сообразно съ качествомъ своего голоса, исполнялъ пѣніе по своей отдѣльной строкѣ безлинейныхъ знаковъ или путь, или верхъ, или низъ, или демество. „Въ 1671 г. 22 января „Великій Государь, Царь Алексѣй Михайловичъ вѣнчался съ Государынею Царицею въ соборной „и апостольной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы; а пѣвчіе пѣли Государевы строками" [3]. Вскорѣ по окончаніи первой половины XVII в., сдѣлалось извѣстно все несовершенство строчнаго пѣнія въ музыкальномъ смыслѣ. „Въ трехстрочномъ пѣніи, писали тогда [4], ничто же есть согла„сія, токмо несогласная тригласія, шумъ и звукъ издающая, и не свѣдущимъ благо мнится, „свѣдущимъ же неисправно положено разумѣется. Между тѣмъ Великая Россія узнала, что въ Ма„лой Россіи, когда римляне начаша прельщати вѣрныхъ органными гуденіи въ костелахъ своихъ, „ничѣмъ инѣмъ воспятиша ихъ, и паки обратиша къ соборной церкви, токмо многогласными „составленіи мусикійскими, и что ихъ умиленные гласы, съ провѣщаніемъ словесъ божествен„ныхъ, тѣхъ гуденія посрамиша и обуивше обручаша, яко же тріе отроцы посредѣ пламене пояху „богодухновенною мыслію" [5]. Царь Алексѣй Михайловичъ немедленно пригласилъ Кіевскихъ учителей и пѣвчихъ по партесамъ, и тѣмъ побудилъ своихъ пѣвчихъ изучить пѣніе новаго рода. Пѣвчіе вскорѣ обрадовали Царя своими успѣхами. Въ это время, кромѣ Кіевскихъ пѣвчихъ, находилось нѣсколько другихъ юго-западныхъ композиторовъ, каковъ напр. былъ вспѣвакъ Іоаннъ Коленда, котораго извѣстный Дилецкій очень много хвалитъ за его композиторскія способности.

„прокличетъ царю многолѣтна, клирицы поютъ многолѣтіе большее. Аще поемъ часы у Царя въ Палате „или въ хоромехъ, и егда діаконъ прочтетъ велегласно тропарь: днесь рождается отъ Дѣвы и многолѣтны „всѣ. Потомъ поютъ другій ликъ: днесь раждается отъ Дѣвы. Тожъ первый ликъ поютъ Царю много„лѣтіе большое."

[1] Соловецкій Лѣтописецъ. См. описаніе Архангельской губерніи Космы Молчанова. Спб. 1813 г., 4°, стр. 307.

[2] Шушеринъ. Житіе Святѣйш. Патріарха Никона. Спб. 1784 г. 8°, стр. 187, 188.

[3] Дворц. Разр. т. III, стр. 877.

[4] Книга, глаголемая Мусикія. Ркп. 4°, 1671 г. стр. 19. Б—ки Ректора Моск. Дух. Акад. Протоіерея А. В. Горскаго.

[5] Тамже, стр. 47 и 48.

Композиторы въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ, естественно, пользовались славою и уваженіемъ за свои музыкальныя познанія. Здѣсь, можетъ быть, заключается одно изъ сильныхъ побужденій къ тому, что знаніе гармоніи очень быстро привилось и развилось въ средѣ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. По отъѣздѣ композиторовъ, временно находившихся въ царскомъ хорѣ, всѣ ихъ гармоническія занятія остались вполнѣ въ вѣдѣніи русскихъ композиторовъ изъ хора царскаго. Такими были: Михаилъ Сиѳовъ, Дьяковскій [1], Степанъ Ивановичъ Бѣляевъ [2], и Иванъ Михайловичъ Протопоповъ [3].

Первыя гармоническія положенія XVII вѣка состояли изъ такъ называемыхъ нынѣ переложеній. Они опирались главнымъ образомъ на церковную мелодію (преимущественно знаменнаго роспѣва) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда употреблялась въ храмѣ при богослуженіи. Всѣ звуки церковной мелодіи считались звуками постоянными, непереходными: ибо всякій звукъ мелодіи получалъ свою особенную гармонію. Но когда мелодическіе звуки отличались своею дробностію, и состояли напр. изъ восьмыхъ частей цѣлой ноты: тогда, и только единственно тогда, первые перелагатели композиторы принимали ихъ за звуки переходные. Всѣ первыя переложенія церковно-русскаго пѣнія не имѣли музыкальнаго ритма и такта.

Партитура первыхъ переложеній постоянно состояла изъ четырехъ голосовъ: или изъ сопрано, перваго альта, тенора и легкаго баса;—или изъ дисканта, перваго и втораго альта и тенора. Партія третьяго голоса всегда исполняла церковную мелодію; она повторялась или въ первой, верхней, партіи въ сикстахъ, или во второй партіи въ терціяхъ. Четвертая партія имѣла весьма и гривые ходы, и вполнѣ удовлетворяла современныхъ исполнителей, желавшихъ ексцеллентовать, т.-е. exccellenter canere.

Въ музыкальномъ смыслѣ партитура первыхъ переложеній не заключала въ себѣ надлежащихъ совершенствъ. Композиторы, при переложеніи церковной мелодіи въ гармоническій составъ, нѣсколько видоизмѣняли ее въ аккомпанирующихъ голосахъ для гармоническихъ выводовъ; такъ напр. они допускали въ чисто діатонической, безбемольной и бездіезной, церковной мелодіи діезъ на фа предъ окончаніемъ періода въ соль. Кромѣ того въ первой партитурѣ не мало чисто гармоническихъ несовершенствъ. Діатоническая мелодія церковнаго пѣнія весьма часто сопровождалась ходами хроматическими, со всѣми свойственными имъ аккордами, такъ что нарушалось частое трезвучіе, столько свойственное діатонической гаммѣ. Въ гармоніи нерѣдко видны ходы запрещенные, октавы и квинты. Основный басъ во всѣхъ гармоническихъ ходахъ весьма

---

[1] Въ Арх. М. О. П. хранится подъ № (1906) 11 нотная служба въ день Успенія Божіей Матери, въ 12 кн., 4⁰, каж., изъ нихъ 7 тенор., 4 баса и 1 альтъ. Въ нихъ замѣчено: „Творилъ Михайла Сифовъ,“ — „сложилъ Дьяковски.“

[2] Къ Москов. Епархіальной Библіотекѣ находится нотная книга: Праздники, положенные на четыре голоса, В. IV (2) 13. На сихъ книгахъ сдѣлана слѣдующая надпись: „сіи четвероголосныя знаменнаго роспѣва праздники твореніе Степана Бѣляева, они же называемые государевы отданы въ тетрадѣхъ въ церковь Козмы и Даміана, „что въ Таганной Слободѣ прихожаниномъ Иваномъ Савичемъ Шаровымъ, переплетенъ 1788 г., подписалъ тоя церкви діаконъ Іоаннъ Іоанновъ.“

[3] Въ Арх. М. О. П. находятся нотныя рукописи: № (1913) 18. Воскресные тропари и кондаки на Богъ Господь, греческаго роспѣва,—блаженны Октоиха на литургіи всѣхъ осьми гласовъ,—и ирмосы воскресны всѣхъ восьми гласовъ (въ старой описи—басовъ 2, теноровъ 7, альтовъ 1), въ 10 отдѣльныхъ книжкахъ, 4⁰, въ пергам. ветх. переплетѣ. На книжкахъ, внизу первыхъ листовъ, написано: „сіи книги сочинены и „написаны на славное пожеланіе и прилежную охоту Его Императорскаго Величества Петра Великаго, Августѣйшаго „Самодержца Всероссійскаго, тщаніемъ и прилежно-тщательнымъ трудоположеніемъ уставщика Ивана Михайловича „Протопопова 1724 г.“;—№ (1901) 6. Стихиры въ 12 день іюня и въ день рожденія сестрицы Его Величества, въ 10 кн., 4⁰, изъ нихъ 7 тенор., 2 баса и 1 альтъ съ надписью: „сіи книги сочинены и написаны „ко дню Его Величества Государя Императора Петра Втораго сестры благочестивѣйшія Государыни Великія Княжны „тщаніемъ и трудоположеніемъ Его Величества уставщика Ивана Михайловича Протопопова“;—№ (1909) 14. Благодарственная служба въ день рожденія его величества Петра II, 1727 г., въ 8 д. л., въ 13 книгахъ, изъ нихъ 8 теноровъ, 4 баса и 1 альтъ, съ надписью: „сіи книжицы сочинены и написаны вновь тщаніемъ и труды уставщика Ивана Михайловича Протопопова.“

рѣдко могъ быть слышанъ, потому что приложенный басъ, или вообще четвертая партія, по своей игривости, не могла оставлять никакого впечатлѣнія основнаго баса и часто подавала поводъ къ сцѣпленію не сродныхъ аккордовъ. Главная мелодія, по своему положенію въ срединѣ аккомпанирующихъ партій, могла быть мало слышна при исполненіи, потому что часто заслонялась сильными и высокими звуками верхняго голоса, которое нерѣдко совпадали съ весьма слабыми звуками мелодіи. Это послѣднее неудобство устранялось тѣмъ, что при исполненіи въ партію мелодіи, или третьяго голоса, ставили гораздо болѣе пѣвцовъ, чѣмъ въ партію голосовъ аккомпанирующихъ [1]. Здѣсь-заключается главная причина, почему въ Московской Оружейной Палатѣ сохранилось гораздо болѣе партій для тенора, чѣмъ для прочихъ голосовъ. Такъ напр. изъ 13 отдѣльныхъ партій, содержащихъ въ себѣ благодарственную службу на примиреніе Полтавской баталіи, 8 партій теноровыхъ, 2 альтовыхъ, 2 басовыхъ и одна дискантовая [2]; изъ 14 отдѣльныхъ партій, содержащихъ въ себѣ службу въ день благовѣрнаго князя Александра Невскаго 9 партій теноровыхъ, 2 альтовыхъ и 3 басовыхъ [3]; изъ 16 отдѣльныхъ партій, содержащихъ въ себѣ службу въ 21, 24 и 30 ноября, 11 партій теноровыхъ, 2 альтовыхъ и 3 басовыхъ [4], и пр.

Несмотря на все несовершенство первой гармонизаціи, она въ свое время имѣла исключительное употребленіе въ придворномъ хорѣ, и пользовалась вниманіемъ русскихъ Царей. Петръ 1 довольно часто становился на клиросъ при богослуженіи и пѣвалъ съ своими пѣвчими. Такъ напр. было въ 1701 году, наканунѣ и въ самый Праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, когда Государь съ своими пѣвчими находился въ Соловецкомъ монастырѣ. Соловецкій Лѣтописецъ замѣтилъ: „великій Государь съ пѣвчими стоялъ на правомъ клиросѣ и изволилъ самъ пѣть всенощное бдѣніе. „На другой день, 15 августа, онъ же Великій Государь стоялъ и пѣлъ на клиросѣ“ [5]. Петръ 1 въ партесномъ пѣніи постоянно исполнялъ четвертую партію. Эти партіи, красиво и четко переписанныя, нерѣдко въ кожаномъ или пергаменномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, доселѣ сохраняются въ Московской Оружейной Палатѣ съ надписью: „по симъ нотамъ изволилъ пѣть Государь „Царь Петръ Алексѣевичъ“ [6]. Онъ почиталъ церковное пѣніе, въ его мелодическомъ и гармоническомъ видѣ, однимъ изъ общеобразовательныхъ предметовъ для юношества и много заботился о распространеніи его по современнымъ учебнымъ заведеніямъ. Церковное пѣніе включено было въ программу воспитанія Царевича Алексѣя Петровича. Учителемъ Царевича по этому предмету былъ Государевъ пѣвчій дьякъ Никифоръ Кондратовичъ Вяземскій [7].

Область церковнаго пѣнія, несмотря на весь обширный кругъ церковныхъ пѣснопѣній и напѣвовъ, не удовлетворяла потребностямъ предковъ нашихъ. Они любили слушать пѣніе въ храмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли благочестивый обычай заниматься церковнымъ пѣніемъ въ своемъ домѣ, среди домашнихъ занятій и во время свободное отъ нихъ. Вопросъ о томъ, что и какъ пѣть въ своемъ домѣ не могъ затруднить собою ни одного современнаго любителя пѣнія. Любовь къ домашнему пѣнію издавна создала для него опредѣленную систему, по которой дозволялось пѣть въ домѣ духовные стихи, по напѣву своему несходные ни съ однимъ церковнымъ, или богослужебнымъ ро-

---

[1] Церковное пѣніе въ Россіи. М. 1868 г. стр. 219, 220.

[2] М. О. П. № (1904) 9.

[3] Там. № (1907) 12.

[4] Тамже № (1900) 15.

[5] Описаніе Архангельской губерніи Космы Молчанова. Спб. 1813 г., 4 д. л., стр. 307.

[6] Эти партіи содержатъ въ себѣ: Вечернія и утреннія пѣснопѣнія въ день Срѣтенія Господня, (2 февр.), въ одной книгѣ, 4 д. л.,въ пергам. переплетѣ; Вечернія и утреннія пѣснопѣнія въ день Благовѣщенія, 25 марта, въ одной книгѣ, 4 д. л., въ кожѣ и золотомъ обрѣзѣ; Пѣснопѣнія изъ Постной Тріоди съ недѣли Мытаря и Фарисея до пятой недѣли включительно, въ одной книгѣ, 4 д. л. и пр. Безъ особенныхъ объясненій понятно, что эти книги лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, когда именно и какъ часто Петръ I пѣвалъ на клиросѣ.

[7] Арх. М. О. П. Мастерской Палаты кн. 310: „1701 г. октября 9 дня, по указу Великаго Государя за помѣтою дьяка Герасима Невѣжина, Великаго Государя жалованья Великаго Государя Благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Петровича учителю Никифору Вяземскому на нынѣшній на 7210-й годъ сто рублей дано.

спѣвомъ. Духовные стихи существовали въ XVII в. на нотахъ и весьма часто роспѣвались среди мирныхъ домашнихъ бесѣдъ и занятій. Государевы пѣвчіе дьяки очень хорошо знали всѣ современные сборники стиховъ, въ ихъ мелодическомъ и гармоническомъ видѣ, и неоднократно исполняли ихъ въ царскихъ хоромахъ. Въ 1647 г., когда послѣдовало и исполнялось строгое запрещеніе игры на музыкальныхъ инструментахъ, Царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю своего бракосочетанія съ „Марьею Ильинишною, на своей государевой радости накромъ и трубамъ быти не повелѣлъ, а велѣлъ Государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, „пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ, перемѣнясь, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ Тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ. И „по его государеву, мудрому и благочестивому, разсмотрѣнію бысть тишина и радость и благочиніе „веліе, яко и всѣмъ ту бывшимъ дивитися и возсылати славу превеликому, въ Троицѣ славимому, „Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумѣ и благочиніи“ [1]. Тѣже самые большіе стихи и драгія вещи, нерѣдко исполняли при дворѣ государевы пѣвчіе дьяки и послѣ славленья. Въ 1661 г. дек. 30 дня у Царя Алексѣя Михайловича въ передней Каменной, т.-е. Теремной, въ 2 часа ночи, славили Христа вспѣваки и послѣ славленья пѣли ирмосы и псальмы съ партеса [2].

Пѣвчіе дьяки очень хорошо понимали всю силу и значеніе домашняго духовнаго пѣнія, и своими музыкальными познаніями много содѣйствовали къ распространенію его въ современномъ обществѣ. Около 1680 г., какъ писали современники, „мнози во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червонныя Россіи, паче же въ Велицѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ „градѣ Москвѣ, возлюбиле сладкое и согласное пѣніе польскія псалтири, стиховно преложенныя, „обыкоша тыя псалмы пѣти, речей убо или мало или ничто же знающе, и точію о сладости „пѣнія увеселяющеся духовнѣ“. Симеонъ Полоцкій, въ благоразумной ревности объ исправленіи такого важнаго недостатка, рѣшился перевести и перевелъ „псалмы славянскіе на различные стиховъ роды,

„не дабы тако (псалтири) въ церкви чтеннѣй быти
„но еже въ домѣхъ часто ю читати
„или сладкими гласы воспѣвати.“

Различіе въ стихахъ переведенной псалтири оказалось такого свойства, что только нѣкоторые псалмы могли быть пѣты тѣмъ же напѣвомъ, какой находился надъ ними въ польской стихотворной псалтири. „Не всякаго убо псалма польскаго пѣнію, того же числа славянскій подложеніемъ „знаменій (нотъ) можетъ соотвѣтствовати, писалъ Полоцкій [3], яко не вся тѣмъ же преведохъ ро„домъ стиховнымъ, ово за трудность превожденія, ово яко не всѣхъ ми псалмовъ польскихъ „гласы суть извѣстны. Обаче во иныхъ псалмѣхъ по тому роду преведенныхъ, мощно есть же„лаемое подложити пѣніе.“ Такимъ образомъ къ стихотворной псалтири Полоцкаго надлежало приладить напѣвы или прежніе польскіе, или свои, новые. Этотъ трудъ совершенъ былъ государевымъ пѣвчимъ дьякомъ Васильемъ Титовымъ, чрезъ композицыю, сирѣчь чрезъ твореніе [4]. Нотная стихотворная псалтирь Полоцкаго находилась въ свое время въ большемъ употребленіи между государевы пѣвчими дьяками. Безъ преувеличенія можно сказать, что не было тогда почти ни одного

---

[1] Забѣлина. Домашній бытъ русскаго народа. М. 1869 г. т. 2 стр. 258 и 442.

[2] Забѣлина. Домашній бытъ русскаго народа. М. 1862 г. т. 1 стр. 308.

[3] Псалтирь, художествомъ риѳмотворнымъ преложенная Симеономъ Полоцкимъ. М. 7188 (1680) г. въ л., въ типограф. верхней, л. 5 и 6н.—Въ то время псальмы и канты во множествѣ переводились съ польскаго языка. См. стат. Пыпина: Народные стихи и пѣсни въ О. З. т. CXVI. Отд. I.

[4] Въ Библіотекѣ Тихвинскаго Богородицкаго Монастыря находится нотная рукопись стихотворной Псалтири Полоцкаго съ слѣдующей надписью: „а ноты на риѳмы положилъ повелѣніемъ Благочестивѣйшихъ великихъ „Государей нашихъ царей и великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣ„лыя Россіи Самодержцевъ, чрезъ композицыю, сирѣчь чрезъ твореніе, ихъ царскаго пресвѣтлаго „величества пѣвчій дьякъ Василій Титовъ.“ Историко-статистическое описаніе первокласнаго Тихвинскаго Богородицкаго мужскаго Монастыря. Спб. 1859 г. 8°, стр. 104.

пѣвчаго, который бы не имѣлъ своего собственнаго экземпляра стихотворной псалтири. Нотная стихотворная псалтирь, принадлежавшая государеву пѣвчему дьяку Андрею Васильевичу Нижегородцу сохраняется и доселѣ между памятниками нотнаго искусства XVII вѣка [1].

Государевы пѣвчіе дьяки писали сами всѣ нотныя книги для церковнаго и домашняго употребленія, на нотахъ безлинейныхъ и линейныхъ квадратныхъ. Такой трудъ, на первый взглядъ, очень естественъ, но онъ можетъ изумить каждаго своею обширностію, своимъ искусствомъ и своимъ постоянствомъ. Пѣвчій дьякъ Иванъ Конюховской, около 1640 г. написалъ безлинейный двоестрочный обиходъ, на 600 листахъ, съ такою отчетливостію, что, несмотря на мелкій почеркъ, каждая пота и каждое слово текста очень ясны и доселѣ еще не утратили своей четкости [2]. Государевы пѣвчіе дьяки Ѳеодоръ Журавль, Емельянъ Шушеринъ и Стефанъ Гордіовскій занимались переписною партесно-положеннаго пѣнія на квадратныхъ линейныхъ нотахъ и писали опять съ такою ясностію и раздѣльностію, которыя нисколько не уступаютъ четкости печатныхъ нотныхъ книгъ. Самое путешествіе Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ не прерывало ихъ занятій по перепискѣ. Въ 1722 г. Государевъ пѣвчій писалъ свою партицію ѣхавъ отъ Дербеня къ Астрахани [3]. Только въ важныхъ случаяхъ, когда переписка нотъ требовала особенной поспѣшности, хоръ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ находилъ себѣ помощь въ особенныхъ писцахъ, состоявшихъ при хорѣ. Переходъ отъ раздѣльнорѣчія къ истинноречію, совершившійся около половины XVII вѣка, по своей важности, требовалъ усиленныхъ занятій въ исправленіи старыхъ нотныхъ книгъ и въ перепискѣ ихъ на новое истинноречіе: потому что Соборное постановленіе требовало гласовное пѣніе пѣти на рѣчь. По этой причинѣ въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ являются особые нарѣчнаго пѣнія мастера и писцы [4]. Въ 1678 г. нарѣчнаго пѣнія писцами были: Кириллъ Никитинъ, Андрей Михайловъ, Потапъ Максимовъ, а въ 1701 г. Иванъ Матѳѣевъ и Степанъ Димитріевъ [5]. Новое истинноречіе, или просто пѣніе на рѣчь явилось первоначально на безлинейныхъ столповыхъ знаменахъ (нотахъ), безъ сомнѣнія потому, что этотъ видъ нотъ былъ очень извѣстенъ и привыченъ Государевымъ пѣвцамъ, наравнѣ съ прочими современными пѣвчими. Но безлинейная система нотописанія въ то время значительно теряла свою силу отъ введенія нотъ квадратныхъ, писавшихся на линейныхъ строчкахъ. Быстрый переходъ отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ немедленно потребовалъ новой переписки нотныхъ истинноречныхъ книгъ. По этому при томъ же хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ въ подлѣдней четверти XVII вѣка явились особые мастера строчнаго пѣнія и письма. Въ 1676 г. строчнаго дѣла мастеромъ былъ Прокопій Андреевъ [6].

---

[1] Въ моей библіотекѣ № 48, 4° на 3 и 4 голоса. По начальнымъ листамъ этой нотной рукописи подписано: „сія „книга пѣвчева дьяка Андрея Нижегородца, что у великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича „всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.“ На первомъ же бѣломъ листѣ скорописью: „сія книга царскаго величества пѣвчего дьяка Андрея Васильевича сына Нижегородца.“

[2] Онъ хранится въ Моск. Публ. Музеѣ и имѣетъ на первомъ листѣ слѣдующую надпись; „лѣта 7153 (1645) г. „марта въ 20 день продалъ сію книгу Обиходъ Государевъ пѣвчій дьякъ Иванъ Конюховскій Артемью Богданову сыну „Камынину, а хто учнетъ въ сію книгу вступатца, а мнѣ Ивану очищать, подписался я Иванъ своею рукою.“

[3] Въ М. О. П. хранится нотная служба въ день Успенія Божіей Матери, 4 д. л. въ 12 кн., изъ которыхъ 4 басовыхъ, 7 теноровыхъ и одна альтовая партія (№ (1906) 11). На одной изъ нихъ написано: „писалъ п. а. г. 1722 г.,“ или полнѣе: „писалъ п. а. г. 1722 г. ѣхавъ отъ Дербеня к Астрахани.“ На другой—„писалъ пѣвчей Ѳедоръ Журавль,“ и еще: “писалъ пѣвчей Емельянъ Шушеринъ.“ На службѣ въ день Срѣтенія Господня и на память Симеона Богопріимца (тамъ же) замѣчено: „писана въ 1724 г. въ Москвѣ, труды полагалъ, и сіи переводы писалъ подъякъ Стефанъ Гордновскій.“

[4] Арх. М. О. П. Столбц. 1689 г.

[5] Там. Столбц. 1678 г. См. Мастерской Палаты (тамъже) кн. № 310.

[6] Арх. М. О. П. Столбц. 1676 г.

IV. Судьба Государевыхъ пѣвчихъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.

Раздробленіе единаго хора Государевыхъ пѣвчихъ на разные придворные хоры, совершившееся, какъ мы видѣли, въ послѣдней четверти XVII вѣка, сопровождалось такими послѣдствіями, которыя въ началѣ трудно было предвидѣть, и которыя въ послѣдствіи еще труднѣе было предотвратить. Совершенно отдѣльное устройство каждаго придворнаго хора прежде всего произвело новыя отношенія между хорами пѣвцовъ и оказало довольно неблагопріятное вліяніе на нравственность ихъ. До кончины царя Ѳеодора Алексѣевича, въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ вовсе не встрѣчается случаевъ, когда бы пѣвчіе подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ за церковные или гражданскіе проступки. Продолжительная служба пѣвчихъ всегда оставалась чистою отъ заблужденій, увлеченій и другихъ нравственныхъ недостатковъ. Пѣвчій дьякъ Лука Алексѣевъ, поступившій въ Государевы пѣвчіе въ 1652 г., провелъ въ хорѣ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и вовсе это время служилъ безо всякаго огурства или охулы [1]. Но послѣ того, какъ частные хоры придворные получили надлежащую степень прочности и самостоятельности, въ средѣ пѣвчихъ стало обнаруживаться гораздо менѣе гражданской доблести и нравственной твердости. Въ 1691 г. Ноября 27 дня Великіе Государи указали для своего дѣла прислать въ Сибирскій Приказъ Великіе Государыни княгини Маріи Матвѣевны пѣвчаго Григорія Леонтьева, сына Корсакова [2]. Современныя обстоятельства вполнѣ объясняютъ въ чемъ состояло это дѣло, потому что въ это самое время князь Ромадановскій получилъ наставленіе не пускать пѣвчихъ въ Московскій Новодѣвичій монастырь. Въ наставленіи, по этому случаю, говорилось между прочимъ: „а пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы „хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ: спаси отъ бѣдъ, а въ паперти „деньги на убійство даютъ“ [3]. Въ томъ же 1691 г. Марта 5-го дня Великіе Государи указали изъ Приказу Мастерскіе Палаты прислать въ Приказъ сыскныхъ дѣлъ къ боярину Лыкову, Великіе княгини Маріи Матвѣевны пѣвчева дьяка Ивана Матвѣева для розыску въ смертномъ убійствѣ Константина Оборина [4]. Нравственное паденіе пѣвчихъ неблаготворно отразилось и на частныхъ сношеніяхъ ихъ въ гражданской жизни. Въ 1687 г. Кадашевецъ Гришка Васильевъ сынъ Серебренникъ просилъ на пѣвчаго дьяка Якова Ѳеодорова сына Борхановскаго въ томъ, что онъ не явился къ суду по дѣлу въ дворцовомъ разореніи и во всякой рухляди, цѣною въ 110 рублей [5].

Перевѣсъ нравственной распущенности въ средѣ пѣвчихъ былъ на столько значителенъ, что не могъ укрываться уже отъ внимательнаго взора гражданскихъ и церковныхъ правителей, которые очевидно не могли оказывать ему не только поддержки, но даже и снисхожденія. Должно казаться не очень удивительнымъ, что придворные хоры, состоявшіе при Софіи Алексѣевнѣ и Маріѣ Матвѣевнѣ были совершенно освобождены отъ обязанностей придворной службы и, за исключеніемъ не многихъ, отпущены по домамъ. Очень можетъ быть, что при такомъ сплошномъ увольненіи пострадали не мало невинныхъ пѣвчихъ и самое искусство пѣнія: но частныя цѣли, къ какому бы они роду науки ни относились, всегда пользуются меньшимъ предпочтеніемъ, чѣмъ цѣли общія, относящіяся къ общему благу народа.

Энергическая мѣра, принятая противъ нѣкоторыхъ придворныхъ хоровъ, совершенно соотвѣтствовала современнымъ обстоятельствамъ и можетъ легко найти себѣ въ нихъ оправданіе. Но эта временная мѣра, какъ оказалось въ послѣдствіи, сдѣлалась мѣрою всеобщею между придворными хорами пѣвчихъ, и постоянно приводилась въ исполненіе, когда частный хоръ придворныхъ пѣвчихъ, по кончинѣ особъ царствовавшаго дома, оставался повидимому безъ назначенія, или не у дѣлъ. По кончинѣ Екатерины Алексѣевны, принадлежавшіе ей пѣвчіе отпущены были отъ двора. Хоръ великаго Государя Іоанна Алексѣевича, состоявшій изъ 19 человѣкъ, въ 169 г. по кончинѣ

---

[1] Арх. М. О. П. Столбцы 1684 г.
[2] Арх. М. О. П. Столбцы 199 г.
[3] Забѣлина. Домашн. бытъ русск. народа. М. 1869 г. т. 2, стр. 178.
[4] Арх. М. О. П. Столбцы 199 г.
[5] Арх. М. О. П. Столбцы 195 г

царя также уволенъ былъ отъ дворцовой службы [1]. Хоръ пѣвчихъ Петра I-го могъ казаться болѣе прочнымъ въ своемъ положеніи. Онъ, въ составѣ 20 и болѣе человѣкъ, постоянно пѣлъ при Государѣ, и часто раздѣлялъ съ нимъ труды пѣнія и дальнихъ походовъ, въ Азовъ, Астрахань, Воронежъ, въ Соловецкій монастырь и пр. Но этотъ хоръ по кончинѣ своего благодѣтеля и отца, поставленъ былъ въ необходимость оставить службу при императорскомъ дворѣ и искать себѣ пропитанія въ другихъ мѣстахъ. Одни изъ нихъ возвратились въ тѣ хоры, изъ которыхъ поступили въ Государевы пѣвчіе [2]; другіе опредѣлились въ гражданскую службу; третьи, вѣроятно, возвратились къ своимъ семействамъ и домамъ. Все это открылось черезъ четверть вѣка послѣ кончины Петра I, когда дочь его Императрица Елисавета Петровна, потребовала отъ св. Синода „извѣстіе о оставшихъ по кончинѣ родителя ея блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго пѣвчихъ, сколько оныхъ понынѣ на лицо и кто именно, и по скольку кому жалованья въ годъ производится, и отколь, и сверхъ того, какіе имѣютъ доходы и по скольку". Изъ справокъ, собранныхъ по этому случаю въ Москвѣ въ 1753 г., оказалось [3], что „по кончинѣ Его Импер. Величества бывшихъ при жизни Его Величества придворныхъ пѣвчихъ между Синодальными пѣвчими на лицо въ живыхъ, никого не обрѣтается, а имѣются въ Москвѣ оставшіе по кончинѣ Его И. В. бывшіе пѣвчіе Иванъ Лисинъ, да Емельянъ Шушеринъ, да изъ тѣхъ же пѣвчихъ Михайло Осиновъ нынѣ находится въ Канцеляріи Синодальной, Экономическаго правленія Архиваріусомъ, да въ домѣ Синодальнаго члена, преосвященнаго Иларіона, Епископа Крутицкаго пѣвчимъ Ѳедоръ Аврамовъ, прозваніемъ Журавль". Всѣ эти пѣвчіе, по существовавшему обычаю, призваны были въ Канцелярію св. Синода и сообщили дополнительныя о себѣ свѣдѣнія. Иванъ Лисинъ и Емельянъ Шушеринъ показали, что „жалованья-де они получаютъ, по именнымъ, блаженныя памяти Великихъ Государынь Императрицъ Екатерины Алексѣевны и Анны Іоанновны 1727 и 1739 г. да Правительствующаго Сената 1749 г., указамъ, изъ Штатсъ-Конторы: Лисинъ уставщичій окладъ, денежнаго 121 р. 94½ к., хлѣба по 28 четвертей; Шушеринъ денежнаго по 73 р., хлѣба по 12 четвертей въ годъ". Михайло Осиповъ показалъ, что „обрѣтался онъ при дворѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1719 г. придворнымъ пѣвчимъ, а съ 1726 г., по именному блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны указу, отъ той пѣвческой службы отставленъ и опредѣленъ, по желанію его въ бывшій Синодальный казенный приказъ канцеляристомъ, а съ 1751 г. опредѣленъ въ оный Экономической Канцеляріи Архиваріусомъ; жалованья получаетъ всего по 80 р." Ѳедоръ Аврамовъ прозваніемъ Журавль показалъ, что „ко двору-де Его Имп. Величества взятъ онъ былъ изъ дому Крутицкаго Архіерея, по именному Его И. В. указу въ 1718 г., и будучи при Его И. В., даже по кончину Его Величества, жалованья отъ дворца получалъ кормовыхъ денегъ всего 36 р. 65 к., да сверхъ того славленыя деньги по раздѣлу съ прочими пѣвчими, а въ 1726 г., по указу блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, отъ той пѣвческой службы уволенъ по его желанію, по прежнему въ домъ Крутицкаго Архіерея, въ которомъ обрѣтается и понынѣ пѣвчимъ же; жалованья

---

[1] Уставщикъ—Ѳедоръ Ухтомскій; пѣвчіе дьяки—Димитрій Яновскій, Лукьянъ Новоселецкій, Тимоѳей Андреевъ, Алексѣй Давыдовъ, Григорій Маневскій, Иванъ Подвинскій, Василій Титовъ, Ѳеодоръ Журавскій, Константинъ Молявкинъ, Константинъ Маневскій, Николай Вырубовъ, Иванъ Ефимовъ, Илья Леонтьевъ, Иванъ Ширлевъ, Осипъ Ильинъ, Козма Моисеевъ, Иванъ Андреевъ, Аксенъ (Авксентій) Семеновъ, Арх. М. О. П. Столбцы Р. 952.

[2] Пѣвчій Александръ Ивановъ, вышедшій изъ придворныхъ пѣвчихъ по смерти Императора, принятъ снова въ синодальные пѣвчіе по его просьбѣ и помѣщенъ на жительствѣ въ Синодальной пѣвчей улицѣ, въ домѣ бывшемъ отца его (пѣвчаго при патріархахъ Іоакимѣ и Адріанѣ). Онъ самъ былъ синодальнымъ поддьякомъ въ 1706 по 1713 г., а въ 1713 г. взятъ въ придворные пѣвчіе. Дѣло въ Архивѣ св. Синода 1728 г. 28 авг. № 225. Извлеченіе изъ него, сдѣланное Влад. Вас. Стасовымъ, находится въ Арх. Москов. Консерваторіи.

[3] Императрица Елисавета Петровна 15 марта 1753 г. повелѣла давать пѣвчему Ѳедору Журавлю изъ штатсъ-конторы 50 р. на годъ.— Дѣло въ Арх. св. Синода 28 февр. 1753 года, № 193. Извлеченіе изъ бумагъ его, сдѣланное Владим. Вас. Стасовымъ, находится нынѣ въ б—кѣ Москов. Консерваторіи. Изъ другихъ пѣвчихъ Петра I, уже умершихъ въ 1753 г. мы имѣемъ свѣдѣнія объ Александрѣ Ивановѣ, Логинѣ Алексѣевѣ и Галактіонѣ Ивановѣ.

получаетъ точію 3 р. 50 к.; хлѣба, ржи и овса и запасу по 9¼ четвертей всего,—да сверхъ того бываетъ временно дача, по раздѣлу съ прочими пѣвчими ставленническихъ денегъ, въ томъ случаѣ копѣекъ 20 и болѣе, когда оные производятся ставленники, и сверхъ того никакихъ доходовъ ни откуда не имѣетъ."

Хоръ пѣвчихъ Петра I представляется достойнымъ завершеніемъ всего, что начато и сдѣлано было для партеснаго пѣнія въ исходѣ XVII в. Это былъ хоръ съ отборными и образованными голосами и совершенно вѣрный исполнитель державной воли и церковныхъ постановленій о богослужебномъ пѣніи. Въ нотныхъ книгахъ этого хора всегда можно прочитать то, чего хотѣлъ великій Монархъ когда рѣшился развить и поддержать партесное пѣніе въ богослужебномъ употребленіи. Государевы пѣвчіе дьяки, подъ наблюденіемъ и при личномъ содѣйствіи самаго Императора, строго держались опредѣленнаго направленія въ партесномъ пѣніи. Это направленіе по своему характеру и, разумѣется, съ нѣкоторыми улучшеніями въ композиціи, могло бы еще на долго украшать церковное пѣніе, потому что оно успѣло утвердиться въ Россіи повсюду, гдѣ проводили остатокъ дней своихъ Государевы пѣвчіе, или куда запосились ихъ тетрадки, плодъ немалыхъ трудовъ и усердія ихъ къ церковному пѣнію. Тетрадки нотнаго пѣнія, современнаго Петру I, употреблялись еще въ Москвѣ около 1780 г.

V. Списокъ Государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ XVII в. [1].

1625 г.

Букинъ Юрій, 1625 г. 1 ст. Васильевъ Иванъ, 1625 г. 2 ст. Васильевъ Сергѣй, 1625 г. 3 ст. Ищейкинъ Иванъ, 1625 г. 1638 г. 3 ст. 1639 г. 2 ст. Кипѣловъ Богданъ, 1625 г. 1 ст. Кистенниковъ Петръ, 1625—1639 г. 3 ст. Клементьевъ Петръ, 1625 г. 3 ст. Никитинъ Василій, 1525 г. 1 ст. Подупаевъ Петръ, 1625 г. 1 ст. Порыльскій Андрей, 1625 г. 3 и 2 ст. Савинъ Степанъ, 1625 г. 2 ст. 1635—1640 г. 1 ст. Самохваловъ Иванъ Семеновъ, 1625 г. 2 ст. 1639 и 1640 г. 1 ст. Степановъ Постникъ, 1625 г. 2 ст. Ѳедоровъ Иванъ, 1625 г. 1 ст.

1631 г.

Васильевъ Максимъ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ. Гавриловъ Иванъ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ; 1650—1656 г. 2 ст. Горчаковъ Никита Степановъ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ; 1639 г. 4 ст. 1650 и 1651 г. 3 ст. 1655 г. 1 ст. Григорьевъ Ѳеодоръ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ. Ивановъ Степанъ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ; 1635—1639 г. 5 ст. 1649—1655 г. 2 ст. Ильинъ Матвѣй, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ; 1635—1639 года, 6 ст. Кузминъ Мина, 1631—1651 года, 3 ст. Ларіоновъ Михаилъ, 1631 г. 4 ст. Львовъ (Леонтьевъ) Романъ, 1631 и 1632 г., молод., ниж.; 1639 г. 5 ст. 1650 и 1651 г. 4 ст. Маркеловъ Димитрій, сынъ придворнаго Протопопа Маркелла, 1631 г. 4 ст. 1639 г. 2 ст. женатъ; ум. 1640 г. Матѳѣевъ Михаилъ, 1631 и 1632 г. молод., ниж.; 1639 г. 4 ст. 1650—1658 г. 2 ст. Никоновъ Матѳѣй, 1631 г. 5 ст. 1635 г. 4 ст. Оксентьевъ Степанъ, 1631 г. 4 ст. Ондреевъ Кондратъ, 1631 г. 4 ст. 1639 г. 3 ст. 1640—1654 г. 2 ст. Ортемьевъ Данилъ, 1631—1639 г. 3 ст. Осиповъ Михаилъ, 1631 г. 3 ст. 1639—1654 г. 1 ст. Памфиловъ (Панфильевъ) Григорій, 1631 г. 4 ст. 1639 г. 3 ст. 1649 и 1650 г. 1 ст. Парѳеновъ (Парѳентьевъ) Илья, 1631 и 1632 г. молод., 1639 г. 6 ст. Семеновъ (Сумеоновъ) Иванъ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ; Тимоѳеевъ Иванъ, 1631 и 1632 г., молод., нижникъ; Юрьевъ Первой, 1631 г. 5 ст. 1632 г. Патр. пѣвчій; 1639 г. Государ. пѣв. 2 ст. Ѳеодоровъ Иванъ, 1631 г. молод.

---

[1] Составленъ по Столбцамъ, хранящимся въ Архивѣ Моск. Оружейной Палаты. Въ немъ — с т. означаетъ с т а н и ц а, В и П. — В о с к р е с е н с к і й и П р е д т е ч е в с к і й. Сп. Соб. — С п а с к а г о С о б о р а.

1635 г.

Конюховскій Иванъ, 1635—1640 г. 2 ст. 1649 — 1657 г. 1 ст. ум. 1658 г. Моусеевъ Митрофанъ, 1635 г. 3 ст.

1639 г.

Власьевъ Степанъ, 1639 г. 6 ст. Денисовъ Семенъ, 1639 г. 5 ст. 1650 и 1651 г. 3 ст. 1653—1655 г. 1 ст. Димитріевъ Иванъ, 1639 г. 5 ст. Екимовъ Елисей (—сейко), 1639 г. 6 ст. Емельяновъ Димитрій, 1639 г. 6 ст. Ивановъ Лука, 1639—1654 г. 1 ст. ум. 1654 г. Игнатьевъ Михаилъ, 1639 г. 4 ст. 1648—1651 г. 3 ст. выб. 1665 г. Меркурьевъ Михаилъ, 1639 г. 4 ст. 1649 и 1650 г. 1 ст. Микифоровъ Иванъ, 1639 г. 2 ст. 1649—1655 г. 1 ст.; крестовый дьякъ 1659 г. Михайловъ Димитрій (Митька), 1639—1654 г. 4 ст. Оверкіевъ (Аверкіевъ) Ондрей, 1639 г. 5 ст. 1650—1654 г. 4 ст. Савинъ Леонтій, 1639 г. 6 ст.

1650 г.

Агапитовъ (Агаѳіевъ) Павелъ (Пашка), 1650 и 1651 г. 5 ст. 1652 г. 6 ст. Алексѣевъ см. Олексѣевъ, Ефремовъ Иванъ, 1650 г. 3 ст. 1651 г. 3 ст. Ивановъ Матѳѣй, 1650—1654 г. 4 ст. Ивановъ Родіонъ, 1650 и 1651 г. 5 ст. Квасниковъ Иванъ, 1650—1655 г. 2 ст. Никифоровъ Василій, 1650 и 1651 г. 5 ст. 1655 г. 3 ст. Никифоровъ Юрій Ивановъ, 1650 г. 6 ст. 1651—1655 г.; 1656 г. 2 ст. Олексѣевъ Ефимъ, 1650 и 1651 г. 6 ст. 1655 г. 3 ст. Степановъ Иванъ, 1650 и 1651 г. 5 ст. Ѳедосѣевъ Микита, 1650—1653 г. 4 ст. Ѳеодоровъ Кириллъ; 1650 и 1651 г. 6 ст.; 1655 г. 2 ст. 1659 г. 1 ст. Ѳеодоровъ Юрій, 1650 и 1651 г. 5 ст.

1654 годъ.

Алексѣевъ Лука, служилъ 30 л. В и П. 1682 г.; женатъ; ум. 1684 г. Ивановъ Богданъ, 1654 г. 1 ст.

1655 годъ.

Васильевъ Петръ, 1655—1661 г.

1656 годъ.

Елизаровъ Ѳеодоръ, Пановъ Тихонъ Артемьевъ, 1659 г. 4 ст. 1666 — 1678 г. путн. 2 ст. В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 г., ум. 1694 г.

1657 годъ.

Аристовъ Василій, Голчинъ Осипъ, Оска 1657 г. 1659—1674 г. 1 ст. нижникъ; выб. 1674 г. Ермолаевъ Кузма, Ковелинъ Ѳеодоръ, 1657 г. 1659 г. 1 ст.; въ 1666 и 1667 г. крестов. дьякъ. Лазаревъ Даніилъ, Лазаревъ Иванъ, Ларіоновъ Никита, Никитинъ Прокопій (Пронка), 1657 г. 1659 г. 5 ст. молод. 1661 г. 5 ст. 1666 и 1667 г. 5 ст. путн.; 1671 и 1672 г. 3 ст. путн. Покровецъ Петръ, 1657 — 1681 г. В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. Уставщикъ, 1683 — 1694 г. Протопоповъ Ѳеодоръ Прокофьевъ, 1657 г.; 1666—1674 г. вершникъ 2 ст.; В. и П. 1682 г. Ростовецъ Ѳеодоръ, 1657 г.; 1665—1667 г. 3 ст. нижн., потомъ крестовый дьякъ. Сидоровъ Семенъ, 1657 г.; 1659—1663 г. 5 ст. молод.; упом. 1667 г.

1658 годъ.

Анисимовъ Андрей, 1658 г.; 1659 г. 5 ст. молод.; упом. 1668 г. Гавриловъ Елисей, 1658 г.; 1659 г. 5 ст. 1666 и 1667 вершн. 2 ст.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 г.; ум. 1701 г. Казанецъ Никита, 1658 г.; 1659—1667 г. деместв. 2 ст.

1659 годъ.

Александровъ Степанъ, 1659 г. нов.; 1666 и 1667 г. вершникъ 3 ст. Архиповъ Савелій (Сава), 1659—1663 г. 5 ст. молод.; 1674 г. демественникъ 3 ст. Вологжанинъ Степанъ, 1659 г. 2 ст. Гавриловъ Иванъ, 1659 г. 4 ст.; 1666 и 1667 г. путникъ 2 ст. Казанецъ Данилъ, Данилко, 1659 г. 4 ст. Карповъ Кузьма, 1659 г. Костромитинъ Овдокимъ Евстратовъ, 1659 г. 5 ст.; 1673 г. путн. 3 ст.; 1674 г. демест. 3 ст.; упом. 1681 г. Михайловъ Павелъ, 1659—1667 г. демествен. 1 ст. Нестеровъ Никита, 1659 г. 5 ст.; 1660—1674 г. нижникъ 5 ст. Никитинъ Леонтій (Левъ), 1659—1663 г. молод. 5 ст.; упом. 1668 г. Никифоровъ Алексѣй, 1659 г. путникъ 1 ст.; упом. 1677 г. Ѳеодоровъ Апофрій (Онуфрій), 1659—1666 г. путн. 5 ст.; женатъ; ум. 1667 г. Ѳеодоровъ Сергѣй, 1659 г., молодый.

1660 годъ.

Агаѳоникovъ (Агаѳоновъ) Иванъ, Ивашко, Новгородецъ, сынъ крестов. дьяка Агаѳоника Евдокимова; 1661 г. нов.; 1663 г. мол.; не въ окладѣ 1665—1670 г.; въ окладѣ 1671 и 1672 г. Константиновъ Ѳеодоръ *, Родіоновъ Кузма, Новгородецъ, 1660—1671 г. Степановъ Яковъ, 1660—1666 г. Ѳеофановъ Ефимъ, 1660 г. нов.; 1666 и 1667 г. 2 ст.

1661 годъ.

Алексѣевъ Андрей, Аѳанасьевъ Карпъ, 1661 г. Аѳанасьевъ Максимъ, изъ Сибири, женатъ; 1661—1666 г. 4 ст. Борисовъ Матѳей; Епифановъ Иванъ, Поликарповъ Тихонъ, Родіоновъ Михаилъ, Романовъ Артемій, Артюшка, 1661—1673 г.; 1874 г. путн. 4 ст. Ростовецъ Димитрій, Митька, 1661—1673 г.; 1674 г. путн. 2 ст.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 г.; выб. 1693 г. Семеновъ Петръ, 1661 г. Степановъ Иванъ.

1664 годъ.

Ярославецъ Василій, съ 1675 г. крестов. дьякъ.

1665 годъ.

Лаврентьевъ Ѳеодоръ, 1665 и 1666 г. Ѳедотовъ Алексѣй, 1665 г.

1666 годъ.

Евстратовъ Петръ, крестов. дьякъ 1666 и 1667 г.; родный братъ Евдокима Евстратова, Ивановъ Алексѣй, 1666 и 1667 г. путникъ 1 ст. Календа Иванъ, вспѣвакъ, Кирьяновъ Кириллъ, 1666 и 1667 г. путникъ 1 ст. Кушниковъ Тимоѳей, крестов. дьякъ 1666—1675 г.

1668 годъ.

Кощеевъ Семенъ, Сенка, 1668 г.; 1674 г. путникъ 5 ст.; упом. 1677 г. Тверитинъ Димитрій, Мишка, 1668 г.; 1673 г. путн. 4 ст.; 1674 г. путн. 3 ст.; упом. 1678 г.

---

* Изъ патріаршихъ пѣвчихъ. Онъ велъ записную книгу Патріаршаго служенія и Патріаршихъ выходовъ за 1667—1669, 1671, 1672 и 1674 годы. Подлинникъ хранится въ Моск. Синод. ризницѣ подъ № 423. Напечатанъ въ V т. Дополненій къ Акт. Истор. № 26, стр. 98—154.

1669 годъ.

Алексѣевъ Григорій, Гришка, 1669—1674 г.; съ 1675 г. крестов. дьякъ, Голутвинъ Владиміръ Сергѣевъ, Голутвинецъ Володка, 1669—1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 г.; былъ съ Петромъ I въ походѣ на Воронежъ въ 1701 г. Голутвинъ Иванъ Сергѣевъ, Голутвинецъ Ивашка, 1669—1686 г.; ум. 1687 г. Назарьевъ Иванъ, 1669—1671 г. Ѳедоровъ Иванъ, 1669—1671 г.

1672 годъ.

Ивановъ Димитрій, Новгородецъ, 1672—1682 г.; Сп. Соб. 1683 г.; ум. 1683 г. Ивановъ Евдокимъ, Рыло, Новгородецъ; 1672 — 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 — 1692 г. Степановъ Григорій, 1672—1678 г.

1674 годъ.

Львовъ Иванъ, 1674—1678 г.

1675 годъ.

Аверкіевъ Андрей, 1675 г. Андреевъ Ѳеодоръ, 1675—1678 г. Васильевъ Максимъ 1675—1679 г.; В. и П. 1682 г. Васильевъ Семенъ, Григорьевъ Андрей, Новгородецъ, 1675—1681 г.; В. и П. 1682—1687 г. Григорьевъ Родіонъ, Новгородецъ, 1675—1681 г.; В. и П. 1682 и 1683 г. Григорьевъ Тимоѳей, Евтихіевъ Аѳанасій, 1675—1677 г. Евтихіевъ Кипріанъ, 1674 г. 4 ст. и 1 ст. нижникъ; 1675 — 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 г.; ум. 1684 г. Евтихіевъ Павелъ, 1675 — 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 и 1684 г. Еѳимовъ Иванъ, 1675—1681 г.; В. и П. 1682—1689 г. Ивановъ Григорій, 1675—1677 г. Ивановъ Самойло, 1675—1681 г.; Сп. Соб. 1683 г. Іевлевъ Ѳеодоръ, 1675—1678 г. Кононовъ Андрей, 1675—1677 г. Кононовъ Василій, Леонтьевъ Василій, Максимовъ Иларіонъ, 1675—1677 г. Мининъ Игнатій, 1675—1681 г.; В. и П. 1682 и 1683 г Назаровъ Несторъ, 1675—1677 г. Пахомовъ Романъ, 1675—1681 г.; В. и П. 1682 и 1683 г. Перфильевъ Денисъ, 1675—1680 г.; Сп. Соб. 1681—1694 г.; въ 1701 г. пѣвч. Петра I, былъ съ нимъ въ походѣ на Воронежъ, Симоновъ Никифоръ, 1675—1681 г.; В. и П. 1682—1684 г. Терентьевъ Сава, Крутицкій, 1675—1683 г. Тихоновъ Григорій, Хутынецъ, 1675 — 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Нат. Кир. и Мар. Матв. 1684 г. Юдинъ Иванъ, 1675—1681 г. В. и П. 1682—1685 г.

1676 годъ.

Богдановъ Еѳимъ, 1676 г.; крест. дьякъ; ум. 1688 г. Никитинъ Ѳаддей, 1676—1683 г.

1678 годъ.

Максимовъ Потапъ, писецъ нарѣчнаго пѣнія, 1678—1682 г. Матѳѣевъ Даніилъ, 1678—1681 г.; В. и П. 1682 и 1683 г. Михайловъ Андрей, писецъ нарѣчнаго пѣнія, 1678—1682 г.; В. и П. 1682 и 1683 г. Михайловъ Аѳанасій, 1678 — 1683 г. Молявкинъ Константинъ, 1678 — 1681 г.; В. и П. 1682 — 1685 г. Никитинъ Кириллъ, 1678 г. Переславецъ Ѳедотъ, 1678 г. Титовъ Василій, 1678 — 1681 г.; В. и П. 1682—1690 г.

1679 годъ.

Архиповъ Иванъ, Бурмистровъ Лаврентій, Лавринъ Кузминъ, 1679 — 1681 г.; В. и П. 1682—1689 г. Бѣлой Григорій, Васильевъ Василій, Воробьевъ Григорій, 1679—1681 г. Константиновъ Иванъ, Кохановскій Глѣбъ, 1679 и 1680 г. Никитинъ Игнатій, 1679—1683 г. Новгородецъ Иванъ, Остафьевъ Павелъ, Уставщ. 1679 и 1681 г. Повштыцкій Михаилъ, 1679—1681 г.; В. и П. 1682 г. Полинпновъ Матѳей, изъ Стремянныхъ конюховъ, 1679—1683 г. Поповъ Иванъ, 1679—1681 г.; В. и П. 1683 г. Поповъ Максимъ, Сѣдой Осипъ, 1679—1681 г.; В. и П. 1683 г. Титовъ Михаилъ, 1679 и 1680 г.

Ухтомскій Ѳеодотъ, 1679 — 1681 г.; В. 1683 г.; Устав. 1691 г.; Праск. Ѳеод. 1697 г. Филипповъ Григорій, 1679—1683 г. Флорищевскій Владиміръ, Ѳеофановъ Ѳеодоръ, Рязанецъ, 1679 — 1781 г.; В. и П. 1682 г., Сп. Соб. 1683 и 1684 г.

1680 годъ.

Казариновъ Самойло, Вятчанинъ, 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 г.; ум. 1685 г Кирилловъ Леонтій, баснстый, Левка, 1680 и 1681 г; В. и П. 1682—1684 г. Кондратовъ Денисъ, Вятчанинъ, 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 и 1684 г. Никитинъ Михаилъ, 1680 и 1681 г. Новгородецъ Димитрій, 1680 и 1681 г.; В. и П. 1682 г. Пирожковъ, Пирожокъ Осипъ, 1680 и 1681 г.; В. и П. 1682 и 1683 г. Рокицкій Степанъ, Стенка, 1680 и 1681 г.; В. и П. 1682—1688 г. Рутня, Рудинъ, Рутинъ Остафей, Евстаѳій, 1680 и 1681 г.; В. и П. 1682 и 1683 г.

1681 годъ.

Вергуновъ Михаилъ, 1681 г.; В. и П. 1682 — 1688 г.; ум. 1689 г. Іевлевъ Максимъ, Смоленскій, В. и П. 1681—1683 г. Павловъ Авраамъ, 1681 г.; В. и П. 1682 г.; Сп. Соб. 1683 и 1684 г, Соболевскій Николай Ивановъ, 1681 г.; В. и П. 1682—1687 г.; женатъ; ум. 1688 г. Чекаловскій Ѳеодоръ,—ритъ, 1681 г.; Уставщ., В. и П. 1682 г.; ум. 1691 г.

1682 годъ.

Алексѣевъ Павелъ, В. и П. 1682 г. Андреевъ Лука, вспѣвакъ ученикъ, В. и П. 1682 г. Борзаковскій Андрей Ѳеодоровъ, вспѣвакъ ученикъ, Борзаковскій Яковъ Ѳеодоровъ, В. и П. 1682—1689 г. Валединскій Степанъ, Валындовъ, В. и П. 1682 и 1683 г.; Воскр. Соб. 1689 г. Вергуновъ Самойло, вспѣвакъ ученикъ, Воскр. Соб. 1681 г.; В. и П. 1682—1689 г. Власовъ (—сьевъ) Иванъ, Коробочка, вспѣвакъ, В. и П. 1682—1688 г.; Воскр. Соб. 1689 г. Вырезубъ Николай, В. и П. 1682—1684 г. Горбуновъ Иванъ, В. и П. 1682 и 1683 г. Грабовскій Илья, В. и П. 1682 г. Дивицкій Димитрій. В. и П. 1682 и 1683 г.; Сп. Соб. 1694 г. Ефремовъ Григорій, В. и П. 1682 г. Константиновъ Михаилъ, вспѣвакъ ученикъ, В. и П. 1682 г. Корсаковъ Григорій Леонтьевъ, В. и П. 1682 г.; съ 1691 г. пѣвчій Маѳ. Матѳ. Карсаковъ Яковъ Леонтьевъ, В. и П. 1682 и 1683 г. Крутицкій Иванъ, В. П. 1682 г. Крутицкій Тимоѳей, В. и П. 1682 и 1683 г.; выб. 1687 г. Куликъ Матѳей, В. и П. 1682 г. Михайловъ Иванъ, Можеловскій Самойло, В. и П. 1682—1684 г.; выб. 1687 г. Никитинъ Андрей, В. и П. 1682 г. Никифоровъ Иванъ, В. и П. 1682 г. Поляниновъ Иванъ, вспѣвакъ ученикъ, Поповъ Тимоѳей, 1682 и 1683 г. Сцибуровъ Степанъ Лукьяновъ, баснстый, В. и П. 1682—1684 г. Тимолаевъ Иванъ, Титовъ Михаилъ, Устиновъ Прокопій, Прошка, Ханенко Данилъ, В. и П. 1682 г Черницынъ Ѳеодоръ, В. и П. 1682 и 1683 г.; выб. 1687 г. Юхновскій Павелъ, Пашка, В. и П. 1682 — 1684 г. Юнакъ Илья Савельевъ, В. и П. 1682 г.; выб. 1687 г.

1683 годъ.

Барышевскій Андрей, Вяземскій Никифоръ, — книга Кондратовъ, учитель, Сп. Соб. 1683—99; пѣвч. Петра I-го, былъ съ нимъ въ походѣ на Воронежѣ въ 1701 г. Гаврилецкій Павелъ, В. и П. 1683—1685 г. Гламадзинскій Захаръ Петровъ, 1683 г.; выб. 1693 г. Емельяновъ Ѳеодоръ, Журавскій Семенъ Ивановъ, 1683—1685 г. Плинъ, Ильяшевъ Осипъ, Киркеевскій Степанъ Григорьевъ, Волынецъ, Климашевскій Іосифъ, Люблинскій, Люблинецкій Семенъ, В. и П. 1683 г. Мочалинъ Максимъ, В. и П. 1683 г. Муромцовъ Антонъ Алексѣевъ, 1683 и 1684 г. Наумовъ Матѳей, Сп. Соб. 1683—1699 г. Яновскій Димитрій Семеновъ, 1683—1689 г.; Поном. при Сош. св. Духа въ 1684 г.

1684 годъ.

Аѳанасьевъ Коновъ, Дьяконовъ Василій Евдокимовъ, Сп. Соб. 1684 г.; пѣвч. Петра I, былъ съ нимъ въ походѣ на Воронежѣ съ 1701 г. Комовъ Лавринъ Степановъ, отъ Гетмана, Лукьяновъ Ва-

силій, Матѳѣевъ Василій, Сп. Соб. 1684—1693 г. Пашинъ Алексѣй Ивановъ, Семеновъ Исаіа, Сп. Соб. 1684 г.; ум. 1687 г.

1685 годъ.

Степановъ Ѳеодоръ, изъ Кіева, 1685 — 1693 г. Тимоѳеевъ Григорій, изъ Кіева, Зенборовскій, выб. въ 1687 г. Хибовскій Глѣбъ, Подвинскій Иванъ, Ивашка, 1686—1689 г.

1687 годъ.

Андреевъ Тимоѳей, Арамецкій Димитрій Степановъ, Дубровскій Ѳеодоръ, Дѣевъ Никита Павловъ, 1687 г.; въ 1701 г. пѣвчій Петра I-го, Ивановъ Спиридонъ, 1687 г.; въ 170 г. пѣвчій Петра, I-го Любицкій Захарко, Маленковъ Прокопій Григорьевъ, 1687 г.; Воскрес. Соб. 1689 г. Назаровъ Иванъ, 1687 и 1688 г. Никитинъ Алексѣй, 1687 г.; въ 1701 г. пѣвчій Петра I-го, Семеновъ Максимъ, Тимоѳеевъ Василій, Холмогоровъ (Колмогоръ) Михаилъ Никитинъ, 1687 г.; въ 1701 г. пѣвч. Петра I-го, былъ съ нимъ въ походѣ на Воронежъ, Хоминскій (Ѳоминскій) Василій, Васька, 1687 г.; Воскрес. Соб. 1689 г. Яблонскій Степанъ 1687 г.; съ 1688 г. крестов. дьякъ, Яковлевъ Кондратъ, Ѳедосѣевъ Яковъ.

1690 годъ.

Пиеховъ Алексѣй, Леонтьевъ Илья, Петровъ Илья.

1691 годъ.

Васильевъ Андрей Нижегородецъ, 1691—1699 г.; въ 1701 г. пѣвч. Петра I-го, былъ съ нимъ, въ походѣ на Воронежъ, Дубнецкой Григорій. Матѳѣевъ Иванъ, 1691 г.; въ 1701 г. нарѣчнаго пѣнія писецъ при пѣвчихъ Петра I-го.

1692 годъ.

Бѣляевъ, Бѣляй Иванъ Терентьевъ, 1692 г.; Сп. Соб. 1694 г.; въ 1701 г. пѣвч. Петра I-го; былъ съ нимъ въ походѣ на Воронежъ, Григорьевъ Иванъ, 1692 г. Димитріевъ Степанъ, 1692 г., въ 1701 г. нарѣчнаго пѣнія писецъ при пѣвчихъ Петра I-го.

1693 годъ.

Бѣляевъ Степанъ Ивановъ, пѣвч. и Уставщ Петра I-го, въ 1701 въ пох. Воронеж., и въ 1702 г. Соловецк Григорьевъ Ѳеодоръ, Ѳедка, Казанецъ, пѣвч. Петра I го, былъ съ нимъ въ походѣ на Воронежъ 1701 г. Протопоповъ Иванъ Семенъ Ростовецъ, Протопоповъ Романъ Семеновъ Ростовецъ, пѣвч. Петра I-го Шиловскій Иванъ, Ивашко, Ширяевъ Иванъ Ивашко.

1694 годъ.

Степановъ Иванъ, Уставщикъ Сп. Соб.

1699 годъ.

Бѣляевъ Петръ, Бѣляевъ Іосифъ, Бѣляевъ Сила, Васильевъ Прокопій, Ивановъ Никита (Аника), пѣвчіе Петра I-го; были съ нимъ въ 1701 г. въ походѣ на Воронежъ, Резанецъ Никита, пѣвчій Петра I-го, упом. 1701 г.

1701 годъ.

Тихоновъ Алексѣй, новоприверстанный пѣвчій.

Д. Ч. Прот. Дим. Разумовскій.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАТЕРІАЛЫ.

ИКОНОПИСНЫЙ ПОДЛИННИКЪ

НОВГОРОДСКОЙ РЕДАКЦІИ

ПО СОФІЙСКОМУ СПИСКУ

КОНЦА XVI ВѢКА.

СЪ ВАРЬЯНТАМИ ИЗЪ СПИСКОВЪ

Забѣлина и Филимонова.

ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ

Русскаго иконописнаго подлинника.

Въ ученой литературѣ давно сказывается потребность въ изданіи *русскаго иконописнаго Подлинника*, съ одной стороны, какъ памятника древней литературы, съ другой, какъ руководства современной иконописной практики.

Капитальное произведеніе народнаго творчества, имѣющее цѣлію представить систематическій сводъ *подлинныхъ* указаній для изображеній святыхъ, русскій иконописный Подлинникъ, служа богатымъ матеріаломъ для изученія художественныхъ и религіозныхъ воззрѣній въ древней Россіи, заключаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе элементы древне-христіанской иконографіи. Но пользоваться его текстомъ, пока онъ не обнародованъ въ полномъ составѣ и не обработанъ критически, крайне затруднительно, какъ для ученыхъ работъ, такъ и для художественныхъ.

Русскій иконописный Подлинникъ дошелъ до насъ во множествѣ списковъ различныхъ редакцій, съ XVI по XIX вѣкъ. Древнѣйшіе изъ нихъ слишкомъ кратки, средніе уже переполняются мѣстными матеріалами, а позднѣйшіе, кромѣ того, слишкомъ удаляются отъ первоначальнаго источника. Наконецъ, при переписке всѣхъ списковъ не могли не вкрасться разнаго рода погрѣшности и между прочимъ такія, которыя исправляются только путемъ сравнительнаго изученія и критическаго анализа.

Приступая къ изданію Подлинника по собраннымъ нами спискамъ, мы избираемъ на первый разъ самую древнюю изъ извѣстныхъ намъ редакцій, которую относимъ къ XVI вѣку и называемъ *Новгородскою* потому, что два списка ея, какъ по составу, такъ и по формамъ языка носятъ слѣды этого времени и этой мѣстности.

Одинъ изъ этихъ списковъ принадлежалъ нѣкогда библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, откуда въ 1856 году перенесенъ въ библіотеку С.-Петербургской Духовной Академіи и значится здѣсь за № 1523. Рукопись въ 8-ую долю, на 220 листахъ, въ деревянномъ, крытомъ кожею переплетѣ, писана полууставомъ XVI вѣка на желтоватой бумагѣ, съ приписками десяти первыхъ листовъ и 218-го скорописью XVII вѣка на бѣлой бумагѣ. Недостававшій уже въ XVII вѣкѣ текстъ былъ замѣненъ, хотя не изъ той же редакціи Подлинника, но весьма близко подходящей. На доскѣ переплета, обнаженной отъ кожи, снаружи крыши, написано чернилами: *Подлинникъ иконной*; съ внутренней стороны крыши: *Подлинникъ иконнаго писма, старца Матѳея Никифорова*. Тутъ же пониже, другими, болѣе яснымъ чернилами и другою рукою: *во 183 году, ноября въ 21 день отданъ на приклонъ Егорьевскому священнику*. Въ концѣ Подлинника, послѣ добавочной статьи, содержащей указъ стѣнному письму, безъ начала и написанной на двухъ листкахъ мелкимъ полууставомъ начала XVII вѣка, на отдѣльномъ, также вставленномъ въ послѣдствіи, листкѣ помѣщена поминальная запись владѣльца рукописи: *Родъ старца Матѳея Никифорова*. Помяни Господи души схимонаха Антонія, Схимонаха Діонисія, Ѳеодота, Татіаны, Никифора, Екатерины, Григорія, Ѳеодосіи, млад. Евѳимія, Ѳеотиніи, млад. Антонія.

Другой списокъ принадлежитъ библіотекѣ извѣстнаго нашего археолога И. Е. Забѣлина. Онъ писанъ также въ XVI вѣкѣ, краснымъ, ровнымъ, но весьма мелкимъ полууставомъ, на бумагѣ пожелтѣвшей отъ времени, въ 8-ую долю листа, безъ переплета. Сохранилось отъ него къ сожалѣнію всего 140 листовъ. Первыхъ листовъ текста не достаетъ. Онъ начинается описаніемъ святыхъ 17 Сентября; недостаетъ кромѣ того, съ первыхъ чиселъ до 11 Октября. Собственно текстъ Подлинника оканчивается на 109 листѣ; за тѣмъ слѣдуетъ азбучный ключъ и нѣсколько бѣлыхъ листовъ; съ 111 листа по 113 включительно прибавочныя статьи, содержащія указъ стѣнному письму, объясненія значенія *Космоса* въ иконѣ Пятидесятницы, о колѣнопреклонныхъ молитвахъ на празд-

никъ пятидесятницы, наконецъ съ 114 листа до конца ключъ пасхальный.

Третій списокъ той же редакціи принадлежитъ Г. Д. Филимонову и относится къ XVII-му вѣку. Писанъ скорописью, на 130 листахъ въ 12-ую долю. Въ концѣ текста Подлинника, послѣ описанія святыхъ 31 Августа, тою же рукою, которою писана большая часть текста, приписано слѣдующее: *Конецъ сія книги Подлинника. Написана лѣта 7176 году ноября въ 13 день.* Послѣ того, на четырехъ листахъ, тѣмъ же почеркомъ, писана статья, озаглавленная слѣдующими словами: *Подлинникъ святымъ праотцамъ, како ихъ писати.* Въ концѣ помѣщены различныя замѣтки иконописцевъ позднѣйшаго времени. Въ началѣ Подлинника было оставлено нѣсколько порожнихъ листовъ и на оборотѣ одного изъ нихъ, противъ перваго листа съ текстомъ нарисовано перомъ изображеніе св. Саввы Освященнаго. Преподобный, сидя у стола, на которомъ лежитъ книга съ бѣлыми листами, занимается очинкою пера. На оборотѣ другаго листа въ началѣ Подлинника сдѣлана подпись: *сій Подлинникъ города Касимова посадскаго человѣка Алексѣя Микифорова сына Гладильщикова.*

Перваго листа текста къ сожалѣнію не достаетъ и въ этомъ спискѣ, и мы не можемъ возстановить его, пока не откроются той же редакціи начальные листы въ другихъ спискахъ, намъ неизвѣстныхъ. Сохранившійся второй листъ начинается на полусловѣ *мн* т. е. власами кудрявъ и проч., очевидно изъ описанія подобія св. Симеона столпника, 1-го числа Сентября.

Общій отличительный признакъ Подлинника древней новгородской редакціи составляетъ краткость его текста. Расположенный, какъ и всѣ вообще Подлинники (въ порядкѣ древняго мѣсяцеслова, начинавшагося съ Сентября и кончавшагося Августомъ), называемые мѣсяцесловными, въ отличіе отъ алфавитныхъ, Новгородскій Подлинникъ представляетъ подобіе святыхъ признанныхъ церковью преимущественно до XVI столѣтія, не описываетъ подобія и нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ имъ святыхъ только что признанныхъ въ то время, не описываетъ подробно и праздниковъ, напр. 6 и 26 Сентября и Декабря, 2 Февраля, 9 Мая и 15 Августа. При ссылкахъ на типы принимаетъ постоянно два типа святыхъ, Козмы и Дамьяна, или Флора и Лавра и Бориса и Глѣба за одинъ и тотъ же типъ.

Взаимныя отношенія трехъ списковъ Новгородской редакціи таковы. Древнѣе всѣхъ, а потому и короче Забѣлинскій. Существенная разница его текста съ Софійскимъ заключается въ томъ, что первый менѣе подвергся вліянію мѣсяцеслова. Хотя имена святыхъ расположены здѣсь подъ тѣми же числами, но тотчасъ за именемъ святаго, въ именительномъ падежѣ, слѣдуетъ описаніе его подобія, тогда какъ въ Софійскомъ спискѣ сначала упоминается имя святаго для празднованія, иногда и перечень нѣсколькихъ святыхъ, въ родительномъ падежѣ, а затѣмъ повторяется имя каждаго, съ описаніемъ его подобія, какъ въ Забѣлинскомъ.

Мы избрали для печати Софійскій списокъ потому только, что онъ полнѣе по составу и изданіе его дѣлаетъ почти излишнимъ отдѣльныя изданія списковъ Забѣлинскаго и Филимоновскаго, тѣмъ болѣе что варьянты этихъ двухъ списковъ приложены нами во всѣхъ подробностяхъ, а для знакомства съ характеромъ текста достаточно и тѣхъ статей, которыми мы будемъ принуждены пополнять недостающія мѣста въ Софійскомъ подлинникѣ.

При печатаніи мы постараемся по возможности удержать характеръ оригинала во всей его неприкосновенности, дѣлая только необходимыя уступки современному произношенію и тексту современныхъ святцевъ. Въ выноскахъ списокъ Забѣлинскій будетъ означенъ: Сп. З., а списокъ Филимонова: Сп. Ф.

Г. Ф.

СОФІЙСКІЙ СПИСОКЪ ПОДЛИННИКА

Новгородской редакціи, XVI вѣка.

Мѣсяцъ Сентябрь.

(Текстъ другой редакціи, приписанный еще въ XVII-мъ вѣкѣ, въ замѣнъ утраченныхъ листовъ.)

1. Память преподобнаго отца нашего Симеона. Преподобный Симеонъ столпникъ. Сѣдъ, въ схимѣ, на главѣ власы извились.

2. Святый мученикъ Мамонтъ. Младъ, подобіе Егорґіево. Риза киноварь, исподь лазорь. Въ той же день святитель Іоаннъ постникъ. Русъ, брада Василія Кесарійскаго, а покороче [1]; риза бѣла, кресты.

3. Священномученикъ Аѳонимъ. Брада сѣда, аки Власьева, риза кресчета. Въ той же день преподобный Ѳеоктистъ. Брада сѣда, Аѳонимьевы подолѣ, на концы поуже; ряска вохра съ бѣлилы.

4. Священномученикъ Вавила. Брада сѣда, подолѣ Николины, риза кресты багровы. Предъ нимъ стоятъ три младенцы, съ кресты. Въ той же день Моисей Боговидецъ и Законодавецъ. Плѣшивъ, брада Златоустова.

5. Пророкъ Захарія. Сѣдъ, брада узка, а долга, косы по плечи, верхъ празелень, средняя киноварь съ бѣлилы, исподь лазорь.

6. Чудо Архистратига Михаила. Архипъ пономарь, сѣдъ, плѣшивъ.

7. Мученикъ Созонтъ. Русъ, брада Никитина, риза киноварь, исподь лазорь; и власы Никитины жь.

8. Рожество пречистыя владычицы нашея Богородицы.

9. Богоотецъ Іоакимъ и Анна. Іоакиму ризы дымчаты, а у Анны ризы верхъ киноварь, исподь лазорь. Въ той же день мученикъ Северіанъ. Русъ аки Козма Демьянъ, риза лазорь, исподь киноварь съ бѣлилами.

10. Святыхъ мученицъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры. На первой риза красна вохра, исподь лазорь, у средніе риза дымчата, исподь лазорь, на третьей риза лазорь, исподь киноварь.

11. Преподобная Ѳеодора. Въ рукѣ крестъ, а въ схимѣ; верхъ риза лазорь дика, исподь дымчатый.

12. Священномученикъ Автономъ. Брада руса, тѣнена легко, аки Козмы Демьяна, а власы свились съ ушей; риза багрова, пробѣлена лазорью, исподь вохра съ бѣлиломъ; воротъ вохра, аки поповскій; а исподъ верхніе ризы видѣти патрахиль; въ рукахъ книга. А на главѣ плѣшь.

13. Священномученикъ Корнилей сотникъ. Русъ аки Флоръ. Риза верхняя поповская, а у ворота аки у попа, киноварь съ лазорью, пробѣленъ. Исподь бѣленъ лазорью. Патрахиль есть же.

14. Въздвиженіе честнаго Креста. Селивестръ сѣдъ, брада аки Власіева, плѣшивъ.

15. Святый мученикъ Никита. Брада и власы аки Христовы. Вооруженъ аки воинъ, приволока киноварь, исподь дымчатъ; въ правой копіе, въ лѣвой мечь въ ножнахъ.

16. Святыя мученицы Евфиміи. Риза празелень, исподъ лазорь.

17. Святихъ дѣвъ и мученикъ: Вѣры, Любви и Надежи и матери ихъ Софіи. Съ правую руку Софіи [1] въ красной, на другой лазорь; третья дѣвица празелень.

18. Преподобный отецъ Евменій. Сѣдъ, брада Власіева, на концѣ космочки а риза святительская, кресчета, бѣла, исподь вохра съ бѣлилы.

19. Святыхъ мучениковъ: Трофима, Савватіа и Доримента. Трофимъ сѣдъ, брада менши Власьевы, риза празелень, подпоясанъ, исподь риза лазорь. Савватій младъ аки Егоргій, риза празелень, средняя багоръ

[1] Въ текстѣ, ошибочно, слово-короче поставлено въ концѣ, послѣ слова кресты.

[1] Въ текстѣ: Соломониды.

съ киноваремъ, исподь киноварь. Дорименть младъ, таковъ же акн Егоргей, съ ушей акн развились власы, риза киноварь, исподь лазорь. Въ той же день князь Ѳеодоръ Смоленскій и Ярославскій и дѣти его, князь Давидъ и Констянтинъ. Възрастомъ подъ назусѣ ему стоятъ, а шубы на нихъ камчаты, и подобіе Борпса и Глѣба. У князя Ѳеодора брада сѣда, Сергіевы подолѣ, безъ прописей, риза исподь дымчатъ, а въ схимѣ.

20. Святыхъ мученикъ Евстаѳіа и супружницы его Татіаны и чадъ его Іоанна и Аркадіа. [1] Евстаѳей русъ акн Егоргій, брада Кузмина, вооруженъ, риза верхная киноварь, перекипена черезъ плече лѣвое подъ правую руку, а доспѣхъ дымчатъ пернастъ, риза исподь лазорь, въ рукѣ правой копіе, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ. Іоаннъ и Аркадій стоятъ въ сорочкахъ. А мати ихъ, риза верхъ празелень, исподь лазорь. Въ той же день князя Михаила Черниговьскаго и болярина его Ѳеодора. Михаилъ русъ, власыма кудреватъ, а брада Василія Кесарійскаго покороче, съ просѣдью, шуба верхная камчата, киноварь съ бѣлиломъ, лазорью пестрена, а исподь лазурева камка. Ѳеодоръ болярнъ сѣдъ, власы съ ушей, брада долѣ Власьевы, шуба верхъ лазорь пестрена, исподь киноварь пестрена, въ рукахъ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ. У князя рука молебна а въ другой мечъ въ ножнахъ, а зритъ на Ѳеодора.

21. Апостолъ Кондратъ. Русъ, плѣшивъ, брада поуже Златоустовы, на плечехъ амфоръ, въ рукахъ евангеліе, риза дичь, исподь лазорь.

22. Священномученикъ Фока. Сѣдъ, акн Власей, а безъ амфора, риза проста, исподь дымчатъ, въ исподѣ патрахиль; а держитъ еуангеліе. Въ той же день пророкъ Іона. Сѣдъ, плѣшивъ акн Никола, риза вохра въ пробѣлѣ, (въ рукѣ свптокъ, а среди ихъ шаръ.) [2] Въ той же день Іоны презвитера. Сѣдъ акн Іоаннъ Богословъ. Риза багоръ, поповскаа, багоръ празеленью пробѣленъ, а на плечехъ лазорью пещрена, исподь празелень, бѣла дичь; подъ ризою патрахиль. Пророкъ съ правую стоитъ, а Іона презвитеръ посредѣ ихъ, а Фока съ лѣвую.

23. Зачатіе Іоанна Крестителя. Захаріа святую службу творитъ въ церкви. Гаврінлъ стоитъ противъ его смирно, а рукѣ держитъ молебны у престола. А надъ ними по Херувиму. За Захарьею стоятъ старцы: близъ его старецъ сѣдъ акн Власій, другій сѣдъ же, брада акн Николина и долѣ, риза со главы пошла празеленна; а подолѣ ихъ стоятъ мужи: сѣдъ акн Никола, риза лазорь, а около главы киноварь съ бѣлилы, а возлѣ его стоитъ сѣдъ, брада долѣ Николины, а на шеи платъ лазоревъ; а инїи мужи и жены за ними. Възлѣ ихъ полата, а другую сторону другая полата, подлѣ Гаврінла. Покровъ надъ службою киноварь, акн шатрецъ въ пробѣлѣ, распяленъ пятьми вервьми бѣлыми, а наверхъ шатреца лазорца. А престолъ предъ Захаріею киноварь съ бѣлиломъ, а верхъ у престола празелень.

24. Святаа мученица Ѳекла. Около главы лазорь, а риза дичь санкиръ, въ рукахъ еуангеліе, а ноги босы, у ризы рукава широкы.

25. Преподобная Евфросиніа. Около главы санкирь дичью, а риза лазорь дикая, а ряска дымчата. Въ той же день Преставленіе преподобнаго отца нашего Сергіа. Лежитъ во гробѣ; исподняя риза дымчата; гробъ багоръ съ бѣлиломъ. У главы Сергіевы стоитъ святитель, сѣдъ, плѣшивъ, ризы кресчаты, брада Аѳонасьева и поуже. За нимъ діяконъ младъ, а на странѣ, посредѣ гроба, игуменъ стоитъ, брада акн Сергіева, сѣдъ, въ клобукѣ, а риза празелень, а исподь дымчатъ; а за нимъ старцы стоятъ, у двухъ брады сѣды, а долгы; на единомъ риза празелень, посвѣтлѣе игумновы вздика, ряска вохра съ бѣлиломъ. А подлѣ ихъ иныхъ много.

26. Апостолъ Іоаннъ Богословъ. Риза исподь лазорь.

27. Святаго мученика Калистрата. Акн Флоръ, риза киноварь, исподь лазорь, въ лѣвой, свитокъ.

28. Преподобный Харитонъ. Сѣдъ, акн Власей, риза багоръ съ празеленью, дика, исподь вохра съ киноваремъ.

29. Преподобный Кирїякъ. Сѣдъ, брада Богослова Іоанна, на концы развилась, исподь дымчатъ.

30. Священномученикъ Григорей. Акн Василей Кесарійскій. Брада посвѣтлѣе Васпліевы, съ просѣдью, а на немъ амфоръ, а риза багоръ дикъ, а исподь празелень дымчата: патрахиль есть.

Мѣсяцъ Сентябрь

(Текстъ той же Новгородской редакціи XVI вѣка но по позднѣйшему, XVII-го вѣка списку, Г. Д. Филимонова.)

1. Преподобнаго отца нашего Симеона Столпника архимандрита и матери его Маріы. Симеонъ. Сѣдъ, брадою акн Николае, въ схимѣ, власами [1] кудрявъ, рука благословенная. Маріа, акн Евдокѣя, ряска санкиръ. Мученикъ Аѳоалъ. [2] Акн Козма, діаконъ. Ам-

[1] См. прим. къ тому же числу слѣдующаго списка.

[2] Заключенное въ скобки приписано на поляхъ.

[1] Такъ какъ въ двухъ древнѣйшихъ спискахъ этой редакціи Подлинника, въ Софійскомъ и Забѣлинскомъ, не достаетъ первыхъ листовъ, то мы и замѣняемъ ихъ по 17-ое число той же редакціи позднѣйшимъ спискомъ Филимонова, въ которомъ нѣтъ одного только перваго листка и текстъ начинается словами: *ми кудрявъ*, рука благословенная и проч. При возстановленіи первыхъ строкъ, вначалѣ, мы ограничились пополненіемъ только необходимымъ для уразумѣнія смысла.

[2] Въ текстѣ, по описке, Аѳонимъ

монъ. Надсѣдъ, брада Козмина. Іисусъ Навинъ. Брадою русъ, во бронѣхъ. И Соборъ Пресвятыя Богородицы иже въ Міасинѣхъ — Пречистая Азуревская. Стоитъ градъ, а къ нему идетъ святитель аки Власій, а предъ нимъ несутъ икону Владимірскую Богородицу, старцы и народи идутъ со кресты. А въ долу езера гора, а на езери стоитъ корабль съ вои своими. А пречистыя образъ изъ езера выплылъ, а святитель аки Власій принялъ пречистыя образъ руками. А за нимъ народъ: стары и русы и млади, со кресты. Индиктъ. Господь въ совершеннѣ образѣ стоитъ посреди града Назарета, чтетъ книгу Исаи пророка; глаголетъ въ ней: «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя.» Во облацѣ Господь Савао҃въ. Изо устъ его Духъ Святый, на главѣ Господни. Предъ нимъ и за нимъ Іуден. Подпись: «вниде Іисусъ въ Назаретъ, идѣже бѣ воспитанъ, и вниде, по обычаю, въ сонмище.» Князь великій Ѳеодоръ преставися. Во бронѣхъ, русъ, аки Борисъ.

2. Страданіе святаго мученика Мамонта. Образомъ и власами младъ, аки Георгій, верхъ риза киноварь, исподь лазорь. Въ той же день память преподобнаго отца нашего Іоанна Постника. Образомъ и власами русъ, а брада аки Василія Великаго, а покороче, ризы святительскія, въ рукѣ евангеліе.

3. Святаго священномученика Анѳима, епископа Никомидійскаго. Образомъ и власами сѣдъ, а брада аки Власьева, риза святительская, кресчата, въ рудѣ евангеліе.

4. Святаго священномученика Вавилы архіепископа. У Вавилы брада сѣда, подолѣ Николины, риза кресчата, багрова, съ бѣлилы, съ дикая дичь; и ты приложи вохры или празелени и станетъ дичь. Предъ нимъ стоитъ три млады; въ рукахъ держатъ кресты. Другой Вавила. Подобіе все Григорія Богослова. Въ той же день святаго Моисея Боговидца и Законодавца. Брадою аки Златоустъ, образомъ плѣшивъ, риза багоръ, исподь лазорь. Въ той же день преподобанго отца нашего Ѳеоктиста.[1] Образомъ сѣдъ, а брада подолѣ Власьевы, на концѣ поуже, ряска вохра съ бѣлилы. Святыя мученицы Василиссы[2] дѣвицы. Василиска[3] аки Пятница, простовласа. Подъ ногами камень. И Ерміоны, дщери Филиппа апостола. Дѣвица простовласа, риза лазорь, подпоясана. Навелъ епископъ. Сѣдъ, брада Власіева, риза кресчата, въ рукахъ евангеліе.

5. Пророкъ Захаріа. Сѣдъ, брада узка, а долга. Косы по плечъ. Верхъ празелень, среднял киноварь съ бѣлилы, исподъ лазорь.

6. Архистратига Михаила. Архипъ пономарь: сѣдъ, плѣшивъ. Святаго мученика Евдокима.[1] Образомъ аки Дмитрій, младъ. Преподобный Кириллъ Гортунскій. Сѣдъ, брада со Власьеву, на концѣ поуже, повилась, риза кресчата, исподъ лазорь. Преподобнаго Давида, разбойника. Сѣдъ, брада аки Власіева, схима на главѣ, риза преподобническая.

7. Мученикъ Созонтъ. Русъ, брада Никитина и власы, риза киноварь исподъ лазорь. Въ той же день святаго отца нашего Ивана архіепископа Новаграда. Святый Прохоръ, епископъ Ростовскій[2]. Иванъ сѣдъ, брада Сергіева, исподъ вохра. Прохоръ новый чудотворецъ, русъ, брада Ивана Златоустаго, риза багоръ, исподъ празелень.

8. Рождество Пресвятей Богородицы. Ниши аки Рождество Ивана Предтечи, вмѣсто Захаріи Іоакима ниши.

9. Богоотецъ Іоакима и Анны. Іоакиму риза дымчата, исподъ лазорь, а у Анны риза верхъ киноварь, исподъ лазорь. Въ той же день мученику Севериану, Русъ, брада аки Козмы и Даміана. Риза лазорь, исподъ киноварь съ бѣлилы. Преподобный отецъ Іосифъ Ламскій. Сѣдъ, брада Сергіевы поуже, плѣшивъ, исподъ празелень.

10. Святыхъ мученицъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры. Съ края, риза багоръ, исподъ лазорь, а средняя, верхъ риза дымчата, исподъ лазорь, а на третьей, риза лазорь, исподъ киноварь. Преподобный отецъ Арсеній Коневскій. Сѣдъ, брада Сергіева, аки Іосифъ Ламскій. Святый Павелъ исповѣдникъ Никейскій. Сѣдъ, брада Сергіева, ризы святительскія, со амфоромъ; въ рукахъ евангеліе.

11. Память преподобныя матери нашея Ѳеодоры Александрійскія. Преподобная въ схимѣ, риза багрова, верхъ лазорь дикъ, исподъ дымчатъ, въ рудѣ крестъ.

12. Святаго священномученика Автонома. Священномученикъ Автономъ. Русъ, брада тѣнена легко, аки Козмы и Дамьяна. Власы съ ушей свилисъ. Риза багрецъ, пробѣлъ лазорью, у ворота вохра, исподъ вохра съ бѣлилы, риза безъ амфора, а исподъ риза патрахиль; въ рукахъ книга, на главѣ плѣшь.

13. Обновленіе храма Христа Бога нашего Воскресенія. И святаго священномученика Корнилія Сотника. И предпразднество Воздвиженію честнаго и животворящаго Креста Господня. Корнилей Сотникъ. Средней, русъ, власы Флора и Лавра. У ворота лазорь, киноварь съ лазорью, пробѣлъ съ лазорью, исподъ риза патрахиль; исподъ съ бѣлилы.

---

[1] 3-го числа, по соврем. святцамъ.

[2] 3-го числа, также.

[3] Въ текстѣ Василиски.

---

[1] вм. Евдоксія

[2] Встрѣчается въ другихъ редакціяхъ, хотя въ святцахъ и нѣтъ этого святаго подъ тѣмъ же числомъ.

14. Всемірное Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Успеніе иже во святыхъ отца нашего Іоанна патріарха Царя-града. Селивестръ святитель: плѣшивъ, брада Власьева.

15. Святаго великомученика Никиты. У Никиты власы и брада аки Христова, а приволока червчата вооруженъ, исподь дымчатъ, въ правой рукѣ копіе, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, а рукава багрецъ лазорь пробѣленъ.

16. Святыя великомученицы Евфиміи прехвальныя. Риза празелень, исподь лазорь.

17. Стятыхъ [1] мученицъ Вѣры, Любви и Надежи, и матери ихъ Софіи. Съ правою руку у Софьи, въ красной, среднял, лазорь, третья, празелень, а дѣвица жь. [2]

18. Преподобный Евменій. Сѣдъ, брада аки Власьева, на концы космыни; риза бѣла кресчата, исподь вохра съ бѣлилы, амфоръ съ празеленью.

19. Мученики: Трофимъ и Саввантъ и Дориментъ. [3] Трофимъ сѣдъ, брада меншп Власьева, риза празелень, подпоясанъ, исподь лазорь. Саввантъ младъ, власы Георгіевы, риза празелень, средняя багоръ съ киноваремъ, исподь киноварь. Дориментъ младъ же [4], (власы) таковы же, на концы растрепались; риза киноварь, исподь лазорь. Въ той же день князь Ѳеодоръ Смоленскій и Ярославскій. Дѣти его, князь Давыдъ и Коньстяньтинъ возрастомъ стоятъ ему подъ пазусѣ. Шубы на нихъ Бориса и Глѣба. Князь Ѳеодоръ браду имѣетъ Сергіевы долѣ, безъ прописи, исподь дымчатъ, а самъ въ схимѣ.

20. Мученикъ Евстаѳій. Средній, власы Георгія, риза киноварь, черезъ плечо лѣвое подъ правую руку, доспѣхъ дымчатъ пернатъ, рукава лазорь, исподь лазорь, въ правой руцѣ копіе, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ. Іоаннъ и Аркадій [5] въ сорочкахъ. А мати ихъ, риза празелень, исподь лазорь. Того же дни князь Михаило Черниговьскій. Русъ, власы кудри, а брада короче Василія Кесарійскаго, съ просѣдью; шуба верьхняя камка киноварь съ бѣлилы, лазорью пестрена, исподь лазорь камка. Ѳеодоръ сѣдъ, власы съ ушей, брада долѣ Власьевы, шуба верхъ лазорь пестрена, исподь киноварь пестрена; въ руцѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ [1]; а зритъ на Ѳеодора.

21. Апостолъ Кондратъ. Плѣшивъ, русъ; брада уже Козмы и Даміяна. А на немъ амфоръ, въ рукахъ евангеліе, риза дичь, исподь лазорь.

22. Священномученикъ Фока. Сѣдъ, аки Власей, риза безъ амфора, а держитъ евангеліе, исподь дымъ. Святый пророкъ Іона. Сѣдъ, плѣшивъ, брада Николина, риза вохра пробѣлена, а въ рущѣ свиткъ; а среди ихъ Іона [2] презвитеръ, аки Іоаннъ Богословъ, риза багрова, пробѣлъ празелень, а на плечехъ лазорь, а въ исподи патрахиль, а исподніе ризы празелень бѣла дичью. Пророкъ Іона съ правую руку Іоны презвитера, а съ лѣвую руку священномученикъ Фока.

23. Зачатіе Предтечи. Пророкъ Захарія служитъ святую службу, а Гаврінлъ стоитъ противъ его смирно, а рущѣ имать молебны у престола; а надъ ними по Херувиму, а за Захаріею стоятъ старцы: близь его единъ сѣдъ, аки Власей, а другій—риза празелень и главѣ тажь риза; сѣдъ, брада Николина, подлѣ; а подалѣ же стоятъ миисп: единъ сѣдъ, брада аки Николы, риза лазорь, а около главы киноварь съ бѣлилы, а возлѣ его, брада сѣда, подолѣ Николы, а на шеѣ платъ лазорь; а иные мужи и жены за ними; а возлѣ ихъ полата, а съ другую сторону, подлѣ Гаврінла, другая полата; а среди полаты покровъ надъ службою киноварь пробѣленъ, а по вершку лазорь, а роспяленъ пятьми вервицами бѣлыми; а престолъ предъ Захаріею киноваренъ съ бѣлилы, а верхъ у престола празелень.

24. Мученица Ѳекла. Около главы лазорь, а риза дичь санкирная, а въ рукахъ евангеліе, а ноги босы, а у ризы рукава широки.

25. Преподобная Евфроспнія. Около главы клобукъ, санкирь дичью, а риза лазорь дикая, ряска дымчата. Въ той же день Преставленіе Сергія. Лежитъ Сергій во гробѣ. Гробъ багровъ съ киноварью и съ бѣлилмъ. А у Сергія ряска дымчата; а въ головахъ у Сергія стоитъ святитель сѣдъ, плѣшивъ, риза кресчетая, брада аки Аѳонасіева, а поуже, а за нимъ діяконъ младъ, а среди гроба, на странѣ, стоитъ игуменъ, а брада аки Сергіева, сѣдъ, а въ клобукѣ, а риза на немъ празелень, исподь дымчатъ, а за нимъ старцы, у дву брады долги, а сѣды; на единомъ риза празелень посвѣтлѣе игумены сѣдика, а ряска вохра съ бѣлилмъ, а подлѣ ихъ иные.

---

[1] За отсутствіемъ древняго текста въ Соф. спискѣ, отсюда предлагаемъ Забѣлинскій списокъ, хотя первый листъ и этого послѣдняго такъ запачканъ, что съ трудомъ разобрать можно нѣкоторыя мѣста.

[2] Въ Сп. Ф. на дѣвицахъ.

[3] Т. е: Трофимъ, Савватій и Доримедонтъ.

[4] Въ Сп. Ф. власы.

[5] Въ Сп. Ф. здѣсь сказано только: дѣти, а вначалѣ статьи, при обозначеніи празднуемыхъ святыхъ дня: Святаго великомученика Евстаѳія и жены его и чадъ его Агапіа и Ѳеописта, согласно современнымъ святцамъ и большинству редакцій Подлинника. Имена Іоанна и Аркадія встрѣчаются только въ одной средней редакціи.

[1] Въ Сп. Ф. а у князя рука молебна, а въ другой мечъ въ ножнахъ, а зритъ на Ѳеодора.

[2] Въ текстѣ: Іоаннъ. Въ Сп. Ф. сказано на оборотѣ: преподобный Иванъ съ правую руку Іоны пророка.

26. Апостолъ Іоаннъ Богословъ. Рука молебна, а въ другой евангеліе; риза празелень, исподь лазорь.

27. Мученикъ Каллистратъ. Аки Флоръ; риза киноварь, исподь лазорь, въ правой рукѣ свитокъ [1].

28. Преподобный Харитонъ. Сѣдъ, аки Власей; риза багоръ съ празеленью, дика [2], вохра съ киноваремъ дика.

29. Преподобный Кириакъ. Сѣдъ, брадою аки Богословъ Іоаннъ, а на концѣ растре=палася [3], исподь дымчатъ.

30. Священномуче=никъ [4] Григорей. Русъ аки Василей Кесарійскій, брада свѣтліе Василіевы, съ просѣдью. А на немъ амфоръ, а риза багоръ дичь, а исподь празелень дымчатъ.

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ СОФІЙСКАГО СПИСКА XVI-го ВѢКА.

Мѣсяцъ октябрь, рекомый Листопадъ.

Имать во дни часовъ 11, а въ нощи 13.

1. Покровъ святей Богородицы. И святаго апостола Ананіи. И преподобнаго отца нашего Романа, пѣвца кондакарева. Въ тои же день память преподобнаго отца нашего Савы, иже надъ Вишерою рѣкою жившаго. Покровъ святыя Богородици. Объ одной церкви маковицы; по сторонамъ двѣ полаты; Пречистаа на облачку; Петръ съ пнеми апостолы на облачку жъ, съ правую руку Пречистыа, а Предтеча съ Павломъ и съ святители на лѣвой рукѣ; а подъ ними облачекъ; а Романъ по обычаю; а около его народъ; а церковь вохра съ бѣлилы. Апостолъ Ананіа: сѣдъ, брада скудніе Аѳонасіевы; на немъ амфоръ, риза багоръ свѣтелъ, пробѣль празелень, исподь лазорь, а въ рукѣ Евангеліе [5].

2. Святаго священномученика Кипріана и Устины Кипріанъ русъ, брада подолѣ Козмы и Даміана, на концы космыки; риза рефть, пробѣленъ лазоремъ, а на плечахъ у ризъ бѣлилы, а въ исподѣ амфоръ да шыринка, а сподняа вохра съ бѣлиломъ, дымчата. Іустина мученица. Верхъ—риза кеноварь, исподь лазорь, а на главѣ наметка празелень, спустилась на правое плечо; а косы вышли, а рука молебна верхъ.

3. Святаго священномученика Діонисіа епископа, Ареопагита. Деонисей сѣдъ [1], аки Климентъ, власы кудрявы, риза санкиръ съ бѣлиломъ, исподь вохра съ бѣлиломъ.

4. Иже во святыхъ отца нашего Іероѳіа, епископа Аѳиньскаго. Іероѳій аки Власей, на концы космики, риза кресчата, исподь дымчатъ.

5. Святыя мученицы Харитины. Святыя мученицы Мамелѳы. [2] На Харитины рзна празелень, исподь кеноварь.

6. Святаго и всехвалнаго апостола Ѳомы. Риза киноварь, исподъ [3] лазорь.

7. Святыхъ мучениковъ Сергіа и Вакха. Мученикъ Сергій, русъ, брада подолѣ Козмы и Демьяна, риза лазорь, исподь багоръ съ бѣлилы, а Вакхъ младъ, риза лазорь, середняа празелень, исподь кеноварь.

8. Преподобныа матере нашеа Пелагіи дѣвици, иже въ Антіохіи. И святыа Таисѣи блудници. [4] У Пелагіи клобукъ лазорь, исподь санкиръ.

9. Святаго апостола Іакова Алфеева. И преподобнаго отца нашего Андроника и супруги его Аѳонасіи. Апостолъ Іаковъ русъ, брада менши Василіа Кесарійскаго, риза вохра съ бѣлилы, исподъ лазорь. Преподобный Андроникъ сѣдъ, аки Сергій Радонижскій, мантіа подолѣ, связана, исподъ вохра съ бѣлилы.

10. Святыхъ мучениковъ Еуламъпіа и Еулампіи. Мученикъ Еуламній младъ, аки Георгій; риза верхъ празелень, середняа лазорь, исподь кеноварь съ багромъ и съ бѣлилы. Еулампіа, аки Варвара, риза — верхъ лазорь, исподъ кеноварь.

11. Святаго апостола Филиппа, единаго отъ седми діаконъ. И преподобнаго отца нашего Ѳеофана Исповѣдника, епископа Никомидійскаго. Апостолъ Филиппъ, аки Стефанъ, риза на плечѣ лазорь. Преподобный Ѳеофанъ [5] сѣдъ, брада менши Богослова, на концы космики. Аще прилучится въ 11 день сего мѣсяца въ недѣлю, то поется въ той же день служба святымъ отцемъ Седмаго Собора. Вселеньскіи Седмыи Соборъ. Царь младъ, риза кено[ва]рь; у царици риза празелень; у царя съ правую руку два святителя сѣдятъ [6], оба сѣды; единому брада аки

---

[1] Въ Сп. Ф. Калистратъ сѣдъ, аки Власей. Риза багоръ, исподь лазорь, въ лѣвой рукѣ свитокъ.

[2] Въ Сп. Ф. вмѣсто этого слова, исподь, что и точнѣе.

[3] Отсюда и по 11-е октября въ Забѣлинскомъ спискѣ не достаетъ листовъ.

[4] Отсюда начинается древній текстъ Софійскаго списка. Нѣсколько словъ, недоставшихъ въ промежуткѣ Забѣлинскаго и Софійскаго, добавлены нами изъ списка Филимонова.

[5] Въ Сп. Ф. выноска, съ припискою на поляхъ: Преподобный Сава Вишерскій. Сѣдъ, брада по-уже Сергіевы, власы просты, ряска вохра.

[1] Въ Сп. Ф. брадою.

[2] Въ Сп. Ф. нѣтъ послѣдней.

[3] Въ Сп. Ф. багоръ съ бѣлиломъ.

[4] Въ Сп. Ф. нѣтъ послѣдней.

[5] Списокъ Забѣлинскій, послѣ пропуска съ 29-го сентября, начинаетъ листъ слѣдующими словами: Ѳеофанъ сѣдъ, брада меньши Богословли, на концы космына. Вселенскій соборъ Седмый, и т. д.

[6] Въ Сп. З. стоятъ; прочее все то же, кромѣ общаго обычая избѣгать косвенныя формы: вм. у царицы, царици, вм. единому, единъ.

Іоанна Богослова, плѣшивъ; другіи, аки Никола; а за ними столпъ, съ другую [страну] два святителя: единъ сѣдъ, въ вѣнцахъ [1], аки Власей, другой русъ, брада менши Василіа Кесарійскаго. Съ правую руку у царя стоятъ четыре святителя; у подножія, спреди у царя, аки Моисей [2]; третей русъ, брада менши Василіа Кесарійскаго, четвертый аки Никола. Единъ держитъ Спасовъ образъ на Убрусѣ, а другой Пречистую съ Младенцемъ. Съ лѣвую руку, у подножіа царева, стоятъ 7 поповъ: спреди русъ, брада долга [3], Златоустъ; за нимъ, аки Моисей, среди ихъ сѣдъ [4], глава видѣтъ, а брада долѣ Николины, четвертый [5] сѣдъ аки Афонасей, подлѣ его тому же подобенъ, плѣшивъ, а за нимъ, аки Козма и Даміанъ, а скраа, младъ, аки Георгій; отвратился лицемъ, подперлъся рукою, отъ царевы ноги противъ главъ ихъ; за царемъ, церковъ, съ лѣвую руку у царя, святители, а за нимъ [6] палата о трею верхъ.

12. Святыхъ мученикъ Прова, Тарха и Андроника. Въ той же день Успеніе преподобнаго отца нашего Амфилофіа, игумена Глушитъскаго, Вологоцкаго чюдотворца. [7]. Мученикъ Провъ, аки Козма и Даміянъ. Риза празелень, исподь кеноварь. Тархъ сѣдъ, брада уже Богослововы, риза багоръ съ бѣлилы, исподь празелень [8]. Андроникъ русъ, брада долѣ Фроловы, власы Фроловы, риза кеноварь, исподь лазорь.

13. Святыхъ мученикъ Карпа и Папилы. Священномученикъ Карпъ сѣдъ, брада аки Власьева, на конци роздвоилися, риза кресты багровы. Папилъ сѣдъ, аки Мина; въ стихарѣ, аки Стефанъ; на плечѣ риза багоръ дикой, пробѣленъ лазорью; въ руцѣ кадило [9].

14. Святыхъ мученикъ Назарія, Гервасіа, Протасіа и Келесіа. И преподобнаго отца нашего Козмы святоградца и творца канономъ. И преподобныа матере нашея Парасковгіи. Мученикъ Назарей сѣдъ; власы съ ушей свилисе [10]; брада Николина, а самъ въ бронехъ; приволока празелень, доспѣхъ пернастъ [11]; ширинка кеноварь съ бѣлилы, съ лѣваго плеча по правую руку, рукава лазорь, исподъ лазорь, колѣнцы голы, въ лѣвой рукѣ, мечь въ ножнехъ, а въ правой рукѣ копье. Гервасей во бронехъ, приволока багоръ дикой, пробѣленъ лазорью, доспѣхъ кресчатъ, прописанъ золотомъ, у правые руки, рукавъ кеноварь; а въ руцѣ копье, а въ лѣвой щитъ; исподъ [1] кеноварь, нагавицы багоръ чернъ, пробѣленъ лазорью; исподъ щита мечь въ ножнехъ, а самъ, аки Георгій. Протасей аки Дмитрей Селуньскій, риза празеленъ. середняя лазорь, исподъ кеноварь. Келесей русъ, власы аки Дмитрея Селуньскаго, съ ушей свилися; брада Козмы и Дамьяна; риза кеноварь; въ лѣвой рукѣ ризою крестъ держитъ, а правая проста; исподняя риза лазорь. Преподобная Парасковгіи. Клобукъ лазорь, лѣвою рукою взяла за подолъ манатіи, исподъ санкиръ бѣлъ дичью [2].

15. Святаго священномученика Лукіана, прозвитера Великія Антіохіи. И преподобнаго отца нашего Евѳиміа Великаго. Священномученикъ Лукіанъ русъ, аки Златоустъ; риза кресчата, исподъ лазорь, дымчатъ. Преподобный Евѳимій сѣдъ, брада долѣ Іоанна Милостиваго; ряска вохра съ бѣлилы.

16. Святаго мученика Логина Сотника, иже при Крестѣ Господнѣ. Въ той же день память блаженнаго Андрѣя Христа ради уродиваго [3]. Мученикъ Логинъ Сотникъ, аки [4] Козма и Дамьанъ, русъ, во бронехъ, приволока черчата, доспѣхъ клинчатъ; [5] рука, исподъ лазорь, колѣни голы, въ лѣвой рукѣ мечь въ ножнѣхъ.

17. Святаго пророка Іосія. И святаго преподобномученика Андрѣа, иже въ Критѣ. Въ той же день принесеніе мощемъ друга Божіа Лазаря. Пророкъ Іосій сѣдъ, аки Илья Пророкъ — вохра [6] съ бѣлилы дичь, исподъ лазорь, въ лѣвой рукѣ свиткокъ. Преподобномученикъ Андрѣй сѣдъ, брада долѣ Сергіевы; подъ манатьею [7], ряска дымчата празелень санкиремъ бѣлена.

18. Святаго апостола и евангелиста Луки. Лука Евангелистъ кудреватъ, верьхняя риза багоръ съ бѣлилы, исподъ лазорь.

19. Святаго пророка Іонля. И святаго мученика Іуара. И святаго священномученика Садока [8] иже съ нимъ 1280 мученыхъ, при Саворіи, царѣ въ Нер-

---

[1] Въ Сп. З. вмѣсто того, аки Власей.

[2] Въ Сп. З. подлѣ его аки Аѳонасей, какъ и слѣдуетъ.

[3] Въ Сп. Ф. долѣ Златоустовли. Такъ и въ Сп. З.

[4] Въ Сп. Ф. едина, такъ и въ Сп. З.

[5] Въ Сп. З. третей.

[6] Въ Сп. З. за ними.

[7] Въ Сп. З. не упоминается этотъ святой, какъ и всѣ другіе, которыхъ нѣтъ описанія подобія.

[8] Въ Сп. З. а стоитъ среди ихъ. Тамъ же, вездѣ: Флора.

[9] Въ Сп. З. далѣе слѣдуетъ подъ тѣмъ же 13-мъ числомъ описаніе подобія мученицы Параскевіи, см. въ текстѣ въ концѣ 14-го числа. Преподобная Парасковія. Клобукъ лазоренъ, лѣвою рукою взяла полы мантіи, исподъ санкирь бѣлъ съ дичью.

[10] Въ Сп. З. вилися.

[11] Въ Сп. З. перпатъ.

[1] Въ Сп. З. исъпразелени, вѣроятно ошибка.

[2] См. выше примѣчаніе къ 13-му числу.

[3] Въ Сп. Ф. нѣтъ послѣдняго святаго. Празднуется 2-го числа.

[4] Въ Сп. Ф. аки Мина, сѣдъ; написано по стертому.

[5] Въ Сп. З. клѣтчатъ, рукавъ исподи, лазорь, какъ и слѣдовало бы.

[6] Въ Сп. Ф. также точно, как и въ Сп. З.

[7] Въ Сп. З. эти два слова опущены.

[8] Въ текстѣ: Садоа

сѣхъ. Въ той же день память преподобнаго отца нашего Іоанна Рыльскаго [1]. Сѣдъ, аки Иларіонъ. Мученикъ Іуаръ, аки Георгій; верхняа риза лазорь, исподь кеноварь. Пророкъ Іоиль сѣдъ, аки Илья пророкъ, брадою, и власы великъ; коса одна на лѣвое плече; риза верхняя празелень дикаа, исподъ кеноварь. Священномученикъ Садокъ [2], брада долѣ Златоустовы, риза безъ амфору, на плечѣ бархатъ, риза багрова съ бѣлилы, дымъчатью [3], пробѣленъ лазорью, исподъ риза лазорь, бѣлая дичью. Евангеліе держитъ ризою.

20. Святаго великомученика Артемія. Мученикъ Артемей, сѣдъ; власы велики съ ушей свилися, а брада менши Богослововы, безъ космыковъ, самъ во бронѣхъ, приволока кеноварь, обязана [4] съ правого плеча на лѣвую бедру; отъ среди ризы узелъ [5], спахнулась подъ правую руку; у правые руки рукава [6] лазорь, нагавицы багровыя, лѣвою рукою щитъ засталъ; а за щитомъ мечъ въ ножнехъ, а въ правой копье. А подлѣ его стоитъ Клеопатра, [7] аки Пятница; верхняа риза кеноварь съ бѣлилы, исподъ лазорь, въ рукѣ крестъ [8], колѣнци голы; а на ней сапошки.

21. Преподобнаго отца нашего Иларіона. И принесеніе мощемъ и святаго Иларіона, епископа Мегленъскаго. Преподобный Иларіонъ, сѣдъ, брада долѣ Богослововы, на конци уже, ряска вохра съ бѣлилы, дичь [9]. Святый Ларіонъ Мегленъскій сѣдъ, аки Афонасій, риза кресты, лазорь; исподъ дымчатъ, рѣсть бѣлаа [10].

22. Иже во святыхъ отца нашего и равноапостоломъ Аверкіа Иерополъскаго чюдотворца. И святыхъ 7-ми отрокъ иже во Ефесѣ. Святитель Аверкій сѣдъ, брада менши Богослова, широка, а на главѣ шапка; отъ главы, у шапки, бѣлилы; риза кресты багоръ красенъ, исподъ лазорь. Преподобный Іоаннъ Рыльскый: [11] сѣдъ, брада долѣ Ларіоновы Великаго, ряска вохра съ бѣлилы, рука молебна.

(22) [1]. 23. Въ той же день Седми отрокъ. Святаго апостола Іакова, брата Господня по плоти. Апостолъ Іаковъ, братъ Божій, сѣдъ; брада аки Власьева, на концы космыки, риза багоръ съ бѣлилы, пробѣленъ лазорью, исподъ дымчатъ бѣлъ. Седмь отрокъ стоятъ въ пещерѣ, наклонныи къ царю; а царь Ѳеодосей преклонилъся на колѣни предъ ними, а зритъ на нихъ. Царь сѣдъ, брада проста, ни вилася [2], величествомъ аки Николина; верхняа риза лазорь, исподь кеноварь, а на главѣ шапка, власы кудрявы; а за царемъ стоитъ владыка, сѣдъ, брада аки Сергіева, на главѣ клобукъ черныъ, исподъ [3] риза дымчата, зритъ на нихъ, а руцы держитъ молебны къ нимъ, въ рукѣ евангеліе; а за владыкою стоятъ 3 мужи: единъ сѣдъ, подлѣ владыки, брада аки Іакова, брата Божіа; на немъ камка лазорь, исподь камка черчата; а на немъ колпакъ зеленъ: а за нимъ и за владыкой видѣть глава [4], аки Борпса и Глѣба, другаа, а на немъ колпакъ лазорь; третей отъ краа младъ, аки Георгіи, колпакъ черчатъ, опушенъ бѣлымъ, риза празелень. Гора вохра съ бѣлилы дикой [5]. Первый отрокъ отъ царя: верхняа риза кеноварь, обвися около бедры его и до подола, а исподняа лазорь, видѣти единъ рукавъ лѣвые руки, а препоясанъ ширинъкою, а самъ аки Дмитрей Селуньскый. Подлѣ его, аки Георгій, риза верхняя празелень, потому жь опоясанъ, а отъ пояса риза спахнулася, препоясанъ ширинъкою, исподъ риза кеноварь. Третій аки Дмитрей Селуньскій, потому жь препоясанъ, верхъ риза багоръ съ бѣлилы дичь, исподняа лазорь, и препоясанъ ширинъкою, аки первый, колѣнцы голы у всѣхъ. А за ними, первый отъ царя, аки Дмитрей Селуньскый, а на немъ видѣти риза багрова съ бѣлилы; подлѣ его потому жь подобенъ, риза [6] багрова, кресчаты аки Георгіи [7], видѣть едина глава.

24. Святаго мученика Ареѳы и иже съ нимъ. Въ той же день память иже во святыхъ отца нашего Аѳонасіа патріарха Царя-града. Мученикъ Ареѳа сѣдъ, власы аки Андрѣа Первозваннаго, брада проста, долѣ Николины, а на не(мъ) доспѣхъ пернастъ, ру-

---

[1] Въ Сп. Ф. въ выноскѣ, на полихъ: святый Иванъ Рыльскій, сѣдъ, брада долѣ Ларіона Великаго, сент. мѣс. въ 21-й день. Ряска вохра съ бѣлилом, рука молебна. См. далѣе въ концѣ 22-го числа, гдѣ внесенъ онъ въ обоихъ спискахъ. Въ З. Сп. святый занесенъ подъ 23-е число.

[2] Въ текстѣ Садофъ Въ Сп. Ф. русъ, такъ и въ сп. З.

[3] Въ Сп. З. нѣтъ этого слова.

[4] Въ Сп. Ф. обвязана.

[5] Въ Сп. З. среди ризы узолъ спахнулся.

[6] Въ Сп. З. еще: исподъ.

[7] Празднуется 19-го числа вмѣстѣ съ сыномъ Іаонномъ.

[8] Въ Сп. З. А у нее стоитъ младенецъ въ сорочкѣ, въ рукѣ крестъ, колѣнцы голы, а на немъ сапожки.

[9] Въ Сп З. вмѣсто того, дымчата.

[10] Въ Сп. З. только: рефтьна.

[11] Въ Сп. З. здѣсь уже начинается 23-е число. См. прим. къ 19-му числу.

[1] Упоминаніе празднованія святыхъ Седми отрокъ здѣсь, ошибкой, отдѣлено отъ описанія изображенія ихъ вставкою празднованія, 23-го числа, св. Іакова, которое должно быть перенесено въ конецъ, какъ и сдѣлано въ Сп. Ф. Въ Сп. З. тою же ошибкой опущенъ вовсе апостолъ Іаковъ.

[2] Въ Сп. З. просто: брада навилась.

[3] Въ Сп. З. исподь лазорь дымчатъ.

[4] Въ Сп. З. другая, кк. и слѣдуетъ.

[5] Въ Сп. З. дикъ.

[6] Въ Сп. З. риза лазорь, третій тому жь подобенъ, риза багрова, 4-ый аки Георгій видѣти едина глава. Такъ и слѣдовало бы.

[7] Въ текстѣ ошибка: черчатый Георгій.

кавъ [1] исподъ ризы кеноварь, а на лѣвомъ плечѣ риза багоръ лазорью пробѣлена, а въ лѣвой рукѣ мечь въ ножнѣхъ, ногавици черны, а правую руку держитъ противъ [2] сердца, перъсты согбенны.

25. Святыхъ мученикъ [3] инотареи, Маркіана и Мартиріа. Мученикъ Маркіанъ аки Флоръ, русъ, риза кеноварь, средняа багоръ съ бѣлилы, исподъ лазорь. Мартирѣй аки Дмитрей Селуньскій, риза верьхняа лазорь, средняа празелень, исподъ киноварь съ бѣлилы; въ правой рукѣ крестъ, а лѣваа молебна. Въ той же день преподобный Авраамій. Сѣдъ, брада долѣ Аѳонасья, уже; свитокъ въ руцѣ, ряска вохра съ бѣлилы.

26. Святаго славнаго великомученика Христова Дмитреа Селуньскаго Мироточца. И воспоминаніе великаго и страшнаго труса. Великомученикъ Христовъ Дмитрей Селуньскій. Доспѣхъ пернастъ, санкиръ съ бѣлилы; приволока празелень; препоясанъ ширинкою съ лѣвого плеча подъ правую руку, рукавъ исподъ риза кеноварь; въ правой руцѣ копье, а въ лѣвой мечь въ ножнехъ, колѣнцы голы.

27. Святыхъ мученикъ Нестера и Кантелины. Въ той же день память святыя Проклы, супружъницы, (Пилатовы) [4] иже Христа ради мечемъ скончася. Мученикъ Нестеръ, аки Георгіи, власы растрепаны, доспѣхъ вохра съ бѣлилы, дикой пернастъ, препоясанъ ширинкою съ правого плеча подъ правую руку; приволока багоръ съ бѣлилы, рукавъ исподъ риза кеноварь; въ правой рукѣ копье держитъ, а [5] въ лѣвой щитъ, ногавицы черны.

28. Святыхъ мученикъ Терентіа и Неонилы. И преподобнаго отца нашего Стефана Савапта, творца канономъ. Святыя мученицы Парасковгіи, нареченныя Пятница, иже при Крестѣ Господни. И память иже во святыхъ отца нашего Арсеніа, архіепископа Серпъскаго. И святыя Февроніи, дщери Ираклія [6]. И святаго священномученика Кирьяка, явльшаго честный Крестъ Еленѣ царицы. Мученикъ Терентей. Русъ, брада аки Павла апостола, риза празелень, исподъ бгаоръ съ бѣлилы дикой; правая рука молебна, верхъ перъсты, лѣвою рукой подимъ [1]. А на Неонилѣ риза празелень, исподъ киноварь съ бѣлилы дикой. А на Пятницѣ, на главѣ платъ, въ руцѣ свитокъ, риза кеноварь, исподь лазорь [2].

29. Святыя преподобномученицы Анастасіи Римляныни. И преподобнаго отца нашего Авраамія Затворника. Въ той же день преподобнаго отца нашего Авраамія Богоявленьскаго архимандрита Ростовъскаго [3]. Преподобномученица Анастасіа. Риза лазорь, исподь киноварь съ бѣлилы. Святый архіепископъ Аръсеній [4] Серпъскый. Сѣдъ, аки Андрѣй Первозванный. Риза кресты, исподъ дымчатъ.

30. Святыхъ мученикъ Зиновіа и Зиновіи. Мученикъ Зиновіе [5]. Сѣдъ, брада короче Аѳонасьевы, риза святительскаа, кресты багровы. А Зиновіа къ нему обращься лицемъ; риза на ней празелень, исподь багоръ съ бѣлилы.

31. Святыхъ апостолъ Стахіа и Амплія и прочихъ. Святаго мученика Епимаха. Апостолъ Стахій. Русъ, аки Флоръ, риза багоръ, мало подбѣленъ, исподъ лазорь, и подобіе Луки евангелиста. Амъплій, аки Дмитрей Селуньскій. Верхняя риза кеноварь съ бѣлилы, исподъ лазорь. Мученикъ Епимахъ. Русъ, аки Козма и Дамьянъ. Риза кеноварь, исподъ лазорь, а у Стахіи свитокъ въ руцѣ.

Мѣсяцъ Ноябрь.

имать дній 30, во дни часовъ 10, а въ нощи 14.

1. Святыхъ чюдотворець и безъсребренникъ Козмы и Даміяна. У Козмы риза верхняя кеноварь, середъняа санкиръ съ бѣлилы, исподъ лазорь. У Дамьяна [6], середняа вохра съ бѣлилы, исподъ кеноварь съ бѣлилы.

2. Святыхъ мученикъ Анкидина и Нигаса и Елпидифора и Анемъподиста. Анъкидинъ. Сѣдъ, подобіе Іоанна Богослова, образъ [7], а брада менши Богослова. Верьхняа риза багоръ съ бѣлилы, исподь ке-

---

[1] Въ Сп. З. рукавъ исподней ризы.

[2] Въ Сп. З. вмѣсто того; просту сердцу.

[3] Въ Сп. З. мученица Инотарія, аки Флоръ, русь и т. д. Мартинъ, аки Дмитрей и т. д.

[4] Послѣднее слово въ текстѣ опущено. Мы заимствовали его изъ другихъ редакцій, такъ какъ въ обоихъ спискахъ нашей редакціи подобной святой вовое не значится. Въ Сп. Ф. за описаніемъ Несторія слѣдуетъ еще: святый князь Андрей Смоленскій. Аки Никита мученикъ. Ризы княжіи, шуба, въ правой руцѣ крестъ, а въ лѣвой мечь въ ножнахъ.

[5] Въ Сп. З. а лѣваго плеча мимо къ бедру, правою, а въ лѣвой руцѣ щитъ и т. д.

[6] Текстъ здѣсь повидимому испорченъ. Въ Сп. З. приведены только Терентій съ Неонилой и Пятница, Въ Сп. Ф. къ нимъ присоединенъ еще Арсеній Сербскій. Что до св. Февроніи и Параскевы, то ихъ нѣтъ нигдѣ съ приведенными здѣсь обозначеніями.

[1] Въ Сп. З. ризу подымаетъ.

[2] Въ Сп. Ф. Св. Арсеній сѣдъ, аки Андрей Первозванный, риза кресчата, исподъ киноварь съ бѣлилы. См. 29.

[3] Въ Сп. Ф. Сѣдъ, брада Сергіева, на концѣ по-острѣе, риза верхъ баканъ, исподь празелень.

[4] Здѣсь опять описаніе святаго разрознено съ днемъ его празднованія. См. 28. Впрочемъ и въ Сп. З. святой этотъ описанъ 29 числа.

[5] Въ Сп. З. Зинонъ.

[6] Въ Сп. З. еще: верхъ лазорь.

[7] Въ Сп. З. вм. того, обѣ руки.

новарь. Пигасей, образомъ аки Моисей Боговидецъ, русъ, риза верхняя санкиръ дикой съ бѣлилы и съ богромъ, исподъ лазорь. Анькидинъ преподсанъ ширинкою исподъ лѣвого плеча подъ правую руку.

3. Святаго священномученика Акепсимы епископа. Іоспфа прозвитера. Іаѳалы діакона. Въ той же день освященіе церкви святаго великомученика Георгіа иже въ Лидѣ; идѣже положено святое тѣло его. Священномученикъ Акепсима. Сѣдъ, власы Андрѣа Первозваннаго, брада поменши Андрѣевы, а такова же; риза санкиръ съ бѣлилы, исподъ кеноварь съ бѣлилы.

4. Преподобнаго отца нашего Іоаникіа Великаго. И святаго священномученика Никандра и Ереміа прозвитера. Преподобный Іоаникій [1]. Сѣдъ; брада велика и широка (на концы вдвоемъ, раскинулася); риза верхняя багоръ (исподъ [2]) беліе Акипсимовъ; свитокъ держитъ въ рукахъ, обѣма рукама.

5. Святыхъ мученикъ Галактіона и Епистиміи. Мученикъ Галактіонъ. Младъ; риза преподобные; ряска вохра [3] съ бѣлилы; въ правой рукѣ свитокъ; схима около шеи; а лѣвая молебна. У Епистиміи на главѣ платъ, бѣлило [4] подъ-темно, риза преподобпаа, манатіа свѣтліе Галактіоновы, ряска вохра съ бѣлилы; въ правой рукѣ крестъ, а лѣпаа молебна, верхъ пръсты.

6. Иже во святыхъ отца нашего Павла Исповѣдника, патріарха Царя-града. Въ той же день Успеніе преподобнаго отца нашего Варлаама Новгородскаго, новаго чюдотворца, игумена обители Всемилостиваго Спаса, иже на Хутыни. Святитель Павелъ. Сѣдъ, брада уже Іоанна Богослова, риза кресчата, исподъ [5] въ бѣлилѣ, подкинено празеленци. Преподобный Варлаамъ, игуменъ Хутыньскый. Брада руса съ просѣдью, менши Василья Кесарійскаго, на концы уже состряся [6]. Церковь объ одномъ верху, бѣлило, подкинено празелень. У Варлаама на главѣ схима не остра, ряска санкирь съ бѣлилы; гробъ вохра съ бѣлилы, а внутри гроба санкирь. У главы святитель отпѣваетъ, аки Златоустъ, на плѣши комокъ [7], риза бѣла, не кресчата, на плѣчѣ злато [8] на прокладъ прописано, въ рукахъ держитъ евангеліе. Подлѣ его діаконъ, младъ, аки Стефанъ; у подножіа игуменъ, сѣдъ, въ клобукѣ; брада аки Іоанна Богослова, ряска вохра съ бѣлилы; за нимъ старецъ младъ, манатья черніе игуменовы, ряска вохра съ бѣлилы, а видѣть немного изъ-за игумена; съ краа, младъ, тому жь подобенъ, манатья свѣтліе игуменовы; ряска санкиръ съ бѣлилы, а межь ими, въ середкахъ, сѣдъ, брада проста, аки Николина; а на немъ ряска единъ [1], санъкиръ съ бѣлилы. Отъ крапнаго въ серединахъ, русъ, бородка не велика, глава видѣть, младъ же, едина глава [2]; на всѣхъ клобуки.

7. Святаго мученика Іерона [3], и святыхъ мучениковъ 33 иже въ Мелетинѣ. И преподобнаго отца нашего Лазаря иже въ Геласійстей горѣ постившагося. Мученикъ Іеронъ. Аки Дмитрей Селуньскій; риза лазорь, исподъ санъкиръ съ бѣлилы, въ рудѣ крестъ, а лѣваа молебна, перъсты верхъ. Преподобный Лазарь, сѣдъ; брада долѣ Іоанна Богослова, а съ того же святителя [4], исподъ манатіи ряска вохра съ бѣлилы.

8. Съборъ всвятаго Архистрага Божіа Михаила и прочихъ безплотныхъ. Михаилъ. Риза кеноварь, середняя лазорь, исподъ кеноварь съ бѣлилы. Гавріилъ. Верхняа риза празелень, средняя, кеноварь съ бѣлилы, исподъ санкиръ съ бѣлилы. А держитъ Спаса во облацѣ Вседержителя. Подъ Спасомъ херувими, а по сторонь по херувими; исъподъ херувимовъ видѣть облачки, а прочихъ ангелъ плть.

9. Святыхъ мученикъ Онисифора и Порпрія. И преподобныя матере нашея Матрены. И преподобныя Ѳеоктисты иже отъ Лезвы. Мученикъ Онисифоръ. Аки Дьмитрей Селуньскій, риза лазорь, исподъ киноварь. Порпрей. Русъ, аки Ѳлоръ [5], риза киноварь, исподъ лазорь. А межь ими Матрона. Риза багрова, на главѣ платъ, исподъ риза [6] бѣла дикъ.

10. Святыхъ апостолъ Ареста, Олимба и Родіона и прочихъ. Арестъ. Русъ, аки Лука. Риза верхняа санкиръ съ бѣлилы, исподъ лазорь, а на немъ амѳоръ; подлѣ его Олимбъ: аки Дмитрей Селуньскій, риза верхняа лазорь, исподъ багоръ; а на немъ амѳоръ. Родіонъ. Аки Златаустъ; верьхняа риза санкиръ съ бѣлилы, исподъ кеноварь, съ бѣлилы, а на немъ амѳоръ.

11. Святыхъ мученикъ Мины, Виктора и Викентіа. И святыа мученицы Стефаниды. И преподобнаго отца нашего Ѳеодора, игумена честьныа обители Студискыя. Мученикъ Мина. Сѣдъ; власы растрепалися; верхняя риза санкиръ съ бѣлилы, дымчатъ. У Мины копье въ рудѣ, а мечь въ ножнехъ; доспѣхъ перънастъ, вохра съ бѣлилы; рукавъ исъподъ риза киноварь, на

---

[1] Въ Сп. З. вм. того, Антоній.

[2] Въ Сп. З. исподъ бѣлила, аки Епимаховы. Въ текстѣ, что въ скобкахъ, испорчено.

[3] Въ Сп. З. вм. того, верхняя.

[4] Въ Сп. З. бѣлило поттѣнено.

[5] Въ Сп. З. исподъ съ бѣлилы киноварь празеленцы.

[6] Въ Сп. Ф. сострa. Въ Сп. З. эта точка опущена, начинается прямо съ слова церковь.

[7] Въ Сп. З. космыни.

[8] Въ Сп. Ф. на покладѣ Въ Сп. З. златно покладѣ подписанъ.

[1] Въ Сп. З. едина.

[2] Въ Сп. З. едина глава видѣти.

[3] Въ текстѣ: Перона.

[4] Въ Сп. З. статія.

[5] Въ Сп. З. а брада долѣ Флора.

[6] Въ Сп. З. празелень, бѣла, дика.

главѣ багоръ [1]. Викторъ. Русъ, аки Козма. Верѣхная риза кеноварь; середняя вохра съ бѣлилы, на бѣлилѣ [2], въ рукѣ крестъ, а лѣвая молебна, перѣсты верхъ, исподь лазорь. Викентѣй. Аки Дмитрей Селунскій. Верѣхная риза санѣкиръ съ бѣлилы; въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой мечь въ ножнѣхъ, исподь кеноварь. Въ той же день преподобный Ѳеодоръ Студійскій. Сѣдъ, брада долѣ Николины, проста.

12. Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Милостиваго, архіепископа Алѣксаньдрійска. И преподобнаго отца нашего Нила. Іоаннъ Милостивый сѣдъ, риза лазорь, исподь вохра съ бѣлилы. Преподобный Нилъ. Сѣдъ, брада велика, велми [3]; въ рукѣ свиткокъ, въ свиткѣ писано: «Внимайте, братіе, всѣ» [4]. Ряска санкиръ съ бѣлилы.

13. Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, патріарха Царяграда. Святый Іоаннъ Златоустъ. Риза лазорь; въ рукахъ [5], кресты.

14. Святаго славнаго апостола Филиппа. Апостолъ Филиппъ. Аки Фома апостолъ. Верхняя риза киноварь [6] съ бѣлилы, исподь лазорь, въ лѣвой рукѣ свиткокъ. Въ той же день святитель Григорій Селуньскій. Сѣдъ, власы кудреваты [7], исподь риза бѣлилы, маленко киноварьцу въ ней. Въ (о)бояхъ рукахъ евангеліе [8].

15. Святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ Гуріа, Самона и Авива діакона. Гурей [9]. Русъ аки Флоръ. Риза верѣхная [10], средняя вохра съ бѣлилы, вельми бѣла. и киноварду немножко въ ней; исподь празелень; въ рукѣ крестъ, лѣваа молебна, верѣхъ перѣсты. А Самонъ русъ же, аки Козма и Дамьянъ, а верхнаа риза кеноварь съ бѣлилы, бѣлою лазорью пробѣленъ, средняа лазорь; аки у апостола, препоясанъ тою же ризою [11]; исподь багоръ съ киноваремъ; въ лѣвой рукѣ крестъ, а правую о бедрѣ держитъ; перѣсты просты. Авивъ [12] образомъ, аки Георгій; а подобіе все Стеѳана первомученика. Правую руку отпустилъ на сторону собя, а держитъ кадило, а лѣвою рукою подолъ [13] ризою темьяницу. Святитель Ипатій. Сѣдъ, аки Власей на конци брада вдвое [1], риза кресты. Правою рукою, ризою, деръжитъ евангеліе, а лѣваа молебна, перѣсты верхъ. Исподь риза вохра съ бѣлилы.

16. Святаго апостола и евангелиста Матѳеа. Апостолъ Матѳей. Сѣдъ; брада, аки Іоанна Богослова. Риза санкиръ съ бѣлилы, бедра вохра съ бѣлилы, исподь лазорь, въ обѣхъ рукахъ евангеліе.

17. Иже во святыхъ отца нашего Григоріа чюдотворца. Григорей чюдотворець. Сѣдъ, плѣшивъ, брада проста, подолѣ Николины, на ризѣ кресты [2] багровы съ киноваремъ, исподь въ бѣлилѣ маленко вохрище [3].

18. Святыхъ мучениковъ Платона и Романа. Платонъ. Русъ, брада уже Козмы и Дамьяна. Верѣхнаа риза кеноварь съ бѣлилы, бѣлою лазорью пробѣленъ, исподь лазорь; въ правой рукѣ крестъ, а лѣвая молебна, перѣсты верхъ. Романъ русъ же, брада долѣ Козмы и Дамьяна, а уже; верхъ [4] санкиръ съ бѣлилы, исподь киноварь, а руце тако же, какъ и Платонъ.

19. Святаго пророка Авдеа. И святаго мученика Варѣлама. Въ той же день святыхъ великихъ отецъ и пустынножитель, въ постѣ просіявшихъ: Варламъ, Іасаѳъ, въ велецеи земли Ипъдѣйстеи [5]. Пророкъ Авдѣй. Аки Мина, сѣдъ; риза вохра съ бѣлилы, маленко санкиру въ ней, исподь лазорь. Мученикъ Варламъ, сѣдъ, брада, аки Власьева, риза кеноварь съ бѣлилы, исподь лазорь [6].

20. Предпразнество Введеніе въ церковь Пресвятей Богородици. И святаго Прокла, патріарха Царяграда. И преподобнаго отца нашего Григоріа Деканолита. Преподобный Григорій; сѣдъ; плѣшивъ, а на плѣши маленки власки; брада съ Николину; а на конци уже; ряска вохра съ бѣлилы. Святитель Проклъ патріархъ. Сѣдъ, аки Власей, а сакъ багровъ, риза лазорь [7], а въ рукѣ крестъ, обѣма рукама держитъ евангеліе.

21. Входъ во церковь пресвятыя владычице нашей Богородици и приснодѣвы Маріи. Іоакимъ идетъ; рука молебна; риза багрова съ бѣлилы, исподь лазорь. Анна озрѣлася на Акима, а предъ нею 7 дѣвицъ; а прочихъ за ними; Пречистая руцѣ молебны къ Захаріи. На Захаріи риза празелень, исподняа кеноварь; пріемлетъ руками Пречи-

---

[1] Въ Сп. З. исправнѣе: Верхъ риза санкиръ съ бѣлизы, дымчатъ, доспѣхъ пернастъ, *риза* вохра съ бѣлилы, рука исподняя риза киноварь, а въ рукѣ копіе а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ. *Нотавицы* багоръ.

[2] Въ Сп. З. набѣло бы.

[3] Въ Сп. З. аки Ѳеофилактова.

[4] Въ Сп. З. Внимайте собѣ, братіе, преже всѣхъ.

[5] Въ Сп. З. Въ *кругахъ*,

[6] Въ текстѣ: кикъ. Исправлено по Сп. З.

[7] Въ Сп. З. брада Іоанна Богослова, риза кресчата.

[8] Въ Сп. Ф. еще: Въ той же день святый Еупатей. Сѣдъ, аки Власей, на концы брада повилась; ризы кресчаты, исподь бѣлилъ, въ обоихъ рукахъ евангеліе.

[9] Въ Сп. З. русъ.

[10] Въ Сп. З. то же самое.

[11] Въ Сп. З. вм. того, лазорію.

[12] Въ подлинникѣ; ошибкой, *а видѣть*.

[13] Въ Сп. З. подолъ.

---

[1] Въ Сп. З. вдвоемъ.

[2] Въ Сп. З. вм. того, ризы кресчаты, багоръ съ киноварцемъ, исподняя въ бѣлизахъ маленько вохрицы.

[3] Въ Сп. Ф. еще: св. пр. Никонъ, Сергіевъ ученикъ: сѣдъ, брада менши Сергіева, власы просты, ряска вохра

[4] Въ Сп. З. еще: риза санкиръ, сѣдъ, исподняя киноварь, въ рукѣ тако жь.

[5] Въ Сп З. этого нѣтъ, такъ какъ вообще здѣсь нѣтъ предварительнаго извѣщенія о святыхъ дня, неописанныхъ далѣе, по подобію. Нѣтъ и въ Сп. Ф.

[6] Слѣдующаго за тѣмъ текста въ спискѣ Забѣлинскомъ, за утратою листка, не достаетъ по 22-е число того же мѣсяца.

[7] Въ Сп. Ф. сакъ багровъ, крузе лазорь.

стую. Пречистая стопть предъ самыми дверми церковными; о трехъ версехъ и о пяти степенехъ, [1] а сама — вохра съ бѣлилы. Пречистая сѣдитъ на степени; Ангелъ пищу даетъ. Надъ Пречистою камаръ, о четырехъ столпехъ, а на ней крестъ, верхъ покровца — вохра съ бѣлилы. Подъ Пречистою 7 степеней, тою же краскою, чимъ и церковь; покровъ у церкви 4, лазорь

22. Святаго апостола Филимона. Филимонъ сѣдъ. плѣшивъ, брада [2] аки Іоанна Богослова. Веръхнаа риза санкиръ съ бѣлилы, дикъ, исподь лазорь, а на немъ амѳоръ [3].

23. Иже въ святыхъ отца нашего Амфилохіа Иконійскаго. И святаго отца нашего Григоріа, Акраганскаго. Святитель Амфилохій сѣдъ, аки Власей; брада на концы раздвоилася; риза кеноварь и багоръ съ бѣлилы, на главѣ легонги кудерци исподь надбѣлъ, вохра съ бѣлилы [4]. Святитель Григорій Акраганьскыи сѣдъ; власы съ ушей мало, просты; брада аки Богослова, долѣ; ргзы кресты лазорь: исподь риза надбѣлъ, бѣлаа [5], вохра съ бѣлилы, евангеліе держитъ подъемомъ, ризою, обѣма рукама.

24. Святыя мученицы Екатерины. И святаго мученика Меркуріа. Екатерина. Риза лазорь, исподь кеноварь; въ руцѣ крестъ, а лѣвая молебна, перъсты верхъ. Мученикъ Меркурей, аки Димитрей, во бронехъ; верхняа риза багрова съ бѣлилы, доспѣхъ пернастъ—вохра съ бѣлилы, рукава исподь рукавъ лазорь; [6] наголвицы багоръ въ правой рукѣ мечь, а въ другой ножни [7].

25. Святаго священномученика Климента папы Римскаго и Петра Александрійскаго. Священномученикъ Климентъ. Сѣдъ, власы кудри съ ушей, брада аки Власьева, проста, на концѣ не виласе; риза кресты багрова съ кеноваремъ, исподь вохра съ бѣлилы. Петръ Александрѣйскій. Сѣдъ, на главѣ шапка бѣла. исподь [8] кудреци на уши; брада аки Николина, риза кресчата, лазорь, исподь на бѣло бѣла, вохра съ бѣлилы.

26. Преподобнаго отца нашего Алимьпіа столпника [9].

Въ той же день освященіе церкви святаго славнаго великомученика Георгіа побѣдоносца, иже въ Кіевѣ. Преподобный Алимпій столпникъ сѣдъ, подобіе Іоанна Богослова. Ряска санкиръ съ бѣлилы, а самъ на столпѣ; у столпа едины двери. Великомученикъ Георгій Во бронехъ. Риза кеноварь, доспѣхъ пернастъ, вохра съ бѣлилы, рукавъ исподь [1] лазарь; въ правой руцѣ копье, а въ лѣвой мечъ въ ножнѣ. Ногавки багоръ. [2].

27. Знаменіе бывшее въ велицемъ Повѣ-градѣ отъ пречистыа образа Одигитріа на Ильинѣской улицѣ, въ лѣто 6503 [3]. И святаго мученика и многострадальнаго Іакова Перскаго. (Въ той же день Іакова епископа Ростовскаго. Іаковъ сѣдъ, власы кудреватъ, на главѣ шапка). И преподобнаго Поладіи Мниха. Мученикъ Іаковъ Перскій [4]. Русъ; а подобіе все Бориса и Глѣба. Верхняа камка реоть, исподь лазорь, [5] а въ лѣвой мечь въ ножнехъ. Преподобный Паладій сѣдъ, аки Сергій; у брады на концѣ космыки малы; ряска вохра съ бѣлилы.

28. Преподобнаго отца нашего Стефана исповѣдника и святаго мученика Илинарха. Преподобный Стефанъ. Сѣдъ, брада аки Іоанна Богослова, а долѣ; обѣма рука держитъ ризою икону, Пречистую, съ Младенцемъ; а видѣть ихъ по плечь едины образъ на иконѣ. Мученикъ Илинархъ, аки Дмитрей Селуньскій; риза кеноварь, исподь лазорь.

29. Святыхъ мученикъ Парамона и Филумена. И преподобнаго отца нашего Акакіа, иже въ лѣствицѣ свидѣтельствованнаго. Мученикъ Парамонъ. Русъ, аки Козма и Дамьянъ. Риза кеноварь, середняя багоръ и санкиръ бѣлъ, исподь лазорь. Преподобный Акакій въ лѣствицѣ. Въ просѣдь, брада, аки Варлама Хутыньскаго; ряска празелень, санкиръ съ бѣлилы.

30. Святаго всехвальнаго апостола Андрѣа Первозваннаго, иже градъ Кіевъ благословилъ ставити. Андрѣй Первозванный. Сѣдъ, власы аки у Мины сего мѣсяца въ 11, брада аки Іоанна Богослова Риза санкиръ съ бѣлилы; а отъ пояса вохра съ бѣлилы; свитокъ держитъ обѣма рукама; а съ лѣвую, у ризы спахнулося.

---

[1] Въ Сп. Ф. столпѣхъ

[2] Отсюда начинается текстъ въ Сп. З. послѣ утраченнаго листка.

[3] Въ Сп. Ф. затѣмъ слѣд: Въ той же день святый князь Михаилъ Тверскій. Русъ, брада Павла апостола, риза княжа шуба Преподобный Александръ Невскій. Аки Георгій; риза киноварь, исподь лазорь. И святый Іаковъ архіепископъ Ростовскій. Сѣдъ, брада Ивана Богослова, на главѣ шапка, ризы святительскія.

[4] Въ Сп. З. иначе: Св. Амфилофій, сѣдъ аки Власій, брада на концы раздвоилась, риза киноварь и багоръ съ бѣлилы, исподняя на бѣло вохра съ бѣлилы, на главѣ маленькы кудерды.

[5] Въ Сп. З. набѣло бѣлила.

[6] Въ Сп. З. вм. того, рукавъ исподней лазорь.

[7] Въ Сп. З. прямо: мечь въ ножнахъ

[8] Въ сп. З. шапки.

[9] Въ сп. З. вм. того: святитель.

Мѣсяцъ Декабрь.

имать дній 31, во дни часовъ 9, а въ нощи 15.

1. Святаго пророка Наума. Пророкъ Наумъ, аки Іоаннъ Богословъ. Верхняя риза багрова, дикой; исподь лазорь; въ лѣвой руцѣ свитокъ.

[1] Въ сп. З. исподней.

[2] Въ сп. З. ногавицы киноварь.

[3] Всего этого, до самаго описанія подобія Іакова мученика, въ сп. З. нѣтъ, по обычаю.

[4] Въ текстѣ, ошибкою, пернастъ.

[5] Въ сп. З. въ правой рукѣ крестъ.

2. Святаго пророка Аввакума. Пророкъ Аввакумъ, аки Георгій, младъ; верхняя риза кеноварь, исподъ лазорь, глава поклонна къ Науму; въ лѣвой свиткѣ.

3. Святаго пророка Софоніа. Пророкъ Софоній, аки Іоаннъ Богословъ образомъ; риза багорь красенъ, бедра лозорью пробѣлена, исподъ лазорь.

4. Святыя великомученицы Варвары. И преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина. Мученица Варвара. На главѣ вѣнець царскій; риза празелень, исподъ кеноварь. Іоаннъ Дамаскинъ, сѣдъ, брада долга; ряска санкиръ съ бѣлилы; руце, аки у Богослова [1]; въ лѣвой свиткѣ, въ свиткѣ: мати убо познася.

5. Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Савы освященнаго. Преподобный Сава, сѣдъ, брада на двое распахнулася, на оба плеча; манатья по обычаю, ряска вохра съ бѣлилы.

6. Иже во святыхъ отца нашего Николы архіепископа Мирликійскаго чюдотворца. Святый Николае: риза багрова, пробѣленъ, исподъ лазорь, бѣла.

7. Иже во святыхъ отца нашего Амбросіа, епископа Медіоламъскаго. Святый Амбросій: русъ, риза крестылазорь, исподъ кеноварь съ бѣлилы, а брада величествомъ, аки Василіа Кесарійскаго.

8. Преподобнаго отца нашего Потаніа. Потапій сѣдъ, брада аки Власьева; обѣма рукама держитъ свиткъ, ряска дымчата, лазорь.

9. Зачатіе святыа Анны, егда зачатъ святую Богородицю. Акимъ молится Богу при горѣ, въ пустынѣ. Риза багоръ, лазорью пробѣленъ, у ногъ риза лазорь. Ангелъ лѣтитъ къ нему. Въ другомъ мѣстѣ: Анна Богу молится, въ винограднѣ, риза кеноварь, исподъ лазорь. Ангелъ къ ней лѣтитъ. Среди того мѣста цѣлованіе Акима и Анны.

10. Святыхъ мученикъ Мины и Ермогена и Евграфа. Мученикъ Мина: сѣдъ [2], власы кудреваты, брада [3] аки Николина, риза баканъ камка [4], исподъ празеленъ.

11. Преподобнаго отца нашего Данила Столпника. И преподобнаго Луки, новаго столпника. Данилъ Столпникъ: сѣдъ, брада долѣ Власьевы. Столпъ одни двери.

12. Преподобнаго отца нашего Спиридона чюдотворца, епископа Тримѳимскаго. Святитель Спиридонъ сѣдъ, брада долѣ Власьевы; на главѣ шапка бѣла; риза кресчата, исподъ кеноварь съ бѣлилы, дичь.

13. Святихъ великомученикъ Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія и Ареста. И преподобнаго отца нашего Арсенія иже въ Латрѣ. Мученикъ Евстратей, аки Флоръ, русъ, а самъ во бронехъ; риза баканъ, рукава исподъ киноварь; ногавки багровы; въ рукѣ крестъ, а въ лѣвой щитъ. Авксентей, аки Дмитрей Селуньскій; верхъ кеноварь съ бѣлилы, исподъ лазорь, Евгеній, русъ аки Козма и Дамьянъ. Верхъ риза баканъ средняя празелень, исподъ вохъра съ бѣлилы, дымчатъ [1]. Мардарій акиНикита мученикъ, верьхняя лазорь, исподъ кеноварь [2]. Арестъ, аки Георьгій, верхъ санкиръ съ бѣлилы дымчатъ, исподъ празелень.

14. Святыхъ мученикъ Ѳирсъ и Левкіа. Мученикъ Ѳирсъ русъ, брада долѣ Никонины, на концы уже, риза лазорь, исподъ багоръ красной. Левъкій аки Дмитрей Селуньскій. Риза санкиръ съ бѣлилы, дичью; исподъ празелень. лѣвая рука молебна.

15. Святаго священномученика Елевѳерія. И святаго священномученика Стефана, архіепископа Суражскаго. И преподобнаго отца Павла, иже въ Латрѣ. Священномученикъ Елсуѳерей, сѣдъ, аки Власей риза кресчата, исподъ лазорь. Стефанъ Суражскый сѣдъ; брада долѣ власьевы; риза багоръ съ бѣлилы, исподъ на - бѣло вохра съ бѣлилы.

16. Святаго пророка Аггея. Пророкъ Аггей, аки Илья пророкъ. Риза санкиръ съ бѣлилы, исподъ лазорь.

17. Святыхъ трехъ отрокъ: Ананіи и Азаріи и Мисаила. И святаго пророка Данила. Тріе отроци въ пещи. Среди ихъ Ангелъ Господень. Съ правую руку отъ ангела отрокъ—риза празелень, исподъ лазорь, съ лѣвую, верхъ лазорь, исподъ баканъ; среди ихъ, риза кеноварь, исподъ празелень; препоясаны подпазухи шпринками, а на главахъ колпачки; около главы бѣленько. Халдѣи опалены лежатъ, едина риза — кеноварь, а другому лазорь, третіему вохра съ бѣлилы. Отъ пазухъ рукава багровы, закрылъ лице, на ангела зритъ, отъ Ангела съ лѣвую руку отъ пещи царь сѣдитъ на престолѣ высоце; подъ ногами лѣствица о четырехъ ступенехъ. Царь русъ, брада долѣ царя Констянтина; риза багоръ, исподъ лазорь; руце держитъ молебны къ ангелу. Между пещію и царемъ стоятъ 4 мучителя; на главахъ шоломы; у преднего, кеноварь спроста, ногавицы лазорь; за нимъ другій, риза празелень, иныхъ видѣть едины лица. Межь пещію и царемъ тѣло златое на столпѣ; въ рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ. Огнь пожже мучители, и до тѣла дойде. Надъ царьскимъ престоломъ покровъ киноварь [3]. Пророкъ Данилъ, Аки Георгій; на главѣ колпакъ, о главѣ бѣлилы, риза кеноварь, исподъ празелень, руку лѣвую опустилъ, а держитъ свиткъ, правал молебна, перьсты верхъ, препоясанъ шпринкою, а портъци до глезнъ. Недѣля святыхъ Праотецъ. Подлѣ Данила стоитъ глава, аки Илья пророкъ, риза багоръ, исподъ лазорь, въ лѣвой рукѣ свиткъ; подлѣ его, аки Андрѣй Первозванный, риза кеноварь, бедра кено-

[1] Въ Сп. З. вм. того: рука благословенна.
[2] Въ Сп. З. надъсѣдъ.
[3] Въ Сп. З. вм. того: русъ брадою.
[4] Въ Сп. З. только: риза баканна, въ Сп. Ф. Ермогенъ аки Георгій, Евграфъ аки Козма.

[1] Въ Сп. З. вмѣсто того: дичь.
[2] Въ Сп. З. Снова вырваны листы до средины описанія 17 числа того же мѣсяца. См. ниже.
[3] Въ текстѣ: кичь. Исправлено по Сп. Ф.

варь съ бѣлилы, исподь вохра съ бѣлилы; трирусы, брада проста, величьствомъ аки Власьева, верхняя риза празелень, исподь багоръ съ бѣлилы, а за нимъ видѣть едины главы; а на верху ризы [1] апостольскія. Недѣля предъ Рожествомъ Христовымъ, святыхъ Отецъ. Святитель стоитъ, съ края, сѣдъ, плѣшивъ, брада аки Власьева, риза кресты кеноварь, исподь дымчатъ. Подлѣ его русъ, брада короче Василья Кесарійскаго, на главѣ шапка остра, риза кресты черны, исподь лазорь; третей русъ, аки Флоръ, риза кресты лазорь, исподняя багоръ бѣлъ дичь; четвертый, аки Василій Кесарійскій, кресты багровы и исподь лазорь бѣлъ; пятый аки Аѳонасей, кресты черны, исподь празелень [2] бѣлъ дичь; а за ними видѣть 10, едины отъ главъ [3] и верхъ главъ.

18. Святаго мученика Савастіана и иже съ нимъ. Мученикъ Савастьянъ русъ, аки Козма и Дамьянъ, риза кеноварь, исподь лазорь.

19. Святаго мученика Випфантія. Мученикъ [4] Випфантій, аки Георгій, риза кеноварь, исподь лазорь.

20. Предпраздьнество Рожестъва Христова. И память святаго священномученика Игнатія Богоносца. Игнатей Богоносецъ: сѣдъ, брада долѣ Власьевы, риза кресты кеноварь, исподь лазорь.

21. Святыя мученицы Ульяніи, иже въ Никомидіи. Въ той же день Преставленіе иже въ святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всеа Росіи. Мученица Ульяніа. Веръхнаа риза баканъ, исподь празелень дикой. Петровъ гробъ празелень [5], дичь бѣлъ. Гробницу держатъ два; средь гроба, аки Дмитрей Селунскій, риза празелень, едина рука видѣть, нога, а другіе не видѣть, отъ подножіа; другіи [6] младъ же, аки Георгій. риза баканъ; тотъ держитъ правою рукою; третей среди ихъ старъ, сѣдъ, плѣшивъ, брада менши Власьевы. За ними церковь вохра съ бѣлилы и съ кеноваремъ, о единой маковицы. У главы чюдотворцовы святитель свитокъ чтетъ, сѣдъ, аки Власей. Съ правую руку его діаконъ младъ, аки Стефанъ, съ другую руку попъ плѣшивъ, брада аки Аѳонасьева, риза багоръ свѣтелъ, исподь вохра. Межь святителемъ и діакономъ видѣть сѣдъ, плѣшивъ, едина глава; межь святителемъ и попомъ младъ, аки Георгій, едина же глава, а иныхъ видѣти верѣшки; а четыре [1], у подножія чюдотворца. Князь, аки Борисъ и Глѣбъ. Колпакъ бѣлъ камка багрова, исподъ лазорь; руце молебны. Подлѣ его князь, аки Владимеръ, сѣдъ, камка зелена, исподь кеноварь съ бѣлилы; а за нимъ видѣть русъ, плѣшивъ, аки Павелъ, риза вохра съ бѣлилы, а иныхъ 3 видѣть едины вершки. Предъ ними стѣна, а за стѣною колоколница, верхъ кеноварь, обворотъ лазорь, а вершки [2] лазорь

22. Святыа мученицы Анастасіи Узорѣшителницы. Риза празелень, исподь баканъ съ бѣлилы.

23. Святыхъ мучениkъ 10, иже въ Критѣ. I русъ, брада короче Аѳанасьевы, риза лазорь, исподь баканъ. ногавщи багоръ съ бѣлилы; подлѣ его аки Георгій, риза празелень, исподь кеноварь, ногавщи багорь; среди ихъ сѣдъ, брада аки Власьева, риза вохра, а всего не видѣть, а иные видѣть едины вершки, два сѣды, а третей русъ.

24. Святыя преподобномученицы Евгеніи. Схима лазорь; руце обѣ молебны. персты верхъ. ряска санкиръ съ бѣлилы.

25. Иже по плоти Рожество Іусъ Христово. Три ангела зрятъ на звѣзду [3]. Преднему риза лазорь, другій—баканъ, третьему, празелень, у ворота мало баканцу. Ангелъ благовѣститъ пастуху. На Ангелѣ риза киноварь [4]. У Пречистой риза златомъ прописана. Спасъ стоячь лежитъ. Волсви: на сторонѣ [5], риза вохра съ бѣлилы, подлѣ его, риза лазорь, 3 млады [6], риза киноварь. У предняго [7] колпакъ киноварь; баканъ, а у дву, лазорь. На другой странѣ: Ангелъ наклоненъ велми, рукою благословляетъ. риза верхъ кеноварь, исподь лазорь. Подъ нимъ пастухъ, въ трубу трубитъ, глядитъ въверхъ; риза баканъ, пробѣленъ лазорью; а гора празелень, вся пробѣлена; тутоже дѣвица поклонна [8], наливаетъ воду; риза празелень, рука гола, стоитъ за бабою, бабѣ глава у пояса дѣвича. Баба Соломіа: риза празелень съ лазорью, спущенъ [9] верхъ—баканъ. Пастухъ, Іосифъ, по обычаю.

26. Съборъ Пречистыя Богородици. И святаго Іосифа обручника. И память святаго священномученика Еуѳиміа, епископа Сардійскаго. Соборъ Богородици на тоже походилъ [10], какъ «Что ти принесемъ, Христе». Пречистаа сѣдитъ съ Спасомъ, како и на Рожествѣ

---

[1] Отсюда продолжается текстъ въ Сп. З. послѣ утраченнаго. Онъ начинается словами: Апостольскіе, послѣ чего, киноварью: Въ другомъ мѣстѣ; наконецъ: Недѣля предъ Рождествомъ и т. д.

[2] Въ Сп. З. вм. того: лазорь бѣла дичь.

[3] Въ Сп. З. едины главы.

[4] Въ Сп. З. Описанію этого святаго предшествуетъ слѣдующее: Тимоѳей-русъ, глава аки Козмы и Даміана, а все подобіе Стефана діакона. На плечи риза празелень, въ правой руцѣ кадило. Въ Сп. Ф. тоже, только послѣ описанія Вонифатія.

[5] Въ Сп. З. Петрова гробница дичь бѣла.

[6] Въ Сп. З. другая два млады; кажется, ошибочно.

[1] Въ Сп. З. четвертый.

[2] Въ Сп. З. верхъ.

[3] Въ Сп. З, вм. того: на воздусѣ.

[4] Въ Сп. З. исподь лазорь, на пастырѣ риза баканъ, Такъ и въ Сп. Ф.

[5] Въ Сп. З. вм. того: на первомъ.

[6] Въ Сп. З. третій младъ. Исправлѣе.

[7] Въ Сп. З. У средняго. Такъ и въ Сп. Ф.

[8] Въ Сп. З. наклонена.

[9] Въ Сп. З. спущена.

[10] Въ Сп. З. походитъ.

же; киноварь [1] около; а около кругъ лазорь, а гора [2] вохра съ бѣлилы.

27. Святаго первомученика и архидіакона Стефана. И преподобнаго отца нашего Ѳеодора Начертаннаго брата Ѳеофану, творца канономъ. Стефанъ первомученикъ, тако же, [3] якоже пишутъ. У Ѳеодора брада Сергіева.

28. Святыхъ мученикъ двѣ тмы, иже въ Никомидіи съжженныхъ. Церковь и полаты, но обычаю. Святитель Анѳимъ стоитъ посреди церкви. Образъ его, аки Власей, брада такова же, плѣшивъ, риза кресты; предъ нимъ людемъ даетъ причастіе, за нимъ діяконъ [4]. На обѣихъ странахъ множество людей [5] держатъ огнь на нихъ.

29. Святыхъ младенець отъ Ирода избіенныхъ 14 тысящь, въ Виѳліомѣ Іюдейстемъ. И преподобнаго отца нашего Маркела, игумена обители неусыпающихъ. Младенци избьени: иные копіи, а инные мечи; [6] подъ воины стоятъ множество младенець. Маркелъ, аки Сергій.

30. Святыа мученици Анисіи и преподобнаго отца Зотика, нищимъ и трудоватымъ кормителя. Анисіа, аки Пятница. Риза верхъ лазорь, исподъ баканъ [7]. Зотикъ, аки Ѳеодоръ Тиронъ.

31. Преподобныа матери нашеа Меланіи Римлянины. Меланіа аки Евдокѣя.

Мѣсяцъ Генварій.

имать дній 31.

1. Обрѣзаніе Господа нашего Іисуса Христа, И память иже въ святыхъ отца нашего Василіа, архіепископа Кесаріа Капподокійскыа. Василіа риза кресчата. Предпразднество Просвѣщенія.

2. Святаго Селивестра, папы Римъскаго. Селивестръ сѣдъ, брада аки Николина, власы кудрявы съ ушей; а самъ въ саку.

3. Святаго пророка Малахѣя. И святаго мученика Гордія. Пророкъ Малахіа. Сѣдъ, брада Іоанна Богослова, риза лазорь, исподъ кеноварь [8]; въ лѣвой рукѣ свитокъ, а въ свиⷮцѣ глаголетъ: се азъ послю ангела моего [9]. Мученикъ Гордій. Брада только зачатіе [10], еще не выросла. Власы [1] съ ушей, риза киноварь, исподъ празелень.

4. Соборъ святыхъ Седмидесятъ Апостолъ. И преподобнаго отца нашего Ѳеоктиста, иже въ Кукумѣ Сикилійстемъ островѣ. Соборъ святыхъ. Спреди стоитъ сѣдъ, аки Иліа пророкъ, риза багоръ съ бѣлилы, исподъ лазорь. Подлѣ [2] его аки Павелъ Апостолъ. Риза свѣтла, багоръ съ бѣлилы, исподъ лазорь. Третей русъ, аки Маркъ Апостолъ. Риза лазорь, исподъ киноварь съ бѣлилы. Четвертый аки Іоаннъ Златоустъ, во власехъ сѣдинка лехкаа; риза багоръ съ бѣлиломъ, исподъ лазорь. Пятый къ нимъ лицемъ стоитъ, младъ, власы архангельскіе; риза красна, багоръ съ бѣлиломъ, исподъ лазорь. А иные за ними сѣдати и млады.

5. Святыхъ мученикъ Ѳеопента и Ѳеоны. И святаго отца Григоріа, иже въ Аникирѣ. И преподобныа Синклитикіи [3]. Ѳеопентъ русъ, аки Іоаннъ Златоустъ. Власки паки [4] съ лѣваго уха на плече, риза святительскаа [5]. Ѳеона, аки Георгій; риза кеноварь, исподъ празелень. Преподобнаа Синъклитикія. На главѣ клобукъ, ряска санкиръ съ бѣлилы.

6. Святое Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Спасъ нагъ и безъ портъ, правою рукою благословляетъ о бедрѣ; а Предтеча креститъ Христа, риза санкиръ съ бѣлилы, исподъ лазорь. З Ангела: спреди, риза багоръ съ бѣлилы, исподъ лазорь, другаго риза лазорь, у третіаго, киноварь; вси наклонены къ Господу, а Предтеча наклоненъ на кѣлѣни [6]. Гора санкиръ съ бѣлилы, бѣлъ.

7. Съборъ святаго славнаго Пророка и Предтечи, Крестителя Господня Іоанна. Иванъ Креститель. Верхняя риза празелень, исподъ лазорь. Въ рѣцѣ народи сѣдаты и руси и млади и отроцы. А иный отрокъ съ горы рипулъся въ рѣку низъ главою, въ пордѣхъ, а иный отрокъ снимаетъ [7] съ себя платіе на край рѣки. А за Предтечею стоятъ жидове. Единъ предъ нихъ сѣдъ, брада аки Сергіева, риза кеноварь, исподъ лазорь; на главѣ платъ, а межь имъ и Предтечею сѣдъ же, брада меньши перваго, а риза багоръ свѣтелъ, исподъ кеноварь свѣтелъ съ бѣлилы, а инъ русъ, аки Логинъ Сотникъ. На четырехъ платы на главахъ, а иныхъ видѣти безъ платовъ, главы ихъ верхъ; гора такова же, яко же Богоявленьскаа.

8. Преподобныя матери нашея Домники. И преподобнаго отца нашего Георгіа Хозовита. И святаго му-

---

[1] Въ Сп. З. съ лазорью. Слова, около, въ первомъ случаѣ нѣтъ.
[2] Въ Сп. З. верхняя гора,
[3] Въ Сп. З. таковъ перводіаконъ.
[4] Въ Сп. З. еще: за діакономъ людіе.
[5] Въ Сп. З. еще: А подъ святителемъ и людьми, множество людей лежатъ, а огнь по нихъ.
[6] Въ Сп. З. посѣцаеми; въ исподи, подъ ногами стоятъ и т. д.
[7] Въ Сп. З. ризы верхніа и подъ нею баканъ.
[8] Въ Сп. З. съ бѣлилы.
[9] Въ Сп. Ф. предъ лицемъ. Въ Сп. З. и призритъ на путь.
[10] Въ Сп. З. вм. того: знати.

[1] Въ Сп. З. кудри.
[2] Въ Сп. З. вм. того, ошибочно, подобіе
[3] Въ текстѣ, ошибкою, Синкликитіи.
[4] Въ Сп. З. аки паки.
[5] Въ Сп. З. Кресчета, на плечѣ амфоръ.
[6] Въ Сп. З. послѣднія слова опущены.
[7] Въ Сп. З. во множественномъ числѣ.

ченика Емеліана исповѣдника. На Доминикеи клобукѣ [1]; ряска велми бѣла, санкиръ. Георгій Хозовитъ. Сѣдъ. брада проста, долѣ Іоанна Богослова.

9. Святаго мученика Поліекта. И преподобнаго отца нашего Маркіана. Мученикъ Поліектъ, аки Флоръ; риза кеноварь, исподь лазорь.

10. Иже во святыхъ отца нашего Григоріа, епископа Нисскаго. И святаго Доментіана, епископа Мелетійскаго. Въ той же день преставленіе преподобнаго отца нашего Павла Обнорьскаго чюдотворца, иже на Комелскомъ лѣсу, иже пожие 3 лѣта въ дуплѣ, на рѣкѣ на Грязновицѣ. Григорій Нисскій [2] сѣдъ, брада аки Власьева и долѣ, риза кресчата, на плечи амфоръ. Доментіанъ: сѣдъ же, брада короче Власьевы, а шире, риза святительская.

11. Преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа, общему житію начальника. Ѳеодосій сѣдъ, брада съ Власьеву; а не роздвоилася, повилася; правая рука молебна, персты верхъ, а въ лѣвой свитокъ, ряска бѣла [3] съ бѣлилы.

12. Святыа мученици Татіаны. Татіана. Риза кеноварь, исподь лазорь. Маркіанъ прозвитеръ: сѣдъ, брада короче Аѳонасьевы, риза безъ амфору; аки попъ.

13. Святыхъ мученикъ Ермила и Стратоника. Ермилъ, аки Георгій, риза дьяконьская, въ правой руцѣ кадило, а на лѣвой руцѣ риза празелень. Стратоникъ русъ, аки Козма и Дамьянъ. Риза лазорь, исподь багрець свѣтелъ.

14. Преподобныхъ Отецъ нашихъ иже въ Синаи и въ Раиху [4] избіенныхъ. Церковь о трехъ версехъ. Маковицы вохра, златомъ прописаны, церковь, за горою,— Святіи лежатъ: при горѣ, сѣдъ [5], брада аки Іоанна Богослова, ряска вохра съ бѣлилы; подлѣ его томужъ подобенъ, сѣдъ; третей сѣдъ же, брада съ той же, велика, проста. Имя ему Адамъ [6], написанъ въ вѣнци; четверты, младъ; имя ему Сергій, въ вѣнцѣ написанъ; а нымъ за нимъ видѣть главы, а иныхъ схимы; а вси въ схимахъ. Гора вохра съ бѣлилы, темна. Сава [7] Серъбскый: сѣдъ, плѣшивъ, брада долѣ Власьевы, риза кресчата, исподь вохра, а на немъ амфоръ. Въ Раиху стоятъ преподобныи [8]: сѣдъ плѣшивъ, брада долѣ Власьевы, манатья дикой багоръ, ряска санкирь съ бѣлилы; подлѣ его сѣдъ, аки Сергій, ряска вохра, руку держитъ молебну [9] къ первому; 3 [2] сѣдаты, брады аки Аѳонасьевы, манатья аки у перваго [3]. Межь того и средняго [4] и краинаго, сѣдъ кудреватъ, брада Николина, а иныхъ видѣти 6, едины видѣти вершки, сѣды и русы.

15. Преподобныхъ отецъ нашихъ Павла Обнейскаго, Іоанна Кущника. Павелъ сѣдъ, плѣшивъ, брада долѣ Власьевы; руце держитъ молебны къ сердцу [5], верхъ; риза вохра полосатаа, по полоски наискось багромъ пестренъ; лактп и колѣни голы. Іоаннъ Кущникъ младъ; около всей шеи лазорь, (ряска) санкирь съ бѣлилы дымъчатъ.

16. Поклоненіе честныхъ веригъ святаго и всехвалнаго Апостола Петра. Архангелъ Михаилъ. Отъ пояса [6] риза багоръ дичь; съ плеча препоясанъ и спахъ, багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь; пришялъ Петра правою рукою за лѣвую руку, и ведетъ изъ темници; а на Петрѣ риза санкирь съ бѣлилы дичь, исподь лазорь. У темницы покровъ лазорь, а сама вохра половина съ бѣлилы. Война [7] спятъ. Образъ единому, аки Георгій, 2 [8] аки Дмитрій. Другъ ко другу зрятъ. Который аки Георгій, на томъ доспѣхъ санкирь съ бѣлилы, пернастъ, рукава исподъ лазорь, приволока празелень, ногавки багоръ; у другово доспѣхъ вохра, прописанъ златомъ; рукава исподъ [9] кеноварь, ногавки багоръ, гора санкирь съ бѣлилы дымчатъ; у Архангела ноги [10] за войны; лѣвая руце у Архангела молебны.

17. Преподобнаго отца нашего Антоніа Великаго. Въ той же день преподобнаго другого Антоніа, Римлянина, игумена бывшаго, иже созда храмъ святей Богородици честнаго ея Рожества въ Вѣликомъ Новѣградѣ, въ Нотинъскомъ концѣ. И святыхъ мучениъ Спевсипа, Елевсипа и Мелевсипа [11]. Преподобный Антоній: сѣдъ, въ схимѣ, брада Богослова; правая рука молебна, перъсты верхъ, ряска вохра съ бѣлилы, а въ лѣвой, свитокъ.

---

[1] Въ Сп. З. благословену.

[2] Въ Сп. З. третій сѣдъ.

[3] Въ Сп. З. брада, ряска свѣтлѣе перваго.

[4] Въ Сп. З. Между перваго и средняго сѣдъ, брада со Власьеву, на конци шире, двѣ космыня, межъ средняго и краинаго сѣда, кудрява, брада Николина, и т. д.

[5] Въ Сп. З. персты.

[6] Въ Сп. З. опоясанъ ризою.

[7] Въ Сп. З. два война стоятъ.

[8] Въ Сп. З а другому.

[9] Въ Сп. З. рукавъ исподней.

[10] Въ Сп. З. ногавки.

[11] Въ текстѣ: Пелесипа, Велесипа и Плесипа Въ Сп. Ф. Велисипа, Келесипа и Власипа. Праздн. 16-го числа. Въ Сп. Ф. За описаніемъ Антонія Великаго слѣдуетъ: Антоній Римлянинъ, Новгородскій. Брада Іоанна Богослова, въ схимѣ, исподь вохра.

[1] Въ Сп. З. лазорь.

[2] Въ текстѣ въ обоихъ случаяхъ: Никійскій. За описаніемъ Дометіана, слѣдуетъ въ Сп. Ф. Сп. Павелъ Обнорскій. Сѣдъ же, брада аки Димитрія Прилуцкаго, ряска вохра съ киноварем.

[3] Въ Сп. З. вм. того: вохра. Въ Сп. Ф. Предобный Михаилъ Клопскій. Надсѣдъ, брада аки Варлаама Хутынскаго, ряска вохра съ бѣлилы.

[4] Чит. въ Раиѣ; такъ и въ Сп. Ф.

[5] Въ Сп. З. первой сѣдъ.

[6] Въ Сп. З. Адарь.

[7] Въ Сп. З. здѣсь стоитъ 14 число. Память Саввы, 12-го, по современ. святцамъ.

[8] Въ Сп. З. первый спреда.

18. Иже въ святыхъ отецъ нашихъ архіепископовъ Александрійскихъ, Аѳонасіа Великаго и Кирила. Аѳопасей Александрѣйскій: сѣдъ, сакъ крестъ [1] кресты лазорь. Кирилъ Александрѣйскій русъ, на главѣ шапка кресчата, риза кресты жъ, исподь дымчатъ, бѣлъ; брада аки Василья Кесарійскаго, на концы роздвоилася.

19. Преподобнаго отца нашего Макаріа Римлянина, И преподобнаго Макаріа Египтенина. Преподобныи Мокарій Римъскій [2] нагъ весь, сѣдъ, брада до полуколѣна, руце у серца, персты веръхъ, власы по плечь. Макаріи египетъскій, сѣдъ въ клобукѣ, брада Іоанна Богослова, ряска санкиръ съ бѣлилы; правая рука проста, а въ лѣвой свитокъ.

20, Преподобнаго отца нашего Евѳиміа великаго. Преподобный Евѳимей сѣдъ, плѣшивъ, брада долѣ Власьевы, на концы вдвоемъ, проста, ряска вохра съ бѣлилы.

21. Преподобнаго отца нашего Максима исповѣдника. И святаго мученика Неоѳита и святаго мученика Евгенія Трапезоньскаго. Максимъ исповѣдникъ. Сѣдъ, брада аки Власьева, повилася, ряска санкиръ съ бѣлилы, дымчатъ.

22. Святаго апостола Тимоѳеа. Апостолъ Тимоѳей. Русъ, аки Іоаннъ Златоустъ. Риза багоръ красенъ, бедра санкиръ съ бѣлилы, исподъ лазорь, а на немъ амфоръ.

23. Святаго священномученика Климента епископ-Анкиръскаго. И святаго мученика Агафангела. Святый Климентъ. Сѣдъ, брада Іоанна Богослова [3], риза кресты, исподъ кеноварь [4].

24. Преподобныа матере нашеа Ксеніи Римляныни, У Ксеніи клобукъ, около главы лазорь; ряска санкиръ съ бѣлилы [5].

25. Иже въ святыхъ отца нашего Григоріа Богослова, архіепископа Конъстантина града. Григорей Богословъ, сѣдъ, въ саку, кружи [6] киноварь.

26. Преподобнаго отца нашего Ксенофонта и Маріи жены его, и двою сыновъ его, Аркадіа и Іоанна. Въ той же день Принесеніе мощемъ иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора, игумена обители Студійскыя, Іосифа, брата его, епископа Селуньскаго. Преподобный Ксенефонтъ: сѣдъ, власы кудрявы, брада Григоріа Богослова, ряска вохра съ бѣлилы, Маріа [1] аки Ксеніа, назадѣ ряска санкиръ съ кеноваремъ. А дѣти Ксенифонта выше пояса; Аркадей младъ, въ клобукѣ, ряска санкиръ съ бѣлилы, съ лѣвую руку, Іоаннъ младъ въ клобукѣ, ряска санкиръ дымчатъ.

27. Возвращеніе мощемъ иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златаустаго, патріарха Царяграда. Іоанна несутъ въ гробѣ 3 діакона: у главы младъ, аки Стеѳанъ, среднеи [2] русъ, брада менши Павла Апостола, стихарь празелень; у ногъ діаконъ сѣдъ, брада долѣ Николины; съ другую страну гроба діаконъ надсѣдъ, плѣшивъ, брада короче Богослова, несетъ крестъ великъ; у главы святитель русъ, аки Кирилъ Александрѣйскій [3]; на главѣ шапка потому же, правою рукою держитъ кадило, а въ лѣвой, евангеліе. Несутъ Іоанна въ градъ [4]. Изъ града царь стрѣтилъ: аки Конъстянътинъ, риза лазорь, исподь багоръ, съ бѣлилы. Предъ царемъ, за гробомъ, діаконъ младъ, власы болѣ Стеѳана, держитъ икону Пречистую со Младенцемъ. Градъ празелень бѣлъ, за святителемъ гора санкиръ съ бѣлилы. Въ градѣ видѣть церковь.

28. Преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина. Преподобный Ефремъ Сиринъ русъ, брада долѣ Златауста, въ схимѣ, ряска вохра съ бѣлилы.

29. Принесеніе мощемъ святаго священномученика Игнатіа Богоносца. Игнатей Богоносецъ. Сѣдъ, брада долѣ Власьевы, риза кресты черъные, исподь вахра съ бѣлилы и киноваремъ.

30, Святаго священномученика Ипполита, папы Римъскаго. Въ той же день 3-хъ святитель: Великаго Василія, Григоріа Богослова, Іоанна Златаустаго. Священномученикъ Ипполитъ. Русъ, власы велики до исподніе мочки, брада Златаустова, сакъ лазорь, кресты златые.

31. Святыхъ чюдотворецъ и безъсребренникъ Кира, Іоанна. Киръ. Сѣдъ, брада Власьева, манатья выше пояса, а отъ пояса узъломъ связано, ряска санкиръ съ бѣлилы. Іоаннъ. Младъ, ряска реотъ. Держатъ аки темьяницы [5].

---

[1] Въ Сп. З. сакъ кресты лазорь.

[2] Въ Сп. З. этотъ святой опущенъ вовсе, а въ сп. Ф. есть тоже самое описаніе.

[3] Въ Сп. З. и болѣе.

[4] Въ Сп. З. съ бѣлилы.

[5] Въ Сп. З. и вохра. Въ Сп. Ф. Св. Павелъ епископъ. Аки Іоаннъ Златоустъ, верхъ риза багоръ, исподъ празелень. Св. Герасимъ Пермскій. Сѣдъ, брада Николина, схима на плечахъ, риза багоръ, на пей строчки, исподъ празелень.

[6] Въ Сп. З. круги.

Мѣсяцъ Ѳевраль.

Иматъ дній. 28.

1. Святаго мученика Трифона. И предпраздньство Срѣтенію Господа нашего Іисуса Христа. Трифонъ, аки Георгій; риза кеноварь исподь лазорь.

---

[1] Въ Сп. З. вм. того, риза.

[2] Въ Сп. З. среди.

[3] Въ Сп. З. назади, 18 день

[4] Въ Сп. З. несутъ Іоанновъ гробъ, изъ города царь и т. д.

[5] Въ Сп. Ф. Никиты архіепископъ Новгородскій. Безъ брады, лицо морщиновато, ризы святительскія во амфорѣ, шапка на главѣ.

2. Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа. Надъ Пречистою и Семіономъ покровъ, по краямъ полаты.

3. Святаго праведнаго Семіона Богопріимца и Анны пророчицы. Семіонъ сѣдъ, аки Илья пророкъ, риза празелень, исподъ лазорь.

4. Преподобнаго отца нашего Сидора Пилусійскаго. (Въ той же день преподобнаго Кирилла новозерскаго) [1]. Сидоръ Пилусійскій сѣдъ, брада менши Власьевы на концы въ двоемъ, ряска вохра съ бѣлилы [2].

5. Святыя мученици Агаѳіи. Риза вохра съ бѣлилы, исподъ кеноварь.

6. Преподобнаго отца нашего Викула [3], епископа Измирьскаго. И святыя мученици Ульяніи. Святый Викулъ. Власы русы, болѣ Дмитреа Селунъскаго, болѣ мало, брада аки Козмы и Дамьяна, риза лазорь, исподъ бѣлилы.

7. Преподобнаго отца нашего Парфенія епископа Лампсака града [4]. И преподобнаго Луки иже во Еладѣ. Въ той же день, иже въ святыхъ отца нашего Іакова, епископа Ростовъскаго, новаго чюдотворца [5]. Предобный Парѳеній сѣдъ, плѣшивъ; брада Григорія Богослова, риза кресчата, исподъ вохра съ бѣлилы, а на немъ амфоръ.

8. Святаго великомученика Ѳеодора Стратилата и святаго пророка Захаріи Серповидца. Ѳеодоръ Стратилатъ. Русъ, власы Георгіевы, брада Христова, во бронехъ; приволока празелень, подъ доспѣхомъ киноварь съ бѣлилы, мало, на доспѣхѣ приволока [6] бѣлаа, лѣвою рукою щитъ засталъ, ногавки багоръ, теменъ, пробѣль киноварь. Пророкъ Захаріа младъ, аки Георгій. Риза киноварь, исподъ лазорь.

9. Святаго мученика Никифора. Мученикъ Никифоръ, аки Дмитрей Селуньскій. Риза лазорь, исподъ киноварь [7].

10. Святаго мученика Харлампіа. Харлампій, сѣдъ, образомъ вельми теменъ, при иныхъ, [1] старостію; власы съ ушей, аки Ѳлоръ и Лаверъ, брада долѣ Захаріины отца Предтечевы, верхъ риза празелень, на правомъ плечѣ, а на лѣвомъ нѣтъ; средняа, киноварь пробѣленъ лазорью, исподъ лазорь, въ лѣвой руцѣ крестъ, правою поднялъ ризу.

11. Святаго священномученика Власіа, епископа, Севастійскаго чюдотворьца. Въ той же день преподобнаго отца нашего Дмитреа, игумена святаго Спаса, иже на Прилуцѣ, Вологоцкаго чюдотворца [2]. Священномученикъ Власей: риза-кресты черные и бѣлые, равны; исподъ бѣлъ, обѣма рукама держитъ евангеліе.

12 Иже во святыхъ отца нашего Мелентіа, архіепископа Великіа Антіохіа. Въ той же день преставленіе иже во святыхъ отца нашего Алексѣа, митрополита Кіевъскаго и всея Россіи, новаго чюдотворца. Святитель Мелентей Антіохійскій. Сѣдъ, власы Власьевы, брада величествомъ Григорія Богослова, на концы два космыка, раздвоилась; на ризѣ кресты киноварь, исподъ лазорь бѣлъ. Ѳеодора царица, аки Елена, верхъ риза лазорь, исподъ кеноварь. Алексѣй Митрополитъ во гробѣ. У подножіа святитель, русъ, образомъ, власы; держитъ свитокъ. За нимъ старецъ въ клобукѣ, сѣдъ, аки Власей, въ бѣлыхъ ризахъ. Межь ими старець же, сѣдъ, брада менши перваго старца; и иныхъ старцовъ 4; три сѣды, брады не равны: иному долга, иного широка, четвертый младъ, озрѣлся къ нимъ. За ними полата проста. Младому старцу ряска празелень; тѣмъ, единому, санкиръ съ бѣлилы, другому, вохра. А у Алексѣа, у главы, діаконъ кадитъ святаго, аки Стефанъ [3]; на плечѣ киноварь, риза лазорь съ бѣлилы; межь ими видѣть глава, аки Іоанна Богослова; за ними полата проста. Алексѣй лежитъ предъ церковью. Антоніи, апрхіепископъ Царяграда, сѣдъ, брада аки Власьева; на концы космыки, риза кресчата, исподъ лазорь съ бѣлилы. Въ той день Успеніе иже въ святыхъ отца нашего Симеона, архіепископа Сербъскаго, новаго чюдотворца [4].

---

[1] Въ Сп. З. Приписано киноварью на полахъ.

[2] Въ Сп. З. кромѣ того, подъ тѣмъ же числомъ: Преподобный Никола Студійскій. Сѣдъ, власы Климента, папы Римскаго, брада аки Николина, ряска санкиръ съ бѣлилы.

[3] Въ Сп. З. Апостолъ Викулъ записанъ подъ 7 число, на оборотѣ, Парѳеній, подъ 6. При этомъ Парѳеній описанъ также какъ и здѣсь, а Викулъ слѣдующимъ образомъ; русъ, брада долѣ Дмитрія Селунскаго, лобъ малъ, брада Козмы и Даміана, риза лазорь, исподъ бѣлѣе Викула, вохражъ съ бѣлилы; а на немъ амфоръ. Ясно, что здѣсь смѣшаны описанія двухъ святыхъ—Викулы и Парѳенія, 6-го числа. Въ Сп. Ф, описаніе кончаются словами исподъ бѣлѣе.

[4] Въ текстѣ-Аламѣя града.

[5] Въ святцахъ 27-го ноября; въ Сп. З. нѣтъ вовсе, въ сп. Ф. есть, но безъ добавленія *новаго*. Тутъ же, за описаніемъ Парѳенія, слѣдуетъ: Мученикъ Ульянъ. Младъ. риза лазорь, исподъ вохра. Изъ 6-го числа, гдѣ опущено.

[6] Въ Сп. З. здѣсь: паволока. Пророкъ Захарій помѣщенъ впереди Ѳеодора.

[7] Въ Сп. З. подъ тѣмъ же 9 числомъ слѣдуетъ: мученикъ Маркіанъ. Сѣдъ, власы Климента папы Римскаго, брада величествомъ аки Власьева, на концы не остра, риза поповская, бѣла, съ вохрою, чинена камочною статію, исподъ лазорь съ бѣлилоМъ, обѣма руками держитъ евангеліе, по плечемъ, по золоту камка.

[1] Такъ во всѣхъ спискахъ.

[2] Въ Сп. З. вопреки обыкновенію, упомянутъ также св. Дмитрей Прилуцкій, безъ описанія подобія.

[3] Въ Сп. З. слѣдуетъ: на плечѣхъ киноварь. За нимъ попъ плѣшивъ, сѣдъ, риза лазорь съ бѣлилы; межь ими и т. д.

[4] Въ Сп. З. послѣдній святый не упомянутъ. Достойно вниманія, что въ печатаемомъ нами текстѣ, вопреки обыкновенію, описаны нѣкоторые святые, не упомянутые предварительно въ календарномъ изложеніи. Царица Ѳеодора въ святцахъ 11 числа.

13. Преподобнаго отца нашего Мартіана. Преподобный Мартіанъ [1] сѣдъ, брада Власьева; на концы не остра. Манатьи багоръ бѣлъ, ряска вохра съ бѣлилы.

14. Преподобнаго отца нашего Ауксентіа. И святаго отца нашего Кирила Философа, учителя Словеньскаго. Преподобный Ауксентій. Сѣдъ плѣшивъ, брада проста, меньши Мартіановы [2], правою рукою держитъ стоя [3], нагъ локоть весь; ряска бѣліе Мартіановы. Кирилъ Философъ: сѣдъ велми, брада проста, аки Николина, риза кресчата, въ правой руцѣ евангеліе, а лѣвая молебна, перъсты верхъ, исподъ санкиръ [4].

15. Святаго апостола Анисима, ученика святаго апостола Павла. Апостолъ Анисимъ русъ, аки Фролъ, а на немъ амфоръ, риза вохра съ бѣлилы, исподъ лазорь.

16. Святыхъ мученикъ Памфиліа и Порфирія [5] и иже съ ними. Въ той же день иже во святыхъ отца нашего Савы, перваго архіепископа и учителя Сербъскаго. Мученикъ Памфилъ: младъ, власы съ космыки, риза кеноварь, исподъ лазорь; лѣвою рукою принялъ за исподнюю ризу исподъ праваго локти. Порфирей сѣдъ, власы просты, брада аки Іоанна Богослова; ряска санкиръ съ бѣлилы.

17. Святаго великомученика Ѳеодора Тирона, Ѳеодоръ Тиронъ [6]. Брада болѣ Флора и Лавра, во бронехъ; доспѣхъ весь златъ, клѣтьчатъ, приволока киноварь; подъ доспѣхомъ, лазорь; ногавки багоръ чернъ [7].

18. Иже въ святыхъ отца нашего Леонтія, папы Римъскаго. Леонтій русъ, брада долѣ Златаустаго Іоанна, риза лазорь, кресты златые въ крузехъ [8], держитъ евангеліе обѣма рукама [9].

19. Святаго апостола Архиппа. Архипъ русъ, аки Павелъ апостолъ [1], риза багоръ съ бѣлилы, исподъ вохра съ бѣлилы, колѣницы голы, правою рукою припялъ за исподнюю ризу исподъ лѣвые руки; въ лѣвой, крестъ.

20. Иже въ святыхъ отца нашего Лва, епископа Катанъскаго. Левъ Катанскій: сѣдъ, власы мало свилися, брада Власьева, риза лазорь, исподъ бѣлъ, правою рукою держитъ евангеліе; исподнею, подъемомъ.

21. Преподобнаго отца нашего Тимоѳея, иже въ Символехъ. И иже во святыхъ отца нашего Евстаѳіа, епископа Антіохійскаго. Тимоѳей [2] плѣшивъ, русъ, брада проста, меньши Власьевы, риза кресчата исподъ бѣлъ.

22. Обрѣтеніе честныхъ мощій святыхъ мучениковъ 10, иже во Евгеніи. Мученицы Христовы лежатъ предъ церковію, во гробѣ, наги.

23. Святаго священномученика Поликарпа, епископа Измирьскаго. Священномученикъ Поликарпъ сѣдъ, власы просты, брада аки Власьева, на концы разъдвоилася, риза кресты, исподъ санкиръ [3].

24. Обрѣтеніе честныа главы святаго славнаго пророка и предтечи крестителя Іоанна. Глава въ сосудцѣ. Надъ нею пещера. Два старѣца копаютъ; единъ русъ, брада мала, другій младъ; въ рукахъ заступцы. Гора вохра съ бѣлилы; а на старцахъ ряска празелень.

25. Иже въ святыхъ отца нашего Тарасія, патріарха Царяграда. Тарасій сѣдъ, власки кудревати [4], брада Іоанна Богослова, риза багоръ, исподъ бѣлъ, евангеліе обѣма рукама держитъ.

26. Иже во святыхъ отца нашего Порфиріа епископа Газьскаго. И святыа мученици Ѳотеніи Самаряныни, съ нею же Христосъ бесѣдова при студенци Іаковли. Порфирей Газъскый: сѣдъ, плѣшивъ, брада столже велика, аки у Тарасіа; на конци уже; а на немъ амфоръ; риза кресчата, исподъ [5] бѣль.

27. Преподобнаго отца нашего Прокопіа, Декаполита. Преподобный Прокопей Декаполитъ. Русъ, аки Козма и Дамьянъ, ряска санкиръ теменъ.

28. Преподобнаго отца нашего Василіа Исповѣдника и спосника его, священномученика Протеріа, архіепископа Александрѣйскаго и святаго священномученика Нестера. Преподобный Василей Исповѣдникъ: русъ, аки Прокопей, ряска вохра. Священномученикъ Нестеръ: сѣдъ, аки Григорей Богословъ, риза кресчата. исподъ бѣлъ.

---

[1] Слѣдовало бы — Мартиніанъ. Въ Сп. З. Мартеміянъ сѣдъ, брада аки Маркіана, сего мѣсица 9 числа, мантія и пр. то же, что и здѣсь. Такъ какъ въ печатаемомъ спискѣ Маркіанъ опущенъ, см. выше, то и подобіе указано иное.

[2] Въ Сп. З. Мартеміана.

[3] Въ Сп. З. Стояче о себѣ.

[4] Въ Сп. З. слѣдуетъ кромѣ того: Григорей Александрійскій. Сѣдъ, власы Климента папы Римскаго, брада Власьева, риза кресчата, обѣма рукама держитъ евангеліе, исподъ лазорь бѣла.

[5] Въ Сп. З. вмѣсто того, Памфилъ и Флавіянъ, съ тѣми же описаніями, что здѣсь Памфилій и Порфирій.

[6] Въ Сп. З. русъ. Въ Сп. Ф. за тѣмъ слѣдуетъ: Святый князь Всеволодъ Псковскій. Брада Василія Великаго пошире, черна, русы власы, на главѣ шапка, шуба княжа. Преподобный Симеонъ Сербскій. Въ схимѣ, брада Іоанна Богослова. Св: священномученикъ Протерій, архіепископъ Александрійскій. Сѣдъ, аки Григорій Богословъ, риза кеноварь, исподъ вохра.

[7] Въ Сп. З. червленъ.

[8] Въ Сп. З. вмѣсто того, въ руцѣ.

[9] Въ Сп. З. слѣдуетъ еще: Мученикъ Максимъ. Аки Дмитрей Селунскій, риза празелень, исподъ киноваръ.

[1] Въ Сп. З. образомъ.

[2] Въ Сп. З. Въ Симболѣ.

[3] Въ Сп. З. вм. того, лазорь.

[4] Въ Сп. З. нѣтъ этихъ двухъ словъ.

[5] Въ Сп. З. вм. того: исподъ не голое бѣлило.

29. Преподобнаго отца нашего Кассіяна Римлянина. Касьянъ Римлянинъ. Сѣдъ, власы просты, лобъ малъ, брада долѣ Власьевы, проста, на концы вѣдвоемъ ряска сапки(ръ) съ бѣлилы.

Мѣсяцъ Мартъ.

Иматъ дней 31, а день иматъ часовъ 12, а нощь 12.

1. Преподобныя матери нашея Евдокеи. На Еудокеи клобукъ лазорь, не круглой, въ лѣвой рукѣ крестъ держитъ, а правая молебна, перъсты верхъ, ряска санкиръ съ бѣлилы.

2. Святаго священномученика Ѳеодота Киринейскаго. Въ той же день преставленіе иже во святыхъ отца нашего Арсеніа, епископа Тверьскаго, новаго чюдотворца. Ѳеодотъ Киринейскый. Сѣдъ, брада долѣ Николины, а риза кресты киноварь.

3. Святыхъ мученикъ Евтропіа и Клеоника и Василиска. Еутропей русъ, аки Моисей Боговидѣць; верьхняя риза вохра, исподь лазорь, въ правой рудѣ крестъ а въ лѣвой мечь въ ножнехъ. Клеоникъ сѣдъ, брада Іоанна Богослова, риза празелень, исподь вохра. Василискъ младъ; на плечехъ ширинка; за ними и среди ихъ, риза единака [1].

4. Преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Іерданѣ. Преподобный Герасимъ сѣдъ, брада долѣ Власьевы, на концы розъдвоилася, ряска санькиръ съ бѣлилы; у колѣна лѣваго вохра; въ свитцѣ глаголетъ [2]: «сіе повиновеніе имяху звѣріе ко Адаму».

5. Святаго мученика Конона Градаря, и другого мученика Копона, иже во Аспріи. Въ той же день принесеніе мощемъ святыхъ новоявленныхъ, великихъ чюдотворцовъ, благовѣрныхъ князей Ѳеодора и сыновъ его, Давыда и Констянтина [3]. Кононъ. Сѣдъ, брада Іоанна Богослова, власы на лѣвой странѣ съ ушей, риза до колѣна [4] съ бѣлилы, празелень; въ лѣвой рудѣ древце, а правая молебна, перъсты верхъ, колѣнци голы.

6. Святыхъ мученикъ 42, иже во Аморіи. Въ той же день обрѣтеніе Честнаго и Животворящаго Креста, егда обрѣте, блаженною Еленою, тогда и честныа гвоздіи обрѣтени быша, и по обрѣтеніи вложенны бышя во узду царева коня [5]. Святіи мученици 42. 1 русъ стоитъ, аки Козма и Даміанъ, риза лазорь, исподь празелень, киноварь [1]; а подлѣ его, аки Георгій, ушко все видѣть, зритъ на него, риза вохра, средняа киноварь, исподь лазорь [2]; среднїи за ними, межь ими, русъ аки Флоръ, риза празелень, по плечь [3] вохра и исподь вохрянъ; инїи видѣть аки Іоанна Богослова, а иныи, аки Никола, а иныи аки Андрѣй Первозванный, а инїи стари и млади.

7. Святыхъ священномучениковъ иже въ Херсонехъ епископствовавшихъ, Василія и Ефрема и Евгенія, Капитона и Елевѳеріа и прочихъ. И преподобнаго Павла препростаго. Василей русъ, аки Василей Кесарійскій, брада на концы розъдвоилася. Ефремъ сѣдъ, брада Афонасьи Великаго. Еугеній сѣдъ, брада долѣ Николины, на концы вдвоемъ, риза у всѣхъ — кресты.

8. Преподобнаго отца нашего Ѳеофилакта Исповѣдника, архіепископа Никомидійскаго. Ѳеофилактъ Исповѣдникъ сѣдъ, брада велми бѣліе [4] Сергіевы, на концы 5 космыковъ, риза кресчата.

9. Святыхъ великомучениковъ 40, иже въ Севастіи. Сѣдятъ 3 судіи. 1 русъ, плѣшивъ, брада Козмы и Дамьяна [5], риза киноварь, исподь лазорь. Подлѣ его русъ, брада долѣ его, риза [6] празелень, исподь вохра, 3 млады [7], плѣшивы, и рукою, аки закрылъся отъ святыхъ, двема перъсты, указалъ на лице свое. Сѣдятъ на престолѣ, а сзади ихъ бѣсъ держитъ змію въ рукахъ, а зміа шепчетъ во ухо судіи и всемъ по тому же. Предъ ними стоятъ святіи мученици: 1 сѣдъ, плѣшивъ, брада Аѳонасьева, риза вохра, исподь празелень, руце молебны, а за ними [8] стотиъ младъ, аки Георгій, риза лазорь, исподь киноварь, руками держитъ ризу подъемомъ, за нимъ стоитъ ни русъ, ни сѣдъ, брада не велика, мало менши Николины, риза баканъ, исподь вохра; межь младымъ и преднимъ, [9] русъ аки Козьма и Дамьянъ, риза киноварь; а за ними стари млади. И за судіями езеро, въ немъ же святіи мученици. Единъ отъ святыхъ въ баню [10]. Банный стражъ младъ, протягъ рудѣ на небо, а съ правые мечетъ платье; подпись ему глаголетъ: «единъ же Капикларіе възрѣ [11] на небо, видѣ вѣнца сходяща на святыа, числомъ 39.» Нѣкто уноша везетъ на

---

[1] Въ Сп. З. киноварь. Въ Сп. Ф. Преподобный Арсеній Тверскій, епископъ. Манатія на немъ со источники, на главѣ скима, брада надсѣда, аки Сергіева. По святцамъ 2-го числа.

[2] Въ Сп. З. вм. того: пишетъ.

[3] Въ Сп. З. они не упомянуты; потому что описанія имъ нѣтъ.

[4] Въ Сп. З. санкиръ съ бѣлилы и съ празеленью.

[5] Въ Сп. З. не упомянуто вовсе.

[1] Въ Сп. З. средняя празелень, исподь киноваръ.

[2] Въ Сп. З. вм. того, киноварь, лазорь.

[3] Въ Сп. З. по плечемъ.

[4] Въ Сп. З. болѣ.

[5] Въ Сп. З. только: Козмы.

[6] Въ Сп. З. первыя.

[7] Въ Сп. З. третій младъ, плѣшивъ.

[8] Въ Сп. З. за нимъ стоитъ.

[9] Въ Сп. З. вм. того, и среднимъ и предъ нимъ.

[10] Въ Сп. З. вринулся въ банъ.

[11] Въ Сп. З. Капиларіе возрѣвъ.

волѣ, на колѣсехъ [1] святыхъ мученикъ тѣлеса на огнь, а предъ воломъ жена несетъ сына на плечехъ, младъ возрастомъ; и поверже ко святымъ, идѣже лежатъ святіи при рѣцѣ, на колѣсѣхъ. Риза на женѣ лазорь, исподь киноварь [2]. Женѣ подписати: «вземше [3] сына на рамо, принесше, поверже [4] верху ихъ.» Повислъ главою назадъ, внизъ, сынъ у матери, а она держитъ его за нозѣ [5]. Прінде святитель со діякономъ во езеро собирати кости святыхъ. Святитель сѣдъ, аки Власей. Діяконъ младъ съ кадиломъ. Третій русъ, видѣть межь ими, уноша младъ, нагъ, въ однихъ порцѣхъ [6] собираетъ кости во езерѣ [7]. Во времяна Ликиніа царя святіи сташа предъ егемономъ и христіяни ся исповѣдаша и глаголаша: «нынѣ убо 3 суть борящеи насъ: сатана и дука [8] и гѣмонъ.» То подпись надъ святыми и надъ судіями.

10. Святаго мученика Кондрата и дружины его. Мученикъ Кондратъ. Аки Дмитрей Селунскій, власки мало съ ушей, риза лазорь, исподь киноварь; въ лѣвой руцѣ крестъ, а правая молебна, на нимъ облачекъ, подъ облачькомъ подпись, глаголитъ ему: иже отъ облакъ въспитанъ бысть.

11. Иже во святыхъ отца нашего Софроніа, архіепископа Іерусалимскаго. Съфроній, архіепископъ Іерусалимскій сѣдъ, власы мало съ ушей свилися, брада Сергіева [8] риза кресчата. Въ той же день преставленіе иже во святыхъ отца нашего Евѳиміа Великаго, Нова-града и Пскова новаго чюдотворца.

12. Преподобнаго отца нашего Ѳеофана исповѣдника Сигріянъскаго. И память святаго Григорія, святыа горы, Папы стараго Рима, иже состави службу прежесвященную. Ѳеофанъ преподобный сѣдъ, аки Сергій, ряска празелень, бѣла, дичь, держитъ свитокъ, въ свитцѣ глаголетъ: «Иже исповѣсть мя [10] предъ человѣки и азъ исповѣмъ [11] предъ ангелы.» Григорей Папа Римъскій. Сѣдъ, аки Власей, въ саку, кресты лазорь.

13. Принесеніе мощемъ святаго отца нашего Никифора, патріарха Царяграда. Святитель Никифоръ сѣдъ, аки Власей, во гробѣ; несутъ его 2 дьякона. У ногъ, діаконъ сѣдъ, брада долѣ Николины, а у главы, діаконъ младъ, несетъ святаго; за гробомъ святаго стоитъ діаконъ [1], а держитъ икону, Пречистую со Младенцемъ, а самъ младъ; за гробомъ святаго инъ діаконъ сѣдъ, брада Іоанна Богослова, короче Богослова, несетъ [2] крестъ великъ; у главы святаго, святитель Меѳодій, надсѣдъ; брада долѣ Николины, сакъ, въ крузехъ кресты. А за ними [3] гора багоръ съ бѣлилы. Несутъ святаго во градъ. У града стоитъ царь, стрѣтивъ святаго. Царь русъ, а подобіе царя Давыда; риза лазорь, исподь киноварь, праваа рука молебна, держитъ къ персемъ а въ лѣвой, ширинка. Градъ празелень дичь бѣлъ, въ немъ видѣть церковь и палаты.

14. Преподобнаго отца нашего Венедикта, архимандрита Римскаго. И святаго мученика Александра Преподобный Венедиктъ: сѣдъ, плѣшивъ, брада тупіе Власьевы, ряска вохра съ бѣлилы; обѣма рукама держитъ свитокъ.

15. Святыхъ мученикъ Агапіа и Тимолая и двою Александровъ и двою Діонисьевъ. Мученикъ Агапій: младъ, аки Дмитрей Селуньскій, кудерци маленки, власки съ ушей свилися, космыки на ушки видѣть; риза кеноварь, исподь празелень, лѣваа молебна, перъсты верхъ [4].

16. Святаго мученика Савина. И святаго апостола Аристоула, брата Варнавина. И святаго мученика Папы. Мученикъ Савинъ: русъ, брада долѣ Козмы и Дамьяна, риза вохра, средняя киноварь съ бѣлилы, исподь лазорь.

17. Преподобнаго отца нашего Алексѣа человѣка Божіа. Алексѣй человѣкъ Божій, аки Предтеча; руцѣ къ сердцу; риза празелень дичь.

18. Иже во святыхъ отца нашего Кирила, архіепископа Іерусалимскаго. Кириллъ архіепископъ Іерусалимскій: сѣдъ, брада аки Іоанна Богослова [5], риза кресчата.

19. Святыхъ мученикъ Хрисанфа и Даріи. Хрисанфъ аки Георгій, власки растрепался съ ушей; риза багоръ дичь, исподь киноварь, въ правой крестъ, а лѣваа молебна, перъсты верхъ, зритъ на Дарію, а

---

[1] Въ Сп. З. на колѣхъ мучителей.

[2] Въ Сп. З. добавлено: а хто везетъ, на томъ риза киноварь.

[3] Въ Сп. З. мати, вземше.

[4] Въ Сп. З. его, въ руки ихъ; именемъ Мелентій; прінде святитель и т. д.

[5] Въ Сп. З. этой вставки нѣтъ, а въ сп. Ф. есть.

[6] Въ Сп. З. портѣхъ.

[7] Въ Сп. З. пополняется здѣсь значительный пропускъ: По днихъ же трехъ открышася епископу Петру, кои мощи святыхъ въ водѣ, и тако собравше положиша ихъ въ ракахъ. То глаголетъ надъ епископомъ. Въ времена и т. д. Статья сія, будучи пропущена въ текстѣ, ошибочно внесена въ 13-е число, гдѣ слѣдуетъ за словомъ: Богослова короче. Такъ и въ Сп. Ф.

[8] Въ текстѣ: духа.

[9] Въ Сп. З. аки Власьева... кудреватъ.

[10] Въ текстѣ: иже исповѣмся.

[11] Въ Сп. З. его.

[1] Въ Сп. З. среди гроба.

[2] Въ Сп. З. благословенъ несетъ крестъ и т. д.

[3] Въ Сп. З. за нимъ

[4] Въ Сп. З. Тимолай: аки Дмитрій Селунскій. Риза лазорь, исподь вохра дикъ; правою рукою держитъ крестъ, а лѣвая молебна, по обычаю.

[5] Въ Сп. З. и меньше.

Даріа на него [1]; убрусъ около главы бѣлъ, риза лазорь, исподъ вохра съ бѣлилы.

20. Преподобныхъ отецъ нашихъ, иже во обители святаго Савы избіенныхъ отъ Сарацинъ: 1 стоитъ сѣдъ, власы съ ушей, брада Сергіева, съ космыки; 2 отъ него, подлѣ [2], сѣдъ, плѣшивъ, брада велика, роздвоилася; межъ ими третей сѣдъ, брада долѣ Власьевы; межь первымъ и среднимъ русъ, аки Варламъ Новгородцкій; межь среднимъ и третьимъ, а на немъ схима, а на иныхъ клобуки, а иніи святіи всякими образы. У перваго въ свитцѣ глаголетъ: «Пріидѣте ко мнѣ вси тружащеіися.»

21. Преподобнаго отца нашего Іакова исповѣдника. И преподобнаго Кирилла, епископа Катанскаго. Святитель Іяковъ, сѣдъ, исповѣдникъ, брада Власьева, на концы два космыка; на ризѣ кресты—киноварь.

22. Святаго священномученика Василіа, прозвитера Ангирскыа церкви. Святитель Василей, прозвитеръ, надъсѣдъ, подобіе Власьево, брада роздвоилася, риза поповская, на плечахъ вохра, риза кеноварь съ бѣлилы, по ней лазорью камка чинена [3].

23. Преподобнаго отца нашего Никона и 200 ученикъ его [4]. Преподобный Никонъ: сѣдъ, брада долѣ Власьевы, на концы роздвоилася, въ свитцѣ у него глаголетъ: пріидѣте, чада, послушайте мене, страху Господню научю васъ. Въ правой рудѣ свитокъ, а держитъ правую [5] молебну къ нимъ. Предъ нимъ, старець, въ клобукѣ, русъ, брада Козма и Дамьянъ, зритъ на него, ряска вохра, кеноварь; подлѣ его [6] плѣшивъ, брада съ Николину, проста, не вилася, за ними Никонъ [7], аки Сергій Родонижскій; межь преднимъ и другимъ младъ, старець, въ клобукѣ. А Никонъ, ряска празелень дичь съ бѣлилы, и на томъ такова жь. У того [8] брада, аки Николина, а ины старци всякими образы; предъ ними церковь празелень бѣла. А старци вси зрятъ на Никона.

24. Предпразньство Благовѣщеніа Пресвятыа Богородица. И святаго отца нашего Артеміа, епископа Селуньскаго. Святый мученикъ Артемій: сѣдъ, плѣшивъ, брада съ Аѳанасьеву, на концы роздвоилася, риза кресты кеноварь. Іаковъ прозвитеръ: надсѣдъ, власы велики съ ушей, брада со Власьеву, на концы вдвоемъ, темна, камка багоръ, дичь, по ней лазорью, на плечахъ празелень. Назади дьяконъ, аки Георгій, риза на плечахъ лазорь, въ правой кадило [1].

25. Благовѣщеніе Пресвятыа владычица нашеа Богородица и приснодѣвыа Маріа. На Архангелѣ риза багоръ дичь.

26. Съборъ Архангела Гаврила и прочихъ. На Михаилѣ, на архангелѣ, риза кеноварь, средняа лазорь, исподъ багоръ красенъ вишневой; а на Гаврилѣ празелень, средняа кеноварь, исподъ лазорь, держитъ Спаса во облакѣ; Младъ Сынъ [2] на трехъ херувимѣхъ, а около Спаса [3] Ангели.

27. Святыа мученицы Матроны, иже въ Селуніи. И святаго Павла Новаго. У Матроны около главы убрусъ бѣлъ. На ней риза празелень, исподъ киноварь, въ лѣвой крестъ, а праваа молебна; персты верхъ. Святый Павелъ [4] аки Дмитрей Селупскій, риза лазорь, исподъ багоръ вишневой дичь, а лѣваа молебна, персты верхъ.

28. Преподобныхъ отецъ нашихъ, Стефана чюдотворца, Иларіона великаго и преподобнаго Іоны, игумена обители Палестинскыя. И святаго мученика Іоны [5] патріарха. Преподобный Стефанъ: сѣдъ, брада аки Сергіева, на концы уже, власки съ ушей, ряска вохра съ бѣлилы. Въ свитцѣ глаголетъ: «Мало претерпимъ, да вѣчно царствуемъ.» Иларіонъ: русъ, брада Іоакима Богоотца, около главы власки; а самъ въ схимѣ, свитокъ держитъ правою рукою, а лѣваа молебна, персты верхъ, ряска празелень бѣлъ дичь.

29. Преподобнаго отца нашего Марка, епископа Арсоусійскаго и Кирила діакона и святаго Евстаѳіа исповѣдника и преподобнаго Іоанна иже на Студенцы, и инехъ многихъ. Маркъ епископъ: сѣдъ, брада долѣ Власьевы, роздвоилася, риза кресчата, а Кирилъ діаконъ, аки Георгій, риза кеноварь, на правомъ плечѣ; а лѣвою держитъ кадило.

30. Преподобнаго отца нашего Іоанна, Списателя Лѣствицы и преподобнаго Акакіа исповѣдника. Въ той же день преставленіе иже во святыхъ отца нашего Іоны [6], митрополита Московскаго и всея Руси, новаго чюдотворца. Іоаннъ Списатель Лѣствицы: Стоитъ предъ церковью; сѣдъ, брада Власьева, на концы космыки легонки, ряска вохра съ бѣлилы; въ свитцѣ глаголетъ у него: «Восходите, восходите, братіе.» А за нимъ церковь празелень. Предъ Іоанномъ стоитъ ста-

---

[1] Въ Сп. З. на ней, т.-е. на Даріи, убрусъ и т. д.

[2] Въ Сп. З. вм. того, подлѣ.

[3] Въ текстѣ: чинечь; возст. по Сп. Ф. Въ Сп. З. вм. того, золочена.

[4] Въ Сп. З. и ученицы его, двѣ тмы.

[5] Въ Сп. З. лѣвую.

[6] Въ Сп. З. сѣдъ.

[7] Въ Сп. З. Ф. и отъ Никона.

[8] Въ Сп. З. у кого.

[1] Такъ во всѣхъ спискахъ. Описаніе это относится къ св. Азѣ, или по современ. святцамъ, къ Ачадану, празди. 10 Апр.

[2] Въ Сп. З. Спасъ.

[3] Въ Сп. З. Святые.

[4] Въ Сп. З. мученикъ Унтъ съ тѣмъ же описаніемъ, что здѣсь. Въ Мѣсяцосл. Вершинскаго нѣтъ ни того ни другаго святаго.

[5] Въ Сп. Ф. вмѣсто двухъ Іонъ, въ первомъ случаѣ упамянуть Іоаннъ съ тѣмъ же обозначеніемъ. Нѣтъ и другаго Іоны. Нѣтъ ихъ и въ святцахъ.

[6] Іона митроп. праздн. 31 числа.

рець, сѣдъ, аки Сергіева брада, а на немъ клобукъ Межь Іоанномъ и первымъ старцомъ, старецъ сѣдъ [1] брада Николина, проста велми, а за ними, отъ крал, сѣдъ старець, брада долѣ Сергіевы, ряска багоръ дичь, а иныхъ старцовъ множество всякими образы.

31. Преподобнаго отца нашего Ипатія чюдотворца. И преподобнаго Акакія, епископа Мелетинскаго. Преподобный Ипатій епископъ: брада Власьева, сѣдъ. Власки на главѣ съ ушей малы, риза багоръ, дичь, свѣтла. Подъемомъ держитъ икону, Пречистую со Младенцемъ; а на немъ амфоръ, исподъ [2] риза празелень велми бѣла.

Мѣсяцъ Априлій.

Иматъ дней 30.

(во дни часовъ 13 а въ нощи 11).

1. Преподобныа матери нашеа Маріи Египтянины. Въ той же день преставленіе преподобнаго отца нашего Еѳимія великаго, новаго чюдотворца Маріа египетская [3]. Стоитъ нага; власы русы. Зосима даетъ ей ризу, а образомъ обратясь [4]. Въ другомъ мѣстѣ: даетъ Зосима причастіе Маріи. У Маріи плече голо и ребро [5]. Оба стоятъ на Іерданѣ. Гора ниска—вохра съ бѣлилы дичь, надъ Ерданомъ; около его древца, не на Ерданѣ.

2. Преподобнаго отца нашего Тита чюдотворца. Титъ. Сѣдъ, аки Власей, брада на конци роздвоилася, риза кресчата, лазорь бѣлъ дымчатъ.

3. Преподобнаго отца нашего Никиты исповѣдника, игумена (Нико) мидійскаго. Преподобный Никита исповѣдникъ, аки Сергій; брада на концы уже, а въ свитцѣ у него глаголетъ: «иже исповѣсть мя [6] предъ человѣки».

4. Преподобнаго отца нашего Іосифа, творца канономъ. И преподобнаго Георгіа иже въ Малеонѣ. Іосифъ, творець канономъ. Сѣдъ, брада Николина, на конъцы уже. Ряска вохъра съ бѣлилы. Съ лѣваго плеча манатья опала. Георгій Митулиньскый [7]. Русъ [8], брада вдвоемъ, короче Николины.

5. Святыхъ мученикъ Ѳеодула и Агаѳопода. И преподобнаго Зосимы, погребшаго Марію Египетскую. Ѳеодулъ. Русъ, власы повились, брада Павла апостола. Мученикъ Агаѳоподъ [1] образомъ Іоанна Богослова, а самъ діаконъ, въ рущѣ кадило держитъ; верхъ риза лазорь.

6. Преподобнаго отца нашего Евтихіа, патріарха Царя-града. Подобіе все Іоанна Злотоустаго:

7. Преподобнаго отца нашего Георгіа, епископа Митулиньскаго [2]. Георгій Митулиньскый. Сѣдъ, аки Власей, риза кресчата.

8. Святыхъ апостолъ Родіона и Агафа, Руфа. Апостолъ Родіонъ [3] аки Флоръ, [4] риза лазорь, исподь вохра съ бѣлилы, на плечахъ амфоръ. Агафъ русъ, емужь подобенъ, риза вохра съ бѣлилы, исподь лазорь, потому же во амфорѣ. Руфъ, аки Георгій, среди, за ними; риза багоръ съ бѣлилы, исподь киноварь; а на немъ амфоръ. У всѣхъ кресты въ лѣвыхъ рукахъ, а тѣ благословны.

9. Святыхъ мученикъ Евтихіа и Помпліа [5] и иже съ ними. Мученикъ Евтихій, аки Дмитрей Селуньскій; риза лазорь, съ обѣхъ плечь назадъ пошла, исподь кеноворь.

10. Святыхъ мученикъ Терентіа и Африкана и Помпліа. Мученикъ Терентій. Подобіе все Козмы и Дамьяна, верхъ празелень, исподь вохра съ бѣлилы. Помпліи русъ, власы Флора и Лавра, брада меньши Козмы и Дамьяна.

11. Святаго священномученика Антипы, епископа Пергаму Асійскаго. Антипа, аки Власей. Риза кресчата, исподь лазорь дымчатъ бѣлъ.

12. Святаго священномученика Василіа, епископа Парійскаго. Священномученикъ Василій: сѣдъ, кудерды малы, брада аки Васильева, на концы два косьмыка, риза кресчата, исподь вохра съ бѣлилы бѣла.

13. Святаго священномученика Артемона [6] и иже съ нимъ. Артемонъ, прозвитеръ, русъ, брада меньши Василы Кесарійскаго; риза празелень, безъ амфору, исподь бѣлъ.

14. Иже во святыхъ отца нашего Мартына, папы Римскаго. Въ той же день святыхъ новоявленныхъ мучениковъ: Антоніа и Евстаѳіа, Іоанна, въ Литвѣ пострадавшихъ при Олгирдѣ, нечестивомъ царѣ. Мартынъ [7], папа Римскій, сѣдъ, плѣшивъ, брада

---

[1] Въ Сп. З. полнѣе: въ клобукѣ, брада болѣ Аѳанасьевы, на концы космыки и широка вельми, отъ Іоанна старецъ сѣдъ, брада Николина и проч.

[2] Въ Сп. З. исподняя лазорь, празелень, вельми бѣла. Св. Акакій Мелитинскій празд. 17-го Апр.

[3] Въ Сп. З. Египтянина.

[4] Въ Сп. З. Отвратися.

[5] Въ Сп. З. и ребра.

[6] Въ текстѣ: иже исповѣмся.

[7] Въ Сп. З. святой этотъ значится уже въ 5 числѣ.

[8] Въ Сп. З. вм. того, сѣдъ. Слѣд. чит. Малейскій. Георгій Митилинскій см. 7 числа.

[1] Въ Сп. З. Агаѳонъ.

[2] Въ Сп. З. Милитійскій.

[3] Въ Сп. З. вѣроятно, по ошибкѣ, Агаѳонъ, съ тѣмъ же описаніемъ, что и здѣсь; за тѣмъ слѣд. Агаѳъ и Русъ.

[4] Въ Сп. З. русъ.

[5] Слѣд. чит. Евписхія. Помпліи 10-го числа. Повтореніе тѣхъ же именъ святыхъ въ двухъ сряду числахъ указываетъ на неточность ихъ помѣщенія.

[6] Въ Сп. З. Артемій.

[7] Въ Сп. З. ошибкой, снова — Артемій.

Николина, риза Іоанна Златоустаго. Новоявленныи мученики: Антоній, аки Борисъ и Глѣбъ. Евстафей, аки князь Владиміръ, риза лазорь, исподъ празелень. Среди ихъ Іоаннъ, аки Глѣбъ, младъ, риза вохра съ бѣлилы. У всѣхъ кресты въ рукахъ. У предняго риза кеноварь, исподъ лазорь, у всѣхъ камки [1].

15. Святыхъ апостолъ Аристарха, Пуда и Трофима. Аристархъ [2] сѣдъ, аки Никола, риза вохра съ бѣлилы, И Пудъ сѣдъ, власы просты, вельми; [3] брада менѣ Власьевы. Трофимъ, аки Георгій, риза вохра, исподъ празелень, надсѣдъ, [4] амфоръ; въ рукахъ кресты. И святаго мученика Криксента.

16. Святыхъ мученицъ 3-хъ дѣвъ: Ирины и Агапіи и Хіоніи. Мученица Иринія. На главѣ платъ [5], риза празелень, багоръ [6] съ бѣлилы, исподъ лазорь. У Агапіи риза киноварь, исподъ вохра съ бѣлилы [7]. Ѳіопіа. На главѣ платъ бѣлъ, риза празелень, исподъ багоръ съ бѣлилы.

17. Преподобнаго отца нашего Семіона, иже въ Персидѣ. И преподобнаго Акакіа Мелетійскаго и святаго Агапіа, папы Римъскаго. Въ той же день преподобнаго отца нашего Зосимы, Соловецкаго чюдотворца. Преподобный Семіонъ [8], иже въ Персидѣ: сѣдъ, брада велика, на концы роздвоилася, ряска санкирь съ бѣлилы. Преподобный Акакій Мелетійскіи сѣдъ, брада аки Власьевы, раздвоилася.

18. Преподобнаго отца нашего Іоанна, ученика святаго Григоріа Декаполита. И святаго Агапіа [9] папы Риммскаго. Преподобный Іоаннъ, ученикъ [10] Григоріа Декаполита сѣдъ, брада курчевата, менши Іоанна Богослова, ряска вохра съ бѣлилы. Святитель Агапіи [11] сѣдъ, плѣшивъ, брада Власьева, риза кресчата, кресты: черны, исподъ дымчатъ бѣлъ.

19. Преподобнаго отца нашего Іоанна Ветхіа Лавры, иже на Хозивѣ горѣ. Преподобный Іоаннъ Ветхіа Лавры. Сѣдъ, брада до пояса, уска, ряска дымчата.

20. Предобнаго отца нашего Ѳедора Трихины, рекше Власянаго. Ѳеодоръ Власяный [12] сѣдъ, аки Илья пророкъ, брада проста, не вилась, подоліе Власьевы. Руку держитъ аки Алексѣй человѣкъ Божій. А на немъ власяница, колѣнцы голы.

21. Святаго священномученика Ануріа и дружины его. И святаго священномученика Ѳеодора, иже въ Пергіи. И преподобнаго Анастасіа Синаискаго. Ѳеодоръ иже въ Пергіи [1], епископъ, сѣдъ [2], брада аки Власьева, на конци шире, риза кресчата, исподъ санкиръ [3] съ бѣлилы.

22. Преподобнаго отца нашего Ѳеодора Сикеота. Ѳеодоръ Сикеотъ. Сѣдъ, брада проста, аки Власьева, на конци роздвоилася ряска, вохра съ бѣлилы, руде держитъ аки Ѳеодоръ Власяный.

23. Святаго великомученика Георгіа Побѣдоносца. Великій мученикъ Георгій. Въ бронѣхъ, приволока черчата, доспѣхъ клѣтчатъ, златъ, рукавъ [4] исподъ лазорь, ногавки багоръ; въ правой копье, въ лѣвой мечь въ ножнѣхъ; щитъ у лѣваго плеча.

24. Святаго мученика Савы Стратилата. Сава Стратилатъ, сѣдъ, брада проста, долѣ Николины, а самъ въ бронѣхъ, риза лазорь, доспѣхъ пернастъ, рукавъ исподъ киноварь; въ правой копье, въ лѣвой мечь въ ножнѣхъ, вверхъ держитъ, подъ лѣвую мышку; ногавки багоръ.

25. Святаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Марка. Марко, евангелистъ, русъ, риза лазорь, исподъ киноварь.

26. Святаго священномученика Василіа, епископа Амасійскаго. Священномученикъ Василей: сѣдъ аки Власей, риза кресчата, исподъ лазорь, бѣлъ дымчатъ. Въ той же день преставленіе иже во святыхъ отца нашего Стефана, епископа Пермъскаго, новаго чюдотворца. Преподобный Стефанъ. Во гробѣ; сѣдъ, брада Власьева. Гробъ у церкви. Церковь едина маковица. У главы стоитъ святаго старець сѣдъ, брада короче Власьевы, лѣвою рукою подперся, а правою держитъ надъ головою святаго; за ними [5] старецъ младъ; а еще за ними видѣти двѣ главы старѣчи, единъ русъ [6], а другій младъ. У ногъ святаго стоитъ святитель плѣшивъ, аки Власей, и чтетъ: Боже [7], Духомъ свя-

---

[1] Въ Сп. З. послѣднихъ словъ нѣтъ.

[2] Въ Сп. З. Истархъ.

[3] Въ Сп. З. вм. того, велики.

[4] Въ Сп. З. вм. того, а на всѣхъ.

[5] Въ Сп. З. еще: бѣлъ.

[6] Въ Сп. З. вм. того, исподъ багоръ съ бѣлилы. Въ Сп. Ф. исподъ лазорь.

[7] Въ Сп. З. послѣдняго слова нѣтъ, а только: вохра.

[8] Въ Сп. З. святому Симеону предшествуетъ: Мученикъ Андреянъ. Младъ. По обѣ страны косы; риза празелень киноварь.

[9] Агапитъ, папа Римскій, по святцамъ 17 числа.

[10] Въ Сп. З. учитель.

[11] Въ Сп. З. Агапитъ. Онъ помѣщенъ здѣсь прежде Іоанна.

[12] Въ Сп. З. вм. того: иже въ Пергіи и его описаніе см. ниже.

[1] Въ Сп. З. Ѳеодоръ въ Пергіи помѣщенъ 20 числа, а Трихина или Власяный, 21-го, съ тѣми же описаніями, которыя и здѣсь присвоены тѣмъ же святымъ. Кромѣ Ѳеодора Власянаго, 21 числа еще имѣется: Максимъ архіепископъ Царяграда. Русъ, кудрии легонки, брада проста, велика, на концѣ раздвоилась. Риза безъ амфора, аки у попа. Максимъ Пасикратъ. Русъ, брада съ Варламову величествомъ. Верхъ риза лазорь, съ обѣихъ плечъ снахнулась назадъ, исподняя киноварь.

[2] Въ Сп. З. Аки Памфилъ св. епископъ, сѣда брада и т. д.

[3] Въ Сп. З. Киноварь.

[4] Въ Сп. З. рукава исподнія.

[5] Въ Сп. З. и Ф. за нимъ.

[6] Въ Сп. З. брада мала.

[7] Въ Сп. З. „Божіимъ святымъ Духомъ“.

тымъ. А за нимъ дьяконъ младъ, держитъ кадило и темьяницу. За святителемъ и за дьякономъ едина палата а за старци такоже; а около церкви полата, градъ.

27. Святаго священномученика Семіона, сродника Господня по плоти. Священномученикъ Семіонъ. Сѣдъ, брада меньши Власьевы, риза кресчата, исподь санкиръ съ бѣлилы.

28. Святыхъ апостолъ Іасона и Сосипатра. Святыхъ мученикъ Максима и Дады и Квинтиліана [1]. И предобнаго Іоанна, игумена свѣтыа горы. Апостолъ Іасонъ сѣдъ, власы [2] съ ушей, брада Николина, риза вохра съ бѣлилы, исподь багоръ съ бѣлилы, на плечѣ амфоръ [3]. Сосипатръ, [4] сѣдъ, брада Власьева, на концѣ космыки, риза лазорь, исподь киноварь, на немъ амфоръ. Въ лѣвыхъ рукахъ свитци

29. Святыхъ мученикъ 9, иже въ Кизицѣ, преподобнаго отца нашего Мемнона чюдотворца, и преподобнаго отца нашего Нестера. Мученицы 9. Спреди [5] стоитъ младъ, аки Дмитрей. Риза киноварь, исподь вохра съ бѣлилы. Подлѣ его русъ, аки Лука евангелистъ. Риза лазорь, исподь багоръ, съ бѣлилы. Третій стоитъ сѣдъ. Преподобный Мемнонъ [6]. Брада Власьева, ряска санкиръ съ бѣлилы. Межъ младымъ и русымъ сѣдъ, власы [7] съ ушей, брада болѣ Николины, а уже. Межъ русымъ и преподобнымъ видѣть по плечъ русъ, аки Павелъ апостолъ, а иныхъ едины вершки видити.

30. Святаго славнаго и всехвалнаго Апостола Іакова Заведеова, брата святому Іоанну Богослову. Апостолъ Іаковъ Заведеовъ. Русъ, брада долѣ Козмы и Дамьяна, риза дичь санькиръ съ бѣлилы, исподь вохра съ бѣлилы.

Мѣсяцъ Май.

Иматъ дний 31.

(во дни часовъ 14 а въ нощи 10).

1. Святаго пророка Іеремеа. Пророкъ Іеремеа: сѣдъ, брада Іоанна Богослова, власы съ ушей, риза вохра съ бѣлилы, исподь лазорь; въ свитцѣ у него глаголетъ: Господи, силамъ суди праведный [8]. Въ той же день преставленіе преподобнаго отца нашего Пафнотіа игумена, иже въ Боровскѣ, новаго чюдотворца [9].

2. Иже во святыхъ отца нашаго Аѳонасія великаго, архіепископа Александрѣйскаго. Аѳонасей [1]. Брада велика, а самъ въ саку. Въ той же день принесенія мощемъ святыхъ великихъ мучениkъ, новоявленныхъ чюдотворецъ, князей Рускихъ, обою братію по плоти, Борися и Глѣба, нареченныхъ въ святомъ крещеніи Романа и Давида. У Бориса, съ правую руку, коса на плечѣ, шуба баканъ, исподь лазорь. На Глѣбѣ шуба черчата, исподь празелень.

3. Святыхъ мученикъ, Тимоѳеи четца и Мавры, сожителницы его. И святаго мученика Селиванa. Въ той же день убіеніе святаго и много-страдалнаго и великаго въ мученицехъ царя Іоанна Перъскаго, [2] ученика бывшаго святому Ѳеодору архіепискому Едесскому. Въ той же день успеніе преподобнаго отца нашего Ѳеодосіи, первоначалника общему жытію въ Руской земли, игумена бывшаго честныя обители Печерьскыя, иже въ Кіевѣ. Мученикъ Тимоѳей. Младъ, риза апостольскаа, санкиръ дичь, исподь лазорь. Мавра на него зритъ; риза бакaнъ, исподъ вохра, на главѣ платъ. У Ѳеодосіа Печерьскаго брада аки Власьева, мало на концы повилась. Ѳеодосей [3] въ гробѣ. Ряска вохра [4]. У подножіа, святитель: сѣдъ, брада долѣ Власьевы. Подлѣ его дьяконъ, младъ, кадитъ святаго; за нимъ два старца, единому брада аки Сергій Радонежскій [5], а другій, брадою, аки Никола, а сѣдиною, ни русъ, ни сѣдъ; у главы столтъ святаго старци: предней сѣдъ, плѣшивъ, брада Іоанна Богослова, [6] а за нимъ другій, сѣдъ же, брада мала, космыки, ряска вохра. А межь ими иные видѣти. Церковь несвѣтла празелень; а по краю церкви полата [7].

4. Святыя мученицы Пелагѣи и преподобнаго отца нашего Иларіона чюдотворца и преподобнаго отца нашего Аѳонасія Коринѳьскаго. И преподобныя матере нашеа Маріи Магдалыни [8].

5. Святыа мученицы Ириніи дѣвици. Мученица Ирина, дѣвица. Вѣнець царскій, риза киноварь.

6. Память многострастнаго и побѣдоносца, правед-

---

[1] Въ текстѣ: Киндиліанъ и Нассонъ.
[2] Въ Сп. З. мало.
[3] Въ Сп. З. въ лѣвой рукѣ свитокъ.
[4] Въ Сп. З. этого святаго не имѣется вовсе.
[5] Въ Сп. З. вм. того: среди.
[6] Въ Сп. З. имя опущено.
[7] Въ Сп. З. по плечамъ.
[8] Въ Сп. З. Господи, силамъ суди праведно.
[9] Въ Сп. З. нѣтъ этого святаго, также какъ и въ сп. Ф.

[1] Въ Сп. З. сѣдъ.
[2] Такого святаго нѣтъ въ сп. З. и Ф. нѣтъ и въ святцахъ. А св. Сильванъ празди. 4 числа.
[3] Въ Сп. З. начинается только отсюда 8-е число.
[4] Въ Сп. З. съ бѣлилы.
[5] Въ Сп. З ряска вохра.
[6] Въ Сп. З. Манатія иныхъ свѣтлѣе, ряска дичь; за ними другіи и т. д.
[7] Въ Сп. З Въ текстѣ слѣдуютъ слова: исподь баканъ. Въ Сп. З. нѣтъ. Въ тѣкстѣ очевидная ошибка, произшедшая изъ внесенія части описанія подобія слѣдующей за тѣмъ святой Пелагеи, которой полное описаніе здѣсь, въ слѣдствіи той же ошибки, опущено.
[8] Въ Сп. З. только слѣдующее: 4. Мученица Пелагѣя. Риза празелень, исподняя баканъ; руцѣ молебны. Исчисленныхъ святыхъ нѣтъ и въ Мѣсяцосл. Вершинскаго.

наго Іева [1]. Въ той же день святаго Варвара, иже бѣ разбойникъ [2].

7. Воспоминаніе иже на небеси знаменіа честнаго Креста, въ святомъ градѣ Іерусалимѣ, въ 3 часъ дни, при Коньстантинѣ царѣ. И святаго мученика Акакіа. Въ той же день преставленіе преподобнаго и богоноснаго Антоніа, игумена честныа обители Печерьскыа, иже въ Кіевѣ, началника въ Русіи иночьскому житію. Преподобный Антоній Печерскій. Въ схимѣ, около главы кудерци малы, сѣдъ, брада Іоанна Богослова, ряска санкиръ съ бѣлилы. Знаменіе честнаго креста. Царь Константинъ младъ, почиваетъ на одрѣ, въ шатрѣ. Явися ему Спасъ и благослови его. Царь одѣтъ: риза кеноварь, исподь лазорь, одръ багоръ съ бѣлилы. У главы стоятъ стражіе, вооружены. Надъ царемъ крестъ звѣздами явися. Подъ тѣмъ мѣстомъ, ниже [3] царь сѣдитъ, въ лѣвой руцѣ держитъ [крестъ] [4] а правую держитъ молебну, кажетъ народу. Отъ народа единъ стоитъ старъ, противу царя, аки Захаріа пророкъ, риза празелень, исподь вохра, а за ними, [5] аки Георгій, риза лазорь, исподь баканъ; третей аки Борисъ и Глѣбъ, риза кеноварь, исподь празелень; а за ними [6] множество народа, на главахъ колпаки. Отъ шатра царь ѣдетъ на конѣ, кажетъ крестъ, на небеси звѣздами утворенъ; [7] а зритъ назадъ, на свое войско; а за нимъ ѣдетъ множество народа, не вооружены. Царь Коньстантинъ гонитъ, по мосту, съ войскомъ, на конехъ, вооружены; а сѣчетъ противныхъ ему врагъ. Войско же окаянное [8], не въѣхавъ во градъ, нача метатися на конѣхъ въ воду, съ моста; и множество ихъ утопоша [9], а иные на мосту побиты, а градъ отворенъ. Подъ мостомъ столпы три. Гора санкиръ съ бѣлилы, другаа празелень, а подпись говоритъ тому знаменію: «Во грядущую жь нощь пришедъ Господь, рече ему: сотворенно явленіе, тебѣ знаменіе, и побѣдиши вся враги твоя». Глаголетъ въ другомъ мѣстѣ: «Явися ему, на полѣ ѣздячи [10] съ воискомъ, въ полудни, образъ креста, свѣтомъ составленъ, на немъ же бѣ написано сицѣ: симъ побѣждати.» [1] Третьаа статья письмо надъ градомъ говоритъ: «въ сіа бо святыа дни святаго пятикостіа, въ недѣлю пасхи, въ 3 часъ дни, превеликъ крестъ, свѣтомъ составленъ, на небеси, верху святыа [2] Голгоѳы и до святыа горы Елеоньскыа простертъ, явися.»

8. Святаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова. И преподобнаго отца нашего Арсеніа Великаго, Римлянина. Іоаннъ Богословъ. Риза празелень, исподъ лазорь. Преподобный Арсеній: сѣдъ, брада болѣ Сергіевы, шире, ряска вохра съ багромъ.

9. Святаго пророка Исаіа. И святаго мученика Христофора. Въ той же день принесеніе честныхъ мощей святаго отца нашего Николы въ Варъградъ отъ Миръ. Пророкъ Исаіа, аки Иліа пророкъ. Сѣдъ риза санкиръ, исподь лазорь; въ свитцѣ глаголетъ: «Правдѣ научитеся живущіи на земли.» Мученикъ Христофоръ. Аки Дмитрей, риза баканъ, исподь празелень [3]. На святемъ Николаѣ риза кресты багровы, исподь лазорь бѣлъ.

10. Святаго апостола Симона Зилота. Симонъ Зилотъ. аки Іоакимъ, надсѣдъ, риза баканъ, исподь лазорь, въ лѣвой руцѣ свитокъ.

11. Обновленіе Царяграда. Святаго священномученика Мокеа прозвитера. Священномученикъ Мокей. Сѣдъ плѣшивъ, брада долѣ Власьевы; на концы космыки, риза безъ амфору, вохра съ бѣлилы, исподь багорь съ бѣлилы.

12. Иже во святыхъ отца нашего Епифаніа, архіепископа Кипрскаго. Святѣйшаго Германа, патріарха Царяграда. Въ той же день освященіе церкви святыа Богородицы, юже созда благовѣрный князь Василей съ блаженною Еленой [4]. Святитель Епифаній Кипрскій, сѣдъ, брада Власьева [5], на ризѣ кресты черны, исподь празелень. Германъ патріархъ сѣдъ, брада Аѳанасьева, риза лазорь въ крузѣхъ кресты златы.

13. Святыя мученици Гликеріи. Мученица Гликерія. Риза кеноварь, исподь празелень лазорь темна.

14. Святаго мученика Сидора Пилусейскаго. Въ той же день успеніе святаго праведнаго Сидора, нарицаемаго Твердислова, Ростовскаго чюдотворца, Христа ради уродиваго. Мученикъ Сидоръ [6] русъ, аки Флоръ, риза лазорь, средняа баканъ, исподь празелень. Сидоръ уродивый русъ, власы велики, брада Христова; плечо правое наго, риза санкиръ.

---

[1] Въ Сп. З. Преподобный Іевъ. Сѣдъ, брада Николина; на главѣ шапка; риза багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь.

[2] На поляхъ приписано: Явльшагося. Въ Сп. З. сѣдъ, брада аки Іоанна Богослова, риза празелень, исподь вохра.

[3] Въ Сп. З. иже.

[4] Возстановлено по списку Забѣлина.

[5] Въ Сп. З. и Ф. за нимъ.

[6] Въ Сп. З. за нимъ.

[7] Въ Сп. З. утворенъ.

[8] Въ Сп. З. баканное, (вмѣсто окаянное или наганое) въѣхавъ въ градъ, начаша.

[9] Въ Сп. З. истопоша.

[10] Въ Сп. З. ѣздящу съ воп.

[1] Въ Сп. З. Побѣжай враги.

[2] Въ Сп. З. и Ф. горы.

[3] Въ Сп. З. Вм. того лазорь. Въ Сп. Ф Мученикъ Христовъ Христофоръ глава песья, въ руцѣ держитъ главу песью; аки Дмитрей, риза баканъ празелень или лазорь.

[4] Нѣтъ въ друг. сп.

[5] Въ Сп. З. Аѳанасьева, на немъ сакъ лазорь, въ крузѣхъ кресты златы.

[6] Въ Сп. З. Исидоръ.

15. Преподобнаго отца нашего Пахомія Великаго. Въ той же день обрѣтеніе честнаго тѣлѣси иже во святыхъ отца нашего Исаіа, епископа, Ростовскаго чюдотворца. Преподобный Пахомій Великій. Сѣдъ, аки Власій; отъ колѣнъ [1] монаша угломъ связана, ряска дымчатая. Исаіа, епископъ Ростовскій, сѣдъ; [2] брада со Власьеву, а съ ушей шире; клобукъ бѣлъ, риза празеленбѣла, исподъ багоръ бѣлъ вельми.

16. Преподобнаго отца нашего Ѳеодора Освященнаго, ученика святаго Пахомія. Ѳеодоръ Освященный надсѣдъ, брада долѣ Николины,ряска вохра съ бѣлилы.

17. Святаго апостола Андроника, единаго отъ 70 и иже съ нимъ. Андроникъ сѣдъ, брада короче Власьева [3], риза санкиръ съ багромъ, исподъ лазорь, а на плечахъ амфоръ, въ лѣвой руцѣ свиточекъ, а правая молебна, персты верхъ.

18. Святаго мученика Ѳеодота, иже во Анкирѣ. И святыхъ мученикъ Петра и Діонисіа. И святыхъ седми дѣвъ. Мученикъ Ѳеодотъ: [4] младъ, аки Дмитрей Селуньскій; риза кеноварь, съ обѣихъ плечь, не застеганъ; средняя прозелень, исподъ лазорь; руце подъ верхною ризою; въ правой руцѣ крестъ, а въ лѣвой мечь въ ножнѣхъ.

19. Святаго священномученика Патрекѣя, епископа Прусійскаго и иже съ нимъ. Патрикей сѣдъ, аки Власей, риза кресты кеноварь, исподъ кеноварь съ багромъ и съ бѣлилы, амфоръ празелень съ бѣлилы.

20. Святаго священномученика Фалелея. Въ той же день Обрѣтеніе честныхъ мощей иже въ святыхъ отца нашего Алексѣя Митрополита, всеа Русіи новаго чюдотворца. Мученикъ Фалелей сѣдъ, брада короче Власьевы; риза вохра съ чернилом, исподъ баканъ; въ правой руцѣ крестъ, а лѣвая молебна, персты верхъ. Обрѣтеніе мощемъ Алексѣя. Церковь съ придѣломъ. Около церкви ограда каменна. Алексѣй во гробѣ; въ клобуцѣ, въ саку—кресты баканъ; гробъ багоръ съ бѣлилы. У главы святитель стоитъ сѣдъ, власы велики, брада аки Іоанна Богослова, а уже; за нимъ старецъ, сѣдъ; брада Власьева, ряска санкиръ съ празеленью, бѣла, локоть нагъ и нога нага; среди гроба святаго стоитъ князь младъ, аки Георгій, наклонился ко святому, руце держитъ молебныя; риза камка, баканъ; исподъ лазорь; за нимъ другій, младъ же, аки Дмитрей Сулуньскій, риза празелень, исподъ вохра [1]. Аки Іоакимъ Богоотецъ; по плечь [2] видѣть, мало надсѣдъ.

21. Святаго благовѣрнаго и равноапостоломъ царя Константина и матери его Елены. Царь Константинъ, царица Елена, держатъ крестъ. На царѣ риза верхъ лазорь, исподъ кеноварь [3], на царицѣ риза празелень, исподъ багоръ красенъ, въ руцѣ ширинка.

22. Святаго мученика Василиска [4]. Мученикъ Василискъ, аки Дмитрей Солуньскій, риза баканъ, исподъ лазорь, препоясанъ ширинкою, съ лѣваго плеча подъ правой локоть.

23. Преподобнаго отца нашего Михаила, Синайскаго исповѣдника. Въ той же день обрѣтеніе многочюдесныхъ и многоцѣлебныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Леонтіа, епископа Ростовскаго, чюдотворца. Михаилъ исповѣдникъ сѣдъ, брада шире Власьевы, риза кресты лазорь, исподъ вохра съ бѣлилы и съ кеноваремъ; правая молебна, персты верхъ [5]. Леонтій Ростовскій во гробѣ. Клобукъ бѣлъ, риза празелень съ бѣлилы, исподъ баканъ; [6] гробъ санкиръ съ лазорью. У главы святаго стоитъ святитель сѣдъ, аки Власей, риза кресты багровы, рука праваа молебна ко святому, а другою рукою [7] держитъ евангеліе; съ правую сторону святителя стоитъ діаконъ младъ, кадитъ святаго Леонтіа; съ лѣвою руку святителя стоитъ черненъ сѣдъ, брада долѣ святителя, а на немъ риза бѣла, и иныхъ множество видѣти едины верьшки у главы [8]. И у подножіа святаго Леонтіа стоитъ наклоненъ князь младъ, аки Георгій, руцѣ держитъ молебны ко святому, риза празелень, исподъ лазорь; за нимъ мужъ сѣдъ, аки Никола, риза киноварь, изъ ворота [9] бѣло, съ крап, ризы исподъ лазорь; три млады [10], аки Дмитрей Селуньскій, риза лазорь, четвертаго мало видѣти образъ, сѣдъ. Подлѣ же ихъ [11], у гроба святаго, стоитъ мужъ младъ, аки Дмитрей Селуньскій, держитъ обѣма рукама заступець вверхъ желѣзомъ; локти наги и ноги, риза багоръ съ лазорью, около ихъ мѣсто кругло вохра.

---

[1] Въ Сп. З. О колѣняхъ мантія узломъ завязана.

[2] Въ Сп. З. вм. того, русъ. Такъ и въ Сп. Ф.

[3] Въ Сп. З. вм. того: брада долѣ Николины.

[4] Въ Сп. З. Ѳеодоръ. Прочіе св. не упомянуты въ Сп. Ф.

[1] Въ Сп. З. вм. того, риза киноварь, исподъ лазорь. 3-й между ими младъ же, аки Дмитрей Селунскій, риза празелень, исподъ вохра. Четвертній, аки Акимъ Богоотецъ. Въ Сп. Ф. четвертый аки Іоакимъ.

[2] Въ Сп. З. того жъ поплечь.

[3] Въ Сп. З. наоборотъ: риза на царѣ празелень, исподъ багоръ красенъ, въ руцѣ ширичка; на царицѣ верхняя риза лазорь, исподъ киноварь.

[4] Прежде было: Селивана, но зачернуто.

[5] Въ Сп. З. а лѣвою держитъ евавгеліе.

[6] Въ Сп. Ф. лазорь.

[7] Въ Сп. З. Ризою.

[8] Въ Сп. З. вм. того, и главы ихъ.

[9] Въ Сп. З. вмѣсто того, исподъ бѣлъ.

[10] Въ Сп. З. и Ф. третій младъ.

[11] Въ Сп. З. вмѣсто того, подлѣ же ногъ.

24. Преподобнаго отца нашего Симеона Стлпника, иже на Дивней горѣ, чюдотворца. Въ той же день преставленіе святаго Никиты Столпника, Переславскаго чюдотворца. Преподобный Симеонъ Столпникъ, акн [1] Сентября въ началѣ. Столпъ багоръ съ бѣлилы, другая половина кеноварь съ бѣлилы. Никита Переславскій надсѣдъ, брада долѣ Симеоновы, около главы власки легонки. Столпъ празелень, другаа половина празелень бѣла съ вохрою.

25. Третіе обрѣтеніе честныя главы святаго и славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня, Іоанна. Старецъ стоитъ сѣдъ, плѣшивъ; клобукъ на плечѣ, ряска вохра, а самъ заскался; въ рукахъ держитъ заступець; другій старецъ младъ, на колѣни преклонился, пріимаетъ главу Предотечиву; на немъ ряска празелень дичь. Глава Іоаннова въ сосудцѣ. Около ее воскопана пещера. Гора багоръ съ бѣлилы, у младаго старца клобукъ на плечѣ [2], межь ими травка.

26. Святаго апостола Карпа, единаго отъ 70. Въ той же день преставленіе честныхъ мощей трехъ святителей, вселенскихъ митрополитъ, Кипріана и Фотіа и Іоны, новыхъ чюдотворцовъ Московскихъ. Въ той же день обрѣтеніе честнаго тѣлеси преподобнаго отца нашего Макаріа Колязинскаго, новаго чюдотворца, составившаго велику обитель во имя Живоначальныя Троицы на Вологдѣ. Апостолъ Карпъ сѣдъ, плѣшивъ, брада со Власьеву, а шире, на плечѣ амфоръ, риза празелень, исподъ лазорь.

27. Святаго священномученика Ѳерапонта. Ѳерапонтъ русъ, аки Флоръ, риза кресты багровы, исподъ лазорь, обѣма русама держитъ евангеліе.

28. Преподобнаго отца нашего Никиты, епископа Халкидоньскаго. И успеніе святаго Андрея, иже Христа ради уродиваго. Въ тотъ день преставленіе приснопамятнаго, иже во святыхъ отца нашего, Игнатіа, Ростовскаго чюдотворца. Никита епископъ Халкидоньскій. Брада короче Власьевы, раздвоилася, риза лазорь, исподъ багоръ съ лазорью, а на немъ амфоръ. Игнатей, епископъ Ростовскій, русъ [3], въ бѣломъ клобукѣ, брада аки Алексѣа митрополита и короче, риза камочною статью, вохра съ бѣлилы [4].

29. Святыя преподобномученицы Ѳеодосіи дѣвицы. Преподобномученица Ѳеодосіа: въ клобукѣ, ряска вохра съ празеленью и съ багромъ.

30. Преподобнаго отца нашего Исакіа Долматьскаго. Исакій Дольматьскій сѣдъ, брада со Власьеву, на концѣ космыки, манатья багоръ красенъ, ряска вохра.

31. Святаго мученика Еремія. Еремій мученикъ; русъ, аки Флоръ, риза кеноварь, исподъ празелень, препоясанъ ширинкою; въ правой руцѣ крестъ, а въ лѣвой мечь въ ножнѣхъ.

Мѣсяцъ Іюнь.

имать дней 30.

1. Святаго мученика Іустина философа и другаго мученика Іустина. Въ тожь день преставленіе преподобнаго отца нашего Діонисіа [1], игумена, Глушитьскаго чюдотворца, иже на Вологдѣ. Мученикъ Устинъ. Русъ брада Козмы и Дамьяна, около [2] ширинка, рука благословенна, въ лѣвой свитокъ. Деонисій Глушицкій русъ, брада съ Сергіеву.

2. Иже въ святыхъ отца нашего Никифора, патріарха Царяграда. Въ той же день страданіе святаго мученика Іоанна, мучившагося въ Бѣлѣградѣ. Никифоръ патріархъ Царяграда. Сѣдъ, брада Власьева, риза кресчата, исподъ лазорь. Мученикъ Іоаннъ въ Бѣлѣградѣ. Русъ, брада долѣ Златоустовы, риза кеноварь, исподъ лазорь.

3. Святаго мученика Лукіана и иже съ нимъ. Въ тожь день Стрѣтеніе иконы преподобнаго отца нашего Дмитреа, иже на Вологдѣ. [3] Мученикъ Лукіанъ. Русъ, аки Флоръ, риза баканъ, исподъ празелень, въ правой крестъ, а лѣвая молебна, персты верхъ.

4. Иже во святыхъ отца нашего Митрофана, патріарха Царяграда и святаго мученика Андреа Критьскаго. Митрофанъ патріархъ Царяграда. Сѣдъ [4], брада долѣ Власьевы, сакъ лазорь, на саку кресты—лазорь темна.

5. Святаго священномученика Дорофіа епископа Тирскаго. Дорофій Тирскій. Русъ, аки Златоустъ, риза кресты багровы, евангеліе обѣма рукама держитъ, подъемомъ [5].

6. Преподобнаго отца нашего Иларіона новаго, игумена Далмацкаго. И преподобнаго отца нашего Виссаріона. И святаго Евстафіа, [6] архіепископа Антіохійскаго. Иларіонъ новый, сѣдъ, [7] аки Богословъ, ряска празелень бѣла. Виссаріонъ сѣдъ, въ схимѣ, брада долѣ Сергіевы, ряска вохра съ бѣлилы.

---

[1] Въ Сп. З. таковъ же, акн въ началѣ Сентября.
[2] Въ Сп. З. вм. того, на ницъ.
[3] Въ Сп. З. сѣдъ.
[4] Въ Сп. З. еще: исподъ лазорь дымчата.

[1] Въ Сп. З. Діонисій 2-го ч.
[2] Въ Сп. З. около шеи, ширинка, риза лазорь, исподъ киноварь съ бѣлилы, рука и т. д. Тоже и въ Сп. Ф.
[3] Въ Сп. З. нѣтъ, по обычаю, неописанныхъ.
[4] Въ Сп. З. Власьева. Св. Андрея нѣтъ въ Сп. Ф. и З. Празн. 4 Іюля.
[5] Въ Сп. З. слѣдуетъ: 6. Мученикъ Маркіанъ, младъ, аки Георгій, риза киноварь съ бѣлилы, исподъ лазорь. За тѣмъ: Иларіонъ новый.
[6] Въ Сп. З. и Ф. нѣтъ.
[7] Въ Сп. З. еще: брада.

7. Святаго мученика Ѳеодота Аньгирскаго. Мученикъ Ѳеодотъ русъ, аки Флоръ, по власамъ космыки, риза лазорь, исподь баканъ.

8. Святаго великомученика Ѳеодора Стратилата. Ѳеодоръ Стратилатъ [1], въ бронѣхъ, приволока красна, въ правой копье, въ лѣвой, щитъ, рукава исподь празелень, ногавки багоръ.

9. Иже во святыхъ отца нашего Кирилла, архіепископа Александрійскаго. И святыхъ мученикъ Александра и Антониды. Въ тожь день Преставленіе преподобнаго отца нашего Кирилла игумена, Бѣлоозерскаго чюдотворца. Кириллъ Александрійскій: сѣдъ [2], брада долѣ Василіа Кессарійскаго, риза кресчата, исподь лазорь. Кириллъ Бѣлоозерскій: сѣдъ, брада долѣ Сергіевы, ряска вохра съ бѣлилы, свитокъ держитъ обѣма рукама. Мученикъ Александръ [3] русъ аки Козма и Дамьянъ [4], исподь празелень, лѣваа рука молебна, персты верхъ [5].

10. Святаго священномученика Тимоѳея Прусьскаго [6], и святыя мученицы Ѳеклы. Священномученикъ Тимоѳей: сѣдъ, брада долѣ Власьевы, подвонлася на концы, риза кресты багровы, исподь вохра съ бѣлилы.

11. Святыхъ апостолъ Варѳоломеа и Варнавы. Апостолъ Варѳоломей русъ, брада Козмы и Дамьи (на), риза празелень, исподь лазорь, а на плечѣ амфоръ. Варнава русъ же, брада Іоакима, риза [7] исподь лазорь, а на немъ амфоръ.

12. Преподобнаго отца нашего Онуфреа Великаго и преподобнаго отца Петра Аѳоньскаго. Преподобный Онуфрей: сѣдъ, брада до [8] глѣзнь; препоисанъ лѣствіемъ, руце молебны и наги [9]. Святый Петръ Аѳоньскій, нагъ же, сѣдъ, брада мало долѣ пояса, препоясанъ лѣствіемъ съ багровымъ, зритъ на Онуфреа. Оба косматы.

13. Святыя мученицы Акилины. И святаго отца нашего Трифиліа, епископа Левкусійскаго. Въ тожь день память преподобнаго отца нашего Андроника [10] игумена, ученика святаго Сергіа. Мученица Акилина. Риза киноварь съ бѣлилы, исподь лазорь, лѣваа [11] молебна. Святый Трифилей [1]: Власы съ ушей, брада долѣ Флора и Лавра, риза кресчата, исподь бѣлъ.

14. Святаго пророка Іелисеа. Святаго отца Меѳодіа, патріарха Царяграда. Пророкъ Іелисей: надсѣдъ, аки Моисей Боговидѣцъ, риза багоръ, исподь лазорь, рука праваа молебна, въ лѣвой свитокъ, въ свитцѣ глаголетъ: «Рѣче Іелисей: кого ищете, идѣте [2] (во слѣдъ мене). Меѳодій патріархъ Царяграда, русъ аки Златоустъ, сакъ лазорь, кресты лазорь.

15. Святаго пророка Амоса. Въ той же день Принесеніе Честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора Секіота, епископа Анастасіа града. [3] Пророкъ Амосъ сѣдъ, аки Іоаннъ Богословъ, риза прозелена, исподь лазорь.

16. Иже во святыхъ отца нашего Тихона чюдотворца, епископа Амафусійскаго. Тихонъ чюдотворецъ русъ, надсѣдъ, брада долѣ Златоустовы, риза кресты черны, обѣма рукама держитъ евангеліе подъемомъ, исподь бѣлъ.

17. Святыхъ мученикъ Мануила, Савельи и Измаила. На Мануилѣ риза лазорь, исподь баканъ; въ рущѣ крестъ, другая молебна, персты верхъ, на главѣ колпакъ [4] кеноварь, отъ власовъ отъ колпака платъ бѣлъ. На Савелiѣ риза кеноварь, исподь [5] празелень; нагавки лазорь [6]; около его платъ же. Измаилъ на нихъ зритъ; риза баканъ съ бѣлилы, исподь лазорь, на главѣ колпакъ красенъ; около его платъ же; руце у обѣхъ потому же, аки у Мануила; образомъ млади всѣ, аки Георгій.

18. Святаго мученика Леонтіа. Мученикъ Леонтій. Русъ аки Козма и Дамьянъ, риза лазорь, исподь кеноварь, въ правой рущѣ крестъ, а лѣваа молебна, персты верхъ.

19. Святаго апостола Іуды, брата Господьня по плоти. Апостолъ Іуда, братъ Господень: надсѣдъ мало, брада аки Варлаама Хутыньскаго, риза багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь, на плечѣ амфоръ, свитокъ держитъ обѣма рукама.

20. Святаго священномученика Меѳодіа, епископа Патрьскаго. Священномученикъ Меѳодій: сѣдъ аки Аѳанасей, риза кресчата, исподь вохра съ бѣлилы.

21. Святаго священномученика Іуліяна Тарсянина. Іуліянъ, аки Георгій, риза лазорь, исподь багоръ съ бѣлилы, красной; лѣваа молебна, перьсты верхъ.

---

[1] Въ Сп. З. брада, власы кудреваты,
[2] Въ Сп. З. надсѣдъ. Тоже и въ Сп. Ф.
[3] Въ Сп. З. Здѣсь начинается уже 10-е число.
[4] Въ Сп. З. Риза киноварь.
[5] Въ Сп. Ф. слѣдуетъ: въ той же день преставленіе преподобнаго отца нашего Александра, иже на Куштѣ, Вологодскаго чудотворца. Александръ Куштьскій: русъ, брада поуже Сергіевы, ряска вохра съ бѣлилы.
[6] Въ текстѣ за симъ слѣд. еще: и св. мученика.
[7] Въ Сп. З. бакана.
[8] Въ Сп. З. вм. того, долѣ глезнь.
[9] Въ Сп. З. Послѣдняго слова нѣтъ.
[10] Въ Сп. З. и Ф. не упоминается.
[11] Въ Сп. З. рука.

[1] Въ Сп. З. Русь,
[2] Возстановлено по Сп. З.
[3] Въ Сп. Ф. нѣтъ.
[4] Слѣдующее до слова: платъ, въ текстѣ приписано, въ выноскахъ.
[5] Здѣсь было прежде: лазорь, но зачеркнуто.
[6] Въ Сп. З. вм. того, на главѣ колпакъ лазоревъ; въ Сп. Ф. и то и другое.

22. Святаго священномученика Евсевіа, епископа Самосатскаго. Священномученикъ Евсевій: сѣдъ, брада уже Аѳанасьевы, на концы раздвоилась; риза кресты багровы, исподь лазорь. И священномученикъ Христовъ Аристіанъ: русъ [1], брада аки Козмы и Дамьяна.

23. Святыя мученицы Агрипины. Мученица Агрипина: риза лазорь, исподь кеноварь съ бѣлилы.

24. Рождество честнаго и славнаго Пророка и Предтечи, Крестителя Господня Іоанна. Елисаветъ лежитъ на одрѣ; риза на ней празелень; подъ нею посланъ бѣлъ одръ — санкиръ теменъ. У главы ея сѣдитъ Захаріа; на немъ риза кеноварь, исподь лазорь; правую руку держитъ молебну ко Елисавеѳи, другой держитъ свитокъ; въ свиткѣ глаголетъ: Благословенъ Богъ яко посѣти [2] и сотвори. А самъ сѣдитъ на престолѣ; подъ ногами два ступени. Предъ Елисавеѳью стоятъ двѣ дѣвици, едина омахиваетъ, риза на ней кеноварь, другаа дѣвица держитъ стеклянницу; стоятъ предъ колѣнами ея, среди одра. Подъ [3] Елисавеѳью сѣдитъ баба, держитъ Іоанна Предтечю. На Іоаннѣ риза празелень, обогнена; бабѣ риза багоръ съ бѣлилы. Предъ бабою стоитъ дѣвица, льетъ воду въ сосудъ. За Захарьею полата празелень; съ другую сторону отъ дѣвици полата багоръ съ бѣлилы; покровецъ кеноварь.

25. Святыя мученицы Февроніи. Въ тожь день преставился благовѣрный князь Петръ, во мнишескомъ чину нарѣченный Давидъ; и супружници его, благовѣрныа княгини Февроніи, нарѣченныа во мнишескомъ чину Ефросеніи, Муромскихъ чюдотворцовъ. Мученица Февронія: клобукъ на ней и манатья, и ряска вохра съ бѣлилы [4].

26. Преподобнаго отца нашего Давыда, иже въ Солуни. Давыдъ Солуньскій, сѣдъ аки Власей, сѣдитъ на древѣ; древо велико, отъ земли низко. На Давыдѣ ряска вохра съ бѣлилы, около его на древѣ три птички.

27. Преподобнаго отца нашего Самсона Странноприимца. Самсонъ страннопріимецъ русъ аки Козма и Дамьянъ; въ ризѣ поповской, на плечѣхъ празелень, подъ [1] ризою камка съ бѣлиломъ, исподь бѣлилы, не голое, держитъ евангеліе.

28. Святыхъ чюдотворецъ и безсребренникъ Кира и Іоанна. Киръ сѣдъ, брада долѣ Власьевы, въ правой рукѣ держитъ перо, въ другой сосудець; на немъ манатья, исподь рлска—вохра съ бѣлилы. Іоаннъ русъ, аки Козма и Дамьянъ, риза кеноварь, исподь лазорь, потому же держитъ перо и сосудецъ.

29. Святыхъ, славныхъ, верховныхъ апостолъ Петра и Павла. Апостоли Петръ и Павлъ другъ на друга зрятъ. На Петрѣ риза вохра съ бѣлилы, исподь лазорь; на Павлѣ—риза багоръ красна, исподь лазорь, держитъ евангеліе. Надъ ними Пречистаа со Младенцемъ въ облачку. Около ихъ соузы [2] оплетены.

30. Соборъ святыхъ 12 Апостолъ. Около ихъ оплелся корень съ вѣтьвми, а надъ ними, въ верху Спасъ сѣдитъ, обѣма рукама благословляетъ. Съ сторону Пречистая, съ другую, Іоаннъ Предьтеча. Апостолъ Петръ; подлѣ его [3] Павелъ; другъ на друга зрятъ. За Петромъ, Іоаннъ Богословъ, держитъ евангеліе, риза багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь. [4] За Павломъ Матѳей, держитъ евангеліе, риза празелень исподь лазорь; (Подъ Петромъ сѣдитъ апостолъ Андрей: сѣдъ брада Богослова, риза празелень исподь лазорь); противъ его Іаковъ, русъ, брада долѣ Козмы и Дамьяна, зрятъ другъ на друга. На Іаковѣ риза багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь. За Андреемъ сидитъ [5] Варѳоломей, русъ, надсѣдъ, брада Іоакима Богоотца. На немъ риза лазорь, исподь багоръ. За Іаковомъ Лука, русъ, кудреватъ, брада Козмы и Дамьяна, риза кеноварь, исподь лазорь. Подъ Андреемъ, Марко, русъ, аки Козма и Дамьянъ, риза багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь. Подлѣ его Симонъ надсѣдъ, брада аки Николина, риза кеноварь съ бѣлилы, другъ на друга зрятъ. За Маркомъ Филиппъ, младъ, аки Дмитрей, риза кеноварь, исподь празелень. За Симономъ Ѳома, младъ же, аки Филиппъ апостолъ, риза багоръ съ бѣлилы, исподь лазорь. Оприче Петра и Павла, Іоанна и Матѳеа у всѣхъ у осмерыхъ свитцы въ рукахъ [6].

---

[1] Въ Сп. З. Святой этотъ значится 23 числа и послѣ св. Агрипины, въ слѣдующихъ чертахъ: Священномученикъ Арестій. Русъ, надсѣдъ, малы власы, брада Флора и Лавра, риза безъ амфору, поповская, на плечахъ празелень, риза вохра съ бѣлиломъ, по ней бѣлиломъ камка чинена; держитъ евангеліе правою рукою, а лѣвою подъемомъ, исподь бѣлъ. Въ Сп. Ф. нѣтъ вовсе св. Арестія, также какъ и въ Мѣсяцосл. Вершинскаго.

[2] Въ Сп. З. вм. того, Благословенъ Господь Богъ по истинѣ и сотвори.

[3] Въ Сп. З. вм. того, подлѣ Елисавеѳи.

[4] Петръ и Февронія, Муромскіе, не упоминаются ни въ Сп. З. ни въ Сп. Ф.

[1] Въ Сп. З. по ризамъ камка бѣлиломъ, исподь съ бѣлиломъ, не голое, держитъ евангеліе. Такъ и въ другихъ спискахъ.

[2] Въ текстѣ: сосуды, ошибкой писца.

[3] Въ Сп. З. прибавлено: съ другую.

[4] Въ Сп. З. вм. того, неправильно: риза празелень, исподь лазорь. За тѣмъ, послѣ пропуска, до скобы, слѣдуютъ слова, пропущенныя въ издаваемомъ нами текстѣ и возстановленныя по Сп. З.

[5] Въ Сп. З. вм. того: стоитъ.

[6] Въ Сп. З. а у Петра свитокъ же.

Мѣсяцъ Іюлій.

Иматъ дній 31.

1. Святыи Козма и Даміанъ [1]. У Козмы риза кеноварь, средняа празелень, исподь лазорь. У Даміана риза баканъ, средняа лазорь, исподь багрецъ красенъ. Въ правыхъ рукахъ кресты, а въ лѣвыхъ сосудци.

2. Положеніе честныа ризы въ Влахернѣ [2]. Церковь бѣла [3] о трехъ версѣхъ, единъ верьхъ великъ а два малы. Пречистыи выносная икона [4] надъ престоломъ. Святитель стоитъ, молится, наклоненъ; въ саку, кресты багровы; образомъ сѣдъ, плѣшивъ, брада долѣ Николины. За нимъ царь, аки Коньстантинъ, русъ, риза лазорь, исподь баканъ; за царемъ боляринъ [5], единъ сѣдъ, брада долѣ Николины, шуба красная, исподь празелень, другой русъ, глава видѣти; а третьяа глава же видѣти, младъ образомъ, ризы не видѣти ихъ; у царя руцы молебны.

3. Святый мученикъ Акиноъ. Аки Георгій, риза багоръ съ бѣлилы, средняа вохра, исподь лазорь.

4. Святый Андрей Критцкій. Сѣдъ, аки Власей, риза кресчата, исподь вохра съ бѣлиломъ Мареа [6].

5. Преподобный Аѳанасей Аѳоньскій. Сѣдъ, плѣшивъ, брада Сергіева, ряска санкиръ съ бѣлилы.

6. Преподобный Сысой Великій. Сѣдъ, брада долѣ и шире Сергіевы, сѣдина [7] темна, ряска дичь санкиръ

7. Святый Ѳома. Вмалѣ [8] сѣдъ, брада долѣ Сергіевы, ряска вохра. Акакіа въ лѣствицѣ. Младъ аки Дмитрей [9] (Селуньскій) ряска-санкиръ бѣлъ дичью.

8. Святый великомученикъ Прокофей [10], аки Димитрей, вооруженъ; въ правою руцѣ крестъ. а въ лѣвой щитъ.

9. Священномученникъ Панкратей [11]. Сѣдъ, брада аки Власьева, на конны [12] притупа; риза кресчата, исподь лазорь съ бѣлилы; обѣма рукама держитъ евангеліе.

10. Святыхъ мученикъ 45, иже въ Никополіи [1]. Съ краа, аки Флоръ, русъ, риза баканъ бѣлъ, исподь вохра; другіи аки Георгій, риза кеноварь, исподь лазорь; среди ихъ сѣдъ, аки Власей, власы на уши, риза едина празелень, о плечѣхъ вохра; а иные сѣды и русы.

11. Святыа мученицы Евѳиміи. Риза баканъ, исподь празелень,

12. Святый мученикъ Проклъ [2]. Аки Флоръ, русъ, риза баканъ темна, исподь кеноварь. Иларіонъ аки Георгій, риза празелень, по плечамъ вохра.

13. Святый Стефанъ Савантъ. Сѣдъ, аки Никола, ряска санкиръ съ бѣлиломъ. Соборъ Архангела Гавріила и прочихъ [3]. Гавріилъ единъ стоитъ.

14. Святый апостолъ Акила [4]. Сѣдъ, брада долѣ Николины, а на немъ амфоръ, риза вохра съ бѣлиломъ [5].

15. Святаа Улита [6]. Риза празелень, исподь баканъ: Подлѣ ея Кирикъ въ рубашечки, а коленцы голы; въ сапошкахъ. Въ той же день князь Владимеръ. Сѣдъ кудреватъ, брада Богослова; камка багряна, исподь камка лазорь; въ руцѣ крестъ, въ лѣвой мечь въ ножнѣхъ; на главѣ вѣнецъ царскій.

16. Святый Анѳиногенъ. Сѣдъ, брада Власьева, риза багоръ, исподь лазорь бѣлъ, а на немъ амфоръ, Въ той же день (Первый) Соборъ [7] Вселенскій овы соборъ на Арія. Спасъ явися Петру Александрѣйскому младенцемъ [8], въ раздранней ризѣ, на престолѣ. Престолъ кеноварь, надъ нимъ покровецъ, завѣса кеноварь. Петръ сѣдъ, [9] плѣшивъ, брада аки Николина, палъ на колѣни, зритъ на Него и руцы [10] молебны: Соборъ: церковь о одной маковицы Царь Константинъ сѣдитъ на престолѣ багрянѣ [11]; въ руцѣ жезлъ

---

[1] Въ Сп. З. Власы съ ушей.

[2] Въ текстѣ: въ Халкопратіи. Возст. по Сп. З. Ф. гдѣ сказано въ Лахернѣ.

[3] Въ Сп. З. еще: празелень.

[4] Въ текстѣ, вм. того, яко на.

[5] Въ Сп. З. боляре.

[6] Въ Сп. З. празднованіе св. Мареы къ 6-му отнесено, но также безъ описанія подобія. Въ Сп. Ф. послѣ Аѳонасія Аѳонскаго.

[7] Въ Сп. З. исправленіе: едина. За сп. Сисоемъ слѣдуетъ: пр. Мареа, безъ описанія.

[8] Въ Сп Ф. преподобнаго отца нашего Ѳомы иже въ Малеонѣ, и Ананія иже въ Лѣствицѣ свидѣтельствованнаго. Ѳома преп. Сѣдъ и т. д.

[9] Въ Сп. Ф. упом. матери его препод. Ѳеодосіи.

[10] Здѣсь въ текстѣ было другое, настоящее же писано послѣ исправленнаго.

[11] Въ Сп. З. Панкратъ.

[12] Въ Сп. З. раздвоилась.

[1] Въ Сп. Ф. Въ той же день преставленіе пр. отца нашего Антонія Великаго.

[2] Въ Сп. Ф. Св. муч. Прокла, и Ларія. И преподобнаго Михаила Малеина.

[3] Въ Сп. Ф. порядокъ обратный: сначала Соборъ, потомъ св. Стефана Саввапта.

[4] Въ Сп. Ф. Святаго апостола Акилы, единаго отъ 70 и св. мученика Анисима. И св. отца нашего Іосифа епископа Селунскаго. Слѣд. за тѣмъ описаніе сходно.

[5] Въ Сп. З. сѣдъ, исподь лазорь.

[6] Въ Сп. Ф. Св. мученика Кирика и матери его Улиты. Въ той же день успеніе равноапостоломъ Самодержица Русскія земли Великаго Князя Владиміра, нарѣченнаго во святомъ крещеніи Василія. Слѣд. тоже.

[7] Въ Сп. З. Первый Соборъ. Такъ какъ 7-й Соборъ уже описанъ былъ въ Подлинникѣ 11 Окт., то его нѣтъ здѣсь, остальные шесть исчисляются всѣ, хотя церковь 16 Іюля празднуетъ память Отцовъ 4-го Собора.

[8] Въ текстѣ: младенцемъ.

[9] Въ Сп. З. Вм. того, сѣдитъ.

[10] Въ Сп. З. Держитъ.

[11] Въ Сп. З. Вм. того: въ богряней ризѣ.

съ правую руку царя [1] два святителя, сѣды оба; единому брада, аки Григорей Богословъ, на главѣ шапка; другій аки Николае, въ кресчатыхъ ризахъ; съ лѣвую руку два жь святителя, единъ русъ, брада короче Василья Кессарійскаго, другій аки Аѳанасій, сѣдъ; третій наклонился, глаголетъ со Аріемъ, аки Петръ Александрѣйскій. У подножіа царева стоитъ царь, подобися [2] тому жъ царю Константину, риза такова жь, мало поклонилъ главу, противу его три святителя стоятъ: единъ сѣдъ, плѣшивъ, аки Никола; а за нимъ аки Аѳанасей, сѣдъ; третьяго мало видѣти, русъ, брада короче Василья Кессарійскаго; держатъ [3] ко царю руце молебны; за царемъ стоятъ два мужа, оба аки Аріи, колпаки бѣлы. Арій зритъ на Спаса, и утроба его разліяся. Риза дымчата, брада короче Власьевы, сѣда, надъ нимъ полатка проста. 2-й Соборъ на Македоніа. Церковь объ одной маковицы, празелень-стѣна: Ѳеодосій царь сѣдитъ [4], аки Владимеръ, брада короче Владимеровы, риза багоръ: съ правую руку царя три святители, единъ аки Аѳанасей, сѣдъ, другій [5] Златоустъ, третій аки Григорей Богословъ. Съ лѣвую, три же святители, единъ надсѣдъ, брада аки Аѳанасьева, другій русъ, брада долѣ Златоустовы, третій [6], брада короче Аѳанасьевы. Съ правую руку царя, у подножіа, стоятъ святители. Святитель, поднявъ руку и ударя, образомъ сѣдъ, брада короче Власьевы, а кого хотѣлъ ударити, тотъ русъ, брада короче Василья Кессарійскаго, а ризы на немъ святительскыя же: кресты кеноварь, безъ вѣнца. А ины святители: единъ аки Аѳонасей [7], другой тое короче, сѣдъ же, а ината мало видѣти. Съ лѣвую, у подножіа царева, еретицы [8]; предъ ними русъ, брада не велика, риза едина, баканъ, за нимъ, старъ, власы съ ушей, брада меньши Аѳонасьевы, риза едина кеноварь; межъ ими надсѣдъ, брада [9] долѣ Николины, ризы дичь, крайней русъ, власы съ ушей, брада [10] Василья Кесарійскаго меньши, риза лазорь; а иныхъ многихъ разны образомъ. 3-й Соборъ, на Несторіа. Царь Ѳеодосій юнный [11] на степени сѣдитъ, риза баканъ. Съ правую руку царя сѣдятъ три святители: единъ русъ, брада аки Аѳонасьева, подлѣ его сѣдъ, плѣшивъ, брада меньши перьваго: третьяго мало видѣти, русъ же, брада долѣ Златоустовы. Съ лѣвую руку царя сѣдятъ святители: единъ русъ, брада короче Василіа Кесарійскаго, 2 [1] сѣдъ, брада Аѳонасьева, на немъ шапка. У подножіа царева: единъ сѣдъ, аки Аѳонасей, другой русъ, брада аки Василья Кесарійскаго и короче, снимаетъ ризу святительскую съ еретика, а за нимъ два святителя, единъ сѣдъ [2], другій русъ, брада велика. Съ другую сторону еретицы, предъ ними сѣдъ, брада короче Власьевы, отвратилъ лице; другій сѣдъ, аки Никола, руки держитъ у устъ [3]. Межъ ими русъ, брада короче Василья Кесарійскаго. Съ краа попъ русъ, брада мала, а иныхъ многихъ всякимъ образомъ, русы и сѣды. За царемъ церковь вохра съ бѣлилы. 4-й Соборъ, на Діоскора и Евтихія. Царь Маркіянъ сѣдъ, аки Владимеръ, за нимъ церковь празелень. Съ правую руку сѣдятъ три святителя, единъ сѣдъ, аки Власей, другій русъ, брада аки Аѳонасьева, третій русъ, брада меньши другіа. Съ лѣвую руку сѣдятъ два святителя, единъ сѣдъ, брада аки Аѳонасьева, другій сѣдъ аки Никола, безъ вѣнца; руку держитъ у устъ [4]. Евѳиміа во гробѣ. У главы гроба Евѳиміина три святителя поклонилися, руцы держатъ молебны, а у ней свитокъ въ рукѣ. Первый святитель сѣдъ, плѣшивъ, брада Аѳонасьева, другій сѣдъ. аки Николае, третей русъ, брада долѣ Николины. За ними крайные [5]: единъ, аки Аѳанасей, другій русъ, брада короче Аѳонасьевы, третій сѣдъ, аки Никола, въ руцѣ евангеліе. У ногъ у Евѳиміа стоятъ старцы, зрятъ во гробъ: первый сѣдъ, плѣшивъ. аки Никола, за нимъ сѣдъ. брада меньши Аѳанасьевы [6] съ краа младъ, въ клобукѣ; а иные безъ клобуковъ, сѣды и русы. 5-й Соборъ, на Оригена Злаго. Царь русъ, брада долѣ Коньстантина царя, риза багоръ, съ правую руку царя два святителя, единъ сѣдъ. брада проста, болѣ Николины, на главѣ шапка, другій русъ, аки Златоустъ; съ лѣвую руку царя сидятъ два жь святителя, единъ русъ, аки Василей, другій сѣдъ. аки Николае, глаголетъ къ первому обратя. У подножіа [7] святели: первый сѣдъ, плѣшивъ, брада, аки Власьева; подлѣ его русъ, брада менши Василья Кесарійскаго; съ краа, сѣдъ [8], Аѳанасей, межъ преднимъ [9], аки Златоустъ. Съ лѣвую руку у подножіа царева

[1] Въ Сп. З. стоятъ.
[2] Въ Сп. З. подобенъ.
[3] Въ Сп. З. держутъ.
[4] Въ Сп. З. здѣсь: сѣдъ.
[5] Въ Сп. З. аки.
[6] Въ Сп. З. русъ.
[7] Въ Сп. З. сѣдъ.
[8] Въ Сп. З. Русъ, аки Златоустъ, риза едины баканъ. За нимъ старъ.
[9] Бъ Сп. З. Николина.
[10] Въ Сп. З. меньше Іоанна Богослова.
[11] Въ текстѣ было испорченое чтеніе: анный.

[1] Въ Сп. З. другій.
[2] Въ сп. З. Это слово пропущено.
[3] Въ Сп. З. у уса.
[4] Въ Сп. З. у уса.
[5] Въ сп. З. крайній
[6] Въ Сп. З. Власьевы.
[7] Въ Сп. З. царева стоятъ.
[8] Въ Сп. З. аки.
[9] Въ Сп. З. Межъ преднимъ.

стоятъ еретицы: предней русъ, аки Златоустъ, рукою закрылъ уста, риза едина кеноварь, подлѣ его сѣдъ, брада Николина, руцы обѣ держитъ у брады, аки терзаетъ ея; риза дичь, за нимъ старъ, брада сѣда, аки Власьева, весь отвратился; крайней надсѣдъ, брада менши Златоустовы, риза баканъ; а иныхъ много образовъ. За царемъ церковь вохра съ бѣлиломъ. 6-й Соборъ, на Сергіа и Вира. Царь Константинъ Погонатосъ сѣдитъ въ полатѣ; русъ, брада менши Власьевы, риза багоръ. Съ правую руку царя два святителя, единъ [1] аки Власей, другій русъ, аки Златоустъ, руце держитъ молебны. Съ лѣвую руку царя сѣдятъ два святителя, единъ русъ, брада долѣ Златоустовы, другій сѣдъ, власы съ ушей, брада Николина. Съ правую сторону царя стоятъ святители, первый русъ, брада менши Василья Кесарійскаго, руце молебны; подлѣ его сѣдъ, аки Аѳанасей, съ краа русъ, брада кругла, съ Сергіеву [2]; межь среднимъ и крайнымъ, сѣдъ, брада менши Аѳонасьевы, съ лѣвую руку у подножіа царева стоятъ черньцы, первый сѣдъ, брада шире Сергіевы, другій сѣдъ же, брада меньши перваго, а за ними русы и сѣды и младый единъ.

17. Святая мученица Марина [3]. Риза празелень, исподь лазорь.

18. Святый мученикъ Емеліанъ [4]. Русъ, аки Флоръ, риза кеноварь, исподь баканъ, о полѣ риза [5] узломъ связана.

19. Преподобнаа Макрина [6]. Клобукъ угловатъ, ряска санкиръ съ бѣлиломъ [7].

20. Пророкъ Илья. Въ свитцѣ [8]: ревнуа поревнова [9].

21. Пророкъ Езекеиль. Сѣдъ, коса на правое плече, брада Іоанна Богослова, риза багоръ дичь, исподь лазорь, въ свитцѣ у него глаголетъ: дверь Тя Божію затворенну прозвахъ [10]. Святый Іоаннъ, уродивый Христа ради. Сѣдъ, брада проста, подолѣ Николины, ряска санкиръ съ бѣлилы и съ киноваремъ. Семіонъ сѣдъ, власы просты, брада проста, мало менши Николины.

22. Святаа Маріа Магдалыни [1]. Риза празелень, исподь вохра, въ рукахъ держитъ стекляницю бѣлу.

23. Святый мученикъ Трофимъ [2]. Русъ, власы съ лоду страну съ ушей, брада Козмы и Дамьяна, риза баканъ, средняя празелень [3] съ вохрою, исподь лазорь.

24. Святаа мученица Христина [4]. Риза кеноварь, исподь празелень, дичь, съ вохрою. Въ той же день святый Борисъ. Шуба баканъ и камка, исподь [5] лазорь. Глѣбъ младъ, камка кеноварь, исподь камка празелень, до подола ногавки [6], о полѣ роспахъ.

25. Святая Анна, Мати Богородици. Риза бакапъ, исподь лазорь, руце обѣ молебны. Евпраксіа Преподобнаа. Ряска вохра, клобукъ празелень, а загнулся подъ манатію. Олимпіада, клобукъ [7].

26. Священномученикъ Ермолай. Сѣдъ, аки Власей, риза поповская, на плечахъ, вохра, исподь лазорь.

27. Святый мученикъ Пантелеймонъ [8]. Русъ аки Георгій, риза кеноварь [9] исподь средняя, празелень, исподь вохра темна.

28. Святый Апостолъ Прохоръ, [10] младъ, риза багоръ легокъ, исподь лазорь, на плечахъ амфоръ [11].

29. Свктый мученикъ Калиникъ [12], русъ аки Флоръ, риза санкиръ съ бѣлиломъ, средняя баканъ [13], исподь кеноварь, въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой мечь.

30. Святый Апостолъ Сила [14]. Сѣдъ, брада долѣ Николины. На немъ амфоръ, риза санкиръ съ празеленью бѣла, исподь лазорь [15]. Силуанъ русъ, аки

---

[1] Въ Сп. З. Сѣдъ.

[2] Въ Сп. З. между преднимъ русъ, крайнему подобенъ.

[3] Въ Сп. Ф. упомнается: въ той же день пренесеніе мощемъ преподобнаго отца нашего Лазаря, иже въ Голгасейстей горѣ постившагося.

[4] Въ Сп. Ф. упом. св. Акиноѣ.

[5] Въ Сп. З. вм. того, о поясѣ ризѣ.

[6] Въ Сп. Ф. Кромѣ Макрины упом. и прев. отецъ нашъ Дій.

[7] Въ Сп. З. слѣдуетъ часть текста, повидимому, остатокъ отъ описанія подобія празднуемаго въ тотъ же день св. Дія. Въ Сп, Ф. см. 19 года. Ню брада аки Сергіа, сѣдина легка, ряска съ бѣлиломъ.

[8] Въ Сп. З. глаголетъ. Въ Сп. Ф. пишетъ.

[9] Въ Сп. Ф. поревновахъ по Господѣ Бозѣ. На полахъ приписано: Иліи верхъ риза червлень, исподь вохра.

[10] Въ Сп. З. за Тя.

[1] Въ Сп. Ф. упомнается священномученикъ Ѳока.

[2] Въ Сп. Ф. упом. еще св. Ѳеофилъ.

[3] Въ Сп. З. еще; дичь

[4] Въ Сп. Ф. Въ той же день св. праведныхъ новявленныхъ страстотерпцевъ и боголюбивыхъ великихъ князей Русскихъ обою братію по плоти Бориса и Глѣба, нарѣченныхъ во св. крещеніи Романа и Давыда.

[5] Въ Сп. З. Камка.

[6] Въ Сп. З. Вмѣсто того: пуговки.

[7] Въ Сп. Ф. описаніе Олимпіады идетъ прежде описанія Евпраксіи.

[8] Въ Сп. Ф. Въ той же день память св. и блаженнаго Николы Кочанова.

[9] Въ Сп. З. и Ф. Лазорь.

[10] Въ Сп. З. средняя исподь вохра темна. Въ Сп. Ф. средняя празелень, исподь вохра темна. Въ Сп. Ф. Св. Апостолъ: Прохора и Никонора, Тимона и Пармена. И Св. священномученика Евстафія. Въ той же день Срѣтеніе Иконы чудотворныя пречистыя Владычица нашея Богородицы Смоленскія, нарицаемыя Одигитріе.

[11] Въ Сп. З. а долѣ пошелъ подъ ризы.

[12] Въ Сп. Ф. въ предварительномъ извѣщеніи: И св. мученицы Ѳеодосіи.

[13] Въ Сп. З. вм. того, камка.

[14] Въ Сп. З. Силуанъ.

[15] Въ Сп. З. слѣдующее за тѣмъ, до словъ, а за нимъ, пропущено.

Лука Евангелистъ, риза празелень, исподъ лазорь; а за нимъ видѣти Іоаннъ Воинъ стоитъ, мало видѣти, русъ [1], риза кеноварь, исподъ лазорь.

31. Святый Евдокимъ [2]. Русъ аки Флоръ, риза вохра, средняя багоръ дичь, исподъ лазорь, въ рукѣ крестъ, а лѣваа молебна, персты верхъ.

Мѣсяцъ Августъ.

Иматъ дней 31.

1. Святый Елизаръ [3]. Сѣдъ, брада величествомъ аки Іоанна Богослова, проста, не вилася, на главѣ платъ [4] и на плечахъ, а въ правой рукѣ крестъ, книга [5]. Соломонія. На главѣ платъ же, риза вохра; въ правой рукѣ крестъ, а лѣвая молебна. Седьмь Макковей. Стоятъ, Елизару и Соломоніи въ поясѣ; пятъ ихъ равны, а два меньши ихъ: межь четырехъ пятый — риза празелень; отъ Еліазара, риза вохра на отрокѣ, отъ Соломоніи отрокъ—риза кеноварь, отъ Елизара, самый меньшій, риза кеноварь, едина; въ другую страну, меньшій, лазорь, едина же; у всѣхъ въ рукахъ кресты. Происхожденіе Честнаго Креста. Стоитъ церковь, празелень бѣла; предъ нею Спасъ стоитъ надъ купелью; подъ ногами у Спаса гора гладка, празелена. Съ правую руку Пречистаа стоитъ, молебна; за нею Златоустъ, безъ подписи, ногъ не видѣти за горою. Съ лѣвую Спаса стоитъ Предтеча, за нимъ Василей Кесарійскій, безъ подписи жь. На Предтечи риза вохра санкиръ; Златоустъ и Василей Кесарійскій риза кресты. У купели, подъ Пречистою, два сѣдятъ [6] больніе: мужъ сѣдитъ русь, плѣшивъ, подобіе все Моисея Боговидца, риза багоръ, колѣни голы; за нимъ же (на), риза кеноварь; съ другую страну мужъ младъ, риза баканъ, ноги же голы; за нимъ жена, риза вохра. Отъ купели 4 потоки, аки изъ камени текутъ; у больныхъ рукѣ молебны. Надъ Спасомъ (подпись): Всемилостивый Спасъ; вверху.

2. Святый пръвомученикъ Стефанъ. Младъ, дьяконъ.

3. Преподобный отецъ Исакій, аки Стефанъ, русъ, брада проста, долѣ Николины [1]. Фаустъ. Русъ, брада мало меньши Власевы, рука видѣти молебна.

4. Преподобнаа мученица Евдокеа. Манатья у ворота застегнина, а у подола узломъ связана; подъ манатьею рукѣ видѣти, праваа молебна, въ лѣвой свитокъ, ряска санкиръ бѣла, колѣни голы [2]. Седьмь Отрокъ иже во Ефесѣ. Предней спитъ, риза на немъ празелень [3], другій къ нему ногами, риза кеноварь; подлѣ другаго, риза багоръ; а возлѣ перваго, риза вохра [4], а подлѣ его риза баканъ, а послѣднему празелень. Гора вохра съ бѣлиломъ, по странамъ древца, пещера; надъ ними Спасъ младъ, на обѣ руки благославляетъ. Надъ пещерою, аки сосудъ, златомъ прописанъ; а въ пещерѣ, въ ногахъ, первой [5] стоитъ сосудецъ. Имена ихъ: Максимиліанъ, Амблихъ, Мартинъ [6], Деонисей, (Іоаннъ) [7], Константинъ, Антоней.

5. Святый мученикъ Евсигней [8]. Сѣдъ, брада долѣ Николины; риза кеноварь, съ лѣваго плеча; другаа риза багоръ, исподъ лазорь.

6. Преображеніе Христово. На Илыи [9], празелень на Моисеѣ, багоръ. Подъ Спасомъ гора празелень бѣла. Подъ Ильею и Моисеомъ вохра, горы, съ бѣлиломъ и съ кеноваремъ; на Іоаннѣ Богословѣ риза багоръ, на Іаковѣ празелень, на Петрѣ вохра.

7. Преподобномученикъ Доментіанъ [10]. Аки Сергій, обѣма рукама держитъ свитокъ, ряска, вохра, темна.

8. Святитель Емеліанъ. Сѣдъ аки Аѳонасей, обѣма рукама держитъ евангеліе, риза кресчата, исподъ платья (видѣти) [11].

---

[1] Въ Сп. З. Аки Козма и Дамьянъ.

[2] Въ Сп. Ф. сему предшествуетъ: предпраздноство Честнаго и Животворящаго Креста. И св. праведн. Евдокима. И св. муч. Улиты иже въ Кесаріи.

[3] Въ Сп. Ф. Происхожденіе честнаго и Животворящего Креста Господня. И святыхъ седьми братьевъ Макавей и учителя ихъ Елизара и матери ихъ Соломоніи. Происхожденіе честнаго Креста. Стоитъ церковь, противъ и т. д. до словъ: Спасъ вверху. За тѣмъ уже описываются черты Еліазара и пр., что здѣсь вначалѣ поставлено.

[4] Въ текстѣ: а лѣваа молебна, ошибкою, оставлось отъ описанія Соломоніи, которое потому совсѣмъ опущено и возстановлено по Забѣлинскому списку. Далѣе сдѣлано исправленіе также по Забѣлинскому и Филимоновскому.

[5] Въ Сп. Ф. Крестъ.

[6] Въ Сп. З. двадесять мужей сѣдитъ: русь, плѣшивъ и т. д. По Сп Ф. больные два сѣдятъ: мужъ сѣдъ, русь, плѣшивъ.

[1] Въ Сп. З. Преподобный отецъ Исакій Далмацкій: сѣдъ, аки Власей, ряска вохра темна. Исакій русь, брада проста, долѣ Николины. По Сп. Ф. Преподобныхъ отецъ нашихъ: Исакія и Далмата и и Фавста. Исакій аки Стефанъ и т. д. за тѣмъ, Далматъ аки Власей.

[2] Въ Сп. З. послѣдняго пѣтъ.

[3] Въ Сп. З. колѣни голы.

[4] Въ Сп. З. А возлѣ его риза лазорь, а подлѣ его риза баканъ и т. д.

[5] Въ Сп. З Первому.

[6] Въ Сп. З. и Ф. Мартіанъ.

[7] Возст. по Сп. З. и Ф.

[8] Въ Сп. Ф. предпраздноство Преображенію Господа нашего Іисуса Христа и св. муч. Евсигнея и сп. мученицы Анны, матери Григорія Богослова.

[9] Въ Сп. З. и Ф. Риза.

[10] Въ Сп. З. Сѣдъ.

[11] Въ текстѣ, вмѣсто — видѣти, ошибкой писца — ный день; исправлено по Забѣл. списку.

9. Апостолъ и Евангелистъ Матѳей. Сѣдъ, аки Іоаннъ Богословъ, риза багоръ, исподняя лазорь.

10. Святый Лаврентей дьяконъ [1]. Русъ, аки Іоакимъ Богоотецъ, на рукѣ риза празелень; съ праваго уха власки скинулися.

11. Святый апостолъ Евплъ діаконъ. Русъ, брада и власы аки Христосъ.

12. Святый мученикъ Фотей, аки Флоръ, риза празелень, исподь кеноварь, въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой подъемомъ держитъ сосудецъ, аки діаконъ сей [2], Аникита аки Георгій, риза баканъ, исподь лазорь, дръжитъ лѣвою рукою изъ подъ праваго плеча [3] локти ризу верхную, а на лѣвомъ плечѣ нѣтъ ризы верхные.

13. Преподобный Максимъ исповѣдникъ. Мало надсѣдъ, брада долѣ Власьевы, ряска, вохра, темна, обѣма рукама держитъ свитокъ.

14. Пророкъ Михей. Сѣдъ, брада Іоанна, уже; на плечѣ коса, озрѣлся на лѣво; риза празелень дичь, въ лѣвой свитокъ, въ свиткѣ глаголетъ: «И ты, земля Іюдова, ничѣмъ меншн есп» [4]. Исподь лазорь.

15. Успеніе Пресвятыя Богородицы. Надъ Спасомъ херувимъ огненъ.

16. Святый мученикъ Деомидъ. Русъ, аки Флоръ, риза кеноварь, исподь празелень. И принесеніе отъ Едеса въ Царьградъ [5] святаго Убруса, на немъ же образъ Господа нашего Іисуса Христа. Ангелъ Господень держитъ на Убрусѣ образъ Нерукотворенный. На Ангелѣ риза баканъ, исподь лазорь.

17. Святый мученикъ Миронъ. Сѣдъ аки Власій, риза поповская [6], держитъ евангеліе [7].

18. Святіи мученицы Флоръ и Лаверъ. [8] Риза вохра съ кеноваремъ, исподь лазорь, въ правой крестъ, лѣвая молебна [9]. (Лаверъ брадатъ, риза киноварь исподь вохра съ бѣлилы, лѣвая молебна, персты вверхъ).

19. Святый Андрей Стратилатъ. Власы съ ушей, сѣдъ, брада Іоанна Богослова, риза празелень, доспѣхъ клѣтчатъ, исподь лазорь, ногавки багоръ, въ правой [1] крестъ, въ лѣвой копье, за лѣвой, щитъ.

20. Святый пророкъ Самоилъ. Сѣдъ, аки Захаріа, держитъ рогъ, риза баканъ, на плечахъ вохра, средняя празелень, исподь багоръ дичь.

21. Святый апостолъ Ѳаддей [2]. Сѣдъ, брада короче Іоанна Богослова, риза багоръ, исподь лазорь. Василиса мученица, риза празелень, исподь, багоръ, въ правой крестъ, посторонь плеча; а лѣвая молебна.

22. Святый мученикъ Агаѳоникъ. Русъ, аки Флоръ, брада повилася; верхъ ризы кеноварь, на правомъ плечѣ узелъ, а на лѣвомъ нѣтъ [3] верхніе; лѣвою рукою держитъ ризу верхную; средняя празелень, исподь вохра съ бѣлиломъ.

23. Святый Луппъ [4] мученикъ. Аки Георгій, риза баканъ, исподь празелень, лѣвая молебна.

24. Святый апостолъ Евтихій [5]. Сѣдъ, брада короче Власьева, риза багоръ [6], обѣма рукама держитъ евангеліе, исподь лазорь [7], на плечахъ амфоръ. Принесеніе мощемъ Петра митрополита. Несутъ въ церковь Святыя Богородицы, два попа. Отъ главы святаго [8] попъ [9] русъ, брада долѣ Николины; среди гроба другій попъ, сѣдъ аки Николае; у подножія дьяконъ видѣти, у главы святаго за гробомъ наклоненна глава. Церковь бѣла, 5-ть верховъ. Митрополитъ провожаетъ, рущѣ молебны, сѣда брада меньши Петра митрополита; за нимъ князь старъ, брада Николина; камка багрова, исподь камка лазорь; рущѣ молебны, за нимъ княгини, ризы киноварь, ожерелье черно, велико, иныхъ много народу видѣти всякими образы.

25. Святый апостолъ Варѳоломей [10]. Сѣдъ, брада Іоанна Богослова, риза багоръ, исподь лазорь. Титъ русъ, аки Златоустъ, въ амфорѣ, риза багоръ дичь, исподь лазорь, въ рукахъ свитокъ.

---

[1] Въ Сп. Ф. упом. еще: И св. муч. Ксенефонта епископа и Ипполита четца.

[2] Въ сп. З аки діаконскій.

[3] Въ сп. З. это словъ пропущено.

[4] Въ Сп. Ф. есть во владыкахъ Іудовыхъ.

[5] Въ Сп. Ф. Нерукотворенаго образа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, еже есть Убрусъ и св. муч. Діомида и т. д.

[6] Въ сп. З. этихъ послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ.

[7] Въ Сп. Ф. при исчисленіи святыхъ, кромѣ Мирона, упоминаются Павелъ и Ульяпія, сестра его.

[8] Въ Сп. З. У Флора риза.

[9] Въ текстѣ слѣд. лишнія слова: персты верхъ, оставшіяся отъ недостающаго здѣсь описанія св. Лавра. Возстановлено по Сп. З. и Ф.

[1] Въ сп. З. руцѣ.

[2] Въ Сп. Ф. сему тексту предшествуетъ слѣд: Св. Ап. Ѳадея и св. мученицы Васси и чадъ ея 3-хъ сыновъ, Ѳеогнія, и Агапія и Писта. И св. мученицы Ѳеоктисты. Въ той же день представленіе пр. Авраамія, бывшаго во дни благочестиваго князя Мстислава.

[3] Въ сп. З. ризы.

[4] Въ текстѣ Лумьпъ, возст. по Сп. З. и Ф. Въ послѣднемъ, при обозначеніи святыхъ: св. мученика Луппа и св. Ирипея.

[5] Въ Сп. Ф. Святаго священно-мученика и Апостола Евтихія, ученика св. Іоанну Богослову. За тѣмъ, послѣ писанія святаго слѣд: Въ той же день принесеніе мощемъ иже во святыхъ отца нашего Петра митрополита всея Россіи новаго чудотворца; а далѣе тоже самое что въ Сп. Софійск.

[6] Въ сп. З. вм. того, лазорь.

[7] Въ Сп. З. Багоръ.

[8] Въ сп. З. вм. того, стоитъ.

[9] Слѣдующее за тѣмъ до 25 числа выписано, за утратою листка въ Софійскомъ спискѣ, изъ Забѣлинскаго.

[10] Въ Сп. Ф. Возвращеніе мощемъ св. Ап. Варѳоломея и память св. Ап. Тита.

26. Святый мученикъ Андреянъ. Русъ [1], аки Флоръ, риза киноварь, исподъ лазорь, лѣвая молебна, у ворота вохра. На Наталіи—риза празелень, исподъ вохра. Въ той же день чюдо пречистыя Владимерскыа иконы, иже посрами Темиряксака. Изъ града изыде Кипріянъ митрополитъ съ кадиломъ, а самъ русъ, брада короче Василья Кесарійскаго. За нимъ князь великій Василей; русъ, брада долѣ царя Константина. За нимъ княгины. На князѣ камка багрова, исподъ камка лазорь. На княгинѣ риза празелень, ожерелье велико. За митрополитомъ святители два видѣти, образы, единъ русъ, единъ [2] долѣ Кипріяна митрополита, другій [3], брады не видѣти. Предыде попъ изъ града всего народу съ выносною иконою Пречистою Одегитріемъ, а держитъ ее попъ сѣдъ, аки Власей. Со [4] граду несутъ пречистую Владимерскую два попа, единъ русъ, брада долѣ Николины, другій сѣдъ, брада короче Власьева. У иконы нелена [5] черчата. За ними діаконъ младъ, и иныхъ много народу. Градъ вохра съ бѣлиломъ. Изъ града видѣти церковь, празелень бѣла, 5 верховъ.

27. Преподобный Пименъ. Сѣдъ, плѣшивъ, брада аки Николина, ряска санкиръ съ бѣлиломъ, обѣми руками держитъ свитокъ.

28. Святый Моисей Муринъ. Сѣдъ, брада Сергіева, уже, правая молебна, въ лѣвой свитокъ, въ свиткѣ глаголетъ: въ малѣ себѣ понудитъ [6]. Ряска вохра съ багромъ.

29. Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи [1]. На Предтечѣ власяница, руцѣ связаны; у война риза киноварь, исподъ празелень. Полата празелень, гора вохра, воинъ препоясанъ ширинкою.

30. Святыхъ патріархъ Царьграда: Александръ, русъ, аки Василей Кесарійскій, а риза кресчата; Иванъ, сѣдъ, брада Аѳанасьева,(на)концѣ уже. Павелъ Новый, надсѣдъ, брада величествомъ(съ)Власьеву. У всѣхъ въ рукахъ по евангелію. Феликсъ, аки архангелъ, съ косы, русъ, младъ, риза киноварь, исподъ [2] платья ко (сы) видѣти.

31. Положеніе честаго пояса Пречистыя Богородицы въ Халкопратіи [3]. Церковь бѣла [4] о 3-хъ верхахъ; и святитель стоитъ [5] предъ святою иконою, предъ выносною Пречистою, ино надъ престоломъ. Престолъ та(фта) [6] красная. Святитель въ саку молится на степени, за нимъ дьяконъ младъ, держитъ кадило, въ другой рукѣ сосудецъ, за дьякономъ попъ сѣдъ, брада долѣ Николы, за попомъ мужъ старъ, сѣдъ, брада аки [7] предъ нимъ попъ, такова же, иныхъ множество народу стоитъ за ними. Всѣ руцѣ молебны держатъ. Митрополитъ молится, сѣдъ, брадою меньши Іоанна Богослова. Надъ иконою покровъ лазорь.

---

[1] Въ Сп. Ф. Св. муч. Андреяна и Наталіи. Андреянъ русъ аки Флоръ и т д. за тѣмъ Въ той же день Срѣтеніе иконы Пречистыя, образа Владимірскія, иже есть на Москвѣ, и иже посрами безбожнаго царя Темиръ Аксака.

[2] Въ сп. З. того брада.

[3] Въ Сп. З. и Ф. Русъ же

[4] Въ Сп. З. и Ф. Въ Сп. З. ко.

[5] Въ Сп З. Камка.

[6] Въ Сп. З. Понудимъ. Въ Сп. Ф. еще: И не обленимся.

[1] Слѣдующее за тѣмъ до конца, за позднѣйшей приписки и вставкой въ Соф. спискѣ, выписываемъ изъ списка Забѣлинскаго.

[2] По Соф. приписке: вохра съ бѣлиломъ и киноварь. Слѣд. за тѣмъ слова и въ Сп. З. читаются съ трудомъ; въ Сп. Ф. св. Филиксъ не упомянутъ вовсе. Возстановлено по друг. редакц.

[3] Въ Сп. Ф. Принесену ему бывшу отъ епископа Зилы въ Царствующій градъ, въ лѣто 6408.

[4] Здѣсь кончается текстъ Подлинника Соф. и въ припискахъ, за тѣмъ безъ начала идетъ какой-то рецептъ красочнымъ составамъ.

[5] Въ Сп. Ф. пополн. пропускъ: въ саку, сѣдъ, брада меньши Богословли, предъ и т. д.

[6] Въ Сп Ф. тафта.

[7] Въ Сп. Ф. предпихъ, предъ нимъ попъ таковъ же. Этимъ и кончается Подлинникъ.

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА

МОСКОВСКАГО БЛАГОВѢЩЕНСКАГО СОБОРА,

XVII ВѢКА,

ПО СПИСКАМЪ:

Архива Оружейной Палаты и Донскаго монастыря.

Книга переписная соборныя церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія и предѣловъ: Входа Господня во Іерусалимъ, и Соборовъ пресвятыя Богородицы и Архангела Гавріила, и святаго великомученика Георгія, и въ нихъ образомъ, и книгамъ, и ризамъ и всякой церковной утвари, 188-го и 189-го годовъ.

Въ нынѣшнемъ въ 188-мъ году, ноября въ 22-мъ числѣ, великому государю, царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, билъ челомъ соборныя церкви пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, что у него, великаго государя, на сѣняхъ, протопопъ Никита: въ прошломъ въ де 142-мъ г., по указу дѣда его, государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, въ той соборной и апостольской церкви и въ предѣлехъ образы, и на нихъ оклады золотые и серебряные съ каменьи и съ жемчуги, и посуду золотую и серебряную, и ризы съ каменьи же и съ жемчуги, и всякую церковную утварь описывалъ дьякъ Максимъ Чирковъ; и тѣ де описныя книги, за руками, за его Максимовою, да Благовѣщенскаго бывшаго ключаря Никиты и нынѣ въ казнѣ; и послѣ де той описи, въ той соборной церкви дѣда его государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, и отца его государева, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и его великаго государя даліе—образы съ оклады золотыми и серебряными и съ каменьемъ и съ жемчуги, и мощи святыхъ, и всякія церковныя утвари, — учинилось многое; а вновь тѣмъ образомъ и святымъ мощемъ и всякой церковной утвари, со 142-го году по нынѣшній по 188 годъ описи не бывало. Да въ той же де соборной церкви прародителей его, великаго государя, великихъ государей, царей и великихъ князей, и отца его государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, на вотчинныя земли и на рыбныя ловли жалованныя грамоты, и иныя крѣпости; и послѣ де бывшаго протопопа Андрѣя Савинова, и ихъ государской жалованной грамоты на рыбныя ловли, которыя въ Касимовскомъ уѣздѣ, словетъ изстари Рубецкая Ватага, а владѣли Благовѣщенскіе жъ протопопы, и иныхъ многихъ крѣпостей въ казнѣ не сыскано. И великій государь, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ бы его, протопопа Никиту, велѣлъ, въ оной соборной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и въ предѣлехъ, образы, и на нихъ оклады, и мощи святыхъ, и всякую церковную утварь, и въ казнѣ прародителей его государевыхъ, и отца его, государева, блаженныя памяти великаго государя, жалованныя грамоты описать вновь, кому онъ, великій государь, укажетъ, и велѣлъ бы великій государь, мощи святыхъ, и всю церковную утварь, и жалованныя грамоты, и иныя крѣпости, вѣдать того же Благовѣщенскаго собора ключарю, а описнымъ книгамъ быть въ оной соборной церкви, въ казнѣ, за перепищиковою и за ключарскою руками, чтобъ по тѣмъ описнымъ книгамъ было въ вѣдомости.

И великій государь, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ его, протопопа Никиту, велѣлъ, въ той соборной церкви, святыя иконы, и на нихъ утвари и всякую церковную казну, и крѣпости, противъ прежнихъ описныхъ книгъ и, что послѣ того вновь прибыло, описать печатнику Дементью Миничю Башмакову, да дьяку Степану Ѳедорову. Помѣта о томъ на челобитной думного дьяка Василья Семенова

И потому его великаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, указу, печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ, да дьякъ Степанъ Ѳедоровъ въ соборной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у него великаго государя на сѣняхъ, и тояже церкви въ предѣлехъ, святыя иконы, мѣстныя, и въ дѣсусехъ, и на тяблахъ, и на налояхъ, и на тѣхъ иконахъ оклады золотые, и серебряные, и на нихъ кресты, и всякій прикладъ, и мощи святыхъ, и двери царскія, и сѣверныя, и южныя, и всякія утвари, и

книги, и ризы, и стихари, и патрахили, и поручи, и поясы, и уларн, и пелены, и всякую церковную казну, и крѣпости, противъ прежнихъ описныхъ книгъ 142 году, за приписью дьяка Максима Чиркова и, что послѣ того прибыло вновь, пересмотрѣли, и описали, тоя жъ соборныя церкви при ключарѣ, при Михайлѣ; а сколько чего по осмотру объявилось на лицо, и чего противъ прежнихъ описныхъ книгъ на лицо не объявилось, и то все написано въ сей Переписной книгѣ.

Въ соборной церкви пресвятыя Богородицы Благовѣщенія.

Двери царскія, на нихъ образы: пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, да четырехъ Евангелистовъ; сѣнь, на ней, на средипѣ, образъ пресвятыя и живоначальныя Троицы, по сторонамъ, Тайная вечеря; коруна, на ней образъ Всемилостиваго Спаса, по сторонамъ, образы же пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи. На столпцахъ, въ возглавіяхъ, образы Всемилостиваго Спаса и пресвятыя Богородицы. По столпцамъ, напреди, образы: трехъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова, и Іоанна Златоустаго, Николая Мирликійскаго, Петра и Алексѣя Московскихъ чудотворцевъ; по сторонамъ, въ возглавіяхъ, Херувимъ да Серафимъ; по столпцамъ образы: архидіакона Стефана, діаконовъ Кирилла, Филиппа, Лаврентія, Анпима и Авива. Тѣ всѣ вышеписанные образы серебряные, литые, золочены. У пресвятыя Богородицы въ вѣнцѣ лаликъ, да два изумрудца; на цатѣ три запонки золотыя съ искры яхонтовыми; у архангела Гавріила въ вѣнцѣ лаликъ, да два изумрудца, въ оплечкахъ и по ризѣ одиннадцать искръ яхонтовыхъ, да четырнадцать бирюзокъ. У евангелистовъ въ вѣнцахъ по лалику, да по два изумрудца. Подписи серебряныя, бѣлыя, навожены чернью. По полямъ оклады серебряные, золочены, у царскихъ дверей чеканные, прорѣзные, на подзорахъ серебряныхъ бѣлыхъ, у сѣни, и у короны, и у столпцовъ, чеканные жъ; по тѣмъ по всѣмъ полямъ тридцать яблокъ середнихъ, да пять меньшихъ, серебряныя жъ, чеканныя, золочены. У сѣни и на корунѣ средины серебряныя, чеканныя, бѣлыя, прорѣзныя, на подзорахъ золоченыхъ. У царскихъ дверей три завѣсы: первая камка рудожелтая; другая камка травчатая, по червчатой землѣ; третья тафта червчата; въ вышину по два аршина съ четью, въ ширину по два аршина безъ дву вершковъ.

Образы мѣстные, въ кіотахъ, по правую сторону царскихъ дверей.

Образъ Всемилостиваго Спаса, Стоящій; у возглавія, по сторонамъ, архангелы, Михаилъ и Гавріилъ, въ подножіи преподобные отцы Сергій и Варламъ; около того образа двадесять Притчей евангельскихъ. На томъ образѣ окладъ весь золотой. А порознь: у Спасова образа вѣнецъ и оплечки сканные, съ финифты, на подзорехъ; подписи на четырехъ плащахъ наведены чернью. У архангеловъ и у преподобныхъ вѣнцы съ финифты же; въ Притчахъ евангельскихъ, вѣнцы, и на оплечкахъ подписи, рѣзные. Окладъ около Притчей и около всего образа чеканной. У Спасова образа въ вѣнцѣ изумрудъ, да два яхонта лазоревыхъ, да четыре лала, въ гнѣздахъ золотыхъ, промежъ ихъ шесть зеренъ жемчужныхъ, гурмышскихъ, на спинахъ золотыхъ. Около вѣнца обнизано жемчугомъ кафимскимъ большимъ въ одно зерно. Цата золотая, прорѣзанная, съ финифты, на подзорѣ, а въ ней яхонтъ червчатъ, около его искры алмазныя, да два изумруда въ гнѣздахъ золотыхъ промежъ ихъ четыре зерна кафимскихъ, на спинахъ золотыхъ. Около цаты обнизано жемчугомъ кафимскимъ, середнимъ, въ одно зерно. У того образа кіотъ древянный, оклеенъ атласомъ персидскимъ, по немъ травы золотныя. У того же образа пелена, средина бархатъ винпцейской, золотной, по червчатой землѣ; на ней крестъ—кружево серебряное кованое, опушка атласъ золотой, травчатной, по зеленой землѣ; подложена киндикомъ лазоревымъ. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ мѣдной, съ яблоки, литой тройной.

Образъ пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцомъ, зовома Донская, въ кіотѣ въ затворномъ. Вѣнцы и окладъ весь золотой, чеканный, съ трубами; а въ вѣнцахъ, въ гнѣздахъ золотыхъ, у пресвятыя Богородицы, три изумруда, да два лала; промежъ ихъ, на спинахъ золотыхъ, шесть зеренъ гурмышскихъ; у Превѣчнаго Младенца яхонтъ лазоревъ, да изумрудъ, да лалъ; около вѣнцовъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ; оплечки золотые, рѣзные; а на нихъ съ правую сторону, звѣзда золотая, на четыре грани, а въ ней лалъ китайскій; на концахъ четыре зерна гурмышскихъ; съ лѣвую сторону звѣзда золотая жъ, въ ней туншасъ; на концахъ два зерна гурмышскихъ; подписи на трехъ плащахъ золотыхъ рѣзныя. По окладу двападесять Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ, на плащахъ золотыхъ, на особыхъ, наведены чернью. Промежъ плащей, въ гнѣздахъ золотыхъ, шесть яхонтовъ лазоревыхъ, да шесть лаловъ; около окладу, по трубамъ, обнизано жемчугомъ кафимскимъ. У того же образа, ризы, жемчугъ кафимскій, снизанъ на осми нитахъ; у нихъ, наверху, двѣ колодки; да промежъ жемчугу, тридцать двѣ пронизки, и наконечники золотые, а въ нихъ искорки лаловыя и бирюзки. Цата золотая, вязеная, съ наконечники, а въ нихъ двѣ бечаты; около ихъ семь зеренъ жемчугу кафимскаго, на спинахъ золотыхъ. Цата золотая, сканная, переломлена; на ней въ гнѣздахъ золотыхъ, три бирюзы, да два бауса, да суровикъ да льяникъ; у той цаты, три плаща золотыхъ, гладкихъ, на нихъ

два суровика, да по краямъ по четыре бирюзы; около ихъ обнизано жемчугомъ мелкимъ; на тѣхъ же плащахъ по четыре жемчужины кафимскихъ, на спияхъ золотыхъ. У цаты же, три плащика серебряныхъ, скавныхъ, золочены, на нихъ четыре жемчужины кафимскихъ, на спияхъ. У того же образа Пресвятыя Богородицы, въ цатѣ золотой, въ переломленой, передъ прежними переписными книгами, 142-го году, прибыло: въ срединѣ бирюза большая, по краямъ двѣ бирюзы малыхъ, да два бауса, да суровикъ, да льяникъ, три плащика золотыхъ, гладкихъ, а въ нихъ два смазни, у нихъ же, по краямъ, у одного три бирюзки, да льяникъ, у другаго, двѣ бирюзы, да два льяника; у третьяго каменье такое жъ; по тѣмъ же плащикамъ, около рельевъ, обнизано жемчугомъ кафимскимъ, мелкимъ; на тѣхъ же плащикахъ, на спинхъ золотыхъ, по четыре жемчужины кафимскихъ. Убрусъ низанъ жемчугомъ, по дскѣ серебряной, золоченой, въ немъ, въ гнѣздахъ золотыхъ, яхонтъ лазоревъ, да два лала, да два изумруда; поднизь жемчугъ кафимскій. Ожерелье жемчугъ кафимской, а въ немъ въ гнѣздахъ золотыхъ три яхонта лазоревыхъ, да два лала. Другой убрусъ и ожерелье низаны жемчугомъ кафимскимъ, по дскѣ серебряной же, золоченой; въ убрусѣ яхонтъ лазоревъ, да два изумруда, да два лала, обнизано жемчугомъ кафимскимъ, по счоту пятьдесятъ зеренъ, на проволокѣ; въ ожерельѣ, въ гнѣздахъ золотыхъ, три яхонта лазоревыхъ, да два лала середнихъ. Серги, въ нихъ два яхонта лазоревыхъ, да четыре зерна кафимскихъ, на золотѣ. Пять крестовъ золотыхъ, въ нихъ каменье въ гнѣздахъ, а жемчугъ на спияхъ; въ первомъ шесть яхонтовъ, да шесть жемчужинъ кафимскихъ; въ другомъ два яхонта лазоревыхъ, да изумрудъ, да лаликъ, да два суровика, да девятнадцать зеренъ кафимскихъ; въ третьемъ два изумруда, да два бауса, да три зерна кафимскихъ, да во главѣ виниска малая; въ четвертомъ четыре льяника; въ пятомъ три виниски, да два баусика, да восемь зеренъ кафимскихъ. Панагіи золотыя съ мощьми. Первая четвероугольная, рѣзная, съ чернью, на ней Распятіе. Три Панагіи круглыхъ, и изъ нихъ, одна, обнизана жемчугомъ кафимскимъ въ два зерна, у ней въ верху, во главѣ суровикъ; въ другой, три виниски, да три жемчужины; въ третьей, въ закрѣпкахъ, на спияхъ, семь жемчужинъ кафимскихъ, небольшихъ. Панагія костяная, четвероугольная, рѣзная, въ золотѣ, обнизана жемчугомъ кафимскимъ, въ верху, въ гнѣздехъ виниска. Панагія золотая, четвероугольная, рѣзная, въ ней крестъ золотъ же, а въ немъ часть животворящаго древа Господня. Панагія золотая, круглая, въ ней, въ срединѣ яшма, обнизана жемчугомъ кафимскимъ; по ней, въ гнѣздахъ, изумрудецъ, да двѣ виниси, да баусикъ, да зерно жемчужное кафимское, да два льяника. Панагія золотая, круглая, въ ней, въ срединѣ, яшма, а на ней вырѣзанъ святый Іоаннъ; около его въ гнѣздахъ, лаликъ да три виниски, да суровикъ, да два баусика, да два льяника. Панагія золотая, круглая, въ ней въ гнѣздахъ, въ срединѣ, фатись рѣзной; во главѣ баусикъ, да четыре виниси, да на спияхъ шесть зеренъ жемчужныхъ, кафимскихъ. Двѣ панагіи золотыя, малыя, четвероугольныя, съ мощьми, подпись греческая, во главѣ по двѣ жемчужины. Да двѣ же панагіи золотыя жъ, рѣзныя, въ нихъ мощи великомученика Ѳеодора Тирона. Подъ цатами двѣ подушечки тафтяныя, червчатыя, на бумагѣ. А подъ крестами, и подъ Панагіями, дска серебряная, вызолочена, гладкая; въ ней, въ гнѣздахъ, яхонтъ лазоревъ, да изумрудъ, около дски, по краямъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ. У того же образа, на другой сторонѣ, образъ Пресвятыя Богородицы Успенія, окладъ гладкій, вѣнцы рѣзные, серебряные, золочены. У образа пресвятыя Богородицы пелена, средина бархатъ золотной, по червчатой землѣ; на ней крестъ, въ немъ двадцать четыре дробницы серебряныя золочены. И одной дробницы противъ прежней описи нѣтъ. Опушка бархатъ золотной по червчатой землѣ; подкладка камка желтая. Кіотъ древяный, съ затворы; на немъ наверху крестъ древянъ же, обложенъ серебромъ басемнымъ, золоченымъ, на томъ крестѣ крестъ же серебряной рѣзной, золоченъ мѣсты. Въ подножіи у креста яблоко серебряное, гладкое, золочено, вѣсомъ тридцать восемь золотниковъ съ полузолотникомъ. На кіотѣ въ возглавіи, Деисусъ и съ Праздники, и Пророки. На нихъ вѣнцы рѣзные, оклады басемные, серебряныя, золочены. На кіотѣ же, на затворехъ, образы: образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, да четырехъ Евангелистовъ, оклады басемные, вѣнцы рѣзные, оплечки съ чернью, серебряныя, золочены, у нихъ четыре подписи серебряныя, наведены чернью. У кіота жъ, на столпцахъ, и по сторонамъ, образы святыхъ великомучениковъ, Ѳеодора и Андрѣя Стратилатовъ, Никиты, Евстафія, Іакова Перскаго, Іоанна, иже въ Белѣградѣ, Прокопія, Пантелеймона, Уара; преподобныхъ отецъ, Ѳеоктиста, Пансія, Діонисія, Еуфимія Великаго, Ѳеодора Студійскаго, Павла Ѳивейскаго, Пимена, Анофрея пустынника, Ефрема Сирина, Ѳеодора Сикеота, Савы, Макарія, Ѳеодора, Петра Аѳонскаго, Герасима иже на Іордани, Ѳеодосія Печерскаго, Варлаама Хутынскаго, благовѣрныхъ князей, Бориса и Глѣба, Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора; Христа ради юродивыхъ, Андрѣя и Максима. У тѣхъ образовъ и у всѣхъ вѣнцы рѣзные, оклады басемные, серебряные, золочены, подписи серебряныя, бѣлыя, наведены чернью. Предъ образомъ Пресвятыя Богородицы подсвѣчникъ мѣдный, съ яблоки, одинокій.

Образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія съ Кондаки и съ Икосы. По верхъ Пресвятыя Богородицы и Архангела, вообланѣ, Господь Саваоѳъ. Около облака обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Окладъ весь золотой, вѣнцы и цаты прорѣзные съ финифты, средина рѣзная съ чернью, поля чеканныя. У образа Пресвятыя Богородицы въ вѣнцѣ, въ гнѣздахъ золотыхъ яхонтъ, лазоревый, да два изумруда, да два лала. Промежъ нихъ четыре зерна гурмышскихъ на золотыхъ спняхъ. У того жъ вѣнца въ корунѣ, въ гнѣздахъ золотыхъ, яхонтъ червчатъ, да два яхонта лазоревыхъ, да два изумруда, да четыре зерна гурмышскихъ на золотыхъ спняхъ. На корунѣ жъ, на верху, на золотыхъ спняхъ, два яхонта лазоревыхъ, да три изумруда, да пять зеренъ гурмышскихъ. Около вѣнца и коруны обнизано жемчугомъ гурмышскимъ въ одно зерно. Поднизь жемчугъ кафимской на подзорѣ золоченомъ; въ ней, въ гнѣздахъ золотыхъ, яхонтъ червчатъ, да два яхонта лазоревыхъ да два изумрудца; у поднизи жъ, въ подвѣскѣ, обнизано въ одно зерно жемчугомъ кафимскимъ среднимъ. Ожерелье жемчугъ кафимскій на подзорѣ жъ золоченомъ, а въ немъ, въ гнѣздахъ золотыхъ, два яхонта лазоревыхъ, да два лала. Рясы, на концахъ жемчугъ кафимскій большой восемь прядей; межъ жемчугу и по концамъ колокольцы золотые; въ нихъ виниски и бирюзки, по срединѣ и по концамъ 16; по концамъ 8 жемчужинъ. Цата золотая, въ ней, въ гнѣздахъ, яхонтъ лазоревъ да два изумруда. Промежъ нихъ четыре зерна гурмышскихъ на спняхъ золотыхъ. Около цаты обнизано жемчугомъ гурмышскимъ въ одно зерно. Серги, на нихъ два яхонта лазоревыхъ, граненые, да четыре зерна гурмышскія на золотѣ. Серги жъ двойчатыя, на нихъ два яхонта лазоревыхъ, два лала, да восемь зеренъ гурмышскихъ на золотѣ. У Архангела Гавріила въ вѣнцѣ два яхонта лазоревыхъ да изумрудъ. На цатѣ въ гнѣздахъ яхонтъ лазоревъ да два изумруда. Въ вѣнцѣ жъ и въ цатѣ по четыре зерна жемчугу гурмышскаго на спняхъ золотыхъ. Вѣнецъ обнизанъ жемчугомъ гурмышскимъ, а цата, жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. У Пресвятыя жъ Богородицы и у Архангела Гавріила по окладу по краямъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Въ Кондакахъ и въ Икосехъ вѣнцы, и подписи на плащикахъ, золотые, рѣзные, по счету тридцать девять мѣстъ. Передъ образомъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія лампада серебряная; вѣсу въ ней тринадцать фунтовъ двадцать четыре золотника; подпись позолочена; подъ нею подсвѣчникъ оловянный.

Образъ святаго великомученика Ѳеодора Стратилата, во облацѣ образъ Всемилостиваго Спаса. Окладъ и вѣнцы и цата и подписи серебряные, чеканные, золочены, въ вѣнцѣ, въ гнѣздахъ, яхонтъ лазоревъ, да два изумруда, въ цатѣ, въ гнѣздахъ же, изумрудъ, да два яхонта лазоревыхъ. Вѣнецъ и цата обнизаны жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ мѣдный, съ яблоки, литой, одинокій.

У тѣхъ же образовъ пелена, средина бархатъ венецейской, по немъ травы золотныя и серебряныя по червчатой землѣ. На ней три креста, кружево серебряное, кованое. Опушка объярь серебряная, по ней травки шелкъ розныхъ цвѣтовъ; подложена тафтою алою, ветха. У тѣхъ же образовъ завѣса, тафта розныхъ цвѣтовъ, мѣрою въ вышину два аршина, въ ширину три аршина безъ четв. И во 191-мъ году апрѣля въ 27 день по преставленіи блаженныя памяти великаго Государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца образъ святаго великомученика Ѳеодора Стратилата взятъ и поставленъ въ соборной церкви Архангела Михаила, въ кіотѣ у его Государскаго гроба; а подсвѣчникъ и пелены остались въ соборной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; а въ томъ мѣстѣ поставленъ новый образъ Государскіе ангелы: Іоанна крестителя Господня и верховнаго апостола Петра.

Двери южныя деревянныя. Съ одной стороны, съ лица, обита сукномъ червчатымъ.

Образы же мѣстные въ кіотахъ, по лѣвую сторону царскихъ дверей.

Образъ Пресвятыя и живоначальныя Троицы; окладъ и вѣнцы и цаты и два плаща подписные серебряные чеканные, золочены; у того же образа пелена, средина бархатъ червчатъ; по немъ травы золотныя; на ней крестъ, кружево кованое серебряное, опушка атласъ золотной по зеленой землѣ; подложена киндякомъ лазоревымъ. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ мѣдный, тройной, съ яблоки.

Образъ Всемилостиваго Спаса, на престолѣ. Вѣнцы и окладъ и на правой рукѣ зарукавье и цата серебряные, чеканные, золочены. Въ вѣнцѣ два яхонта лазоревыхъ, да два изумруда, на зарукавьѣ въ срединѣ баусъ; у цаты въ срединѣ тумпасъ, да двѣ бирюзы. У цаты же три панагіи съ мощьми, золотыя, одна четвероугольная, а двѣ круглыя; на одной, въ срединѣ, яшма рѣзная, на ней дванадесять Апостоловъ; на другой сторонѣ Распятіе. По лимѣ пять яхонтовъ лазоревыхъ, да четыре лалика, да виниска; другая панагія съ финифты, на ней пять виниск, да четыре суровика; на третьей панагіи образъ Спасовъ, съ финифты, позади образъ Пресвятыя Богородицы. У того же образа пелена такова жъ, какова передъ образомъ Пресвятыя Троицы. Подсвѣчникъ мѣдной съ яблоки тройной же.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи; окладъ басемной, вѣнцы и цата чеканные, серебряные, золочены; въ вѣнцахъ, въ гнѣздахъ, въ большомъ, лалъ да

яхонтикъ лазоревъ, да суроликъ, да двѣ бирюзы; въ другомъ, у Младенца, два яхонтика лазоревые, да двѣ бирюзы небольшія. Убрусъ низанъ жемчугомъ мелкимъ и среднимъ кафимскимъ по камкѣ золотной; на немъ репей серебряный, золоченъ, прорѣзной, въ срединѣ, на спинѣ зерно гурмышское; ожерелье низано такимъ же жемчугомъ, что убрусъ, по камкѣ золотной; въ срединѣ въ гнѣздѣ камень; по сторонамъ два репья такіе жъ, что на убрусѣ; у Младенца ожерелье низано такимъ же жемчугомъ, что у Пресвятыя Богородицы; въ срединѣ на спинѣ хрусталикъ, въ верху по краямъ пять жемчужинъ кафимскихъ среднихъ. Около того образа двадцать четыре праздника Господскихъ и Богородичныхъ; и половина тѣхъ праздниковъ, серебряныхъ, чеканныхъ, золочены, около нихъ поли сканные; а другіе писаны золотомъ и краски. Подъ цатою подушечка атласъ червчатъ. У того образа пелена, средина атласъ серебряной, по немъ круги и травки серебряные жъ, да шолкъ червчатъ, да лазоревъ. На ней крестъ, кружево золотное, кованое, опушка атласъ золотной, травчатъ, по зеленой землѣ; подложена киндякомъ лазоревымъ. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ мѣдный, съ яблоки, литой, одинокій. У тѣхъ трехъ образовъ кіотъ деревяной, оклеенъ атласомъ золотнымъ по червчатой землѣ. У тѣхъ же у трехъ образовъ и у царскихъ дверей и на правой сторонѣ у Спасова образа завѣса тафта двоеличная, въ вышину въ три аршина безъ двухъ вершковъ, въ ширину восемь аршинъ съ полуаршиномъ.

Дверь сѣверная, на ней Благоразумный Разбойникъ; писана на празелени.

Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образы, на тяблахъ: Денсусъ, въ немъ образъ Спасовъ, по сторонамъ образы же на двунадцати дскахъ: Пресвятыя Богородицы и Іоанна Предтечи и Архангеловъ Михаила и Гавріила и Апостоловъ Петра и Павла, Святителей, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, преподобныхъ, Симеона и Даніила столпниковъ, святыхъ великомучениковъ, Георгія и Димитрія. На нихъ оклады и вѣнцы серебряные, сканные, золочены, съ финифты. Въ вѣнцахъ у одиннадцати образовъ репьи серебряные, бѣлые, а въ нихъ. въ гнѣздахъ золоченыхъ, десять винисъ, четырнадцать баусовъ, пять смазней, да два фатиса, да варениковъ, да два хрусталя; у Георгія три смазни, у Димитрія виниса, да два бауса. У тѣхъ у дву образовъ кіоты деревянные, обложены серебромъ басемнымъ, золочены; у столпниковъ, у Симеона и у Даніила вѣнцы безъ каменья.

Передъ Денсусомъ девять подсвѣчниковъ, верхнія половины серебряныя, литыя, съ яблоки; нижнія половины съ яблоки жъ, мѣдныя, зелены. Подъ ними девять шандаловъ, мѣдные жъ, литые. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ 142 году вѣсу тѣмъ подсвѣчникомъ не написано; а нынѣ тѣ подсвѣчники серебряные и мѣдные извѣшены, а что въ нихъ вѣсу, и то писано ниже сего порознь, а на подсвѣчникахъ то все вырѣзано же. Въ серебряныхъ подсвѣчникахъ вѣсу: въ первомъ три фунта сорокъ семь золотниковъ; въ другомъ три фунта тридцать пять золотниковъ; въ третьемъ три фунта тридцать три золотника; въ четвертомъ три фунта тридцать два золотника; въ пятомъ три фунта двадцать девять золотниковъ; въ шестомъ три фунта двадцать два золотника; въ седьмомъ и въ восьмомъ по три фунта по двадцати золотниковъ; въ девятомъ три фунта девятнадцать золотниковъ. Въ мѣдныхъ: въ первомъ шесть фунтовъ тридцать шесть золотниковъ; въ другомъ шесть фунтовъ двадцать четыре золотника; въ третьемъ шесть фунтовъ осьмнадцать золотниковъ; въ четвертомъ шесть фунтовъ двѣнадцать золотниковъ; въ пятомъ шесть фунтовъ; въ шестомъ пять фунтовъ семьдесять восемь золотниковъ; въ седьмомъ да въ восьмомъ по пяти фунтовъ по семидесять по два золотника; въ девятомъ пять фунтовъ тридцать шесть золотниковъ.

Въ другомъ тяблѣ: Праздники господскіе: Рожество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, Лазарево Воскресеніе, Входъ во Іерусалимъ, Тайная Вечеря, Преображеніе, Распятіе, Снятіе со креста и во гробъ Положеніе, Воскресеніе, Вомнно увѣреніе, Преполовеніе, Вознесеніе, Сшествіе Святаго Духа; Праздники жъ Богородичны: Благовѣщеніе, Успеніе,—всего на семнадцати дскахъ; оклады и вѣнцы серебряные, сканные, золочены, съ финифтомъ.

Передъ тѣми образы семнадцать подсвѣчниковъ серебряныхъ, бѣлыхъ, съ яблоки; верхнія половины. Подъ ними жъ подсвѣчники, нижнія половины мѣдныя, съ яблоки жъ, на шандалахъ мѣдныхъ, литыхъ. Въ серебряныхъ подсвѣчникахъ вѣсу: въ первомъ два фунта двадцать золотниковъ; въ другомъ фунтъ шестьдесятъ шесть золотниковъ; въ третьемъ фунтъ пятьдесятъ шесть золотниковъ; въ четвертомъ фунтъ пятьдесятъ три золотника; въ пятомъ фунтъ пятьдесятъ одинъ золотникъ; въ шестомъ фунтъ сорокъ пять золотниковъ; въ седьмомъ, въ восьмомъ, въ девятомъ по фунту по тридцати по девяти золотниковъ; въ десятомъ, въ первомъ на десять, по фунту по тридцати по осьми золотниковъ; въ другомъ на десять фунтъ тридцать семь золотниковъ; въ третьемъ на десять фунтъ тридцать золотниковъ; въ четвертомъ на десять фунтъ двадцать два золотника; въ пятомъ на десять фунтъ шестьнадцать золотниковъ; въ шестомъ на десять и съ мѣдною припайкою вѣсу три фунта восемьдесятъ два золотника. Въ мѣдныхъ: въ первомъ два фунта тридцать шесть золотниковъ; въ другомъ два фунта четырнадцать золотниковъ; въ третьемъ два фунта; въ четвертомъ фунтъ девяноста

два золотника; въ пятомъ фунтъ восемьдесять девять золотниковъ; въ шестомъ фунтъ восемьдесять девять золотниковъ; въ седьмомъ фунтъ восемьдесять шесть золотниковъ; въ восьмомъ фунтъ восемьдесять четыре золотника; въ девятомъ фунтъ восемьдесять два золотника; въ десятомъ, въ первомъ на десять по фунту по семидесять по осми золотниковъ; въ другомъ на десять фунтъ семьдесять два золотника; въ третьемъ на десять фунтъ шестьдесять золотниковъ; въ четвертомъ на десять фунтъ пятьдесять девять золотниковъ; въ пятомъ на десять и въ шестомъ на десять и съ деревомъ, что вынять было не можно, въ одномъ, два фунта тридцать два золотника, въ другомъ, два фунта тридцать золотниковъ; седьмой на десять деревянный, обложенъ серебромъ басемнымъ, золоченымъ; блюдцо мѣдное.

Въ третьемъ тяблѣ: Образъ Пресвятыя Богородицы и Пророки на семнадцати дскахъ. На тѣхъ же дскахъ, на верху, образъ Спасовъ Нерукотворенный, по сторонамъ Праотцы. Оклады и вѣнцы серебряные, сканные жъ, золочены, съ финифты.

Передъ тѣми образы семнадцать подсвѣчниковъ мѣдныхъ. На нихъ семнадцать блюдецъ серебряныхъ, бѣлыхъ. Вѣсу въ нихъ: въ первомъ фунтъ сорокъ шесть золотниковъ; въ другомъ фунтъ сорокъ три золотника; въ третьемъ и въ четвертомъ по фунту по тридцати по шти золотниковъ; въ пятовъ фунтъ тридцать два золотника; въ шестомъ фунтъ двадцать семь золотниковъ; въ седьмомъ фунтъ двадцать четыре золотника; въ восьмомъ и въ девятомъ и въ десятомъ и въ первомъ на десять по фунту по двадцати по три золотника; въ друганадцатомъ и въ третьенадцатомъ по фунту по двадцати по одному золотнику; въ четвертанадцатомъ и въ пятанадцатомъ по фунту по семнадцати золотниковъ; въ шестомъ-на-десять фунтъ тринадцать золотниковъ; въ седьмомъ-на-десять фунтъ одиннадцать золотниковъ.

На Праотцахъ Херувимы древяные, золоченые сусальнымъ золотомъ и серебромъ. Два тябла, среднія и верхнія обложены серебромъ басемнымъ, золочены черезъ звѣно. Передъ Деисусомъ три палпкадила мѣдныя, литыя. Первое большое, нѣмецкаго дѣла, въ немъ въ срединѣ осьмнадцать шандаловъ, а въ дву по 12 шандаловъ; подъ ними яица строфокамиловы, обложены серебромъ на четыре грани; а подъ ними яблочки серебряныя золочены съ кистьми, въ кистяхъ шелкъ червчатъ съ золотомъ.

У столпа, который у царскаго мѣста, на сторонѣ. Образъ мѣстный Воскресенія Христова. На поляхъ писаны Притчи Евангельскія Воскресныя. Окладъ серебряный, басемной, золоченъ. У того жъ образа пелена, средина атласъ червчатъ, по немъ травы серебряныя; на ней крестъ кружево золотное кованое. Опушка атласъ травы золотныя по зеленой землѣ. Подложена киндякомъ лазоревымъ.

У того же столпа позади образы мѣстные въ кіотехъ. Образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія съ Чудесы. Оклады и вѣнцы и подписи серебряныя чеканныя, золочены. Въ вѣнцахъ, въ гнѣздахъ, у Превѣчнаго Младенца баусъ, да двѣ бечаты не велики, да котовикъ; у Пресвятыя Богородицы три достокана, да четыре хрусталя, промежъ ихъ десять зеренъ гурмышскихъ на спняхъ. У того же образа пелена, средина атласъ серебряный, по немъ круги золотные съ розными полки; на ней крестъ кружево золотное кованое; опушка атласъ таусиной, по немъ травки золотныя. Подложена киндякомъ вишневымъ. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ мѣдный тройной, съ яблоки.

Образъ Николая чудотворца съ Чудесы, у возглавія по сторонамъ образы Всемилостиваго Спаса и Пресвятыя Богородицы. Окладъ и вѣнцы серебряные, чеканные, золочены. Въ вѣнцахъ у образа Спасова и у Пресвятыя Богородицы по яхонтику лазоревому, да по два лалика да смазнѣ; у Николая чудотворца три яхонтика лазоревыхъ же, да двѣ юги; промежъ ихъ на спняхъ четыре зерна гурмышскихъ. У того образа пелена, средина бархатъ червчатъ золотной. На ней крестъ байберекъ золотной. Опушка бархатъ травчатъ по червчатой землѣ, по немъ травки золотныя, шелкъ зелень; подложена крашениною лазоревою. У тѣхъ образовъ кіотъ, оклеенъ камкою, по немъ круги и травки золотные по червчатой землѣ. Завѣса тафта желтая, да червчата. Въ вышину два аршина съ полуаршиномъ, въ ширину четыре аршина безъ чети. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ тройной, оловянный; съ яблоки.

У столпа, на лѣвой сторонѣ, въ кіотѣ. Образъ Распятіе Господа Бога и Спаса нашего Інсуса Христа; окладъ басемной, вѣнцы гладкіе серебряные, золочены. Кіотъ древянный, позолоченъ сусальнымъ золотомъ и серебромъ. У того образа пелена, средина атласъ золотной по червчатой землѣ; на ней крестъ, кружево серебряное кованое, узкое; опушка атласъ серебряный, травчатой; подложена дорогами червчатыми.

У того жъ столпа, позади, образы мѣстные, въ кіотѣ. Образъ Всемилостиваго Спаса, Стоящій, въ древахъ. Окладъ и вѣнцы и оплечки серебряные, чеканные, золочены; въ вѣнцѣ въ гнѣздахъ два яхонта лазоревыхъ, да двѣ бирюзы. Цата серебряная сканная съ финифтомъ, золочены. У того образа пелена, средина бархатъ золотной по алой землѣ; на ней крестъ миткалиниой бѣлый; опушка съ трехъ сторонъ бархатъ золотной по червчатой землѣ. Подложена крашениною лазоревою. Бархатъ ветхъ и полинялъ. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ оловянный тройной съ яблоки.

Образъ Всемилостиваго Спаса, съ Дѣяніемъ о самарянынѣ Оотинiи, съ Чудесы. Окладъ и вѣнцы серебряные, чеканные, золочены; у Оотинiи одинъ лалыкъ. У того образа пелена, средина бархатъ венѣцѣйскій, по ней травы золотныя да шелкъ зеленъ; на ней крестъ алтабасный; опушка атласъ китайскій, по немъ травки круглыя золотныя. Подложена крашениною лазоревою, и та пелена ветха. У того образа подсвѣчникъ мѣдный, одинакій, съ яблоки, литой. Кіотъ оклеенъ атласомъ цвѣтнымъ съ трехъ сторонъ. У тѣхъ у обоихъ образовъ завѣса, тафта желтая, въ вышину два аршина съ четью, въ ширину три аршина безъ чети.

Въ той же церкви образы на налояхъ. По правую сторону. Образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенiя, осмилистовый. Окладъ и ризы серебряные, чеканные, золочены, съ чернью; по полямъ яблоки серебряныя жъ, рѣзныя, золочены. Въ вѣнцахъ, въ гнѣздахъ, у Пресвятыя Богородицы, три яхонтика лазоревыхъ, да два червчатыхъ, да четыре зерна гурмышскихъ на спинахъ; у архангела Гаврiила, яхонтикъ лазоревъ, да два лалика, да четыре зерна гурмышскихъ на спинахъ, и одно расколото; у архангела же, на правой рукѣ, въ ризѣ, искры яхонтовыя и бирюзки. На поляхъ, въ гнѣздахъ, пять яхонтовъ лазоревыхъ, да пять лаловъ. Промежъ ихъ десять плащей серебряныхъ, на нихъ образы святыхъ, навожены чернью; по трубамъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ дву мѣстехъ. У того же образа въ верху два кольца серебряныхъ. Подложенъ тотъ образъ бархатомъ червчатымъ, гладкимъ. Кіотъ древяный оклеенъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ, наугольники серебряные. Кровля слюденая, въ серебрѣ. У того же образа пелена, атласъ червчатъ, на ней крестъ и копіе и трость и глава адамля, и голгофа и подпись низаны жемчугомъ мелкимъ. Около креста обнизано жемчугомъ же въ одно зерно. Промежъ креста.... дробницъ мелкихъ серебряныхъ, золочены. Опушка камка лазоревая, по ней около дробницъ низано въ одно зерно жемчугомъ мелкимъ кафимскимъ; подложена тафтою осиновою. На налоѣ одежда.

Образъ Пресвятыя Богородицы Барловскiя. Окладъ весь золотой; вѣнцы чеканные, оплечья рѣзныя съ чернью, трубы гладкія; въ вѣнцахъ, въ гнѣздахъ, у Пресвятыя Богородицы, четыре яхотна лазоревыхъ, три лала, промежъ ихъ восемь зеренъ большихъ кафимскихъ на спинахъ золотыхъ, у Превѣчнаго Младенца четыре яхонтика, два червчатыхъ, а два лазоревыхъ. Около вѣнцовъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, по счету девяносто зеренъ. У того же образа около ризы обнизано жемчугомъ гурмышскимъ, а внизу донизано кафимскимъ въ одно зерно, по счету двадцать шесть зеренъ. По полямъ въ гнѣздахъ пять яхонтовъ, да пять лаловъ; межъ ими шестьнадцать зеренъ гурмышскихъ, да четыре кафимскихъ. На поляхъ же десять плащей золотыхъ, на нихъ Праздники Господскiе и Богородичны и Святые, наведены чернью. Около поль, по трубамъ, обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. У того же образа въ верху два кольца, съ пробоями, серебряныхъ, золочены. Подложенъ образъ бархатомъ алымъ. Кіотъ оклеенъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ; у того же кіота затворъ слюденой. Пелена, средина камка червчата; на ней крестъ, въ немъ двадцать семь дробницъ серебряныхъ сканныхъ, позолочены. Около креста подпись и копіе и трость низаны жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Опушка камка тауспинная, на ней восемь дробницъ чеканныхъ, круглыхъ. На нихъ образы Всемилостиваго Спаса, Пресвятыя Богородицы, Іоанна предтечи и архангеловъ и апостоловъ и Николая чудотворца. Промежъ ихъ и по опушкѣ дробницы серебряныя, сканныя малыя золочены. Около ихъ низано жемчугомъ кафимскимъ: по краямъ обнизъ въ одно зерно, съ репейками, въ репьяхъ по шти жемчужинъ кафимскихъ, подложена тафтою осиновою.

Въ дву кіотахъ образы штилистовыя, писаны на полотенцахъ по золоту; въ одномъ шестнадцать полотенецъ, на нихъ Праздники Господскiе и Богородичны; въ другомъ двѣнадцать полотенецъ, на нихъ Святые во весь годъ. Кіоты въ срединахъ и по краямъ оболочены бархатомъ червчатымъ гладкимъ. По осмотру бархатъ ветхъ и полинялъ. Два кіота новыхъ, обложены серебромъ гладкимъ, басемнымъ, золоченымъ, въ срединахъ, атласомъ червчатымъ; позади ихъ по четыре плащика серебряныхъ, гладкихъ, золоченыхъ. Ставятъ въ нихъ на налояхъ въ господскіе праздники и мѣсячные во весь годъ по Праздникамъ. У тѣхъ кіотовъ двѣ пелены, средины атласъ червчатъ; на нихъ два креста, дробницы серебряныя, чеканныя и гладкія, золочены. Около ихъ обнизано и подпись низана жемчугомъ кафимскимъ мелкимъ въ одно зерно. У тѣхъ пеленъ опушка атласъ тауспинной; по нихъ дробницы малыя и репейки троеугольные и четверогольные, гладкіе, серебряные, золочены; около ихъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ мелкимъ въ одно зерно; около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; подложены: одна, камкою червчатою, другая, тафтою осиновою.

На лѣвой сторонѣ. Образъ Пресвятыя Богородицы Боголюбскiя. Окладъ золотой, басемной, вѣнцы сканные; въ немъ, въ гнѣздахъ, два яхонта лазоревыхъ, да виниса, около ея четыре яхонта, да двѣнадцать веницокъ, да шесть зеренъ кафимскихъ въ гнѣздахъ; промежъ каменья и жемчугу репейки золотые, сканные, на спинахъ золотыхъ. Подъ вѣнцомъ обнизъ золотая, сканная, по ней три бирюзки, да четыре

винисы, да шесть зеренъ жемчужныхъ на синяхъ. По верхъ вѣнца коруна золотая, сканная, на ней пять верховъ; въ нихъ, въ гнѣздахъ: въ среднемъ, четыре яхонта лазоревыхъ, да два изумруда, да четыре винисы, да зерно жемчужное въ гнѣздѣ; съ правую сторону, на первомъ, яхонтъ лазоревъ, да четыре винисы, яхонтикъ же, да изумрудъ, да бирюза, да двѣ жемчужины; на другомъ, яхонтикъ, да пять винисъ, баусникъ, да два льяника, да жемчужина; на лѣвой сторонѣ, отъ средняго, на первомъ, два яхонтика лазоревыхъ, да два яхонтика малыхъ, двѣ винисы, да двѣ бирюзы, льяникъ, да жемчужина, на другомъ, два яхонта, да пять винисъ, да хрусталь, да жемчужица. Около ихъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Промежъ ихъ четыре плащика золотые, сканные, узкіе; на нихъ по осми винисокъ въ гнѣздахъ. Убрусъ и ожерелье жемчугу кафимскаго. Цата золотая, чеканная, съ финифты; въ ней, въ гнѣздахъ, лалъ, да четыре изумруда малыхъ, около обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. У цаты жъ панагія золотая, въ ней виниса, обнизана жемчугомъ кафимскимъ, да въ привязкѣ виниска, да двѣ жемчужинки. Другая цата золотая жъ сканная, въ ней изумрудецъ, да двѣ виниски да яшма. У цаты жъ три плаща золотые, сканные, осьмиугольные, а въ нихъ, въ среднемъ изумрудецъ, да два суровика, да два хрусталя, да четыре раковинки; въ другомъ, яхонтикъ лазоревъ, да изумрудецъ, да два лалика, да четыре раковины, да яшма; въ третьемъ, яхонтикъ лазоревъ, да два лалика, да два изумрудца, да четыре раковины. У того же образа серьги; на нихъ два яхонта лазоревыхъ, да четыре жемчужины на золотѣ; рясы жемчужныя, низаны въ снизку, въ нихъ пронизки и наконечники золотые сканные, а въ нихъ три виниски, да лаликъ. По сторонамъ двѣ здѣзды золотыя, четвероугольныя, а въ нихъ, въ гнѣздахъ: въ одной, три яхонта лазоревыхъ, да двѣ жемчужины, да на четырехъ концахъ по жемчужинѣ кафимской; въ другой, три яхонта же лазоревыхъ, да лаликъ, да суровикъ. На концахъ, на закрѣпкахъ и межъ каменья, восемь жемчужинъ. На тѣхъ же звѣздахъ около средняго каменья обнизано жемчугомъ кафимскимъ. Подпись на дву плащикахъ золотыхъ наведена чернью. Кіотъ оклеенъ, въ срединѣ, бархатомъ червчатымъ, позади камкою алою, кровля слюденая. Пелена, средина камка червчатая; на ней крестъ, дробницы серебряныя золочены, около ихъ обнизано и подписи низаны жемчугомъ. Опушка камка лазоревая; по ней дробницы малыя и репейки серебряные; около репейковъ обнизано жемчугомъ въ одно зерно. Подложена тафтою двоеличною. На налоѣ одежда.

Передъ образы, которые на налояхъ, пять подсвѣчниковъ и въ томъ числѣ: три подсвѣчника древяные, обложены серебромъ басемнымъ, яблоки золочены, а въ подножіяхъ золочено мѣстами. На подсвѣчникахъ блюдца и трубки серебряныя. Подписи рѣзныя, золочены. И на дву подписано: принесены въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія въ 144-мъ году, третій въ 161-мъ году. Два подсвѣчника мѣдные, съ яблоки, чеканные; принесены изъ приказу Большаго дворца въ 188-мъ году. У дѣисуса, на нижнемъ тяблѣ, надъ мѣстными образами, образы осмилистовые и шестилистовые, а иные тѣхъ больше и мѣньше, а на нихъ оклады золотые и серебряные золочены и всякія утвари у нихъ же, и пелены.

По прежнимъ переписнымъ книгамъ 142-го году. Образъ Отечество. Окладъ басемной, вѣнцы рѣзные, серебряные, золочены.

Образъ Пресвятыя Богородицы Донскія, четырехъ листовая. Окладъ золотой басемный, вѣнцы сканные; а въ нихъ, у Пресвятыя Богородицы, два яхонтика лазоревыхъ, да котовикъ, да достоканъ, у Превѣчнаго Младенца, бирюзка. Около вѣнцовъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ мелкимъ въ одно зерно. У Пресвятыя Богородицы поднизь жемчужная; у ней въ золотыхъ репьяхъ три жемчужины кафимскихъ небольшихъ на синяхъ золотыхъ. Цата золотая сканная, а въ ней въ гнѣздахъ яхонтикъ лозоревъ, да виниска да льяникъ, да двѣ раковины, промежъ ихъ по три жемчуга кафимскихъ небольшихъ на синяхъ. Цата золотая жъ, витая; у ней три запонки, а въ нихъ въ одной, бирюзка, да двѣ раковинки, да два льяна, въ другой раковинка, да двѣ бирюзки, да виниска, да льяникъ, въ третьей бирюзка, да двѣ раковины, да два хрусталя, а третья отломлена и положена въ церковной казнѣ. У того же образа, сверхъ прежнія переписки, серги золотыя; на нихъ два зерна гурмышскихъ. Пелена атласъ рудожелтый, ветхъ; на ней крестъ, въ немъ по счету двадцать восемь дробницъ серебряныхъ, золочены, около ихъ обнизано и копіе и трость и подпись и по краямъ низано жемчугомъ мелкимъ; пелена подложена тафтою лазоревою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія. Окладъ и вѣнцы серебряные, басемные, золочены, въ вѣнцахъ восемь винисъ въ гнѣздахъ. На правой рукѣ запястье серебряное, золоченое, въ немъ, въ гнѣздѣ, виниска. По окладу, по прежней описи, четырнадцать мишеней серебряныхъ гладкихъ, съ розными краски, а по нынѣшнему осмотру, пятнадцать плащей съ финифты. И на четырехъ плащахъ наведено мусіею: образъ Спасовъ и Святыхъ а по сторонамъ Архангели.

Образъ Пресвятыя Богородицы Блаженное Чрево. Окладъ басемный, вѣнецъ рѣзной серебряный, золоченъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Достойно есть. Окладъ серебрянъ, басемный, золоченъ.

На томъ же тяблѣ образы сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ 142-го году.

Образъ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы. Окладъ и средина серебряные, сканные, золочены, вѣнцы рѣзные; въ нихъ по .... да по двѣ жемчужины гурмышскихъ, по полямъ четыре яхонта; подпись на плащѣ серебряномъ, золоченомъ. У того же образа кольцо, на вертлюгѣ серебряномъ четыре лалика. Подложенъ камкою алою.

Образъ Спасовъ. Въ вышину въ три чети, въ ширину въ девять вершковъ; окладъ и вѣнецъ серебряные, сканные, золочены, по окладу девять плащей круглыхъ, на нихъ Ангелы и Святые наведены чернью; около ихъ каймы рѣзныя. Подпись на дву плащикахъ круглыхъ. Цата чеканная, золочена; у ней три запонки рѣзныя, съ чернью золочены. У того же образа кольцо серебряное золоченое, на пробойцѣ. Подложенъ тотъ образъ атласомъ червчатымъ.

Образъ Спасовъ штилистовой, въ подножіи преподобный Варламъ Хутынскій; окладъ басемный, вѣнцы сканные съ финифты, серебряные золочены, подпись на дву плащикахъ круглыхъ съ чернью; по окладу на поляхъ восемь плащей чеканныхъ малыхъ; въ нихъ смазни, а въ трехъ плащикахъ среднихъ каменья нѣтъ. Подложенъ дорогами. У того образа пелена, средина камка червчата; на ней крестъ, въ немъ двадцать дробницъ серебряныхъ четвероугольныхъ, около ихъ обнизано, а копіе и трость низано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно; въ копіѣ жъ и въ трости двѣ виниски; опушка камка лазоревая, по ней дробнички серебряныя золочены, гладкія, около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ мелкимъ. Подложена тафтою ценинною.

Образъ Спасовъ штилистовой, по сторонамъ образы, же Пресвятыя Богородицы, Іоанна предтечи и Апостоловъ, въ подножіи преподобніи отцы Зосима и Саватій. Окладъ басемный, вѣнцы и цата серебряные, золочены. Подложенъ киндякомъ.

Образъ Спасовъ, а въ подножіи отцы преподобныи Зосима и Саватій. Окладъ басемный, вѣнцы и цаты серебряныя, рѣзные, золочены. Подложенъ киндякомъ.

Образъ Вознесенія Господня. Окладъ басемный, вѣнцы рѣзные, серебряные, золочены. Подложенъ киндякомъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія осмилистовой, по полямъ святые мученики Георгій и Іаковъ и преподобныи отцы Онуѳрій и Макарій. Окладъ басемный, вѣнцы сканные на подзорѣхъ, серебряные, золочены; у Пресвятыя Богородицы въ вѣнцѣ въ гнѣздѣ суровикъ. По сторонамъ два репья серебряныя, золочены, а въ нихъ въ гнѣздахъ по каменю, около ихъ раковины, въ одномъ репью двѣ бирюзки, да двѣ виниски, въ другомъ виниска, да двѣ бирюзки, на репьяхъ же по концамъ въ закрѣпкахъ по четыре жемчужины кафимскія небольшія на спняхъ серебряныхъ; у вѣнца же сверху и внизу обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; у святыхъ въ вѣнцахъ въ срединѣ по бирюзкѣ, да на трехъ по три виниски, двѣ подписи на плащикахъ серебряныхъ золоченыхъ съ финифты; на подписяхъ виниски. Убрусъ и ожерелье низаны жемчугомъ кафимскимъ по атласу червчатому, въ убрусѣ въ срединѣ яхонтикъ лазоревъ. Рясы жемчугъ кафимской, промежъ его по три пронизки серебряныя, золоченыя, гладкія, да по три сканныя, да по три виниски, четыре наконечника серебряные, гладкіе золочены; а у дву питей, вмѣсто наконечниковъ, въ закрѣпкахъ двѣ жемчужины кафимскія. У того образа пелена средина камка червчата, на ней крестъ, дробницы четвероугольныя и гладкія серебряныя золочены, около ихъ обнизано и подпись низана жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; опушка камка лазоревая, по ней дробницы жъ серебряныя золочены круглыя угольчатые репейки, около дробницъ и по краямъ, по опушкѣ низано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ. Подложена тафтою червчатою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, осмилистовой. Окладъ и вѣнцы серебряные, чеканные золочены; въ вѣнцахъ у Пресвятыя Богородицы двѣ бирюзки, у Архангела лаликъ, да двѣ бирюзки; подписи на дву плащахъ серебряныхъ рѣзные, наведены чернью; по полямъ восемь каменей, межъ ихъ восемь зеренъ гурмышскихъ на спняхъ. У того же образа два кольца серебряныхъ золоченыхъ. Подложенъ камкою червчатою мелкотравною.

Образъ Пресвятыя Богородицы Умиленія осмилистовой. Окладъ и по немъ восемь трубъ круглыхъ серебряныхъ басемныхъ золочены, вѣнцы сканные золочены, въ нихъ въ ставкахъ баусъ, да пять льяновъ. Цата серебряная, чеканная, золочена. Подложенъ камкою лазоревою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія штилистовой. Окладъ и вѣнцы серебряные сканные золочены, около вѣнцовъ и ризъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; по полямъ Праздники Господскіе чеканные въ десяти мѣстехъ; убрусъ низанъ жемчугомъ кафимскимъ; въ срединѣ запона золотая съ финифтомъ, въ ней яхонтъ червчатъ, около запоны межъ репьевъ восемь жемчужинъ гурмышскихъ. Цата золотая сканная съ финифтомъ; въ ней лалъ, да два яхонта лазоревыхъ въ гнѣздахъ золотыхъ, да три жемчужины гурмышскихъ. Цата золотая, большая, сканная съ финифтомъ, на дскѣ золотой, переломлена; на ней, въ гнѣздахъ, лалъ да два яхонта лазоревыхъ, да четыре зерна гурмышскихъ на спняхъ. У цаты запона золотая жъ сканная съ финифтомъ; въ ней въ гнѣздахъ яхонтъ лазоревъ, да четыре яхонта червчаты.

Рясы жемчугъ кафимской на орликахъ золотыхъ, сканныхъ, съ кольцы, межъ жемчугу по трубочкѣ золотой, сканные. Серги, на нихъ лалъ; суровикъ, да по двѣ жемчужины кафимскія на золотѣ. Подъ цатами подушка камка алая, подложена атласомъ червчатымъ. У того же образа пелена, средина камка червчата; на ней крестъ на дробницѣ серебряной золоченой и около ея подпись и кайма низано жемчугомъ кафимскимъ. Опушка камка лазоревая, по ней дробнички и репейки серебряные золочены, около ихъ кайма низана жемчугомъ. Подложена тафтою ценинною.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, штилистовой. Окладъ и вѣнцы серебряные басемные золочены; въ вѣнцахъ, въ большомъ, четыре каменя, въ меньшомъ, у Младенца, два каменка; убрусъ и ожерелье низаны жемчугомъ кафимскимъ. Рясы жемчугъ кафимскій же, на подвѣскахъ золотыхъ. Межъ жемчугу двѣнадцать льянъ червчатыхъ и лазоревыхъ. По концамъ шесть закрѣпокъ золотыхъ сканныхъ; въ закрѣпкахъ четыре льяника. Цата золотая, гладкая, узкая, по ней Дѣисусъ чеканный, въ срединѣ достоканъ, да двѣ раковины, да двѣ бирюзы, да два достоканчика малыхъ. Образъ подложенъ камкою. Пелена средина камка червчата, на ней крестъ, дробницы серебряныя круглыя; около ихъ и подпись и около средины низано жемчугомъ въ одно зерно. Опушка камка таусинная, по ней дробницы круглыя и репейки серебряные, золочены, около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно. Подложена тафтою ценинною.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, штилистовой. Окладъ серебряный, вѣнцы чеканные, оплечки рѣзные, съ чернью, серебряные, золочены, въ вѣнцахъ два смазня; цата золотая, сканная, узкая, на ней выписка, да суровикъ, да корочка баусова, да четыре раковины. У того жъ образа кольцо серебряное на пробойцѣ съ репейкомъ. Образъ подложенъ тафтою. Пелена средина камка червчата, на ней крестъ, въ немъ тринадцать дробницъ, въ гнѣздахъ, да четыре репейка серебряные, золочены, около дробницъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ, подпись жемчугу мелкаго въ одно зерно. Опушка камка таусинная, по ней восемь репейковъ круглыхъ серебряныхъ чеканныхъ и гладкихъ; около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ мелкимъ; подложена тафтою ценинною.

Образъ Пресвятыя Богородицы, штилистовой. Окладъ басемный, вѣнцы сканные серебряные, золочены. Убрусъ низанъ жемчугомъ кафимскимъ. Пелена средина атласъ червчатъ, на ней крестъ, въ немъ семнадцать дробницъ серебряныхъ круглыхъ, обнизаны и подписи низаны жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Опушка атласъ таусинной, по ней дробницы и репейки серебряные, небольшіе, около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно. Подложена тафтою ценинною.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, штилистовой. Окладъ и на немъ образы святыхъ басемные, вѣнцы сканные, серебряные, золочены, а въ нихъ лалъ да жемчужина гурмышская на спицѣ. Подложенъ киндякомъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, штилистовой. Окладъ и вѣнцы серебряные басемные золочены; подпись на трехъ планцикахъ серебряныхъ же, съ чернью. Подложенъ дорогами.

Образъ Пресвятыя Богородицы Покрова, осмилистовой, продолговатъ, средина и поля, дска вся золотая, прибита къ кипарисной дскѣ; лицы у Спасова образа и у Богородицы и у святыхъ наведены чернью; у Пресвятыя Богородицы въ вѣнцѣ, въ золотыхъ гнѣздахъ, въ верху, изумрудецъ, по сторонамъ, двѣ искорки яхонтовыя червчатыя, на поляхъ травки рѣзныя съ чернью, на поляхъ же восемь яхонтовъ лазоревыхъ гладкихъ въ золотыхъ гнѣздахъ, подъ гнѣздами восемь рельевъ круглыхъ золотыхъ, рѣзные съ чернью, въ верху кольцо съ пробоемъ серебряное золочено. Подложенъ образъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ. Пелена у образа средина камка червчатая, на ней крестъ, дробницы серебряныя басемныя золочены, около дробницъ обнизано жемчугомъ среднимъ кафимскимъ, подпись слова мелкимъ жемчугомъ, около жемчугу и словъ обшито золотомъ сканнымъ. Опушка у пелены камка осиновая, по ней дробницы круглыя и репейками серебряныя, басемныя, золочены, около дробницъ, по краямъ, каймы низаны жемчугомъ мелкимъ кафимскимъ, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ. Подложена тафтою осиновою; по осмотру въ верху у Спасова образа въ вѣнцѣ три гнѣзда порожія.

Образъ Пресвятыя Богородицы Корсунскія. Окладъ басемный, вѣнцы и подпись рѣзные, съ чернью, серебряныя, золочены.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, осмилистовой; окладъ и вѣнцы золотые, убрусъ и ожерелье низаны жемчугомъ кафимскимъ по червчатому атласу; рясы жемчужныя, на подвѣскахъ золотыхъ межъ жемчугу одиннадцать пронизокъ сканныхъ, да котокъ, золотые да восемь льяниковъ; у рясъ въ верху два изумрудца, серьги на нихъ яхонтъ лазоревъ, да 6атись, да четыре зерна, два гурмышскихъ, а два кафимскія на золотѣ. Цата золотая узкая, по ней въ гнѣздахъ лаликъ, да два достокана, да три жемчужины, да бирюза; у цаты жъ три запоны четвероугольныя серебряныя, а въ нихъ въ гнѣздахъ золотыхъ, въ средней, пять достокановъ, да четыре жемчужины кафимскихъ; въ другой, два смазня, да три достокана, да три жемчужины кафимскихъ; въ третьей, четыре смазни, да

четыре жемчужины кафимскихъ. Пелена средина атласъ червчатъ, на ней крестъ низанъ жемчугомъ, около креста двадцать девять дробницъ серебряныхъ круглыхъ и репейки золоченые; около дробницъ обнизано и подпись низано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; опушка атласъ таусинной, по немъ репейки серебряныя золочены, около ихъ на опушкѣ и по краямъ низано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно; около жемчугу обшивано золотомъ сканнымъ. Подложена тафтою осиновою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, штилистовой; окладъ и вѣнцы серебряные басемные, золочены, по окладу яблоки и травы; пелена средина камка червчата, на ней крестъ дробницами, около ихъ обнизано и подпись низано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно; опушка атласъ таусинной, по ней репейки серебряные, около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ въ одно зерно, подкладка тафта осиновая. По ярлыку: ставится тотъ образъ надъ Государскимъ мѣстомъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія. Окладъ и вѣнцы серебряные, сканные, сквозные; въ вѣнцахъ пять плащей репейками, гладкихъ, съ чернью; въ вѣнцѣ же и по полямъ плащи круглые и длинные; подпись на плащикахъ серебряныхъ съ чернью, цата золотая, гладкая, узкая, на ней винпса. Подложенъ камкою зеленою. Пелена средина атласъ червчатъ, на ней крестъ и подпись низано жемчугомъ кафимскимъ; межъ жемчугу дробницы серебряныя круглыя золочены; опушка атласъ таусинной, по немъ репейки серебряные золоченые, около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ. Подложена тафтою осиновою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія. Окладъ и вѣнцы серебряные, басемные, золочены; по полямъ восемь яблокъ серебряныхъ золочены; цата серебряная сканная на подзорѣ, на ней три зерна гурмышскихъ, да два смазня, въ гнѣздахъ. Окладъ обился во многихъ мѣстехъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, двулистовой; окладъ и вѣнцы и коруна серебряные рѣзные, золочены; въ большомъ вѣнцѣ, въ гнѣздѣ, жемчужина гурмышская да двѣ винисы; на коруне въ закрѣпкахъ двѣ винисы, да два достокана, да семь жемчужинъ; убрусъ и ожерелье низано жемчугомъ кафимскимъ по атласу червчатому. Серьги на нихъ два зерна большихъ гурмышскихъ на золотѣ. Цата серебряная, чеканная, золочена.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія; окладъ басемной, вѣнецъ сканной, на подзорѣ серебряномъ, золочонъ; цата сканная золотая на подзорѣ, а въ ней въ гнѣздахъ виниса да двѣ раковины; у той цаты три запоны золотыя четвероугольныя, а въ нихъ: въ средней запонѣ, яхонтикъ червчатъ, да корка изумрудная, двѣ винисы, два смазня, три раковины; на дву запонахъ десять достокановъ и смазней, да восмь раковинъ. Пелена средина камка червчата, на ней крестъ, въ немъ дробницы серебреныя круглыя чеканныя; около ихъ обнизано и подпись низано жемчугомъ въ одно зерно; опушка камка таусинная, по ней репейки серебряныя золочены, около ихъ и по краямъ низано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; подложена тафтою таусинною.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія. Окладъ серебряный, гладкій, съ каймою, золоченъ; вѣнецъ и убрусъ золотой сканной на подзорѣ, по немъ въ гнѣздахъ яхонтъ, да восмь винисокъ, двѣ бирюзы, да двѣ раковины; въ другомъ вѣнцѣ лаликъ; въ убрусѣ яхонтъ, да лаликъ да виниска. Цата серебряная рѣзная съ чернью золочена. Подложенъ камкою алою. Пелена средина атласъ червчатъ, на ней крестъ, въ немъ въ срединѣ дробнички серебряныя золочены гладкія, около ихъ обнизано и подпись низана жемчугомъ въ одно зерно. Опушка отласъ таусинной, по ней репейки серебряныя золочены; около ихъ и по краямъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; подложена тафтою ценинною.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія. Окладъ басемный, по краямъ восемь трубъ гладкихъ и рѣзныхъ, серебряныя золочены; вѣнцы золотые, сканные. Двѣ цаты серебряныя, сканныя, золочены, на подзорѣ золоченомъ; а на нихъ, въ гнѣздахъ серебряныхъ, на болшой цатѣ, сердоликъ червчатъ, да виниса, три льяника, да двѣ бирюзы; на меньшей цатѣ, три винисы, да два льяника, зерно гурмышское, да раковина. Пелена средина камка червчата, на ней крестъ, дробницы и репейки серебряные золочены, около ихъ обнизано и подпись низана жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно. Опушка камка лазорева, по ней дробницы серебряныя гладкія, малыя, золочены; около ихъ и по каймѣ обнизано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно; подложена тафтою осиновою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, четырехъ-листовой. Окладъ золотой басемный, а по осмотру, съ одной стороны золото обломалось; вѣнцы золотые жъ сканные, а въ нихъ два яхонтика бѣлыхъ, да бирюзка; цата золотая, узкая, на ней виниса, да ватисъ, да корочка изумрудная; да двѣ раковины; у цаты три запоны золотыя четвероугольныя, на нихъ три винисы, да сердоличокъ, четыре раковины, да пять бирюзъ, да два льяника; промежъ каменья въ четырехъ мѣстехъ по три зерна кафимскихъ мелкихъ; серьги небольшія золотыя, на нихъ по жем-

чужнѣ гурмышской. Подложенъ киндякомъ лазоревымъ. Пелена атласъ алой, на ней крестъ, дробницы серебряныя гладкія малыя, золочены; около ихъ обнизано жемчугомъ каѳимскимъ въ одно зерно; подложена дорогами зелеными.

Образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія штилистовой, окладъ и вѣнцы басемные, серебряные, золочены; въ вѣнцахъ, въ гнѣздахъ, въ одномъ, три виниски до достоканецъ, въ другомъ, виниска, да двѣ бирюзки; по окладу образы святыхъ чеканные, окладъ во многихъ мѣстехъ обломался. Подложенъ киндякомъ лазоревымъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія. Окладъ басемный, вѣнецъ съ коруною прорѣзной, на подзорѣ, съ финифтомъ золоченъ, а въ немъ и въ корунѣ девять смазней; по полямъ двѣ бирюзы, да четыре смазня, подложенъ киндякомъ. А на немъ подписано: «сій образъ Благовѣщенскаго собору попа Алексѣя Еремѣева».

Образъ Николая чудотворца и святые мученицы Татіаны, а во облацѣ образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія. Окладъ басемный, вѣнцы рѣзные, серебряные, золочены. Подложенъ киндякомъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Покрова, штилистовой. Окладъ басемной, вѣнецъ сканной; серебряные, золочены. Подложенъ крашениною.

Образъ Алексѣя Митрополита, а въ возглавіи Пресвятыя Троицы. Окладъ и вѣнцы серебряные, чеканные, золочены, въ вѣнцѣ, въ гнѣздѣ, виниска, да двѣ бирюзки, да четыре жемчужины гурмышскіе, серебряныхъ. По окладу по полямъ и по угламъ десять плащей серебряныхъ, на нихъ Евангелисты и Святые. Подложенъ тафтою.

Образъ Преподобнаго Антонія Сійскаго, осмилистовой. Окладъ рѣзной, вѣнецъ чеканный, серебряные золочены; на окладѣ по полямъ и по угламъ восмь плащей, чеканные серебряные, золочены; на нихъ образы Спасовъ и Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи и Архангеловъ и Святыхъ. Въ вѣнцѣ у Преподобнаго, въ гнѣздахъ, пять яхонтовъ лазоревыхъ, да лалъ, да двѣ корочки яхонтовые, да лаловая, промежъ ихъ на спиняхъ серебряныхъ, десять жемчужинъ, зерна кафимскія; около вѣнца обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, подписи на четырехъ плащахъ серебряныхъ рѣзныя, золочены. Подложенъ бархатомъ червчатымъ.

Въ соборной же церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія на правой сторонѣ, у столпа. великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца мѣсто съ шатромъ. На шатрѣ, надъ входомъ, вверху, образъ Пресвятыя и Живоначальные Троицы, по сторонамъ, святыхъ страстотерпцевъ, благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. На томъ же царскомъ мѣстѣ, вверху, образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія; окладъ и вѣнцы серебряные чеканые, оплечки сканные, съ финифты, позолочены; въ вѣнцахъ четыре лалика, да двѣ бирюзки. На окладѣ по полямъ писаны святые, подписи серебряныя, позолочены, съ чернью. Въ царскомъ мѣстѣ, въ кіотѣ деревяномъ, писаномъ, Дѣисусъ, а въ немъ девять о бразовъ, листовые; оклады, и вѣнцы серебряные, рѣзные, позолочены, съ чернью. Подписи на осмнадцати плащахъ серебряныхъ, золоченыхъ. Около того царскаго мѣста и въ срединѣ оклеено атласомъ червчатымъ, по немъ травы золотныя. У того же мѣста напереди два столпца, мѣдные, литые, съ яблоки, а на нихъ два орла мѣдные жъ, литые; а на нихъ и на задней сторонѣ шатеръ древянъ, писанъ золотомъ и краски. На шатрѣ орелъ двоеглавый, мѣдный, золоченъ. Мѣсто покрыто сукномъ червчатымъ, подножіе обито сукномъ такимъ же.

Въ соборной же церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, по описнымъ книгамъ 142-го г., книгъ въ переплетѣ, въ десть. Тріодь постная, печатана во 133-мъ году. Потребникъ печатанъ во 141 году, взятъ съ Печатнаго двора. Псалтырь письменная, въ полдесть. Да сверхъ описныхъ книгъ 142-го года въ той же церкви книгъ печатныхъ же въ десть, въ переплетахъ, а печатаны они въ розныхъ годехъ. Книга Уставъ, печатанъ во 149 году, книга Апостолъ, во 172 году, двѣ книги Псалтыри съ возслѣдованіемъ, печатаны, одна во 179, другая во 166 годѣхъ, два Охтаи на осмь гласовъ, печатаны во 174 году. Книги Минеи мѣсячныя печатныя: три книги Сентября мѣсяца, печатаны, двѣ, во 144, третья, во 152 годѣхъ; книга Октября мѣсяца, печатана во 154 году, книга Ноября мѣсяца, во 152 году. Пять книгъ Декабря мѣсяца, четыре печатаны во 144 году, пятая во 153 году. Книга Генваря мѣсяца, печатана во 152 году. Книга Февраля мѣсяца, печатана во 154 году. Книга Марта мѣсяца, во 153 году. Пять книгъ Апрѣля, Мая, Іюня, Іюля, Августа мѣсяцовъ, печатаны во 154 году. Двѣ книги Минеи общія, печатаны, одна во 150-мъ, другая во 161 годѣхъ. Двѣ книги Тріоди, печатаны, постная во 187, цвѣтная, во 177-мъ годѣхъ. Двѣ книги Потребники, печатаны во 167-мъ, да во 180-мъ годѣхъ, Книги же въ полдесть: Псалтирь, печатана во 161-мъ году. Девять книгъ Служебниковъ, печатаны въ розныхъ годѣхъ. Двѣ книги Молебнаго пѣнія о умиреніи церквей, печатаны во 186 году. Три книги Ирмологіи, печатаны во 163 году. Двѣ книги, Охтаи и праздники, знаменныя. Книга Канонъ ризѣ Господни. Два Канона Пресвятѣи Богородицѣ Благовѣщенія письменные. Книги же печатные Четьи. Книга Евангеліе Учительное воскресное и на праздники Господ-

скіе и Богородичны и Святыхъ, печатано во 160 году; ветха вся и тетради многія выдраны. Книга Евангеліе повседневное, печатано во 156 году. Книга два Пролога во весь годъ, печатныя: Сентябрская половина, во 183 году; Мартовская, во 163 году. Книга Соборникъ, печатана во 155 году. Книга Маргаритъ, печатанъ во 150 году. Книга Правила, печатана во 151 году. Книга Бесѣды апостольскія на Дѣянія, печать Кіевская, печатана во 133 году. Книга Каноновъ и Житіе преподобнаго Сергія чудотворца, печатана во 155 году. Книга письменная, въ десть; въ ней писаны чудеса Пресвятыя Богородицы Владимірскія; внизу по листамъ писано: «далъ въ церковь Пресвятыя Богородицы Покрова, что на рву, степенной Ключникъ Оедоръ Красной по своей душѣ и по родителяхъ своихъ». Книга Синодикъ письменный, въ десть, въ доскахъ; оклеенъ кожею красною, застежки и наугольники обиты плащики мѣдные, по осмотру одного наугольнаго плащика нѣтъ. Двѣ книги Каноновъ и Житіе Николая чудотворца, печатаны во 149 году. Книги же въ четверть: Двѣ книги Служебники, печатаны во 179 году. Два Часослова, печатаны во 183 году.

Въ олтарѣ. Престолъ. На немъ одежда бархатъ золотной веницейской по червчатой землѣ; на передней сторонѣ крестъ, кружево золотное кованое широкое.

Евангелія напрестольныя. Евангеліе—тетръ, письменное, въ десть Евангелисты писаны золотомъ творенымъ. Оболочено бархатомъ золотнымъ, оксамиченымъ, дска верхняя золотая сканная, на ней: образъ Воскресенія Христова и четырехъ Евангелистовъ чеканные; крестъ, а въ немъ алмазъ, да три яхонта червчатыхъ, да изумрудъ, да восемь яхонтиковъ лазоревыхъ, да пять лаликовъ. Въ вѣнцахъ у Воскресенія Христова два лалика, да изумрудъ; у Евангелистовъ по два яхонта лазоревыхъ, да по лалику; около Воскресенія Христова въ гнѣздахъ семь яхонтовъ лазоревыхъ, да четыре лала; на поляхъ два яхонта лазоревыхъ, да три лала, да три тумпаса; на задней дскѣ пять плащей, золотые, сканные. По подписи, то Евангеліе сдѣлано въ Соборную церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы 7079 году. На застѣжкахъ по яхонту лазоревому. Въ томъ же Евангеліи пять прокладовъ тканыхъ, шелкъ зеленый съ золотомъ, у нихъ плащикъ золотой. У того же Евангелія сорочка тафтяная алая, на бумагѣ въ шахматъ, у ней четыре пуговки серебряныя гладкія.

Евангеліе печатное, въ десть, оболочено бархатомъ червчатымъ, на немъ Распятіе и Евангелисты серебряные, чеканные, золочены; верхняя дска серебряная, рѣзная бѣлая; на задней дскѣ, наугольники и посреди плащи и застежки серебряныя гладкія.

Евангеліе печатное, въ десть, оболочено бархатомъ червчатымъ; на верхней дскѣ Распятіе и Евангелисты, промежъ ихъ и Святые, литые; дска верхняя и застежки и спини и на задней дскѣ наугольники и средній плащъ серебряные жъ сканные; окладъ весь золоченъ. А по сказкѣ ключаря Михаила и пономарей, на то Евангеліе положенъ окладъ съ прежняго печатнаго Евангелія, а прежнее Евангеліе взято къ Великому Государю, а въ которомъ году, того не упомянутъ.

Евангеліе—тетръ, письменное, бумага александрейская, въ десть. Оболочено бархатомъ золотнымъ по червчатой землѣ, верхняя дска серебряная, гладкая, съ чернью; на ней Распятіе Господне и Евангелисты серебряные, чеканные, золочены; застежки и спини и прибивки плащи чеканные, серебряные. На нижней дскѣ пять плащиковъ круглые, бѣлые, серебряные.

По прежней описи, крестъ воздвизальный, съ мощьми, обложенъ серебромъ сканнымъ золоченымъ; въ немъ, въ гнѣздахъ, шесть яхонтовъ лазоревыхъ, да двѣ винисы, да бирюза, да бечета; у креста же во главѣ зерно гурмышское на спинѣ, около того зерна четыре зернышка гурмышскіе не велики, около яхонта пятнадцать зеренъ гурмышскихъ не большихъ на спинахъ, да по краямъ у креста обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. А по нынѣшнему осмотру, у креста на лицѣ, на верхней половинѣ, окладъ золотой сканной, а не серебряной, а нижняя половина—окладъ серебряной, сканной же, золоченъ. Воглавѣ около большаго зерна два зерна гурмышскіе, да два кафимскіе, около каменья въ четырехъ мѣстехъ семь зеренъ гурмышскихъ, да пять зеренъ кафимскихъ; около осьми каменей обнизь въ одной зерно жемчугъ кафимскій, а около дву каменей обнизи нѣтъ, въ подножіи межъ каменья и жемчугу, въ гнѣздахъ, двѣнадцать зеренъ гурмышскихъ и кафимскихъ. Подпись на пяти плащикахъ серебряныхъ съ чернью. Позади подпись на четырехъ плащикахъ серебряныхъ, рѣзныхъ, съ чернью; въ подножіи дска серебряная, рѣзная, на ней подпись, въ которомъ году тотъ крестъ сдѣланъ. Ковчегъ того креста древяный, оклеенъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ, петли и закладка серебряныя, рѣзныя; по осмотру, бархатъ поизбился.

Крестъ новый воздвизальный серебрянъ золоченъ. На немъ образъ Всемилостиваго Спаса и Пресвятыя Богородицы, и Херувимовъ и Апостоловъ, а внизу Николай чудотворецъ, серебряные, золоченые, литые; около его обнизано жемчугомъ въ одно зерно; во главѣ, въ гнѣздахъ, два яхонта лазоревыхъ да кора яхонтовая червчатая, да двѣ бирюзы; внизу три лала, да хрусталь. Кіотъ древянъ, оклеенъ бархатомъ червчатымъ, петли и закладка и наугольники и въ сре-

днѣ плащики серебряные рѣзные, по краямъ обито серебромъ гладкимъ; бархатъ обился.

Крестъ серебрянъ позолоченъ, словетъ Полоцкой, на немъ образъ Всемилостиваго Спаса, а на верху образъ Спасовъ же Нерукотворенный, литые; въ гнѣздахъ пять винисъ, да хрусталь, да баусъ; а по нынѣшнему осмотру, сверхъ прежней описи, у того креста позади прибитъ плащъ серебряный, золоченъ; на немъ образъ Пресвятыя Троицы чеканный.

На престолѣ жъ покровы. Покровъ атласъ цвѣтной съ золотомъ, на немъ образъ Пресвятыя Богородицы Похвалы съ кондаки и съ икосы, подложенъ Покровъ атласъ золотной по червчатной землѣ; на немъ крестъ оксамитной; опушка бархатъ золотной же, по немъ шелкъ вишневъ да зеленъ; подложенъ тафтою желтою. Покровъ большой тафта зеленая, подложена крашенинною лазоревою. Да два покрова ветхи, дорогильные, розными цвѣты, безъ подкладки.

За престоломъ кресты большіе, что носятъ въ ходы. Крестъ древянъ, окладъ серебряной басемный, золоченъ; на немъ крестъ же и распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, чеканное, золочено; по верхъ того креста Образъ Спасовъ Нерукотворенной, по сторонамъ образы Пресвятыя Богородицы и Ангеловъ и Мѵроносицъ; на крестѣ въ верху два яхонта лазоревыхъ, круглые, пониже ихъ въ гнѣздѣ жемчужина большая, подлѣ жемчужины смазень китайскій; по правую сторону хрусталь да двѣ корочки, изумрудная да яшмовая, да достоканъ венищейскій, да жемчужина; по лѣвую сторону корочка изумрудная, да хрусталь граненый; пониже ихъ хрусталь, подъ нимъ два смазни китайскіе. Въ подножіи Образъ Спасовъ на крестѣ серебряномъ золоченомъ; Херувимы серебряные жъ золочены съ чернью. Въ подножіи же на крестѣ въ верху и внизу 18 плащей литые серебряные бѣлые, въ кіотцахъ золоченыхъ, съ чернью, на нихъ Праздники господскіе чеканные. На крестѣ же въ гнѣздахъ сорокъ шесть каменей большихъ и среднихъ; у того же креста позади двадцать восемь плащей серебряныхъ, литые, золочены, а въ нихъ образы: Господень и Пресвятыя Богородицы и Святыхъ, чеканные.

Другой крестъ древянъ же, окладъ серебряный басемный золоченъ; на немъ крестъ же и распятіе Господне серебряные, чеканные, золочены; въ верху и по сторонамъ и внизу у распятія шесть плащей серебряные, бѣлые, литые; а на нихъ образъ Спасовъ Нерукотворенной и образы же Пресвятыя Богородицы, Іоанна Богослова и Херувимовъ. На крестѣ же девятнадцать плащей серебряныхъ литыхъ, около ихъ кіотцы золочены съ чернью, а на нихъ Праздники Господскіе чеканные. Межъ плащей въ гнѣздахъ серебряныхъ золоченыхъ сорокъ четыре каменя розныхъ, да девять бирюзъ, позади креста двадцать семь плащей серебряныхъ литыхъ, на нихъ образы Святыхъ чеканные. У престола подсвѣчникъ мѣдный, одинакой, съ яблоки. А въ прежней описной книгѣ 142 году тѣхъ дву крестовъ не написано.

За престоломъ въ кіотѣ. Образъ Пресвятыя Богородицы, зовома Пименовская. Окладъ серебряный басемный, золоченъ, вѣнцы золотые чеканные, а въ нихъ, въ гнѣздахъ: въ большомъ вѣнцѣ, яхонтъ лазоревъ, два изумруда, два лала червчаты; въ другомъ вѣнцѣ, яхонтикъ лазоревъ, да лаликъ червчатъ. Цата золотая, сканная, рѣшетчатая, переломлена, въ ней въ гнѣздахъ три яхонта лазоревыхъ, яхонтъ желтъ, не великъ, да изумрудъ, да гнѣздо порожее. У тояжъ цаты три запоны золоты сканныя, въ средней запонѣ въ гнѣздахъ, пять яхонтовъ, да четыре раковинки; въ другой запонѣ, три яхонта лазоревыхъ, да два изумруда, да четыре раковинки; въ третьей, три яхонта лазоревыхъ, да изумрудъ, да корка изумрудная, да бирюза, да четыре раковинки. На той же дскѣ съ другой стороны написанъ образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія. Оплечки и поля обложены вновь, серебряные, гладкіе, золочены, вѣнцы сканные, позолочены съ розными финифты, въ вѣнцахъ въ гнѣздахъ шесть каменей, смазни, четыре лазоревые, два червчаты. Сверхъ прежнихъ описныхъ книгъ, у Пресвятыя Богородицы убрусъ и ожерелье низаны жемчугомъ кафимскимъ по дскѣ серебряной, золоченой. На убрусѣ репей золотой, въ немъ въ срединѣ въ гнѣздѣ яхонтъ червчатъ; около яхонта двѣнадцать яхонтиковъ червчатыхъ, въ закрѣпкахъ на спняхъ золотыхъ четыре жемчужины каѳимскія. На ожерельѣ репей съ каменьи такой же, что на убрусѣ. У Младенца на ожерельѣ два репейка, въ нихъ по семи искръ яхонтовыхъ червчаты. Кіотъ древяной, писанъ сусальнымъ серебромъ; подъ кіотомъ внизу столбикъ, обитъ сукномъ червчатымъ. У Пресвятыя же Богородицы по верхъ образа, покровъ тафта червчата; по концамъ низано мелкимъ жемчугомъ по камкѣ розныхъ цвѣтовъ; около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; промежъ жемчугу жъ дробнички серебряныя, гладкія, басемныя, золочены, по счету шестьдесятъ четыре дробнички. Къ тому же покрову пришита кисея тонкая, по ней травки щиты золотомъ волоченымъ. У Образа же Пресвятыя Богородицы прикрѣпленъ ковчегъ дароносной, серебряной, рѣзной, въ подножіи золоченъ. По подписи сдѣланъ во 178 году; вѣсу въ немъ фунтъ четырнадцать золотниковъ съ полузолотникомъ; на верхней дскѣ золоченой образъ Пресвятыя Троицы, да образы жъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба; у того же образа пелена, средина бархатъ венищейской травы серебряные по червчатой землѣ. И на ней крестъ голунъ золотной. Опушка

атласъ червчатъ, по немъ травы золотныя съ розными шелки; подложена камкою бѣлою.

Въ другомъ кіотѣ. Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія. На немъ риза серебряная, чеканная, позолочена; вѣнцы и оплечки и поля обложены вновь; окладъ серебряный, басемный, гладкій, золоченъ. Внизу на полѣ три плащики, на нихъ мусіею утворены: образъ Спасовъ Нерукотворенный, посторонь Пресвятая Богородица, да Іоаннъ Предтеча. На той же дскѣ съ другой стороны написанъ Спасовъ Образъ Нерукотворенный; вѣнецъ и оплечье и поля басемные, серебряные, позолочены; въ вѣнцѣ шесть репейковъ серебряныхъ, золочены.

Въ кіотѣ жъ образъ Софіи Премудрости Слово Божіе; оплечки и поля серебряныя, басемныя, вѣнцы серебряные жъ, чеканные, позолочены. На той же дскѣ образъ Распятіе Господа нашего Іисуса Христа; оплечки и поля серебряныя, басемныя, позолочены; пять вѣнцовъ чеканныхъ, да три рѣзные, серебряные жъ, позолочены.

Образъ Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины, рѣзной на камени, въ мѣдномъ кіотѣ; у кіота два притвора, писаны на обѣихъ сторонахъ Праздники Господскіе и Богородичны и иныя Божественыя Чудотворенія.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, пятница; вѣнецъ и поля серебряные, чеканные, золочены, оплечки рѣзные съ чернью; въ вѣнцѣ двѣ винисы червчаты, да бирюза. Цата серебряная сканная, въ ней въ гнѣздахъ, два яхонтика лазоревыхъ, три вставки жемчужныхъ. А по нынѣшнему осмотру, у того образа цата узенькая, золотая, сканная; на ней въ срединѣ въ гнѣздѣ виниска, да двѣ жемчужины кафимскія на синяхъ золотыхъ. У цаты же три запоны круглыя, золотыя, чеканныя; на нихъ въ гнѣздахъ золотыхъ по три виниски, да по двѣ бирюзки; да по четыре жемчужинки на синяхъ золотыхъ; подъ цатою и подъ запонками камка лазорева.

Въ олтарѣ же, что былъ предѣлъ Василія Великаго, образы. Мѣстной и штилистовые. Мѣстной образъ Страсти Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа; писанъ на золотѣ; окладъ серебряной, позолоченъ басемной. У того образа пелена, средина атласъ золотной по червчатой землѣ; на ней крестъ, кружево серебряное, опушка атласъ серебряной, по ней травы золотныя съ розными шолки; подложена тафтою червчатою. А по прежнимъ переписнымъ книгамъ 142 году, стоялъ тотъ образъ въ церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, по лѣвую сторону у столпа, и нынѣ на томъ мѣстѣ образъ новой Распятіе Господне.

Образъ Всемилостиваго Спаса, Деисусъ, штилистовой; по сторонамъ образы же, Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Архангеловъ и Апостоловъ Петра и Павла, Іоанна Богослова, да Марка Евангелиста. У Спасова Образа въ подножіи преподобные отцы Зосима и Саватій Соловецкіе. Окладъ серебрянъ, золоченъ, вѣнцы рѣзные, поля басемные.

Образъ Спасовъ межъ смоковницъ, въ подножіи Зосимъ и Саватій; окладъ серебряной басемной, вѣнцы и цаты рѣзные золочены.

Два образа, Воскресенія, да Вознесенія Господня; окладъ серебряной, басемной, вѣнцы рѣзные золочены.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія. Окладъ серебряной, басемной, гладкій; вѣнецъ и цата чеканные, золочены; въ вѣнцѣ у Богородицы два баусика, да двѣ винисци, въ другомъ, два смазня, на цатѣ двѣ винисци да корочка жемчужная.

Образъ Пресвятыя Богородицы Ѳедоровскія. Окладъ серебряной басемной, вѣнецъ рѣзной золоченъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія: окладъ серебряной, басемной, вѣнцы сканные съ финифтомъ, золочены.

Образъ Пресвятыяжъ Богородицы Владимірскія жъ: окладъ серебряной, басемной, вѣнцы рѣзные, золочены.

Образъ Николая Чудотворца, Можайской, осмилистовой; окладъ серебряной, басемной, золоченъ, вѣнецъ золотой чеканной, а въ немъ двѣ винисци, да смазенъ въ гнѣздахъ золотыхъ; около вѣнца обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно; цата серебряная, чеканная, золочена; на ней три смазни невелики; поверхъ главы два мѣста рѣзныя, серебряныя съ чернью. Въ прежнихъ описныхъ книгахъ 142 году написанъ тотъ образъ въ церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія на налоѣ, по лѣвую сторону.

Образъ Сергія Чудотворца; окладъ серебряной басемной, гладкій, вѣнецъ рѣзной, золочены.

Образъ Благовѣрнаго Князя Ѳеодора и чадъ его Давыда и Константина, Ярославскихъ Чудотворцевъ.

На Жертвенникѣ одежда, съ трехъ сторонъ бархатъ золотной, венщейскій, съ четвертой стороны атласъ персидской, травчатъ по червчатой землѣ. Напреди крестъ, кружево золотное, кованое, широкое.

Сосуды церковные золотые. Потиръ, вѣсу въ немъ три фунта, безъ дву золотниковъ. Звѣзда съ финифты розными, на ней двѣнадцать репейковъ, вѣсомъ семьдесятъ два золотника. Дискосъ, вѣсомъ фунтъ тридцать одинъ золотникъ.

Сосуды же церковные серебряные. Потиръ аспидный, красный, около его и поддонъ серебряной золоченъ. Около чаши кайма сканная, по ней, въ гнѣздахъ, смазни и винисы и суровики, по счету тридцать три, да двѣ жемчужины въ закрѣпкахъ кафимскія, да въ дву мѣстехъ каменья нѣтъ; вѣсу со всѣмъ два фунта безъ осемнадцати золотниковъ.

Потиръ, на немъ образъ Спасовъ и Крестъ и подпись золочены, а вверху и внизу золочено же мѣтами; вѣсу въ немъ фунтъ семнадцать золотниковъ.

Звѣзда серебряная съ чернью, по ней травы рѣзныя, золочены, въ срединѣ крестъ рѣзной на плащѣ серебряномъ; вѣсомъ пятдесятъ два золотника. Блюдо серебряное, золочено, въ срединѣ образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія; на немъ подпись старая: Князь Великій; вѣсомъ полпяты гривны и семь золотниковъ. А нынѣ, по вѣсу, два фунта безъ трехъ золотниковъ. Блюдо серебряное, позолочено, въ срединѣ образъ Іоанна Предтечи, рѣзной; вѣсомъ фунтъ безъ пяти золотниковъ. Два блюдца напрестольныя серебряныя, въ срединѣ кресты, съ подписью, по краямъ въ четырехъ мѣстехъ подпись золочена; на другомъ образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія; подпись по краямъ вся золочена; вѣсу въ нихъ шестьдесятъ одинъ золотникъ съ полузолотникомъ.

Дароносица, въ ней четыре ковчега, въ нихъ потиръ, да лжица серебряныя, рѣзныя, золочены, по подписи, вѣсу со всѣмъ фунтъ девятнадцать золотниковъ. Пелена атласъ червчатъ, не подложена, на ней въ срединѣ крестъ атласъ бѣлой. Чемоданъ дароносной, бархатъ золотной, персидкой, по червчатой землѣ, подложенъ атласомъ червчатымъ гладкимъ; обшитъ снуркомъ золотнымъ, пуговка серебряная бѣлая, вмѣсто снура сшитъ атласъ червчатъ гладкой вдвое. Тоя жъ дароносицы сорочка бархатъ червчатъ, гладкой, снурокъ золотной съ шелкомъ червчатымъ.

Дароносица, по подписи, Государевы казны, серебряная, рѣзная, золочена вся, вѣсу въ ней со всѣмъ фунтъ двадцать семь золотниковъ. У ней пелена средина камка червчата, на пеленѣ крестъ, атласъ серебряной, съ золотомъ, опушка атласъ зеленой гладкій; подложена дорогами зелеными. Чемоданъ тоя дароносицы бархатъ алой гладкой, подложенъ атласомъ червчатымъ, тесьма такая жъ. Тоя жъ дароносицы сорочка бархатъ золотный персидскій по червчатой землѣ; подложена камкою алою кизылбашскою; по ней травки золотныя съ розными шелки, двѣ пуговки серебряныя, гладкія, золочены, вмѣсто снура тесьма узкая золотная.

Панагія круглая, серебряная, сверху чеканная, прорѣзная; съ другой стороны средина гладкая, около рѣзная, вся золочена. Носятъ ее въ походѣ къ Великому Государю въ столы. Вѣсу въ ней шестьдесятъ одинъ золотникъ.

Панагія, средина раковинная, рѣзная, на ней напреди Роспятіе Господне, по другую сторону, Святители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый; окладъ серебряной, сканной, прорѣзной, позолоченъ. Пелена средина бархатъ золотной венеційскій по червчатой землѣ; на ней крестъ, кружево серебряное, кованое, опушка атласъ травы золотныя, да шелкъ зеленъ по серебряной землѣ. Подложена дорогами зелеными. Тое панагію носятъ въ память Государскихъ родителей въ панахидную палату ко властемъ.

Ковчегъ съ двѣмя затворы, древяной, съ трехъ сторонъ окладъ серебряной, басемной, золоченъ. На верху крестъ древяной, на немъ Распятіе Господне, серебряное, чеканное. Въ ковчегѣ пять ящиковъ древяные, съ кольцы желѣзными; ставятъ въ нихъ агнцы въ великій постъ. На затворехъ написаны Архангели: Михаилъ и Гавріилъ; у затворовъ петли и закладка серебряныя жъ гладкія.

Чаша водоосвященная серебряная, на поддонѣ подпись золочена, на поддонѣ золоченожъ мѣстами; вѣсу въ ней тринадцать фунтовъ съ полуфунтомъ; по подписи, сдѣлана въ 137 году.

Кружка серебряная, съ кровлей, вѣсомъ два фунта шестьдесятъ пять золотниковъ.

Ковшъ серебряной гладкій, вѣсомъ фунтъ девятнадцать золотниковъ.

Чарка серебряная, золочена, вѣсомъ, по прежней подписи, сорокъ два золотника, а нынѣ по вѣсу сорокъ одинъ золотникъ. Въ другой чаркѣ вѣсу, по прежней подписи, сорокъ четыре золотника, а нынѣ по вѣсу сорокъ два золотника; по подписи, сдѣланы тѣ чарки въ 143 году.

Блюдце бѣлое оловянное, въ срединѣ Іоаннъ Предтеча, рѣзной.

Кадило серебряное, круглое, ложчатое, верхъ прорѣзной, подпись золочена, вѣсомъ два фунта пятьдесятъ семь золотниковъ.

Кадило серебряное золоченое четвероугольное; по немъ Деисусъ рѣзной; вѣсомъ два фунта пятьдесятъ четыре золотника.

Кадило серебряное круглое новое, по немъ травы и поддонъ золоченой мѣстами, цѣпочки серебряныя, дѣлано во 188 году; вѣсомъ фунтъ съ четью.

Лампада серебряная, чеканная, золочена, по ней Херувимы и травы сканью; вѣсомъ фунтъ пятьдесятъ четыре золотника.

Два подсвѣчника мѣдные, по нихъ яблока хрустальныя, на верху блюдца и трубки свѣчныя, серебряныя, золочены, травки рѣзныя; на одномъ половина яблока отломлена.

Два подсвѣчника выносные, невелики, древянные, обложены серебромъ басемнымъ; на нихъ два блюдца, да двѣ трубки свѣчныя, серебряныя, золочены; вѣсу въ блюдцахъ съ трубками шестьдесятъ восемь золотниковъ.

Въ Соборной же церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, въ олтарѣ, въ поставѣ дре-

вяномъ, кресты и раки золотые и серебряные, въ которыхъ изъ тое соборныя церкви въ соборную же въ большую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, носятъ мощи Святыхъ въ великій постъ во святый и великій пятокъ ко освященію святыя воды и омыванію тѣхъ мощей; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ 142 году тѣхъ крестовъ и ракъ не написано.

Крестъ золотъ, сканной, съ финифты, а въ немъ Животворящее древо. У того креста, на спинхъ золотыхъ, во главѣ яхонтъ червчатъ, да два алмаза четвероугольные, небольшіе, да двѣ искорки, яхонтовая, да изумрудная; въ срединѣ два яхонта червчатыхъ, да четыре изумруда, внизу яхонтъ червчатъ, всѣ небольшіе, да двѣ искорки, яхонтовая, да изумрудная; по кресту обнизано зернами кафимскими, по счету сто двадцать семь зеренъ; около того креста въ окладѣ семь зеренъ гурмышскихъ большихъ на спинхъ золотыхъ. Позадикреста дска кипарисная; на ней въ верху два Ангела, въ срединѣ образы же разныхъ Святыхъ; окладъ серебряной чеканной, кайма рѣзная; внизу образы: благовѣрнаго царя Константина и матери его Елены; въ вѣнцахъ въ гнѣздахъ четыре яхонтика четвероугольныхъ, да два лалика, около обнизано жемчугомъ кафимскимъ, крупнымъ и мелкимъ. По полямъ семь плащей небольшихъ; на нихъ Праздники Господскіе рѣзные; межъ тѣхъ плащей въ гнѣздахъ четыре яхонта лазоревые, да четыре винисы. Внизу у креста панагія, окладъ и цѣпочка золотые; на нижней дскѣ подпись: въ сей скрыжали святое каменье, въ верхней, малѣйшій камень, глаголется марма и иные каменья гроба Господня. Тую панагію носилъ святѣйшій патріархъ Ѳеофанъ Іерусалимскій.

Кіотъ съ мощьми кипарисный, оклеенъ бархатомъ зеленымъ, а въ срединѣ атласомъ зеленымъ; на кіотѣ по угламъ обложено серебромъ сканнымъ съ финифтомъ; въ верху на плащѣ серебряномъ образы Пресвятыя Богородицы и Архангеловъ и Предтечи и Апостоловъ, рѣзные; по сторонамъ на дву плащахъ дву ангеловъ Уріила и Рафаила, да преподобныя Параскевіи да мученицы Гликеріи; внизу у кіота обложено серебромъ гладкимъ, у кіота кровля кипарисная, оклеена бархатомъ зеленымъ. На кровлѣ дска серебряная, золочена; на ней Распятіе, Воскресеніе Христово рѣзные. На той же дскѣ подпись рѣзная на плащѣ серебряномъ: въ семъ кіотѣ крестъ святаго и животворящаго Древа, да мощи мученицы Гликеріи, да преподобные Параскевіи, да Матоѣя новомученнаго.

Крестъ съ мощьми въ кіотѣ серебряномъ гладкомъ золоченомъ, а по подписямъ, подъ стеклами, въ срединѣ, часть Животворящаго Креста Господня, постороны креста, четыре плаща серебряные, сканные, прорѣзные; на плащахъ, въ гнѣздахъ, восмь лаловъ небольшихъ, да четыре раковины, да восмь бирюзокъ; около креста четыре плащика серебряные, рѣзные съ чернью. Около средины, въ разныхъ мѣстехъ: Кровь Христова, истекшая изъ пречистыхъ ребръ его, отъ копійнаго прободенія, положены въ дву мѣстехъ, власы исторганыя брады Христа Бога нашего и вода, истекшая изъ ребра на распятіи, Риза Христова нешвенная, юже содѣла Пресвятая Богородица, Хитонъ Господа нашего Іисуса Христа, еже паречется срачица, Лжая Порфира, еюже облекоша Христа, иже небо облачитъ облаки, Вѣнецъ терновъ, иже возложиша на верхъ царя Христа, Трость, еюже биша по главѣ Христа Бога нашего, на ней же и губу вознесоша, Губа, юже омочиша во отцѣ и напоиша Христа на крестѣ и роспяша, Ароматы, иже помазаша Христа и обвиша плащапицею, Другіе ароматы, еже пренесоша Марѳа и Марія и помазаша Христа. Камень гробный, въ немъже положиша Христа, царя небеснаго, Камень столпа, къ нему же привязаша Христа и мучиша, Камень дски, на немъ же снемше со креста тѣло Христово и положиша во гробѣ, Камень ясли Христовы, въ немъ же обрѣтше волсви яко царю поклонишася, Ризы Пресвятыя Богородицы, иже ношаше отъ честнаго гроба Господня. У того же креста на углахъ три каменя смазни, а четвертаго нѣтъ. Около кіота четыре плаща серебряные съ чернью; на нихъ писаны Праздники Господскіе золотомъ. Около плащей обложено серебромъ сканнымъ, а по окладу каменья рѣзные въ гнѣздахъ.

Крестъ древянъ въ кіотѣ серебряномъ; на немъ Распятіе Господне, на немъ же восмь плащей золотыхъ литыхъ. Въ подножіи на ставкѣ оправлено золотомъ гладкимъ. Около креста пятнадцать зеренъ гурмышскихъ на спинхъ золотыхъ; межъ тѣхъ зеренъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Около креста въ кіотѣ мощи святыхъ въ сорокѣ въ пяти мѣстехъ, подписей не знать. По полямъ съ трехъ сторонъ тринадцать каменей смазней въ гнѣздахъ; межъ тѣхъ каменей въ четырнадцати гнѣздахъ зерна жемчужныя, девять мѣстъ порожнихъ. Кіотъ серебрянъ, гладкій, съ кровлею; на кровлѣ Распятіе Господне, во главѣ образъ Пресвятыя Троицы; по полямъ образы же святыхъ рѣзные, золоченые; вѣсу въ кіотѣ и съ кровлею пять фунтовъ безъ трехъ золотниковъ.

Кресты же золотые съ мощьми святыхъ, а которыхъ святыхъ въ нихъ мощи, того не подписано.

Крестъ, а на немъ наведено чернью Распятіе Господне; по сторонамъ образы Пресвятыя Богородицы, да Іоанна Златоустаго; въ верху Херувимъ. По верхъ креста въ поддѣпкѣ, въ гнѣздѣ, камень яхонтъ лазоревъ троеугольный; позади наведено чернью же; въ срединѣ преподобный Симеонъ Столп-

никъ, по сторонамъ Архангели. Вѣсу въ немъ со всѣмъ девяносто четыре золотника.

Крестъ, а на немъ образы: Спасовъ да Пресвятыя Богородицы и Предтечи и мученицъ, рѣзные, въ подцѣпкѣ виниска, вѣсу въ немъ пятьдесятъ семь золотниковъ.

Крестъ рѣзной, вѣсомъ пятьдесять пять золотниковъ.

Крестъ съ мощьми, въ золотѣ; по осмотру вверху и снизу золото обломалось, связанъ проволокою серебряною; на немъ наведено чернью Распятіе Господне, позади образы Святыхъ рѣзные, да на подписи вырѣзано: мощи святаго мученика Елевферія, да новоявленныхъ мучениковъ. Вѣсу въ немъ тридцать шесть золотниковъ.

Крестъ, а на немъ Распятіе Господне наведено было мусіею, а по осмотру, та мусія высыпалась; позади образъ Пресвятыя Богородицы, во главѣ Архангелъ Гавріилъ, по сторонамъ образы Апостола Андрѣя Первозваннаго, да Іоанна Златоустаго наведены мусіею. Вѣсу тридцать золотниковъ.

Крестъ, а на немъ въ гнѣздахъ пять лаликовъ, да шестнадцать жемчужинъ кафимскихъ; въ подцѣпкѣ въ закрѣпкахъ двѣ жемчужины кафимскія. Позади одиннадцать бирюзокъ, а пяти бирюзокъ нѣтъ; обвитъ проволокою серебряною. Вѣсу въ немъ осмнадцать золотниковъ.

Крестъ, а на немъ Распятіе Господне чеканное, въ возглавіи образъ Спасовъ Нерукотворенный; позади святаго мученика Ѳеодора. Вѣсу въ немъ двѣнадцать золотниковъ.

Крестъ, по осмотру, изломанъ, въ закрѣпкахъ двѣ жемчужины кафимскія, середнія; позади навожено чернью. Вѣсу четыре золотника.

Кресты же съ мощьми въ серебряныхъ окладахъ.

Крестъ, а на немъ Распятіе Господне и Святыхъ, рѣзные, золочены, а въ немъ по подписи: древо животворящаго Креста Господня и иныхъ Святыхъ. Позади дска незолочена. Вѣсу въ немъ фунтъ одиннадцать золотниковъ.

Три креста, а на нихъ Распятія Господни, на одномъ, чеканное, на скани, золоченое, а у дву, рѣзныя. Вѣсу въ нихъ фунтъ семьдесять четыре золотника.

Крестъ съ мощьми мѣдный въ серебрѣ, а на немъ Распятіе Господне и Праздники Господскіе, навожены чернью. Назади образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія и Святыхъ. Вѣсомъ фунтъ сорокъ одинъ золотникъ.

Крестъ, а на немъ Распятіе Господне во главѣ Пресвятая Троица, рѣзныя; въ возглавіи образъ Спасовъ Нерукотворенный; въ подножіи святаго Архидіакона Стефана, да мученика Мины; мощи въ немъ Апостола Прохора, да мученика Прокопія. Вѣсомъ тридцать девять золотниковъ.

Три креста, а на нихъ, на дву, Распятія Господни чеканныя; на третьемъ, рѣзное, и образы Святыхъ рѣзные жъ; вѣсу въ нихъ фунтъ шестьдесятъ шесть золотниковъ, непозолочены.

Три креста, одинъ золоченъ, у одного Распятіе Господне рѣзное съ чернью; на другой сторонѣ Знаменія Пресвятыя Богородицы, рѣзное жъ; у одного съ чернью, а другой безъ черни. Вѣсу въ нихъ фунтъ.

Крестъ, а на немъ Распятіе Господне чеканное; въ немъ, по подписи, часть животворящаго древа и мощи святыхъ. Вѣсу въ немъ двадцать семь золотниковъ.

Четыре креста и въ томъ числѣ два золоченыхъ, а на нихъ Распятія Господни чеканныя. У одного въ закрѣпкѣ камень лалъ, а у дву крестовъ Распятія Господни рѣзныя съ чернью; назади, у одного, образъ Николая Чудотворца, а у другаго, образы Святыхъ. Вѣсу въ нихъ фунтъ десять золотниковъ.

Два креста, на одномъ Распятіе Господне на скани, на другомъ рѣзное золочено; въ возглавіи образъ Спасовъ Нерукотворенный. Вѣсу въ нихъ тридцать семь золотниковъ.

Крестъ, а на немъ Распятіе Господне рѣзное съ чернью позолочено; въ возглавіи образъ Спасовъ чеканной золоченъ, да три жемчужины, а четвертой нѣтъ. Вѣсу семнадцать золотниковъ,

Два креста, на одномъ, Распятіе Господне и образы Святыхъ, чеканные, золочены и въ возглавіи образъ Спасовъ Нерукотворенный; на другомъ, Распятіе Господне рѣзное. Вѣсу въ нихъ тридцать золотниковъ.

Рака серебряная золочена. По ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго Великомученика Ѳеодора Стратилата; въ вѣнцѣ и въ срединѣ въ гнѣздахъ яхонты лазоревые и лалики. По подписи, сдѣлана въ 106 году. Вѣсомъ 11 фунтовъ.

Рака серебряная золочена. По ней травы рѣзныя, на верхней дскѣ образы святыхъ, чеканные: Василія Великаго, Стефана. Новаго у него на рукѣ образъ Пресвятыя Богородицы, Кира безсребренника, преподобныхъ, избіенныхъ отъ Срацынъ. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи во 107 году. Вѣсомъ девять фунтовъ семьдесять золотниковъ.

Рака серебряная золочена. По ней травы рѣзныя; въ ней три цѣпочки серебряныя золочены; на верхней дскѣ образы Апостола Варнавы, да мучениковъ Іакова Перскаго, да Христофора. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи во 108 году. Вѣсомъ девять фунтовъ безъ трехъ золотниковъ.

Рака серебряная золочена. По ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная; на ней образъ святаго мученика Прокопія. По подписи, сдѣлана на его мощи во

108 году. Вѣсу семь фунтовъ сорокъ восмь золотниковъ.

Рака серебряная золочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образы: святаго Апостола Варнавы, да святыхъ мучениковъ Анѳима, Меркурія. По подписи, сдѣлана на ихъ святыя мощи во 109 году. Вѣсомъ шесть фунтовъ весемьдесять четыре золотника.

Рака серебряная золочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образы: святаго Пророка Даніила, да святаго священномученика Анѳиногена, да мученика Іакова Переского. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи въ томъ же году. Вѣсомъ шесть фунтовъ семьдесять три золотника.

Рака серебреная позолочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на дскѣ образъ святаго мученика Пантелеймона. По подписи, сдѣлана на его мощи во 109 году. Вѣсу шесть фунтовъ семьдесять два золотника.

Рака такова жъ серебряная, позолочена. По ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образъ Преподобнаго Іоанна Дамаскина, да святаго мученика Георгія. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи во 110 году. Вѣсомъ четыре фунта шесть золотниковъ. Застежки нѣтъ.

Рака серебряная, позолочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго мученика Пантелеймона. По подписи, сдѣлана на его мощи во 111 году. Вѣсомъ четыре фунта семьдесятъ золотниковъ.

Рака таковажъ серебряная позолочена. По ней травы рѣзные, верхняя дска чеканная, на ней образъ святыя Анны, матере Пресвятыя Богородицы, да мученицы Варвары. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи во 112 году. Вѣсомъ четыре фунта девять золотниковъ.

Рака серебряная позолочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образы: священномученика Акепсима Епископа, да священномученика Кипріяна Епископа. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи во 113 году. Вѣсомъ четыре фунта восмьдесять четыре золотника. Въ той же ракѣ два ковчежца серебряные, позолочены, гладкіе съ кровлями, въ одномъ дска гладкая, золочена. Вѣсомъ въ одномъ двадцать семь золотниковъ, въ другомъ тридцать золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена. На верхней дскѣ образы: Іоанна Предтечи, Іоанна Златоустаго, Преподобнаго Пимена. По подписи, сдѣлана на ихъ мощи во 133 году. Вѣсомъ десять фунтовъ тридцать шесть золотниковъ.

Рака серебряная позолочена. На верхней дскѣ подпись рѣзная: во 133 году, Апрѣля въ 15 день, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца и Святѣйшаго Филарета Никитича, Патріарха Московскаго и всеа Россіи, сдѣлана рака на святую и на честную руку святаго Архимандрита Кумпеноса, святыя обители Пресвятыя Богородицы, близь Иконіи во Италійской странѣ. Вѣсомъ девять фунтовъ. Застежки нѣтъ.

Рака серебряная позолочена. Верхняя дска чеканная, на ней образъ Преподобнаго Михаила Малеина. По подписи, сдѣлана на его мощи во 136 году. Принесены мощи великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Россіи Самодержцу во 135 году отъ Кирила Патріарха Костянтинополя. Вѣсомъ три фунта шесть золотниковъ.

Рака серебряная позолочена, гладкая, на подножкахъ; по краямъ каймы травчатые, рѣзные; на верхней дскѣ подпись: сдѣлана на мощи святаго Іакова Персянина, принесены во 137 году. Нижняя дска непозолочена. Вѣсомъ три фунта восмьдесять девять золотниковъ.

Рака серебряная позолочена. По ней травы рѣзныя, на верхней дскѣ образъ святаго мученика Меркурія. По подписи, сдѣлана во 139 году. Вѣсомъ семь фунтовъ сорокъ три золотника.

Рака серебряная позолочена. По ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго мученика Меркурія. По подписи, сдѣлана на его мощи во 141 году. Вѣсомъ девять фунтовъ.

Рака серебряная позолочена. По ней травы рѣзныя, на верхней дскѣ образъ святаго священномученика Анастасія Персскаго. По подписи, сдѣлана во 141 году. Вѣсомъ девять фунтовъ безъ чети.

Раки же, въ которыхъ годѣхъ дѣланы, того на нихъ не написано

Рака серебряная позолочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго апостола Андрея Первозваннаго. Вѣсомъ девять фунтовъ семьдесять восмь золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образъ преподобныя Ѳеодосіи дѣвицы. Вѣсомъ девять фунтовъ.

Рака серебряная, позолочена. По ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго первомученика Стефана. На верхней дскѣ внизу и нижняя дска не золочены. Вѣсомъ фунтовъ двѣнадцать золотниковъ.

Рака серебряная позолочена. По ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго мученика Іакова отъ 40 мучениковъ. Вѣсомъ фунтъ двѣнадцать золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образы святыхъ: Іоанна Милостиваго и священномученика Елевферія

и преподобныя Ѳеодосіи дѣвицы. Вѣсомъ шесть фунтовъ семьдесять два золотника.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя; на верхней дскѣ образы святыхъ, апостола Тита, да Спиридона Чудотворца, Козмы, иже отъ Аравіи, мученика Мамонта. Вѣсомъ шесть фунтовъ шестьдесятъ два золотника.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная; на ней образы святыхъ Игнатія Богоносца, мученика Меркурія, преподобнаго Ѳеодора Сикеота. Вѣсомъ пять фунтовъ сорокъ восмь золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная; на ней образъ Апостола и Евангелиста Марка, да преподобнаго Григорія Декаполита. Вѣсомъ пять фунтовъ тридцать шесть золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена; на ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образъ Благовѣрнаго Царя Констянтина, да святаго мученика Лукіяна. Вѣсомъ пять фунтовъ тридцать золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена; верхняя дска чеканная, на ней образъ святыя мученицы Анастасіи Римлянины. Вѣсомъ пять фунтовъ двадцать четыре золотника. Застежки нѣтъ.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная, на ней образъ святаго мученика Евстафія Плакиды. Вѣсу четыре фунта девяносто золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя; верхняя дска чеканная; на ней образы Преподобнаго Ефрема Сирина, да мученика Іакова Перскаго. Вѣсомъ четыре фунта семьдесять два золотника.

Рака такова же; на ней образъ святаго Благовѣрнаго Князя Георгія. Вѣсомъ фунтъ двадцать одинъ золотникъ.

Рака серебряная, позолочена, продолговата, рѣзная. По подписи, сдѣлана на мощи Благовѣрнаго Царя Констянтина. Вѣсомъ семьдесять два золотника.

Рака серебряная, гладкая; на верхней дскѣ образъ Всемилостиваго Спаса, да великаго князя Романа Углицкаго Чудотворца, рѣзные. Вѣсомъ тридцать восмь золотниковъ.

Рака серебряная, позолочена; по ней травы рѣзныя, верхняя дска чеканная; на ней образъ святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Вѣсомъ шестьдесятъ восмь золотниковъ.

Рака серебряная, золочена, басемная, съ мощьми, на верхней дскѣ образъ святаго Стефана и Пантелеймона мучениковъ. Вѣсомъ тридцать три золотника.

Всего тридцать пять ракъ. Вѣсу въ нихъ двѣсти восмь фунтовъ, итого пять пудъ восмь фунтовъ двадцать четыре золотника,

Кіотъ съ мощьми, деревянной, сдѣланъ на двое окладъ басемной, позолоченъ, межъ мощей семь плащиковъ рѣзныхъ серебреныхъ. Подпись на дскахъ серебреныхъ позолоченыхъ, навожена чернью; а въ немъ мощи святыхъ Апостолъ: Луки, Варнавы, кровь Димитрія мученика, святыхъ отецъ, избіенныхъ отъ Сарцынъ, часть отъ главы святаго мученика Пантелеймона, святаго Григорія Богослова, святыхъ Апостолъ Андрея Первозваннаго и Тимоѳея и Ѳомы; а у дву мощей подписей нѣтъ; кіотъ оклеенъ бархатомъ таусиннымъ.

Кіотъ съ мощьми, древяной, обложенъ серебромъ басемнымъ золоченымъ; межъ мощей окладъ да два плащика серебряные, рѣзные, позолочены, на трехъ дскахъ серебряныхъ гладкихъ; а по подписи, въ немъ мощи святыхъ мучениковъ. Пантелеймона, Георгія, Кира безсребреника, Стефана новаго, Андроника, Ѳеодора Тирона, Анкидина, Іоанна Златоустаго, Матвѣя горы Синайскія, Кипріяна и Устины. Кіотъ оклеенъ бархатомъ таусиннымъ.

Кіотъ съ мощьми, древяной, поля обложены серебромъ басемнымъ, позолоченъ; межъ мощей одиннадцать плащиковъ рѣзныхъ, золоченыхъ, да одиннадцать же плащей съ подписьми, а по подписи, въ нихъ мощи святыхъ, священномученика Прокопія, святаго Неоѳита, Савостіана, Климента, мученицы Маріи, Ѳеодора Стратилата, Макарія великаго, Никифора, патріарха Царяграда, Стефана первомученика, Маркіана, Пантелеймона, Анастасія великаго, Козмы безсребреника, Андрѣя великаго, Антипы, Елисаветы, матери Іоанна предтечи, Іоанна дамаскина, Стефана новаго Іоанна лѣствичника, Агапіи, Агаѳоника, миро великомученика Димитрія, Евстрапія, Оксентія, Евгенія, Мардарія. Кіотъ оклеенъ бархатомъ таусиннымъ.

Панагіи съ мощьми обложены золотомъ.

Панагія складная, по ней на древѣ образъ Спасовъ, да Двунадесять Праздниковъ Господскихъ, образъ Пресвятые Богородицы со пророки, рѣзные; по полямъ, въ гнѣздахъ, пять яхонтовъ лазоревыхъ, два лалика, двѣ виниски, да во главѣ изумрудъ небольшой, въ возглавіи, въ гнѣздѣ, яхонтъ лазоревъ, въ закрѣпкахъ два зерна кафимскихъ; позади дска серебреная, золочена, на ней образы Святыхъ рѣзные. По подписи, въ той же панагіи мощи Іоанна Предтечи, да великомученицы Екатерины. Вѣсомъ панагія, золота и съ каменьемъ и съ жемчугомъ, пятьдесятъ золотниковъ, во дскѣ золотой — восмь золотниковъ съ полузолотникомъ.

Панагія прорѣзная, на подзорѣ, а въ ней, въ срединѣ, Распятіе Господне, наведено финифтомъ, а по

осмотру, во главѣ финифтъ высыпался; по полямъ скань, да въ гнѣздахъ, во главѣ, яхонтъ лазоревъ, по полямъ, два лалика, четыре изумрудца, семь зеренъ жемчужныхъ кафимскихъ, внизу яхонтикъ, вверху въ подцѣпкѣ тунпасъ, да въ закрѣпкѣ двѣ жемчужники; позади въ срединѣ въ гнѣздахъ виниска круглая, по полямъ два яхонтика, четыре изумрудца, два лалика, на спняхъ восмь жемчужинъ кафимскихъ, а шти жемчужинъ и со спнями нѣтъ. Вѣсомъ та панагія пятьдесять золотниковъ.

Панагія съ мощьми, на ней образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, наведенъ мусіею, около панагіи по краемъ обнизано жемчугомъ въ одно зерно. Вѣсомъ та панагія сорокъ девять золотниковъ.

Панагія камень яшмовой, на немъ образъ Спасовъ рѣзной; во главѣ, въ гнѣздѣ, изумрудъ, внизу яхонтъ лазоревъ, четвероугольной, по полямъ, въ гнѣздахъ, четыре винисы, да тунпасъ, да въ гнѣздѣ каменья нѣтъ. Вѣсомъ та панагія сорокъ четыре золотника.

Панагія сканная, по скани были камешки въ гнѣздахъ и ихъ нѣтъ, въ подцѣпкѣ бирюзка. Вѣсомъ та панагія тринадцать одинъ золотникъ.

Панагія четвероугольная, въ ней на камени зеленомъ четыре Праздника Господскихъ, рѣзные. Вѣсомъ двадцать семь золотниковъ.

Панагія съ мощьми; на ней во главѣ образъ Спасовъ, да Пресвятыя Богородицы со Апостолы, рѣзные на золотѣ, подъ золотомъ дска свинцовая, позади на серебряной дскѣ образъ Архангела Михаила. да преподобнаго Селивестра, рѣзные. Вѣсомъ совсѣмъ двадцать семь золотниковъ.

Панагія, въ срединѣ камень бѣлъ, на немъ Архангелъ рѣзной, по сторонамъ въ гнѣздахъ двѣ виниски, да двѣ бирюзки, да два достоканца въ подцѣпкѣ виниска, позади на серебрѣ образъ святаго Ѳеодора, рѣзной. Вѣсомъ двадцать пять золотниковъ.

Панагія въ срединѣ камень самфиръ; на немъ образъ Спасовъ рѣзной; по полямъ, у святыхъ, въ гнѣздахъ, два яхонтика лазоревыхъ, два изумрудца, двѣ виниски, въ подцѣпкѣ виниска, въ закрѣпкахъ двѣ жемчужины. Вѣсомъ осмнадцать золотниковъ.

Панагія, въ ней камень лазоревъ, на немъ образъ Спасовъ рѣзной, вверху на спняхъ четыре жемчужины кафимскихъ, на другой сторонѣ на камени крестъ рѣзной. Вѣсомъ золота, опричь камени, шестнадцать золотниковъ.

Панагія, а на ней образъ святаго великомученика Георгія, наведенъ былъ мусіею, а по смотру обломанъ. Вѣсомъ пять золотниковъ.

Всего въ золотыхъ окладахъ одиннадцать панагій; вѣсу въ нихъ три фунта шестьдесятъ два золотника съ полузолотникомъ.

Панагіи жъ съ мощьми, серебреныя, золочены и бѣлыя.

Панагія, на ней, на передней дскѣ, Распятіе Господне, на задней, Вознесеніе, чеканные; поля сканные. Вѣсомъ панагія фунтъ пятдесятъ тра золотника.

Панагія четвероугольная, на ней Распятіе Господне, рѣзное на древѣ, назади Пресвятыя Троицы да Пресвятыя Богородицы Знаменія, напереди два лалика, да смазень, да три жемчужины, на спняхъ, да каменижъ и жемчужины нѣтъ, въ подцѣпкѣ яхонтъ лазоревъ, цѣпочка серебреная, позолочена, позади дскажъ серебреная, по ней травы сканные съ финятомъ. Вѣсомъ панагія фунтъ четыре золотника.

Панагія съ мощьми, на передней дскѣ Воскресеніе Христово наведено мусіею, назади подпись мощамъ греческая, рѣзная. Вѣсомъ семьдесятъ три золотника.

Панагія, на ней образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, позади Іоанна Предтечи, рѣзные. Вѣсомъ Панагія семьдесять три золотника.

Панагія раковинная, съ мощьми, на ней Снятіе со креста Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, на верхней дскѣ; вѣнцы у образа Спасова и у Пресвятыя Богородицы и поля серебреные сканные, золочены; по полямъ въ гнѣздахъ семнадцать жемчужинъ кафимскихъ, одной жемчужины нѣтъ. Въ ней, по подписи: часть Животворящаго древа и камень гроба Господня и камень гроба Пресвятыя Богородицы и иныхъ святыхъ. Вѣсомъ та панагія шестьдесятъ шесть золотниковъ.

Панагія шестероугольная, а въ ней, въ срединѣ, образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія на древѣ рѣзномъ, обнизанъ жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, окладъ серебряной сканной, позолоченъ; по окладу, въ гнѣздахъ, шесть лаликовъ, да пять зеренъ жемчужныхъ кафимскихъ на спняхъ, а по осмотру зерна нѣтъ; около панагіи и по угламъ десять винисокъ на спняхъ, а одной нѣтъ; на спняхъ и въ гнѣздахъ двадцать двѣ жемчужины, въ подцѣпкѣ виниска, да въ закрѣпкѣ днѣ жемчужины кафимскіе. Вѣсомъ панагія пятьдесятъ восемь золотниковъ.

Панагія, на ней, въ срединѣ, на древѣ образъ Пресвятыя Богородицы Покрова, рѣзной; окладъ серебряной, чеканной, позолоченъ; по окладу три лалика, да тунпасъ, да четыре зерна гурмышскихъ въ гнѣздахъ, въ подцѣпкѣ виниска. Вѣсомъ панагія пятьдесятъ восемь золотниковъ.

Панагія, на ней съ обѣихъ сторонъ Праздники Господскіе, прорѣзные; окладъ серебряной золоченъ. Вѣсомъ панагія тридцать пять золотниковъ.

Панагія, на ней во главѣ образъ Спасовъ Нерукотворенный, да образы же: Архангела Михаила, Бориса и Глѣба, на другой сторонѣ, Николая Чудотвор-

ца, рѣзные, окладъ серебряной золоченъ. Вѣсомъ панагія сорокъ пять золотниковъ.

Панагія круглая, позади образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, рѣзной; окладъ серебряной сканной, а въ немъ подъ стекломъ мощи. Вѣсомъ сорокъ пять золотниковъ.

Панагія кмаенная, на ней Крестъ Господень, на другой сторонѣ образъ Іоанна Предтечи, рѣзные, окладъ серебряной, позолоченъ. Вѣсомъ панагія сорокъ четыре золотника.

Панагія каменная, другая; на ней Крестъ Господень, на другой сторонѣ образъ Іоанна Предтечи рѣзные, окладъ серебряной позолоченъ. Вѣсомъ сорокъ четыре золотника.

Панагія, на ней Распятіе Господне серебряное, рѣзное; въ ней же часть животворящаго древа и мощи святыхъ. Вѣсомъ сорокъ два золотника.

Панагія серебреная, въ срединѣ камень лазоревъ, на немъ образъ Пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, рѣзной, поля сканныя, въ подцѣпкѣ въ гнѣздѣ яхонтъ лазоревъ, въ закрѣпкѣ двѣ жемчужины, назади образы святыхъ рѣзные. Вѣсомъ панагія сорокъ одинъ золотникъ.

Панагія четвероугольная, серебряная, позолочена; на ней образъ Спасовъ, да Бориса и Глѣба навожены чернью; у той же панагіи ковчежецъ серебряной, троеугольной, въ немъ мощи святаго Андрея юродиваго. Вѣсомъ панагія тридцать восемь золотниковъ.

Панагія серебряная, на ней образъ Вознесенія Господня чеканной; назади, по подписи, въ ней часть древа Животворящаго и печать гроба Господня и мощи святыхъ. Вѣсомъ панагія тридцать семь золотниковъ.

Панагія серебреная, позолочена, круглая; на ней образъ Спасовъ со Апостолы; назади образъ Пресвятыя Богородицы со святыми рѣзные. Вѣсомъ панагія тридцать пять золотниковъ.

Панагія серебряная, басемная, позолочена; на ней крестъ съ мощми. На крестѣ восемь жемчужинъ, кафимскіе. Около креста по полямъ съ одной стороны обнизано жемчугомъ мелкимъ, съ другой стороны жемчугъ осыпался. По полямъ лалики да четыре веніски. На затворехъ Распятіе Господне рѣзное позолочено. Вѣсомъ панагія тридцать одинъ золотникъ.

Панагія серебреная, створчатая; на ней Распятіе Господне и образъ Пресвятыя Богородицы и иные Святые, чеканные, позолочены; на створехъ образы же Святыхъ, рѣзные, съ чернью, назади образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія и иныхъ Святыхъ, рѣзные жъ. Вѣсомъ панагія тридцать одинъ золотникъ.

Панагія раковинная, складная; на ней Праздники Господскіе: Преображеніе, Вознесеніе Господне; поля серебреныя, позолочены, позади дски незолочено. Вѣсомъ панагія тридцать одинъ золотникъ.

Панагія серебреная, позолочена; въ срединѣ образъ святаго Великомученика Георгія, чеканной; вѣсомъ панагія тридцать одинъ золотникъ.

Панагія серебреная, гладкая; на ней Снятіе съ креста Господа нашего Іисуса Христа, рѣзное. Вѣсомъ панагія тридцать золотниковъ.

Панагія серебреная, позолочена; въ ней мощи святаго Великомученика Георгія, Іакова Перескаго и иныхъ святыхъ; назади Снятіе со Креста Господне, чеканное. Вѣсомъ панагія двадцать пять золотниковъ.

Панагія серебреная, сканная, прорѣзная; въ срединѣ на древѣ Двѣнадцать Праздниковъ Господскихъ, назади образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія со Пророки, рѣзные по полямъ, въ закрѣпкахъ четыре виниски, да двѣ бирюзки, въ подцѣпкѣ виниска, да на закрѣпкѣ двѣ жемчужины гурмышскія. Вѣсомъ панагія двадцать четыре золотника.

Панагія серебреная, позолочена, съ мощми; на кровлѣ образъ Спасовъ, да Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, чеканые; въ срединѣ, на мощахъ кровля золотая. Вѣсу въ ней три золотника, а въ панагіи вѣсу двадцать три золотника.

Панагія серебреная; на ней Распятіе Господне, рѣзное; поля съ трехъ сторонъ сканные, на заднеи дскѣ подпись мощамъ святыхъ. Вѣсомъ панагія двадцать два золотника.

Панагія серебреная, позолочена; на ней Распятіе Господне, чеканное, позолочено; назади образъ Александра Чудотворца. Вѣсомъ панагія двадцать два золотника.

Панагія четвероугольная, древиная; на ней образы: Николая Чудотворца, Петра Митрополита, Никиты Мученика, рѣзные; окладъ серебряной, басемной, поля сканныя. Вѣсомъ и съ деревомъ двадцать золотниковъ.

Панагія круглая, серебреная; на ней Распятіе Господне, рѣзное. Вѣсомъ панагія пятнадцать золотниковъ.

Панагія серебреная, круглая, позолочена; на ней Крестъ, назади въ срединѣ, на камени, образъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Вѣсомъ четырнадцать золотниковъ.

Панагія серебреная, позолочена, круглая; въ ней, мощи Святаго мученика Нестера. Вѣсу и съ мощми девять золотниковъ.

Панагія серебреная, позолочена; въ срединѣ образъ Спасовъ, на костп рѣзной, около образа и позади образы Святыхъ рѣзные. Вѣсомъ панагія восемь золотниковъ.

Панагія серебренная; на ней образъ Спасовъ, чеканный, образы же Пресвятыя Богородины, Іоанна

Предтечи, рѣзные, позади образы же Святыхъ, рѣзные. Вѣсомъ панагія восмь золотниковъ.

Панагія серебряная, круглая гладкая, вѣсомъ семь золотниковъ.

Всего въ серебряныхъ окладахъ тридцать четыре панагіи. Вѣсу въ нихъ совсѣмъ двѣдадцать фунтовъ, восмьдесять шесть золотниковъ.

Плащаница шита золотомъ и серебромъ и шелки по червчатому атласу; въ срединѣ Положеніе во гробъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа; опушка камка таусиная, по ней шиты Святые золотомъ и серебромъ и шелки; подложена вновь камкою червчатою, по опушкѣ подписи шиты серебромъ: дѣлана 7074 году.

Пелены праздничныя. Пелена въ олтарѣу престола. Напреди бархатъ червчатъ гладкой; въ срединѣ крестъ, въ немъ двадцать двѣ дробницы большихъ серебряныхъ, рѣзныхъ, съ чернью; на нихъ образы Пресвятыя Богородицы Одигитрія и Святые; по краямъ дробницы же позолочены, около креста и дробницъ и травы и слова обнизано жемчугомъ кафимскимъ среднимъ въ одно зерно, по краямъ вмѣсто каймы дробницы же серебряныя бѣлыя и позолоченыя съ чернью, по счету сорокъ пять золоченыхъ, двадцать одна бѣлыя съ чернью; на нихъ лица Святыхъ рѣзныя. Подложена тафтою рудожелтою; у ней десять пугвицъ, серебряныя, гладкія.

Пелены же большія, которыя бываютъ у мѣстныхъ образовъ на праздники. У Спасова образа пелена, средина бархатъ червчатъ; на ней крестъ, въ немъ двадцать девять дробницъ сканныхъ серебряныхъ, позолочены; около дробницъ обнизано и подпись низана жемчугомъ въ одно зерно кафимскимъ среднимъ; опушка бархатъ лазоревъ, по немъ семьдесять пять дробницъ сканныхъ, серебряныя, позолочены; около ихъ и по краю кайма низана жемчугомъ кафимскимъ среднимъ же, въ одно зерно; пелена подложена тафтою рудожелтою; у ней же шесть кистей золото съ серебромъ.

У образа Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія пелена, средина бархатъ червчатъ; на ней три креста, въ нихъ по четырнадцати дробницъ серебряныхъ позолочены; у креста подпись и около дробницъ низано жемчугомъ среднимъ и мелкимъ въ одно зерно; опушка бархатъ лазоревъ гладкой; на ней на верху на трехъ дробницахъ образы: Спасовъ и Богородиченъ и Предтечевъ, рѣзные, да сто двадцать пять дробницъ среднихъ и мелкихъ сканныхъ и басемныхъ серебряные золочены; около дробницъ и по краямъ кайма обнизана жемчугомъ въ одно зерно; около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; пелена подложена тафтою рудожелтою. По осмотру, у одного креста внизу дробница разломана, у другаго помята.

На лѣвой сторонѣ, передъ образами, Пресвяты Троицы и Всемилостиваго Спаса, пелена, средина брахатъ червчатъ гладкой; на ней крестъ, въ немъ тридцать шесть дробницъ серебряныхъ басемныхъ, позолочены; около ихъ низано жемчугомъ въ одно зерно, подпись и копіе и трость въ одно жь зерно, два креста кружево серебряное, кованое, широкое, опушка бархатъ лазоревъ; по немъ двадцать двѣ дробницы серебряныя, большихъ, на нихъ Святые, да сто десять дробницъ среднихъ и мелкихъ, около всѣхъ дробницъ на опушкѣ и травы и по краямъ кайма низаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ въ одно зерно; пелена подложена камкою рудожелтою китайскою.

Пелена праздничная, бываетъ въ ходу, у образа Пресвятыя Богородицы Донскія. Средина бархатъ червчатъ, на ней крестъ, въ немъ двадцать девять дробницъ круглыхъ рѣзныхъ серебряныхъ; подпись и копіе и трость и внизу глава Адамля, низаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ и мелкимъ; опушка бархатъ лазоревъ, по ней шестнадцать дробницъ большихъ, на нихъ Святые рѣзные; шестьдесять восмь дробницъ басемныя серебряные, позолочены; около всѣхъ дробницъ низано жемчугомъ кафимскимъ среднимъ и мелкимъ въ одно зерно; около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; подложена тафтою зеленою.

Пелена атласъ червчатъ гладкой; по ней шиты лицы: образъ Похвалы Пресвятыя Богородицы со Ангелы и со Святыми; подложена дорогами зелеными.

Пелена средина бархатъ венидейской, круги серебряные, межъ круговъ травы золотныя, крестъ кружево золотное кованое широкое; опушка бархатъ травчатой, травы золотныя по червчатой землѣ; подложена дорогами зелеными.

Двѣ пелены, средина бархатъ травы золотныя и серебряныя по зеленой землѣ, на нихъ кресты кружево золотное кованое среднее; опушка бархатъ травы золотныя по червчатой землѣ. Подложены дорогами червчатыми.

Пелена бархатъ венидейской, травы золотныя, да шелкъ червчатъ по бѣлой землѣ, на ней крестъ, подложена киндякомъ алымъ.

Пелена средина камка кизылбашская алая съ золотомъ, на ней крестъ кружево серебряное кованое узкое, опушка атласъ золотной по лазоревой землѣ; подложена дорогами червчатыми.

Пелены налойныя, ставятъ на нихъ образы въ Господскіе праздники.

Пелена средина бархатъ червчатъ, гладкой, опушка бархатъ лазоревъ; по ней шестнадцать дробницъ большихъ круглыхъ и продолговатыхъ рѣзныхъ серебряныхъ позолочены, чеканныя и бассемныя; на нихъ Святые; двадцать двѣ дробницы серебряныя жь позолоче-

ны; около ихъ и межъ ихъ травы и каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ срединмъ въ одно зерно, обшиваны золотомъ сканнымъ; подложена тафтою рудожелтою; у ней пять кистей шелкъ шамахинской съ золотомъ и серебромъ, ворворки обшиты золотомъ и канителью.

Пелена средина атласъ, травы золотныя по лазоревой землѣ; на ней крестъ, шитъ золотомъ и серебромъ; по атласу червчатому, опушка объярь золотная; по ней травки серебряныя, подложена тафтою зеленою.

Пелена атласъ лазоревъ, по немъ травы золотныя, на ней крестъ шитъ золотомъ и серебромъ по атласу зеленому; опушка объярь золотная по алой землѣ; подложена тафтою зеленою.

Старыхъ пеленъ. Пелена средина и опушка бархатъ травчатъ венпцейской; по немъ травки золотныя и серебряныя мѣстами; на ней крестъ того жъ бархату; подложена киндякомъ лазоревымъ. Пелена: средина камка алая, полиняла; на нейкрестъ камка бѣлая, ветхъ и подранъ; опушка атласъ венпцейской, круги и травы золотныя съ розными шелки по червчатой землѣ; подложена тафтою алою, тафта полиняла. Пелена, что бывала на жертвенникѣ, у Преставтыя Богородицы Страстныя. Средина бархатъ венпцейской; по немъ шелкъ зеленъ по червчатой землѣ; на ней крестъ камка бѣлая, опушка атласъ вишневъ; по немъ круги золотные съ розными шелки; подложена крашенпною лазоревою; и та крашенпна снизу вся сгнила и отодралась. Пелена бархатная, мелкотравная; по ней травы золотныя розныхъ цвѣтовъ; подложена крашенпною лазоревою, безъ креста. Пелена средина атласъ червчатъ; по немъ круги и травы золотныя и серебряныя; на ней крестъ кружево серебряное кованое, опушка атласъ серебряной; по немъ травки золотныя съ розными шелки; подложена киндякомъ зеленымъ. Пелена. средина бархатъ мелкотравной золотной съ розными шелки на ней крестъ кружево серебряное кованое узкое, опушка бархатъ золотной, по немъ травки и каймы червчатыя; подложена дорогами алыми, полиняла. Пелена бархатная, полиняла вся; на ней крестъ миткалиной; подложена крашенпною лазоревою. Пелена большая налойная, средина кайма бѣлая; на ней крестъ атласъ червчатъ, обшитъ золотомъ сканнымъ, опушка бархатъ золотной персидскій по червчатой чемлѣ; подложена крашенпною лазоревою. Пелена средина камка зеленая, опушка камка алая, по ней низано было жемчугомъ, и тотъ жемчугъ съ ней снятъ; подложена дорогами червчатыми. Двѣ пелены, безъ крестовъ, у нихъ средины, у одной, камка алая, у другой, червчатая, опушка камка лазорева; одна подложена дорогами алыми, другая безъ подкладки; ветхи и полиняли.

Во 189 г., по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевпча всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, принесены отъ него, великаго Государя, изъ хоромъ въ Соборную церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы двѣ пелены. Пелена средина бархатъ червчатой; на ней крестъ, въ немъ дробницы круглы сребряныя, позолочены; на нихъ лицы святыхъ рѣзныя; около дробницъ низано жемчугомъ кафимскимъ въ два зерна и обшито золотомъ сканнымъ; подписи низаны жемчугомъ въ одно зерно и обшиты такимъ же золотомъ; опушка бархатъ голубой; по ней двадцать дробницъ большихъ сребряныхъ; на нихъ навожены чернью лицы святыхъ; промежъ большихъ дробницъ шестьдесятъ девять дробницъ сребряныхъ сканныхъ на подзорѣ, около ихъ и по краямъ низаны травы жемчугомъ въ одно зерно, и обшито золотомъ сканнымъ; подложена камкою рудожелтою. Пелена средина бархатъ червчатъ;но ней кайма низана жемчугомъ и обшита золотомъ сканнымъ, опушка бархатъ зеленой, по ней шестьнадцать дробницъ сребряныхъ; на нихъ лицы святыхъ наведены чернью, промежъ большихъ дробницъ двадцать восемь дробницъ золоченыхъ сканныхъ съ финифты, промежъ ихъ и по краямъ кайма низана жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно и обшита золотомъ сканнымъ; подложена камкою алою.

Да къ образу Пресвятыя Богородицы, что за престоломъ и на жертвенникѣ, два покрова тафтяные червчатые. У одного напреди вверху крестъ, въ немъ шесть дробницъ сребряныя, а около шесть крестовъ дробничныхъ же, промежъ ихъ обнизано жемчугомъ мелкимъ, по счету, въ нихъ сто пять дробницъ небольшія, назади крестъ того же кружева, да восемь дробницъ; около ихъ обнизано жемчугомъ мелкимъ же, по другому краю кружево нѣмецкое, плетеное, широкое, съ городы, золото съ серебромъ, отъ того кружева внизъ по краю кружево кованое, золотное, внизу убруса, на концахъ, травы низаны жемчугомъ мелкимъ; около жемчуга обшито золотомъ сканнымъ, въ травахъ жемчужныхъ по десяти дробницъ, на концѣ рѣзныхъ позолоченыхъ, по концамъ же по таусинной камкѣ травы низаны жемчугомъ въ одно зерно; промежъ жемчугу на концѣ по тридцати по двѣ дробницы большихъ и малыхъ, рѣзныя, позолочены, концы подложены тафтою ценинною. У другаго покрова по концамъ камка таусинная жъ, по ней травы низаны жемчугомъ мелкимъ, въ травахъ на концахъ по пятидесяти дробничекъ серебряныхъ позолоченыхъ, гладкихъ, концы подложены тафтою ценинною. Покровъ средина-атласъ червчатъ, по немъ травы золотныя съ розныя шелки, опушка объярь серебряная, травы золотныя; подложенъ дорогами червчатыми.

Одежды вздѣваютъ ихъ на праздники на налой. На правой сторонѣ. Первая, бархатъ веницейской, по немъ травы золотныя и серебряныя по червчатой землѣ; на ней крестъ кружево серебряное кованое, узкое, безъ подкладки. Другая, объярь серебряная, по ней травки золотныя; на ней крестъ, кружево кованое золотное, широкое; подложена киндикомъ лазоревымъ; поверхъ ея кровля атласъ травчатый съ розными шелки по алой землѣ ветхъ и полинялъ, безъ креста и безъ подкладки. Третья, бархатъ червчатъ, на ней крестъ, кружево золотное, кованое, широкое; подложена киндякомъ лазоревымъ; поверхъ бархату кровля дороги полосатыя по алой землѣ, безъ подкладки; на ней крестъ, кружево золотное кованое среднее. Одежда изарбаѳъ полосы золотныя и серебряныя съ розными шелки по лазоревой землѣ; по ней кружево золотное кованое широкое, безъ подкладки, а съ трехъ сторонъ атласъ червчатой, по немъ травы золотныя съ розными шелки. Подъ нимъ другая одежда атласецъ кизилбашскій, по немъ травки золотныя ветхъ, безъ подкладки.

Одежды лѣвой стороны. Одежда изарбаѳъ полосатой, по немъ травки золотныя и серебряныя съ шелки по червчатой землѣ, безъ подкладки; ветха и полняла; по верху ея наплачено атласомъ полосатымъ съ розными шелки. Другая одежда изарбаѳъ же полосы золотныя и серебряныя; подъ тою одеждою внизу старая одежда, безъ подкладки, атласецъ кизилбашской травчатъ по бѣлой землѣ травки золотныя съ розными шелки, ветхъ и полнялъ, сверху пришитъ бархатъ травчатъ по алой землѣ, полнялъ и по концамъ пробился; на ней крестъ былъ такой же атласный. Одежда налойная жъ, малая. Объярь золотная, вздѣваютъ на налоѣ во время чтенія молитвы въ день Пятьдесятный. Одежда налойная жъ, сдѣлана вновь, напереди изарбаѳъ золотной, по немъ травы разныхъ шелковъ по алой землѣ, а съ трехъ сторонъ бархатъ золотной виницейской травчатъ шелкъ разныхъ цвѣтовъ съ старыя одежды, что были на налоѣ, на лѣвой сторонѣ, безъ подкладки; на той же одеждѣ крестъ, кружево кованое золотное съ серебромъ съ той старыя одежды. Одежда столовая атласъ китайскій, полосы разныхъ цвѣтовъ, съ травками, безъ креста и безъ подкладки; поверхъ той одежды покровъ — атласъ полосатый золотной, съ разными шелки, опушка съ дву сторонъ атласъ золотной, подложенъ киндякомъ лазоревымъ, ветхи. Покровъ новый праздничный, средина объярь серебряная, травы золотныя, опушка объярь золотная по червчатной землѣ, подкладка дороги червчатыя. На другой столъ сдѣлана одежда новая жъ изъ китайскаго же атласа, подложена крашенною лазоревою. Покровъ суконный багрецовый, носятъ въ ходахъ въ ненастье надъ образомъ Пресвятыя Богородицы Донскія, въ длину два аршина съ полуаршиномъ, въ ширину два аршина.

Ризы. Ризы объярь серебряная, травчатая съ розными шелки, подложены, на нихъ оплечье бархатъ лазоревъ, по немъ восемь дробницъ большихъ, на нихъ Святые рѣзные съ чернью, да по всему оплечью шестьдесять дробницъ, около всѣхъ дробницъ и по краямъ каймы обнизаны, а подпись низана жемчугомъ среднимъ кафимскимъ, дробницы всѣ серебряныя позолочены; на ризахъ же крестъ атласъ червчатъ, по немъ обнизано жемчугомъ мелкимъ; звѣзда на дробницѣ серебряной басемной позолоченой, обнизана жемчугомъ среднимъ. У ризъ опушка атласъ золотной, по червчатой землѣ травчатъ, подложена атласомъ полосатымъ. По осмотру, ризы и опушки ветхи гораздо, въ подписи въ словахъ вышито и жемчугомъ низано: дѣланы въ 7076 году. Ризы атласныя, по немъ травы золотныя по серебряной землѣ, подложены; а на нихъ оплечье камчатое червчатое; по немъ дробницы серебряныя позолочены, четырнадцать большихъ, на нихъ Святые рѣзные съ чернью, шестьдесятъ три сканныхъ и розныхъ. Около дробницъ и по каймѣ обнизано жемчугомъ кафимскимъ среднимъ въ одно зерне. У ризъ опушка, подложена; въ оплечьѣ жь, въ подписи, шито и обнизано жемчугомъ мелкимъ: дѣланы въ 7076-мъ году. Ризы атласъ травы золотныя по червчатой землѣ, подложены тафтою руджелтою, а на нихъ оплечье низано жемчугомъ по бархату червчатому, каймы и травы обнизаны жемчугомъ въ одно зерно, промежъ жемчугу обшивано золотомъ и серебромъ сканнымъ, межъ жемчугу и травъ пришиваны дробнички мѣлкія серебряныя позолочены, оплечье подложено камкою алою; на ризахъ крестъ, въ немъ четыре дробницы серебряныя чеканныя, позолочены, обнизаны жемчугомъ въ одно зерно; звѣзда на дробницѣ сканной серебряной позолоченой, обнизана жемчугомъ кафимскимъ въ два зерна, у ризъ опушка объярь серебряная, по ней травы золотныя, подложена камкою червчатою. А по осмотру, опушка и кайма ветхи жъ гораздо, и во многихъ мѣстехъ избилась, въ подписи въ словахъ вышито и жемчугомъ низано: дѣланы въ 7076-мъ же г. Ризы же сверхъ описныхъ прежнихъ книгъ. Аксамитъ по серебряной землѣ, по немъ травы розныхъ шелковъ, подложены дорогами полосатыми, а на нихъ оплечье низано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно по червчатой камкѣ. На ризахъ крестъ и копіе и трость низаны жемчугомъ, въ одно зерно. Подъ крестомъ, вмѣсто главы Адамовы, дробница серебряная позолочена, обнизана жемчугомъ среднимъ, а въ срединѣ мелкимъ кафимскимъ; звѣзда дробница серебряная сканная, позолочена, обнизана жемчугомъ та-

кимъ же. У ризъ опушка бархатъ по серебряной землѣ, по немъ травы розныхъ шелковъ, опушка и кайма низаны жемчугомъ кафимскимъ мелкимъ въ одно зерно по атласу таусинному, на опушкѣ жъ по краемъ кружево золотное, плетеное, подложена атласомъ зеленымъ гладкимъ. Ризы объярь серебряная, по ней травы золотныя съ шелкомъ бѣлымъ, подложены тафтою рудожелтою, а на нихъ оплечье низано жемчугомъ по червчатому бархату, на немъ дробницы серебряныя, сканныя, двѣнадцать, крестомъ, сквозныхъ съ подзорами, семь, ланками, четырнадцать ланками жъ, чеканныя, одиннадцать кубиками, рѣзныя, золочены, да мелкихъ, около большія каймы и около ерданы, круглыхъ и граненыхъ, пятьдесять четыре, да межъ касмъ на оплечье въ ременяхъ, ровныхъ и мелкихъ, сорокъ, всего сто сорокъ семь дробницъ; у ризъ опушка байберекъ золотный червчатый, подложена камкою мелкотравною зеленою; по нынѣшнему осмотру опушка подложена камкою желтою куфтеремъ. Ризы объярь серебряная, по ней травы золотныя съ шелкомъ бѣлымъ, подложены, а на нихъ оплечье бархатъ червчатъ, по немъ десять плащей литыхъ, на нихъ Святые рѣзные, осмь дробницъ сканныхъ съ финифты, четырнадцать сквозныхъ на подзорахъ, одиннадцать рѣзныхъ, тринадцать чеканныхъ, всѣ серебряныя позолочены, около и промежъ дробницъ травы обнизаны жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, около оплечья жъ обшито кружево золотное, кованое середнее, у ризъ опушка объярь золотная по червчатой землѣ, подложена камкою желтою, куфтеремъ. Ризы старыя, изарбафъ серебряный, по немъ травы шелковыя, оплечье аксамитъ золотной, по немъ травы золотныя и серебряныя, подложены ризы и оплечье камкою зеленою, на ризахъ крестъ и около креста вышито золотомъ и серебромъ, по червчатому атласу, звѣзда бархатъ золотной съ серебромъ по червчатой землѣ, у ризъ опушка объярь золотная травчатая, подложена вновь камкою зеленою. Ризы объярь серебряная, травчатая, по ней травы жъ золотныя съ розными шелки, а на нихъ оплечье и крестъ и звѣзда, шито золотомъ и серебромъ по червчатому бархату аксамитомъ, подложены ризы и оплечье тафтою червчатою, у ризъ опушка атласъ золотной по червчатой землѣ, подложена тафтою зеленою. Ризы атласъ золотной по червчатой землѣ, подложены дорогами двоеличными, а на нихъ оплечье аксамитное по червчатой землѣ, около его кружево серебряное съ золотомъ, подложены ризы и оплечье камка червчатая мелкотравная, крестъ и звѣзда кружево золотное съ серебромъ, кованое, у ризъ опушка объярь серебряная травчатая, подложена камкою червчатою. Ризы атласъ бѣлъ гладкій, а на нихъ оплечье и на ризахъ крестъ и звѣзда шиты золотомъ и серебромъ по бархату червчатому, подложены ризы и оплечье крашениною, у ризъ опушка атласъ червчатъ гладкій, подложена дорогами двоеличными. Ризы камка китайская таусинная, по ней травы золотныя, а на нихъ оплечье шито золотомъ и серебромъ съ шелки по бархату таусинному, подложены ризы и оплечье дорогами таусинными, на ризахъ крестъ кружево золотное кованое, звѣзда аксамитная, обшита галуномъ золотнымъ, у ризъ опушка шита золотомъ волоченымъ по таусинному атласу, подложена дорогами дымчатыми. Риза камка лазорева, а на нихъ оплечье шито золотомъ и серебромъ по бархату черному, подложены ризы и оплечье китайкою вишневою, на ризахъ крестъ и звѣзда объярь золотная, съ шелки; у ризъ опушка объярь серебряная съ травками, подложена камкою цвѣтною. Ризы участокъ серебряный, по немъ травы золотныя съ розными шелки; подложены тафтою зеленою, а на нихъ оплечье бархатъ червчатъ, подложено атласомъ зеленымъ; на ризахъ крестъ, въ немъ четыре дробницы серебряныя чеканныя золочены, обнизаны жемчугомъ кафимскимъ середнимъ въ одно зерно, въ звѣздѣ четыре дробницы сканныя серебряныя жъ золочены, обнизаны въ два зерна такимъ же жемчугомъ; что около креста у ризъ опушка атласъ золотной, травчатой по червчатой землѣ, подложена камка двоеличная; по осмотру ризы ветхи и во многихъ мѣстехъ избились. Ризы атласъ бѣлъ, подложены дорогами двоеличными, а на нихъ оплечье и крестъ и звѣзда аксамитное, опушка изорбафъ полосатый съ травками, подложена дорогами зелеными. Ризы атласъ золотной травчатъ, полинялъ, подложены киндякомъ лимоннымъ, а на нихъ оплечье бархатъ червчатъ, по немъ шиты травы золотомъ и серебромъ, на ризахъ крестъ и звѣзда и опушка атласъ золотной травки по бѣлой землѣ съ розными шелки. Ризы и крестъ и звѣзда атласъ золотной травчатой съ розными шелки, оплечье бархатъ червчатъ гладкій, по немъ травы шиты золотомъ и серебромъ, подложены, ризы и оплечье, дорогами зелеными, опушка объярь серебряная съ золотомъ. Ризы новыя, атласъ бѣлъ, а на нихъ оплечье и крестъ и звѣзда аксамитъ золотной по червчатой землѣ, около воротника опушка атласъ зеленый, подложены, ризы и оплечье, тафтою двосличною, у ризъ опушка камка травчатая кизылбашская, подложена дорогами зелеными. Ризы камка алая, а на нихъ оплечье и крестъ и звѣзда бархатъ золотной съ серебромъ по червчатой землѣ, подложены, ризы и оплечье, киндякомъ алымъ, у ризъ опушка камка рудожелтая, подложена дорогами зелеными. Ризы камка бѣлая, а на нихъ оплечье, и на ризахъ крестъ и звѣзда, бархатъ виницейской, по немъ травы золотныя и серебряныя по червчатой землѣ, у ризъ опушка атласъ червчатъ гладкій, подложена дорогами желтыми; по

осмотру, поношены; ризы подложены кындякомъ лазоревымъ. Ризы камка бѣлая, подложены холстиною, оплечье и на ризахъ крестъ и звѣзда атласъ травчатый по таусинной землѣ, у ризъ опушка атласъ полосатый, подложена холстиною; по осмотру, ветхи и съ заплатами. Ризы камка бѣлая, подложены кындякомъ лазоревымъ, на нихъ оплечье и на ризахъ крестъ и звѣзда бархатъ винницейскій, по немъ травы золотныя и серебряныя, у ризъ опушка камка зеленая, подложена дорогами желтыми; по осмотру, ветхи горяздо. Трои ризы камчатыя лазоревыя, подложены кындяками лазоревыми, а на нихъ оплечье и кресты и звѣзды бархатъ золотной по червчатой землѣ, у ризъ опушка камка зеленая, подложены дорогами двоеличными. Снято съ ризъ оплечье ветхо, бархатъ чернъ гладкій, по сказкѣ ключаря Михаила и пономарей, спято съ ризъ, а на немъ осталось мелкихъ дробничекъ круглыхъ и четвероугольныхъ серебряныхъ позолоченыхъ, по счету, девяносто двѣ, а большія де дробницы и жемчугъ сняты и положены на оплечье къ новымъ ризамъ. Да въ 189 году сдѣланы вновь. Ризы атласъ бѣлъ винницейской, по немъ травки розныхъ шелковъ, подложены кындякомъ кирпичнымъ, а на нихъ оплечье и крестъ и звѣзда бархатъ червчатъ гладкій, по немъ шито золотомъ и серебромъ съ звѣздки, около оплечья кружево серебряное кованое, опушка по червчатому атласу тканая золотомъ и серебромъ, клѣтчатая, подложена камка зеленая мелкотравная. Подризникъ и оплечье изорбафъ полосатый, полосы серебряныя съ золотомъ а иныя шелковыя, травчаты, разныхъ цвѣтовъ, подложенъ дорогами червчатыми. Около оплечья кружево серебряное кованое, у іордана три пуговки серебряныя гладкія позолочены, у подризника опушка камка зеленая, подложена дорогами червчатыми. Подризникъ камка червчата, подложенъ кындякомъ алымъ, полинялъ, оплечье и зарукавье атласъ таусинный, у подризника опушка атласъ полосатый по бѣлой землѣ, подложена дорогами желтыми. Подризникъ камка евская мелкотравая, свѣтловишневая, подложенъ кындякомъ чернымъ, оплечье и зарукавье бархатъ, по немъ травы зеленыя по червчатой землѣ, опушка камка травчатая, шелкъ алый, полинялъ, по зеленой землѣ, подложена дорогами двоеличными. Подризникъ тафта лазоревая, оплечье бархатъ персидской, травы шелкъ зеленъ по червчатой землѣ, зарукавье тафта желтая, опушка тафта зеленая, безъ подкладки. Подризникъ камка двоеличная, шелкъ алъ да бѣлъ, подложенъ крашенинною; оплечье и зарукавье бархатъ зеленъ гладкій, опушка камка зеленая, подложена дорогами желтыми. Подризникъ атласъ бѣлый, по немъ травы розныхъ шелковъ, подложенъ кындякомъ лимоннымъ; оплечье и зарукавье бархатъ персидскій, по немъ травы шелкъ зеленъ, по червчатой землѣ, опушка камка зеленая, подложена дорогами двоеличными. Подризникъ изорбафъ серебряный, по немъ травки золотныя съ розными шелки, рукава камки бѣлой, мѣстами поплачивано камкою бѣлою; зарукавье атласъ червчатъ гладкій, опушка атласъ золотной по червчатой землѣ съ розными шелки, подложена дорогами двоеличными. Подризникъ ветхъ, плаченъ, камка двоеличная, по ней травы шолкъ свѣтловишневъ, подложенъ кындякомъ желтымъ, оплечье и зарукавье атласъ винницейской, травчетый, шолкъ разныхъ цвѣтовъ по бѣлой землѣ, опушка атласъ лазоревъ, по осмотру, весь избился. Подризникъ ветхъ, комчатой, подложенъ кындякомъ зеленымъ, оплечье бархатъ персидской, травчатой, полинялъ; опушка камочка кизылбашская, подложена кындякомъ лазоревымъ. Подризникъ тафта брусничная, подложенъ зенденью темновишневою; оплечье и зарукавье атласъ зеленъ, травчатый; опушка выбойка травчатая, подложена кындякомъ лазоревымъ. Подризникъ дороги осиновы, оплечье, бархатъ, персидскій, по немъ травы шолкъ зеленъ по червчатой землѣ, зарукавье и опушка тафта зеленая, безъ подкладки. Подризникъ ветхъ и плаченъ, дороги полосатыя, подложенъ холстиною, оплечье и зарукавье камка травчатая, полиняла. Подризникъ ветхъ, дороги таусинныя, подложенъ кындякомъ таусиннымъ же, оплечье и зарукавье камка лазорева, полиняла; опушка атласъ таусинный гладкій, подложена дорогами двоеличными. Подризникъ ветхъ, дороги двоеличныя, зарукавье бархателное, подложенъ крашенинною лазоревою, опушка дороги полосатыя, подложенъ кындякомъ лазоревымъ. Подризникъ большихъ ризъ, камка кизылбашская, двоеличная, оплечье и зарукавье бархатъ рудожелтъ, опушка камка кизылбашская, подложена кындякомъ зеленымъ; по осмотру, весь ветхъ и плаченъ.

Патрахили, по прежнимъ описнымъ книгамъ 142-го году. Патрахиль камка вишневая, на ней восемь дробницъ серебряныя, позолочены, а на нихъ Святые рѣзные, да меншихъ сорокъ восмь дробницъ, обнизана вся жемчугомъ, у ней же семнадцать пуговокъ гладкихъ, серебряныхъ, позолочены, да внизу пятнадцать кистей, шолкъ червчатъ съ золотомъ, ворворки жемчужныя, подложена тафтою зеленою. Патрахиль камка багровая адамашка, по ней дробницы рѣзныя, позолочены, восмь большихъ, на нихъ Святые рѣзные, а иныя мелкія, около всѣхъ дробницъ и около патрахили, по краямъ, обнизано жемчугомъ мелкимъ въ два зерна; на той же патрахили двадцать двѣ пуговки серебряныхъ гладкихъ, позолочены; внизу семнадцать кистей шелковыхъ съ ворворками золотными; подложена тафтою червчатою; по нынѣшнему

осмотру, пуговки нѣтъ. Послѣ прежнихъ переписныхъ книгъ патрахилей вновь. Патрахиль іорданъ бархатъ зеленый, средина бархатъ лазоревъ гладкій, по краямъ камка алая, на той патрахили по бархату шесть крестовъ серебряные, чеканные, позолочены, двадцать пуговокъ серебряныхъ, гладкія позолочены, по бархату и по камкѣ средина и каймы низаны жемчугомъ среднимъ и мелкимъ въ одно зерно кафимскимъ, внизу десять кистей толкъ разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, ворворки обшиты золотомъ и канителью; подложена камкою зеленою. Патрахиль средина атласъ свѣтловишневъ, по немъ шиты лица святыхъ золотомъ и серебромъ и шолками розными, около святыхъ подпись и по каймѣ низано жемчугомъ кафимскимъ, крупнымъ и мелкимъ, въ одно зерно; на той же патрахили семнадцать пуговокъ серебряныхъ бѣлыхъ съ репейками, внизу семь кистей золотныхъ, варворки обнизаны жемчугомъ мелкимъ; подложена камкою желтою. Патрахиль іорданъ новый, атласъ свѣтло вишневъ, средина атласъ таусинный, по ней шиты Святые, лица и подпись и каймы золотомъ и серебромъ и розными шелки, на патрахили жъ тринадцать пуговокъ серебряныхъ, гладкихъ, бѣлыхъ съ репейками; внизу одинадцать кистей шелковыхъ, шелкъ вишневъ, ворворки обшиты золотомъ; подложена тафтою лазоревою. Патрахиль іорданъ атласъ червчатъ; средина аксамитъ по серебряной землѣ, на срединѣ напиты четыре креста золотомъ и серебромъ по зеленому атласу, по краямъ кружево золотное кованое; на ней же двадцать пугвицъ гладкихъ серебряныхъ, позолочены, внизу семь кистей серебряныхъ, ворворки обнизаны жемчугомъ среднимъ съ канителью; подложена камкою червчатою. Патрахиль іорданъ атласъ червчатъ, средина участокъ серебряный, на ней шесть крестовъ кружевныхъ, золотные, по краямъ обшито голуномъ золотнымъ, на ней же четырнадцать пугвицъ серебряныхъ позолоченыхъ, внизу семь кистей золото съ серебромъ, ворворки обшиты голуномъ серебрянымъ; подложена камкою зеленою. Патрахиль на ней кресты, іорданъ и по краямъ обшито атласъ гладкой зеленый, средняя бархатъ винщейскій золото съ серебромъ по червчатой землѣ, на ней же пятнадцать пуговицъ сребряныхъ позолочены, внизу девять кистей шелковыхъ, разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, ворворки обшиты золотомъ и канителью, подложена дорогами червчатыми. Патрахиль, на ней іорданъ камка травчетая, алая, полиняла, средина бархатъ винщейскій, по ней травы золотныя и серебряныя по червчатой землѣ, шесть крестовъ и по краямъ обшито кружево кованое золотное, на ней же шестнадцать пугвицъ серебряныхъ, позолочены, внизу девять кистей шелкъ шамаханскій разныхъ цвѣтовъ, ворворки обшиты золотомъ и серебромъ, подложена киндякомъ лазоревымъ. Патрахиль кресты, іорданъ и по краямъ обшито атласъ зеленый гладкій, средина бархатъ венщейскій съ серебромъ по червчатой землѣ, на ней же тринадцать пуговокъ серебряныхъ гладкихъ, позолочены, да пуговка серебряная бѣлая, внизу четыре кисти шелковыхъ розныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, подложена дорогами зелеными. Патрахиль, на ней кресты, іорданъ и по краямъ опушка атласъ зеленый, средина бархатъ виницейскій золото съ серебромъ по червчатой землѣ, на ней же восмь пуговокъ серебряныхъ бѣлыхъ, девятая помята; внизу двѣ кисти шелкъ красный съ серебромъ, подложена киндякомъ алымъ; по осмотру, вся ветха, и атласъ и киндякъ избился. Патрахиль, на ней кресты, іорданъ и по краямъ обшито атласомъ червчатымъ, средина бархатъ персидской съ золотомъ травы разныхъ шелковъ, на ней же пятнадцать пуговокъ серебряныхъ бѣлыхъ, внизу девять кистей шелки разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, ворворки обшиты серебромъ и канителью, подложена дорогами червчатыми. Патрахиль, на ней кресты, іорданъ и по краямъ обшито атласомъ зеленымъ, средина бархатъ персидскій, по немъ травы разныхъ шелковъ, на ней же пятнадцать пуговокъ серебряныхъ, позолочены, внизу шесть кистей шелковыя разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, ворворки обшиты серебромъ и канителью, подложена дорогами зелеными. Патрахиль, на ней кресты, іорданъ атласъ травы зеленыя по червчатой землѣ, средина бархатъ винщейскій травы золотныя и серебряныя по червчатой землѣ, кресты и по краемъ обшито атласомъ зеленымъ, на ней же семь пуговицъ цѣлыхъ, да три изломаны, серебряныя, гладкія, позолочены; внизу восмь кистей, шелкъ розныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, ворворки обшиты серебромъ и канителью, подложена дорогими желтыми; по осмотру ветха и отласъ попзбился. Патрахиль, на ней кресты, іорданъ и опушка атласъ зеленый гладкій, средина атласъ золотной съ шелки розными по червчатой землѣ, на ней же тринадцать пуговокъ серебряныхъ, позолочены, внизу четыре кисти шелкъ разныхъ цвѣтовъ, три съ золотомъ, четвертая безъ золота; подложена дорогами зелеными. Да во 189 году, по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи Самодержца, сдѣлана вновь патрахиль; на ней іорданъ атласъ червчатъ гладкій, средина бархатъ червчатъ гладкій, по ней кресты и травы шиты золотомъ, обшиваны серебромъ, по краямъ кружево серебряное узкое, внизу восмь кистей шелкъ червчатъ съ золотомъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ, на ней же тринадцать пуговокъ серебряныхъ гладкихъ позолочены, подложена камкою зеленою.

Поясы. Поясъ золото съ серебромъ, тканъ въ круж-

ки, кисти золотныя съ серебромъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ крупнымъ, пряжка и наконечникъ серебряные, позолочены. Поясъ шолкъ шамаханскій съ серебромъ, тканъ въ кружки, кисти того жъ шелку съ серебромъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ. Поясъ шолкъ вишневъ съ золотомъ, тканъ въ кружки, четыре кисти того жъ шелку съ золотомъ, ворворки обшиты золотомъ и капителью, промежъ капители въ гнѣздахъ у дву ворворкъ обнизано жемчугомъ среднимъ, а у двухъ мелкимъ. Поясъ тканъ въ кружки, шолкъ червчатъ съ серебромъ, кисти серебро съ золотомъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ. Поясъ тканъ въ кружки, шолкъ алъ да зеленъ, четыре кисти шолкъ разныхъ цвѣтовъ съ серебромъ, три ворворки обшиты серебромъ. Три пояса ткаными въ кружки, шелкъ червчатъ да зеленъ, кисти того жъ шелку, у одного пояса ворворки обшиты серебромъ. Два пояса новые, одинъ шитъ золотомъ, подписи черныя, пять херувимовъ-крылья шиты серебромъ, лица шелками, по атласу лазоревому, пряжка съ кольцомъ сребряна рѣзная, позолочена, подложенъ атласамъ червчатымъ, наконечники сребряные, чеканные, позолочены. Другой поясъ тесма шелковая, ткана золотомъ, наконечники — три плаща сребряные, сканные, съ финифты розными.

Поручи. Поручи бархатъ зеленъ, гладкій, по нихъ кресты и по краямъ каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ, на нихъ тридцать восмь петелекъ, да два наконечника серебряные, позолочены; подложены камкою червчатою. Поручи бархатъ червчатъ гладкій, по нихъ кресты и по краямъ низано жемчугомъ, промежъ жемчугу травы шиты золотомъ и капителью, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; на нихъ сорокъ петелекъ, да два наконечника серебряныхъ позолоченыхъ; подложены атласомъ червчатомъ гладкимъ. Двои поручи бархатъ таусинный, по нихъ кресты и травы и по краямъ каймы низаны жемчугомъ среднимъ кафимскимъ, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ, межъ жемчугу двадцать восмь дробницъ съ финифтомъ, на другихъ двадцать восмь дробницъ рѣзныя, серебряныя, золочены, на нихъ тридцать двѣ пуговки сребряныя гладкіе, позолочены; подложены тафтою желтою. Поручи участокъ серебрянъ, кресты и около ихъ обшито по краямъ кружево золотное кованое, на нихъ двадцать петелекъ да два наконечника сребряные, подложены дорогами желтыми. Поручи бархатъ черный гладкій, кресты и травы шиты золотомъ и серебромъ и разными шелки, по краямъ кружево плетеное, золотное съ серебромъ, на нихъ сорокъ петелекъ, да два наконечника серебряные; подложены камкою червчатою. Поручи аксамитъ золотной, кресты шиты серебромъ по червчатому атласу, по краямъ кружево плетеное, золото съ серебромъ, на нихъ сорокъ петелекъ да два наконечника серебряные позолочены, подложены камкою желтою. Поручи объярь серебряная, по ней травки золотныя, кресты голунъ золотный, съ дву сторонъ обложено кружево золотное, кованое, широкое, съ третьей кружевцо узкое, золотное же, на нихъ девять пуговокъ сканныхъ, десятая гладкая, серебряныя позолочены, подложены камкою зеленою. Двои поручи объярь черная, по ней травки золотныя съ серебромъ, кресты и около по краямъ обшито кружевомъ золотнымъ кованымъ, на нихъ по двадцати петелекъ да по два накопечника серебряные, позолочены; подложены тафтою желтою. Поручи бархатъ виницейскій травы золотныя съ серебромъ по червчатой землѣ, кресты кружево плетеное золото съ серебромъ, по краямъ кружево кованое серебряное; на нихъ девять пуговокъ серебряныхъ позолочены; подложены дорогами двоеличными. Поручи бархатъ виницейскій травы золотныя по червчатой землѣ, кресты объярь серебряная, по краямъ обшито атласомъ алымъ, на нихъ двѣнадцать пуговокъ серебряныя; подложены атласомъ зеленымъ гладкимъ. Поручи бархатъ золотной виницейскій, мѣстами травы серебряныя, кресты и около опушка атласъ зеленой, гладкій, на нихъ девять пуговокъ серебряныхъ; подложены крашенною лазоревою. Поручи атласъ золотной по червчатой землѣ, кресты и около опушка — тесма золотная, кружковая съ розными шелки, на нихъ девять пуговокъ серебряныхъ, позолочены; подложены дорогами желтыми. Поручи объярь серебряная, травы золотныя съ розными шелки, кресты и около обшито атласомъ червчатымъ, на нихъ десять пугвицъ сребряныя, позолочены, подложены тафтою червчатою. Поручи бархатъ червчатъ гладкій, кресты и около ихъ, по краямъ обшито кружевомъ кованымъ золотнымъ, на нихъ восмь пуговокъ серебряныя гладкія, подложены тафтою зеленою. Поручи бархатъ таусинный, низанъ былъ жемчугомъ и жемчугъ снятъ, подложены тафтою лазоревою. Поручи бархатъ персидскій, травы были золотныя по червчатой землѣ, кресты и около по краямъ обшито камкою зеленою, на нихъ шесть пуговокъ серебряныя, четыре золочены, а двѣ бѣлыя; подложены киндякомъ лазоревымъ, ветхи.

Да во 189 году, по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца сдѣланы вновь, поручи, шиты золотомъ и серебромъ по червчатому бархату съ звѣздки, кресты шиты серебромъ, обшито золотомъ сканнымъ, около кружево серебряное кованое, на нихъ двадцать четыре колечка сребряные, снуръ шелковый бѣлый, подложены камкою двоеличною.

Шесть набедренниковъ протопопскихъ. Первый, байберекъ золотной по червчатой землѣ, подложенъ камкою червчатою, на немъ крестъ, въ немъ шесть дробницъ сребряныя басемныя позолочены, около ихъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ середнимъ, опушка камка лазорева, полиняла. А по нынѣшнему осмотру, крестъ на дробницѣ сребряной круглой большой позолоченъ, на немъ образъ Спасовъ рѣзной, около той дробницы четырнадцать дробницъ рѣзные жъ, промежъ дробницъ и каймы обнизано жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ, пять кистей золота съ серебромъ. Другой, атласный зеленый гладкій, на немъ крестъ кружево серебряное, кованое, шесть плащиковъ шиты по червчатой землѣ золотомъ, внизу кайма лазорева, по ней тридцать дробницъ сребряныя гладкія, позолочены, и около ихъ и каймы низано жемчугомъ мелкимъ; подложенъ дорогами зелеными. Третій, тафта червчатая, ветха, на ней тринадцать дробницъ серебряныя гладкіе позолочены, внизу кайма и дробницы и обнизь жемчужная, такова жъ, что и у выше писанныхъ набедренниковъ. Четвертой, тафта червчата, полиняла и ветха и подралась, внизу атласъ таусинный, по ней дробницы серебреныя басемныя позолочены, около ихъ обнизано жемчугомъ мелкимъ, подложенъ киндякомъ лимоннымъ, а внизу тафтою зеленою. Пятый, тафта лазорева, на немъ мѣстами пятнадцать дробницъ мелкихъ серебряныхъ, позолоченыхъ, ветхи; а около ихъ и внизу низано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно. Шестой, атласъ золотной, травчатой, по червчатой землѣ травы золотныя жъ съ розными шелки, по краямъ галунъ серебряный, внизу атласъ червчатой гладкій, по немъ подписи шиты серебромъ, семь кистей разныхъ цвѣтовъ, подложенъ камкою червчатою.

Ширинка тафта бѣлая, кайма прорѣзная плетеная, золото сканное, промежъ золота мѣстами низано жемчугомъ кафимскимъ среднимъ; накищена золотомъ. Ширинка такова же, поношена. Третья, шита золотомъ и серебромъ и розными шелки, по бѣлой тафтѣ, кисти золотныя сканныя, поношена. Платъ греческій татцкій, по краямъ прошиванъ золотомъ и шелкомъ алымъ, по немъ кресты розныхъ шелковъ; два ковра персидскихъ, одинъ ветхъ.

Стихари дьяконскіе. Стихарь атласъ травчатъ, по червчатой землѣ травы золотныя и серебряныя съ розными шелки, на немъ крестъ обнизанъ жемчугомъ кафимскимъ въ два зерна, въ крестѣ въ среднѣ изумрудецъ да суровикъ да двѣ бирюзы въ гнѣздахъ серебряныхъ золоченыхъ, да въ по дножіи каменя нѣтъ; оплечье и зарукавье и каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ большимъ и среднимъ по таусинному бархату, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; на оплечьѣ жъ и на зарукавьяхъ тридцать дробницъ большихъ продолговатыхъ, серебряныхъ, чеканныя, позолочены, на нихъ Святые, да мелкихъ дробницъ четвероугольныхъ и круглыхъ чеканныхъ же, серебряныхъ позолоченыхъ, по счету, восемьдесять двѣ. Стихарь подложенъ тафтою алою, опушка низана жемчугомъ мелкимъ по таусинному жъ атласу, около обшивано золотомъ сканнымъ, подложена атласомъ зеленымъ гладкимъ; по осмотру нынѣ, въ оплечьѣ и на рукавахъ и въ опушкѣ жемчугъ осыпался во многихъ мѣстахъ. Стихарь атласъ золотной, травчатой, съ розными шелки, на немъ крестъ, а въ немъ пять дробничекъ: небольшія, серебряныя, басемныя, позолочены, около ихъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ, оплечье бархатъ черный, по немъ около дробницъ и по краямъ каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ и мелкимъ въ одно зерно; промежъ жемчугу на оплечьѣ и на рукавахъ двадцать шесть дробницъ большихъ, продолговатыхъ, гладкихъ, серебряныхъ, позолочены, на нихъ Святые рѣзные, дробницъ жъ сканныхъ и рѣзныхъ сто семь, опушка кружево серебряное, подложена тафтою лазоревою; по подписи, дѣланъ въ 157 году. Стихарь атласъ золотной, подложенъ тафтою алою, крестъ, въ немъ пять дробницъ серебряная, позолочены, около креста и дробницъ обнизано жемчугомъ среднимъ и мелкимъ, оплечье бархатъ вишневъ, по немъ около дробницъ каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ, среднимъ и мелкимъ; на оплечьѣ и на рукавахъ дробницы серебряны, позолочены, по счету двадцать шесть большихъ продолговатыхъ, на нихъ Святые рѣзные, меньшихъ, сканныхъ и рѣзныхъ сто осьмнадцать, около жемчугу и дробницъ обшивано золотомъ сканнымъ, опушка атласъ золотной, травчатой, по зеленой землѣ, подложена атласомъ травчатымъ; дѣланъ въ 157 году; по осмотру атласъ ветхъ и избился. Стихарь таковъ же, по счету въ немъ сто девять дробницъ большихъ и мелкихъ. Стихарь новый, объярь серебряная, травы золотныя съ шелкомъ бѣлымъ, подложенъ тафтою рудожелтою. оплечье бархатъ червчатъ, на немъ крестъ, въ немъ пять дробницъ серебряныя, позолочены, около дробницъ и по краямъ обнизано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно; на оплечьѣ и на рукавахъ двадцать дробницъ басемныя, на нихъ Святые, восемь гладкихъ, безъ лицъ, сканныхъ и рѣзныхъ сорокъ восемь, по каймѣ мелкихъ дробницъ круглыхъ и некруглыхъ двѣсти семьдесять четыре; около оплечья кружево золотное, опушка байберекъ золотной, подложена камкою желтою. Стихарь атласъ золотной, травчатъ, по червчатой землѣ, на немъ крестъ и звѣзда и оплечье и зарукавья шиты золотомъ и серебромъ по червчатому бархату, подложенъ тафтою алою двоеличною, опушка атласъ травчатъ, золото съ серебромъ и роз-

ными шелки по зеленой землѣ, подложена атласъ червчатъ гладкій. Стихарь камка бѣлая съ травы золотными и съ розными шелками, подложенъ дорогами лазоревыми, крестъ и звѣзда и оплечье байберекъ червчатъ, по немъ травки золотныя, обнизано было мѣстами жемчугомъ, и жемчугъ снятъ; около воротника опушка атласъ червчатъ гладкій, зарукавье атласъ червчатъ, по немъ мѣстами круги и травы золотныя, опушка камка кизылбашская, травчатая съ золотомъ по зеленой землѣ, подложена атласомъ червчатымъ гладкимъ, по осмотру ветхъ. Три стихаря камчатые, бѣлые, ветхи, кресты и звѣзды и оплечья и зарукавья бархатные золотные, винницейскіе, подложены киндяками разныхъ цвѣтовъ, опушки атласныя, червчатыя, гладкія; подложены дорогами и киндяками разными. Стихарь атласъ травчатой, по немъ круги золотные, съ розными шелки, по алой землѣ, подложенъ афтою таусинною; крестъ и звѣзда и оплечье бархатъ золотной, по червчатой землѣ, около оплечья кружево золотное, кованое, узкое, зарукавья атласъ червчатъ травы золотныя, опушка атласъ полосатый съ серебромъ, подложена дорогами вишневыми. Два стихаря камчатыхъ, бѣлые, кресты и звѣзды и оплечья и зарукавья бархатъ винницейскій, подкладки холщевыя, опушки, у одного, атласъ цвѣтной, травчатый съ розными шелки, у другаго, камка червчата, подложены дорогами двоеличными. Два стихаря камчатые, кресты и звѣзды и оплечья и зарукавья бархатъ персидскій, у одного, по червчатой землѣ, травы были золотныя съ шелки съ розными, у другаго, по бѣлой землѣ, травы шелкъ розныхъ цвѣтовъ, подложены киндякомъ, опушка камка лазорева; подложены дорогами двоеличными. Стихарь камка корична, крестъ и звѣзда и оплечье и зарукавья бархатъ персидскій, травы шелкъ зеленъ, по алой землѣ, подложенъ крашениною лазоревою, опушка дороги зеленыя, подложена киндякомъ алымъ. Два стихаря тафта двоеличная, кресты и звѣзды и оплечья и зарукавья бархатные, у одного, персидскій, травы золотныя, шелкъ червчатъ да вишневъ, у другаго, травки шелковыя, черныя, по червчатой землѣ, подложены, одинъ киндякомъ лазоревымъ, другой, крашениною лазоревою, опушка, у одного, камка кизылбашская, полиняла, подложена дорогами червчатыми, у другаго опушка тафта двоеличная, таусинная, подложена киндякомъ алымъ, полиняла. Стихарь ветхъ, камка бѣлая, съ заплаты, крестъ и звѣзда и оплечье и зарукавье бархатъ травчатой, травы съ разными шелки, золото выбилось, подкладка киндякъ лазоревъ, опушка атласъ полосатый, подложена дорогами двоеличными. Оплечье и зарукавье дьяконскіе, атласъ вишневъ, новъ, гладкій, на немъ дробницы серебряныя золочены, а жемчугъ и большія дробницы сняты; по счету, на оплечьѣ, дробницъ среднихъ двадцать четыре, мелкихъ шестьдесять двѣ, на зарукавьяхъ, среднихъ шесть, мелкихъ восемьдесять двѣ.

Уларь. Уларь бархатъ таусинный, по немъ шесть крестовъ серебряные. чеканные, золочены; по краямъ каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, среднимъ; около крестовъ и среднимъ мѣстами низано такимъ же жемчугомъ, обшито золотомъ сканнымъ; подложенъ тафтою лазоревою, избилась; по концамъ девять кистей съ ворворки, шелкъ зеленъ съ золотомъ и съ серебромъ; по осмотру, жемчугъ во многихъ мѣстахъ осыпался, и шелкъ у кистей полинялъ, пуговка серебряная, золочена, чеканная. Три уларя травы и каймы низаны жемчугомъ мелкимъ по вишневому бархату, на дву, по шти крестовъ, на третьемъ, пять, на нихъ, по счету, девяносто три дробницы, сканныхъ и рѣзныхъ и чеканныхъ и басемныхъ, около жемчугу и дробницъ обшито золотомъ сканнымъ; подложены камкою червчатою; по концамъ, на дву, по осьми, на третьемъ, шесть кистей, шелкъ разныхъ цвѣтовъ, съ золотомъ. Уларь бархатъ винницейскій, травы серебряныя по червчатой землѣ, кресты и опушка атласъ темнозеленый; подложенъ дорогами двоеличными, четыре кисти шелкъ разныхъ цвѣтовъ, съ золотомъ и съ серебромъ, двѣ кисти шелковыя жъ руджелтый шелкъ. Уларь атласъ серебряный, травы золотныя съ розными шелками, крестъ и опушка атласъ червчатъ гладкій; подложенъ атласомъ зеленымъ; по концамъ шесть кистей шелковыхъ розныхъ цвѣтовъ, съ золотомъ и серебромъ. Уларь атласъ кизылбашскій, травы золотныя и шелковыя, розныхъ цвѣтовъ, кресты и опушка тафта зеленая, подложенъ атласомъ зеленымъ гладкимъ, шесть кистей шелкъ червчатъ, да зеленъ, ворворки шелковыя съ серебромъ. Уларь бархатъ золотной по алой землѣ, полинялъ, по немъ травы шелковыя алыя, кресты и опушка атласъ зеленый, гладкій; подложенъ дорогами двоеличными, шесть кистей шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ; ветхъ. Уларь средина и опушка бархатъ, полинялъ и все избилось, шесть кистей шелкъ червчатъ да зеленъ. Уларь бархатъ кизылбашскій, таусинный, по немъ травы золотныя, кресты объярь золотная, по немъ шелкъ алъ, опушка атласъ вишневъ; подложенъ атласомъ зеленымъ, шесть кистей шелкъ вишневъ, ворворки обшиты золотомъ. Два уларя атласъ кизылбашскій, черные, по нихъ круги золотные разныхъ шелковъ, кресты атласные разныхъ цвѣтовъ, опушены атласомъ зеленымъ, подложены, одинъ, дорогами вишневыми, другой, киндякомъ вишневымъ, по шести кистей шелкъ зеленъ, да лазоревъ, ворворки обшиты канителью золоченою. Уларь бархатъ вишневъ травчатой по желтой землѣ, кресты и опушка дороги двоеличныя; подложенъ крашениною лазоревою, пять

кистей шелкъ разныхъ цвѣтовъ, ветхъ. Уларь бархатъ травы черныя по вишневой землѣ, кресты и опушка дороги зеленыя, полинялъ, подложенъ киндякомъ лазоревымъ, шесть кистей шелковыя розныхъ цвѣтовъ.

Четыре налоя крашеные красками, на чемъ чтутъ книги. На одномъ, поверхъ кожи бархатъ червчатъ, гладкій, по краямъ галунъ серебряный, прибитъ гвоздми луженымми, на трехъ, кожи красныя. Налой книжный, древяный, большой, съ дверцы и съ ящики, у дверцевъ петли и закладки желѣзныя луженыя, на немъ сукно червчатое; длина два аршина, поперегъ аршинъ десять вершковъ.

Въ олтарѣ поставъ деревяный, стоячій съ затворы; въ немъ кладутъ церковныя книги. Четыре ризницы деревяныя, окованы желѣзомъ бѣлымъ, и оклеены кожами красными, замки нутреные. Четвертая ризница оклеена сафьяномъ червчатымъ, окована желѣзомъ бѣлымъ, прорѣзнымъ. Другой большой поставъ съ дверцы, обиты дверцы сукномъ червчатымъ, въ немъ кладутъ къ службѣ ризы протопопскія и священниковъ и дьяконскіе стихари, праздничные и повсядневные.

Посуда мѣдная. Три лампады гладкія, луженыя съ обѣ стороны, вѣсу въ лампадѣ по десяти фунтовъ, въ четвертой вѣсу фунтъ. Чаша небольшая, вѣсу три фунта. Чаша съ поддономъ, луженая, вѣсу два фунта съ полуфунтомъ. Кунганъ колмогорской, гладкій, луженый, вѣсомъ девять фунтовъ. Кунганъ того жъ дѣла, вѣсомъ шесть фунтовъ съ полуфунтомъ. Два кунгана середнихъ, вѣсу въ нихъ по четыре фунта съ полуфунтомъ. Кунганъ, вѣсу три фунта. Кунганецъ московскаго дѣла, вѣсу полтора фунта. Два ковша луженые, вѣсу по два фунта. Сковородка бѣлая, другая черная, вѣсу въ нихъ пять фунтовъ безъ десяти золотниковъ. Лоханъ луженая съ обѣ стороны, вѣсу въ ней девять фунтовъ. Оловянникъ, вѣсу въ немъ девять фунтовъ. Оловяникъ, вѣсомъ семь фунтовъ. Оловяникъ, вѣсу два фунта. Два блюда бѣлыя, вѣсу въ нихъ семь фунтовъ. Кувшинъ глиняный ценинный, на немъ кровелька оловянная.

Въ соборѣ жъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія церковной казны, оброннои отъ образовъ и отъ иныхъ утварей въ ящикахъ, не запечатано, у пономарей. Вѣнецъ серебряный сканной, травы съ финифты розными. Вѣнецъ серебряный рѣзной съ чернью. Гривенка серебряная сканная, съ финифты, на ней три гнѣзда безъ каменья; вѣсу въ вѣнцахъ и въ гривенкѣ сорокъ шесть золотниковъ. Два вѣнца отъ Спасова образа, одинъ, рѣзной, другой, съ финифты, золочены, небольшіе. Двѣ дробницы серебряныя съ чернью, на одной, образъ Спасовъ, на другой, Пресвятыя Богородицы. Три дробницы серебряны, позолочены, на нихъ Святые рѣзные. Одиннадцать плащиковъ большихъ и малыхъ образныхъ, съ подписьми, серебряные, позолочены, съ чернью. Три репья серебряные, сканные, прорѣзные, по концамъ въ закрѣпкахъ, на спиняхъ тринадцать жемчужинъ, кафимскіе, небольшіе. Три репейка отъ запонъ, въ нихъ на спенькахъ три жемчужины середнія кафимскія, да гвоздокъ прибойной, золотые. Ѳъ евангелія напрестольнаго съ большаго лалъ четвероугольный и на четыре грани, въ золотомъ гнѣздѣ, около гнѣзда травки рѣзныя съ чернью, вѣсу въ немъ совсѣмъ двѣнадцать золотниковъ безъ полузолотника. Хрусталь круглый, вѣсу въ немъ четыре золотника. Восемь каменей образныхъ въ гнѣздахъ. Три камня безъ гнѣздъ, невелики, да виниска, по вѣсу въ нихъ десять золотниковъ. Камешекъ въ гнѣздѣ золотомъ. Серьга золотая, камень яхонтикъ лазоревъ, да два жемчужка невелики. Осьмнадцать плащиковъ нашиты по каймѣ тауспиной, въ нихъ сорокъ девять дробницъ, около ихъ обнизано мелкимъ жемчугомъ, во многихъ мѣстахъ жемчугъ осыпался. Шесть зеренъ жемчугу, одно большое, два середнихъ, три невеликихъ, гурмышскія. Жемчугу же на нитяхъ, по вѣсу двѣнадцать золотниковъ съ полузолотникомъ. Мелкаго жъ и середняго, по вѣсу четыре золотника съ полузолотникомъ. Мелкаго, по вѣсу шесть золотниковъ съ полузолотникомъ. Проволоки золоченой и серебряной, по вѣсу девятнадцать золотниковъ. Двадцать девять пуговокъ, серебряныя, золочены, съ патрахелей. Да серебра всякаго ломанаго, и дробницъ, всего по вѣсу восемьдесять два золотника. Крючковъ и гвоздей серебряныхъ, по вѣсу семь золотниковъ съ полузолотникомъ.

У СОБОРНЫЯ ЖЪ ЦЕРКВИ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ.

Въ церкви Входа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во святый градъ Іерусалимъ.

Двери царскія, на нихъ образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія да четыре Евангелисты. На сѣни, на срединѣ, образъ Господа Бога Саваоѳа, по сторонамъ Тайная вечеря. На столбцахъ, въ возглавіяхъ, образы: Спасовъ да Пресвятыя Богородицы, по столбцамъ образы же святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Николая чудотворца, по сторонамъ, архидіакона Стефана, дьяконовъ: Лаврентія, Евпла, и Авива; оклады: поля серебряныя, басенныя, позолочены, вѣнцы, у Спаса и у Пресвятыя Богородицы и у Архангела и у Евангелистовъ, сканные, а у святителей и у дьяконовъ, рѣзные, серебряные, позолочены. У тѣхъ же царскихъ дверей завѣса, дороги червчаты, ветха.

Образы мѣстные въ кіотехъ.

По правую сторону царскихъ дверей. Образъ Входа Господня во Іерусалимъ, окладъ и вѣнецъ серебряные сканные, позолочены, съ финифты, цата серебряная, чеканная, позолочена; подложены камкою червчатою, и та подкладка ветха.

Образъ Воскресеніе Лазарево. Окладъ и вѣнецъ и подкладка таковы же, что и у образа Входа Господня. Кіотъ древянъ, обложенъ съ лица свинцомъ прорѣзнымъ, на подзорѣ. У тѣхъ образовъ пелена, средина бархатъ золотной, травчатъ, по алой землѣ, на ней два креста, кружево серебряное, кованое, узкое, опушка бархатъ персидской, по немъ травы розныхъ шелковъ по серебряной землѣ; подложена киндякомъ алымъ. Подъ тою пеленою пелена старая, ветха; и полиняла, средина атласъ травчатый по алой землѣ, опушка бархатъ травы золотныя съ розными шелки.

На той же сторонѣ, на стѣнѣ, два образа, одинъ Богоявленія Господня, другой Леонтія Ростовскаго, штилистовые, окладъ серебряный позолоченъ, поля басемныя, вѣнцы сканные.

По лѣвую сторону царскихъ дверей. Образъ Іоанна Предтечи, окладъ басемный, вѣнецъ сканной, серебряные позолочены, въ вѣнцѣ пять репьевъ, а въ нихъ... И у того образа кіотъ и пелена такіи же, каковы у мѣстныхъ образовъ на правой сторонѣ.

Дверь сѣверная, на ней Благоразумный Разбойникъ, окладъ и вѣнецъ серебряные, басемные, позолочены.

На налоѣ образъ Входа Господня во Іерусалимъ, окладъ басемный, вѣнецъ сканный, серебряные, позолочены. На налоѣ одежда, дороги желтыя, ветхи гораздо и подраны, безъ подкладки.

Надъ сѣверными дверьми три образа, первый Воскресенія Христова, другой Пресвятыя Богородицы Печерскія, третій преподобнаго Макарія чудотворца.

Передъ мѣстными образы и у налоя четыре подсвѣчника желѣза бѣлаго.

Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образы, въ тяблѣ Деисусъ, а въ немъ, образъ Всемилостиваго Спаса, по сторонамъ образы Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Архангеловъ, Михаила и Гавріила, Апостоловъ, Петра и Павла, Святителей, Василія великаго, Григорія Богослова Іоанна Златоустаго, Николая чудотворца. Въ другомъ тяблѣ Праздники Господскіе и Богородичны, писаны краски, на нихъ оклады серебряные, басемные, позолочены, вѣнцы серебряные жь, позолочены. Передъ дѣисусомъ панникадило мѣдное нѣмецкое, въ немъ шестьнадцать подсвѣчниковъ, подъ нимъ яйцо строфокамилово, въ мѣди, подъ нимъ кисть шелковая розныхъ цвѣтовъ, съ золотомъ.

Книга Уставъ писмяной, писанъ 7114 году. Книги жъ печатныя, въ десть, въ переплетѣ, въ кожахъ; печатаны въ розныхъ годехъ. Двѣ Псалтири со возслѣдованіемъ, одна печатана во 167 году, а другая во 179 году, два Охтая во 172 году, Минея общая во 143 году, верхняя доска отломлена и листы повыдраны, двѣнадцать книгъ Миней мѣсячныхъ Сентябрь, Октябрь, во 153 году, Ноябрь во 154 году, Декабрь Генварь во 152 году, Февраль во 154, году, Мартъ Апрѣль во 153 году, Май, Іюнь, Іюль, Августъ во 154, году, Апостолъ во 128 году, Тріодь постная во 181 году, Цвѣтная во 178 году, Евангеліе толковое въ 160 году, Ефрема Сирина въ томъ же году, Соборникъ въ 155-мъ году, Прологъ мартавскія половины во 152 году; книги же въ полдесть, Служебникъ во 159 году другой во 165 году, весь избился и листы изъ переплету повыдраны, Ирмологій печатаный во 165 году, требникъ Кіевской печати, въ четверть, во 185 году.

Въ олтарѣ престолъ, на престолѣ одежда, напереди бархатъ, по немъ круги и травы золотныя съ розными шелки, на ней крестъ бархатъ золотной по червчатой землѣ, съ трехъ сторонъ атласъ золотной, по немъ травки разныхъ шелковъ. На одеждѣ пелена объярь серебряная, по ней травки золотныя розныхъ шелковъ, на ней крестъ кружево золотное кованое среднее, подложена дорогами двоелпчными. Евангеліе напрестольное въ десть, Московской печати, оболочено бархатомъ червчатымъ гладкимъ, на немъ Распятіе и Евангелисты, серебряные чеканные золочены, на задней дскѣ пять плащей и застежки серебряныя, жъ золочены; печатано во 136 году; по осмотру бархатъ полинялъ. Крестъ благословенный, окладъ серебряный, напереди рѣзной, позади гладкій; золоченъ, на немъ Распятіе и Евангелисты, по дскѣ рѣзной, чеканные; около Распятія обнизано жемчугомъ кафимскимъ мелкимъ въ одно зерно, а по осмотру, на томъ крестѣ, съ правой стороны, въ двухъ мѣстахъ жемчугъ осыпался, и того жемчугу въ казнѣ той церкви у священника Ѳедора и у дьячка тринадцать зеренъ. У креста въ подножіи нарѣзано: сдѣланъ крестъ въ церковь Вхожденіе во святый градъ Іерусалимъ, во 162 году. Въ томъ же крестѣ, по подписямъ, мощи святыхъ: Игнатія Богоносца, Антонія Римлянина, Іоанна и Моисея, архіепископовъ Новгородскихъ, Александра Свирскаго, Ефрема Новоторжскаго. На престолѣ покровъ, средина бархатъ зеленый, по немъ травы золотныя, на немъ крестъ кружево серебряное, узкое, кованое, полинило, опушка объярь золотная по алой землѣ, полиняла жъ; подложена киндякомъ, лимонный цвѣтъ. За престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы, на другой сторонѣ архидіакона Стефана, окладъ басемный, вѣнцы сканные серебряные, позолочены, съ финифты. Надъ жертвенникомъ образъ Преображенія Господня, да образъ

Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, оклады серебряные, басемные, позолочены; у Спасова образа десять вѣнцовъ рѣзныхъ, да четыре плащика серебряныхъ, съ подписьми. На жертвенникѣ пелена бархательная, ветха. Потиръ серебряный, на немъ образъ Спасовъ да образъ Пресвятыя Богородицы и Архангеловъ и подпись, рѣзные, позолочены; поддонъ мѣстами позолоченъ, на яблокѣ въ гнѣздахъ три виниски, да три бирюзки, по подписи, въ поддонѣ вѣсу три фунта тринадцать золотниковъ. Звѣзда и лжица серебряныя, копіе посеребряно и по концамъ позолочено. Дискосъ и два блюдца серебряные гладкіе. Воздухъ средина изорбафъ серебряный, по немъ травы золотныя съ розными шелки, на немъ крестъ кружево золотное кованое, опушка камка, по ней травы круглыя золотныя по червчатой землѣ, подложена тафтою лазоревою, тафта избилась. Покровъ средина изарбафная, на ней крестъ кружево золотное, опушка бархатъ золотной по червчатой землѣ, подложена тафтою лазоревою. Покровецъ ветхъ, средина изорбафная жъ, на ней крестъ, кружево кованое золотное, опушка атласъ кизылбашской золотной, по червчатой землѣ, подложена дорогами лазоревыми. Три покровца средины камочки зеленыя евскія, ветхи, на нихъ три кресты бѣлые зенденинные, опушки камочки алыя, подложены крашенною. Покровъ средина бархатъ червчатъ травчатой, опушка атласная, по немъ травки золотныя, подложенъ зенденью, ветха. Кадило серебряное позолоченое, вѣсу въ немъ, ... Кадило мѣдное, луженое. Чаша водосвященная, другая, кутейная, кунганъ, другой, малой, мѣдные, лужены; блюдо оловяное. Ковчегъ благословеннаго креста, деревянный, оболоченъ въ срединѣ бархатомъ червчатымъ гладкимъ, по немъ, по угламъ, четыре плащика и застежки серебряныя, рѣзныя, бѣлыя; а по осмотру по краямъ бархатъ обился. Ковчегъ древяной, обитъ бархатомъ червчатымъ, гладкимъ, въ немъ три ящика древяныя жъ, позолочены сусальнымъ золотомъ, окованъ бѣлымъ желѣзомъ, въ немъ кладутъ агнцы въ Великій постъ.

Ризы. Ризы изарбафъ по серебряной землѣ, по немъ травки шелковыя, оплечье атласъ золотной, травчатой по червчатой землѣ, опушка атласъ золотной же, по алой землѣ, травки шелковыя разныхъ цвѣтовъ подложены киндякомъ лазоревымъ, ветхи. Двои ризы, камка бѣлая, оплечье бархатъ винищейской, по алой землѣ травы разныхъ шелковъ; подложены киндякомъ лазоревымъ, всѣ ветхи. Ризы камка бѣлая, оплечье и крестъ бархатъ винищейскій золотной, по червчатой землѣ, ветхи гораздо. Ризы камчатыя, лазоревыя, оплечье камка травчатая по таусинной землѣ, крестъ и звѣзда дороги двоеличныя, опушка дороги таусинныя, подложены зенденью.

Подризники. Подризникъ тафтяной бѣлый, оплечье и зарукавье камочка травчатая, зеленая, подложенъ крашениною лазоревою, изодрался весь. Подризникъ дарагильной, оплечье камочка евская зеленая, ветхъ. Подризникъ дороги зеленыя, оплечье все выдрано. Подризникъ камчатый бѣлый, оплечье бархатное, травы разныхъ шелковъ по серебряной землѣ, подложенъ крашениною, ветхъ. Патрахили. Патрахиль бархатъ винищейской, по немъ круги золотные и серебряные по червчатой землѣ, кресты, іорданъ и опушка атласъ зеленый гладкій, ветха. Патрахиль бархатъ травчатый полинялъ, іорданъ дороги двоеличныя, кресты атласныя червчатыя, подложена крашениною лазоревою, ветха. Трои поручи атласныя разныхъ цвѣтовъ, всѣ ветхи. Два пояса шелковые, кисти и ворворки разныхъ шелковъ. Стихари дьяконскіе. Три стихаря камчатные, бѣлые, оплечья бархатныя, золотныя, на одномъ, травы серебряныя, опушки у двухъ, атласныя, червчатыя, у третьяго, атласъ травчатый разныхъ шелковъ, подложены киндяками разныхъ цвѣтовъ, ветхи. Стихарь дороги двоеличныя, оплечье камка сѣйная, подложенъ зенденью алою, ветхъ. Уларь средина бархатъ золотной, травчатой, по червчатой землѣ, кресты и опушка атласъ зеленый гладкій, подложены дорогами двоеличными, шесть кистей шелкъ разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ. Уларь средина объярь золотная по алой землѣ, кресты и опушка атласъ зеленый, подложенъ дорогами двоеличными, пять кистей шелковыя, разныхъ цвѣтовъ, ветхъ. Уларь такой же, ветхъ и безъ кистей. Завѣса образная киндячная, въ четырехъ полотнахъ, ветха и во многихъ мѣстехъ изодрана. Ризница деревянная, въ ней четыре ящика. Налой древяный съ затворы, въ чемъ книги кладутъ. Налой деревяный, на немъ на верху кожа красная. Двѣ оконницы большія, слюденыя, окончина меньшая.

Въ другомъ предѣлѣ, въ церкви Пресвятыя Богородицы Собора.

Двери царскія, на нихъ образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, да четыре Евангелиста. На сѣни, на срединѣ, образъ Господа Бога Саваоѳа, по сторонамъ Тайная вечеря. На столбцахъ, въ возглавіяхъ, образъ Спасовъ, да образъ Пресвятыя Богородицы, по столбцамъ же образа Свѣтителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Николая чудотворца, по сторонамъ, архидіакона Стефана, дьяконовъ: Лаврентія, Кирилла, Анфима, Авива; писаны на празелени. На дверяхъ и на сѣни и на столбцахъ оклады серебряные басемные, позолочены, вѣнцы серебряные жъ, сканные, позолочены. Въ олтарѣ у царскихъ двѣрей завѣса киндячная розныхъ цвѣтовъ.

Образы мѣстные въ кіотахъ. По правую сторону царскихъ дверей. Образъ Рождества Христова, да образъ Собора Пресвятыя Богородицы, оклады образа серебряные, сканные, позолочены, вѣнецъ у Спасова образа басемной, а у Пресвятыя Богородицы вѣнецъ и цата серебряные, чеканные, позолочены; на цатѣ двѣнадцать золотыхъ, на нихъ кресты розные. У тѣхъ образовъ пелена средина атласъ травы золотныя по серебряной землѣ, на ней два креста золотные кружево кованое узкое, опушка атласъ золотной по червчатой землѣ; подложена тафтою зеленою. Подъ пеленою, другая пелена, ветха и полиняла. Кіотъ древянъ, обложенъ свинцомъ прорѣзнымъ, на подзорѣ. Передъ тѣми образы лампада мѣдная, на чѣпочкахъ мѣдныхъ, да подсвѣчникъ деревянный. На той же сторонѣ, на налоѣ, въ кіотѣ образъ Собора Пресвятыя Богородицы, штилистовой, писанъ на полотнѣ; кіотъ обложенъ серебромъ басемнымъ, позолоченъ. Передъ тѣмъ образомъ подсвѣчникъ древянный.

По лѣвую сторону царскихъ дверей въ кіотѣ. Образъ мѣстный святыхъ Четыредесять мучениковъ, окладъ басемный, вѣнцы у Спасова образа, у мучениковъ, всѣ чеканные, серебряные, позолочены, подпись внизу рѣзная на плащѣ серебряномъ. Пелена средина обьярь золотная по алой землѣ, на пеленѣ крестъ объярь серебряная, опушка атласъ золотной, травчатой по червчатой землѣ, подложена тафтою двоеличною. Другая пелена камчатая, ветха и полиняла, подложена крашениною. Передъ тѣмъ образомъ лампада мѣдная, такая жъ, что и у Собора Богородицы.

Дверь сѣверная, на ней Благоразумный Разбойникъ, окладъ серебряный, басемный, позолоченъ.

Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образами, въ тябле: Дѣисусъ, а въ немъ: образъ Всемилостиваго Спаса, по сторонамъ образа Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Архангеловъ: Михаила и Гавріила, Апостоловъ: Петра и Павла, Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Николая чудотворца. Въ другомъ тябле Праздники Господскіе и Богородичны, писаны краски, на нихъ оклады басемные, вѣнцы сканные серебряные, позолочены. Передъ дѣисусомъ паликадило мѣдное, тройное, въ немъ осьмнадцать шандановъ съ блюдцами, подъ нимъ яйцо строфокомилово, у него кисть шелкъ разныхъ цвѣтовъ.

На лѣвой же сторонѣ, подлѣ сѣверныхъ дверей, образъ святителей Афанасія Великаго и Кирилла Александрійскихъ, окладъ серебряный, басемный, позолоченъ. У того образа пелена, средина камка рудожелтая, опушка атласъ травки золотныя по червчатой землѣ, подложена дорогами червчатами, ветха. Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образами у дѣисуса, на нижнемъ тяблѣ и по стѣнамъ шестьнадцать образовъ штилистовыхъ, на нихъ писаны Святые, оклады серебряные басемные, позолочены, у многихъ лица полиняли и оклады обломаны. Образъ благовѣрнаго князя Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина Ярославскихъ, а на немъ одинъ вѣнецъ, а двухъ вѣнцовъ нѣтъ, окладъ серебряный басемный, позолоченъ, избился. Осьмнадцать образовъ неокладныхъ осьмилистовыхъ, на нихъ писаны Святые, лица многія попортились и отъ пыли почернѣли.

Книги Московскія печати въ переплетѣ, въ кожахъ. Уставъ печатной въ полдесть, печатанъ въ 170 году. Да въ десть печатаны въ разныхъ годѣхъ. Псалтырь со возслѣдованіемъ въ 177 г., Шестодневъ, три Трефолоя съ Сентября по Іюнь въ 145 году, Минея общая съ праздники въ 186 году, Апостолъ, двѣ Тріоди постныя въ 159 году, Цвѣтная въ 161-мъ году, Евангеліе Воскресное толковое въ 168 году, Ефрема Сирина въ 161 году, Соборникъ въ 155 году. Книги же въ полдесть, Псалтырь, Часословъ, два Служебника, одинъ старый въ 159 году, новой въ 176 году, Ирмологій, Подтребникъ въ четверть, печатный, Канунникъ.

Въ олтарѣ престолъ, на престолѣ одежда вся ветха и полиняла. На престолѣ Евангеліе, печать Московская, оболочено бархатомъ чѐрвчатымъ гладкимъ, на немъ Распятіе и Евангелисты и застежки серебряные, рѣзные, позолочены, на другой дскѣ жуки серебряные гладкіе; печатано въ 141 году. Крестъ благословенный серебряный, рѣзной, въ немъ, по подписи, мощи святыхъ: Іоанна и Моисея архіепископовъ Новгородскихъ, Антонія Римлянина, Александра Свирскаго, Ефрема Новоторжскаго. Внизу подпись: сдѣланъ крестъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у великаго Государя на сѣняхъ, въ предѣлъ Собора Пресвятыя Богородицы, въ 161 году. На престолѣ покровъ, средина и крестъ камка алая, опушка атласъ червчатъ, по немъ круги золотные, подложенъ дорогами зелеными, ветхъ и полинялъ. За престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы, окладъ серебрянъ басемной, на обѣ стороны позолоченъ, вѣнцы у Пресвятыя Богородицы и у Младенца, и на другой сторонѣ у архидіакона Стефана серебряные, сканные, позолочены. Подсвѣчникъ желѣзный, луженый, рѣзной одинокой.

На жертвенникѣ одежда бархательная, ветха и полиняла. Потиръ серебряный, позолоченъ мѣстами. Дискосъ и звѣзда и блюдце и лжица серебряные бѣлые. Блюдце жъ оловянное, въ срединѣ Іоаннъ Предтеча рѣзной. Копіе желѣзное посеребряно, а въ трехъ мѣстахъ позолочено. Воздухъ, да два покровца праздничные, средина объярь серебряная, по ней травки золотныя съ шелкомъ зеленымъ. На воздухѣ и на покровцахъ кресты-кружевцы золотныя кованыя, узкія; опушка бархатъ золотной виницейскій по червчатой зем-

лѣ; подложены тафтою двоеличною. Воздухъ да два покровца повседневные, средина камка червчатая, на ней крестъ золотной, опушка камка лазоревая адамашка; подложены киндякомъ темнозеленымъ. На жертвенникѣ жъ, надъ церковными сосудами, покровъ средина камка червчатая, на ней крестъ миткалинный, опушка камка лазоревая; подложена крашенинной лазоревою; у жертвенника жъ завѣса кипдячная розныхъ цвѣтовъ, ветха и полиняла. Ковчегъ креста благословеннаго, деревянный, около его и средина оклеены бархатомъ червчатымъ гладкимъ, застежки и наугольники серебряные. Ковчегъ дароносной древянный, оклеенъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ.

Ризы. Ризы кипдячныя новыя, оплечье бархательное, подложены холстиною. Трои ризы камчатыя бѣлыя, оплечья бархатъ персидскій золотной, по немъ травы розныхъ шелковъ, подложены киндяками лазоревыми, всѣ ветхи.

Подризники. Два подризника тафтяные алые, оплечье атласъ зеленый травчатой, ветхи. Подризникъ миткалинный, оплечье бархательное, ветхъ же. Поясъ шелковый, съ кистями разныхъ цвѣтовъ. Четыре патрахили, одна бархатная, три атласныя травчатыя, у одной пуговицы оловянныя, а три безъ пуговицъ, подкладки крашенинныя, кисти у всѣхъ шелковыя; по осмотру, всѣ ветхи.

Стихари. Стихарь камчатый, бѣлый, оплечье бархать золотной персидскій по червчатой землѣ, поношенъ. Стихарь тафтяной, бѣлый, оплечье бархатъ травчатый по зеленой землѣ, ветхъ. Стихарь миткалинной, ветхъ, оплечье бархатное, травчатъ, поношенъ. Стихарь миткалинный съ уларемъ, оплечье бархательное, по алой землѣ, поношенъ. Трои поручи бархатъ персидскій, пуговицы оловянныя. Двои поручи атласъ золотной, пуговицы такія же. Двои поручи бархатъ травчатой, пуговицы оловянныя жъ, ветхи. Зерцало хрустальное, нѣмецкое. Щеть новая. Двѣ губки. Чаша водосвященная, мѣдная, лужена, вѣсомъ пять фунтовъ съ полуфунтомъ. Чаша кутейная, вѣсомъ три фунта. Кунганъ мѣдной Московскаго дѣла, луженый, вѣсомъ шесть фунтовъ съ четью. Кунганчикъ маленькій, вѣсомъ два фунта. Укропникъ мѣдный нелуженый, вѣсомъ семдесять два золотника. Два ковша мѣдные луженые, вѣсомъ сорокъ шесть золотниковъ. Кружка, четвертина, два ковша оловянные, вѣсу въ нихъ пять фунтовъ съ полфунтомъ. Блюдо оловянное, вѣсомъ три фунта. Два налоя древяные, покрыты кожею красною. Два подсвѣчника желѣзныхъ старыхъ, были передъ мѣстными образами, одинъ о шести, а другой о трехъ шанданахъ. Ризница деревяная о четырехъ ящикахъ съ замкомъ. Другая книжная, о дву ящикахъ съ замкомъ же. Столъ липовый съ ящикомъ, на которомъ святятъ воду и поникиды поютъ. Въ церквѣ жъ и въ олтарѣ шесть окончинъ слюдяныхъ.

Въ третьемъ предѣлѣ, въ церкви Архангела Гавріила.

Двери царскія, на нихъ образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, да четыре Евангелисты. На сѣни, на срединѣ, образъ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, по сторонамъ, Тайная вечеря; на столбцахъ, въ возглавіяхъ, образъ Спасовъ да образъ Пресвятыя Богородицы, по столбцамъ образа же Святителей: Василія Великого, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Николая Чудотворца; по сторонамъ, архидіякона Стефана, діяконовъ: Лаврентія, Авива, Кирилла, Филиппа; оклады басемные, вѣнцы чеканые серебряные, позолочены. У тѣхъ царскихъ дверей двѣ завѣсы.

Образы мѣстные въ кіотахъ. По правую сторону царскихъ дверей. Образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, окладъ басемный, вѣнцы сканные, серебряные, позочены; въ вѣнцахъ въ гнѣздахъ, у Пресвятыя Богородицы, лалпкъ, да двѣ жемчужины бурмыпскія, у Архангела Гавріпла зерно бурмыпское жъ, да два хрусталя. Цаты серебряныя чеканыя, позолочены. У того же образа пелена, средина атласъ венпцейскій, по немъ травы золотныя и серебряныя по алой землѣ, на ней крестъ кружево серебряное, кованое, узкое, опушка бархательная, по ней травки шелковыя, зеленыя, по серебряной землѣ. Подложена киндякомъ лазоревымъ. По осмотру та пелена ветха. Образъ Собора Гавріила Архангела, окладъ и вѣнцы сканные, серебряные, позолочены, въ вѣнцахъ лалики и смазни баусики, по счету девять. Три цаты серебряныя, чеканныя, золочены; подписи на двухъ плащикахъ серебряныхъ позолочены, наведены чернью. Кіотъ древяпъ, обложенъ свинцомъ прорѣзнымъ, на подзорѣ. У того же образа пелена средина атласъ винпцейскій червчатъ, по немъ травки золотныя, на немъ два креста бѣлые, миткалинные, опушка дороги зеленыя; подложена дорогами двоеличными, и та пелена ветха вся. Передъ тѣмп образами двѣ свѣчи восковыя, литыя, на нихъ подсвѣчники оловянные, прорѣзные, и одна свѣча переломлена.

По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, окладъ басемный, вѣнцы чеканые, серебряные, позолочены, въ вѣнцѣ, въ гнѣздахъ одиннадцать винисокъ и бирюзокъ да льяникъ; убрусъ, да два ожерелья низаны жемчугомъ кафимскимъ мелкимъ; въ убрусѣ же двѣ виписки, да двѣ бирюзки, да два смазничка, въ ожерельѣ въ сре-

динѣ бечета. Кіотъ и пелена и свѣча такіе жъ, что и передъ мѣстными образы на правой сторонѣ. Подсвѣчникъ желѣза литовскаго. У того же образа пелена другая, средина бархатъ винницейскій, по немъ травы золотныя, съ шелки, по червчатой землѣ, на ней крестъ камка бѣлая, подкладка крашенинная, лазоревая.

На сѣверной дверп Благоразумный Разбойникъ. окладъ серебряной, басемной, позолоченъ.

Надъ царскими дверми и надъ мѣстными образами въ тяблѣ Деисусъ, а въ немъ образъ Всемилостиваго Спаса, по сторонамъ, образа: Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Архангеловъ: Михаила и Гавріила, Апопостоловъ: Петра и Павла, Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Николая Чудотворца, на тѣхъ же цкахъ Праздники Господскіе и Богородичны. На другомъ тяблѣ образъ Пресвятыя Богородицы съ Пророки, писаны краски; на нихъ оклады, поля серебряныя, басемныя, позолочены, вѣнцы серебряные жъ сканные, позолочены. Передъ Дѣисусомъ паликадило мѣдное, тройное, въ немъ пятнадцать шандановъ съ блюдцами, подъ нимъ яйцо строфокомилово, у него кисть шелковая. Надъ царскими же дверьми и надъ мѣстными образами пятнадцать образовъ шестилистовыхъ, на нихъ оклады басемные, вѣнцы рѣзные серебряные, позолочены. По осмотру на тѣхъ же образахъ у всѣхъ лица попортились и оклады ветхи, во многихъ мѣстахъ избились.

Въ церкви книгъ печатныхъ, въ десть, въ переплетахъ, печатаны въ розныхъ годехъ, Псалтирь во 166-мъ году, Часословъ во 161-мъ году, Шестодневъ во 131-мъ году, Минея общая съ праздники во 158-мъ году, 4 книги Трефолой во 145-мъ году, Апостолъ во 161-мъ году, Тріодь постная во 128-мъ году, Евангеліе учительное въ воскресные дни и въ праздники Господскіе и на Богородичны и святымъ, во 160-мъ году. Книги же въ полдесть печатныя. Псалтирь во 132-мъ году, Служебникъ во 159-мъ году, другой во 164-мъ году, весь худъ, и листы выдраны.

Въ олтарѣ престолъ, на немъ, напереди, одежда бархатъ травчатъ винницейскій по золотной землѣ, на немъ крестъ, въ немъ двѣнадцать дробницъ серебряныя басемныя, золочены, на нихъ Святые, съ трехъ сторонъ атласъ мелкотравной, ветхъ и безъ подкладки; по нынѣшнему осмотру дву дробницъ нѣтъ, третья у священника той церкви въ казнѣ. На престолѣ Евангеліе печатное, въ десть, оболочено камкою червчатою, мелкотравною, на немъ Распятіе и Евангелисты басемные, серебряные, позолочены, застежки серебряныя жъ бѣлыя; печатано во 142-мъ году. Крестъ благословенный съ мощми, серебряный, Распятіе и Пресвятыя Богородицы и Херувимовъ и Ангеловъ и внизу образъ Святаго Николая чудотворца, литые, чеканные, весь позолоченъ, а въ немъ, по подписи: мощей святыхъ двунадесять, данъ въ церковь во 185-мъ году, Іюля въ 20 день. На престолѣ же покровъ, средина бархатъ золотной винницейскій, на немъ крестъ, объярь серебряная, опушка бархатъ золотной мелкотравной, подложенъ дорогами зелеными, по осмотру ветха. За престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы, на другой сторонѣ образъ архангела Гавріила, окладъ басемный, вѣнцы сканные серебряные, позолочены.

На жертвенникѣ одежда атласъ червчатъ, по немъ травы золотныя, безъ подкладки. Дискосъ и потиръ, два блюдца и звѣзда и лжица серебряные, позолочены мѣстами. Копіе желѣзное, посеребрено, а по краямъ и на срединѣ позолочено. Воздухъ средина атласъ серебряный, по немъ травы золотныя, на немъ крестъ кружево кованое, золотное, узкое, опушка атласъ золотной по червчатой землѣ, съ разными шелки. Два покровца такія жъ. Воздухъ и покровцы повседневные, средины камчатыя, червчаты, на нихъ кресты и опушка лазорева, подложены киндякомъ зеленыхъ. Пелена палойная, средина атласъ таусиный винницейскій, на ней крестъ объярь серебряная, опушка атласъ, травочки серебряныя, по алой землѣ, подложена киндякомъ лазоревымъ, по осмотру въ трехъ мѣстахъ прожжена. Пелена средина бархательная, на ней крестъ миткалиный, опушка киндякъ лазоревъ, подложена холстиною.

Ризы. Ризы камка бѣлая, оплечье бархатъ золотной персидскій, крестъ и звѣзда и опушка камка зеленая, подложены киндякомъ лазоревымъ, ветхи. Ризы дараги зеленыя, оплечье бархательное, крестъ и звѣзда камка зеленая, подложены холстиною, ветхи. Ризы третьи, всѣ ветхи и изодраны. Подризникъ тафтяной, цвѣтной, оплечье и зарукавье камка травчатая зеленая, подложенъ киндякомъ вишневымъ, ветхъ. Подризникъ дараги желтыя, оплечье камчатое, травчатое, по зеленой землѣ, подложенъ холстиною, ветхъ. Патрахиль средина бархатъ винницейскій, по немъ травы золотныя и серебряныя, по червчатой землѣ, кресты и іорданъ и опушка атласъ гладкій осиновой; на ней десять пуговицъ серебряныхъ, гладкихъ, подложена киндякомъ лазоревымъ. Патрахиль бархатъ персидскій, травчатый съ розными шелки, по рудожолтой землѣ, кресты и іорданъ и по краямъ обшито камкою зеленою, на ней три пуговицы серебряныя гладкія, подложена киндякомъ лимоннымъ, ветха. Поясъ шелковый ткапъ, въ кружки, на немъ четыре кисти шелковыя жъ, розныхъ цвѣтовъ. Двои поручи бархатъ, винницейскій, на нихъ кресты и опушки камка зелена, однѣ подложены камкою зеленою, другія, киндякомъ зеленымъ, на однихъ полторы пуговицы серебряныхъ, гладкихъ. Поручи атласъ золотной, по червчатой землѣ, кресты и опушки, ат-

ласъ гладкій, на нихъ пуговка серебряная, подложены зенденью алою, ветхи. Стихарь дьяконскій бѣлый, камчатый, оплечье и крестъ и звѣзда бархатъ золотной, по червчатой землѣ, опушка атласъ червчатъ гладкій, подложенъ киндякомъ лазоревымъ. Другой такой же, ветхъ весь. Два уларя бархатъ винищейскій, кресты и по краямъ опушка атласъ зеленой, гладкій, подложены крашенинною лазоревою. Налой деревянный, покрытъ кожею красною. Столъ липовый, съ ящики. Три окончины большихъ, слюденыя, ветхи. Окончина жъ большая вся изломана.

Въ четвертомъ предѣлѣ, святаго великомученика Георгія.

Двери царскія и сѣнь и столбцы писаны на празелени. На царскихъ дверяхъ образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія и образы же четырехъ Евангелистовъ. На сѣни, во облацѣ, образъ Спасовъ, по сторонамъ, два Ангела, окладъ и вѣнцы рѣзные серебряные, съ чернью. На столбцахъ, въ возглавіяхъ, образы: Спасовъ и Пресвятыя Богородицы, по столбцамъ образы же Святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и Николая чудотворца, Спиридонія Милитрійскаго, Анофрія Александрійскаго; по сторонамъ, въ верху, образы: архидіакона Стефана, дьяконовъ: Лаврентія, Евпла, Филиппа, да мученика Поліекта; окладъ и вѣнцы, у Василія великаго, у Григорія Богослова, у Іоанна Златоустаго, у архидіакона Стефана и у дьяконовъ, у Евпла, у Филиппа, серебряные, рѣзные, съ чернью, а десяти вѣнцовъ и окладу нѣтъ.

Образы мѣстные въ кіотахъ. По правую сторону царскихъ двѣрей. Образъ Воскресенія Христова, окладъ басенный, вѣнцы и цата рѣзные, серебряные, золочены; у того образа пелена средина атласъ червчатъ, по немъ травки золотныя, на пеленѣ крестъ кружево золотное, кованое, узкое, опушка атласъ сесеребряный, по немъ травы золотныя съ розными шелки, подложена тафтою двоеличною, и та пелена ветха вся Образъ Великомученика Георгія въ чудесѣхъ, окладъ басемный, вѣнецъ и на немъ коруна и цата чеканные, серебряные, золочены. Въ чудесѣхъ осьмнадцать вѣнцовъ, на мученикѣ, серебряные жъ рѣзные, золочены. У того образа пелена средина объярь серебряная, по ней травы розныхъ шелковъ, на пеленѣ крестъ золотной, кружево кованое, опушка изарбафъ полосатый, по немъ травы разныхъ шелковъ, подложена дарагами желтыми, и та пелена ветха. Передъ тѣми образы подсвѣчникъ желѣза бѣлаго. На налоѣ образъ великомученика Георгія, штилистовой, окладъ серебряный, позолоченъ, басемный, вѣнецъ рѣзной.

По лѣвую сторону царскихъ дверей. Образъ святаго пророка Иліи, окладъ и вѣнецъ серебряные, басемные, позолочены. У того образа пелена, средина бархатъ зеленый, гладкій, на немъ крестъ, въ немъ тринадцать дробницъ мѣдныя, золочены, опушка бархатъ золотной, по немъ травы шелкъ червчатъ; подложена тафтою лазоревою, и та пелена ветха. Подсвѣчникъ желѣза бѣлаго.

Дверь сѣверная, на ней, Благоразумный Разбойникъ, писанъ на празелени, краски. У мѣстныхъ образовъ по кіотамъ съ лица обложено свинцомъ прорѣзнымъ, на подзорѣ.

Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образами, въ тяблѣ Дѣисусъ, а въ немъ: образъ Всемилостиваго Спаса, по сторонамъ образа, Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Архангеловъ, Михаила, Гавріила, Апостоловъ Петра и Павла, Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Николая чудотворца, Петра и Алексѣя Московскихъ чудотворцевъ, Великомученика Георгія. Въ другомъ тяблѣ Праздники Господскіе и Богородичны, на десяти дскахъ. На тѣхъ же дскахъ образъ Пресвятыя Богородицы со Пророки, писаны краски, оклады на нихъ серебряные, позолочены, поля басемные, вѣнцы и оплечки рѣзные, съ чернью. Передъ Денсусомъ паликадило двойное, на немъ одиннадцать шандановъ, съ блюдцы, подъ нимъ кисть шелковая, шелкъ червчатъ да зеленъ. А по прежнимъ описнымъ книгамъ 142 году, тѣ царскія двери и дѣисусъ написаны въ Соборной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ предѣлѣ Василія Кесарійскаго.

Въ церкви книгъ печатныхъ, въ десть, въ переплетѣ, печатаны въ разныхъ годахъ. Книга Псалтырь со возслѣдованіемъ, печатана во 159 году, два Охтая въ 157 году, книги Минеи мѣсячныя печатаны: Сентябрь, Октябрь, Декабрь, Мартъ въ 153 году, Ноябрь, Февраль въ 152 году, Генварь, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ въ 154 году, Апостолъ въ 156 году. Двѣ книги Тріоди, печатаны, постная въ 164 году, цвѣтная въ 168 году, два Служебника въ полдесть печатаны, одинъ въ 159 году, другой въ 167 году, Синодикъ писмянный. Книги же четьи печатаны, Евангеліе учительное воскресное и на праздники Господскіе и Богородичны и Святыхъ, въ 137 году, двѣ книги Прологи, во весь годъ, печатаны въ 167 году, книга Ефрема Сирина и Аввы Дорофея въ 163 году.

Въ олтарѣ. Престолъ, на немъ одежда, средина бархатъ винищейскій, по немъ травы золотныя, по червчатой землѣ съ трехъ сторонъ дараги двоеличныя, и та одежда вся ветха. На престолѣ Евангеліе печатное въ десть, оболочено бархатомъ червчатымъ, гладкимъ, на немъ Распятіе Господне, и Евангелисты серебряные, чеканные, позолочены, печатано въ 136 году. Крестъ благословенный серебряной, на немъ

Распятіе Господне и образы Пресвятыя Богородицы и; Святыхъ, рѣзные, позолочены, въ подножіи великомученика Георгія, чеканный, серебряный, позолоченъ по подписямъ, въ томъ крестѣ мощи святыхъ; у креста же въ подножіи подпись: сдѣланъ крестъ въ церковь Георгія мученика въ 135 году. Покровъ средина камка червчатая, на немъ крестъ миткалиный, опушка камка лазоревая, подложена крашениною лазоревою, и тотъ покровъ ветхъ. За престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, на другой сторонѣ образъ святаго іерарха Николая чудотворца, окладъ на обѣихъ сторонахъ, вѣнцы серебряные рѣзные, позолочены, поля басемныя. На жертвенникѣ одежда, средина камка червчатая, на ней крестъ тафта бѣлая, ветха, подъ тою одеждою другая одежда, средина атласъ мелкотравный, виницейскій, ветхъ же. Потиръ, дискосъ, звѣзда, два блюдца, лжица, серебряные, позолочены мѣстами, вѣсу въ нихъ три фунта безъ чети. Копіе стальное посеребряно и позолочено, въ трехъ мѣстахъ. Воздухъ, средина атласъ золотной, травчатъ, по лазоревой землѣ, на немъ крестъ, кружево серебряное съ золотомъ, кованое, узкое, опушка атласъ золотной, по немъ травы по червчатой землѣ, подложенъ дарагами чевчатыми. Два покрова, средины атласъ серебряный, по немъ травы золотныя, шелкъ зеленъ, да рудожелтъ, кресты кружево серебряное, съ золотомъ, кованое, узкое, опушка атласъ золотной, травчатъ, по червчатой землѣ; подложены дарагами червчатыми же. Верхній покровъ, атласъ кизылбашскій, по немъ травки круглыя золотныя, на немъ крестъ объярь серебряная; подложенъ дорогами двоеличными. Кадило серебряное чеканное золочено, кольца и цѣпочка серебряныя жъ бѣлыя, вѣсомъ два фунта съ полузолотникомъ; другое, мѣдное. Укропникъ съ кровлею мѣдный, вѣсомъ два фунта съ полуфунтомъ. Ковчегъ крестный, благословеннаго креста, древяной, оклеенъ бархатомъ червчатымъ, травчатымъ, средина тафтою алою, безъ застежекъ.

Ризы. Двои ризы камчатыя бѣлыя, оплечье бархатъ виницейскій, золотной, по червчатой землѣ, опушка у однихъ, атласъ червчатъ, у другихъ, атласъ же ветхъ, подложены, однѣ, киндякомъ, другія, холстиною; и тѣ ризы ветхи гораздо. Ризы тафта двоеличная, оплечье бархатное, по немъ травки черныя по зеленой землѣ, опушка дороги зеленыя, подложены крашениною лазоревою. Подризникъ дараги двоеличныя, ветхъ, оплечье атласъ травчатой по таусинной землѣ, подложенъ крашениною лазоревою; другой, киндяшный зеленъ, оплечье и зарукавье камочка мелкотравная, опушка киндякъ алый, подложенъ крашениною лазоревою. Патрахиль бархатъ золотной, по ней травы шелкъ зеленъ, на ней кресты, іорданьи опушка атласъ червчатъ, подложена дараги алыя, ветха вся, на ней восемь пуговицъ серебряныхъ. Патрахиль бархатель травчатая, на ней кресты, іордань и опушка киндякъ лазоревъ, подложена крашениною лазоревой жъ, пуговки оловянныя. Поясъ шелковый кружковый, кисти и ворворки шелки розныхъ цвѣтовъ.

Стихари дьяконскіе. Стихарь камка бѣлая, кармазинъ, на немъ крестъ и звѣзда и оплечье и зарукавье бархатъ виницейскій, золотной, опушка атласъ червчатъ, подложенъ киндякомъ лазоревымъ, весь ветхъ. Стихарь атласъ травчатъ по зеленой землѣ, на немъ крестъ и звѣзда и оплечье и зарукавье бархатъ персидскій, полинялъ, опушка дараги червчатыя, подложены крашениною лазоревою. Уларь атласъ золотной по червчатой землѣ, на немъ крестъ и опушка атласъ зеленый гладкій, на концахъ пять кистей шелкъ разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, подложенъ дарагами рудожелтыми. Другой уларь камочка чешуйчатая, шелкъ желтъ да лазоревъ, на немъ крестъ и опушка дараги червчаты, подложенъ крашениною лазоревою. Поручи бархатъ персидскій, по немъ травы шелковыя по золотной землѣ, опушка атласъ червчатъ, подложены дарагами желтыми, ветхи. Поручи атласъ золотной мелкотравной, по червчатой землѣ, ветхи же. Пелена средина атласъ травчатъ по алой землѣ, на нихъ кресты кружево кованое, узкое, золотное, опушка атласъ травчатъ, по зеленой землѣ, подложена киндякомъ лазоревымъ, ветха. Пелена средина, атласъ рудожелтый, на ней крестъ кружево серебряное, кованое узкое, опушка тафта бѣлая, подложена крашениною, лазоревою. Ширинка тафта бѣлая шита золотомъ и серебромъ и шелками разными; по краямъ накипцено золотомъ сканнымъ.

Великомученика Георгія въ трапезѣ образовъ. По правую сторону. Пять образовъ Деисусныхъ, которые за тѣснотою не уставлись на тяблахъ въ церкви. Два образа, Вознесеніе Господне, другой, Пресвятыя Богородицы Успенія, по верхъ ихъ, на тѣхъ же цкахъ, два пророка. На трехъ образахъ, Великомученикъ Димитрій, Іона Митрополитъ, Леонтій Ростовскій. Оклады на нихъ серебряные, позолочены, поля басемные, вѣнцы рѣзные, оплечки рѣзные жъ, съ чернью. Передъ тѣми жъ образы стоятъ двѣ иконы, образъ Всемилостиваго Спаса, около его Двенадесять Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ, около ихъ Святыхъ двенадесять мѣсяцевъ, писаны на празелени. Образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, по сказкѣ ключаря Михаила, изъ предѣла Василія Кесарійскаго, писанъ на празелени. По лѣвую сторону. Образъ Пресвятыя Богородицы Успенія, съ чудесы, окладъ серебряной позолоченъ, поля басемныя, сорокъ шесть вѣнцовъ сканные, въ вѣнцахъ, у Всемилостиваго Спаса, въ гнѣздѣ, виниска, у Пресвятыя Богородицы, двѣ виниски да бирюзка, у Архангела виниска да двѣ бирюз-

ки, у святыхъ въ дву вѣнцахъ шесть винисокъ, да четыре бирюзки. Кіотъ древянъ, съ лица обложенъ свинцомъ прорѣзнымъ, на подзорѣ. У того же образа пелена средина атласъ травчатъ, по немъ травы золотныя, опушка объярь серебряная, по ней травки шелковыя, подложена киндякомъ. Передъ тѣмъ образомъ свѣча восковая, литая, насвѣчникъ оловянной прорѣзной, изъ предѣла Василія Кесарійскаго. Образы штплистовые, на празелени, по сказкѣ ключаря Михаила, перенесены изъ Соборной церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія. Образъ Пресвятыя Богородицы Рождества, окладъ басемный, пять вѣнцовъ сканные серебряные, позолочены. Образъ Іоанна Златоустаго. Образъ Святителей Петра и Алексѣя, Іоны, Московскихъ Чудотворцевъ, писаны на празелени, не въ окладѣ. Въ церкви жъ и въ олтарѣ и въ трапезѣ четыре окончины слюдяныхъ, да четыре окончины въ ставняхъ древяныхъ, обиты сукномъ зеленымъ. Дверь изъ трапезы въ церковь обита сукномъ зеленымъ, въ ней окончина слюдяная. Лавки обиты сукномъ же зеленымъ.

Блаженныя памяти великихъ государей царей и великихъ князей жалованныя грамоты.

Которыя даны Соборной церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, что у нихъ Великихъ Государей на сѣняхъ, прежнимъ протопопомъ съ братіею на вотчины ихъ, и на рыбныя ловли, и на всякія угодья, и по указу великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, по челобитью той соборной церкви протопопа Никиты, велѣно тѣ жалованныя грамоты записать въ описную же книгу, имянно для того, что тѣ жалованныя грамоты ветхи, и въ нихъ отъ небереженія многія строки съ письмомъ выдраны, и впредь тѣ грамоты отъ ветхости непрочны.

Блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всеа Россіи Самодержца жалованная грамота 7094 года Августа 25 числа протопопу Елевферію съ братіею въ Московскомъ уѣздѣ, въ Сосенскомъ стану на сельцо Сатино и на деревни, на Шелеховку, на Климову, на Ведерникову, что было то сельцо и деревни въ помѣстьѣ за Олферьемъ Григорьевымъ, со всѣми угодьи, а въ книгахъ Московскаго уѣзду письма Ивана Очина Плещѣева, да дьяка Семена Иванова, 7074 году, написано въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ пашни добрыя земли двѣсти восемь чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, а на той грамотѣ подписано царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всеа Россіи именованье, а внизу писана, что на листу печать кормчая, на красномъ воску. На той же великаго государя грамотѣ подписано: Лѣта 7133 года Апрѣля въ 30 день великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь всеа Россіи Самодержецъ и отецъ его государевъ великій государь Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всея Россіи, сея грамоты слушавъ, указали, по своему государскому уложенью, переписать вновь на ихъ государское имя, а тое жалованную грамоту указали, подписавъ на ихъ же государское имя, отдать Благовѣщенскому протопопу Максиму съ братіею, впредь для спору вотчинныхъ земель и всякихъ вотчинныхъ крѣпостей, а о всемъ указали ходити потому, какъ въ той ихъ Государской жалованной грамотѣ 133 года написано. Подъ письмомъ припись дьяка Семена Бредихина. А по осмотру та великаго Государя грамота ветха, и вомногихъ мѣстахъ изотлѣла.

Жалованная грамота блаженныя памяти великаго государя царя, и великаго князя Василія Ивановича всея Россіи Самодержца, за красною печатью, протопопу Терентію съ братіею, писана лѣта 7114 г. Іюля въ 26 числѣ, противъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ блаженныя памяти великихъ государей царей и великихъ князей, великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи Самодержца и сына его государева великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи Самодержца, въ Московскомъ уѣздѣ на село Кувѣкино, да на село Ростороново, и на деревни, и на пустоши, и на луги и на все, что къ тѣмъ селамъ и къ деревнямъ изстари потягло, и на мельницу на рѣкѣ на Деснѣ и на рыбныя ловли, которыя межъ мельницею въ верхъ и внизъ по Деснѣ рѣкѣ, и на всякія угодья противъ нихъ села Осановецкаго, съ деревнями, а сколько къ тѣмъ селамъ деревень и пашенныя земли и иныхъ всякихъ угодій, того написать не мочно: что у той государевы грамоты, съ одной стороны, у шестнадцати строкъ письма нѣтъ, отодраны, и въ пныхъ мѣстахъ отъ ветхости многихъ словъ нѣтъ же, и вся ветха гораздо, и подклеена бумагою бѣлою, и назади той жалованной грамоты великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца и великаго государя Святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха Московскаго и всея Россіи, именованія и титлы заклеены жъ бумагою, а печать кормчая цѣла.

Жалованная грамота блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца, за красною жъ печатью, протопопу Андрею съ братіею 7122 году Іюня 24 числа, противъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ, а въ ней написано: пожаловалъ онъ великій

государь въ домъ Благовѣщенію Пресвятой Богородицы въ прокъ, неподвижно, ему, протопопу Андрею съ братіею, или кто иный протопопъ будетъ, въ вѣчный поминокъ блаженныя памяти по великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Россіи и по великой княгинѣ Еленѣ, въ Московскомъ уѣздѣ село Кувѣкино, да село Росторопово съ деревнями и съ пустошами, а даны имъ тѣ села и деревни и пустоши и съ лугами и со всѣмъ тѣмъ, что къ тѣмъ селамъ и къ деревнямъ пзстари потягло и съ хлѣбомъ съ стоячимъ и съ оброкомъ денежнымъ, и съ пруды и съ мельницею на рѣкѣ на Деснѣ и съ рыбною ловлею, что межъ тою мельницею въ верхъ и внизъ въ рѣкѣ Деснѣ, противъ села Осановецкаго, съ деревнями, что у нихъ взято село Осановецкое, при прежнихъ великихъ государяхъ царяхъ и великихъ князьяхъ; да блаженныя жъ памяти великій государь царь и великій князь Михаихъ Ѳеодоровичь всея Россіи Самодержецъ пожаловалъ Благовѣщенскому протопопу Кириллу съ братіею въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ кормленіе, въ вотчину, село Нармощедъ да село Занино и Мальцово съ починки на рѣчкѣ на Увѣсѣ, да къ тому же селу деревню Любонось, и въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ угодья бортныя ухожья и рыбныя ловли, опроче отхожихъ угодій, со всѣми угодьями. А у той грамоты позади подпись великаго государя именованье и титлы заклеены бумагою, для того, что та великаго государя жалованная грамота вся ветха и во многихъ мѣстахъ строки писаныя выдраны. На той же великаго Государя жалованной грамотѣ подписано: 133 года Апрѣля въ 30 числѣ, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь всея Россіи Самодержецъ и отецъ его государевъ великій государь Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всея Россіи, ту грамоту слушавъ, указали, по своему государскому уложенію, переписать вновь, на ихъ государское имя, а прежнюю жалованную грамоту, на ихъ же Государское имя подписавъ, отдать Благовѣщенскому протопопу Максиму съ братіею, для спору вотчинныхъ земель и всякихъ угодій и иныхъ крѣпостей, а о всемъ указали ходитъ потому, какъ написано въ новой государской жалованной грамотѣ. Отъ сего письма слова выдрались, а иныхъ словъ отъ ветхости и незнать; и подъ тѣмъ письмомъ припись дьяка Семена Бредихина. Другая подпись подписана: въ 157 гову Іюля во 2 числѣ великій государь царь и великій князь Алексѣй, Михайловичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, отца своего государева, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца грамоты слушавъ, пожаловалъ Благовѣщенскаго протопопа Стефана съ братіею, велѣлъ ему толжъ грамоту подписать на свое государево царево и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца имя, и о всѣмъ велѣть дѣлать потому, какъ въ той отца его государева блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Росіи Самодержца грамотѣ написано, а которыя статьи перемѣнились его государевымъ указомъ и соборнымъ уложеніемъ 157 году, и тѣмъ статьямъ во всемъ велѣлъ государь быти по своему государеву указу и по соборному уложенію, а ямскія и стрѣлецкія деньги велѣлъ государь платить имъ по его государеву указу. Подписалъ его великаго государя указъ думный дьякъ Михайло Волошениновъ.

Жаловальная жъ грамота блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи Самодержца и отца его государева великаго государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, писана во 133 году Апрѣля въ 30 числѣ протопопу Максиму съ братіею, противъ прежней его великаго государя грамоты, какова писана и дана протопопу Кирилу съ братіею во 122 году, назади у той великаго государя грамоты на склейкѣ припись дьяка Семена Бредихина, писалъ и справилъ Жданъ Романовъ; по осмотру вся ветха и съ одной стороны сверху у двѣнадцати строкъ многія слова отодраны, печать на красномъ воску, вся изломана.

Великаго государя жалованная грамота блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца изъ приказа большаго дворца протопопу Стефану съ братіею, съ вотчинъ ихъ съ селъ и деревень ямскихъ и стрѣлецкихъ и подымныхъ и поворотныхъ денегъ и въ городовое дѣло и въ службу даточныхъ и никакихъ податей и поборовъ имать не велѣно, и изъ городовъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ въ тѣ Благовѣщенскаго собора протопопа Стефана съ братіею вотчины, въ села и въ деревни, для тѣхъ ямскихъ и срѣлецкихъ и подымныхъ и въ городовое дѣло денегъ не посылать, и съ ихъ крестьянъ по городомъ проѣзду имать и перевозовъ и мостовщины, ни проѣзжихъ пошлинъ не имать, и ни для какихъ поборовъ въ тѣ вотчины не посылать никоторыми дѣлы; а будетъ изъ городовъ воеводы и приказные люди, для тѣхъ ямскихъ и стрѣлецкихъ и подымочныхъ денегъ и въ службу даточныхъ и для всякихъ податей посылать учнутъ, а великому государю про то будетъ вѣдомо, и отъ него великаго государя тѣмъ воеводамъ и приказнымъ людямъ быть въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ. Писана великаго государя грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7163-го году Марта въ 11 день. У подлинной великаго государя грамоты на-

зади подпись, его великаго государя именованье, подписалъ дьякъ Василій Михайловъ, справка подъячаго Григорія Старкова.

По описи же печатника Дементья Минича Башмакова да дьяка Степана Ѳедорова 188 и 189 году, и по осмотру, въ той соборной церкви образовъ и всякой церковной утвари, противъ прежнихъ описныхъ книгъ дьяка Максима Чиркова, 142 году, на лицо не объявилось; а сколько чего не объявилось, и то написано въ сихъ книгахъ порознь, по статьямъ, ниже сего.

А соборныя церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія ключарь Михайло Нефедьевъ сказалъ: По указу де блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, велѣно ему въ той соборной церкви быть въ ключаряхъ умершаго ключаря жъ на Васильево мѣсто Климонтова; и послѣ де его ключаря Василья въ той соборной церкви тѣхъ образовъ и церковной всякой утвари, чего по нынѣшней описи и по осмотру на лицо не объявилось, въ пріемѣ у него не было: знатно де то, что тѣ образа и церковная и всякая утварь, по указу блаженныя памяти великаго государя, изъ той церкви взяты, а въ то мѣсто въ ту церковь образы же и церковная утварь присланы вновь; а ризы де и подризники и патрахили и поясы и дьяконскіе стихари и уларн и поручи, отъ ветхости, отставлены и даваны въ свудные монастыри и къ церквамъ, а въ иныхъ похоронены Благовѣщенскіе соборные и предѣльные священники и дьяконы.

Царскія двери и сѣнь и столбцы обложены мѣдью золочепою; на дверяхъ, по спинамъ, семдесятъ девять хрусталей, въ затворехъ и въ сѣни выбиты на мѣди образы: Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе Господне.

Образовъ. Образъ Спаса Нерукотвореннаго, съ другой стороны, образъ Зачатія Святыя Анны, въ кіотцѣ. Кіотъ обложенъ серебромъ басемнымъ, позолоченымъ. Противъ праваго крылоса, на налоѣ, образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, осмилистовой, обложенъ серебромъ басемнымъ, золоченымъ, вѣнцы серебряные, сканные, на подзорѣ, позолочены. У образа пелена бархатъ золотной по рудожелтой землѣ. На налоѣ одежда золотная, шушанчатая. Подсвѣчникъ деревянный съ яблоки, позолоченъ. По сказкѣ ключаря, взятъ тотъ образъ къ великому государю въ верхъ, въ столовую, въ прошломъ, во 187 году. Образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, что взятъ изъ Большія казны. Образъ Пресвятыя Богородицы Рождества шестилистовой, окладъ серебряный, басемной, вѣнцы сканные, невелики, серебряные, золочены. На нижнемъ тябле двадцать два образа розныхъ святыхъ, въ кіотцахъ, писаны Святые на полотенцахъ, у кіотцевъ поля обложены серебромъ басемнымъ, золоченымъ. Одиннадцать образовъ писаны Владычни Праздники на полотенцахъ. Три кіотца порожніе, невелики, обложены серебромъ басемнымъ, золоченымъ; въ нихъ ставятъ Праздники, которые писаны на полотенцахъ.

Книгъ церковныхъ. Апостолъ письменный, въ десть, въ доскахъ, оболоченъ кожею красною, на немъ три жучки серебряные, застѣжки мѣдяныя. Уставъ письменный, въ десть, въ доскахъ, оболоченъ кожею красною, безъ застежекъ; и нынѣ тотъ Уставъ въ предѣлѣ Входа въ Іерусалимъ. Минея въ десть, печать Московская, въ доскахъ, оболочена кожею красною, застежки и жучки мѣдные. Семь Миней Строгоновскихъ, письменныя, въ десть, Сентября, Октября, Ноября, Декабря, Генваря, Февраля, Апрѣля мѣсяцовъ, да три книги Минеи печатныя, одна въ десть, двѣ въ полдесть, въ доскахъ, оболочены кожами красными, застежки мѣдныя. Двѣ книги мѣсяца Мая, третья Іюня. Четыре Минеи мѣсячныя, письменныя, въ десть, Сентября, Октября, Ноября, Декабря мѣсяцовъ, переплетены въ доскахъ оболочены кожами красными, безъ застежекъ. Пять Миней мѣсячныхъ, писменныя, въ полдесть, оболочены кожею красною, ветхи, двѣ, мѣсяца Февраля, двѣ Іюня мѣсяца да Іюля мѣсяца. Два Трефолоя письменные, въ десть, на весь годъ, съ новыми чудотворцами, шестерики, обѣ въ доскахъ, оболочены кожею красною, застежки и жуки мѣдные. Тріодь цвѣтная въ десть, печать Московская, въ доскахъ, оболочена кожею красною, застежки мѣдныя. Книга Евангеліе толковое, въ десть, печать Московская, въ доскахъ, оболочена кожею красною, застежки и жучки мѣдныя. Два Пролога въ десть, письменные, на весь годъ, въ доскахъ, одинъ оболоченъ кожею черною, застежки и жучки мѣдныя. Служебникъ печать Московская, оболоченъ кожею красною, застежки мѣдныя. Потребникъ въ полдесть.

Съ образовъ окладовъ серебряныхъ и иныхъ утварей. По правую сторону царскихъ дверей. Съ Спасова образа мѣстнаго, окладу, что былъ на поляхъ, серебрянаго, басемнаго, золоченаго. У того жъ образа, пелены, средина бархатъ зеленъ, золотной, по червчатой землѣ, на ней крестъ камка бѣла, опушка камка чешуйка золотная, подложена киндякомъ алымъ. Другая пелена средина камка лазорева съ бѣлымъ шелкомъ, безъ креста, опушка камка черная съ золотомъ, подложена тафтою цѣнинною. У образа Пресвятыя Богородицы Донскія на цатѣ, съ другаго креста золотаго, у обнизи девятнадцати жемчужинъ кафимскихъ; то же; образа съ пелены, со креста, дробницы серебряныя позолоченой. На кіотѣ затворномъ у

Іоанна Богослова и у Марка Евангелиста, дву плащиковъ съ подписми, у Преподобныхъ, четырехъ плащиковъ съ подписьми жъ. У того жъ кіота, пелены средина камка червчата, безъ креста, опушка атласъ золотной, подложена тафтою червчатою. Съ мѣстнаго образа Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія окладъ вѣнцы и оплечки и поля серебряные, басемные, позолочены, въ вѣнцахъ у Пресвятыя Богородицы и у Архангела каменья, по два вареника червчатые, да по два смазня лазоревыхъ, золотаго двойнаго, да шестдесятъ одного золотаго, угорскихъ и арабскихъ. По сказкѣ ключаря Михаила, про окладъ и про золотые невѣдаетъ. У того же образа пелены средина алтабасъ золотной, на ней крестъ бархатъ цвѣтной, опушка бархатъ золотной по червчатой землѣ, подложена тафтою лазоревою. У образа Единороднаго Сына Слово Божіе съ Праздники, пелена средина бархатъ багровъ на золотѣ, опушка бархатъ зеленъ на золотѣ, съ кистьми.

По лѣвую сторону царскихъ дверей. У образа Пресвятыя Живоначальныя Троицы, пелена средина бархатъ золотной по червчатой землѣ, на ней крестъ алтабасъ золотной, опушка атласъ золотной по червчатой землѣ, подложена тафтою червчатою; да у того же образа подсвѣчникъ оловяный, литъ, о трехъ шанданахъ, съ яблоками. У Спасова образа пелена средина камка алая, на ней крестъ камка бѣлая, опушка камка зеленая, подложена тафтою лазоревою. Подсвѣчникъ оловянный литой, одинокой, съ яблоками. У образа Пресвятыя Богородицы Одигитріи, пелена средина бархатъ зеленъ золотной по червчатой землѣ, на ней крестъ камка бѣлая, опушка атласъ червчатъ, съ золотными круги, подложена тафтою рудожелтою. У образа Страшнаго Суда Божія пелена безъ креста и безъ подкладки, средина бархатъ золотной, травы зеленыя по червчатой землѣ, опушка бархатъ золотной по червчатой землѣ.

По правую сторону, по сторонѣ царскаго мѣста, у столпа, позади. У образа Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, пелена ветха, безъ креста и безъ опушки, средина бархатъ зеленъ золотной по червчатой землѣ. У того жъ образа подсвѣчникъ литой мѣденой, одинокой, съ яблоками. У образа святаго Николая Чудотворца, изъ вѣнца дву зеренъ жемчужныхъ, да подсвѣчника мѣденаго литаго, одинокаго, съ яблоки.

По лѣвую сторону у столпа. У Спсовоа образа, что межъ Смоковницъ, пелена ветха, средина камка червчата, на ней крестъ камки бѣлой, опушка камка зеленая. У Спасова образа, что Чудеси Самарянина Фотинія, по прежнимъ описнымъ книгамъ, изъ вѣнцовъ, яхонтика лазореваго, хрусталя на подзорѣ, да бауса, у Фотинія дву яхонтовъ лазоревыхъ и съ гнѣздами.

На налоихъ. У образа Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія на пеленѣ изъ креста, осмь дробницъ серебряныхъ басемныхъ, золочены. У образа Пресвятыя Богородицы Барлавскія, съ пелены дву репьевъ серебряныхъ басемныхъ, золоченыхъ, двадцати шести жемчужинъ кафимскихъ. У образа Пресвятыя Богородицы Боголюбскія, съ коруны на закрѣпкахъ пятнадцать зеренъ жемчужинъ,, въ другой цатѣ, изъ гнѣзда камени.

Въ олтарѣ, на престолѣ. Евангелія тетро, письмянное, въ полдесть, оболочено камкою золотною по червчатой землѣ, Распятіе Господне и Евангелисты серебряные, басемные, золочены, застежки и жучки серебряные жъ. Другое Евангеліе писмянное жъ, въ десть, бумага Александрійская. Крестъ воздвизальной, спиалойной, обложенъ серебромъ, на немъ Распятіе Господне, серебряной, литой весь, окладъ золоченъ. Со креста воздвизальнаго, съ задней стороны шести плащиковъ серебряныхъ. Со креста съ большаго, что носятъ въ ходы, изъ гнѣзда каменья, да четырехъ каменей и съ гнѣздами. У другаго большаго креста въ возглавіи дву гнѣздъ съ каменьемъ, да изъ гнѣздъ дву каменей. На престолѣ одежда спереди бархатъ золотной по червчатой землѣ, крестъ алтабасъ золотной; сверху на престолѣ и съ трехъ сторонъ бархатъ рытой, шелкъ червчатъ да зеленъ по бѣлой землѣ.

Напрестолные покровы. Покровъ средина бархатъ рытой, шолкъ червчатъ да зеленъ по бѣлой землѣ, крестъ бархатъ вишневый травчатой по червчатой землѣ, опушка бархатъ вишневъ залотной, по червчатой землѣ. Другой покровъ большой, средина объярь кушатчатая, крестъ и опушка и подкладка крашенинная. На жертвенникѣ одежда, со сторонъ атласъ лазоревъ, гладкій, съ переди бархатъ вишневъ, травы золотныя по червчатой землѣ, крестъ алтабасъ золотной.

Сосудовъ. Потиръ оловяный, звѣзда и копіе мѣдные. Покровъ на жертвенникѣ, средина бархатъ золотной по червчатой землѣ, крестъ и опушка алтабасъ золотной. Другой покровъ, средина атласъ желтъ, опушка камка сѣйная, подложенъ крашениною. Третій покровъ, средина камка лазорева, адамашка, а опушка камка золотная по червчатой землѣ, подложенъ тафтою лазоревою. На жертвенникѣ же подсвѣчникъ мѣдный, небольшой. Надъ жертвенникомъ, надъ образомъ пресвятыя Богородицы Знаменія, который нынѣ въ предѣлѣ, въ трапезѣ, Великомученика Георгія, поверхъ покровъ алтабасъ золотной, опушка камка лазорева, подложенъ тафтою желтою. Убрусъ пресвятыя Богородицы, ветхъ, тафта червчатая, бурская, по концамъ камка багрова, по немъ низано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно, промежъ жемчугу дробницы мѣлкія серебряныя, басемныя, позолочены;

а по сказкѣ ключаря, въ томъ убрусѣ сдѣланъ сулокъ. Сударь, на немъ шитъ золотомъ и серебромъ съ шелки розныхъ цвѣтовъ образъ пресвятой Богородицы Благовѣщенія по червчатой камкѣ, опушка алтабасъ золотной, по зеленой землѣ.

Пелены образовыя. Пелена средина камка лазорева, на ней крестъ, на крестѣ пятнадцать дробницъ серебряныхъ, басемныя, золочены, около дробницъ и слова низаны жемчугомъ въ одну нить, кафимскимъ, опушка бархатъ винницейскій, шелкъ червчатъ да желтъ съ золотомъ, подложена тафтою желтою. Пелена Спасова образа, передъ государскимъ мѣстомъ, средина бархатъ таусиный, крестъ дробницы сканныя серебреныя, позолочены, слова и около дробницъ было низано жемчугомъ, и жемчюгъ осыпался, опушка атласъ червчатъ, подложена тафтою лазоревою. Пелена у образа Пресвятые Троицы, средина атласъ травчатый, по червчятой землѣ травы золотныя, крестъ дробницы серебряныя, позолочены, на нихъ Святые чеканные, слова низаны жемчугомъ въ одно зерно, а около дробницъ низано жемчугомъ же, въ два зерна, кафимскимъ, подложена тафтою червчатою, одной дробницы нѣтъ. Пелена Спасова образа подлѣ пресвятыя Троицы, средина атласъ золотной по серебряной землѣ, опушка атласъ золотной по таусиной землѣ, подложена кумачемъ вишневымъ. У того же образа другая пелена, средина атласъ золотной по червчатой землѣ, на ней крестъ камка бѣлая цвѣтная, опушка бархатъ червчатъ съ золотомъ, подложена дарагами вишневыми. Пелена мѣстнаго образа Пресвятыя Богородицы, средина камка червчата, на ней три креста дробничныхъ, серебряные, басемныя, на нихъ Святые чеканные, около дробницъ обнизано жемчугомъ, опушка камка лазорева, по ней около плащей и травъ низано жемчугомъ; въ крестѣ и по полямъ нѣтъ тритцати плащей, жемчугъ во многихъ мѣстехъ высыпался, подложена кутнею вишневою. Пелена Пресвятыя Богороодицы Тихвинскія, средина атласъ травы серебряныя по лазоревой землѣ, на ней крестъ тафта червчата, опушка алтабасъ золотной, подложена кумачемъ вишневымъ. Одежда налойная камочка червчата бурская, шелкъ бѣлъ да зеленъ, рыбки золотные, на ней три креста камчаты, бѣлые. Пелена налойная камка червчата, опушка алтабасъ шелкъ лазоревъ съ золотомъ.

Ризы. Ризы и оплечье камка бурская, по бѣлой землѣ шелкъ червчатъ, лазоревъ, зеленъ, багровъ съ золотомъ, крестъ и звѣзда дробницы серебряные басемные, золочены, около обнизано мелкимъ жемчугомъ въ одно зерно, опушка дараги полосатыя, подложена зеньденью дымчатою, въ крестѣ нѣтъ четырехъ дробницъ. Ризы атласъ золотной по серебряной землѣ съ розными цвѣты, опушка золотная, по червчатой землѣ, подложены тафтою зеленою. Ризы атласъ золотной по серебряной землѣ, оплечье атласъ золотной по червчатой землѣ, опушка золотная по червчатой землѣ, подложены киндякомъ дымчатымъ. Ризы атласъ золотной, по серебряной землѣ шелкъ червчатъ и зеленъ, оплечье шито золотомъ и серебромъ по бархату червчатому, аксамичень, около оплечья опушка атласъ золотной по червчатой землѣ, подложены тафтою двоеличною, опушка нижняя камка зелена евская. Ризы камка бѣлая куфтерь, оплечье бархатъ золотной кизылбашкій, опушка камка кизылбашская, подложены киндякомъ лимоннымъ. Ризы камка бѣлая куфтерь, оплечье серебреное цвѣтное, опушка камка зеленая кизылбашкая, подложены киндякомъ лазоревымъ. Ризы камка бѣлая куфтерь, оплечье бархатъ червчатъ круги серебряные, опушка камка кизылбашская, подложены киндякомъ чернымъ. Ризы камка бѣлая куфтерь, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, опушка атласъ золотной по червчатой землѣ, подложены киндякомъ зеленымъ. Двои ризы камка бѣлаа адамашка, оплечье у обѣихъ бархатъ виницейскій шелкъ червчатъ съ золотомъ да съ серебромъ, около оплечья опушка камка багрова адамашка, нижняя опушка тафта червчатая, подложены бязью. Ризы камка дымчата, кизылбашская, ветчаны, подложены зенденью зеленою, оплечье атласъ золотной по червчатой землѣ, опушка дараги полосатыя, подложены кутнею. Ризы камка багрова адамашка, крестъ и оплечье шито золотомъ да серебромъ и разными шелками по черному бархату, звѣзда и опушка камочка цвѣтная, подложена тафтою лазоревою. Ризы камка таусинная, оплечье шито золотомъ и серебромъ и розными шелки по черному бархату, крестъ и звѣзда атласъ золотной, опушка камка кизылбашская серебряная цвѣтная, подложена камкою цвѣтною шелкъ желтъ, да зеленъ. Ризы камка бѣлая кармазинъ, оплечье атласъ залотной, опушка камка евская. Ризы камка багрова, оплечье алтабасъ нѣмецкій. Ризы камка бѣлая нѣмецкая, оплечье камка бурская съ золотомъ, травы разныхъ шелковъ, около оплечья, опушка и звѣзда тафта полосатая, по ней кружево широкое, золото съ серебромъ, нижняя опушка тафта червчата бурская, подложана скатертью нѣмецкою. Ризы тафта таусиная шамская, крестъ, и оплечье и звѣзда камка багрова, подложены крашениною лазоревою, ветхи. Ризы тафтяныя, двоеличные, оплечье бархатъ чернь по червчатой землѣ, опушка камочка таусиная, подложены киндякомъ. Ризы дороги бѣлые, оплечье бархатъ виницейскій, шелкъ червчатъ съ золотомъ, опушка кутня полосатая. Ризы дараги бѣлые, опушка дараги полосатыя, подложены полотномъ. Ризы дараги мешецкіе гвоздичьныя, крестъ и оплечье и звѣзда бархатъ зо-

лотной по вишневой землѣ, опушка тафта вишнева, подложены зенденью вишневою.

Стихари подризные и дьяконскіе. Стихарь большихъ жемчужныхъ ризъ, камка кизылбашская двоеличная, оплечье и зарукавье бархатъ рудожелтъ, опушка камка кизылбашская, подложенъ киндякомъ зеленымъ. Стихарь камка гвоздичная кармазинъ, крестъ и оплечье и зарукавье бархатъ золотной виницейскій по червчатой землѣ, низаны мелкимъ жемчугомъ въ два зерна, опушка алтабасъ золотной по зеленой землѣ, подложена тафтою двоеличною. Стихарь мухояръ лазоревъ турскій, крестъ и оплечье и зарукавье драги полосатыя, опушка тафта таусинная, безъ подкладки. Два стихаря камка бѣлая куфтерь, оплечье бархатъ кизылбашскій, опушка камка кизылбашская. Стихарь камка бѣлая куфтерь, подложенъ киндякомъ лазоревымъ, оплечье алтабасъ золотной по серебряной землѣ, опушка камка кизылбашская цвѣтная, подложена тафтою червчатою. Стихарь камка вишневая евская, оплечье бархатъ зеленъ по червчатой землѣ, опушка камка цвѣтная, подложенъ киндякомъ чернымъ.

Написаны стихари ветхіе. Стихарь камка бѣлая кармазинъ, оплечье атласъ золотной по алой землѣ, опушка камочка цвѣтная. Стихарь камка бѣлая кармазинъ, оплечье атласъ золотной. Стихарь камка бѣлая куфтерь, оплечье бархатъ чеервчатъ по желтой землѣ, опушка камочка цвѣтная, подложенъ киндякомъ чернымъ. Стихарь камка гвоздичная куфтерь, крестъ и оплечье и зарукавье бархатъ золотной вишневъ по червчатой землѣ, опушка атласъ вишневъ, подложенъ зенденью лазоревою. Стихарь камка кружчатая, починенъ изуфью, оплечье камка червчата, цвѣтная, съ мишурою, подложенъ киндякомъ желтымъ, опушка кизылбашская, подложена изуфью зеленою. Стихарь камка бѣлая адамашка, оплечье и зарукавье бархатъ виницейскій, толкъ червчатъ да зеленъ, съ золотомъ, верхняя опушка тафта цвѣтная, подложенъ бязью. Стихарь камка вишнева адамашка, крестъ и оплечье и зарукавье бархатъ золотной вишневъ по червчатой землѣ, опушка камка цвѣтная, подложенъ крашениною. Стихарь тафта бѣлая шамская, оплечье и зарукавье камка бурская, шелкъ червчатъ лазоревъ, багровъ, съ золотомъ, около оплечья опушка тафта шамская багрова, нижняя опушка тафта червчата бурская, подложена бязью. Стихарь тафта двоеличная шелкъ зеленъ да лазоревъ, оплечье бархатъ червчатъ по бѣлой землѣ, подложенъ киндякомъ зеленымъ, опушка кутня полосатая, подложена киндякомъ желтымъ. Стихарь тафтяной бѣлый, оплечье бархатъ червчатъ, зарукавье камка сѣйная, опушка кутня лазорева полосата. Стихарь тафта бѣлая, оплечье бархатъ червчатъ по бѣлой землѣ, подложенъ холстиною. Три Стихаря миткали бѣлые, у двухъ оплечье бархателное, у третьяго камка зелена. Стихарь миткали бѣлые, оплечье и зарукавье камка бурская, по алой землѣ шелкъ зеленъ да желтъ съ золотомъ, около оплечья опушка тафта шамская, вишнева, нижняя опушка тафта червчата, бурская, подложена бязью. Стихарь миткали бѣлые, оплечье и зарукавье бархатель рудожолтая, около оплечья опушка камка черна, бурская, нижняя опушка тафта червчата, бурская; подложенъ бязью. Стихарь полотняной, оплечье и зарукавье выбойка турская.

Патрахили. Патрахиль бархатъ золотной казылбашской, подложена киндякомъ зеленымъ, на ней двѣнадцать пуговокъ серебряныхъ. Патрахиль бархатъ кизылбашскій, обложена камкою зеленою, подложена киндякомъ зеленымъ, на ней двѣнадцать пуговокъ серебряныхъ. Двѣ патрахили бархатъ виницейскій шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, одна подложена тафтою, а другая зенденью лазоревою. Патрахиль бархатъ червчатъ, по бѣлой землѣ, опушка камочка зеленая, на ней тринадцать пуговокъ серебряныхъ. Патрахиль бархатъ голубой, на ней тринадцать пуговокъ серебряныхъ. Патрахиль атласъ турской серебряной, подложена тафтою ветхою, на ней шеснадцать пуговокъ серебряныхъ. Патрахиль атласъ золотной, по серебряной землѣ, кресты и опушка камка червчата, подложена тафтою зеленою, на ней пятнадцать пуговокъ серебряныхъ, позолочены, девять кистей розныхъ шелковъ съ золотомъ, ворворки серебряныя. Патрахиль атласъ цвѣтной золотной, желтый, опушка камка лазорева, на ней десять пуговокъ серебряныхъ. Патрахиль камка кармазинъ, опушка камка кизылбашская, на ней пятнадцать пуговокъ серебряныхъ. Патрахиль камка зеленая двоеличная, опушка дороги червчаты, на ней пятнадцать пуговокъ. Патрахиль камка таусинная травы зеленыя, на ней пятнадцать пуговокъ. Патрахиль камка дымчатая кизылбашская, на ней семнадцать пуговокъ серебряныхъ.

Патрахили написаны ветхіе. Патрахиль бархатъ золотной, по червчатой землѣ, кресты и опушка тафта вишнева, подкладка крашенинная. Патрахиль бархатъ золотной по таусинной землѣ, кресты и опушка тафта гвоздичная. Патрахиль бархатъ золотной по червчатой землѣ, кресты и опушка тафта вишневая, подкладка крашенинная. Патрахиль камочка черная, кресты и опушка тафта багрова, подложена крашениною. Двѣ патрахили бархатъ бурской.

Поясы. Поясъ тканъ въ кружки, шелкъ лазоревъ, въ золотомъ, ворворки низаны жемчугомъ. Поясъ шолкъ червчатъ да желтъ, въ кистяхъ шелкъ разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ и серебромъ, ворворки серебряныя.

Поручи. Поручи камка таусинная, снарядъ съ нихъ снятъ, а на ней, по плащу, на одной, Спасовъ образъ рѣзной, съ чернью, на другой, образъ Пресвятыя Богородицы, да шестнадцать дробницъ сканныхъ съ финифтью; около Спасова образа и Пресвятой Богородицы и дробницъ обнизано жемчугомъ, двадцать пуговокъ серебряные гладкіе, да двѣ позолочены. Поручи бархатъ золотной кизылбашской, на нихъ двѣнадцать пуговокъ серебряныхъ. Трои поручи бархатъ виницейскій шелкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, опушены камочкою бѣлою, подложены бязью. Поручи бархатъ червчатъ по бѣлой землѣ, опушка камочка зелена, на нихъ двѣнадцать пуговокъ серебряныхъ. Поручи бархатъ червчатъ по бѣлой землѣ, на нихъ десять пуговокъ серебряныхъ. Поручи бархатъ зеленъ по желтой землѣ, на нихъ четырнадцать пуговокъ серебряныхъ. Поручи бархатъ голубъ, на нихъ двѣнадцать пуговокъ серебряныхъ. Поручи бархатъ кизылбашскій, обложены камкою зеленою, подложены киндякомъ зеленымъ, на нихъ двѣнадцать пуговокъ серебряныхъ. Поручи атласъ золотной, турской, по серебряной землѣ, подложены киндякомъ зеленымъ, на нихъ десять пуговокъ серебряныхъ. Двои поручи камка зелена цвѣтная, у нихъ двадцать пуговокъ. Четыре поручи камка лазорева, у нихъ сорокъ пуговокъ серебряныхъ. Двои поручи камка кизылбашская, на нихъ по десяти пуговокъ серебряныхъ. Поручи камка дымчатая кизылбашская, на нихъ четырнадцать пуговокъ серебряныхъ.

Улари. Уларь золотной, съ кистями. Уларь бархатъ золотной по червчатой землѣ, подложенъ зенденью зеленою. Уларь бархатный, опушка кутия полосатая, подложенъ киндякомъ лазоревымъ. Уларь бархатный, подложенъ киндякомъ чернымъ. Два уларя камка кизылбашская.

Кадило мѣдное круглое.

Въ той же соборной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что былъ предѣлъ Василія Великаго, по прежнимъ же описнымъ книгамъ дьяка Максима Чиркова, на лицо пѣтъ.

Образъ Пресвятыя Богородицы Коневскія, мѣстный, въ кіотѣ; около Пресвятыя Бородицы въ оплечкахъ писаны Святые на празелени.

На лѣвой сторонѣ отъ царскихъ дверей.

Образъ мѣстной, въ кіотѣ, Пресвятыя Богородицы Евфиміевскія, вѣнецъ и оплечки и поля обложены серебромъ басемнымъ, позолоченымъ. Прикладъ у Пресвятыя Богородицы три гривны витыя, серебряныя, да три гривны мѣдныя, позолочены. У образа пелена тафта червчата, на пеленѣ крестъ низанъ жемчугомъ мелкимъ, въ крестѣ двѣ дробницы серебряныя, позолочены, а двухъ дробницъ нѣтъ, опушка бархатъ золотной по зеленой землѣ. Кіотъ обложенъ свинцомъ на подзорѣ. Передъ образомъ свѣча мѣсная, пуда въ полтора, на ней насвѣчникъ свинцовый рѣзной. Образъ мѣстный Апостоли во облацехъ, писанъ на золотѣ; кіотъ обложенъ свинцомъ на подзорѣ.

Надъ дверьми царскими. Въ кіотѣ, Деисусъ поясной, на девяти дскахъ, пятница меншая; на деисусѣ вѣнцы и оплечки и поля рѣзные, серебряные, съ чернью, позолочены; у Предтечи вѣнецъ отнятъ. Кіотъ писанъ золотомъ съ травы. Въ олтарѣ. На престолѣ одежда, спереди бархатъ золотной по червчатой землѣ, на ней крестъ олтабасъ золотной, поверхъ престола и съ трехъ сторонъ бархатъ рытый, шелкъ зеленъ да червчатъ по бѣлой землѣ. На престолѣ же Евангеліе тетръ письмяное, въ полдесть, оболочено камкою золотною по червчатой землѣ, Распятіе и Евангелисты и застежки и жуки серебряные, басемные позолочены. Крестъ воздвизальной серебряный, рѣзной, позолоченъ; по сказкѣ ключаря Михаила, отданъ, по указу блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, Грузинской царицѣ, какъ отпущена съ Москвы въ Грузію. Покровъ напрестольный, средина бархатъ рытый, шелкъ зеленъ да червчатъ по бѣлой землѣ, на немъ крестъ бархатъ вишневъ по червчатой землѣ, опушка бархатъ вишневъ золотной по червчатой землѣ. За престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басемнымъ, оплечки серебро гладкое, безъ позолоты, вѣнецъ жемчужной, жемчугъ низанъ по червчатому атласу въ одно зерно, въ вѣнцѣ дробницы серебряныя, гладкія, съ чернью; въ томъ же вѣнцѣ шесть мѣстъ порожнихъ, а въ нихъ были дробницы. Да прикладу у Пресвятой Богородицы: гривна низана по лазоревой камкѣ мѣлкимъ жемчугомъ, въ той же гривнѣ семь мѣстъ порожнихъ, а въ нихъ были дробницы: на той же дскѣ, на другой сторонѣ, образъ Николы чудотворца, по полямъ окладъ серебряный, басемной, позолоченъ, вѣнецъ и оплечки серебро рѣзное съ чернью, въ вѣнцѣ четыре яблока серебряныя съ чернью; съ нижняго поля съ обѣ стороны окладъ снятъ.

На жертвенникѣ сосуды. Потиръ и блюдца оловянные, звѣзда и копіе мѣдное. На нихъ покровы. Покровъ большой, средина объярь кушачатая, на немъ крестъ и опушка и подкладка крашенинная. Другой покровъ средина атласъ желтъ, опушка камка сѣйная, подложенъ крашениною. Третій покровъ средина камка лазорева адамшка, опушка камка золотная по червчатой землѣ, подложенъ тафтою лазоревою. На жертвенникѣ жъ подсвѣчникъ мѣдный невеликъ. Кадило мѣдное круглое.

Сей списокъ съ подлинною переписною книгою чли подъячіе: Бориско Гавриловъ, Мишка Денисовъ, Андрюшка Протопоповъ.

Великихъ государей царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ три грамоты изъ Помѣстнаго приказа въ Володиміръ, къ стольнику и воеводѣ къ Дмитрею Наумову, за приписью дьяка Анисима Невѣжина, въ Переславль рязанскій, къ стольнику и воеводѣ къ Максиму Селиванову, въ Касимовъ, къ воеводѣ къ Аѳанасью Яхонтову, за приписью дьяка Семена Иполитова Въ нихъ написано: въ нынѣшнемъ, во 191 году, Мая въ 3 день, по указу великихъ государей и по подписной челобитной, за помѣтою думнаго дьяка Емельяна Украинцева, велѣно владѣть Благовѣщенскаго собора, что у нихъ великихъ государей на сѣняхъ, протопопу Никитѣ въ Володимірскомъ и въ Касимовскомъ и въ Рязанскомъ уѣздахъ рыбными ловлями: Рубецкою Ватагою, отъ Добрынина острова внизъ Окою рѣкою до Краснаго острова по Ибердовскую Ватагу, по обѣ стороны Оки рѣки, съ озеры и съ истоки и съ заливы и съ переливы и съ малыми глухими озерки, по прежнему, какъ владѣли прежніе протопопы до ихъ великихъ государей указу и до вершенья дѣла; и о томъ, для вѣдома, велѣно къ нимъ, великимъ государямъ, къ Москвѣ, писать въ помѣстный приказъ, къ боярину ко князю Ивану Борисовичу Троекурову съ товарищи, а, прочетъ тѣ великихъ государей грамоты, и, списавъ съ нихъ списки слово въ слово, велѣно оставить въ Володимірѣ, въ Переславлѣ рязанскомъ и въ Касимовѣ въ сѣзжихъ избахъ, а подлинныя великихъ государей грамоты велѣно отдать Благовѣщенскаго собора, что у нихъ великихъ государей на сѣняхъ, протопопа Никиты крестьяномъ его, съ росписко̀ю, впредь для иныхъ воеводъ и приказныхъ людей; писаны на Москвѣ, лѣта 7191 года, Мая въ 12 день. У подлинныхъ великихъ государей трехъ грамотъ справка подъячяго Якова Никитина. И тѣ подлинныя Великихъ государей три грамоты протопопъ Никита Васильевичъ, для всякаго береженія отъ пожару и отъ иныхъ всякихъ причинъ крестьянскихъ, взялъ къ Москвѣ и положилъ съ прежними жалованными великихъ государей грамотами въ церкви Благовѣщенія Пресвяты Богородицы, а крестьяномъ съ тѣхъ великихъ государей грамотъ, для вѣдома и всякаго стороннихъ людей спору, даны имъ въ тѣ городы списки, за его, протопопа Никиты Васильевича, рукою. И противъ тѣхъ великихъ государей грамотъ къ великимъ государемъ царемъ и великимъ князьямъ, Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, о тѣхъ рыбныхъ ловляхъ изъ городовъ къ Москвѣ въ помѣстный приказъ писали, изъ Володиміра, Дмитрей Наумовъ, изъ Переславля рязанскаго, Максимъ Селивановъ, изъ Касимова, Аѳонасей Яхонтовъ; а въ отпискахъ ихъ написано, что они, по тѣмъ великихъ государей грамотамъ, въ Володимірскомъ, въ Касимовскомъ и въ Рязанскомъ уѣздахъ рыбными ловлями, Рубецкою Ватагою отъ Добрынина Острова внизъ Окою рѣкою до Краснаго острова по Ибердовскую Ватагу, да по обѣ стороны Оки рѣки, съ озеры, и съ истоки, и съ заливы, и съ переливы, и съ малыми озерки, до ихъ великихъ государей указа, собора Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, что у великихъ государей на сѣняхъ, протопопу Никитѣ владѣть велѣли; и для того въ Володимірской, въ Рязанской и въ Касимовской уѣзды посылалъ онъ Дмитрей Володимірскія приказныя избы подъячаго Филипа Страшилова, и онъ, Филипъ, пріѣхавъ въ Володиміръ, подалъ ему доѣзжую за рукою память, а въ ней написано, что онъ о тѣхъ рыбныхъ ловляхъ въ вышеписанныхъ уѣздахъ для заказу ѣздилъ и по торжкамъ и по ярманкамъ великихъ государей указъ всякихъ чиновъ людямъ сказывалъ, чтобъ тѣми вышеписанными рыбными ловлями никто, кромѣ его протопопа Никиты, не владѣли и рыбы не ловили; а изъ Касимова Аѳанасій Яхонтовъ, по той великихъ государей грамотѣ, въ тѣ же вышеписанныя урочища посылалъ Касимовскаго площаднаго подъячаго Сеньку Ѳедорова и велѣлъ ему тотъ великихъ государей указъ всякихъ чиновъ людямъ сказать, и подъячій де съ тою великихъ государей грамотою въ тѣ урочища ѣздилъ и ихъ великихъ государей указъ сказывалъ и государскую грамоту вычиталъ и тѣми вышеписанными рыбными ловлями, по той государской грамотѣ, велѣлъ владѣть собора жъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія протопопу Никитѣ, какъ владѣли прежніе протопопы; а изъ Переславля рязанскаго, Максимъ Селивановъ, для отказу тѣхъ рыбныхъ ловелъ протопопу Никитѣ и стороннимъ людямъ о заказѣ, кого посылалъ, того въ отпискѣ его не написано.

Такову подлинную переписную книгу Благовѣщенскій ключарь Ѳеофилактъ у дьяка Стефана Ѳедорова принялъ и росписался.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Уже лѣтъ десять тому назадъ, въ числѣ другихъ рукописей Архива Оружейной Палаты, обратила на себя особенное вниманіе наше, своимъ капитальнымъ для руской Археологіи значеніемъ, опись, или Переписная книга, Московскаго Благовѣщенскаго Собора, XVII-го вѣка, рукопись въ листъ, за № 115-мъ, писанная четкою скорописью, на 218 листахъ, подписанная и скрѣпленная по листамъ дьякомъ Степаномъ Ѳедоровымъ. Но мы не могли тогда приступить къ ея изданію, между прочимъ потому, что среди текста оказался значительный пропускъ, а именно, не доставало цѣлой тетради, невложенной, какъ видно на мѣсто, еще при первоначальномъ переплетѣ рукописи и заключавшей, съ 162-го по 169-ый листъ, конецъ описанія втораго придѣла — церкви Собора Богородицы и начало описанія третьяго придѣла — Сорока мучениковъ, по изданному нами теперь тексту, отъ словъ: «на жертвенникѣ одежда бархательная, ветха и полиняла», до словъ: «на престолѣ же покровъ, средина бархатъ золотной веницейской» (см. страниц. 37, строка 44-я и страница 39, строка 4-я).

Въ недавнее время, случайно, изъ библіотеки Донскаго монастыря, обязательнымъ содѣйствіемъ архимандрита, отца Аркадія, намъ доставлены два новые списка той же описи, писанные одновременно съ рукописью Оружейной палаты и пополняющіе недостатокъ послѣдней. Списки эти такъже въ листъ. Одинъ, нѣсколько разбитый, безъ начала и конца, съ 34-го по 293 листъ, начинается словами: «травки золотныя, подложена киндякомъ вишневымъ»; кончается: «подложены зеиденью вишневою» (см. издан. стран. 47. строка 2-я); онъ скрѣпленъ по листамъ тѣмъ же дьякомъ Ѳедоровымъ; другой списокъ, безъ всякой скрѣпы и подписи, лучше сохранился, оканчивается словами: «Кадило мѣдное круглое». (см. издан. послѣдн. строка на 48 страницѣ).

Принявъ въ основу настоящаго изданія болѣе исправный текстъ подлинной Переписной книги Оружейной Палаты, мы пополнили недостающее въ немъ изъ двухъ списковъ Донскаго монастыря.

Георгій Филимоновъ.

Москва
20 Сентября 1873 года.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

Предсѣдатель.

Директоръ Московскаго Публичнаго Музея, Гофмейстеръ Василій Андреевичъ Дашковъ.

На Тверскомъ бульварѣ, въ собственномъ домѣ.

Секретарь.

Николай Саввичъ Тихонравовъ.

Въ Мертвомъ переулкѣ, въ домѣ Прибыткова.

Редакторъ.

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ.

Въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ придворномъ корпусѣ.

Казначей.

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ.

На Знаменкѣ, въ д. Московскаго Публичнаго Музея.

ОПР
II.041.В

2007097200